

КЫЩОКЪУЭ АЛИМ

ТХЫГЪЭХЭР
ТОМИХЫМ
ЩЫЗЭХУЭХЪЭСАУЭ

VI
ТОМ

РАССКАЗ, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСЭХЭР

ВИД С БЕЛОЙ ГОРЫ

НАЛШЫК
«ЭЛЬБРУС»
2007

УДК 821.352.3
ББК 84(2р-каба)
К 378

Редколлегие:

**Бицу А. М., Гьуг I. М., КхьуэIуфэ Хь. Хь.,
Тхьэгэзит Ю. М., ШоджэнцIыкIу Н. I.**

РАССКАЗ
ПОВЕСТЬ
ПЬЕСЭХЭР

КИАПСЭ КИАПЭ

Рассказ

Тхьэмахуэ псокIэ уэлбанэрилэу шытащ. Къуажэм псыдзэ кышцIэуа хуэдэу, дэнэки гъазэ, псы инар уэрамхэм дэзт, бжыххэри, жыгхэри, унэхэри, уафэ шхъуантIэ пшэ хужь Iэрамэхэри шызэрызехьэу кыишу. Губгъуэм кыкIыжхэм я вакъэр я блэгущIэм щIэлъу, я гъуэншэдж лъапэр лъэгуажьэм нэс дэгъэджэрэзэуэ кэкIуэжырт. ЩIыми кэкIыгъэми псыкIэ загъэнщIыжауэ я джабэр дыгъэм ирагъэут, бахъэр къашхэ-щыху. Къаз шыр бынхэр псы ятIэм, ямышцIэщыгъуэми, хэпэщэ-щыхьырт. Къуажэм лэжьэфыну дэсыр губгъуэм е фермэхэм шыIэти, уэрамым сабий зыщIэс цыхубз е лъыжь-фызыжь, щIалэ цыкIу фIэкIа шыплъагъуртэкъым. Зи уэнжакъ Iугъуэ кырихур зырызыххэт.

Пшапэр зэхэуат. Уафэм яжьафэ кытеуауэ, щиху лъагэхэм щIакIуэ фыщIэм ешху ныбжь ядзу, дыгъэр дохутейм кыищ фочыпэу пшэм кыыхэщт. Iэхуэри кыдыхьэжрэ жэмхэр хуэмыпIащIэу, шхьэж и куэбжэ бжэн лъакъуэ, жыхуаIэу, къафIэ-Iуэху шымыIэу, шэм шхуэлыр кыигъэчэным хуэдэу кэкIуэ-жырт. Дзэшу ди жэмыр кыддэгъэхьэжынщ, жиIэу куэбжэм деж шыту, машинэ гуэр вы джэмыдитI щIэщIауэ къальэфу ильэгъуа-ти игъэщIэгъуакъым, сыту жыпIэмэ, гъуэгур ятIэщ, легкой машинэ зекIуэну Iэмал иIэкъым, грузовик, трактор сыт хуэдэхэм фIэкIа. «Москвичым» щIэщIа витIри ерагъуэ кыкIуэрт. ВытIо-щыщIэр щIалэ цыкIуу витIыр зезыхуэм иIыгърэ выр чачэу къэзыльэфыр эзыра хуэдэу кьелэу. Дзэшу и къуэ закъуэ Валерэ къалэм шылажьэрт, иджылагъэ кышыкIуам и адэ-анэр кыи-гъэгугъат: кыурмэн хыдым деж фыкытпэплъэ, сабий цыкIухэ-ри ди гъусэу дыкъэкIуэжынщ, жиIэри. Дзэшу машинэ къальэ-фыр щилъагъум и къуэра игугъэри куэбжэм кыдэкIауэ уэра-мым дэтти вытIошчыщIэр зылыгъ щIалэм щIэнэкIащ:

– Мыр лIо, машинэм и напэр щхьэ тефхрэ?

– Апхуэдэу нэхъ къештэ, тхьэмадэ, машинэр зейм. Дадэм жиIар фIэмыIуэху зищIри щIалэм кыфIигъэкIакъым. Машинэм хэль абджхэр егъэжэхати абы зэгуэбэтыжауэ ис лIы тхуэплъы-шхуэм и щхьэр кыригъэжащ, зэрынэкIутIэр плъагъуу и щхьэ-фэкъур кызыщIэплъарэ пщIэнтIэпсыр къехуэхуэ:

– Сэлам уалейкум.

– Уалейкум сэлам. Мы машинэ слъагъум жыжьэ фынигъэ-сыну пIэрэ?

– Асфальтым есаш. Плъагъуркъэ? Фи уэрамыр и гум ирихъыркъым. КъэувыIэт, шIалэ! – машинэм ис лIы зэгубэ-тыжар ерагъуы къишпри зекIунтIриеу дадэм къыбгъэдыхъэри сэлалм кърихыу и Iэгуахъуэр къишиаш.

– Тхъэу дызей, сымышцIэ. Фынеблагъэ, мывыгу-мымашы-нэу нобэ фи деж фынэсыжын фи гугъэмэ фи гурыгъыр ижауэ къыщIэкIынщ.

– Дынеблэгъэнт, хъэщIэщ къуажэм дэтатэмэ.

Дзэшу адыгагъэкIэ къикIуэтынутэкъым.

– ХъэщIэщкъэ ди унэр, зиунагъуэрэ. ЛIыжь-фызыжъым си щхъэр ягъэузу дауэ сабгъэдэсын, жумыIэмэ, хъэщIагъэ уэ-тхынщ. ВитIри гуэщым шIегъашэ.

– ВитIыр Iуэхутэкъым, колхозым ейши, фермэм яхужми мэхъу. Машинэм шыщ къэмынэу кIэрылтъыр кIэрахыну пIэрэ, жызоIэри нэхъ сегъэгузавэ. ШIалэщIэ нащхъуэ цIыкIуу вытIо-щыщIэр зыIыгъыр зы еплъыкIэкIэ машинэр зейм еплъырти дадэм гу лIытащ абы и гум илгъым, щхъэр умыгъэузу ушрагъэ-благъэкIэ еблагъи сэри сыутIыпщыж, жиIэу арагъэнт. Дзэшу зызыгъэнэхъыжьу къуажэм дэсым ящыщт, и ныбжьыр здынэсар тэмэм дыдэу имыщIэми иджыри лъэрызехъэт, бэзэр сыгтхэр дэнэ къэна, нартыху къэп щхъэлым ешэфыр шыдыгум илгъу, жыг хадэ хъарзынэ иIэщи, езым фIэкIа зезыхъэ шыIэкъым. И унэгущэ Жэнгулэз жыпIонуши, абы ищIэн егъуэт, хадэхэкIым и ужь итщ, джэдкъаз зэрехуэ, жэм яIэщи гъэшыр зэгъзэхуэн хуейщ. ПIуми хабзэшхуэ яхэлгъу, адыгагъэм гугъу зыдрагъэхъ. Зы шIалэ Валер-экIэ еджэу яIэщи, шIэныгъэлIу къалэм дэщ, кафедрэм тету, хъарзынэу мэлажэ, зыхэтгым пщIэ къыхуашI, зэзэмызэ къуажэм къыдэльэджэмэ и адэ-анэр егъэгуфIэ, псом хуэмыдэу я бын цIыкIуищыр къашэжмэ, дадэр нэгъуэщI гуфIэгъуэ хуейкъым. ЛIыжь-фызыжъыр я шIалэм зэрыщыгугъи шыIэкъым, я щхъэ егъэпсэуж. Дзэшу пенсыфI тIэкIуи къыхуагъэфэщэуэ езыми цIыхуми къалыгътэ. Нэмэзыбзэ тIэкIуи ещIэри жумыхъэ сыт къэхъумэ макIуэ, къуажэ Советым тетым дежи шащэ шыIэщ, нэхъыжхъэр шызэхуашэс зэIушIэ къэхъумэ, арыншауи хъурэ – ветеранщ, зауэм хэтащ, уIэгъи мызэ-мытIэу хъуауэ шытащ, арщхъэкIэ емынэми хъумпIылтэми къызэмыла шыIэкъым. Шы фIыуэ илъагъурти, тоным шIащIэ шиплIыр зехъэ, жалэри ар и унафэу фронтым шыIащ, езым и дежкIи шым уабгъэдэтыныр нэхъыфIт, урысыбзэкIэ IэкIуэлъакуэу щыгтэкъыми. Мызэ-мытIэу топышэм, авиабомбэм шыр къыщэуIэ къэхъурт. Шы уIэгъэ хъуар мыхъужынымэ, псэхэлIэ имыгъэхъуу фIигъэжырт, къаукIыпам и фэри игъэкIуэдыртэкъым. Шыфэр трихти икъурт, игъэгъути нэмэзлыкъ цIыкIухэм хуэдиз хъуурэ ибзырти къе-лгъэIум яритырт. ШIыунэ ящIмэ щIы псыIэм темылыу упщIэ

хуэдэу яубгъуну. Езы комбатыр кыщелгъэу къэхьурт, дызы-тегъуальгъэ хъун гуэр уимыгъуэ пгъэрэ, жигъэу. Дзэшуи топышгъэ зэрыль ашыкым илгъу шыфгъэ гъэгъуар зэрихьэрт. Уеблэмэ, шыл гъэгъуа илгъэти окоп лгъэгум мафлгъэ шицгъэ лгъу илгъажгъэу хуежгъэ-мэ, илгъашлгъэ шыл зышхын зымыдар хъурейгъуэ окопом кьетлгъэ-сэкирт, дзэкъэгъуэ зырыз кыдымомыгъуэ пгъэрэ, жалгъу.

Арауэ кыщлгъэти Дзэшу псоми флгъуэ кыщлгъэагъур. Зауэм кыкыжри аргуэру лгъыгъуэу зэрышытауэ увыжащ. Зоотехник зыщыну емыджамы, лгъыш флгъуэ хищлгъэти. Ди жэмыр псэфрэ мыпсэфрэ кытхуэщлгъэ, жалгъу гъунэгъум я жэм закъуэр кыхуашгъэрэ ирагъэплгъэмэ, Дзэшу жэмыр и дзэжэр шиухым деж епгъэщырти жэмыр зейр илгъэгугъэрт: фымыкы, фи жэмыр псэфш, жигъэти. Е мыпсэфмэ и лгъухур шхьэхуэрт. Иджыри Дзэшу жы хъуэу тлгъысыжа пгъэти, лгъухуншгъуэ шысы-фыркыым, лгъэ дэхъеи гъуэ имыгъуэ мэлгъуэлгъуэри хадэм итш, зэм жыгъэ еухъуэншлгъэ, зэм кьетлгъыхъ е хушхъуэ ятреклгъэ, пхъэщхъэ-мышхъэм хъэплгъэ емыгъуэн шхъэклгъэ. Хушхъуэхэм бэлыхъу хешлгъэ...

Къуажэм хъэгъуэллгъыгъуэ кыдэхъуэмэ япэ ираджэр Дзэ-шуш, гуп егъэгупыф, жалгъэри. Езым и нэгум шлгъэа кьомыр, и фэм дэклар кьэплгъэжын шхъэклгъэ куэд ухуейш. Нобэ зи дуней тетыгъуэм я гугъу ящлгъэмэ, Дзэшу и къуэр и гум кымыгъэкыгъу хуэщыркыым. Фыз кыша кьудейгъуэ зауэм кыуэри къуэ закъуэм флгъэа бын имыгъуэту кьэнаш, а зыри мес шлгъэныгъэллгъэ. Абы хуэдэ лгъэджи шылгъэщ, итлгъэни Валерэ лгъы зэплгъэзэрыт кыхъэклгъэщ, и ныбжгъэгъухэм кьахэжэпхъыкыла кьудейкыым, кыпгъэрыуэм ятоклгъуэ, напэ илгъэщ, нэмыси хэлгъэщ, кымылгъэжа енцгъыркыым, уи дзыхъэ ебгъэзмэ укьегъэпэж – и адэм ешхъэ хъуаш. И адэр фронтым кыкыжра иужь, машлгъэрэ хэтэ и къуэр лгъыгъуэ ищыну – аршхъэклгъэ еджэни хыфлгъэдзэн идакыым, иджы дэдэр цогугъыкы и къуэр гъуэгу тэмэм тетши, абы хуэди нэгъуэщлгъэ и пылгъэ шлгъэгъым шлгъэмыту кьелгъыгъэ.

– Убэлзрыгъ хъунукыым, зыгуэр кыфлгъэуэнтлгъыкынын жыхуэ-плгъэм тлгъэпшынкыым, – жигъэри Дзэшу машинэ ялгъэ защлгъэ хъуар зэпиллгъыхъаш. Къуажэм машинэ зигъэр куэдш, хэкъутыкы Пами халхъэжын ягъуэтыркыым.

– Сыкъани хъунут. Пщэдей жыгъуэ лгъухушхуэм сыхэтын хуейш. Псыри кыиури лгъэмыжыр трихауэ жалгъэ. Ущыгъуазэ, тхъэмэдэ?

– Кызэриуар сощлгъэ, лгъэмыжыр телгъэрэ темылгъэрэ сщлгъэр-кыым. Тхъэуэ дызей, лгъэмыж темылгъыжмэ вым узэпрашыфын симыгугъэ. Псыр уэрш. Уи машинэр ирихъэжамэ шыщ умы-гъуэту зэпкыриудынш.

– Ари пэжу жыплгъэщ, – Къамбулэт лгъыжыым жигъэм еувэллгъэ шхъэклгъэ, лгъэмыжыр телгъыжрэ темылгъыжрэ, жигъэу гузавэртгъэ-

кыым. Зи гугу ящI лъэмыжыр нэмыщэ пленхэм ящIат, абы лъандэри Iэджэ дэклIащ, гъэ къэс псыр дапщэрэ къыуами къы-щыщIа щыIэккыым. Къамбулэт лъэмыжым и хыыбари зэхихатэ-кыым, ауэ хуиггъэфащэу жиIауэ арат, гузэвгъуэшхуэ хуэза хуэ-дэу заккыфIиггъэщIыну. Ар иггъащIэми и хабзэжыщ, «Iуэхушхуэ» жыхуиIэри мырат: и къуэ нэхъыжым епщIанэ классыр къыуха-щи, институтым щIумыггъэIысхэмэ, армэм ямышэну Iэмал иIэ-ккыым, и ныбжыыр нэсащ. Армэм яшэмэ, фIыцIэщи, занщIэу Афганистаным яггъэкIуэнуу, желэри и фызыр къеггъыху унэм щIэсщ, и лIыр чыным хуэдэу зэрехуэ, «ДэукIэ мыр зы щIыпIэ-кIэ», – желэри. Езы щIалэр емыджэн щхьэкIэ армэ дэнэ къэна, жыхьэнэмэм пхъэггъэсын яхуишэу Iутынуу, Афганистанри фIэ- Iуэхуккыым – хъэзырпсщI кIуэну, а лъэныкъуэмкIэ наркотик щыкуэду жалэри. Эксамен тIэкIухэр хуэтамэ зыгуэрт, схуэтаккыым жиIэуи гузавэрккыым, и адэ-анэм Iуфэр къажыхь щхьэкIэ. Къамбулэт нэгъуэщI Iэмали щымыггъуэтым, зыгуэрэм зыщIри- ггъашэри институтым я унэм щIамыггъэхэу ераггкIэ пщыхьэ- щхьэм псори къыщIэкIыжа иужь яфIыщIэпщхьэри, нэху щыху- кIэ пкIэунэм исаш. Пщэдджыжыым къехьжри зыыхуиггъэзэну имыггъуэт щIэныггъэлIым деж щIэуащ. КъыдIэпыккыэну зыщы- гуггыр хьарзынэу и кабинетым щIэст. Бгъэдыхьэри и стIолым «Москвичым» и IункIыбзэр трильхьащ: «Мыр, си къуэшыжь, уи машинэм и IункIыбзэу къыкIэрыхуауэ къэзгъуэтащ» жиIэри. АрщхьэкIэ дэнэ – модрейм идаккыым: «Сэ машинэ симыIэ уэлэ- хьы». «УимыIамэ, нобэ щыщIэдзауэ уиIэщ, мес, дэплъ щхьэ- ггъубжэм, подъездым деж къыIутщ», – жиIэри щхьэггъубжэмкIэ еIа щхьэкIэ, щIэныггъэлIым зиггъэхьеяккыым, чыджаным хуэдэу къызэкIуэкIри, IункIыбзэ къэзыгтым гуриггъэIуащ IульхьэкIэ а лIым узэрэхэмызггъэнур. «Зеггъэхь, си къуэш, зыгуэрэм сыкъе- мыджэ щIыкIэ, машинэ сыщыхуейм деж сэр-сэру къэсщэху- жынщ», – жиIэри. Къамбулэт дыхьэшх нэщIи зищIами, къыгуры- Iуащ и мурадыр къызэремыхуэлэнур. КъэкIуэжрэ и фызым жриIэжмэ, физ ябгэм пэцыр еггъэлыгъуэ, и лIыр дунейм треху «Iэмал зымыIэ щыIэккыым, къэзгъуэт» желэри. Абы нэхьей Къам- булэт пкIэунэм исыху жэщым и машинэм хэIба абджыр хахауэ нэху къекIати, лъэпсейуэ абдж къыщэхури хриггъэльхьэжаш. Ар къыщыщIынуи хэт игуггэнт, иггъащIэм зэсаращ: зыхуей илъэ- пккыыр зыгуэр якIэщIидзээрэ зэфIеггъэкI, ауэ мы зэм физ бза- джэм къыггъэгубжыар епIэщIэкIри «кIапэс кIапэ» мылгъыхуэу кафедрэм тетым зыхуиггъазэу машинэкIэ IумпIафIэ ищIын и гуггати, – къехьулаккыым. И физми тыншу ищIэрт, илI щхьэхуе- щIэ Iейр Iэмалымрэ хылэмрэ зэрыхуэлэзэр. «Хамэм яхуэпщIэр уи къуэ уэ къэплгъуам щхьэ хуумыщIэфрэ», – жиIэу бзуапIэ къритыртэккыым. Абы ар щIыжиIэри мырат: иггъуэтыр ишхрэ, ишхыр имышшыныжу щIалэжь удэфа гуэрэм къалэм къэкIуауэ

хьэщIщым хьыджэбздахэ дьдэщыщ ильагьум, и ныбжьэгъу гуэри гьусэ ищIри, еуэщ-еIэри, хьыджэбзыр кьыгъапцIэри жэщым ирихьэжъащ. Пхъэр сыт кIэлъежъами – хьыджэбзыр бзэхаш. Цыхубзым и адэр инэралт, хьыбарыр шызэхихым, кьалэ жьжъэ дэсами икIэщIыпIэкIэ кьэсащ, милицэри зэщIиIэтэхэри зьдэ-мыкIуа кьагъэнакьым. Махуэ зыбжанэ дэкIри езы хьыджэбзыр зэхэIуэтауэ, хьэлэчу зэхэуфIыщIэжауэ кьыкьуэжIыжаш лей зэры-рахар белджылыуэ. «Мыр мыпхуэдэу зыщIам и фэр IэбжьанэкIэ тезмыхауэ, псы сефэу дунейм сытетынкьым» жиIэри и адэр и ужь ихъащ, лей зезыхъари кьагъуэтри судым ирата шхьэкIэ, щIалэм хьыв хьэ ебэнауэ кьыщыхъуакьым. И Iуэхур Къамбулэт кьрихьэлIати, модрейр икIэщIыпIэкIэ Iуэхум и ужь ихъэри зыри кьыкIакьым. Iульхэмрэ лъэкIыныгъэмрэ щIакIуэкIапэ цызэды-теувэм, лъэкIыныгъэ зиIэр икIуэтын хуей хъуащ. Инэралым зыри хузэфIэмыкIыу и пхъум и Iэпэр иубыдри – сыкьэфлэзгъуа-кьым, фыслъэгъужакьым, я щхъэр фIэлэлу кьыздикIам ягъэзэ-жат. ТекIуар ахьшэ кьудейракьым, Къамбулэт хэлъ хылагъэ-шхуэрат. Иджыри хылагъэ зэрихьэт, дадэм гу кьылытэу.

– Неблагъэ, пщэдей пщIондэ зыпIэжъэм, дунейми зиубзы-хункIи мэхуэ, тIэкIу щIэгъушыхьмэ уежъэжынщ.

– Арауэ пIэрэ нэхьыфIыр? Дыщумыгъауэт, уэ.

– Ущызгъауэ си гугъэкьым. Кьыдегъэлафэ уи машинэри, мо гуэщымкIэ ирегъэлъэфэкI. Машинэр зейр бжьыпэр зыIыгъ щIалэщIэм дежкIэ плъащ:

– ИIэт, си кьуэщ. Куэбжэм жьэхьумыгъауэу пщIантIэмкIэ нэIуантIэ. ВитIыр хужи кIуэж. Пщэдей укъэмыгъуэ. Уи трудоден хэкIуэдэнкьым, умышынэ. Си хэщIапIэр уоцIэ.

ВитIыр щIигъэхуу щIалэр дэкIыжа иужь:

– Мы зымкIэ дызэгурьгъауэ, тхьэмадэ.

– СыткIэ?

– Сэ хьэщIагъэ кьызэфхьу фымыпIейтей. Лыжь-фызы-жьыр гугъу фезгъэхьыну сыхуейххэкьым. УнэмкIи сынэкIуэну-кьым. Гъэмахуэщ, хуабэщ. ГуэщымкIэ сыщIэлъыни мэхъу. Си багажником тепIэнщIэлъыни илыщи, сызыхуей шыIэкьым.

– Тхьэуэ дызей, ар мыхъун. ЕмыкIукъэ. Гъунэгъуми сыт жаIэн! Неблагъэ унэмкIэ, дызэбгъэдэсынщ. Гъуэлъыжыгъуэ хъуакьым иджыри. Гуэщым ущIэлъыну нэхъ кьапштэмэ, абы уи пIэр шыпхуащIыжынщ.

– Дызэбгъэдэгъэс. Ар содэ. ДызэрыщIыхунщ. Хэт ищIэрэ – фочышэм, хуэмызэм, кьыгъэзэжынущ, жаIэ, сэри кьэзгъэзэжы-нумэ пщIэрэ, Iейуэ Iуэху блэкI сиIэ пэтми. Аращ зыщIислээфы-хьыр.

– Тхьэуэ дызей, ныщхьэбэ уздэкIуэжын щымыIэ. Хьэлывэр ящIыху щысри, ягъэжэху щысыжакьым жыхуаIэу, иджы дэнэ укIуэжын?

Ти, Къамбулэт унэмкIэ щIыхъащ, и машинэм и бжэр игъэбы-

дэри. Жэщым хьэщІэр гуэщым щІэльти, дадэр нэху щыху жейм езэгъакъым. Зэзэмызи хьэр банэмэ, къыщІэкІыгурэ хьэщІэр зы-тегузэвыхь машинэр здэщытам щыту ильбагъумэ, кІуэти гъуэ-лбыжырт. Ауэрэ джэд щэ Іуауэ къыщІэкІынт, Дзэшу жейм щыхильэфам. Пцэдджыжкымы жбы дыдэу къэтэдждри фызы-жбым жэмыр къишаш. Шэ пэгуныр игъэууу лІыжбыр къэзгъэ-тэджынщи жэмыр Іэхуэм дезгъэхунщ шыжиІэм, я гъунэгъу фызыр къэкІуаш. ФызитІыр зэпсэлъаш, къурмэныр къэсаш, къурмэныпхъэ тщІын мэл дызэгуэвгъэхьы къэдвгъэщэху, жаІэу. ТІуми я ахьшэр къомэщІэкІри щІыхуэ къаштэнур зыхуэдизым-кІи зегурыІуаш. Ауэрэ Дзэшуи къэушри жэмыр Іэхуэм дихуаш, хьэщІэм хуаукІыну джэдыр фІимыгъэжу. Фызыжбыр пщэфІэну щыхуежэм, нэхъапэ щІыкІэ джэдыр фІэзыгъэжын къэзгъэу-тынщ, жиІэри дэкІати, къэгуаш. Къыгъэзжэр плгэмэ, маши-нэжэ цІыкІур здэщытам щытыжкъым, дадэри къыдыхьэжмэ – япэ зыщІэупщІэраш:

– ХьэщІэр дэнэ кІуа? И машинэр слъагъуркымы.

– ГуашэцІыкІу и шейтІану кІуэдыжам, алыхь.

– Іуэху блэкІ сиІэщ жиІащи арагъэнщ. – Дадэм абы къы-фІигъэкІлакым. АрщхьэкІэ гурыщхъуэ гуэри ищІат. Иджыбла-гъэ ахьшэ гъэтІылыа зиІэ гуэрим деж щІалитІ я щхьэм лъэпэд фІэкъуауэ къакІуэри «уфІыдогъэж» жаІэурэ и ахьшэ тІэкІур къытрахри ежъэжаш. Абы хуэдэхэр зэдыгъуэнур нэхъапэ щІыкІэ зрагъашцэ, тІасхьэщІэх яІэщи, ауэ мыбы апхуэдафи теткъым. ИтІани, быдэ и анэ гъыркъым, уи щхьэ ухуэсакъыжмэ, нэ-хьыфІщ.

– Уа, ар хэтми уеупщІагъэххи? – жиІэри фызыжъри щІэ-упщІаш, дадэм и гум къэкІа дыдэр и гум къэкІауэ. – ЕкІэ уи ужь къыхьами пщІэрэ?

– Машинэм исщ. Зи ныбэ изхэм ящыщу бгъушцІэт зиІэ гуэру фэ есплъаш. И унэцІэ уимыгъэщІэнымэ, уеупщІкІэ, къыбжиІэн уи гугъэ. Паспортым сегъэплъ, жыпІэнущи, емыкІуш. ЗыщІри-гъэхынкІи мэху.

– Шэмэдин и анэр къэкІуат, дызэгуэвгъэхьы къурмэныпхъэ къэдвгъэщэху жиІэри.

– НтІэ фызэгурыІуа?

– ТІуми диІэр зэхэплъхьэм къыщІэкІыркъым, ахьшэ щІыхуэ къэштэн хуейщ. Валерэ деж укІуэмэ къуитынт, тхьэ, уигъэщцІэ-хьунтэкъым.

– Дапщэ чэмыр?

– Сэ сщІэ мыгъуэрэ. Зы мэлъфІ сыт и уасэ?

– Къызэрыпщэхум елыгыташ; и фэр телъу къэпщэхурэ – зы уасэщ, и фэр темылърэ... – И лІым и псалъэр фызым зэпиудаш:

– Ан-на, а мэлым фэ темылъу ящэрэ? Сыт жыпІэр? Фэ темылъу къурмэныпхъэт сымылыагъужар. – Дзэшу дыхьэшхаш:

– ИтГанэ мэл къэдыгъуа къэцэхун хуейщ. Мэл къэдыгъуар къурмэн пщы хууххэнукъым.

– Фэ темьлэмэ хъуну?

– Ари хъунукъым. Мэлыр псэууэ и фэ тепх хьурэ? Дауи къабыл хъун?

– Аракъэ сэри жысГэр.

– Мэлыфэр темьлгу ящэу, алыхь, сымьлэгъуа, жаГэуи зэхэмыха, абы хуэдэ хабзэ иджы къамыубламэ.

– Ящэ. Мэлыхъуэм деж укГуэрэ къэпщэхумэ къуищэнукъым арыншэу. Мэлым и фэм езыр хуейщи къэпщэхунщ, и фэр тепхынщи, лыр уеуейщ. Къурмэныл щы, сытуи щы. Езым фэр къыхуонэ, ревизэ къаГуэмэ: мы мэлыр хьэм къаулати псэхэлГэ сымыгъяхъуу фГэзгъэжыжащ, фи фГэщ мыхъумэ – мис и фэр, жиГэрэ яригъэлыгъумэ, езыр хейуэ хокГ.

– Тобэ ярэби, абы хылагагъэу зрахъэм еплъ. Имани дини яГэжкъым цыхухэм. Мэлым фэ темьлгу дауэ дьуэ зэры-тепщГэнур? Дьуэ тепщГэу къэпщэхуну? Догуэ, езы мэлыхъуэм нэмзыбзэу псалгэ закъуэ ищГэу пГэрэ, дьуэ трищГэрэ къуп-щхьэм хуэдэу?

– Тхъэуэ дызей, имьщГэ. ИщГэу щытатэмэ, а игъуэджэ ищГэр ищГэрэт. Дэни щищГэн – зи унэ чытап илгу къагъуэтар, «умолэш», жаГэу Сэлэвки ягъэкГуау щытакъэ. ПщГэжрэ, япэ дьидэ колхозым тета Пщыкъан? Райкомым и секретарым уэрамым щыхуэзэм «сэлам алейкум» жиГати къехъуэнауэ щытащ. «Уи адэри сэлам алейкум, уи анэри сэлам алейкум, лГо сэ «сэлам алейкумГэ укъыщГызэщыр» жиГэри. Абы фГэкГ хэмьлгу лГыр ирагъэсыкГаш. Хьэрып псалгэ уи жьэм къыжъэдэКГамэ, ней-нейуэ къоплгу щытащ. Адыгъбзэм хьэрып псалгэ мащГэ хэт. «Къафэ» жаГэмэ, «зэхуэкГуэ» жиГэу къокГыр, «Умышъулейри» – хьурейуэ къомыкГухь жыпГэу аращ – хьэрыпыбзэкГэ «хъэуэлэр» хьурейуэ къэкГухьын жиГэу аращ. «Жыпри» къызытекГыр хьэрып псалгэу «джып» жыхуйГэращ. «Сэлам алейкумыр» – «уи дуней мамыру шрет, уутынш» жыхуйГэщ. Сэлам къуахы-жыр «Уи дунейри иремамыр» жаГэри, абы щхьэкГэ мыр Сэлэвки ебгашэ хъун?

– ЗигъГэгтащхьэ пэтми а секретарь зи гугъу пщГар жэхьил дьидэу жэхьилщи аращ. ПщГэуэ щытамэ, жыпГэнт. Бзэ пщГэмэ, къэрал уощГэ, жызыГам, алыхь, имьщГэу жимьла. Ауэрэ, махуэ дэКГа е махуитГ дэКГа, дунейм зиукъэбзыжауэ, пщыхьэшхьэ хуегъээзэКГи хъуауэ, Дзэшу и пщГантГэм «Москвичьжъ» цыкГу зэ къэкГуэгъар, арай, арымырай къыдэлъэдащ. ГуэщымКГэ ириГуэнтГэкГыу къыщыувьГэм, хьэщГэ кГуэсэжауэ щытар къыкГри, нэжгужэу, игъащГэм зэрыщыхуу е зэблагъэу зэры-гъуэтыжа хуэдэ, унэм къыщГэкГам къыщыгуфГыкГыу сэлам кърех:

– Сэлам алейкум, тхьэмадэ.

– Уалейкум сэлам, мыр хэт жызмы!аи!

– Сэраш. Дзэшу. Сэраш, кыысклэлъыджэу кээзгэнаш, жысклэри узгэфлэжыну сыккэклуаш, зы махуэ хабзэншаггэ тлэклэ слэщлэштыхыами кыысхуэвггэггэу. Нэхъыбэу сызэккэуэн-шэклар уи унэгущэраш. Джэд кэиубыдыну щыхуежэм, тхьэ-мышкклэ, джелат. Сэри зггэуеклэнтэнкыым, жысклэри сымылгэаггэу-фэ зытезггэуаш. Сыт хуэдэ Жангулэз?

– Нэщлэ пшыныж илэщи гуггэу зреггэхь.

– Лэу, тхьэм кыабыл ищлэ. Мустыымэн дыдэш Жангулэз, нтлэ хьарзынэккэ, диныр илгыщ. Алыхьыр и флэщ мэхьу. Кьурмэ-ныпхьэ щхьэккэ гузавэу зы махуэ сыккыщыккэуам зэхэсхати, зы мэл кыыхуэсшащ.

– Мэл жып!а? Тхьэуэ дызей, бггэунамэ-тлэ. Езым тлэми ахьшэ зэхуэхьэса ялэщ, хьарзынэу кыыщлэккэмэ. Мылгэп!эу плэрэ?

– Лгэп!эмэ пудми фымыгузавэ. И уасэр сэ естащ. Гуэщым щлэдубыдэ хьун? – Кьамбулэт багажникир кэилэтмэ, клэпэ зыпыт мэл флэщлэшхуэ и клэвей кыыклэрлыггэуам хэлгэу зэщлэ-ккэзызэу илгыщ. Мэлыр кыызэщлэиубыдэри, гуэщым ихьри щлэ-уылгыпщхьаш, дадэм жиленым пэмышлггэу. Жангулэз мэл кыыхуашауэ щызэхихым япэу и гум ккэлар: «Гулэггэуэжыыр си махуэщ, фэр темылгэу кьашауэ плэрэ?», – жи!эу, арат, мэл уасэ зэримы!эр ищлэжырти, я ггунэггэу фызым дежккэ занщлэу иунэ-тлэщ, зэхыхьэу кьашэхуну, арщхьэккэ дадэм кыиггэувылгаш:

– Дэнэ иджы уздэжэр? Ахьшэхьэ?

– Нтлэ, сэ сйлэм кыыщлэккэ мыггэуэрэ! Мэлыр иггэащлэми нэхь лгэп!э мэхьу, кьурмэныр ккэсмэ...

– Лгэп!эмэ пудми мэлккэ узыхуейр. Абы и уасэм щхьэккэ умыгузавэ. Мэлыр ууейщ. Тхьэм кыабыл ищлэ уи кьурмэныр. Нэщлэ уисми, уи нэщлэри кыабыл ухьу.

– Ан-на-а, ар дауэ? – дадэм дежккэ еплгэклэщ, зыри жумы!эу щхьэ ущыг, жыхуи!эу.

– Наккэуэ, си щлэлэ. Уэ пхуэдэ хьэщлэ куэд щлэуэ кыытхуэ-ккэуэжа нышыр и гупккэм ису? – жи!эри Дзэшу унэмккэ щилуан-тлэм, зыхуихыныр имыщлэу хьэщлэм аргуэру и плэм зриггэна-щи, и машинэм кыыбггэдэккэырккыым.

Кьамбулэт зиггэфэрыщлэу араккыым:

– Кыысхуэггэггэу, тхьэмадэ, семыжкэжыну лэмал илэккыым. Ггэуэггэу сытетщ, Гуэху блэккэи силэщ, хуабжгэу соплащлэ. Мэуэ нэхь лэдэхьейггэуэ сызэрихуэу абы флэклэ Гуэху симы!эу сыккэ-ккэуэнщи, дызэбггэдэсынщ, нэхь дызэрыщлэхунщ. Уа, ди анэ, мэт мы тлэклэри, хьид махуэм щыхубзым заггэщлэрашлэ, цы лэлгэщлэ кыыпхуэсшащи, кхьылэ, зумыггэуэджэу уи ккэуэм ккэуита хуэдэу зэхьэ. Уэлэхьы, си гуапэ пщлэнтэмэ.

– Ан-на-а, лэлгэщлэ дахэккэйр мэлым и щылэужккэ, дауэ кыы-плысхьы. Мэ, мыращ сйлэри, мащлэми куэдми, алыхь, слыпхьыммэ.

Жангулэз и ІэмышІэм илҕа ахышэ зэкІуэцІыупІышкІуар кыишиящ, арщхэкІэ хыэщІэм ари Іихын щимыдэм, и псалҕэм кыпишащ:

– Махсымэ хьарзыни сиІэщ, зи гьащІэр кІыхь хьун, – Жангулэз и нэр цы ІэльэщІым фІепІьырт лъэмыкІыу.

– Уи кьуэм кьуита хуэдэу жыбоІэ, тхьэуэ дызей, зи гугьы пщы ди кьуэм абы хуэдэ гукьэкІ имышІыхха. Кьурмэным кьрихьэлэу кьэкІуэжыну жиІати, тІагьуркьым. Ар кьэмыкІуэжми уэри, тхьэуэ дызей, ди щІалэм ухуэдэщ, ди жагьуэ хьунщ, тІэкІу ушымысу уежэжмэ.

Жангулэз и нитІыр ІэльэщІым тенащ:

– Тхьэ, пэжмэ. Сыту ІэльэщІ дахэ дыдэ, цыуэ хэлҕым хуэдиз насып тхьэм кьуит, бын уиІэу кьышІэкІынщ, уи бынри тхьэм гьуэгу тэмэм трищ, насып защІэ ищІ. Мы ІэльэщІыр стелъу хьэблэм сыкьальагьумэ, щІалэ сыхьужа кьафІэшІынщ, дэнэкІэ ушыІэми уи Іуэху тхьэм иуэщІ, уи мурадри тхьэм кьуигьэхьулэ, – жиІэурэ иджыри Жангулэз куэдрэ хьуэхьуэну кьышІэкІынщ, ІэльэщІыр зытрипхьуэу хьэблэм яхьхьэну и гум кьышыкІым кІэщІ зищІащ. Дзэшуи и фызыр игьэпІэщІащ:

– Куэдщ, кІуэи уи Іуэху и ужь ихьэ, – жиІэри. Езыр хьэщІэм еуэршэрылэу «Москвичым» кьыбгьэдэнащ. Машинэ цыкІур цІыу дэжыжа иужь, унэм кьышІыхьэжащ. Фызыкьым унэр зэльыІуихыу щІэтт ІэльэщІ дахэр зытрипхьуауэ, хьид махуэшхуэм зыхуигьэхьэзырырт, кьурмэныпхьэри иІэщи, и гур фІы кьэхьужащ. ИтІани и гур Іэджэм мажэ:

– Си фІэщ хьуркьым а лы слъэгьуар бэлыхь гуэр хэмыту. – Жангулэз псэкІэ зыхищІат мыбы зыгуэр зэрышчыІэр. – Мэлри ІэльэщІышхуэри хуэтщІаи сыти шымыІэу... ущІэупщІагьэххи, «мыр кьызыхэкІар сыт!» – жыпІэу.

Дадэм зыгуэрэм гу лытат:

– Дауэ семьяупщІу, семьяупщІами сэри Іуэху блэкІ жыхуиІам гу лыстащ. Дэни кьышищІа кьурмэныпхьэ узэрыхуейр. Япэм кьышыкІуам жепакьэ, си щІалэм еджапІэ нэхьыщхьэм щрегдаджэ, – жыпІэри? НтІэ и кьуэр институтым щІигьэтІысхьэну и ужь итщ. КьыбгурыІуа?

– Экзамен хуэмытынкІэ тогузэвыхь...

– Хэт и экзамен. Иджы институтым экзаменкІэ уи гугьэ зэрыщІэтІысхьэр. Уи гугьы уэ. НэхьыфІу зыщІэр щІэтІысхьэмэ, абы кьышижыхьын щыІэт.

– НтІэ, дауэ?

– Зи гуфІакІэр хуабэм и быныращ щІэтІысхьэр.

– Алыхь кьызгурыІуамэ итІанэ.

– Уэ зыхуэбгьэфащэр сыту пІэрэ? – Дзэшу и гум кьэкІамрэ и фызым гурышхьуэ зыхуищІымрэ зэтэхуэрэ зэтемыхуэрэ епІыну и гум илҕыр ибзыщІт.

– Ди щІалэр кьышыкІуэжам жиІати, «экзамен кьеІызыхыну

комиссэм сыхагъэхъаш», – жиІэри. ПщІэжрэ? НтІэ и гуфІакІэ мыгъуэр мыхуэбашэмэ, дыхигъэлІыфІыхыну араш.

– Дэра хэлІыфІыхынур?

– Дэраш, тхъэ. Пщэдей мэлыр зэрыбукІыу къурмэныл пхыннши, Валерэ деж укІуэннши, жэщ укыыхэсыннши, ди щІалэм Іэмал имыІэу Къамбулэт и къуэм и нэлэ къытетыну быдэу и тхъэІумэ плуэнтІэннши. «Быдзышэ узэзгъэфар уи хьэрэмш, укыыдэмыІэпыкъумэ», – жиІэри уи анэм къыбжиІэжаш, жы-плэннши ари схужепІэжыннши. Абы хуэдэлІ бгъэщІэхъу хьурэ. Хабзэ хэлъщ, нэмыс иІэш...

Ти, етІуанэрей махуэм мэлым дыгуэ тращІэри, якуІаш, лым щыщу и къуэм хуагъэфашцэр, тхьурьжъ, хьэлыуэ сумкІэм иІыу, махъсымэ шэтвэри абы я гъусэу къыщтэри Дзэшу къалэм кІуаш. Си физыжыкыр сэ нэхърэ нэхъ Іушу къыщІэкІа хьэмэ, сыщымы-уэу плэрэ, жиІэу автобусым здисым гупсысэрт. И къуэрылтыху цыкІухэр зым нэхърэ зыр нэхъ цыкІужу шы хьурти, бжэ-щхьэІум зэрэбакъуэу дадэм къышыгуфІыкІаш, хьэлыуэ яхуихьар яхуигуэшати, зэрызехьэт, дадэм и гуапэ ящІу. Валерэ къыщыкІуэж и хабзэр шэджагъуэнэужырати, и палъэр къэсри къыщІыхъжаш.

– Къурмэныл тІэкІу къыфхуэсхъаш, – жиІэри дадэм къыщІэ-кІуа дыдэр занщІэу хэлъщыІыу ищІын дзыхь ищІакъым. Ди анэм ищІа махъсымэ куэд щІауэ хэт ефэжа, жиІэу Валери и адэм щыгуфІыкІаш, къурмэнылыр ящцэфІу, Іэнэ къашта иужь.

– Сыт хьыбар къуажэмкІэ?

– Хьерщ. Пщэдей къурмэннши къакІуэмэ, жытІэу дыкъэ-плъаш, цыкІухэри я анэшхуэм куэд щІауэ илътэгъуатэкъым. УащыужынкІэ мэхъу. Фэ дауэ фыщыг?

ЩІалэм тІэкІу зрелъэфыхь, къызэрыщІидзэнур имыщІэу, мэпапщэ, зепІытІ-зехуз. Дэри? УкыытщІэмыупщІэ. Бжъэцу дызэрызохьэ. Къалэ зауэ жаІэу зэуэкІэ гуэр зы зэман шыІаш. Къалэ зауэм дыхэткІэ соІуэ. Дыкъаухьуреихъауэ егъэзыпІэм дыдахуаш. Мэл хьушэм хуэдэу. Лъэбакъуэ тчы хьуркъым.

– Хэту плэрэ фызезыхуэр? – Къурмэныл кыихьар къекІуу пщцэфІауэ стІолым къытралъхьати, и мэ ІэфІым уи гурІупсыр къыгъажэрт. Дзэшу Іэбэри блатхьэр и тепщэчым ирилъхьа щхьэкІэ, и къуэм жиІэм едаІуэрти, шхэн къиублакъым. Пщэ-фІапІэмкІэ цыкІухэм я макъ къыщІолукыр, нысэри абыкІэ шыІэш.

– А уэ пщІэраш.

– Тхъэуэ дызей, сэ абы хуэдэу зэхэзехуэн самыщІ.

– Уэ сыт щхьэкІэ уащІын? Зи бын зыщІыпІэкІэ дзыгІэну и ужь итыр къэувыІэнукъым. КІапсэ кІапэ мэлъыхъуэ. КІапсэ кІапэкІэ зэджэр пщІэрэ?

– Пхъэшшыку?!

Щалэр дыхьэшхаш, Іэбэри лы Іыхьэ и тепщэчым ирилъхьа нэужь, и адэм фадэбжэ хуригъэхуаш.

– Пхьэшыку жыхуаІэракъэ сымышцІэххэр.

– КІапсэ кІапэр пхьэшыкуш. Уэ губгъуэм ущылэжъакъым, пэжу. УмышцІэнкІи мэхъу. Дэ колхозым дыхыхьа иужьщ уэ укышчалъхуар. УмышцІэми, емыкІу уиІэкъым.

– Дэ кІапсэ кІапэ жытІэмэ, кьидгъэкІыр нэгъуэщІц.

– КъыджепІэмэ, дэри тшІэнщ.

– Мы зыр едзых нэхъапэ щІыкІэ, – жиІэри щІалэм и бжьэр кьіІэташ и адэр игъэхъуэхуэну. Дзэшу хъуэхъуэкІэ имыщІэмэ, хэт ищІэн? КъызэрыщІидзэ и хабзэри мырат: «Я дэ ди тхьэ, Тхьэгэлэдж, телъыджэр зи Іэужь, едгъажьэ Іуэхур тхуэубагъуэ, вагъуэм хуэдэу ди Іэщыр...» Дадэр тІэкІу ефэрэ къызэрыкІмэ, кІыхъу кьригъэкІуэкІырт, ауэ ныщхьэбэ гукъыдэж щІагъуэ иІэкъым. И гур зыгуэр щхьэкІэ гузавэрт, щІэгъузавэр имыщІэу.

– НтІэ, ди нысэ цІыкІуу кьытхуэгузавэр, мэл хуэдэу Іушашцэу, щынэм хуэдэу Іушабэу, джэд хуэдэу быныфІэу, хьэфІ хуэдэу Іумахуэу, шыфІым хуэдэу цІэрыІуэу, къуалэбуубзэу, убзэрэбзэжу... – Абы хуэдэ защІэу Дзэшу кІыхъу иригъэкІуэ-кІынут, арщхьэкІэ щІалэр дыхьэшхаш:

– Куэдщ, согъэщІа кьомыр зэхихмэ, дызригъэпсэлъэжмэ узэхъуэхъум, – жиІэри.

Дзэшу и пашцІитІыр ирикъуэкІри фадэр зэримыжагъуэр уигъашцІэу зэ Іубыгъуэу ефаш. ЩІалэм кьіІэтщ и бжьэри игъэувыжаш, псалъэм къыпищэнэ:

– Хъуэхъу жыпІар тхьэм къабыл ищІ. СедаІуэ пэтми зызмыгъэнщІу адыгэ хъуэхъур сфІэдахэщ. Псалъэу хэлъыр дыгъэлу, купшІэшхуэ хэлъу, цІыхум я гур зэхуэфІмэ я насыпу, псэкІэ зэрыІыгъыу ди лъапсэр быдащэрэт жиІэу цІыхур зыхушцІэкъуу щыгтар тыншу кьыбгурегъаІуэ. Ефэр нобэ ІэджэкІэ нэхьыбэщ, итІани уи хъуэхъум хэт псалъэхэм ещхъу зы къагупсысыну-къым.

– КІапсэ кІапэр-щэ? СымышцІэу къагупсысакъэ? Зыгуэрым «увредителщ», сызумыгъэлъэІу, зыІуегъэх, жиІэри къуажэ Советым телыр кьыхуильати, кьэкІуэжщ я унэми и фызыр игъэ-гугфІэн и гугъэу: уэлэхьы, ди Іуэхур фІыгуэ дыкъыщІидзъжамэ, тхьэм и шыкуркІэ – увредителщ, жиІэри ди Іэтащхьэр кьы-зэщаш, жиІэу жьэгу пашцхьэм дэсу игъэхъыбарырт, жи, «вредитель» жыхуаІэр имыщІэу. Абы ещхъу сыкІуэжын, уи анэр тхьэлъэІукІэ умыбэлэрыгъ, жысІэу. Пэжыр жысІэнщи, сэри къызгурьІуащэркъым абы кьикІыр. Вредитель жиІэу кьымы-кІыу пІэрэ?

– Уэлэхьы, хуэбгъэза си гугъэмэ, ди адэ? – жиІэри и къуэр дыхьэшхаш. – А тІур щІагъуэкІэ зэщхьэщыкІыу си гугъэкъым. КІапсэ кІапэр зищІысыр бжесІэнщ: Іулъхьэ птыномэ, Іуэхутхьэ-бзэкІэ узэлъэІум занщІэу епт хъунукъым. Си напэр трихыну

си ужь кьихьат жиЕу уи пщампIер яригьэубыдынкIэ хьунуш, дзыхь кьыпхуимыщIмэ. Ахэр гупыфI зэрогьэхьу, я щхьэр зэры-шэми льябжьэкIэ зэрыIыгьыу. Iульхьэр кьельзыхьыр зыщи, кьэгьуэт хэтми. Абы зэреджэр кIапсэ кIапэш, араш и кьыщIэ-дзапIэр. Езыхэр зэрошIэ, зэдгьуэшэжри кьэбгьуэта уи Iуэхур зыхуэзапхьэм хуэзэнуш.

– Колхозым хуэдэщ: я Iыхьэ зэхэльщи, единоличныкыр щыIэжкьым.

– Тэмэм. Зыгуэр дэбукIэну ухуйэмэ, зым абы и документхэр пIех, адрейм документыр зэтыпхьэм ирет, ещанэм экзамен зритын хуейм хуегьазэ, еплIанэр... Iэджээрэ зэкIэрыIуаш. Дэ-тхэнэм ептын?..

– Тхьэуэ дьзей, гьэщIэгьуэнынр жыпIам. Сэ кIапсэ кIапэр пхьэшыкур армырауэ пIэрэ жысIэт.

Дадэм и гур зыщыпIэкIэ жауэ ерыскьы зыбгьэдэсыр фIэ-мыIэфIыж хьуащи, шхэнри щегьэт. Кьурмэнынл тIэкIу кьихьар и нысэм фIы дьдэу кьыгьэхьэзыра щхьэкIэ, хьысэпылым нэхьрэ нэхь Iейуэ и гур щокI. Мэлыр кьэзыша лIы нэкIутIэр нэгум щIэт хуэдэш. А лIым щхьэкIэ и кьуэм ельэуну кьэкIуа щхьэкIэ, кьыщIэкIуам и щхьэ тричу хужыIэжынукукьым. Ныбгьуэ хьэшым сэр-сэру сипщхьакьэ иджы, жиЕу и щхьэм мыгьуагьэ хуехьыж. Фызыжкьым теплхьэнущи, аракьэ япэ гурьщхьуэ зыщIар, а кьэкIуар хэтми пщIэрэ жиЕу. Щыуамэ, щыуар езыращи, зэри-гьээзхуэжын хуейщ и кьуэри гьузэвэгьуэ химыдзэу.

– ЛIо, ди адэ, сыту укьэнэшхьея? Уешагьэнщ. Ара? Сыгьуэ-лбьжынщ, жыпIэми уи пIэр хьэзырщ.

– Хьэуэ. Дауэ сешын. Автобусым сису хьарзэнэу сыкьэ-кIуаш. Километр тIошIыр гьуэгу сытми. Зауэм щыгьуэ топым шиплI щIэщIауэ ди занщIэр ди гьуэгуу махуэ IэджэкIэ гьуэгу дьтетами, тфIэIуэхуу щытакьым... Ар фронтыраш. ИкIи ди щIалэгьуэт.

Лей жызмыIащэрэт, жиЕу Валерэ и псалъэм кIэшI зригьэ-щIу кьыпидзыжащ: – Ноби тхьэм и шыкуркIэ улейкьым. Тхьэм ди япэ куэдрэ уригьэт.

Заддзэкьуэм фадэбжьэр кьалэташ.

Дзэшу фадэри фIэIэфIыжтэкьым. И кьуэм щхьэкIэ жаIэу зэхихар дадэм и гум кьэкIыжат. Студент хуэмыху гуэр Валерэ деж кьэкIуат, жи, экзамен итыну. Валери и закьуэу, кабинетым щIэсу кьыщIыхьати, и жыпым ита коньяк птулькитI стIоным хутрегьуэвэ вагьуитху ятету, арщхьэкIэ Валерэ нэкIэ кьепльыр-кьым. Студентым зегьэпсчэуIури и тхылгыр кьытрельхьэ. Экзаменыр, имыщIэмэ, итын, сыткIэ кьемыупщIами хьуркьым. ЕгьэджакIуэр кьоупщI: узыщыгугьыр сыт, щIалэ, жыхуиIуэ. Студентыр мэIэбэри птулькитIыр егьэджакIуэм хуегьэкIуатэ вагьуитху коньякым тетыр нэхь ильагьун хуэдэу. «Тху» схуэ-гьуэув жиЕу арат кьригьэкIри Валерэм кьыгурыIуа щхьэкIэ,

идакбьм: узыщымыгугъын ущымыгугъ, си къуэш, жыхуиГэу. Щалэр йоупщI: мо вагъуитхур зэплъыр уэрмырауэ пIэрэ, жеIэри. ЕгъэджакIуэр нэхъри къегъэгубжь, уи нэ вагъуэр уэзмы-гъэлыгабуж щIыкIэ уи вагъуитхур щIэхыжи зылуегъэх, жеIэри студентым и зачетнэ книжкэр къыхуедзыж. Ар хэлущыIу мы-хъуу къэнакъым, псоми къагурыIуаш Валерэ IульхьэкIэ узэры-хэмызэгъэнур.

ПэрыIэбапIэ имыIэу гу шылъатэм, Валерэу пльагъури приемнэ комиссэм езым имыдээрэ хагъэхъэ, абы хэтыну пIэ-цIеиж Iэджэ къагъанэри. А хыбарыр Дзэшу дежи нэсыжри и адэр иригушхуэу гупым яхэхуэм жиIэжу шытами, иджы «КIапсэ КIапэу» къыщидзыжыну хэт и гугъэнт. И фызым нэрыгъ ищIати, къэмыкIуэу хъуакъым, езыми и пщIыхьэпIэм къыхэхуакъым абы хуэдэу къэгъэпIэгъуафIэу къагъэпцIэну. Иджы жиIэнур имыщIэу къопэззэх.

Жэщыр нэхуш хъухукIэ Дзэшу жейм емызэгъыу зигъэджэрэу, папщэу хэлъаш, мызэ-мытIэуи къэтэджурэ зиушхуауэ щхьэгъубжэмкIэ дэпIурэ шыта щхьэкIэ, и губжьыр текIыжыртэкъым. Щэху цIыкIуу унэм щIэкIуэсыкIыжыну и щхьэм къыхьа щхьэкIэ, хузэфIэкIакъым. Аргуэру гъуэлъыжри гупсысэу хэ-лъаш. ХьэкькIэ сыт и фIэщ хъуа жыпIэмэ, къыщIэкIуа Iуэхум и гугъу шIищIын шыIэкъым, уеблэмэ къышIэкIуа лIы нэкIутIэм и цIэ ириIуэххэнукъым, мэлымрэ цы IэльэщIымрэ жыпIэнуши, жыжьэу къыхэбгъэщ хъунукъым. Жангулэзщ къеIызыхари ирыретыж. Естыжын къызэт, жиIэрэ къэтIысмэ, итIанэщ щIыхуэ къыщицтэнур. ИкIэм икIэжым, дадэм хуэмышшэчу зихуэпэжри нэхульэ къыщищI дьдэм фэтэрым къыщIэкIуэсыкIыжри макIуэ-мэлъей, автостанцым къэсащ, япэ текI автобусым къытIы-схьэну.

Я пщIантIэ къосыжри Жангулэз жэмыр къиша къудейуэ шэ пэгун иIыгыу пщIантIэм дэту къыхуозэж.

– Ана-а, мыр сыту шIэхыу укъэсыжа. Укъэгувэн си гугъати. Дауэ шыт цIыкIухэр? КъэкIуэну загъэхьэзыррэ? ЖепIэжа Валерэ сыщIельэуа тIэкIур?

Дадэр занщIэу гурымыкъ къэхуаш:

– ЖесIэжаш, – жиIэри къыфIигъэкIакъым.

– Сыт нтIэ жиIар?

Дзэшу хуэмышшэчу къыжьэдэхуаш:

– КIапсэ КIапэщ жиIаш. ФIы жиIа уи гугъэ?

– Сыт КIапсэ КIапэ, на-а?

Дзэшу къыпидз щымыIэу:

– Жэмыр къэпшамэ, Iэхуэм дэсхунщ, – жеIэри сумкэ фIыщIэж иIыгъар бжIупэмкIэ едзыр, и губжьыр зыхуихьыну имыщIэу.

Фызыжыми гу лъымытэу къэнэнт адэм и нэм мафIэ къызе-рилъэлым, арщхьэкIэ ищIэргкъым къыщIытхьар. Имыхабзэу

псыншIащэу кыигъээжащи, зыгуэр щыщыIэщ жери пэгуныр иIыгъыу лIыжъым кIэльоплтъ.

– КIапсэ кIапэ, жи! Ар жыIэкIэ хъун? Хэту пIэрэ уи пэцыр изычар? Алыхъ, автобусырагъэным.

Дзэшу жэмыр дихуурэ, кызэплтэкIащ:

– Хэт и автобус? Уэращ. КыбгурыIуа? А-а, уэ кьодаIуэм уи щхьэр кыфIыкIэ.

– Сыт на-Iа, сэ ещIар?

Дзэшу кьэувыIащ:

– Уэ пщIари? ЛIо, мэл кьэдыгъуа кьурмэн пщIыкIэ уи гуэныхъ гъун уи гугъэ?

– Ана-а, ар мэл кьэдыгъуа? Сыт а жыпIэр?

– Кьэдыгъуам нэхьрэ нэхъ Iейщ – Iульхъуэ кьуатащ. КIуэ иджы кьурмэныл зептам яжеIэ «хъысэпылщ фэстар» жыIи.

– Уэракъэ зыукIар? Сыт тельдыжэ а жыпIэр? Дыгуэ тезыщIы-хъари уэращ...

Дзэшу жиIэн имыгъуэтыжу жэмым кIэльыкIуэу уэрамым дыхъащ, губжъым кызэтричу. И щхы хужилэжырг: атIэ аращ. КIапсэми кIапитI иIэщ, фызыжъыр зы кIапсэ кIапэрамэ, еIуа-нэрейр сэращ. Сыту кытхурикъуа, ярэби, мы лIыр. Джэду хъэжым зыхуигъадзурэ ныбгъуэ хъэшым дригъэпщхъакъэ абы. Дэнэ кыщыызгъуэтыну иджы а емынэунэ хъуныр?

Жангулэзи шэр згъэпщтамэ, IэльэщI дахэр стелъу гъунэгъу физхэм закъезгъэлыгъунщ жиIати, иджы ищIэнур ищIэркъым. Жьэгум дотIысхъэри мафIэ зэщIегъэст. Мыдэ укыдыхъэжын-къэ, алыхъ кIапсэ кIапэ уэзмыгъэлыгъуэм – ар и гумкIэ жиIэу. Абы дэнэ щищIэнт хъид махуэр гузэвэгъуэ махуэ хъуну, нэщI ипшыныжари, мэл фыщIэшхуэ иукIари псыхэкIуадэу кIуэдыну, абы ищIыIужкIэ кIапсэ кIапэу кызэрыщIидзыжари кыгура-гъэIуэну. И джатэр кыхауэ лIыжъым IущIэн и гугъа щхьэкIэ, Дзэшу а махуэм кыигъээзжакъым, щIалэ цыкIу кыигъакIуэри фызыжъым кыхуиIуэхуащ:

– ЩIэх кьэзгъээзжыну уи гугъэу укьэмыплтэ. Уафэмрэ щIы-лэмрэ я кум дэтмэ дыкьэзыгъэпщIар кьэзгъуэтынщ. Кыди-щIар ещIэжынщ, – жиIэри. Жангулэз и гум зишхыхъыжурэ

ГэлээшI дахэр дурэшым дидзэри ежэжащ.

1990

НЭГЪУХУ

Повесть

Мэ, ЦыкIушэ, уэ лы ухьурэ ар шы мыхьумэ, си пашIэр уэзмыгэузмэ, соIуэ. Кьэрэхьэлкь кьабзэм уакьыхэIащ. Ар советскэм имышIэу уимыгугьэ. ВластышIэм и фэеплгу абы хуэдэш уи пшIантIэ дэтыну жыхуэлIэр – насыпышхуэщ.

ЦыкIушэ гуфIэщати кьытельадэу кьэфэн тIэу еплгынтэ-кьым, аршхьэIэ утыку укыхьэу уи гуэншэрыкьым иль шабийр кьибгьэлгьэлын? Iэнкунурэ Хьэруну кьуажэ Советым тетым ЦыкIушэ бгьэдыхьэри и гур кьызэфIэнауэ ерагьпсэрагькIэ жиIэфаш:

– Мы шыр кьысхуэзыгьэфэща советскэм – ильэс мин. Шы сыхуэныкьуэрэ си шцы Iыхьэ тIэкIур схуэмывэжу гугу сьзэрэ-хьым гу льызыга Хьэруни ильэс мин кьыгьэшIэну тхьэм жиIэ!

ЦыкIушэ и хьуэхьур адрейхэм кьыдаIыгьаш:

– Тхьэм жиIэ!

– Псалгэ дьгьэл жьпIащ.

– Алашэ кьуатам фIыгьуэу шцыIэр тхьэм кьыдигьакIуэ.

– ШIалищ уиIэщ, хьарзынэу зрахаьэнщ. Мэкьу гьэхьэзыра уимыIэмэ, мы гьэм гьэужьыр бэгьуащ. Уи кьуэ нэхьыжьхэр здэбгьэлэпыкьумэ, самитI пхуэгьэтIысынщ. Умыгьэгувэ закьуэ.

ЦыкIушэ кIапсэ нахьутэ кIапэр кIэщIу иIыгыгу шым темь-гушхуащэурэ тельэщIыхьт, насыпышхуэ кьеуэлIар пшIыхьэлIэу ильагьу кьыфIэщIыжу. Андрей кьызэхуашэсахэми хэт выгу зэщIэщIа, хэт вышIэ цыкIуитI, хэти жэм псэф – зыгуэр зрамыт яхэтгэкьым. Кьуажэм «контрэу» дэсар зы жэщым ирагьэсы-кIати я мылтькур зэхагуэшэжырт. Хьэрун и нэфI зыщыхуам нэхьыбэ лысырт, езым кьыльысынури кьыльысат, ирагьэсыкIа ильэпкьым я унэр кьишурэ и нэм кьыфIэнэ кьыгьэнакьым.

Иджы хамэ мылтькур егуэш. ГьэщIэгьуэнкьэ, уи гуащIэдэкI-кIэ кьыумылэжьар зыгуэрым щепткIэ псым хуэдэу пIэщIож, уигу кьызэрэуэ льэпкь шымыIэу.

Езы Хьэрун нэхьыбэу зэреджэр старшинат. Арыншэуи хьурэ, игьащIэм кьуажэм трагьэувэм зэреджэр арат. Кьулыкьу

щІапІэр – правленэт, тхыльхэр зезыхэр – писырт. ЩІэр совет-скэм зэридзэкІа щхьэкІэ иджыри цЫхур есакъым, псалъэхэри жыІэгъуейт – председатель сельсовета жыпІэныр гугъут, цЫхум я бзэр хуэкъутатэкъым.

Хьэрун зы хьэрф ищІэртэкъыми, сыт къатхами писырым иритырти абы зэригъэзахуэрт. Писырыжь цЫкІур адыгэбзэкІэ уэрсэрт, бабыщ зекІуэкІэ хьужауэ хэт сыт иратами дэфтэрым иритхэрт, Іэ трыригъэдзэжт, зыгуэр зрита ильэкъым я Іэпэр пыуфІыщІыкІат. Хьэрун зытегузэвыхьыр зыт:

– Ей, фэ делэ къомым тхьэлъэІур зы махуэм фщІынщи, зэІывгъэхьащ. Фызэчэнджэщ нэхьапэ щІыкІэ.

Хьэрун Іэтащхьэу къуажэ Советым щыхахым къагъэгузэвауэ шытащ. «Мыр хэзыхыну арэзым и Іэр иреІэт», шыжалэм, зы аІужыж-мыІужыж гуэр зэІущІэм къахэкІиикІащ: «Хьэрун партым хэт? И парт билетыр дигъэлъэгъуамэ, арати дызы-хуейр», – жиІэри. Ари хьунт. Къуажэм зылІ дэстэкъым Іэпэ щІидзыжыфу. Партым хыхьэн дэнэ кыкІын? Хьэрун къэщІэнтІат, гузэвщауэ.

– Лло парт билетыр мэз тхыль хьуа уи гугъэ, хэт къыщІэупщІэми ебгъэлыагъуу? «Фыз уиІэ?» жиІэрэ къоупщІэмэ, уи фызыр ебгъэлыагъурэ? «СиІэщ» жыпІэмэ, зэфІокІ. Сэ советскэр зи щІыб илбу къэзыхьыжам сашыщц. Сэ схуэдэр партым хэмыгтым хэт хэбгъэтынур – ЦыкІуцэ хуэдэра, Іэщ къищэхурэ лы ищэжу?..

Парт билетым къыщІэупщІам зиушэхужащ:

– Хьэрун, уи парт билетыр сейфым дэлъщ. СыкІуэнщи къэсхьынщ.

– Уэри укъэмыпІэнкІ. Парт билетым къыщІэупщІэм парт билет ильагъу уи гугъэ? Колхоз щызэхэтшэм деж абы егъэлыагъупхьэр езгъэлыагъунщ. Япэ иту колхозым сыхэмыхьэм, сылІу пашІэ стеткъым.

ЗэІущІэр къызэщІэващ, колхоз хьыбарыр зыкъом лъандэрэ зэхахати.

Абы къыфІамыгъэкІыу старшинар хахат. Иджы, мес, лы хьарзынуу къыщІэкІащ, «контрэр» игъэунэхьуауэ къулейсызыр егъэунэ. ИгъашІэм шы зимыІам шы ират. . . Яфети ухуэсакъын хуейт, налог зыта Іэджэ тхьэусыхэрт «кІэпІейкІэ къыттенакъым, итІани щІыхуэ къыстенауэ итщ» жаІэрт. Модрейм и дэфтэрым зэрыхуейм хуэдэу иритхащи, зуигъэумысынукъым. Цыхур шы-зэригъэзауэ шыІэт. Езыр къыхагъэзыхьа иужь зигъэгуса нэщІи зищІырт.

– Хьэрэм сшхыуэ гурыщхьэу шыфщІкІэ, зы махуэ сыдэсы-жынкъым фи къуажэ. Нобэ сыдокІыж. АрщхьэкІэ старшинам дигъэкІыжрэ. Къэгубжыхэм фІы жаІэнт:

– Зэпыгтрэ зэкІэсу зегъэхь. Нэхьапэ щІыкІэ налогоыр зэгъэзэ-хуэж. Хэт ищІэрэ, дызэхузээнкІэ мэхьу.

ЦыкIушэ шыр кыIэрыхъа иужь и нэр кыикIт псынщIэ-псынщIэу шыр я унэ ишэу унэгуашэр игъэгуфIэну, арщхъэкIэ Хьэрун кыхуей хъуауэ къегъэувыIэ:

– ЦыкIушэ, зэ умыпIашIэт, – желэри, езы Хьэрун кыыбгъэ-дохъэри кыоупщI:

– Уи щIалэ нэхъыжыитIыр лыщIэ Iуткъэ?

– Iутщ, Хьэрун, а тIум я лыщIапщIэ тIэкIу мыгъуэраи фызы-жымырэ дэрэ дызэрыпсэур. Ешанэ цыкIури къэжэпхъаш, алы-хъым и шыкуркIэ, дыщогуфIыкI мэл е бжэн игъэхъуфынуш.

– Уэ слъагъум советскэм я унафэхэм хэпщIыкIауэ си гугъэ-къым. Зыри кыыбжалакъэ лыщIэм и IуэхукIэ?

ЦыкIушэ къэгузэващ: «кыызжалакъым» жыбоIэри, «зэ-IушIэм укыакIуэркъым» жиIэнщи, къэгубжыныщи, шыр стри-хынкIи хъунщ. «Кыызжалаш» жыбоIэри, унафэм кыемызэгъ гуэр тIэщIэщIыхъауэ къигъуэтынщи, ари нэхъ Iеижщ. ЦыкIушэ цыкIу хъуаш, ин хъуаш.

– ТIэщIэщIыхъауэ пIэрэ зыгуэр?

– Уи къуитIыр-щэ?! ВластыщIэр зэрыгуврэ илъэс ешанэ хъурэ? Уэ уи къуитIыр иджыри къэс пщылIыпIэм ибгъэтщ. Дуней къэрэхъэльткыыр хуит хъужарэ тыншыжауэ. Ди къуажэм чэмиссэ къакIуэрэ пщылIитI къагъуэтмэ, ди напэр тепхакъэ. Зэшэлэж, тIысэ, уи къуитIыр. Мес хъарзынэу шы уэттащ, щIы жыпIэми адреим къалысам хуэдиз къуатащ. УфIэмашIэ? ЛIо абы нэхъыбэ! Си щхъэ уз ухуеймэ, алыхъым елъэлу.

– ШхынкIэ гугъу дехъыну мыгъуэщ, Хьэрун. ЩIы кыыда-тар стат бэджэндуи...

– ПщIэным ебгъэхъыжаш. СощIэ, сощIэ, – жиIэри ЦыкIушэ жыжъэу игъэпсэльтакъым. – Имышыжжи хъунт? Уи къуитIым хамэм я хадэ япщIэ, уэ уи хадэр зыпщIэн щымыIэу нартыху-мэкъуу зэщIэкIэжаш. Нобэрей властым идэнукъым ар, си къуэщ. Къэрэхъэльткыыр пщылIыпIэм кыыщIрашыжар я щхъэр ягъэпсэужыну аращ. Ар сыту кыыбгурымыIуэрэ?

– КыызгуроIуэ, зи уз кIуэдын. КыызгуроIуэ. Пщэдей фIэкIа пIалъэ имыIэу слухунщи къэспэжынщ.

ЦыкIушэ шыр кыишэри пщIантIэшхуэм диутIыпщхъаш, блэкIым къалтагъун хуэдэу. Къреплъ фыгъуэнэдхэр. ЦыкIуши зэм лъэс зищIами, щыхуейм деж зригъэщIеикIыу уанэгум ису хуейм я благъэхэм якIэлъыкIуэнщ, уеблэмэ шызакъуэгу кыы-зэригъуэту я унэгуашэр и дыщым ишэжынщ. Нобэрей IуэхукIэ шы цIахуцIэу кIуэнщи и къуитIым хыбар яригъэщIэнщ лы-щIапIэ зыIутым кыIуумыкIыжу зэрымыхъунумкIэ. Езы тIуми иджыри къэс сыту гу лъамыгарэ цIыхум цIыху игъэпщылI зэры-мышъунум, хъарзынэу щIалитIри зыхуэлIыщIэр къуажэм нэхъ пщIэ зыхуашIу анагъуэ бейщ.

ЦыкIушэ и къуэ нэхъыжъ Хьэжбарэ шыхъуэу Iутщ. Къа-

зий – мэлыхъуэщи, гьатхэ кьэс Къущхьэхъу макъуэри мэшыр Гуахыжыху кьехьжыркъым. Иджы тГури кьехьжауэ тГуащIэ уэтэрым тесщи кьэгъуэтыгъуафIэш. Езы ЦыкIуши тГуащIэмкIэ мыкIуэу зэфIэкIаш, Берд мэджытым цыхуэзэри жриати. Къэрал унафэр Берд ищIэрт, куэдрэ зригъэлъIуакъым.

– Уи бынунэр пхуэгъэшхэжыnumэ зэшэлIэж – мы гъэм уи гъавэр щIагъуакъым. Егупсыс, ущIегъуэжынкIэ хъунш. Хъэрун «лIыщIэ кьэпщтэж хъунукъым, кьапщтэмэ кулакым ухабжэу уригъэсыкIынкIэ тIэу еплъынукъым» жиIэри кьыстрикъузащ. СщIэнур сщIэртэкъым, хьыджэбзитI сиIэщи, дэсхуу мэлым пэрызгъэувэн. ЕмыкIуу хьэдэгъуэдаэкъэ. Апхуэдэу си напэ зытесхыж нэхэрэ, шитI, жэмитI зысшIрэ «среднач» кьабзэу сежьэжмэ сыт кьызащIэн? ЦыкIуши зеумысыж:

– Тхьэ дыгъIэ, сэри си Iуэху мыпщIэгъуалэ. Шы кьызатами, езгъэшхын сиIэкъым. Дум иль гъавэм щIымахуэ ирыдигъэхми аращ.

– АтIэ дызэгурыIуащ: уи кьуитIыр пщэдей фIэкIа пIалъэ имыIэу кьыпхуэзгъэкIуэжынш, – жиIэри Къасым зримыусыгъуэджэу молэм и гъусэу я унэмкIэ игъэзэжащ.

ЦыкIушэ зэршIегъуэжам гу лъыптэу зыдэщытам кIуэжынш, – жиIэри, Къасым зриусыгъуэджэн и гугъащ, «нэгъуэщI кьэзгъуэтыху тIэкIукIэ си гугъу кьыгумьщI» жиIэу. Иджы я унэм нэсыжу и фызым хьыбар иригъэшIэн хуейш.

ЦыкIушэ и гур зэрыгъум дыгъур кьрикIуащ: и кьуитIыр кьэкIуэжу ипхъу нэхьыщIэу Хъуцэ и тхьэкIумэм щидырхэм, хьыджэбз цыкIур кьызэкIуэкIаш:

– Шо, мэл щхьэ гъэва яхуэдгъэтIыльа я гугъэ? А зыдэщыIэм щхьэ имызагъэрэ? – жиIэри Хъуцэ сабэ дрипхъейуэрэ и гум кьыдыху ильэпкьыр жиIа иужь, и гур нэхь тIысыжащ.

– АтIэ сыт? Уи кьуитIыр кьыщыкIуэжкIэ уэри ущымыс: нартыху кьэп гъэлъэльтэ диIэщи, шыплIэм дэлъхьи щхьэлым егъэхь. Елъэу щхьэлтету жьакIэ бацэм псынщIэ-псынщIэу пхуихьэжыну. Сэ хьыджэбз цыкIур шатэхьэ згъэкIуэнш Къасым и фызым деж. Абыи кьыдытыжыну пIэрэ шатэ, ди щIали-тIыр лIыщIэн ямыдэу кьызэрыIукIыжыр зэхихмэ.

ЕтIуанэ махуэр кьэсри, махуэ псом ЦыкIушэ куэбжэм Iуту плъа щхьэкIэ, кьэкIуэжар я щIалэ курьту Къазийш. ЛыщIапщIэу и блэгущIэм шыфэу вакъапхьитI шIэльт. Фыхуеймэ, сыдэвдзей, фыхуеймэ, сыкъевдзых – мыращ лIыщIапщIэу кьыслысар, жыхуиIэу. ГуэншэрыкькIэ IэкIуэлъьякIуэр и анэр арати, вакъапхъэр абы иритащ. И унафэр уэ зэрпщIш, жыхуиIэу. ЛыщIапщIэр фIэмэщIами, и анэм псалъэ кьыжьэдэ-кIакъым.

– Хъэжбарэ щхьэ кьэмыкIуэжрэ, пщылIыпIэр зэ иужэгъун

хуейкээ? – жиІэри и анэр япэ зыщІэупщІар и кьуэ нэхьыжбы-ращ.

– Хьэжбарэ кьэкІуэжыну си фІэщ мыхьу, – жиІэри Къазий унагьуэр зэрыунагьуэу кьигьэгубжьащ.

– Ар сыт щхьэкІэ, на-а?

– Дзэм хыхьэну и мурадщ.

– Сытыдзэ? Дьунэхьури дыкьэсэхыжащ. Дэнэ мыгьуэу здагьэкІуэнур? Зауэм кІэ ирата хуэдэщ.

– Кьалэм. Тутнакьэщышхуэ щащІащи, абы хьумакиуэу Іуувэнущ. УлахуэфкІэ кьагьэгугьауи си гугьэщ. – Къазий иужь дьдэ кьыщІигьужар и анэ гужьейищам и гур дахэ ищІынурат щІыжиІар.

– Алыхь, дуней мылькур кьызэптами, тутнакьым ис абрэджджэр схьумэнщ, жьыІэу сымыувын. УмышІэххэу кьопы-джьнкІэ мэхьу. Ар ІэнатІэ хьунщ, жьпІэу дауэ уІуувэн? КІуэи кьэшэж мыщхьэрыуэ щІыкІэ. Догуэ, шы кьызэрыдатар ищІэрэ?

– ЕщІэм, уэлэхьы. Лло щІимыщІэр. Шы кьыдатар кьызытрахам нэгьунэ ещІэм, уэлэхьы.

ЩыкІуэщэ и фьз Кулисум ар ищІэххэртэкьым:

– Хэт, на-а, кьызытрахар? Шыр зейм дауэ кьызэрытепхьунур? Апхуэдэ хабзэ?

Я мэлыхьуэ Къазий балигь хьуам хуэдэу кьэпсэльащ:

– Щы участкэ зиІэм дауэ кьызэрытрахар? Еуэщ, и пыІекур кьраудри, шыр кьыІэщІатхьащ.

– Шыр кьызытраха мыгьуэми и пыІекур кьрауда?

– НтІэ, арынщэу кьуйтрэт.

Кулисум шыр щІантІэм хьуакІуэу дэту ильагьум и гур хэ-хьуэрти иджи шыр ильагьуххэну хуеижтэкьым. Лажьэ зимыІэу зи пыІеку кьрауду хагьэнэщхьейхьар алэщэжьым и зэран хуэдэу и нэми и пэми кьыхьыжыртэкьым. Я щІалэ нэхьыщІэ дьдэу Барэсбий шым трагьэтІысхьауэ тесщ, кьепсыхын имьдэу. Езы шыр хьуакІуэрт, удз гьэужь лыхьуэу.

ЩыкІуэщэ шэмэдж хьэху кьищтэурэ мызэ-мытІэу губгьуэм дэкІащ, и кьуэ нэхьыщІитІыр и гьусэу. Махуэ зьтІушым и кІуэщкІэ шыдыгу цыкІукІэ шыудз кьашуэрэ бэххьым щІаль-хьащ, ягьэгьумэ щІымахуэм хуагьэтІыльыну, арщхьэкІэ щІымахуэ псом шым ирагьэшхын яхуэгьэхьэзырынт. Шылэм и пІальэр кьэсри уае хьуащ.

Кулисуми «умыгьэтІыльа кьэпщтэжыркьым» жиІэри и хьыджэбз цыкІуитІыр здигьэІэпыкьуурэ я унэ бгьэнышхьэм и пкІэунэм кьэбыр тригьэтІысхьащ. ЦыкІуэщэ льэкІэ кьигьэ-накьым: шызакьуэгу хьэхукІэ мэзым Іэджэрэ кІуащ, пхьэгьэсын кьишэну. Пхьэ ІэтэфІи зэтрильхьащ, зимыІэр зригьэхьуапсэу.

Кулисум и пхьур щыгьыныджэ дьдэти, нэхь кьыщІэмыкІэ хьуащ. Іэмал имыІэжмэ, я анэм и цы ІэльэщІышхуэр ятепхьауэ кьыщІэцІэфтгт унэми, асыхьэту щІэльэдэжти пэшхьэку упщІы-

Иужам кьеувэклауэ зэхэтт. Тхьэгъуэу яІэр ЦыкІущэ жэщ кьэ-тыну зыщІыпІэ шыкІуэм дежт, сыту жыпІэмэ, унагъуэр зэрыунагъуэу я адэм и гъуэлъыпІэжъым ихуэр илтът, зым зыр непІэскІумэ зэрыгъэкІийуэ, е зыр зым и щхьэцым кьелэу, лъэ-гуажьэкІи шыззауи кьэхурт, я анэр и быным я щхьэфэм имы-Іэбэмэ.

Хьэнтхьупс щэфэм деж «лошкІэ зауэ» кьэмыхьуну Іэмал иІтэкъым. Хьэжбарэ хьарзынэу хуэпауэ кьэкІуэжати зы махуэ нэхъыбэ хуэмыхьу дэкІыжащ: «фэ фшхымкІэ сэ псэуа сыхьуну-кьым» жиІэри, кьэбищ кьэнэжам я нэхъыфІыр хуагъэва пэтрэ.

Езъми и Іуэху зэрымыІейр нэрылтыагъут: сыт щхьэкІи Іеин? ХьумагІуэу здыгутым шагъашхэ, унэ хуабэ шІэсц, хуэфшэжын тепІэнщІэлын яІэщ. Тутнакэщым исхэр судым шашэкІэ, джэдыгупІыргъыу зи вакъэм шабий фа кылалым я пхэм фоч траубыдауэ яху, кьахуж. Махуэ ныкьуэ кьэтамэ, махуэ псо зегъэпсэхуж.

Щымахуэм шылэ мазэр имыкІыу шым хуагъэхьэзыра мэкъумылэ тІэкІури яух, Кулисум и кьэбым шыщи щыІэжкьым, нартыху кІэчанри зы тІэкІуш, джэдищ мэкІэцІри, Кулисум уригъэлусэнукъым: джэдыкІэ кьакІэцІымкІэ унагъуэр игъэ-псэун и гугъэу.

Кьэп закьуэ кьэнэжат нартыху кІэчануи, ар шагъэльтальэм, зэлІэфызыр зэгурыуащ а тІэкІур жылапхьэу кьагъэнэну. ЦыкІуши хэкІыпІэу кьигъэуэтащ, унагъуэм вакъэ зи лъэ изылт-хьэфу исыр (псоми иралъхьэфынут, лъатІэгъэн яІатэм) зыдишэу, мэзым шІэкІуэдэж кьущхьэмышхыр кьищыпыну, нартыхукІэ, хукІэ ихьуэжыну. АрщхьэкІэ абыи кьыкІа щІагъуэ щыІэтэкъым. «Изыр – итІкІэ!», «изыр – итІкІэ!» жаІэу махуэ псом кьуажэм дэта щхьэкІэ, пут ныкьуэ кьахьуэжами арат.

МэжэщІэлІапэу унагъуэр щыхуежъэм, ЦыкІушэ и щхьэр фІэлэлу и щІалитІыр зыгъэлІыщІэу шытам деж кІуат: «Гъэувыж лЫщІэу, езгъэшхын сиІэкъым, Исраф дохьу бынунэр зэрыбын-унэу», – жиІэри. АрщхьэкІэ изрэ ныкьуэрэ зэрыщІэрэ жыхуаІэ-ргээнти, зыдэкІуам идакъым:

– Догуэ, укулачщ жаІэу, си пэр щІым щэбгъэхуэну ара узыхуейр? Пльэгъуакъэ, кулачыр зэрыдашар. КьалэкІыхьым нэс гукІэ яшэри, адэкІэ вагоным ирагуауэ, Іуашри, ягъэкІуэдыну кьыздимыкІыжын ягъагІуэ. Уафэмрэ щІыльэмрэ арэфкІэ щызэгъэкъуам нэс.

– Тобэ ярэби, абы нэс дауэ гъуэгу хашыфа? – жиІэу ЦыкІу-щэ егъэщІагъуэр и щхьэр кьыфІэхупауэ: – Исраф дыхьунуш, си кьуэш, Исраф дыхьунуш унагъуэр зэрыунагъуэу. Сыт мы-гъуэр тщІэну? Ди Іэ чэмкьым, ди лъэ чэмкьым, ди щхьэ тхузе-мыхьэжу дыкьэнащ.

– ЕлъэІу тетым. Хуит укьищІрэ – мэлыхьуэу кьэсцтэнщ

уи шIалэ цIыкIуитIри.

– Уэ укIуатэмэ, нэхъ уи хьэтыр кыльгагъунт.

– Сэри?! Абы хьэтыр жыхуаIэр ищIэрэ. И Iэпхьуамбэр шэкъэм фIыцIэ ищIыжауэ писырым кьритым Iэпэ-пешот трегъэувэри шысщ. Мэли сиIэжкъым, сызытегузэвыхьын. Нэхьыбэр изгъэсыкIаш. Къэнари кьурмэн махуэр къэсмэ, сщэ-жынуш.

– НтIэ си шIалитIым ебгъэщIэнур сыт?

– Тесынш уэтэрым.

ЦIыкIушэ гъыным хуэдэу и гур кызэфIэнаш, жиIэнри ищIэнри имыщIэу эфIэтт.

– Алыху тэхъэлам жиIаш «уэ хьэрычэт шIэ, сэ берычэт хэслъхьэнш» жиIэри. Догуэ, дауэ иджы зэрыхьур? Уэ хьэрычэт пщIэ мыхьум, алыху гуащIэрэ гушIэгьурэ зиIэм берычэт зыхильхьэн кыбдимылгагъумэ? Ди дзэлыфэ ттIауэ зыдгъэлIэну? Мыр сыт кьэрэхьэлъкъ власть? Дэнэ мыгъуэ кьраух. СогъэщI нахуэу, кыздрахар сщIатэм, си алащэжъым теспхэнти сымыхьыжтэмэ.

– Хьа-хьа-хьа, – жиIэри ТIышу ЦIыкIушэ лъэIуакIуэ зыхуэ-кIуар дыхьэшхаш. – Властыр кьоупщIрэ, си кьуэщ, абы нэрыгъ уищIэмэ – зитх зэпищIыкIын жыхуэпIэм ущIэмыупщIэ. Iэмал иIэххэмэ, зыпщIумыгъахуи нэхьыфIш. УкIуэну Хьэрун деж? УкIуэну ара зытебухуар?

– Хьэуэ. СыкIуэфынукукъым. Сэри «подкулачникым» сыхитхэнкIэ хьунуш.

– Тэмэм! ТIэу емышлэу уахитхэнш. Абы нэхьрэ уи шIалэ курытыр уэтэрым гьакIуи зы мэл кьегъэху. Кьурмэныпхьэ пхуэ-хьунш.

– Кьратыну пIэрэ?

– Сэ жысIауэ жиIэм кьратынш.

ЦIыкIушэ гуфIэшауэ и лъакъуитIыр шIэуджыкIыу унэмкIэ игъэээжащ и унагъуэр игъэгуфIэну. Кьурмэнми мэлыр нигъэ-сынкъым, дауи. Унагъуэм исым я дзэжэпкь ящIыжынш. ЦIыкIу-шэ кыбшысыжам, шIалэ цIыкIухэм шIэрыкIуэ кьатIауэ я Iупэр IурыуфIыцIыкIами яшх, нэгъуэщI шхын ямыIэу.

– Мыр сыт мы фшхыр? Зы джэд фьукIамэ нэхьыфIти.

АрщхэкIэ Кулисум занщIэу зыкьритIаш, и лIыр шIригъэ-гъуэжыну:

– ЛIо, джэд пхуэзукIын хуэдэу кытхуэпхьар? Пэжу, укьэ-кьеижу укьэкIуэжаши, тхьэм ещIэ уагъэшхар. Зи ныбэ изым и Iупэм дебгъэбзеину ара? Дэ шIэрыкIуэщ тшхыр. Уи бынунэр ныбэ узши, я шхьэр здахьын ящIэркъым.

– Сэ кыбфхуэсхьари флгъагъункъэ. Къазий, дахэ цIыкIум хуэдэу алащэжъым шэси, ТIыш и уэтэрым ех. ТIыш и унафэщ, жыIи зы мэл кьэIыхи кьэхь. Хьарзынэу кьурмэнри кьэблэгъаш.

Кулисум нэхьри кьэгубжьри, шIэрыкIуэ ныкьуэшхыр

пэшхьэку шыуаным иридзащ:

– Шо, кьурмэныр кьэсамэ? Мэл кьуатыр «кьурмэныл» жыпгэу лы Гыхьэ зырызу хьэблэм яхуэбгуэшыжмэ, мо ныбажэ зетехьуа кьомым я ныбэр хьужын уи гугьэ? Хьэжбарэ и Гыхьэ хуедгьэхьмэ зэфгьэлащ.

– Кьурмэныпхьэ дымыщгьыну мыхьуну хэт дезыгьэзар? Тезыуар кьыдзэытыращ, уэ щхьэ укьыщхьэщильэфрэ?

Мэлым кГэльымыкГуэу махуи дэГла, нэхьыби дэГла – Кьазий шууэ уэтэрым щехам тети-теси шыГэжтэкьым. ТГыш жьакГла-щхьуэр «укулачщ» жаГэри наГэзыпГэу ирагьэсыкГлат, уэтэрым тета Гэщым шыщи зыри шыГэжтэкьым. ЛГыжь цГыкГу гуэрым уэтэртесхэм кьакГэрыхуа сыт кьиульгэпхьэщт, щГалэр еупщГати кьыгуригьэГуащ:

– ТГыш уи щГыхуэ тельмэ, си щГалэ, уафэмрэ щГыльэмрэ арэфГлэ щызэгьэкьуам нэс зегьэхь. Хэт ищГэрэ ухуэзэнГлэ хьунщ.

– Уэлэхьы, а жыхуэпГэм кьанжэм и кГэм утесми ульгэщГэ-мыхьэну. Мыбы Гэщ тетари дэнэ кГуа?

– Колхозым. Кулачым я Гэщыр абы щызэхуахус. Шо уеуй яхэта?

– Ди анэм и кьурмэныпхьэр ТГыш и хьушэм хэтащ.

– Сыт щхьэГлэ, мэлыр зыгьэхьуу щытар уэракьэ. Кьыхьэ-пхужу щхьэ здумыхужарэ?

– Кьурмэныр кьэблэгьэху хэзгьэтын си гугьащ. Ноби сыкьэ-кГуэнутэкьым, ди анэр мыхьуамэ, «кьэхуж» жиГэу кьызэрызжи-Гэрэ зыкьом щГат, нобэ кьэс Гуэху схуэщГакьым. Зыми зэхэдмы-хьу дауи даша, жыным даша хуэдэ?

– Ар дэзыша жыныр пщГэркьэ?

– Хэт?

– Гепоращ. Жэщтеуэхэр. ДагьэбзэхькГэмэ, уэлэхьы, я ней зыщыхуар. «Кулачым» я закьуэ? Молэри даш, дыпГэмэ ди хьэдэ зэзыгьэзэхуэжын кьыдамынэу. Уи мэл ТГыш и хьушэм яхэтмэ зумыгьэгувэ, колхоз мэлыр кьуажапщэмкГлэ щыГэщци кГуэ. Хэт ищГэрэ яфГэщ ухьункГлэ хьунщ. ТГыш деж лГыщГэу уГутащ.

Кьазий дадэ цГыкГу хуэдэу щГалэ хэщГыхьа цГыкГуу плыагьу щхьэГлэ, Гуэщт, льэрызехьэт. ГуэщГэгуи иГэт. ТГыш кьыщыщГар шэуэ тэхуат. Бынунагьуэм кьагьар, кьагузэвар и нэгу щГэт хуэдэт. Зэгуэр Хьэрун кьыжьэдэхуат «кулачым задэбгьэунэхьуну ухуэмеймэ, уи унэ екГуэлГэж» жиГэри. Япэм абы кьыкГыр Кьазий кьыгурымыГуами иджы и ГэГлэ телэбащ.

ЩГалэр кьэшэсыжри я унэ кьэкГуэжащ, кьурмэныпхьэ дэнэ кьэна, мэл щхьэ ныкьуэ и адэм кьыхуимыхьу. Кьазий ГэнэщГу кьызэрыкГуэжар щылагьум, и анэ Кулисуми кьегьыхьу кьэуващ, япщэфГын льэпкьэ яГэтэкьыми, и шыпхьу цГыкГури, я щГалэ нэхьыщГэ цГыкГури зэщГэкьугьэт, мэжалГэ загьалГэу мэлым пэплгэу щысати.

Кьазий фГэгуэныхь хьуат и шыпхьу цГыкГумрэ и шынэ-

хьыщIэ цыкIумри зигъэлIы бэлыху хуыцIэ хуэдэу зицIащ:

– Шывгъэт! Мэлыр дыдейуэ шытами зыгуэрти. Сэ тхьэр нахуэу согъэпцI, ныжэбэ фIэкIа пIалгъэ имыIэу мэл пшэрыжъ къэзмыгъэсмэ. Тыш и хуыцэр зыдахуар сощIэ, мэлыхуэу абы и деж сызэрыIутар зымышцIи цIагъуэ цыIэкъым. СыкIуэнщи, мыбы си лыщIапщIэу кыIунащ зы мэли, кыызэфтыж, жысIэмэ, кызыамытыжын фи гугъэ.

– НтIэ шхэ умыкIуэрэ? Уи закъуэ ушынэмэ, сэри сыныбдэ-кIуэнщ, – жиIэри цIалэ нэхъыщIэ цыкIуми и гыныр пичащ.

– УнакIуэкIэ сыт и мыхъэнэ? Сэ сыкIуэнщи, мэлыр къэзгъэ-сынщ, фэ фыгъуэлъыж, пщIыхъэпIэ фIагъуурэ сэ Iуэхур зэ-пкърызудынщ. Шывгъэт фэри, – жиIэри гыуэ зэхэт шыпхуэхэ-ми зэрыхузэфIэкIкIэ едэхэщIащ.

Къазий апхуэдизу цыIтегушхуа цыIэт: «кулач» дашу кызэраублэрэ и чэтыр нэщI зэи хъуркъым, махуэ къэс жыхуа-Iэм хуэдэу мэлым кыыхъуэ фIэкIа хэщIыртэкъым, уеблэм бэзэр сыт темыхъуэ пудыжы мэл зрицэр нэхъыбэжт. Шэч хэлътэкъым, зи мылгку хыфIэзыдзэу кыздэмыкIуэжын ягъакIуэм я Iэщыр Хъэрунрэ абы и IупэфIэгъухэмрэ я IэщIэкIуа-дэрт, колхозыIуэм яху цIагъуэ шымыIэу. АтIэ мэл дыгъа къэ-бдыгъужыныр хьэлэл хуонукъэ. Къазий и мурадыр и шыпхуэ, и кыуэш сыгхэм яжрилакъым, хэIушIыIу хуынкIэ шынэрти. Езы Хъэрун жыпIэнущи, нэхъыбэм жэщ ныкъуэращ я унэ кы-щыкIуэжыр. Махуэм ягъэунэхъунум жэщкIэ и унафэр ящI. Лищ мэхъури «тройкэ» зыфIащыжауэ, унафэ ящIамэ, хэлплэж щыIэкъым. Гепом я «тройкэм» хуэдэщ.

Жэщыр хэкIуэтэрэ къуажэдэсым я нэхъыбэр зэгъжауэ Къа-зий ежъащ Хъэрун и унэмкIэ иунэтIауэ. Дунейр Iэуэлауэншэт, зээмызэ хъэ банэ макъ фIэкIа къэмыIуу. Мазэхэт, кIагъэпшагъэ-ти вагъуи сыти пIагъуртэкъым. Дунейр алыхъым къузэритын, жыхуаIэм хуэдэт.

Къазий пщIантIэм дыхъэри джэдэщым кыпыт чэтымкIэ иунэтIащ. Хъэ кIэ бэлацэжъ гуэри дэлъти зэ-тIэу банэри цигъэ-тыжжаш, цIалэр кыщIыхужати. Чэтым набжэ цыкIу Iулы арати, кыIуихри, пырхъ-сырхъ жалэу зэхэт мэл къомым яхэIэбэри зы мэл пIащэфI кыIэщIыхъащ. «Уэлэхы, мырауэ кыщIэкIыным алыхъым кыгтхуигъэфэщар», жиIэри чэтым кыщIилъэфаш. ЗанщIэу цыфI зытет мэлыр кызэщIиубыдэри куэбжэмкIэ кыщциунэтIым, ягъэм зэ-тIэу фIэкIа мыбэна хъэр кызэрыкIауэ банэ дэнэ къэна, хъэблэм хъуэу дэтри кызэщIигъэващи дунейр хъэ банэ макъ защIэ хуащ. Къазий пIащIэ-тхьытхыгъу куэбжэм-кIэ кыиунэтIауэ къэувыIэри и бгъэр игъэщIеяуэ иувыкIащ, мэлыр и пщэм дидзэну, абдежым хъэжэ емынрунэ хуыныр къа-пхъуэри Къазий и гъуэншэдэж пхалъэр диудащ. «Е зинэ мыгъуэ-кIэ къалъхуа хъэжэ, си упщIэ пыIэжэ мыгъуэр уэстынти, ар сщIатэмэ. Дауэ иджы гъуэншэдэж пхалъэншэу!...».

Къазий мэлър игъэууш, и бгырыпхыр мэлым и щцэ ирилъ-хъэри, чы тІэкІуи къыгъуэтауэ ушу мэлър кърехух. КъызыщІа-ша чэтым куэд лъандэрэ зэрыщІэмытар къыгъэлыагъуэу мэлър макІуэ. Къазий Іэ лъэныкъуэмкІэ и гъуэншэдж пхалгър зэри-шэлІэжауэ иІыгъщ.

Абдеж къыздикІари къыздихуари имыщІэу Хъэрун шууэ, щІакІуэ щІагъым фоч лъэдакъэр къыщІэлпийкІыу шокъу жиІэу къыхуэзаш. Къазий мэлым елІалІгъурэ шу къакІуэм нэхъапэ гу къылытаташ:

– Мыр лІо, щІалэ, мэлър дэнэ пхурэ?

Къазий апхуэдизкІэ гужеищати жиІэн игъуэтакъым:

– Уэлэхыи, мэуэ схутэм къэсхужыну.

– Хэт и мэл иджы мыр?

– Щхъэрыуауэ уэрамым дэтщ. Пщэдей зэхэдгъэкІынщ.

– Уэ узейр хэт? ЩІыкІушцэ?

– Мэ нтІэ, хытІым я кум къыдэкІа! – жиІэри Хъэрун щІо-пщымкІэ щІалэм и щІыбыр зэприхулыкІащ. Ар фІэмащІэу щІоппыкъымкІи къеуаш. ЩІалэм мэлър иутІыппщыжу къыщІэ-пхъуа щхъэкІэ, шум уІэщІэкІынщ? Хъэрун фочыр къызэкъуихри жылэр къызэщІигъэхъаеу игъэуаш.

– КъэувыІэ! Дэнэ ужэрэ? СогъэщІ, укытезмыгъэбагэм! НакІуэ модэ къуажэ Советым. Нэпэншэ лъэпкъ. Плъагъуркъэ иджы ар. Къулейсызщ, жысІэри, сэ шы хъарзынэ естащ. Иджы езыхэр сэ къызодыгъуэж. Хъэм и напэр я напкъым. Къанжэм нэ иратати, «набдзи, набдзи» жиІэу кІийрт, жи. АтІэ фымыпла-щІэ. Хъэрун алыхъыр нахуэу игъэпщІащ, фи пэр щІым щимы-хуэм. Уи адэра укъэзыгъэкІуар, хъэмэ уэр-уэру укъэкІуа? Хэт укъэзыгъэкІуар, жысІакъэ, дэгу ухъуа?

– Зыми.

ЕтІуанэрей махуэм, жэщым къуажэм къыщыхъуар хэІу-щІыІу мыхъу щІыкІэ, Къазийуэ плъагъур милицэм яхуаш «подкулачникщ, дыгъуэрабзщ» жиІэу тхылъым иту. Езы Хъэрун ищхъэкІэ дыгъур къызэриубыдари имытхыу къыгъэнакъым.

Куэдыщи дэмыкІыу зэкъуэшитІри зы тутнакъэщым щызэ-хуэзэжаш: зыр къэрэгъулу, зыр тутнакъэщым исым ящышу.

ЗэлІзэфызу ЩІыкІушцэрэ Кулисумрэ зыдэмыжжа къагъэнэнт, арщхъэкІэ дэнэ – бгым джэдыкІэкІэ еуэ, узыхуэтхъэурыхэнур езыр уи бий хъуамэ. Хъэруни зыри къыщыпхуимыщІэнум деж и псэлыафэ хъуаш: «Ар «тройкэм» я унафэщи пэрыІэбапІэ иІэкъым», – жиІэу. Нэхъ хэзыщІыкІэхми: «Щымыхъужым колхозым едыгъуэртэкъэ, я Іэщым ирагъэшхын ямыІэу яфІызэто-лІэ», – арат къыбжгъэр. «ФымыпІейтей, тІысэ, «подкулачником» къыщІагъэдзыжмэ нэхъ Іеижщ – дашынщ». «Тутнакъэщым щІэсмэ, и къуэшыр къэрэгъулщ – зыгуэру гу къылытэнщ», – апхуэдэу Кулисум игу дахэ къыхуэзыщІи щыІэт.

Ауэрэ гъатхэри къос. Алащэжым ирагъэшхын лъэпкъ яІэ-

кыым. Зэдэлъхузэшыхъу цыкIуитIу Барэсбийрэ Хъуцэрэ
Iэжъэ цыкIуэи мэзым макIуэри, щIалэ цыкIуэм пхъэ гъур
зэхуихъэ-сыху е дей цIынэ пиупщIыху, Хъуцэ гъубжэ
иыгъщи шабий сыт къех – нэгъабэрей удз гъужам шым
сыт кыыхуищIэн, итIани Iэмалыншагъэм уимыгъэщIэн
щыIэ. Пхъэм и щыIуэм гъэужь удз гъуа IэплIакIуэ телъу
зэдэлъхузэшыхъур къокIуэж.

Уае къэхъурэ мэзым ушIыхъэ мыхъумэ, Хъуцэ гъубжэр
къештэри кхъэм макIуэ, IэкIэ къритхъ хъур къретхъ, мыхъур
гъубжэмкIэ къехри алащэжь уэд дыдэ хъуар пщыхъэшхъэкIэ
Iусьиншэу кыигъанэркъым. Нэхъ уэфI хъумэ, Барэсбий губгъуэм
докIри нартыхупкъэм щолтыхъуэ, нартыху кыыдамычъжа зы-
рыз, тIурытIурэ къегъуэтри зы матэфI хъун кыыщищып къохъу.

Абьи Кулисум хэмьIэбэу щытатэми хъунти.

– Джэдыр умыгъашхэмэ, джэдыкIэм ущымыгугъ, – жиIэнщи
зэфIэкIащ, нэхъыфIхэр кыыхешыпкI.

– Джэдыр иреульэпхъащэ. Шыращ мыр кыыщIэсхъар, –
жиIэу Барэсбий зегъэгусэ, уеблэмэ нартыху кыищыпар егъэ-
пщIури алащэм цэхуу Iус ирегъэшх, аршхъэкIэ шыр зыхуейр
абы хуэдэ Iустэкъым, дзажэ дапщэ хэлъми убжыным хуэдэу
уэд хъуащи. Барэсбий ищIэнур ищIэркъым, къэп къищтэрэ
зыгуэррым и дум иуэми нартыхуу кыыхуэхъын щIагъуэ щыIэ-
къым. Кыыхуэхъыпэми, шынагъуэщ. Къазий зыдэкIуам укIэ-
лъагъэкIуэнкIэ хъунуш.

Гъатхэр кыихъауэ хуабэ хъужа пэтрэ, Кулисум «хадэ хэслъ-
хъэн» жиIэу и гум къэкIыххэркъым. Удз гъужам ухэплгъэмэ удз
щхъуантIэ цыкIуэхэр кыыхидзащи, Барэсбий мэгуфIэ, тIэкIу
дэкIыжмэ удзыщIэр къэкIыу алащэжыым и фэм зитIыжын и
гугъэу. АршхъэкIэ дэнэ, дунейм занщIэу зыкызэщIуифыщIащ,
дыгъуасэ уэму, хуабэу щыта пэтми.

Пщэдджыкъым ЦыкIушэ къэтэджрэ бом дежкIэ кIуэмэ –
алащэжыыр къэмытэджыкыфу пIэтIауэ-лъэкъуауэу щылыщ,
кыызэфIэмыувэжыфу. Къыгъэтэджын и гугъэу кьелэ-неIэу зы-
къомри елIэлIащ дадэм къару лъэпкъ кыыхэмынэжыху. Щымы-
хъум, унэм кыыгъэзэжри Кулисуми, Барэсбии, Хъуци щIишащ:

– ФынакIуэ. Алащэжь мыгъуэр укIурияуэ кыызэфIэувэжы-
фыркъым, – жиIэри.

Мохэр жэрэ еплгъым – аращ: шыр ебзым хэлъщ. КъэкIуахэр
щилъагъум, дунейкIэ къэгугъэжауэ кыыщыльэтын и гугъэу зэ-
тIэу еIа щхъэкIэ, хъуакъым, асыхъэту и гугъэр хихыжа – зигъэ-
хьейн лъэмыкIыжу зэпкърыхуауэ щылыщ.

– ИIэт, моуэ и ныбэ щIагъым бжэгъу шIэдгъэжынщи зы
лъэныкъуэмкIэ Хъуцэрэ Барэсбийрэ фыубыд, мыдрей лъэны-
къуэмкIэ уэ убыд («уэ» жыхуиIэу зи цIэ иримыIуэр и фызырат),
сэ и плIэр субыдынщи – дзыгъуибгъуэ зэдэлэм кхъуей кIадашхъэ
трач, жи. Зэ кыызэфIэдгъэувэжатэмэ, дымыгъэджэлэжу тIы-

ГЬЫНТ.

Цыктуцэ зэрыжи! ам хуэдэу зэрыбынунэу алащэм кьеувэкл-
ри езы Цыктуцэ шыпщэр иыгыу:

– Фыкье!э, маржэ! – шыжи!эм, цыктуи ини зэде!ащ. Шыри
ельэкьеуэуащ модрейхэм я туэхур кьадиггэпсынщ!эу, арщхьэклэ
джэлэжурэ Кулисум кьыжбэхэуэри пхэщ!клэ хиггэт!ысхьащ.

– Алыхьым дихьжын. Ебзым сыхиггэт!ысхьэ пэтащ.

– Яггэ к!ынкьым. Ебзми!эмал и!эщ, Умыбгэ, !эмал зимы!эр
мыращ. И!эт, иджыри зэ девггэплгыжыт.

Хьарзынэу пл!ыри зэде!а щхьэклэ, шыр зэф!аггэуэфакьым.

– Нахьапэ щ!ык!э ггэшхэн хуейщ. Ярэби, хуэнщ!ей
т!эк!у димы!эу п!эрэ?

– Хэт и хуэнщ!ей, на-а! Хьэжыггэ дггэуэтым
дымухуэнщ!у допщэф!ым, алыхь. Абы иджыри кгэс гу
лыштакгэ, н-а-а?

А махуэм хьудыр хуабэ т!эк!у шым жбэдак!э хуэдзурэ ел!-
лащ. Хьудырым нэхьыбэр шым и жбэм кьыжбэдэжыжурэ
!эщ!элынынр нэхь псыф ищ!ащ. Барэсбий зы щ!ып!эк!э жэри
наргьхушхьэ зыбггупщ! кьихьри шым шриггэлгаггум, алащэ-
жыыр кье!э-не!эми ераггыу кьызэф!эт!ысхьэри здэщысым
щысу Барэсбий!эк!э иггэляльзурэ иггэшхаш.

– Шыр зэф!эсу шхаш! – жи!эри Барэсбий унэм ш!эсыр
иггэггуф!ащ. Псы хуаби таск!э ихьри шым и пащхьэм ириггэ-
уващ.

– Алыхь ар шы хьужыну си ф!эщ мыхьу, – жи!эри, Кулисум
пщыхьэщхьэм ггэуэлыгжащ. – Псэхэл!эу умыггал!э.

Нэху щымэ, жэщым уэсышхуэ кьесауэ кьыщ!ок!э.

– Мис аращ апрелу мэлыжыхь, жыхуа!эр. Сыту уэсышхуэ,
на-а! Алыхь, щ!ымахуэм кьемыса абы хуэдэ уэс.

Цыктуцэ щ!эк!рэ плгэмэ – шыр л!ащи зэф!эдиежаш. И
фызым «псэхэл!эу умыггал!э» зэрыжи!ар и гум кгэк!ыжати
унэм щ!элгадэри зыми яримыггэляггэуу сэ кьыш!ихри шы
л!ар ф!иггэжыжаш, лы т!к!уэпс кьыщ!эмьк!ыу. Шыр зэрыл!ар
х!эущ!ы!у имыщ!ыну занщ!эу еувал!эри шыфэр трихьу хуе-
жыащ.

Барэсбийрэ Хьуцэрэ а махуэм кьаггам уш!эмыупщ!э.

Шыр кьызэф!иггэуэжыну зэрел!эл!ара е и ныбэ изу куэд
щ!ауэ зэрымьшхара, Цыктуцэ и щхьэр кгэунзаш, и нэр кьы-
щхьэрипхьуэу. Алащэжыым и махуэр кьысхуэмык!уащэрэт,
жи!эу кгэггумэщ!ащ. Шым и фэр ераггыу трихри, фэ ц!ынэр
зэк!уэщ!ышхьауэ кьыш!и!этым, дэджалэри кгэмытэдджыжыфу
и фызым кьыш!илгаггум, кьажэри кьызэф!иггэуэжаш. И нэк!у
лыы защ!э хьуари хуилгэщ!ыжурэ унэмк!э ишэжри иггэ-
ггэуэлыгжащ.

– Алыхь, алащэжыым зытебггэк!уадэтэмэ. Укьызэджэртэ-
кгэ – сыбдэл!эпыкгунти.

– А-а, алыхьым жи!ар хьунщ. Тхьэм гуш!эгъу кьытхуиш! Алащэжь мыгъуэми мэкъу !эмбатэ хуэдгъэхъэзырыфакъым. Ит!ани плъагъуркъэ: ди насып хэлъу кьыщ!эк!ынтэкъым. Бо хуабэ т!эк!у щ!этами зыгуэрти. Къэсыпауэ дадэ л!ащ, жыхуа!эм хуэдэ хьуащ, вак!уэ дэк!ыгъуэр къэсащ. Иджы ди щ!ы т!эк!ур сытк!э двэну?..

– Щ!ыри зэпыту ук!уэ. Игъащ!эм ди!акъым, ит!ани еплъ, тхьэм и шыкурк!э... .

Абдеж шы лъэ макъ къэ!ури Кулисум къэу!эбжъащ:

– Хэту п!эрэ, на-а, къэк!уар? – Щхьэгъубжэжь т!эк!ум дэп!эмэ – Хьэрун ямылъагъужыныращ.

– Ц!ык!уэщ! Кьыщ!эк!ыт мыдэ! – Хьэрун шым къемыпсы-хьу щ!опшыпэмк!э шыфэ зэк!уэц!ыльхьам йопэщэщ.

– Алыхь, дьунэхъуу дыкьыщысэхьыжар иджымэ, – Кулисум гузэвэщарэ и лъакъуит!ыр кьыщ!эмыувэжми бжэр !уихри и цхьэр дигъэжаш:

– Къеблагъэ, Хьэрун. Алыхь, езыр кьыщ!эмык!ыфыну. Сымаджэщ. Маф!эзэ!урыжъажэщ. Уи ф!эщ мыхъум кьыщ!ыхьы еплъ.

– Сымаджэщ, жып!а?

– Сымаджэ хьэлъэщ, Хьэрун. Ныжэбэ жэщым дигъэжея-къым.

– Мы шыр ф!эзыгъэжар хэт ит!анэ?

– Шыр, алыхь, дыгъуасэ кьытехуэри л!амэ.

– Ф!эзыгъэжар, зо?!

– Ф!эзыгъэжари?! Дыгъуасэ кьытехуэри... .

– И фэр зытригъэщэтри л!ащ. Ара?

– И фэ мыгъуэр дауэ зытригъэщэтын. Ар жы!эк!э хьун. Шы узыншэ дьдэуи щытакъым ар. !эрыгъэтэдэжт.

– Умыгъашхэмэ !эрыгъэтэдэж хьункъэ. Уэлэхьы, фэ шы кьы-вэзытарамэ лажьэ зи!эр. Фэ сыт фи лажьэ.

Кулисум и макъыр кьыхъэжауэ нэхъ жьак!уэ хьуат.

– Алыхь, уэ жып!эми пэж хэлъым. Дэ шым едгъэшхын дэнэ кьитхын? Зэрыбынунэу дышхэну дьт!ысмэ, зы джэдык!э закъуэщ нэрыбгип!ыт тшхыр. Ари махуэм зэ. Нобэ ди унэ хьэ-щ!э кьыщ!ыхьэрэ дгъашхэмэ, дэ нэщ! дисын хуейш... .

– Ат!э Ц!ык!уэщэ желэж: сэ ар нэщ! измыгъэхъэмэ, сыл!у паш!э стеткъым. Мо шым и фэр зэрытрихам хуэдэ къабзэу и фэр !эбжъанэк!э тесхынщ. Ар схуже!эжи, хэт ищ!эрэ – нэхъ зыкьиужьыжынк!э хьунщ подкулачникыжью шы хьарзынэр Исраф зыщ!ам.

– Шыр л!амэ, ар алыхь !уэхуэщ. Ди насып хэлътэкъыми л!ащ. Подкалашник жып!эуи укъемыщ. Емык!уэщ, уэ пхуэдэл!ым ар жи!эну.

Кулисум жиIар и тхьэкIумэ иримыгъэхьэу Хьэрун и шым ельэдэкъауэри пIашIэ-тхьытхьыу пIцIантIэм дэкIыжаш.

Къуажэ Советым тхьэмадэу тетым жиIа ильэкъыр ЦыкIу-щэ зэхихат, хьэкъкIэ кыгурыIуащ шы игъэлIар имыпшыныжу зэрымышунур. АрщхьэкIэ кыпыпхын пымыльмэ, къэIэти тедзэ. Шыфэри къуауэ гъэгъун хуейщ, армырамэ вакъапхьи пIщы хьунукъым. ТIэкIу нэхьыфI ськьэхьуауэ нэху ськьекIмэ, пIцэдей, тхьэм жиIэмэ, фэри скъунщ, жиIэу ЦыкIущэ куэдрэ пIэм хэлъаш.

ЦыкIущэ жейм хильэфат е хильафэ хуэдэу кыфIэщIат, жэщыбгым шы лъэ макъ къэIуащ. Шур зыщыплI хуэдиз хьунт. Езыр-езыру зэпсалгэрт. ЦыкIущэ зыхуихьынур имыщIэу гупсысэхукIэ, бжэм зыгуэр кыкIуэцIыпкIащ.

– Эй, кыIуфх бжэр!

– Хэт ар? Алыхь ЦыкIущэ сьмаджэ хьэлъэмэ, – жиIэри Кулисум къэтэджын шынэу пIэм кытIысхьащ.

– КъыIух. Дыдохутырщ дэ! Бетэмалу дгъэхьужынущ.

ЦыкIущэ шынауэ бэлыхьу мэIуэщхьу.

– КъыщIэгъэхьэ. Укъамылгъэгъуауэ я фIэщ хьунукъым, – жиIэу и фызым еIуащэри, Кулисум зэщIэкIэзызэу бжэм хьэлъэкIыб ирихаш. Асыхьэту лIитI кыщIыхьащ, Кулисум «къеблагъэ» жиIэным намыгъэсу.

– ЩIэвгъанэ уездыгъэ! Дэнэ шыIэ вредителыжыб?

– Сывв... сыввредителу ськьыщIевгъэдзыжа? – ЦыкIущэм и Iуэхур шыпхэ зэрыхьуар иджы тэмэму кыгурыIуащ. Вредителхэм я Iуэхур подкулачникым хуэмьдэжу ткIийщ. ЦыкIу-щэ и гур кIуэдыпауэ, псалъэ хужыIэжыркъым.

– Увредителти вредителу укыщIидзыжаш. ИIэ, зыхуапэ, накIуэ. Джанэ, гъуэншэдэж шIагъыщIэлъ сытхэр зышумыгъэ-гъупщэ. Щыгъын хуабэ уиIэмэ, кыздэщтэ...

– Дэнэ апхуэдэу дыздэкIуэнур?

– Унэсмэ къэщIээнщ:

Хьуцэрэ Барэсбийрэ я адэр дашу гу шыльбатэм, зыщIэкъу-гъуэ кыщIадзати, шуитI кьэкIуам я зыр къащIэкIиящ:

– ЗетефпIэ фи жьэр! Фи адэм и лъэужыбэр фамыгъэхумэ фыгуфIэ. Хьэбыршыбыр бын, зыш кыыватати фхузехуакъым. Шы кьупщхьэм фегъуу фыщIэс иджы.

Кулисум и лIым и хьэпшып тIэкIур къэным ирилъхьэурэ здэщытым, и гумрэ и щхьэмрэ кызырэыгъуэтгыжати, яжриIэн ищIэрт:

– Алыхь, хьэ дымышьуа шы лIам и кьупщхьэм дегъуу. Мыдэ гъэ дытегъэхьэ, адреихэм яхузэфIэкIыр дэри тхузэфIэкIынщ. Ди лъакъуэ зэхэгъэлъэдэжауэ дызэхэскъым.

– Мис ар си фIэщ мэхьу. Зи чэт мэл щIэтыр фоцIэ. Жылэм щхьэж и мылькьу ехьумэж, фи щIалэ нэхьыжыбэр фи щIалэ нэхьыщIэм и кьэрэгъулщ.

Кулисум ар ириггэлъэтэхаш, пыжиІэжын имыгъуэту. ЦыкІушцэ ину шцІуурэ зихуапэри къэпри къишцтащ. И бынунангъуэм закъыхуигъазэри ерагъ-псэрагъыу зэхэпх къудейуэ къа-жриІаш:

– Тхьэм фыкыихъумэ. Тхьэуэ гуащІэрэ гушцІэгъурэ зиІэм и нэфІ къыфшыхуэ.

А жэщым ЦыкІушцэ дашаш, и анэм «къытщхьэщыт шыІэж-къым», шыжиІам Хьэжбарэ «тюрьмар къытщхьэщыткъэ» жиІэу шыгушыІам, хэт и пщІыхьэпІэм къыхэхуэнт абы зэрыжиІа ды-дэм хуэдэу хъуну. Ярэби, а тюрьмар зи нэгу шцІэмыль шымы-Іэжу пІэрэ иджы? СабитІми я адэм и лъэужь яхунумэ? Кулисум и лЫр дашыху зиІыгъыфами, зэрыдашу етІысэхри и бын цыкІуитІым яхуэмыгъэундэІуу нэху шыхукІэ зэщиджэжу гъаш.

Куэд дэмыкІыу, Хьэжбарэ лажы хъати имыІэ пэтрэ, тутна-къэщым иса и адэмрэ и къуэшымрэ я гъусэу хэкум ирашри ягъэкІуэдащ, вредителу ирашым яхэту. Зэадзэкъуэшхэр шызэ-хуэзэжым, Къазий и гур нэхъ къызэрыгъуэтыжат, «нэхъ дызэры-Іыгъыу дыпсэунш», жиІэри. АрщхьэкІэ ЦыкІушцэ укыигъэгуза-вэу лъэрымыхъ дыдэт, къызэфІэувэми, и закъуэ лъэбакъуиц къудей хуэмычу. Гъэрэ шцІырэ зэхэкІауэ дунейм и дахэгъуэт, хадэхэльхьэгъуэт, ежауэ шцІыхур я шыгъуэгу хадэм итт. Товарнэ защІэу зэпышцІауэ мафІэгу кІыхьыжъыр зыдэкІуэр зыми ищцІэр-тэкъым. УагъэкІуэдыну ушрашажъэкІэ хэт къыбжиІэн?

ГъэкІуэдыным Іуэхур шынэсым, зэадзэкъуэшхэр зы хъужаш, къуаншагъуэ палъхьар къызыпкърыкІар тхьэм ещІэ, ЦыкІушцэ шы къезытарагъэнт. Хьэжбарэ зэгъуэдырт, тутна-къэщым кърэргъулу Іутар вредитель шцІэхъуар имышцІэу. Шымы-хъужым и суд яшцІами зыгуэрт.

Кулисум, Хьуцэ, Барэсбий сымэ я гугъу ямышцІу къуажэм къыдэнаши – ари алыхьым и шыкурщ. Ахэр абы хуэдизкІэ Іэ-пщІанэ-лъэпщІанэши, зыдэкІуэм нэмысу шцІыІэм игъэдыккъынт. Вагонхэм шцІыб уздикІын иІэкъым, дурэщым деж арджэныж фІадзэри абы къуотІысхьэ. Хьыджэбз цыкІуэхэм укІытгурэ зашыІэ, арщхьэкІэ дунейр къутэжыху зыпхуэшыІэн? Щахэ уз ягъуэтри, гуІэж мыгъуэу абы йокІуэдыкІ.

Фыз лъэщыджэм бэлыху ятелъым ушцІэмыупщІи нэ-хьыфІш, псом хуэмыдэу зи шыпэлъхуэр. ШцыкІийкІэ уи шхьэ-фэщым зЕІэт. Абы хуэдизу гугъу шехькІи къалъхур къащцІэхуэм зыгуэрт. Хушцхуэ сыт дэнэ къэна, псы хуабэ тІэкІу сабийр ягъэ-пскІыну е хьыдан ирашэкІын ямыгъуэту джанэ лей зиІэм зэфІетхъри ирешкІ.

Кулисум сымэ къуажэм къыдэна шхьэкІэ, махуэм хъудыр шынакъ къалъысмэ мэгуфІэ. Я хадэм бжыын хьэситІ итши, яхуэмышшэчыжым, Хьуцэрэ Барэсбийрэ бжыын тхьэмпэ цІынэ къыпачу я анэм илбагъум, макІуэри къыІуехуж. Джэдиц яІам

щыщу тIуц кьэнэжари, а тIур я гьунэгьуу зи джэд адакьэ хэтым я деж Барэсбий ихьурэ махуэ псом хигьэтц, арыншэу джэды-кIэкIэ уащыгугь хьунукьым.

Щыгьын жьпIэнущи, хьыджэбз цыкIум хьэм щичын щыгькьым, зэрыпцIанэ-льэпцIанэу и анэм и IэлъэщIыжь зэхэчэтхьар тепхьуауэ жьэгум дэсц, мафIэ ильмэ. Жьэгум мафIэ имыльмэ, шхьIэныжь бацэм кьыщIэпIу пIэм ильщ. Езы Кулисум жьпIэнущи – матэ цыкIу и Iыгьыу хьэблэр кьызэхекIухь, хэт хугу IэшкIэ кьызитыну пIэрэ желэри.

Кулисум зыгьэгузавэр Хьуцэ нэгьуху хьуауэ, пшапэр зэрызэхуэу и нитIым Iупхьуэ гуэр кьыIуидзэрти, хьыджэбз дахэ дьдэ цыкIур IэпкIэ кьешэкIын хуей хьуати аращ. Укьыбгьэдэки хьуртэкьым. ДжэдыкIитI и Iэти, кьыщтэу физ Iээм деж кIуа шхьэкIэ, хушхьуэ кьритакакьым:

– Абы и хушхьуэр дагьэ зыщIэт шхын егьэшхын хуейуэ аращ, си псэ тIэкIу. НэгьуэщI хушхьуэ и Iэкьым.

Абы фIэкIа жэуап кьыщыпимыхым, я унэ кьэсыжыхукIэ гьащ.

– Кьуйта хушхьуэ, нанэ? – жиIэу хьыджэбз цыкIур кьешупщIати, сыт жепIэнт? КьимыгьащIэу хьуакьым: – Схузэхильхьэм хьыбар сигьэщIэнущ, – жиIэри.

– Кьэгьуэтыгьуей апхуэдэу?

– Гьатхэщ, си псэ тIэкIу, удз хушхьуэхэр кьэкIа мыгьуэкьым иджыри.

– НтIэ удз хушхьуэр кьэкIыху нэфым хуэдэу сышытыну?

– Сыт мыгьуэр пщIэн. Схьын гуэр зэрызгьуэту, урыс доху-тырым дежи ськIуэнкьэ. Ар жиIэ щхьэкIэ зьдэкIуэну и гум кьэкIар нэгьушIт. Ари абы и гум кьэзыгьэкIар физ зыхуэтхьэ-усыхахэр арат. Пэжу езы Кулисуми гу льытат, аршхьэкIэ зи гугьу кьыхуащIам трагьэгушхуат, армыхьумэ езым дзыхь ишIу кIуэфьнутэкьым.

– Ана-а! СоукIытэ, жьпIэу уи хьыджэбз цыкIур нэфу кьэбгьэнэну? ТхьэмышкIэ цыкIур дахэ дьдэщ, и насып кьэкIуэгьуэщ. Алыхь уцIэукIытэн льэпкь щымыIэ. – Арат физ-хэм жалэр.

Ауэрэ машIэ дэкIа, куэди дэкIа, Кулисум матэ цыкIур и Iыгьыу жылэр кьызэхикIухьауэ зигьэпсэхуу жьыг щIагьым здыщIэсым, «шокьу» жиIэу физхэм зи гугьу ящIа лIым ирихьэлIащ, выщIэ танэм и пщэм кIапсэлъэрыгьу ишIауэ я унэ ишэу.

– Мыр лIо, Кулисум ЦыкIуцэ тхьэмышкIэм укIэлтыкIуэу кьэбгьээжа хуэдэу сыту хуабжьу ухэплъэрэ? Хьыбар гуэр иIэ си ньыбжьэгужьым?

– ЯгьэкIуэдамэ хьыбар иIэн? ЩIым кIуэщIырыхуу кIуэдам хуэдэщ. Быныр гуэша хьуащ, Кьэрэльашэ: нэхьыжытIыр езым и гьусэщ. НэхьыщIэ цыкIуитI мыгьуэр сэ кьызбгьэдэсц.

– Кулач, поклучник, вредитель, жалэурэ жылэр яукьуэякIэ,

тхьэ соІуэ. Сэри си жьыщхьэ сыдашынут – зезгьэгьуэтакьым. Зэ Іэшыхьуэм я деж зыщызгьэпщкІум, зэм кьушхьэ лЫщІау сыувурэ, си льэужь кьытезгьэхьакьым, сытми, ІэмалкІэ сате-кІуащ.

– Ара мьгьуэщ: уи щхьэ закьуэ уи льякьуитІти, я ныбгьуэ хьэшым зибгьэхуакьым.

– Тэмэм. ЗапэщІэзгьэхуакьым. Иджы мес, мы хьыв танэр лЫщІапщІау кьызатауэ кьызохуж. Кьушхьэм я деж сышыІау сыкьашІатэмэ, мы танэм хуэдэу кІапсэ льэрыгьу си пщэм илгьу чачэу сыдашыртэкъэ. Сэри лЫщІапІэ абы нэс сыкІуэрэт, сымьшынатэм. МысхьэаткІэ, си гугьу кьашІыркьыми, согуфІэ.

– Танэр бгьэхьуну кьыщІэкІынщ. Тхьэм игьэбагьуэ.

– Хьэуэ. Жэм псэф сиІэщ, нобэ лгьхуэн, пщэдей лгьхуэн. Мыр сыукІынурэ сщэнущ, Араш сэ сызэрыпсэур: Іэщ кьызошэхири соукІ. Лгьуэ пщэмэ, фейдэ кьыбогьэщІыф. Аракьэ я гум темы-хуар – сондэджэру цІыхум я фэр ирех, жаІэри. ЛІо сондэджэрыр лажьэркьэ? Фейдэр мыхьэнэншэми, си щхьэ согьэпсэуж.

– А, Кьэрэляшэ, а зи уз кІуэдын. Танэр букІынымэ, сынэ-кІуэнщи, псапэщ, си сабий сьмаджэм езгьэшхын тІэкІу кьызэт. Іэээм деж сыкІуати, «дагьэ зыщІэль шхын егьэшх», жиІащ. Нэгьухум арауэ жаІэр и хушхьуэр.

– Хэт нэгьуху хьуар?

– Хьуцэ. Пшапэр зэхэуакьэ – и нэр кьышхьэрэпхьуэри нэф мэхьу. Дагьэ зыщІэт мьгьуэ дэнэ кьысхын? Матэ цІыкІур кьас-щтэри, сыздэмыкІуа кьээзгьэнакьым. ІэнэщІу сыкьокІуэж.

– Хьунщ, Кулисум. Ухуеймэ, си гьусэу накІуэ, ухуеймэ, ефэндым деж накІуэ. Шэджагьуэ нэужьырац сэ Іэщ шызукІыр.

– Шэджагьуэ нэужьым сынэкІуэнщ. Алыхьыр арэзы кьы-пхухьу. И кьыгьэхьуапІэр куу тхьэм ищІ. Уэ нобэ кьысхуэпщІэр щыпхуэсщІэжыфын махуи сэри тхьэм кьызит.

Кулисумрэ Кьэрэляшэрэ салам зэрамыхьыжу зэбгьэдэкІы-жащ. Кьэрэляшэ и унэр жыжьээххэтэкьым, уплгьэмэ пкьо льягэшхуитІ хэтІауэ, а тІум я кум дэту выгу шэрхь льягэу яІэтат, Іэщым и фэр шытрахкІэ яІэгын щхьэкІэ. А шэрхь Іэтар илгьагьу-мэ, Кулисум мэхьашэт, аргуэру псэ егьэн, жиІэу. АрщхьэкІэ Кулисум абы и деж льэІуакІуэ щІэмыкІуэр Кьэрэляшэ кьэкІуауэ щытат езы Кулисум деж. Си унэгьуащэм бын кьы-схуимылгьхуу дунейм ехьыжащ, уэ фызабэу укьэнащ, кьысхы-хьэж. Уи бынри нэхь хьума хьунщ, сэ фыз кьыскІэльтыплгьын сиІэмэ, нэхь тынша сыхьунущ, жиІэри. Кулисум идакьым: «Си лгьыр дунейм ехьыжакьым, ягьэкІуэдащ, зэгьуэр кьыкьуэжІыжмэ, цІыхум сыт жаІэн? Си щІалэ нэхьыжитІри абы и гьусэщ, абыи сагьэкьуэншэнкьэ, ди щІапІэр хьфІэбдзэу хэт и унагьуэ уитІысхьэжа?» – жаІэнщи.

Арат Кулисум жэуапу иритари, апхуэдэу Кьэрэляшэ

зыкыыпигыэхужащ: мыр физ губзыгыэщ, жиЕэр пэжщ. Зэадэ-
зэкыуэ ягыкгуэдахэм ящыщ зы кыэкгуэж хыужыкыуэмэ, бэуапЕэ
кыуатынкыым, жиЕэри.

Кулисум тлэкгуэ кыэпЕэщгауэ кыэкгуэати, унэр зэлыгыуихащ,
псы кыихыащ, пхыэи икыутащ, жыэгум мафЕэ ирищЕыхыщ, псы
игыэхуабэри, жыыщЕэн сыт шыЕэт гыунэжуи, ижыыщЕащ. Ахэр
Кыэрэлыашэ имылыгагыу хуэдэу зищЕа цхыэкЕэ, псоми гу лытащ.
Лыр зЕлиха иужь, Кулисум хуиггыэфашэу шхыэ шЕэлыэныкыуэ,
танэ лыакыуипЕэри, абы ищЕылуужкЕэ блатхыэ кыыхильхыэжри,
ЕыхыэфЕэ хуиггыэтЕылыгыри и пэгуным ирильхыэжащ.

Кыэрэлыашэ унэм кыыщЕыхыэжмэ – лыр гыэващ, пЕастэр
хыэзырщ, бжыыныху шыпси Еэнэ хыурейм тетщ. Унэри кыабзэ-
лыабзэщ. Ахэр лым щилыгагыум, и гур кыызэфЕэнащ, абы хуэ-
дизкЕэ и гуапэ хыуат, и фызыр шыпсэуа зэманри и гум кыиггыэ-
кыыжати.

– Мыр лЕо, си унэ укыакгуэу хыэщЕуэ себгыэблэггыэжа?
Со-гыэпЕэ куэд щЕауэ мыбы хуэдэ Еэнэ кыысхуамыгыэувыжа

– Уи хыэлэлщ, тхыэмыщкЕэжы, уи хыэлэлщ. Ара мыгыуэщ
нобэрэй махуэкЕэ сэ пхуэсщЕэфынур. Еейуэ дызэкыуэхуауэ
допсэу.

– Зэдэшхэ ЕэфЕэщ, жаЕакыэ. Уэри укыэтЕысамэ, си гуапэ дыдэ
пщЕынт. КхыыЕэ, кыэтЕыс.

– Хыэуэ, зи уз кгуэдын. Пшапэр зэхэуащ. Иджырей хуэдэм
си Хыуэц цыкгуэ мыгыуэр нэф мэхыу. ЕпэкЕэ кыыщЕумышым,
унэ кыудейм кыыщЕэкЕыфынукыым. Сыкгуэжынщи нэхыыфЕэщ.

– НтЕэ, Еэмал щимыЕэкЕэ, кгуэж. Уи пэгуным ислыхар зэ-
бгыэзахуэмэ, урикыунщ зыбжанэрэ. Ди япэкЕи кыакгуэ, Еэщ
сщэнур тхыэмахуэм соукЕэри блыщхыэм бээрым сошэ. Зыгуэр
сыукЕыхукЕэ зыгуэр кыыплтысынщ.

– Алыхыым пхузиггыэщЕэж уэ сэ кыысхуэпщЕар, кыызэпта
лыр зыхуэсхыым тхыэм хушхыуэ хуищЕэ. Хушхыуэ хуэхыумэ,
Кыэрэлыашэ, хыыджэбз цыкгуэ дуней езыгыэлыгыэжар, алы-
хыу талэращ, алыхыым и ужкЕэ уэращ.

– Уи хыэлэлщ, Кулисум. Тхыэм хушхыуэ хуищЕэ уи хыыджэбз
цыкгуэми. ТхыэмыщкЕэ цыкгуэ, ар зи дахагы кыалгыэнэфу кыэнэ-
ныр гуузкыэ, зиунагыуэрэ. Кыакгуэ иджыри. УмыукЕыгытэ. Лыр
зи хушхыуэр хушхыуэншэу кыэдгыэнэнкыым. Куэдыщэрэ со-
лгыэу жыпЕэу, уи дээр иремыш.

– Кыызыхэпхыр нэхыыбэж ирехыу.

Кулисум лыр кыихыу кыыщыкгуэжым и лыакыуитЕыр езыр-
езыру кыокгуэ, жыпЕэнт, абы хуэдизкЕэ гуфЕэщауэ дамэ зытетым
хуэдэти. Кыызэрысыжу, сымаджэм хуэшхыным хуэдиз кыыпи-
гыэжри, лыр игыэващ. Зэанээкыуэм нэхы хуиггыэфашар танэ
цхыэ шЕэлыэныкыуэрэти, ари игыэлыгыуэщ, игыэкыэбзэжри
псым хильхыащ.

А махуэм бынунэр тхъат, мырамысэу яхуэшхын яІэжатэм. Лыр хушхъуэ зэрыхуэхъунур Хъуцэ и фІэш мыхъуми, лыр цІы-нэу ишхынт, абы хуэдизкІэ шыгугъти.

– Нанэ, мо блатхъэр сшхымэ сыхъужыну? – жиІэри цІыкІур щІэушщІати, и анэм идаккъым:

– Блатхъэ тІэкІум ишхыныр куэдрэ? Ар уухмэ, тхъэм зыгуэр къыдитышщ. Умыгузавэ.

Барэсбий бзаджэ цІыкІут, зыгуэр къыхимыІуу хуэшэча-къым:

– Алащэжъыр думыгъэлъэфу, уегъуурэ кІэмпІырафэу къы-кІэрынар пшхамэ ухъужыпэнт.

– Уэ уезгъэгъуашэрэт шы лІам и къупшхъэм. КІуэ, хадэр къэтІ. Нэхъыжъым хуэдэу щхъэ щІэлъэныкъуэ къыпхурагъэ-хъащи, зэгъэзэгъ, напэншэ!

– Ы-ы-ы! Пщэдей блатхъэм зеттынщ, тхъэм жиІэм.

– Щыгугъ.

Кулисум и сабиитІыр куэд дэмыкІыу къэбэдзэуэжат. Бла-тхъэм Хъуцэ и Іыхъэр зэригъэзахуэурэ къыпигъэж щхъэкІэ, Барэсбий Іыхъэншэ хъуртэкъым, блатхъэм едзэкъэнти, и жэм къыжкэдэхуар зэрыщІынэу ишхырт.

Зэдэлъху-зэшпхъум хадэшхуэр ягуэшауэ белкІэ къатІырт, нартыху хасэну. Губгъуэм иль шІыр зэхуэдитІу зыгуэрым ирата-щи, тхъэм ещІэ къытрахыныр зыхуэдизыр. И чэзум къыдумы-чыжмэ, упыкІащ – нэпсей гуэрым и гуэным ирикІутэжынщ.

Кулисум Къэрэлъашэ и жэмым и лъхуэгъуэ зэрыхъуар и гум къэкІащ: «Ярэби, мьлхуауэ узиІ», – жиІэри. Езы Къэрэлъашэ жьыуэ бээрэм кІуат лы ишэри. Кулисум къыщІа къыщІэкІын-ти, и Іуэхур къыгъанэри, я гъунэгъум деж дэлъэдащ. ІуэмкІэ плъэмэ – жэмыр лъхуауэ щылыщ и шкІэ зи лъакъуэ къыщІэмы-увэм ебууэ. Жэмым къыкІэрыхуа бзаджэми езыр теукІуриэжати, зиуцІапІыжат. Кулисум абыкІэ ІэкІуэлъакІуэт: шкІэ цІыкІур къеІэтри жэмым и пащхъэ ирелъхъэри ирегъэбзей, ирегъэ-къабзэ. Жэмыр и шкІэм тегузэвыхъуу мэгурым, Кулисум дэІэ-пыкъуурэ жэмыр къегъэтэдж, и шхуэлъыр еІуэт, егъэкъабзэ. ШкІэ цІыкІури щІегъэуэври жэмым щІегъэф, жэм быдз къыхуэ-мылбыдри шкІэм и жэм хуигъазэурэ.

Абы Кулисум и ужэ итүрэ Къэрэлъашэ къыщыдыхъэжам ар и гуапэ мыхъуу хъунт. А махуэм езыми гурышхъуэ ищІат: «Тобэ ирехъу, си жэмыр мьлхуэм», жиІэри, лІым и гур унэмкІэ щыІэ-ти, ищэнэ иша лыр шхапІэ гуэрым ирищэри къыгъэзэжат. Иджы мес: Кулисум псори зэфІигъэкІащ, пщІэн хуей лъэпкъ къэмынэу.

– Мыр лІо, езы жэмыр къолъІуат, къакІуи сыгъалхуэ жиІэу? Дауэ къэпщІа зэрылхуэнур? Уэлэхьи, Іуэхутхъэбзэшхуэ къысхуэпщІам. ШкІэ цІыкІум и бынжэри хуэІэзэу зэрыбдзай! – Къэрэлъашэ гуфІэщати витІыр щІэтІыкІын зэрыхуейр шы-гъушщэжат.

Кулисум дэКЫжыну кызытеувылаш:

– АТІэ, Къэрэлыашэ, уи шкІэ цЫкІум фЫгыуэу шыІэр тхэм кыдыгъакІуэ. СыкІуэжынщ иджы.

– Зэ умылашІэ. Жэмым узэрелІэлІам а тІэкІур кыхэжы-жынкыым. Къэш жэмри шкІэрышэр уи быным яшхынщ. ПщІэну цыгткыым, Хьуцэ дежкІи шкІэрышэр хушхьуэ хьункІэ мэхьу.

– ШкІэрышэр шкІэрашц зейр.

– Абы хуэдиз хуэшхын шкІэм. И ныкьуэр къэшми, къанэм къельжу ирикьунуш.

Кулисум куэдрэ зримыгэлыІуу пэгуныр къишцэщ, фЫгуи хьуахьуэри, къишыну жэмым щІэтысхьаш. Къэрэлыашэ витІыр щІитІыкІри, зэригъээхуэжыху, Кулисум и жэм къэшынри зэфІэкІаш. Фызыр шыдэКЫжым, аргуэру Къэрэлыашэ къи-гъэувылаш:

– Кулисум, кхьыІэ, мыбыкІэ дызэгурыгъаІуэ.

– СыткІэ, зи уз кІуэдын.

– Сэ жэм къэшыным сыхуэІэрыхуэкьым. КхьыІэ, укьа-кІуэрэ жэмыр къэш. Шэр ди зэхуэдитІщ. Мыхьуну пІэрэ?

Кулисум дыхъэшх нэпщІ зишцаш:

– Ан-а-а! Хьуну пІэрэ абы жиІэр, физ лыщІэ къишцаш, подкулашникщ, жаІэрэ уи пщампІэр яубыдым, дауэ хьуну?

– УзилышІуэ, жысІэрэ. И сабийр нэгьбуху хьуаши, шэ естурэ изогъІээз, жысІэнщ. АбыкІэ зыгуэр къэхэшэн уи гугъэ? Уэлэ-хьы, къэмыхэшэн, зиунагъуэрэ.

Кулисум апхуэдэу зишІ щхьэкІэ фІэфІыжыт. Гъэш уиІуу уи бын мэжэлІэн? Кулисум насып мыгхыр къеуэлІаш, жыпІэну гуфІэт. Дауи мыгуфІэнрэ? Махуэм тІэу жэмыр къишым, и ныкьуэр я унэ къихьмэ – аракъэ насыпыр. Мэкьу жыпІэркъым, Іус жыпІэркъым, жэмым и шхыныр Къэрэлыашэ къегъуэт. Ауэ тІури къэзыгъэнэщхьейн къапэщытт. Къэрэлыашэ сондэджэру шежьэм, щІыуэ гектаритІи-щыи иІэти, хэІушцІыІу имышцІу ишцаш, шІы симыІэмэ, колхозым сыхагъэхьэнкыым, жиІэри. Колхозым ухахуэмэ, зы жэм уи щхьэ ирибгъэпэсэуну къыпхуа-гъанэ хабзэт, арщхьэкІэ Къэрэлыашэ сондэджэрти нэгъуэшцІу и Іуэхур къышцІидзыжынкІи мэхьу.

Сабий сьмаджэм унагъуитІыр хьарзынэу зэрипхат: Кулисум я унэ шыпщафІэм Къэрэлыашэ и Іыхьэр щхьэхуэу ипщэфІырт. Къэрэлыашэ и унэм шыпщафІэмэ, и сабиитІым яшхынур кхьуэ-щын сэкурэкІэ кыхьырт.

Жэмри Кулисумхэ я пщІантІэм нэхьыбэрэ дэтт, удзыфІ кышцЫкІти, жэмым нэхь шэфІ кышцІэкІырт.

– Тхэ соІуэ, мы жэмри ди зэхуэдитІ мыхьуамэ. ПщІантІи-тІым сохьуакІуэ. Зыгуэр кызыэупщІат, жэмыр уасэу Кулисум ептауэ жаІэри пэж? Уасэри сыт – ди зэхуэдитІщ. Жэм ныкьуэр сысейщ, жэм ныкьуэр Кулисум лысасши, хьарзынэу дызэгуро-Іуэ. КышцІэупщІари дыхъэшхаш: «Колхозым евмыгын щхьэкІэ

къэвгупсысаш», – жиІэри. Къэдгупсысауи щІы – гъэшыр ди зэхуэдитІкъэ. УнагъуитІыр зы лэгъупым дрошхыкІ.

– ЗэрыжыпІэмкІэ, жэм ныкъуэр сэ къыслтыбгъэсаш? Алыхь, себгъэхуллам. Фыз кІэмпІыграфэм дежкІи жэм ныкъуэр уасэ хъунуш.

– АтІэ, аракъэ, зиунагъуэрэ. Ныбэжъ Хъэрун деж дыкІуэнци, и дэфтэрым Іэ теддзэжынщи, фызышэм и Іуэхур куэдрэ?

– Нысэм и уасэр жэм ныкъуэш, жаІэу жылэм ауан укъашІу?! Алыхь уэрэд къыпхуамыгусым.

– Иджыри яусыркъэ: фыз лІыщІэу Іуувэу хэт илъэгъуа, жаІэри.

– Алыхь, ар пэжу жыпІам!

– АтІэ Ныбэжым и дэфтэрым Іэ теддзэмэ абы емыкІу хэлъ? Арыншамы унагъуитІ зэдыбохь. Уи быным уи нэлэ ятетщ, жысІэу ппэзубыдынукъыми хэащ. ЕмыкІу дыкъэзыщІын щыІэ-къым, уи бын цІыкІуитІым щхъэкІэ умыгузавэ: я унэ щІресыж, хъэуэ жыпІэрэ – псори дызэхэсынщ. Уи щІапІэри хэдгъэкІуэдэ-жынкъым. Жэм ныкъуитІри зы хъужмэ – тыншыжынщ. Ди унагъуитІыр жэм ныкъуитІым хуэдэ къабзэш езыр. Зым зыр дыхуэныкъуэш.

Кулисум дэкІуэну хъэзырыпст, арщхъэкІэ сабий сымаджэр унэм дауэ къыщІинэн, цІыхуми жаІэн ягъуэтынущ. Абы и щІыІужкІэ, Кулисум и нэчыхь къутакъым, и лІыр дашри ягъэ-кІуэда щхъэкІэ, хэт ищІэрэ, дунейр шэрхъши мэкІэрахъуэ. «Езым» къымыгъээзжми, и къуитІым ящыщ къагъээзэжынкІи мэхъу. Ди щІапІэ дисыжынщ, жаІэрэ я щІапІэ къудей ямыгъуэ-тыжмэ, сыткІэ я бампІэ згъэтІысыжын.

– Хъэуэ, зи уз кІуэдын. Дунейр зэрызохъэ. Колхоз, жаІэри цІыхур зэхэхуэн ящІащи, бэлыхь лажьэр ятелыщ. Дунейр нэхъ зэІубз хъуху дыпэгъапльэ.

– Хъунщ. Арами содэ. Ауэ дунейр зэІубз хъуху дыпэпльэ-нумэ, нэхъри хъэрийкурий хъу фІэкІа зиукъэбзу слъагъуркъым.

Пщыхъэщхэм пшапэр зэхэуауэ зыпІ къэп хъэльэ и щІыбым илты къыкъуэкІаш:

– Кулисум! – жиІэри щІэху цІыкІуу къэджащ, жыг къуагъым къуэту.

– Хэт ар, къеблагъэ.

– Себлэгъэнукъым, мыдэ къакІуэ.

Кулисум Іэнкуну бгъэдохъэ, къэджам и макъыр ищІыхуу къыфІэщІати. Гъунэгъу зыхуищІмэ – къецІыху: жэмыхъэтым я Іэхъуэу щытараш.

– Уэра ар?

– Сэращ, Кулисум. КІэщІу жыІэт: лы ухуей? И уасэр иджыпсту къызумытыфми, иужькІэ къызэптмэ, содэ.

– А «мыгъуэм» нэхъ дызыхуей щыІэ: Хъуцэ цІыкІу, сым-

джэши, хушхуэр лыщ. Узыр ныбэнэщИгыгэ мыгъуэм кыыхи-хаш. АршхэкIэ уэстын лъэпкъ сиIэкым, кызыхэкIыни хадэ хэтлхьар хухукIэ дгъуэтынIауэ си фIэш хьуркым.

– Къэрэлыашэ деж схымэ сIимыхыну пIэрэ? Пуду естынт.

– Ишхыну, сэ сщIэрэ, бэзэрым лы щыпщэу утраубыдэмэ – уалэщIэклуэдащ. УкызыдимыкIыжын уагъэклуэнщ.

– Молэр зыдагъаклуэм.

– Ахэр зыдагъаклуэр сэ сщIэрэ, ауэ нэхъ гъунэгъукым. Кхъэм уи хьэдэр яхьа хуэдэщ.

– НтIэ уи деж къэзгъэнэнщи схуэгъэгъу. Дзаяжэщ, шыгъури уэстынщ. ИужкIэ зыгуэр хуэдэу дызэгурьIуэжынщ. КъоупщI-Iамэ, къэсщэхуаш.

– Къэгъанэ, – Кулисум епшурэ лIым и къэпышхуэм былIым дзаяжэхуэ кыригъэщэгаш. ЕIэри, ерагъуу уэнжакъ кIуэщIым Iунэшхуэ иIэм фIидзаш.

– Нэхъ и пшэрыпIэхэр фшхыми содэ. Фэ къэфщэхуауэ фшхыж къафIэшIынщ.

– ЦIыхур унэхъумэ, япэ хэкIуадэ мыгъуэр Iэшращ.

– Уэлэхьи, пэжым. Жэмищ фIэзгъэжаш нобэ...

Кулисум лыр кыигъэнэн фIэфI щхьэкIэ и уасэр дэнэ кыипхын? ИужкIэ пшыныжын хуей хъумэ, уи напэр текIынщ, зы дзаяжэ зэпаубыдри зырызельэфаш, жаIэу. АршхэкIэ Къэрэлыашэ лыр къэсщэху, ещэж, зыгуэру дызэгурьIуэжынщ, жиIэри Кулисум лыр кыигъэнэну гурыIуаш, модрей гъунэгъу щIалэм былIым дзаяжэхуэр къэпым кыригъэщэтри ежъэжаш.

Езы Къэрэлыашэ бэлыхъ лажьэр къыщыщIыну хэт игугъэнт. Лыр ежьэри, къущхьэмкIэ кIуэри тхьэмахуэ къэта – нэхъыбэ къэта, къэсыжа къудейуэ гъунэгъур къэкIуаш, «накIуи си жэмыр соукIыжри къыздэлэпыкъу», жиIэри. Къэрэлыашэ, еша пэтми кымыгъанэу, я гъунэгъум дежкIэ екIуэжIаш. Жэм яукIынур зрамышIэжу шэ пэгун кызыщIэкIт. Гъунэгъум къамылбагъун щхьэкIэ, шэщым кумб къыщитIат, лыыр иригъэльгэдэну, жэм кIуэщIыр щызэлыхкIэ узыхуэмейхэр иридзэу щIитIэжын и хысэпу. Жэмышхуэм и лъакъуэм кIапсэ ирадзэу кумбым ирашалIэу ягъэджэлэну арат зыхуеяри, къехъулаккым. Жэмым зыхъунщIэурэ лIитIым закъэлэщIиудурэ, шэщым щIэт шыри къэгузэвати, къеуэщ Къэрэлыашэу плъагъуми пIэжъажьэу кыриуащ.

– Ы-Ы-ы! Бэлыхъ дышыхэхуар иджыщ, – гъунэгъур гужье-яуэ лIыр къызэщIиубыдэщ, я унэ кыихыжри, гъуэлъыпIэм ирилъхьаш. Къэрэлыашэ и закъуэу зырыпсэур ищIэрт, езыр щIэкIыжын хуейщ, жэмыр пхауэ щылыщ.

– Си нысэр къыпхуэзгъэклуэнщ, Къэрэлыашэ, умыгузавэ. УIэгъэкIэ IэкIуэлъаклуэщ. Къупщхьэр псэумэ, лыр сыт, – жиIэу Къэрэлыашэ игу дахэ хуищI щхьэкIэ модрейм идаккым.

– Сыхуейкыым. Уи нысэри кыумыгъакIуэ. КъомыхэлтэкI-мэ, Кулисум хыбар схуегъашIэ.

Кулисум и шыкIэ мафIэ егъэуауэ къэсаш, къэхуам зыри химыщIыкIыу. Унэм къыщIэлъадэмэ – Къэрэлыашэ и пащIа-гъуэшхуитIыр тIыбжыым ешхуэ джэрэзыжауэ кыыхэпIиикIыу пIэм хэлъщ, гурыму, шэIуу, пщIэнтIэпсыр къыпыхуу. Зыгуэр къыщIыкIыауэ гу щылытэм, Къэрэлыашэ шIэупщIащ:

– Iуарэрэ, уэра ар? – Къэрэлыашэ цIыхубз псоми еджэртэ-кыым «IуарэрэIэ», нэхъ нэ лейкIэ зэшIтым фIэклэ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ, абы нэхърэ нэхъ цIэ дахэ цIыхубзым уреджэну щыIэ-тэккыым. «IуарэрэIэ» къоджэмэ, и псэр хьэщыкIэ пщIауэ арат.

– Сэра мыгъуэщ, зи уз кIуэдын. Сыт мыгъуэр къыпщыщIа? УIэгъэ къыптехуа? Хьэмэ уджэла? Дэнэ дей узыр? – жиIэу Кулисум къыщIэусэ, Къэрэлыашэ цIыкIу-цIыкIуу зэпкърач жыпIэну къэгурымаш, и нэпсери къыщIихуу.

– У-у-у. УкызыэмIусэ, Iуарэрэ, си Iэпкълэпкъыр зэпкърач хуэдэщ. КъызыэмIуэ сиIэккыым.

Къэрэлыашэ къыщыщIар къыщицIэм, Кулисум фыз Iэзэм деж кIуэри къышаш. ФызитIым, зэдэIэпыкIууэр сымаджэр къызэфIагъэтIысхьэри, шы лыакъуэр зытехуар зрагъэлъэгъуаш. Фыз Iэзэр Iэпэ щабэкIэ тэлэбэурэ узыр къызыпкъырыкIыр зригъашIа щхьэкIэ хуишIэн щыIэтэккыым. Шы лыакъуэр зытехуам деж игъэфIыщIати, и хьурегъкIэ пIыбжыбызэт. Шэч хэлътэккыым – лIым и тхым сэкъат игъуэтат. ПIэр зэрынэхъы-фIым хуэдэу ищIщ, сэкъат зилэм деж хушхуэ гуэрхэр шихуэри, сымаджэр теукъуэдияуэ ягъэгъуэлъаш.

– Къупщхьэм зэран хуэхъуаш, Кулисум. Абы хуэдэ фэбжыым куэдрэ уигъэгумэщIынуш, хъужыгъуафIэм ящыщкыым, те-укъуэдияуэ хэгъэлъ, къупщхьэ къэчар зэгуэкIэжыху. А, Къэрэ-лыашэ, а алыхыр зэуа, узыр зытебгъакIуэм узыIэпешэ, зыгумы-гъакIуэ: уи хушхуэр ущылын хуейуэраш. Уи закъуэ дьдэ мыгъуэуи укъэнащи, аракъэ нэхъ гугъужыр.

Сымаджэм щIагъыбзэ хэлъу жиIащ:

– Iуарэрэ и IэмыщIэм дыкынащ: хуеймэ, диггэлIэнщ, хуеймэ, диггэхъужынщ. . .

Кулисум и гур къызэфIэнащ:

– Сэра мыгъуэ хуитыр. Алыхуэ тэхэларащи, алыхыым и нэфI къыпщыхуэ, ПащIэбзииплъ. Дэри дыкыпкIэлъыпIынынщ, умыгузавэ, зи уз кIуэдын. – Кулисум «ПащIэбзииплъ» щIыжи-Iар сымаджэм и гуапэ ищIыну арат. Къэрэлыашэ иригушхуэу и напщIэ телъыр и пащIагъуитIырати и гум къыгъэкIыжаш, и фэм дагъэ шахау хуэдэу и гуапэ дьдэ хъууэ. Iуарэрэ и IэмыщIэ къы-нари пэжт, сыту жыпIэмэ си нэхыхъ къутаакыым, желэри къыдэкIуэжын идэрккыым, и сабиитI унэм шIэсыр къыгъанэу. Ауэ Хъуцэ цIыкIу, алыхыым и шыкуру, и нэ дахитIыр хъужы-пэным тIэкIуш къэнэжар. Езыр дахэ дьдэщ, къабзэ цIыкIуш,

нэщлэпкIэ цыкIуш. ТэкIу дэсыжмэ, куэдрэ дагъэсыну кыщIэ-кIынкъым, джэгу зэрыхыхьэу яшэнкIэ хьунуш.

Фыз Iээми хушхьуэ зэхилхьар кхьуэщын шынакъ цыкIум илгу кыигъэнаш: «Махуэ къэс тIэу шыхуэгъуэ шыхуэ» жиIэри. Иджы еплъ: Кулисум, я нэхъ мащIэрауэ, тIэу къэкIуэгъуэ къэ-кIуэн хуейш, унагъуитIри зэдихьу.

Къуажэм я щхьэр щIахьат, колхозым хэмыхьэн щхьэкIэ зэбгрыкIат е загъэшкIуат. Хьэрун зэрызурэ кыигъуэтырти и щIопщыр сабатажникхэм я щIыфэм щигъэджэгурт.

Къэрэлъашэр хэлъыху Iэджэрэ кыдэлъэдаш, арщхьэкIэ зэрылхьэрымыхьыр илгъагъумэ, бзаджэу и жьэм къекIур кы-тритхуэрти, дэкIыжырт. Хьэрун зыхуейр къуажэ щIыбагъым бригадэм шэщышхуэ щашьырти абы игъэкIуэнурат.

Чы-бжэгъу кызышэнури, щхьэр зыIэтынури, бгъэн тезыль-хьэнури – псори кыигъуэтауэ, ежауэ щхьэж хузэфIэкIыр ищIэрт. Фундамент хуэдэу блыным и щIагъым щIилхьэн мывэм и ужь итын игъуэтыртэкъым. Псыхьуэм нэс игъэкIуэн фIэжыжьэти унафэ ищIаш, хьыджэбзыкхьэ, жаIэу кхьэ лэгъунэхэр дэтыжу жэмыхьэтым кхьитI дэтым къабгъурытыр къакъутэу мывэр фундамент иригъэшIыну арат. Молэр къуажэм щыдэмьсыжкIэ, хьыджэбзыкхьэм щхьэкIэ гузэвэни щымыIэжу кылгытат, арщхьэкIэ лIыжхьэр кхьэм бгъэдэуваш: «ЕIусэр, лIа иужь, щIэтлхьэжынкъым», – жаIэри.

Ар щымыхьум, мывэ хэзыхыр къуажэкIэм деж щыт чэщанэм игъакIуэри хьэбэсабэу мывэ хьарзынэхэу кхьэ унэм хэлъыр зэтракъутэри бригадэ шэщым яшаш. Чэщанэм мывэу хэлъым хуэдизи хуэмей щхьэкIэ, яхуэкъутэр якъутащ, псори Iуамышыфа щхьэкIэ.

Колхоз Iуэхур кызырэжхьэрэ Хьэрун и пэм мафIэр кьрихуу пхьашэ хьуат, зыгуэр жиIамэ псалъэ пэбдзыжыну Iэмал иIэтэ-къым. ЛинейкэкIэ кыижыхьурэ, губгъуэм здитым, имыгъуэта гуэр хуэзакъэ – кьригъэтIысхьэт линейкэми, занщIэу милицэм ишэрти яритт: «колхозым хьхьэн идэркъым» жиIэрти. АдкIэ милицэм ящIэрт ящIэн хуейр – тутнакъэщым щIагъэст махуитI-щы хуэдизкIэ, ямыгъашхэу. ИтIанэ еупщIырт:

– Ухьхьэну колхозым?

– Хьэуэ.

– НтIэ иджыри уи ныбэ изщ уэ. ЩIэвдзэж зыщIэсам.

Аргуэру махуэ зы-тIу ягъэмэжэлIа иужь, еупщIырт. «Хьэуэ» жиIакъэ – аргуэрыжьт. «Сыхохьэ» жиIамэ, яутIыпщыжырт, заявленэ тхар IэщIэлъу. Заявленэр яхьэр колхозым иратауэ къа-гъээжмэ, я унэ нэмысыжыфу уэрамым дэлъу къагъуэтыжа щыIэт.

Къэрэлъашэ хьужауэ сымаджэнэпщI зещI, жаIэу, тхьэм ещIэ кыжызыIар – хьыбарыр Хьэрун и тхьэкIумэм ицырхьати, зэгуэр Къэрэлъашэ и куэбжэм линейкэр ирихулIаш. Куэбжэм

пхъэпырыплъмэ, Къэрэлышэ хъарзынэу пщлантIэм дэтт, и дамитIыр дөшөеуэ, пхъэ лыакъуитI иIыгыбу.

– Ей, зыгуэр дэс мыбы? – жиIэри Хъэрун джаш, зыхуейр дэту илыагы пэтрэ.

– Уэй, къеблагъэ, Хъэрун, – жиIэри къуажэ Советым тетыр и макъIэ къицIыхужауэ бэжхъым къуэуващ, «мы емынэ унэр аргуэру сытым къысхуихъа», жиIэу. «Къеблагъэри» хабзэм зригъэху къыжбэдэхуат. Кулисум гушыIэу жиIат: «ФызIышIэ къэпштауэ укъашIэмэ, подкулачник къыпфIашынщи жылэр зыдагъакIуэм уагъэжIуэнщ», щыжиIам, фызым гу зылърымь-гъэтами, къэгүзэват.

– Мыдэ къакIуэт, Къэрэлышэ.

– СынокIуэри! Си лыакъуитI мыгъуэм сызэрахъным и пIэкIэ къызолъэфэкIыр. Сыпхъэ лыакъуэщи псынщIэу ськIуэф-рэ. – Къэрэлышэ пIауэм хуэдэу и дамитIыр дөшөеуэ макIуэ.

– АтIэ хъэдагъэ кIуэн. УнагъуитI зэдэпIыгъщ.

– УнагъуитIи хъурэ ар? ЗэдаIыгъ мыгъуэри сэраи.

– Ар зэрыхъуракъым сэ сызыхуейр. Къэдалуэ мыдэ. ПхъэIэ-щэ, къитхъ, мэкъуауэ машинэ, сэ сщIэ мыгъуэрэ, Iэмэпсымэу уиIэр выгум къылыхъи колхозым нашэ. КъыбгурыIуа? Жэм уиIэкъэ? (Жэмьыр Кулисум и пщлантIэ дэтт). Хъэрүни Iуэр зэпи-плъыхъати, жэмьыр иттэкъым.

– Жэм ныкъуэ. – Къэрэлышэрэ Кулисумрэ зэдэгушыIэу жаIар и гум къэкIыжати абы триухуаш.

– Сыт жэм ныкъуэ?

– Зы жэм диIэщи, Кулисум дэрэ ди зэхуэдитIщ. Жэм ныкъуэр абы ейщ, жэм ныкъуэр сысейщ – гъэшыр ди зэхуэдитIщ. Уи фIэщ мыхъумэ я пщлантIэм дэплъэ, жэмьыр дэтщ.

– Жэм ныкъуэри зыгуэрщ. Уи выгур нэху витIыр щIэщIа-уэ. Нумыхурэ, къызжиIакъым жумыIэж: «хъэжыщI» узгъэ-кIуэнщ – зыдэкIуэр къыздэмыкIуэжу – Соловки.

– ГущIэгъу къысхуэщI, Хъэрун. Сыпхъэ лыакъуэщ, пщлан-тIэм сьдэкIыну къару сиIэкъым. Дауэ мыгъуэ схун выгур. Схуми, хэт ськышпэжын. Къуажапщэм нэс кIуэн хуейщ, – жиIэу Къэрэлышэ кърибжэкIа пхъэкIэ, хъуакъым.

– Ар зыхун къэзгъэкIуэнщ. Умыгузавэ. Къитхъ сыт уиIэмэ, гум нилъхъэ.

Хъэрун зэрыжиIам хуэдэу а махуэ дьдэм щIалэ гуэр къыгъа-кIуэри выгур дахуаш. Къэрэлышэ и Iуэхур нэщI хъуауэ ши-лыагъум, бэжхъым щIэуэври «уэхъ-уэхъ» жиIэу гъаш, витIыр и гум щIыхъауэ. «ВитIым и пIэкIэ пхъэ лыакъуитIщ къысхуэнэ-жар – тепыхъи шыс». Ауэрэ Кулисуми къэсащ, шхын кыхьыри.

– Дэ игъашIэм ди пщлантIэм е шы дэмыту, е вы дэмыту допсэу. Апхуэдизу утемыгуIэ витIым. Пэжщ, уи витIым хуэдэ вы зиIэр куэдкъым. Уи витIым пылым я къарур я къарут. А тIум зыым фIэкIа щIэмьщIами мэкъу къишпэфынут.

Кулисум жиІэм Къэрэляшэр едаІуэрэ пыхъэныр пичащ. Шхэни сыти имыдэу, унэм шІыхъэжри пІэ гъурым теукъуэдияуэ гъуэлъыжащ.

Гъырэ гурымрэ умыщІэу, уепсалгъэ щхъэкІэ, къопсэлъэжыркъым. Кулисум лІым и закъуэу къышІинэри я унэ кІуэжащ. Къэрэляшэ витІыр щимыІэжкІэ Іэщ къищэхужи хъунукъым, къищэхуми, хуэукІынукъым, иукІыпэм, бэзэрым хуэшэнукъым. НтІэ и жьафэр укъауэ зигъэлІэн хуей! «Колхоз хъэжыщІ» уагъакІуэми армыра уэ къыпщыщІынур?

Къуажэм, гузэвэгъуэ псом ящІыІужкІэ, нэгъуэщІ гузэвэгъуи къыдэхъуат: духъэшъуэ дэсар щыдашъым, зыгуэр лІэмэ хъэдэр зэзыгъэзэхужын, зыгъэпскІын, деур езыгъэщІын ямыІэжу къэнащ. Нэмэзыбзэ тІэкІу зыщІэ шыІэми, къурІэн еджауэ зау-мысыжын шынэрт: адрейхэр зыдэкІуам дэри дагъакІуэм, жаІэрти. Къуажэ згушІэм деж къэуу тхъэусыха лІыжыи шыІэт.

– МылІэжын шыІэкъым, дылІэмэ, ди хъэдэм шы лІам хуащІ нэмысыращ хуащІынур. Абы унафэ гуэр иІэн хуейт, – жиІэри. АрщхъэкІэ Хъэрун жыжъэу зригъэпсэлъакъым.

– Абы и унафэ щІа хъэзырщ. Колхозым духовой оркестр къедгъэщэхунци, «ду-су» жиІэу, фыщІедгъэлъхъэнц.

АбыкІи зэфІэкІрэ? Гъэ къэс гъавэр кърахъэлІэжмэ сэджытрэ бытыррэ кыхахырти цІыху ныкъуэдыкъуэм, Іэшэм, лъашэм, сымаджэ хъэлъэм, молэм иратырт. Иджы къуажэр колхозщи сэджыти бытыри шыІэжкъым. Къулейсызыр гугъу йохъ. Дымуслъымэнуну цІыху лъэрымыхъхэр дгъэлІэну тхуэфашэкъым, колхозым мащІэ къыдитми, тхъэмыщкІэм гу лъыттэну ди борщ, – жызылами Хъэрун яжъэдигуэжащ:

– Лажъэм лъэжэ ешхри, мылажъэм лажъэ егъуэт. Къулейсызым я унафэр къуажэ Советым ирыращІ. Фэ фымэкъумэ шыщІэжкъым, фыколхозникщ, къулейсыз лІэмэ, и гуэныхъ къыфтехуэркъым. «Хъет» жевгыІэу колхозым фыщылажъэ, фыщымылажъэрэ – итІанэщ хъэдэлусыншэу фыщыщІалъхъэжынур.

ЗгушІэм къагурыуащ узыщыгугъын зэрыщымыІэр. Къэрэляшэ згушІэ сытхэм кІуэну Іэмал иІэтэкъым, ауэ, итІани дэнэ сыт шыжаІэми ищІэрт. Махуэ къэс зыхищІэрт ныкъуэдыкъуэм зэрыхъуар. Губгъуэм кІуэфынутэкъым, мэз кІуэнри пыхъжащ, щхъэлтет къудей хъунукъым, Іэщыхъуэ, жышІэнуци, ари и къарум къыхъынукъым. Выгумрэ витІымрэ иІэжатэмэ, чырэ сыт кІуэуэрэ, зыгуэр къылэжбынт. НтІэ дауэ? Кулисум къыхъ шхын тІэкІур къыхъын пичмэ, дауэ хъуну? Абы и гуащІэдэкІыр зы мащІэ тІэкІуш.

ТІэкІу докІри, Кулисум къокІуэ.

– Сыт хъыбар, Іуарэр? Дыпщыгъупщэжаи. Дапщэщ къэ-кІуэну пІэрэ, жызоІэри сыноплъэ – укъакІуэркъым. Уи бынхэр узыншэ? Хъуцэ цІыкІу и нэ дахитІыр хъужа?

– Алыхь, псори хьарзынэтэмэ. Ауэ жэмыжьыр гьужаш, шэ шынакь кьыщІэкІми араш. Абы кьыщІэкІ тІэкІур уэрэ Хьуцэрэ фьзогьэшх. Иджы гьужыпэмэ, кІэфий епшэу шыс.

– Іуэ. Уэлэхьы, дыкьэбукІам – сыт а жьпІэр зищІысыр. КІэфий дебгьэшцэнуми дэнэ кьитхыну? Жэмыжьырат дызыкьуэсри абыи ушыгугь хьужынукуьым.

– Иджыри зы тхьэмахуэкІэ кьыгхуэшыжьыфми араш.

Кьэрэлыгашэ зыкьомрэ гупсысащ, Кулисум кьыхьа мырамысэмрэ шэ Іубыгьуишымырэ хэІэбэн фІэмыфІыжу. «Іыхь-сыхь» жиІуэ кьызэфІэтІысхьа щхьэкІэ, шхын тІэкІум и нитІыр теплты-зэу шыст, жиІэныр имыщІэу.

– Кьэхуж атІэ жэмыр си деж. Куэдш уэ абы узэрелІэлІар.

– ЛІо, уэ кьэпшэм, нэхьыбэ кьыщІэкІын уи гугьэ?

– Сэ кьэсшыххэнукуьым жэмыр. Щэху цыкІуу сукІынщи, лыр тшхьынщи. Зэдгьэзахуэмэ, щымахуэр иритхынкьэ? ЫІ?

– ІыхьитІу бгуэшуи?

– Згуэшу. Жэм ныкьуэр уеуеуэ дызэгурыІуакьэ?

– Жэм ныкьуэр сысеймэ, алыхь, узэмыгьэукІыну. Щыма-хуэр зыгуэрурэ итхмэ, иужькІэ узэрыпсэуныр сыт? Гьатхэ унэ гьуанэщ, жиІаш. Сытым дышыгугьын?

– Си ныкьуэр сыгьэукІ.

– ЖумыІэн жумыІэ, ПащІэбзиипль. Жэм закьуэраш унагьуитІри дызыкьуэсыр. Тхьэм жиІэмэ, гьатхэм дытехьэмэ, лхуэнщи аргуэру шэ пэгун кьыщІэтшынщи. Кхьуей хэтхми, шатэ тепхми – гьэшыр гьэшщ. Щымахуэм нэхь кьелькІафІэу укьельын щхьэкІэ, мис, меститІи пхуэсщІащи, мэ, фыкІэ зыхьэ, ар зэрыщыптІагьэу уи льякьуитІыр тхьэм игьэхьуж. – Кулисум ІэльэщІ эхэфыщІа тІэкІур экІуэцихри вакьэ льяпщэ кІыхьитІ, шкІафэм и цыр кьыдэгьэзэуэ зэрытету кьритащ. – КІэлэш теплтьхэмэ щымахуэм уигьэтыншынщи, зи уз кІуэдын.

– Іуэ, зиунагьуэрэ, мыр сэ схуэпщІа, Іуарэр? – жиІэри и льякьуитІыр кьыщІэувэжа хуэдэу Кьэрэлыгашэ гуфІащ, здэшысым щысу занщІэу зыщикьуати, щыгьыу кьалтьхуащ жьпІэну хуэфІыпст.

– Алыхь сыгузэватэмэ, хуэмыхьумэ, жьсІэри, арщхьэкІэ пхуэфІыпсщ, ПащІэбзиипль. КІэлошыфІитІ кьэтщэхужатэм араг.

– КІэлошыр си Іуэхуш. СощІэ ар кьызэзыщэн. Тхьэм пхузи-гьэшІэж, согьэпщІыр, сумыгьэхьуІамэ, Іуарэр. Бгьэтэджамэ мынэхьыфІу пІэрэт.

– Сэри си гугьат: абы хуэдиз шху дэнэ кьипхыну?

– Ари пэжщ. Псыф хьуху щаби хьунщ.

Жэщым нэху щыху Кьэрэлыгашэм и нэбдыпэ зэтрильхьа-куьым, жэмыр Кулисум кьелыхьыжа зэрыхьуным егупсысурэ. «Жэмым и ныкьуэр узот» щыжиІам, иритыпэу арагькьым. Ауэ, пэжщ, жэмым кІэлъыпльри, зыгьашхэри, кьэзышри, гьэшыр

зэзыггэзахуэри Кулисумт, зыгуэр лъумыггэсмэ къемызэггъу кышцІэкІынт. Иджы жэмыр фызым кытумыхыжмэ, иужкІэ узэриггэпсэлтэжынккыым. Жэмыр имыукІмэ, нарыху хьэнтхъупс защІэкІэ щІымахуэр ихын хуейщ. Хьэнтхъупсри хьэнтхъупс хъун, лы сыт хэмылгэмэ? Жэм уиІэу шхын щхьэкІэ гуггъу уехурэ улІэпэнкІи хъунщ. НтІэ занщІэу жесІэн: Кулисум е кыздэкІуэ, зы унаггъуэу дыпсэумэ, нэхъ хъума дыхъунщ. Уи нэчыхьыр мыкытауэ абы утегузэвыхьым, иджы кыуажэ Сове-тым нэчыхьым и Іуэхур зэфІэкІыггъуафІэ дыдэщ. Уи жэм кыжэдамыггэкІыу нэчыхьыр ятх, уаси сыти кыппаубыд щымыІэу. Зы унаггъуэу дыхъумэ, жэмыжъри нэхъ хъума хъунщ. Ар имыдэрэ – уэсят кыхузогъанэ, си унэри, си щІапІэри сыла иуж Кулисум кыхуэнэжыну. Абы нэхьыбэ збггэдэлъу шыта-тэмэ, «Уи хьэлэлщ» жысІэнти, естынт.

Кулисум Іэджэрэ кыэкІуащ, арщхьэкІэ Къэрэлъашэ жиІэну и мурадыр хужыІэртэккыым. Жэмыжэ закыуэр пщІантІэм кыди-хуэжрэ сызезыхьэн щымыІэу сыккыхыфІидзэмэ сыкІуэдыпа-ккэ, жиІэу. Ауэрэ щІымахуэу шылэр кыихьэри псы кыудей умы-ггъуэтыжу псыри штащ, щыггъужыпи щыІэу. Кулисум и сабии-тІыр и гусэу псыхыи кІуэрт, пхьэ ггэсыни Іэжэу цІыкІукІэ кыа-шэрт, жэмым ираггэшхын нарыху бзий кыаггъуэтырт, а псом и щІылуужкІэ Къэрэлъашэ ишхын тІэкІу цаггашцІэртэккыым.

Зыгуэр хуэмышшэчыжу Къэрэлъашэ кышцІидзаш:

– Сэ зыгуэр бжесІэнуши, Іуарэ, ккыбІэ, уи жаггъуэ умыщІу жызггэІэ. Дауи щІы, зэ зи гуггъу тщІам унафэ гуэр иІэн хуейщ.

– Сыту пІэрэ иджы ар?

– Зи сытыр пщІэжырккэ? Дызэхэггэхьэж. Зы унаггъуэ дыхъумэ, ди Іуэху нэхъ тэмэм хъунщ. Дзыггъуибггъу зэдэІэм кхъуей кІадащхьэр трач.

– Дэнэ уэ кхъуей кІадэ щыплггэгуар? Жэмыжэ закыуэр пшхыжмэ, кхъуей кІадэ дэнэ ккэна, шэр зэбдзыну шхупщІатэ кыудей бггъуэтыжынукуккыым.

– Жэмым и гуггъу умыщІ. Жэмыр ди зэхуэдэщ жысІаши, ди зэхуэдэщ. Мыдэ ккэдаІуэ.

– СынодаІуэ, ПашцІэбзиипль, сынодаІуэ.

– ПщІыхьэпІэ Іей слггэггъуащ. Сэ куэд схуэхьыжыну кышцІэ-кІынккыым. Ноби пщІэдеи...

Си щІапІэ яхъумэну быни кызэзнэкІырккыым. Унэ сиІэщ, псэуалгэ сыт жыпІэнуши, ари сиІэщ. ПщІантІэр алыхьым кыузэритынщ, жыг хадэри аращ. А псор уасэ пэльытгэу мыхъуу уэ кышхуэзгъанэу уэсят сщІынщ. Уэ бын уиІэщ, тхьэм и хьэр уиггэлъаггъу, тхьэм ггашцІэ кыарит. Мо яггэкІуэда тхьэмышцІэ-хэм ящыщ кыиггэзэжми – ари насыпшышуэщ, зыщІэбггэгтІы-схьэн унэ уиІэнщ. КІэщІу жыпІэмэ, кыздэкІуи, си щІэныр

уэ кыпхуэнащ. Сэ си шыгъын тІэкІу схуэбдыжмэ, си пІэр схуэбгъэкъабзэм – нэгъуэщІ сыхуейкыым.

Кулисум едаІуэрэ сымаджэм жиІэм губзыгъагъэ хэлъу кылыгытащ. Фызыр зэрыарэзыр къуигъащІэу дыхъэшх нэпцІ зищІри жиІащ:

– Ан-на-а. Ди жбыщхъэм нэчыхытх дауэ дыбгъэкІуэну? Жылэр кыгтыщдыхъэшхыу?

– Сыт дыщІэкІуэнур? Советым я писырыр си нэІуасэщ. Пхъэгуль пуд дыдэу есшауэ шытащ. Зыгуэр згъакІуэмэ, езыр къэсынщ, зыхуейр къыздиштэнщи. Дэри цырибон башчырыбэ хутедгъэувэнщи, согъэпцІ, нэчыхыиц пхуимытхым. Хъэрун Іэ тридзэн хуеймэ – тхыль ищІэрккъым. Абы и Іэр тезыдзэр пи-сырыращ.

– Алыхъ, абы фІэкІа хэмыльмэ, ар мыІуэху. ГъакІуи къе-гъашэ, и гъэхъэщІэныр си Іуэхуш.

– Уарэзыщ, ара?

– Щы узэрыхуейм хуэдэу.

Махуэ зы-тІу дэкІри хъэблэм дэз хъуащ: «Кулисум Къэрэ-лъашэ зэрыдэкІуар зэхэпха?», – жаІэу. Писыр къэкІуам сымаджэм и уэятри итхри мыхъур тригъэуэжати, арат нэхъы-бэм нэхъ ягъэщІагъуэр: «Къэрэлъашэ и акъыл абы дауэ нэса?» – жаІэу.

ЛІымрэ фызымрэ я мылькур ирикъунутэкъым хъэгъуэлІы-гъуэ ящІыну. Писырым хутрагъэува цырибон башчырыбэм и уасэр щІыхуэу къащтат. Хъыбарыр куэдыщэри цІыхум ягъэны-щкІуакъым. Кулисум ягъэкъуаншэмэ, нэхъ щІагъэкъуаншэр и унэм щІалэ цыкІумрэ хъыджэбз цыкІумрэ кыщІинэу и лІым деж зэрыкІуарат. ЗэдэльхузэшпыпхъуитІым ар яфІэІуэхушхуа-къым. Барэсбий, дадэ цыкІу хуэдэу, махуэ къэс мзым кІуэрти пхъэгъэсын къишэрт. Хъуцэ цыкІуи Іуэхуншэу дэстэкъым: жэмыр псафэ ихурт, нартыху бзий иритырт, пхъэ икъутэрэ пэшхъэкур игъэплъауэ и дэльхур кыригъэхъэлІэжырт, уеблэмэ джэш лэпс хуигъэвауэ.

Зээмызэ Хъуцэ шыгъын хъэху кыигъуэтынт, дахэ дыдэу зихуэпэнт, сэхусэплъи еуэжынти, и дэльху цыкІур и гъусэу джэгү кІуэрт. Я анэр къабгъэдэсу шытагэм ар къахуидэну Іэмал зимыІэт. Зэдэльхузэшпыпхъум а тІэкІур я зедищэхуу я анэм шабзыщІт. Хъуцэ шыгъын дахэ тІэкІу зэрыщитІагъэу удимы-хъэхыну Іэмал имыІэу дахэ цыкІу хъурт, щІалэ зи джэгү хыхъэ-гъуэхэри зригъэплъу.

Зэгурым Кулисум бзээрэм кІуат. Хъуцэ шхын игъэхъэзыр-ри Къэрэлъашэм хуихъат. ЛІыр фІуэу шхэрэ хъыджэбзым къыщеплъым, мо дахэ дыдэ цыкІум гу къылтшымытэу къэнэнт? Езыри лІыжъ гушыІэрейт. Хъыджэбзым унэр ипхъэнкІуы и пхэр къыщыхуигъазэм Къэрэлъашэ пхъуэри Хъуцэ и пхэм епІэ-

склуаш:

– Пльагъуркъэ мыр? Бдзэжьей шхыпхъэ хъуаш, Хъуцэ ар и жагъуэ мыхъуу къэнэнт? Унэр зэлъыгуихауэ пльэмэ – дадэр мэжей Гурихауэ, и пашцIэгъуитIри утIэрэзыжауэ мэпIий. Хъуцэ щхъэгъубжащхъэм лэныстэ телъу щилъагъум, цэху цIыкIуу ежалIэри къишташ, мо лы Гурихам бгъэдыхъэри, «сархъ» жиIэу, пашцIитIым я зыр пигъэлъэтащ.

– А емынэ шыр, мы къызэпщIар сыт? – жиIэри Къэрэлъашэ къызэфIэтIысхъэу пхъэ лъакъуэмкIэ и мылъхупхъум еуэну арат и гугъари, къэмытIысыфурэ, Хъуцэр, бгъуэтым къащтэ, жэрыгъэ защIэкIэ и унэ кIуэжащ. Абы и хъыбар и дэльху цIыкIум щызэхихым, а тIум а махуэм къадыхъэшхам ущIэмыпущIэ.

Кулисум къэсыжмэ – Къэрэлъашэ пхъэ лъакъуэр иыгъыгу хэлъщ, къэгубжьыри и нитIыр къыщхъэрипхъуауэ, дахэ-дахэуи псэлъэжыфыркъым. ПашцIэ тIэкIу Хъуцэ пигъэлъэтар игъэпIий-уэ хэлъщ, мэгъумэтIымэри, и фызыр унэм къыщIыхъэжауэ гу зэрылытэу, Къэрэлъашэ къэкIиящ:

– Гуарэ! А Гуарэ, пльагъурэ уи пхъум къызищIа хъэдэгъуэ-дахэр? КъакIуэт мыдэ.

Кулисум къэгузэващ:

– Сыт, на-а-а, къуищIар?

– Мис еплъ, – Къэрэлъашэ и пашцIэ кIапэ утIэрэзар къы-хуигъэпIиящ. – Жейм сыхильэфуэу, къиштгэщ лэныстэри, си пашцIэ лъэныкъуэр пиупщIри, щIэпхъуэжащ. Мыдэ къэкIуэнкъэ иджыри зэ – согъэпIи и лъакъуэр зэпызмыудым, лIым пашцIэ темыту ар дауэ? Е пашцIэ лъэныкъуэ фIэкIа птемыту! Узылъагъур къыпщыдыхъэшхыу!..

Кулисум къэгубжьат.

– Мыдэ зэ къыспэщIэгъахуэ а Iейр – алыхъ, и лъакъуэр зэпызмыщIыкIым. Ар гушыIэкIэ хъун? ГушыIэкIэ зымыщIэр IэштIымкIэ мауэ, и фэр IэбжьанэкIэ тесхынщ. . .

А махуэм Хъуцэ зигъэпщIури зыкъригъэгъуэтакъым. Щхъэгъубжэм Iусу щыс защIэти, и анэр къэкIуэжу илъэгъуакъэ – унэм щIэцIэфтти и ныбжьэгъухэм я деж кIуэрт. Махуэ зыбжанэ дэкIа иуж, анэр и пхъум зэрешхыда шIагуи щымыIэу, анэм и къытехъэри текIыжащ. Езы дадэр мыгукIыгтэу хъыджэбз цIыкIум и пхэм къызэрепхъуар Хъуцэ къыщыжриIэжым, «хуэ-фащэр епщIэжащ, атIэ», жиIэри Кулисум абы къыфигъэ-кIакъым. Езы Хъуцэ дуней мылъкур ептамэ Къэрэлъашэ и пщIантIэм пхудыхъэжынутэкъым.

Къэрэлъаши гужыгъэжыкIэ ерышти и гум ириубыдащ, хъы-джэбз цIыкIум кърищIар хуимыгъэгъуну, и анэм хуигъэгъуами.

Кулисум жэмым иригъэшхын имыIэу тхъусыхати фыз гуэрым нартыху бзийкIэ къыгъэгугъат: си хадэм йокIуэдэжри илъщ, къакIуи шэ, жиIэри. Иджы и сабиитIыр гъусэ ищIу Iэжьэ цIыкIукIэ нэгъуэщI къуажэ дэс фызым и деж кIуэну мурад

ишЦащ. Ар Къэрэлыашэм и тхьэкIумэм къыщицырхьэм, зы бэлыхылажэ къызэркIын гуэр и гум къэкIащ.

Еуэщ-еIэри, и вакытIыр бэкхь цIагъым цыщитIащ, пщэдджыжьым нэхь шабэ хьуауэ къыщIэсхыжынщ, жыхуиIэу. Фызыр жьыуэ къэтэджри, и сабиитIыр и гьусэу, Iэжэ цыкIури яльэфу ежьащ. Ахэр зэрыдэкIыу, иджы си вакытIыр къыщIэсхыжынщ, лъыстIэгъэнщи къуажэ Советым ськIуэнщ, писырым сыхуэтхьэусыхэнщ, уэсатри нэчыхьри икьутэж дэнэ къэна, жэм ныкъуэри Кулисум и быным къатрихыжыну. А Iуэхутхьэбээр къыхуищIэмэ, цырибон башырыбэкIи къыгъэгугъэнущ, писырым и тIасхьапIэр ищIэрти.

Къэрэлыашэ бэкхьым кIуэмэ – и вакъэ лъэныкъуэр хьэм къыщIихауэ ишхьу ильэгъуащ. Пхьэ льякъуэр тришащIэрэ хьэр игъащтэм, къэнэжа тIэкIур и жьэм жьэдэлъу ежьэжри – бгъуэтым къащтэ. Льякъуэм вакъэр щикъуэщ, лъэныкъуэм хьыданыхь къришэкIри, зыдэкIуэну игугъам кIуащ. И шхьэри башлбыккIэ фIипхыкIащ, и пашIэ паупщIар умылыагъуу. Къуажэ Советым я бжэIупэм Iуувэри джащ.

– Яфет! А Яфет!

Щалэ гуэр къыщIокI:

– Сыт узыхуейр? Iуэху уиIэм, къыщIыхьэ.

– Сэ Яфетт сызыхуейр. КхьыIэ, хьуххэнумэ, дакъыкьэкIэ къыщIэгъэкI.

– Iпо, къакIуэ псоми писырыр япежьэ уи гугъэ? КъыщIыхьэ, Iуэху уиIэм.

Къэрэлыашэ Хьэрун зыхуимыгъэзэн шхьэкIэ зуигъэукIынщ.

– Фи дэкIуеипIэр льягэщ, си къуэщ. Си къарум къыхьынукъым. Хьунумэ, Яфет къыщIэгъэкIыт.

Къэрэлыашэ ешат Iейуэ, къаруи псэруи къыхьэмынэжауэ. Гъуэгур къехьэлъэкIат.

ТIэкIу дэкIри писырыр къыщIэкIащ, джанэ хуабэ фIэкI шымыгъыу. Яфет, урыс шхьэкIэ, адыгэбзэ ищIэрт, игъащIэм зы къуажэм къыдэкIмэ нэгъуэщI къуажэ кIуэурэ псэут. Дэнэ мыкIуами, тхьыл ищIэу зы председатель хуэзатэкъым. Хэт сыт хуэдэ IуэхукIэ къэмыкIуами, хузэфIигъэкIырт, пошотыр и къыдэгъэжым дэлът, нэгъуэщI сыт хуэдэ Iэмэпсымэ ухуейми абы и деж шыбгъуэтынут.

– Сыту жьыжьэу укъэувыIа, Къэрэлыашэ. Къеблагъэ. Ди унэр хуабэщ – зыбгъэхуэбэнщ.

– Хьэуэ, Яфет. Уэращ ськъыщIэкIуар. Адрейхэм сахуейкъым. УмыгъэпIейтей. Зы дакъыкьэ закъуэкIэ къызэпсалъэ, узгъэгувэнкъым.

– Сытыт укыщIэкIуар? ЖьыIэ.

Къэрэлыашэ гъунэгъу дыдэу бгъэдохьэ:

– Зэгур тхьылитI тхуэптхати, пщIэжрэ?

– Дауэ сымыщIэжу: нэчыхьымрэ уэсатымрэ.

– Тэмэм. А тИуращ мыбы сыкъээыхуар.
– БгъэкIуэдауи?
– Хьэуэ. ЗгъэкIуэдыну.
– Ар дауэ? ПыIэшхьэрыхIэ ульаIуэри пхузэхэслъхьаш,
хабзэм къемызэгъыпэми...
– ЖысIаш, уэлэхьы. НтIэ, иджы дунейм тумыгъэт а тIур.
ГъэкIуэд.

– Уэ уи дей шыIэш ар.
– Си деж шыIэр мафIэм езгъэхьаш. ЗэфIэкIаш. Советым
къыщIэнаращ сэ зи гугъу сщIыр.

– Абы лъыхъуэн хуейщ. КъэгъуэтыгъуафIэу уи мыгугъэ, си
къуэш. Тхылъу диIэр цырыщу зэIьхын хуейщ.

– ЗэIьх. Сэри си жэмыр ди дежкIэ есхуэкIыжынщи, сыукIа
иужь, аркэ башырыбэм хуэфащэ дэшхьыни и гъусэу къыплгъэ-
згъэIэсынщи. Къэгъуэти зэIьгъхь, сэ тхылъ сщIэркъым, сыбгъэ-
лъагъуми, хэсщIыкI шыIэкъым.

Яфети ищIэрт, тхылъ зыщIэ молэм фIэкIа къуажэм зэрыдэ-
мысыр. Езыр пэжкIэ цIыхум яхэту псоми къафIигъэщIт, уеblэм
лаIамэ, езыр урыс пэтми, жэназым кIуэрти дыуэ ядищIырт. Абы
щхьэкIэ нэ лейкIэ цIыхур къепллырт, хьэдэIусым шыщри
кIарзинкIэм изу къратырт. Писырыр быныншэм, хьэдэIусу
къыхьам тхьэмахуэкIэ ирикъурт. Зэгүэр кIэдетым ящыщц,
жаIэ-ри хьыбар Iуати, къаумысыфакъым, иджы ари
ящыгъупщэжауэ мэпсэу.

– ДызэгүрыIуащ, си къуэш. Си деж уи уэсатыр
къыщагъуэ-тынкъым. Умыгузавэ. КIуэжи уи жэмым и унафэ
щIы.

Ти, Къэрэлъашэ плъагъум и лъакъуитIыр къыщIэувэжа
хуэдэ, дэпкIей-къепкIыхуэрэ къехьжа дэнэ къэна, Кулиsum и
пщIантIэм дыхьэри, жэмыжь псы емыфауэ Iуэм итыр я унэ
къыхужри и Iуэм ириубыдэжаш. Псы пэгүни къыхуихьати,
ткIуэпс къримынэу жэмым ирифащ. Жэмыр шыфIигъэжкIэ
зыхуей Iэпслъэпери, Iэнлъэ, тас сытхэри къыхуэрэ зэхигъэуэуэ,
плъэмэ, куэбжэм шуищ къыIухьауэ елъагъу. КъэкIуам я пашэр
Хьэрунт. Ар щылъагъум, шынэри зэщIэкIэзызаш. Гурышхуи
ищIаш, Яфет къэмыхэшауэ узиIэ, жиIэри. Сеуэрэ, жэмыр
Кулиsum и бэкхьым щIэсхуэжмэ мынэхьыфIу пIэрэ, жиIа
щхьэкIэ, Хьэрун укыильагъуу дэнэ пхун? Абы егупсысыхукIэ,
Хьэрун пщIантIэм къыдыхьаш шуитI и гъусэу.

– Уи жэм ныкъуитIыр зы хьужауэ солъагъури, си нэм
къыщхьэрымыхъуауэ пIэрэ? – жиIэри Хьэрун и псэлъэкIэжью
къыщIидзаш, къыщIэнакIэрэ и фIэшү жиIэрэ умышIэу. – Абы
хуэдэр зи къару дэкIыр алыхьталэращ. Уэ дэнэ къипха алыхь
къару?

– Кулиsum жэмым иригъэшхын иIэкъым. Фи фIэшү мыхьум,
фыкIуи я Iуэм фишлгъэ.

- Уэ уиІэщ ебгъэшхын ара?
– СиІэщ тІэкІу...
– Дэнэ щыІэ? Уи уэншэкум иль хъэуазэр кыпхыурэ бгъэшхэну?
Къэрэлыашэ, «сиІэщ тІэкІу» зэрыжиІам хуабжыу хущІегъуэ-жа щхъэкІэ, сыт пщІэнт. Уи ІэфракІэм едзэкъэж.
– Кулисум и бын цыкІуитІыр и гъусэу нартыху бзиишэ кІуащи, къашэмэ, жысІэу сыпоплъэ...
– Къамышэмэ, жэмым епщІэну уи хысэпыр нэрылыагъуш, арактэ?
– НтІэ сыт пщІэн? Ныбэм уимыгъэщІэн щыІэ?
– Колхоз фермэм ху бжесІатэкъэ?
– Фермэм дауэ схун? Жэмым и ныкъуэр Кулисум ейш. И хыджэбз цыкІур нэгъуху хъуащи, къэуат зыщІэль гуэр имышхмэ, нэф хъупэнкІэ хъунуш. Шэ шынакъыр абы и дежкІэ...
– Куэдщ къэбвар, Къэрэлыашэ. Пегъэч. Іэмалрэ хылэкІэ утІэщІэкІыну уи мыгугъэ. Жэмыр колхозым иумытын щхъэкІэ зы жэмыр унагъуитІым яхуэбгуэшащ, жэм ныкъуэр фызабэм ейуэ, жэм ныкъуэр уеуейуэ. Ар хъун тхъэгъэщІыкІэ?
– Хъуцэ нэгъуху хъуати...

– Шыгъэт! Подкулачник Гэмалыр сошГэ сэ. Уэ уподкулачник кьудейкъым, увредителш, усаботажникш! Гэмалрэ хьилэкГэ уГэшГэкын уи гугъэш.

Кьэрэлыашэ жиГэнур имыщГэу кыккъ хьуат, урысыбзэкГэ кыфлашар зыхимыщыкГыу.

– Фху мыбы и жэмыр фермэм. – ЖиГэри и шу лЫ гьусэ гуэрхэм унафэ яхуишГати, адреихэр зыпэплъэр нэгьуэщГтэ-къым – жэмыжбыр икГэщыпГэкГэ дахуаш.

– Хьуцэ мыгьуэ нэгьухуш...

– Щхьэр умыгьэуэ, Хьуци шатэ хуеижкъым. Пшэдей нэху-щым уэри, уи Кулисуми, абы и кьуэмрэ и пхьумри уи гьусэу, кулак нэгьабэ дашам фальэщыкхьэжынущ. Кьыбгурыуа?!

– Хьыджэбз цыкГу мыгьуэм гушГэгьу...

– Шыгъэт! Кьыбгурыуа бжеслар? Хьэмэ уи пащГэ льэны-кьуэр зэрыпаупшГрэ уи акьылри ныкьуэ хьуа?

Хьэрун и гьусэхэри зэщГэдыхьэшхаш.

ЕтГуанэрей махуэм Кьэрэлыаши Кулисуми, и сабиитГыр и гьусэу, дашаш.

1994

АЛЬХЬО

Едзыгьуищү зэхэль пьесэ

ХЭТХЭР:

А л ь х ь о – капитанш, армэм кьыкГыжаш, ильэс 30 мэхьу.

Д и с э – абы и анэщ.

Ш у р э – Дисэ пхьу ишГа хьыджэбзщ.

К ь а н д ы щ э – гьунэгьу фызыжыщ.

Ж а м б о т – парторганизациэм и секретарш.

А с т е м ы р – колхоз председателш.

И в а н П е т р о в и ч – колхоз бухгалтерш.

Ф а р и з – учетчикш

Х ь э т а у – комсомол организациэм и секретарш.

Х ь э ж у м а р – колхозхэтщ, Альхьо и унэкьуэщщ.

Ш у т Г э – колхозхэтщ.

Я п э х ь ы д ж э б з.

ЯПЭ ЕДЗЫГЪУЭ

ЯПЭ ТЕПЛЬЭГЪУЭ

Адыгэ колхозхэт шллантлэ. Сэмэгу лъэныкъуэмкIэ бжыхь йокIуэжI. Абы и кум куэбжэ хэлъц. ПшлантIэм жыг дэзу дэтц, жыг шлагьыр удзыпшIэц. Ижъ лъэныкъуэмкIэ щытц кIэлындор Iуту унэ. Жыг шлагьым тетIысхьэпIэ шIэтц.

Къандыщэрэ Дисэрэ жыг хадапхэмкIэ зэпсалъээрэ къокI.

Къандыщэ. Тхьа, нэмыщэ ямыльагъужынхэр шыдаухам, джэдитI къысхунати, тхьа, джэд фермэм естам, абы къищынэмышIыжу, тхьа, нартыху къэп закъуэ сиIэти жылапхъуэ естам, итIани, уэри уолъагъу, тхьа, си жьыщхьэ хьыджэбзхэм сахэту солажъэ. (*Тури мэтIыс.*) ЗыгуэркIэ сэбэп сыхъумэ сфIэфIщ, тхьа. Ди бригадирым «накIуэ, Къандыщэ, губгъуэм» жиIэу и жьэ къыжъэдэмыкIа.

Дисэ. Ара мыгъуэщ, си тIасэ, къыбжамыIэми тIэкIу уахуэлажъэм я гуапэщ. Зауэм и пэкIэ лэжъакIуэ удэкIамэ «уэ уи фызыжьыщхьэ удгъэлажъэну тфIэемыкIуш» къыджаIэу шытащ.

Къандыщэ. Си жэмыжъ мыгъуэри мы гъэм шIащIэри имычэзууэ ягъэлыуаш, тхьа. Иджы шкIэ мылхуэсыр сабийм хуэдэу сопI.

Дисэ. АтIэ, тIысэ, вы зимыIэм шкIэ шIешIэ. Тхьэм ещIэ жэмкIэ вэныр къэзыгупсысар.

Къандыщэ. Къэзыгупсысар сощIэ, тхьа!

Дисэ. Хэт, на?

Къандыщэ. Налшыч сундетхэр аращ, тхьа.

Дисэ. Тхьау укъэзыгъэщI?

Къандыщэ. Аращ, тхьа. Налшыч сундетхэм япыIэ цIыкIу-хэр шхьэрыхауэ мэгупсысэхэри, щысхэщ, тхьа. Къагупсысхэр къэрал Iуэху зезыхьэм жраIэмэ, хъуну къагупсысам унафэ хуащI, мыхъунумэ, аргуэру мэтIысыжхэри мэгупсысэ, тхьа.

Дисэ. АтIэ мыгъуэ, гузэвэгъуэращ ар къэзыгъэгупсысар. (*Шьлхэщ.*)

Къандыщэ. Уи насыпщ тхьа, уи къуэр къыпхуокIуэж иджы. Си Аслъэнбэч мыгъуэм и насып къэкIуэгъуэу, и шIалэгъуэу дуней имыльагъууэ зауэм хэкIуэдащ, абы и кIуэдыкIэ хъуар къысхуатха пэтрэ соплъэ мыгъуэ, тхьа, къэкIуэжыну пIэрэ жысIэу.

Дисэ. Тхьэм къыпхуихьыж мыгъуэ, ар алыхь Iэмырщ.

Къандыщэ. Лъыжымрэ дэрэ ди закъуэ унэм дыкыщIэ-нащи, тхьа, сыщIэпыIэркъым. Губгъуэм сьдэкрэ сылажъэмэ гуауэр нэхъ стоу. Зы махуэ си дэльхур къакIуэри, тхьа, «нэкIуэж ди шыпхъу, ди унэ уисмэ зи укыдэхьэлъэкIынкъым, я куэдщ

Щоджэнхэ ерыскъы, уагъэпсэуфынщ» жиІаш, тхъа.
(Шымыц.) А, тІу, уи Альхъо къэкІуэжмэ, абырэ уи урыс
хъыджэбз зэпшэ-лІэжамрэ зээгъыну пІэрэ?

Д и с э. Сыт щызэмызэгъынур, на? Сыт а тхъэмышцІэ
цЫкІур? Анэ иІэкъым, адэ иІэкъым – екІуэлІапІэншэц.

К ъ а н д ы щ э. Сэ сщІэ мыгъуэрэ. Зэмызэгъ хъумэ, тхъа, си
гуапэу, си нэу, си псэу сэ зэспэлІэжынт, тхъа.

Д и с э. АтІэ, си псэ, си Шурэ цЫкІур шынэм хуэдэу Іэсэщ,
псым хуэдэу гуапэщ. Езыри дахэкІейщ, и ныбэкІи, и фэкІи гугъу
дызэрыдехъ шыІэкъым, псори езым къелэжыж. Сыт ар абы
щІемызэгъынур?

К ъ а н д ы щ э. Сэ сщІэ мыгъуэрэ, тхъа, къэкІуэжрэ унэр сы-
сейщ, пщІантІэр сысейщ, ди закъуэ дьпсэужынщ жиІэмэ...

Д и с э. ПцІы сыупсым уэ нэхъ шыхъэтыфІ сыхуейкъым. Сэ
пхуы сІатэми абы нэхъ нэхъыфІу схуэмылбагъунт. Альхъо нобэ
къыдыхъэрэ ар къехъэлъэкІ хъумэ, езы хъыджэбзым зыхуей
ІэнатІэ къыгуэтыжынщ. Ауэ сэ абы папщІэ «куэдщ, си хъы-
джэбз, си унагъуэ узэрисар» жысІэу и жагъуэ сщІыну тхъэм
жимыІэкІэ. «Дисэ» жиІэу къызбгъэдэлъадэмэ, сэ къэслъхуа си
бын къызбгъэдэлъэда хуэдэу къысфІошцІ. Илъэсищ мэхъу ар
зеиншэ цЫкІуу, сэ зэрызэспэлІэжри и жъэ псалтэ гуауэ къыжъэ-
джІауэ зэхэсхакъым.

К ъ а н д ы щ э. А, тІу, абы Іыхълыи, лыджани иІэкъэ?

Д и с э. АтІэ мыгъуэ, евакуацэ жаІэрэ, сыт жаІэрэ, ахэр
ма-фІэгукІэ къежауэ нэмыцэ ерпланхэр къатеуэри и
анэжъри и шыпхъу цЫкІуитІи иукІаш.

К ъ а н д ы щ э. А ямылбагъужын, а нэмышцэхэри ар?

Д и с э. Нэхъапэм Іэпэ тэрмэшкІэ дызэпсалтэу шытащ. Иджы
сыт? Губзыгъэ цЫкІут, Іуц цЫкІути ди бзэри хъарзынэу зри-
гъэщІаш, и хабзэкІи, и шэнкІи зи адыгэ хъыджэбзу фІэкІа къызэ-
рыпщІэн шыІэкъым.

Дисэ, Къандышэ, Фариз.

Ф а р и з (куэбжэм деж щыту къоджэ). Дисэ!

Д и с э (къотэджри). Хэт ар? Фариз? Къеблагъэ, си дахэ-
шхуэ, къакІуэ, къеблагъэ.

Ф а р и з (къокІуэ). Себлагъэнукъым, тхъэ. СопІашцІэ. Къэ-
кІуэжа, Дисэ?

Д и с э. Алэ мыгъуэ, унэм сыщІэмыпыІэжу мыбдеж сыщысщ
сыпошлгъэри.

Ф а р и з. Тхъэ, гъэщІэгъуэным ар къызэрымысыжыр.

Д и с э. Письмом пІалтэ итар дьгъуасэти ныжэбэ нэху шыху
си нэбдзыпэ зтэзэмылхъуэ сыщысащ.

Ф а р и з. Шурэ укышыкІуэжкІэ ди дей дыхыи къэкІуэжарэ
къэмыкІуэжарэ зэгъашцІэ жиІэри къызэлтэІуати арат сыкъыщІы-

дыхьар.

Д и с э. А си дахэшхуэ, Шурэ ухуэзэмэ жЕэт, сызэрелъЕуа тІэкІур шымыгъупщэу лафкІэмкІэ дыхьэу кьищэхуну.

Ф а р и з. ЖесІэжынщ, тхьэ.

К ъ а н д ы щ э. Сэ сыкІуэжынщ, тІу. Іусьпс тІэкІу фІээдзаци ивэщІэжа мыгъуэу кьыщІэкІынщ, тхьа. Ауэ кьызырысыжу, тхьа, хьыбар кьэзыбгъэщІэн. Си нэ кьыхуокІ мыгъуэ сэри а кьэкІуэжыным (*ІуокІыж*).

Фаризрэ Дисэрэ.

Д и с э. Сьноджэнщ, тхьэ, дауи...

Ф а р и з. Сэри сыкІуэжынщ-тІэ...

Д и с э. Сыт ушІэпІащІэр? ТЫси, жыг жьауэм тІэкІу дыщІэ-гъэс. Хуабэщ нобэ.

Ф а р и з (*мэТЫс*). Дауэ пщІыми, Дисэ, Альхьо кьэсыбыжу и пэшым уэздыгъэ шыбгъэблащ.

Д и с э. АтІэ, си псэ тІэкІу, зы жэщи кьэзгъэнакъым абы и лэгъунэр кыфІу. Си псэм «уи кьуэр зыщІэкІа унэр кыфІу умыщІ» жиІэрт. Пщыхьэщхьэм Альхьо и пэшыр нэхуу слъагъумэ, езыр щІэсси гугъэу си гур нэхьыфІ хьурт. Уеблэмэ, Хьэжумар сельэ-Іуурэ тутын Альхьо и пэшым щезгъафэт. Тутынымэ тІэкІу кьы-щІихми, цыыхухьу щІэс хуэдэу нэхъ гуапэ мэхьу.

Ф а р и з (*мэдыхьэиш*). Куэд жоІэ, тхьэ, уэ.

Д и с э. Пэжщ, си псэ тІэкІу, ар. Цыыхухьум фоч гынымэрэ тутынымэрэ кьыкІэрихын хуейщ жаІэт пасэреим.

Ф а р и з. Дисэ, апхуэдиз фэтыджэн дэнэ кьипхрэт?

Д и с э. Сэ фэтыджэн лей згъэсакъым. Уэздыгъэр Альхьо и пэшым шыблащ, Шурэ дэрэ жьэгупащхьэ мафІэм дыбгъэдэсаш.

Дисэ, Фариз, Альхьо.

И щыбым кьэп цыкІу илгу Альхьо пщІантІэм кьыдохьэ. Іэ лъэныкьуэм шынелыр еупщІэкІащ, и джанэм орденищрэ медалищрэ хэлгыщ. Капитанщ. Ар хуэму, кьышыгуфІыкІу, Ізуэлбауэ имыщІу кьокІуэ. Дисэрэ Фаризрэ абы гу лъатэркъым. Альхьо гуфІэщауэ хуэмышэчыжу жыгым зрегъэщІ.

Ф а р и з. Тхьэ, Шури щІэмыпыІэж, бухгалтерым лэжыгъэ кьритащ армышьумэ, альандэрэ тІэу кьэкІуэжынт.

Д и с э. Шурэ цыкІуи...

А л ъ х ъ о (*хуэму*). Дисэ!..

Д и с э (*кьызонлгъэкІри кьыщолгъэт. И ІумІыр ишияуэ зы-кьомрэ щытщ зыри жимыІэу, иужькІэ псынищІэу пожьэ Аль-хьо.*) Си щІалэ!.. (*зытщІэхедзэ.*)

А л ъ х ъ о (*кьытыгуфІыкІу, и нэпсыр кьызепеІауэ*). Сыкьэ-кІуэжаш иджы, ди анэ.

Д и с э (*имутІытщу*). А сызэрашэкІыжын...

А л ъ х ъ о. Куэдщ, ди анэ, сыкьэкІуэжа пэтрэ уогъри-тІэ...

Ф а р и з (*ишцІэн имьщІэу*). Тхъэ, дызыпэбгъэпльам...

А л ь х ь о. Куэдщ, Фариз сэлам едгъэх...

Ф а р и з (*и Іэр еубыд*). Тхъэм, гугъу узэрехъар псапэу къуи-
тыж.

А л ь х ь о. НасыпыфІэ ухъу.

Ф а р и з. Уузыншапэкъэ, тхъэм жиІэм.

А л ь х ь о. Уэлэхы дыфІым, фэ сыт фыхуэдэ?

Ф а р и з. Хъарзынэш, тхъэ.

Д и с э. А си щІалэ дыщэ, уи анэжъ мыгъуэр бгъэбэмпІай...

Ф а р и з. Дисэ, кхъыІэ мыбы и щыб ильыр ирегъэх, ешаш ар.

Д и с э (*къетІатэ*). А-на, ари тщІэжрэ дэ. Къаштэ къызы-
пщІэхэх уи къэлътмакъри (*къэп цІыкІур къытщІэхех*). Сыту
Іейуи упщІэнтІа, си щІалэшхуэ.

А л ь х ь о. Хуабэш, ди анэ, сэри сыпІашцІэу сыккъэкІуати
нэхъри сыпщІэнтІащ. Машинэ гуэр сыккъыхуэзэри сригъэтІы-
схъэти здакъым.

Ф а р и з. Сыт щхъэкІэ, нэхъ псынщІэу укъэсыжынти.

А л ь х ь о. Губгъуэхэр зэзгъэлыагъум нэхъ сфІэфІащ. Нар-
тыху къауэм сыщІэгъуалъхъэти, губгъуэм сити сыщыщытар
сигу къэзгъэкІыжт.

Д и с э. Ухуэзэша мыгъуэти аращ. (*Аргуэру ІэнлІэ хуищІауэ
мэувьжс.*)

Ф а р и з (*дыхъэшхыу*). Тхъэ хъунтэм ар, дэ дыпэшлэу
мыд-кІэ дыщысу, езыр нартыху къауэм хэлъу.

А л ь х ь о. НтІэ ди анэм и закъуэ уи гугъэт
сыккъэзылыагъум зыфІэфІыр? Нартыхухэми, гуэдзми,
мэшми, сэхуранми яфІэфІ-ти закъэзгъэлыэгъуащ,
сызэмьшлэа къэзгъэнакъым.

Ф а р и з. НтІэ сыт хуэдэ?

А л ь х ь о. Сыт зыхуэдэр? ПщІэгъуэм щыгъуэ фегугъуа-
къым.

Ф а р и з (*дыхъэшхыу*). Алыхъ хъунтэм ар, къэмысыжщІы-
кІэ шхыдэн щІидзащ. (*Джанэм еплъурэ.*) Тхъэ, орден куэди уи-
Іэм, я хъер улыагъу.

А л ь х ь о. НасыпыфІэ ухъу. Ди къарум кыхъар а тІэкІурати
къыдатащ.

Д и с э. А си щІалэ, уІэгъэ тІэу ухъуа мыгъуэу зэхэсхуэрэ
сыгузавэ мыгъуэурэ гу къыскІуэцІынэжакъыми!

А л ь х ь о. АтІэ ушызауэкІэ, уІэгъи ухъунщ икІи ухъужынщ.

Ф а р и з. Орден дахэш, тхъэ, мыдэкІэ щытыр.

А л ь х ь о. Уехъуэпсамэ узот.

Ф а р и з (*дыхъэшхыу*). Ар зыхуэфаштэм иратащ.

А л ь х ь о (*дыхъэшхыу*). Лы ушыдэкІуэм деж уэстынщ.

Ф а р и з (*гуфІэу*). Лы, абдеж нэхъ къызыптыпхъэ?

А л ь х ь о (*гуишІэу*). Орден зратыр ІуэхуфІ гуэр зыщІаращ.

Ф а р и з. Абы нэхъ ІуэхуфІ схуэщІэнукъэ сэ сытми?

А л ь х ь о. Уи кьарум ар нэхь кьихьынщ жызоІэри аращ.
Ф а р и з (*нэцхьыфІэу*). Тхьэ, а жыхуэпІэр нэхь гугъуххэм.
СщІэркьым, зыми дишэркьым. Фронтым щыІэхэр кьэкІуэжмэ
жытІэурэ, дежэурэ жыы дыхъуащи, иджы дызэрапэсыжын-
кьым.

Д и с э. УмэжэлІа мыгъуэу кьыщІэкІынщ, си щІалэ.

А л ь х ь о. АтІэ, сэ си кьэным илтыщ иджыри зы тхьэмахуэ
дызрикьун.

Д и с э (*и жагъуэ хъуауэ*). Ар жумыІэ, тІу, уи анэжь деж
укІуэжу гъуэмылэ кьыздэпхь хъун?

А л ь х ь о (*дыхъэшхыу*). Гъуэмылэ дэнэ кьэна, фадэ тІэкІуи
хьэзыру сиІэш.

Ф а р и з. Тхьэ уи кьуэр зэхуэщІауэ кьэкІуэжам. И гъуэмы-
лэри и фадэри хьэзыру. Уей, фэри фызогъэгувэ, сэри согувэр.

А л ь х ь о. Сыт ущІлэшІэр?

Ф а р и з (*шу Іэуэлъауэ кьоІу*). Мес, Хьэжумари кьэсащ. Ди-
сэ, сэ Шурэ щІэхьу хьыбар езгъэщІэнщ.

Д и с э. КІуэ, си псэ тІэкІу, кІуэ.

Ф а р и з. АтІэ фи Іэр субыдыжыркьым, сэ кьэзгъэзэжынщ
(*докІыж*).

Хьэжумар, Дисэ, Альхьо.

Х ь э ж у м а р (*нэжэгуэжэу*). Деблагъэ хъуну, Дисэ?

Д и с э. Ахбай хъун, нобэ кьысхуемыблагъэр иужькІэ
кьы-дэзгъэхьэжынкьым, тхьэ.

Х ь э ж у м а р. Уэ кьохъусыж, си кьуэшышхуэ, (*Альхьо
Іэ-плІэ хуещІ*). Тхьэм насып защІэу кьуитыж гугъу
узэрехьар.

А л ь х ь о. Тхьэр арэзы кьыпхухъу. Уузыншапэкъэ, тхьэм
жиІэм?

Х ь э ж у м а р. Уэлахы хьэзим дыфІым, хьет жедгъэІэу ды-
хэтым. Сыту фІуэу укьэкІуэжа, сыту куэдри укьэта!

А л ь х ь о. Нэхь пасэу дыкьэс хъуакьым.

Х ь э ж у м а р. Хьэуэ, хъунщ ар. Уэлахы умэлэдецыжъу
укьыщІэкІам. АитІ бетэмал, уэ пхуэдэу шытахэщэрэт адреи-
хэри. Догуэ мы зыр кьызжеІэ. Берлин жыхуаІэм унэса?

А л ь х ь о. Уэлэхы сынэсам, япэ дыхьахэм сахэту ари.

Х ь э ж у м а р. Ыхьы, армэ хъунуц, упсэу. УлІу лЫгъэ уиІэш
уэ. ЗэрыжыпІэмкІэ я щІапІэм псы ибгъэжыхьащ.

А л ь х ь о. Аращ.

Х ь э ж у м а р. Ярэби, ар езыр псэууэ пІэрэ?

Д и с э. Хэт жыхуэпІэр?

Х ь э ж у м а р. Хэт жыхуэсІэр, Гитлерыр аращ!

А л ь х ь о. СщІэркьым, зиукІыжауэ жаІэ.

Х ь э ж у м а р. Фылтыхъуэн хуеящ – щІыгунэ, бэкхь, мэ-

къяуэщ, пэшхъэку, уэнжакъ сытхэм зыщIыпIэ
зыщигъэпщIкIуауэ къящIэкIынщ.

А л ь х ь о. УэлэхьI пэшхъэку куэди псэууэ къэмына Берлин.

Х ь э ж у м а р. АрпщIэну щыткъым. АитI бетэмал, арпсэууэ
кытхуэфшэртэкъэ.

Д и с э. Алыхъым жимыIэкIэ, на, арпсэууэ ди щIыгу кьи-
пшэну.

А л ь х ь о. ПшотепщIэнур къэтшамэ?

Х ь э ж у м а р. Дызэхуэсынт къэралым цIыхуу исри (*Алхъо
цэхуу зыгуэр жреIэри ну мэдыхъэшх*), апхуэдэу кIэрашIауэ ха-
ха-халIэху фIэдгъэлынт.

А л ь х ь о (*дыхъэшхыу*). Абы гулытауэ ара хъунщ зиукIы-
жамэ зыщIуекIыжар.

Д и с э. А-на, а фышIэдыхъэшхыр дэри кыджефIэрэ дывгъэ-
дыхъэшхмэ хъуркъэ!

Х ь э ж у м а р. ПшодыщIэдыхъэшх уи гугъэр? Къытэ зыхэ-
сшэжынщ жыпIэурэ дыбгъэпсэуакъыми аращ.

Д и с э. Сыт на-а жыпIэр? Алыхъ жьы умышъун уэ дунейр
кыутэху.

Х ь э ж у м а р. Плъагъуркъэ иджы абы жиIэр? СщIэркъым,
Къытэ апхуэдизу ущIегуэжIуар!

Д и с э. Шыгъэт на-а, куэдщ.

Х ь э ж у м а р. Уэлай хъэзим щызмыгъэтын. Алхъо къэкIуэ-
жыху зыIэжъэ шыжысIэм бдауэ щытакъым, иджы сыт къэ-
хъужар?

Д и с э. Мис, нысэ кысхуегъашэ нэхъапэ щIыкIэ.

Х ь э ж у м а р. АитI бетэмал, абы нэхъ Iуэху гугъу димыIа-
щэрэт, дыхэплыхъынщи я нэхъ дахэ дыдэр нысэу кыпхуэ-
тшэнищ.

Д и с э. Хъунщ, тIэ.

А л ь х ь о. Дугуэ къэзышэнуми феупщIыжынкъэ?

Х ь э ж у м а р. Уэлай хъэзим демыпщIыжын, Дисэ кыхи-
хыр къодгъэшэнищ. Ухуеймэ Дисэ зришэлIэжа хъыдржэбзыр нысэ
тщIауэ къедгъэкIэрэхъуэжIыжынщ.

Д и с э. Ахэр томыIуэ абы!

Х ь э ж у м а р. Пшобдэнукъэ? Уэлэи хъэзим абы нэхъ дахэ
ди къяужэ дэнэ, Налшычи дэмыс.

А л ь х ь о. Уей ди анэ, зи унэмкIэ дебгъэблагъэркъыми у!

Д и с э. ФынакIуэ тхъэм щхъэкIэ, ан-а сыгуфIэща мыгъуэщи
псори сшыгъупщэжаш. ФынакIуэ, тIысэ, накIуэ, Хъэжумар.
(*УнэмкIэ макIуэхэр. Дисэрэ Алхъорэ унэм цIохъэ, Хъэжумар
псынщIэу кьегъазэ.*)

Х ь э ж у м а р. АйтI бетэмал, кысшыгъупщати. (*Куэбжэм
докIри аркъэ пытулъкIэ шыгыу кьегъэзэж.*) Мы тIэкIур Дзэ-
лыкъуэ зыдэхъынщ жысIати (*и ныбэм теуIуэу*) мы пасудэ нэхъ

иныІуэм идмыкІэу хьуну кьыщІэкІынкьым. (*Унэм щІохьэ.*)

Къандыщэрэ Дисэрэ.

Къ а н д ы щ э (*хадэмкІэ кьокІ*). А Дисэ!

Д и с э (*унэм кьыщІокІ*). КьакІуэ, Къандыщэ.

Къ а н д ы щ э. КьэкІуэжа, тІу?

Д и с э. КьэкІуэжаш, иджыпсту кьыдыхьэжа кьудейщ.

Къ а н д ы щ э. А Дисэ, а зи насып (*нэпс щІельэщІыкІ*), узын-
шэу кьыпхуэкІуэжащи уи насыпшхуэщ, тхьа. Си Аслъэнбэч
мыгьуэр апхуэдэу кьыдэхьэжамэ си дуней махуэщ жьсІэнти.
АрщхьэкІэ тхьэм иухатэкьым сэ ар слъагъужыну (*нэпс щІе-
льэщІыкІ*). А Дисэ, уеупщІыхай уэ, си Аслъэнбэчым зи хуэмы-
зауэ пІэрэ Альхьо.

Д и с э. Хуэза мыгьуэм езым жиІэнт.

Къ а н д ы щ э. Сэ сщІэ мыгьуэрэ, окоп сытхэр кьызди-
кІухьым, зы щІыпІэ щыхуэзауэ пІэрэ жьзІэри аращ. Хэт
ищІэрэ, ар пщІэну щыткьым.

Д и с э. НакІуэ ныщІыхьэ.

Къ а н д ы щ э. СыныщІыхьэнщ, тхьа, аращ сыкьыщІэ-
кІуари.

Д и с э. ЩІэсІа, тІу? Хьэжумар фІэкІа щІэскьым (*тІури щІо-
хьэ.*)

Къ а н д ы щ э. А ефэреижьым псом япэ кьызэрищІай!

Дисэрэ Шурэрэ.

Д и с э (*Альхьо и джанэмрэ шоткэрэ иЫгыбу кьыщІокІ.
Шурэ псыниІэу, бауэбанцэу кьыдолъадэ*). Сабэм
пщІэнтІэпсыр зыщІифауэ мыр сыткІэ тебгьэкІыжын иджы?

Ш у р э. Дисэ, кьэкІуэжа?

Д и с э. КьэкІуэжаш, тЫсэ.

Ш у р э (*Дисэ и тцэм зытцІэхедзэри гуфІэу кьрегьэкІэрэ-
хьуэжІ*). КьэкІуэжаш, кьэкІуэжаш, кьэкІуэжаш.

Д и с э. Куэдщ на-а, си щхьэр бгьэунэзащ.

Ш у р э. КьэкІуэжаш, кьэкІуэжаш. (*ЕутІытцыжс.*) Мыр абы
и джанэ? Капитанщ, сыту орден куэди хэль!

Д и с э. А-на, си щхьэр бгьэунэзащи, си лъэр щІоху.

Ш у р э. Кьащтэ мьдэ, сэращ ар зыльэщІыну зыхуэфашэр...
(*кьЫех джанэмрэ шоткэмрэ.*)

Д и с э. ПсынщІэу лъэщІ ар, иджыпсту щитІэгьэнущ.

Ш у р э. КьэкІуэжу письмо кьызэритх лъандэрэ схуэмышэ-
чыжу махуэр згьэкІуаш, иджы сщІэркьым...

Д и с э. Сыту, тЫсэ?

Ш у р э. СщІэркьым, сыщышынэ хуэдэу кьысфІоуІ.

Д и с э. Елъ абы жиІэр, щыгьэт, кхьыІэ. Куэдщ апхуэдэ
емыкІу жомыІэ. Нобэ ди тхьэлъэІущ. (*Унэм щІохьэжс.*)

Шурэ и закьюэщ.

Шурэ (*джанэм псыницIэу тольэщIыхь*). КъэкIуэжаш иджы. Адыгэ хабзэмкIэ шыпхъу сищIыпхъэщ. (*Джанэр еутхытцири тхылгхэр къольэльыр, псыницIэу ахэр къеищIыж, тхылгхэр жылым ирельхъэж, сурэт гуэр къеицтэри йопль.*) Мырель мыр! Си сурэт! Мыр Дисэ естати абы и деж иригъэхъащ. ИлъэситI мэхъу абы лъандэрэ. (*Жыжъэу манлъэ.*) Апхуэдизрэ си сурэт щхъэ зэрихъа абы?... Альхъо... (*И нэпсым къызэ-пежыхь.*) Альхъо... игу Iей къысхуилгъкъым.... (*Сурэтыр ирельхъэж.*)

Альхъорэ Шурэрэ.

Альхъо (*джанэщIыIутель щымыгъыу къыщIокI*). Дэнэ фхъа си джанэр? (*Шурэ елгагъури и щIыбагъымкIэ бгъэдохъэ.*) Мы джанэм сыхуейт...

Шурэ (*къэицтауэ*). Къуохъусыж.

Альхъо (*нэжэгужэу*). Упсэуж, лIо щхъэ укъэщта?

Шурэ. Хъэуэ, сыкъэщтакъым.

Альхъо. Уэра Шурэр? (*И IутIкIэ Шурэ и IутIри еубыд.*)

Шурэ. Сэрац.

Альхъо. АтIэ дауэ ущыг?

Шурэ (*гуфIэу*). Хъарзынэщ. Мэ уи джанэр. (*Ирет.*)

Альхъо. НасыпфIэ ухъу. (*ЩитIагъэу.*) Сыт ухуэдэ-тIэ?

Шурэ. Хъарзынэщ.

Альхъо. Уадыгэбзэ Iэзи си гугъэщ.

Шурэ. НтIэ, Дисэ илъэсищкIэ ущыбгъэдэскIэ адыгэбзэ уигъэщIэнкъэ.

Альхъо (*дыхъэшхыу*). Ар апхуэдэу учителяфI?

Шурэ. УчителяфIщ, сэ схуэдэм бзэ щригъащIэкIэ.

Альхъо. Уэлэхьи фIыгэм. (*Щымиц.*)

Шурэ. Сэ унэгъуэщI зыгуэру си гугъат...

Альхъо (*дыхъэшхыу*). Узэригугъам нэхрэ нэхъ шынагъуэу сыкъыщIэкIа?

Шурэ (*дыхъэшхыу*). УкъызэрыщIэкIар сщIэркъым, ауэ, сышынэу щытати, иджы... (*Мэдыхъэшх.*)

Альхъо. А-а, гурыуэгъуэщ, армэ хъунуц. НакIуэ унэмкIэ (*я Iэр зэрыIыгъыу щIохъэ унэм. Сценэр нэхъ кIыфI мэхъу.*)

Хъэжумаррэ Дисэрэ.

Хъэжумар (*унэм къыщIокI, нэжэгужэщ*):

ХуэнщIей матэр ньзохъри

Гүэм сынйхьэм уитыжкьым,
Уа рауи, танэжь,
Къэуалыжьыр уи натИ!..

Куэдщ, укышпэмькИ, Дисэ, сэ иджыпсту къэзгъээжынщи
нышыр фИэзгъэжынщ.
Дисэ (*кыщиЮкИ*). КхьыИэ, укъэмыгувэ, Хьэжумар, уэращ
сэ сызыщыгугынуур.
Хьэжумар.

Фибжэупэр нывальэщ
Сабэу лъэлъэн къэуал.

Сэр щхьэкИэ умыгузавэ, Дисэ, бетэмалу сыкъэсыжынщ.
(*Альхьорэ Шурэрэ ящыгуфИькИу*).

Уэ рауи, танэжь,
Къэуалыжьыр уи натИ.

Гупхьуэ

ЕПУАНЭТЕПЛЪЭГЪУЭ

Альхьо и закъуэщ. Жыг щIагъым щIэсщ. Джанэ щIыIутельыр шэнтым и
щIыбым еупщIэкIащ. Альхьо сыхьэт ещIыж.

Дисэ (*кыщиЮкИ, бжэмьшхьтэкИэ кхъуейжьапхьэ
къехь*). А си щIалэшхуэ, еплъыт кхъуейжьапхьэр
зэщыщхьум. (*Альхьо и жьэм жьэдельхьэ*.)

А л х ь о (*шхьу*). Дэгъуэщ, ди анэ. Ауэ кхъуей
нэхьыбэIуэ хэльхьэ.

Дисэ. А-а-ауэ укъэзыхьыжа, а сипсэтIэкIу. (*Альхьо Iэ дельэ*).

А л х ь о. Мы сыхьэтыр бэджым унапIуэ епта хьунт, ди
анэ!

Дисэ (*ГуокИыж*). АIэ, хэт абы еплъар?

А л х ь о, (*сыхьэтыр жыгым фIедзэ. ЕутIытц*). МакIуэр
иджы! Айдэ! ЙокIуэкI! Нобэ щыщIэдзауэ уэ къэбгъэлягагъуэр
зэманьщIэщ! Та-ра-ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра.

Альхьорэ Шурэрэ.

Шурэ (*кыдолъадэ*.) Сыхьэт зыщIыжым сыхьэт пIихрэ?

А л х ь о. Зи, къащтэ сыхьэт къута уиIэм.

Шурэ (*Iэтцэм сыхьэт иль хуэдэу дыхьэшхьу ещIри*). Си
сыхьэтыр тэмэму макIуэ.

А л х ь о (*дыхьэшхьу*). А, сэри сыкъыщальхуам сиIащ

апхуэдэ сыхьэт.

Ш у р э. Сыту хуабэ, правленэм сыкыкЫжыху сыкыызэ-щIэплъащ. (*И сумкэр Альхьо и джанэр зэуцIэкIа шэнтым трельхьэ.*)

Д и с э (*и цхьэр цхьэгъубжэм кыдегъэжри*). Шурэ, мыдэ кыкIуэт, си псэ тIэкIу.

Ш у р э (*унэм щIыжьхьэу*). Сыхьэт щIыжьыпщIэу Дисэ джэд егъэукIын хуейщ.

А л ь х ь о. Аращ, жеIэ. (*Льыхьуэу.*) Дэнэ сыха сабыныр! (*Жыпхэм йоплъэ. Зы жытым Iэщэ сыхьэт цыкIу кърехри йоплъ*). Мыр абы хуэфашщ. Сыхьэт езым иIэххэкъым. (*Письмоульэм ирельхьэри Шурэ и сумкэм дельхьэ.*)

С и фэеплъу зэрихьэнщ. СыкIуэнщ иджы псы щIыIэм, зэ-тIэу зыхээздэнщ. Куэд щIауэ ди псыжкым хэт зыщигъэпскIа. (*НапIэльэщIыр къецитэри хадэм йохьэ.*)

«Дэ Берлину жыжкэм дыкыкЫжыр» уэрэдыр кыхадзэр.

Фаризрэ Иван Петровичр.

Ф а р и з (*кыдохьэ*). КыкIуэ, Шурэ щIэсмэ зыдэтшэнщи дыдэкIуеижынщIэ зэгъусэу.

И в а н П е т р о в и ч. Дыгувэнщ, сэ Iуэху блэкI сиIэщ.

Ф а р и з. КыкIуэ, кхьыIэ, дыгувэнкыым.

И в а н П е т р о в и ч (*кыдохьэ хуэму*). Нобэ Iэщым кIэлы-кIуэхэр сэ кысхуеинущ...

Ф а р и з (*шэнтым бгъэдохьэ, йоплъ*). Я хьэпшыпхэмкIэ псори дэс хуэдщ. (*Орден тхыльхэр къецитэ.*) Мыр сыту тхыль пльыжкэ куэд!

И в а н П е т р о в и ч. Ахэр орден тхыльхэщ.

Ф а р и з (сурэт кыхех тхыльхэми ар къецитэжри йоплъ). Мыдэ мыр! И унэ зэрыщIэсыр фIэмащIэу и сурэт зэрехьэ! (*Тури йоплъ.*)

И в а н П е т р о в и ч. НтIэ, фIыуэ зэрольагъу. Ауэ мыбы ешхьыркыабзэу сэри сиIэщ Шурэ и сурэт (*и гуфIакIэ жытым сурэт кърех*). Альхьо кызэрыкIуэжрэ Шури пагэ хьуащ.

Ф а р и з. Иджы уэ узэрипэсыжыхэнкыым абы.

И в а н П е т р о в и ч. ЛЮ, Шурэ дэрэ ди яку дэль щыIэ-кыым.

Ф а р и з. Абы и сурэт жыпIа? Кыащтэ мыдэ.

И в а н П е т р о в и ч. ЛЮ кьэхьуар! Ар кьемызэгъыу кьэ-плъытэрэ?..

Ф а р и з. Щыгъэт, кхьыIэ, абы и сурэт сыт щIызепхьэр? Си сурэтыр сыт щIысIыпхар-тIэ?

И в а н П е т р о в и ч. УзогъэщIэ езмытыжмэ иджыпсту. Уи фIэш хьуркьэ...

Ф а р и з. Къызгурыгуащ иджы. Хъыджэбз сурэт зэхуэпхъэсу ара хъунт сысейри щысЫпхар.

И в а н П е т р о в и ч. Сэ си гум уэрат...

Ф а р и з. Щыгъэт, щыгъэт, зэхызомыгъэхьхэ...

И в а н П е т р о в и ч. АтIэмис къепшъ. (*Сурэтым и щыбагъым лъэгуажьэмьщхъэу мэтIысри тотхьхъ.*)

Ф а р и з. Сыт пщIэр? УмышIалэ сурэтыр. Къозытам хуэфашцкъым ар.

И в а н П е т р о в и ч (*лъэныкъуэкIэ*). Шурэ и сурэтыр Альхъои щритакIэ, сэри а сурэтыр щызесхъэн щыIэкъым.

Ф а р и з (*цтэIэцтаблэу*). Сыт абы тептхэр?

И в а н П е т р о в и ч. Мы сурэтыр зесхъэу уэ гукъанэ уэзгъэщIын?.. Мис. «Узотыж уи сурэтыр. Узыншэу ушыт» аращ тестхари. (*Сурэтыр Шурэ и сумкэм дэль Альхъо сыхъэт зрилъхъа конвертым дельхъэри егъэтIылгыжс.*)

Аращи, уэ къанэ, сэ сыкIуэжынщ, амышъумэ ди бухгалтерыр кIуэцIырыхуай жаIэу къажыхъ хъунщ.

Ф а р и з (*псьницIэу*). Зэ умышIащIэ, сэ унэм сыщIыхъэнщи, щIэмысIамэ, тIури дыщIэкIыжынщ. (*Унэм цIохъэ псьницIэу.*)

Иван Петрович.

И в а н П е т р о в и ч. (*и закъуэу*). Хъунщ ар. Шурэ а сурэтыр къыIэрыхъэжмэ гуфIэнщ. ЗэIызгъэхъэ пэтащ. Пэжым ухуеймэ, Фариз ар езгъэлыагъун хуеякъым. Иджы гурышхъуэ къысхуищIынкIэ хъунщ. Хъуакъым ар, емынэм сызэрихуэрэт, ар щхъэ къисха? Фариз зигъэгусэрэ ди фызышэр зэтрикьутэмэ си пыIэкум къеуакъэ. (*ДокIыжс.*)

Фариз.

Ф а р и з (*унэм къыицIокI*). Дэнэ кIуа мыхэр? Шурэ!

Фаризрэ Шурэрэ.

Ш у р э (*унэ цIыбагъымкIэ къыдокI*). СынокIуэ.

Ф а р и з. НакIуэ, тIысэ, правленэм.

Ш у р э (*дыхъэшхыу*). Иджыпсту, умышIащIэ.

Ф а р и з. Бухгалтерыр къыдэшхыдэнщ и учетчик нэхъ ищхьитIри имыгъуэтыжым.

Ш у р э. Ирешхыдэ (*дыхъэшхыу*). Ар шхыдэ хуэдэу зищIми, иужькIэ псори уэ къыпхуигъэгъунуш, уэри сэ укъысцхъэщыж-мэ зэфIэкIащ.

Ф а р и з. Куэдщ, абы и гугъу умышI.

Ш у р э (*гуфIэу*). Сыту? Зи псэлыхъу и гугъу зыфIэмыфI хъыджэбз щыIэ?

Ф а р и з. Щыгъэт, кхьыIэ... накIуэт зэ...

Ш у р э. Иджыпсту. НакIуэ унэмкIэ. (*Псори унэм цIохьэ.*)

Альхьо.

А л ь х ь о (*хуэмурэ уэрэд жиIэурэ хадэм кьыпхырокI, и тцэм напIэльэщIкIэ тольэщIыхь*). Си гум жы дихужаш. Мис арат сэ сызыщIэхуэпсыр. Нэмыщэм я щIыгум сабэ кьыщыстырихьар ди псы уэрыжбым езгьэлгьэсыжаш. (*Сыхьэтым йопль*) МакIуэр! НэгьуэщI Iуэху сымыгьуэтым, сыхьэтыщIэ сыхьунщ. АрщхэкIэ дэнэ, дыгьуэпшыхь Жамбот зэрыжиIамкIэ, дэ лэжыгьгьэу кьытпэщылгьым щIэи гьуни иIэкьым. КьыщIэдзи лажьэ иджы, Альхьо. Куэдщ уэ уэрызэуар. Дылэжьэнщ, тщыгьупщэжакьым дэ лэжьэкIэ. Зы шыгу зэщIэщIа кьызататэм... иджы, шы дэнэ кьэна, выр ди мащIэу аращ. Ари кьэдгьуэтынщ. Щхьэр псэумэ, пыIэ щыщIэркьым. (*КьытыгуфIыкIы.*) Хьыджэбз хьарзынэри кьыгьэхьэзыращ ди анэм... Шурэ!

Шурэрэ Альхьорэ.

Ш у р э (*кьыщIож шхэу*). Сыт?

А л ь х ь о. Мыдэ кьакIуэ!

Ш у р э (*сэлэткIуэжIэу кьокIуэ*). СынодаIуэ, капитан.

А л ь х ь о (*дыхьэишхьу*). АтIэ сэлэтыр командирым жьэгьуа-шхэу бгьэдыхьэрэ?

Ш у р э. Кьысхуэгьэгьу, капитан, умэжалIэм уэри удгьэ-шхэнщ.

Шурэ, Альхьо, Фариз.

А л ь х ь о (*дыхьэишхьу*). Хьэуэ, ухьунут уэ сэлэт.

Ф а р и з (*кьыщIохьэ*). Уэ командир ухьумэ, зи ар сэлэт пхуэ-хьунщ.

Ш у р э (*дыхьэишхьу*). Сэ а Берлин фыщыдыхьэм сыфхэ-татэмэ, си Iуэхут сэ Гитлер сIэщIэкIмэ...

Ф а р и з. НакIуэ, Шурэ, догувэрдэ. Узыншэу-тIэ. (*Йожьэж.*)

Ш у р э. НакIуэ. Дэнэ схьа си сумкэр? (*Зепльыхь.*)

А л ь х ь о. Мис (*и блэгущIэм кьыщIех*) мыбы узыщыгуфIы-кIын дэлъщ. (*Фариз кьоувьIэри кьодаIуэ.*)

Ш у р э. Сыт?

А л ь х ь о. ИтIанэ еплъыж.

Ш у р э (*гуфIэу*). Иджыпсту сепль хьунукьэ?

А л ь х ь о. Хьунукьым. (*Сумкэр ирет. Шурэрэ Фаризрэ докI.*)

Альхьо, Жамбот.

Ж а м б о т (*кьыдохьэ*), Узыншэм, Альхьо! (*Слам зэрах.*)

А л ь х ь о. Уэлэхьи, хьарзынэм, фыкьеблагъэ.

Ж а м б о т. Уи благъэ куэд ухъу. ДыкыщцІэкІуар Дисэ ищцІэмэ, кыгтфІэкІынкыым.

А л ь х ь о. Апхуэдэу Дисэ фыщышынэм, жетІэххэнкыыми зэфІэкІащ.

Ж а м б о т. Ар дауэ хъун? КІэщцІу жыпІэм дыгъуэпшыхъ дызэрызэгурыІуам хуэдэу, нобэ парт собранэм унафэ тцІащ. Уэ нэгъуэщцІ зыгуэру уемыгупсысыжам. Уэлэхьи, зы мазэ зыбгъэпсэхун жыхуэпІэми зыри хэмылъ. (*Дыхъэшхыу.*) Ауэ уэ иджыри ди партучетым ухэтыхэкыыми, ди унафэр умыдэнуми ухуитщ.

А л ь х ь о. Ди унафэр зымыдэр къуажэм дэдгъэсынуккыым жыпІи мэхъур. (*Тури мэтІыс.*)

Ж а м б о т. Ари пэжкІэ соІуэ, атІэ уахуэмыбэлэрыгъ Іэщы-хъуэм. Пщэдей шыщцІэдзауэ уІэщыхъуэщ. Хьарзынэу Іэщым шыІэхэр псори уоцІыху. Сэри шысхущцІыхъэм деж сынэкІуэнщ. ІэщцІэвыщцІэу абы шыІэрщ дэ дызыщыгугъыр. Абы хэкІуэдыкІ шымыІэу къэдгъэхъуфмэ, ар Іуэху инщ, ауэ нэгъабэ кыгтщы-щцІар аргуэру кыгтщыщцІмэ, зэІыхъащ псори.

А л ь х ь о. Пэжщ ар. Зэхэсхаш нэгъабэ фи Іуэху зэрымы-щцІэгъуар.

Ж а м б о т. Ей, си къуэшыжъ, гъуэтыгъуейщ Іэщыр, псом хуэмыдэу шыр. Дэ шы димыІэмэ Іэ димыІэ хуэдэщ. Вы уимыІэуи шы бгъуэтынуккыым.

А л ь х ь о. Сэ кызгурымыІуэращ. Зауэм и пэкІэ ІэщцІэ-выщцІэм зырыз дыздэ фІэкІа хэкІуэдыкІыртэккыым. Иджы сыт къэхъуар? Зи Іыхъэ зыфІэмащцІэм джэдум фІешх жыхуаІэм хуэдэу Іэщ тІэкІу къэнэжам куэдыІуэ холлыкІ.

Ж а м б о т. Пэжщ. Ар Іэджэм кыыхокІ. Япэм дэ диІа лэжъа-кІуэхэр диІэж сытми! ЩцІалэ цыкІу е лыжъ, аращ иджы щцІэгъэ-къуэну диІэр. Мис иджы къэкІуэжу хуежъащ ди зауэлІхэри нэхъыфІ хъунщ. Абы нэмыщцІкІэ гъатхэ псом жэм узэрывам къильхур къарууншэщ, шыри аращ, абы кыкІэлъыкІуэу дэ диІэхэщ Іуэхур Іэпэдэгъэлэл зыщцІ. А псор кыубжэкІыным куэд ихьынщ. КІэщцІу жыпІэмэ, узэмыгугъу къоугугъужырккыым. Іэщми егугъун, гугъуи зыдегъэхьын хуейщ.

А л ь х ь о. Сэ зэрысщцІэжрэ игъащцІэм гъэ къэс ди жэм маль-хуэ, ауэ зэи ди шкІэ лІауэ сщцІэрккыым.

Ж а м б о т. Пэжынщ, фогугъури аращ.

А л ь х ь о. АтІэ егугъун папщцІэкІэ мэуэ щцІын хуейщ. ЯжеІэн хуейщ цІыхухэм: мис, тІысэ, мы Іэщ бжыгъэр уи ІэмыщцІэ идолъхъэ, абы ІэщцІэвыщцІэу мыр кыыхэхъуэнуц, абы шыщу мыбы хуэдиз къэгъэхъуи Іэщ бжыгъэр мыбы нэгъэс. Ар пхузэ-фІэкІрэ, мы трудодень бжыгъэр уиІэщ, ар зэфІомыгъэкІрэ, къэблэжъам и Іыхъэ ныкыуэщ е и планэщ къыпІысысунур.

Ж а м б о т. Тэмэмш, упсэу.

А л ь х ь о. Дэтхэнэ зыми и кьалэныр кьыгурылуэн хуейш, зыхушцэкьун хуейр тэмэму ильагъуу. Зауэм кьалэн бггээшцэ-нур кьыбгурымьлуэу абы иужь ураггэхьэу шытакьым. Абы хуэдзу шцын хуейш мыбы дежми. ИтIанэ шцхьэж и лэжыггэм ельытауэ лэжыггэм кьыпэкIуэр гуэшын хуейш. Гугъу зезыггэхьауэ лэжыар Iуэхум Iэпэдэггэлэлу бггэдэтам хуэбггадэ хьуну-кьым. Ухуеймэ, а тIур зыхуэбггэдэныр кьуаншаггэш. Зауэм деж фоч зыггэуа псоми орден ирату шытакьым. Лыггэ зезы-хьар араш орден зратар. Абы хуэдэш мыри.

Ж а м б о т. Псалгэ захуэш. Араш иджы дьзыхуэкIуэр. АтIэ, Альхьо, куэдрэ узггэгувэнкьым. Зыггэхьэзыр.

А л ь х ь о. Уэлэхьи, сыхьэзырыххэм.

Ж а м б о т. НобэгуитIмакIуэ, Iэщым ггуэмылэ сыт хуэдэхэр яшэ, уэ шцэдей шууэ укIуэмэ хьунуш. Хьэтауи ггуэсэ пхуэ-шцынши, зэггусэу фыкIуэ.

А л ь х ь о. Уей, Хьэтау сыту шцалэ ахьырзэман хьуа! Арепа-гъуу кьэсцIыхужаш. (*Кьотэдэж тIури.*)

Ж а м б о т. Араш иджы кьуажэ комсомолым и секретарыр. Шцалэ жанш, зэфIэггэкI ини иIэш.

А л ь х ь о. Зауэмипэм пионеру шыггаш, иджы еплг, лы хьуаш

Ж а м б о т. Лы хьуа кьудей, партым кандидату иджы хэд-дггэхьаш. АтIэ узыншэу, Альхьо. (*Иожьэж. КьоувьIэ.*) Ауэ, кхьыIэ, Дисэ зыгуэру гурыуэ, армырмэ си кьуэм гу шызаггэ-хуакьым жиIэнши и жаггэу хьунш.

А л ь х ь о (*дыхьэшхьу*). Сэ сыгурылуэнш абы.

Ж а м б о т. Хьунш, фIыкIэ. (*ДокIыж.*)

Альхьо.

А л ь х ь о (*и закгуэшц*). АтIэ пшцэдей шышцIэдзауэ Iэшыхьуэу сежьэжаш. Зауэ псор губггуэм ситу езггэкIуэкIаш, аргуэру губггуэм ситынуш. Ди анэм дауэ иджы ар зэрыжесIэнур? (*Дыхьэшхьу.*) Ей, Дисэ, Дисэ, Шурэрэ уэрэ аргуэру фыккы-зэхуонэж. ЗыплыхьакIуэ сокIуэ жесIэу кьээггэпцIэн? Хьэуэ, заншцIэу жесIэнш. Абы кьыгурылуэнш псори. (*Унэм шцIохьэ.*)

Ш у р э р э Х ь э т а у р э хуэму шцIантIэм кьыдохьэ .

Х ь э т а у. Абы шцхьэкIэ ушцIэгузэвэн шыIэкьым. Уи сурэт кьуитыжамэ абы шцхьэкIэ сыт укьышцIэгубжынуш?

Ш у р э (*и гур зышцIуауэ*). А сурэтым тритхам Iэджэ кьокI. КIэшцIу жыпIэмэ, фIыкIэ сыдэкIыжын хуейуэ араши сыдэкIы-жынш.

Х ь э т а у. Сэ сепсэлэншц Альхьо. Уэ ди комсомол организа-цэм узэрырикьаныр абы ишцIаркьым.

Ш у р э. Псалгэ жепIэнкьым, уепсэлгэххэу здэнкьым.

Хьэт а у. Сэ сыгурылуэнц абы.

Шурэ. Хьэуэ, кьыдыренэ жиІэми, сэ мы пщІантІэм иджы сьдэсыжыфынукъым. Унэр зейм и нэм бжэгъуу сыщІэуэу сэ унэм сыщІэсу! Ар хьуну Іэмал иІэкъым. Альхьо и гум илгыр пэжц, сэ сыщІалэщ, унэр сысейщ, хамэ щІэсу сфІэфІкъым жиІэу аращ. Уеблэмэ ар нэхьыфІщ, армырмэ зэмыдэлъху-зэмышыпхьуу, е зэмыблагъэу щІалэрэ хьыджэбэрэ зы унэм шыпсэумэ, щІыхухэм Іэджэ жаІэнц. Альхьо губзыгъэщ, абыхэм егупсысащ ар, дауи. Аращ «уи сурэтыр узотыж, узыншэу ушыт» жиІэу си сурэтым кьыщІытритхэжар.

Хьэт а у. А уэ жыпІэ псор абы кьыкІыркъым.

Шурэ. Дауэ кьызэрымькІыр? КъокІыр. ЩІыхухэр шызэбгъэдэкІыным дежц «узыншэу ушыт» шыжаІэр. Ар хэт дежкІи гурылуэгъуэщ. Сэ апхуэдизу сыщІыкІукъым ар кьызгурымылуэу.

Хьэт а у. Зэ умышпашІэ. Сэ зыгуэр кьэзгупсысащ.

Шурэ. Сыт?

Хьэт а у. Нобэ ди гууитІ Къуцхьэхьум макІуэ, абы ди фермэм зы жэмыш яхуейщ, Аслыжан щыІэти сьмаджэци, абы и пэкІэ зыгуэр ягъакІуэм кьехьжынущ. Къуцхьэхьу кІуэи, кьэбгъэзэжыхукІэ дэ фэтэр кьыпхуэдгъуэтынщ.

Шурэ. Ар пэжу жыпІэрэ?

Хьэт а у. Пэжц, Аслыжан и пэкІэ ягъакІуэІамэ ямыгъэ-кІуэну председателым сэ жесІэнц. Уэ зыгъэхьэзыр.

Шурэ. Сэ сыхьэзырыххэщ. Иджыпсту си хьэпшып тІэкІур кьэсщтэнщи зэфІэкащ.

Хьэт а у. ИІэ-тІэ.

Шурэ, Хьэтау, Альхьо.

А л ь х ь о (унэм кьыщІокІ). ЛІо пщІантІэкум щхьэ фит? Къеблагъэ, Хьэтау (бгъэдохьэ.) Мыр лІо, Шурэ щхьэ нэщхьей?

Шурэ. Зыри. Мэ, си щІыхуэ уэ птелькъым, уэ сыхьэт кьыщІызэптын щыІэкъым, (сыхьэтыр ирет), сэращ щІыхуэ зыте-льыр (къэгубжэсауэ унэм щІоладэ).

А л ь х ь о. Мыр сыт кьэхьуар?

Хьэт а у. СщІэркъым.

А л ь х ь о. Дауэ?

Хьэт а у. Абы и жагъуэ пщІа кьудейкъым, дэри ди жагъуэ пщІащ. Апхуэдэу умыщІу ди комсомол организацэм хьыбар дыбгъэщІатэм зэдгъэпэщынт нэхь зэрыхьуну.

А л ь х ь о. Уэлэхьы, сьмышцІэ мы узыгепсэлъыхьыр. Сыхьэт зэрымІэм гу лъыстати, фэеплъу сыхьэт естащ.

Альхьо, Хьэтау, Шурэ.

Ш у р э хьэпшып зэкIуэцIыпха иIыгъыу унэм кыщцIокIри докI.

А л ь х ь о. Шурэ, дэнэ укIуэрэ?

Ш у р э кьэмувыIэу макIуэ, Х ь э т а у кIэлтыдокI.

Г у п х ь у э

Е Т I У А Н Э Е Д З Ы Г Ъ У Э

Я П Э Т Е П Л Ь Э Г Ъ У Э

Пщыхьэщхьэщ. Уэтэр. СэмэгурабгъумкIэ чий шытщ, абы Iэнэ бгъурытщ, Шурэ пхьэ тыкбыр тесу Iэнэм бгъэдэсу матхэ, зэм шот иредзэ, аргуэру матхэ, абы и шIыбагъымкIэ цIакIуэ фIэдзаш. ИжърабгъумкIэ пщыIэ шытщ, абы и гъунэгъуу пкъо хэтIам и гуанэм шыуан, пхьэ шынакъ фIэдзаш. Жыжъэу бгы-хэр уолягъу.

Шурэ и закъуэщ.

Ш у р э (*лэжыгыгъэ книжкэхэр ебжри*). Иджыри тху кьэнэ-жащ (*шотым иредзэ*). Аслъэн сыту куэд кыилэжъа (*матхэ*). Си шкIэхэми сакIэлтыплъакъым. МэжалIэ лIэуэ кыщцIэкIынщ. (*Шотым иредзэ*) щэрэ пщыкIузрэ, абы пщыкIубл хэлъхьэж... Апхуэдиз кышшыблэжъакIэ, улIыжъ ахьырзэманщ.

Шурэрэ ШутIэрэ.

Ш у т I э (*псыкъехь, фэндырэр и дамэм тету, сэ ин и бгыры-пхым къамэ хуэдэу дэIуащ*). ДиукIа мыгъуи мы фэндырэм, Шурэ. Псыхьэ кIуэнри зыхуэфашцэри фэрати(*егъэув*).

Ш у р э (*шотым иридзэу*). ПщIейрэ зырэ, хыщIрэ тхурэ...

Ш у т I э. Псы кьыдэхыпIэри цIэнтхъуэрыгъуэ мыхъуаи абы нэхъей. (*Шурэ бгъэдохьэ, и жытым кхъужьIэрысэ ин кърехри и шIыбагъымкIэ щегъэтицIу*.)

Ш у р э. Щэрэ ирэ...

Ш у т I э. Аращ, тхьэмышцIэм и псалъэр тIо жыIэщ...

Ш у р э. КхьыIэ, сщхьэщыкI, сыщыбгъэуэнуц уэ.

Ш у т I э. Шурэ, сэ си фIэшчу жызолэ. ЛIо сэ сынэхъ хуэмыхуу а уэ...

Ш у р э (*къотэдэж*). IукI, мы шакъэр птескIэнщ сыкъэбгъэ-губжьым.

Ш у т I э. КъыстекIэ ухуейми, шакъэри фIыцIэщ, сэри сы-фIыщIэщ, кыыхэщыхэнукъым.

Ш у р э (*лэмыкIыу къодыхьэших*). Ари пэжщ, шакъэ

хужьырищ уэ нэхъ укъэзыщIэлэнур... КIуэ, тIысэ, тхуэпщафIэ, сэ сыпша иужь сыпхуэпщэфIэжынщ, (*стIол цIагъым цIэль ттулькIэу, бжээф зыфIэлыу шэ зэрытар къецитэри псыницIэу IуокI*). Сэ шкIэр шэ езгъэфэнщ.

Ш у т I э. Шурэ! (*гуфIэцауэ*) а жыпIар зэ жыIэжыт!

Ш у р э (*дыхъэххыу*). ШкIэхэр шэ езгъэфэнущ жысIащ. (*IуокI*.)

ШутIэ и закъуэщ.

Ш у т I э «ШутIэ, сэ сыпшэмэ сыпхуэпщэфIэжынщ...» (*ГуфIэу*). Хъунщ ар жэуапу! Зегъэзэгъ абы, ШутIэ! А си фызы-шэри кIыхъ-лIыхъ хъункъым, дызэрехыж фIэкIаи пIалгъэ естынкъым. Мэ, си псэ, мыбы хуэдэу IэфIщ сигури. (*Кхъужьып Шурэ и Iэнэм трельхэр. Шурэ и пыIэ стIолым телъыр бжэжгу цхъэкIэм фIедзэри жьэкIэ тшынгэ еузурэ ислгъэмей еицI. Хъэжумар хуэму, та-ра-ра-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра-ра... уэрэдыр жиIэу къокIуэ.*) Хъэжумар къэсащ, нетIэ щакIуэ сыкIуэу жесIащ, иджы мыбдеж сыкъыщилгъагъум ауан сишIынщ. Абы нэхърэ зыкбегъэлгъагъункъым. (*Чийм едза цIакIуэм и цIагъым зыццегъэщкIу.*)

ШутIэрэ Хъэжумаррэ.

Хъэжумар (*къокIуэ*). ШутIэ! Дэнэ кIуа мыр? Ухуху! Дешай дыгъужь къэсхуэжIыурэ. Абы нэхъей шIыIэ мыхъуаи. Къэнжалыщхъэ уэс къыщесащи куэдрэ дыщыIэжыну къыщIэ-кIынкъым. (*Шурэ и Iэнэм бгъэдохъэри.*) КхъужьIэрысэфри дэнэ къриха хъыджэбзым. (*Къецитэри егъэтильыгъэ.*) Ари и зы псэлыхъу гуэрым къритагъэнщ. Абы кыгтеплгъэр къыдехъэх. ШутIэ! Дэнэ шыIэ мы кIэ лалэжъыр... А-а, щакIуэ кIуэну жиIащи, кIуауэ къыщIэкIынщ. (*Чийм едза цIакIуэм бгъэдохъэ.*) Мэгъушъж, мыбы фIейуэ телъыр... (*ЩIопицыкIуэ еуэу цIеддэ.*) Цыджан пшыIэ мы цIакIуэм теса хуэдэщ. (*Йоуэ, цIакIуэр долъей.*) Уэлэхы, мыбы сабэу хэлгъыр мазэкIэ пхухъмышун (*йоуэ, йоуэри Шурэ зытеса пхъэ тыккырым тотIысхъэ*). ШутIэ!.. (*ШутIэ и фэр пыкIауэ, ерагъыу цытыф къудейуэ, адреи лъэныкъуэмкIэ къыщIокI.*)

Ш у т I э (*ерагъыу*). Сыт, Хъэжумар?

Хъэжумар (*къотэдджри*). КъэбукIаIа? (*Йоплэри.*) Мыр сыт къыпщыщIар? Усымаджэ?

Ш у т I э. Техъэгъуэ къыстехъащ, Хъэжумар. Зи иджыпсту сыккельын си мыгугъуэ сьдрихуейт, ауэ уккышчызджем сыккэгъэджащ амыхъумэ, уэ сызэрыпхуэзэ лъандэрэ шхальгъэм сыдэлыщ.

Хъэжумар. АтIэ Шурэ хушхъуэ къыIыпхрэ уефэтэкъэ.

Ш у т I э. Абы сефащ, сэбэп хъуакъым. Уху мыгъуэ, си шхъэр

фИхыу мэуз...

Хь э ж у м а р. АтIэ кIуэи гьуэлъыж.

Ш у т I э. Хьэуэ, иджы стокIыж, сыпщэфIэни хуейщ. (*Пкъом фIэль шыуаныр кьыфIехри, ебэ-кьебэу цIокI.*) Уи гьащIэм те-хьэгьуэ кьыптехьа уэ, Хьэжумар?

Хь э ж у м а р. AIэ, апхуэдэ делагьэ сыхэткьым сэ.

Ди бжэIупэр нывальэщ,
Сабэу лъэльтэн къэуал,
Орауи, дыгъужь,
Къэуалыжьыр уи натIи.

Хьэжумаррэ Альхьорэ.

А л ь х ь о (*кьытохьэж*). ЛПо, Хьэжумар, аргуэру дыгъужь кьэбукIа си гугъэщ.

Хь э ж у м а р. Уэлэхьы, кьэзукIам кьыщымына, кьытезгьэ-бэгаш.

А л ь х ь о (*цIакIуэр еубгьури мэтIыс*). Хьэуэ, лIыгьэ уиIэщ. ШьщIэр псо?

Хь э ж у м а р (*ари тIысурэ*). Зым тIэкIу кьепIэстхьащ, нэгьуэщI лажьэ яIэкьым. Ныжэбэ кIуар жэщ етIуанэ мэхьури мычэму сэ сызэщар а дыгъужьыр аращ. ЕтIысэхьыпIэ кьыди-такьым абы, гугъу сригьэхьащ. Иджы и фэр кьытесхащи, япэ зи фызышэ ськIуэм естынущ. Убэлэрыгь хьуркьым. Мэкьур мащIэм, шкIащIэр шхэрэй мэхьу жыхуаIэм хуэдэу Iэщыр мащIэ зэрыхьуар ара, хьэр куэдщ. (*Пишээр зэхоуэ.*)

А л ь х ь о. Хьэуэ, гугъу зегьэхь, кьэнэжар куэдыжкьым, альандэрэ тхьума Iэщым кьыхэхьуам хэдмыгьэкIуэдыкIауэ дехьжым фIыщIэ кьытхуащIынщ.

Хь э ж у м а р. Аракьэ-тIэ. Мы гьэм зы выщIэ хэкIуэдыкIа-кьым. Вы хьунуцпсори.

А л ь х ь о. Дехьжу, шыхэр Iуэм итхуэху, хэкIуэдыкIакьым кьыпIэ хьунукьым. Иджы нэхь шынагьуэр щIыIэр арщ.

Хь э ж у м а р. Пэжщ. Нэуэжьыдзэ хужь хьуащ. Абы Iуэхур щынэсакIэ куэдрэ мыбы ущыIэж хьунукьым. (*Жьы кьешцэ макь кьоIу. Псэльэныр зэноу. КьыфI мэхьу.*) Жьым пшагьуэр зэкIэщIихуащ. Жьыжэу макь кьоIу: «хей», «хей», «хей», «уо», «уо», «хей», «уо», «уо».

А л ь х ь о. А жьым уэс кьимыхьащэрэт.

Хь э ж у м а р. AIэ, уэс кьесми, сыхэт тельынкьым. Ньшэ-дибэ Кьэнжалыщхьэ хужьу нэху кьекIащ, арщхьэкIэ кьуль-шыкьу хьухукIэ текIыжащ.

А л ь х ь о. Кьемысми щIыIэщ.

Хь э ж у м а р (*жьыр ин мэхьу*). Жьышхуэм уэс кьыхьынкIи

хьунц. ШкIэщым бгъэныр тридзынщ... ШутIэ дыгъужь кьэкIуа-пIэ кьэсхутащ, жи.

А л ь х ь о (*дыхъэшхы*). А-а, дыгъужьыр ШутIэ кьыпэлпъэу щысщ жыIэ.

Ш у р э пэгун иIыгъыу, нэщхъейуэ кьохъэ.

Х ь э ж у м а р. ЛIо, Шурэ, уэри сыт уигу кьеуэр?

Ш у р э. СщIэрккъым шкIэ кьуэлэн цIыкIум есщIэнур. Нышэ-дибэ кьызэфIэувати, иджы аргуэру щылыщ, кьэмытэджу, шэи схуефаккъым.

Х ь э ж у м а р. А мылхуэсыр ара?

Ш у р э. НтIэ.

Х ь э ж у м а р. Ар шкIэ хьунуккъым, мылхуэсщ.

Ш у р э. Хьунуц, тхъэ. Ди гьунэгъу Къандышэ абы нэхърэ нэхь Иейж шкIэ ипIыжащ. Сыт абы и Iэмалыр, Хьэжумар?

А л ь х ь о. Зэи кьэтэджакъэ?

Ш у р э. Кьэтэджат, ерагъыу кьызэфIэувэурэ. Иджы щылыщ аргуэру, шэи схурифырккъым. Техьэгъуэ кьытехьам хуэдэу мэкIэзыз. (*Макъ кьолу*): «хей», «хей», «хей», «у», «у».

Х ь э ж у м а р (*дыхъэшхы*). Уэлэхьы, уэри укIэзыз сигугъэм.

Ш у р э. Сэ сыпIышIащи аращ.

А л ь х ь о. НтIэ бэлыто шхъэ шумьтIагъэрэ?

Ш у р э. Бэлытор шкIэр сьмаджэти теспIащ, иджы жэщIэ щыIэщ, ар езыри кьарууншэщ.

Х ь э ж у м а р. Уэлэхьы, уэ абыкIэ шкIэр кьэбгъэлым ухьы-джэбзыфIым. НтIэ зы шкIэм бэлыто щыгъэм, адреихэм джэдыгу жаIэу льялуэркъэ?

Ш у р э. КхъыIэ, Хьэжумар, умыдыхъэшхыу Iэмал гуэр кьызжелэ. Ныжэбэ щэ кIуэгъуэ сыкIуэурэ шкIэр шэ хуабэ езгъэ-фащ. Иджы схуефэжыххэркъым, сщIэрккъым сщIэнур.

А л ь х ь о. ПщыIэм кьэпхьмэ мынэхъыфIу пIэрэ?

Ш у р э. Хьэуэ, шкIэщыр нэхь хуабэщ ди пщыIэм нэхърэ. Мэкъу гьуцэм телъу си бэлытори тепIащ, пIышIэнккъым.

А л ь х ь о. Уэлэхьы, сымыщIэ нтIэ. Кьэмыхьунум сыт еп-щIэн! Ауэ кIэлъыплъ, хуэсакъ. Iэмал иIэм умыгъалIэ. Уи шкIэ пщыкIутхум а зыр хэмылIыкIыу кьэбгъэхьуатэм, итIанэ...

Ш у р э. Езы цIыкIури сфIэгунэхьыщ, сщIэрккъым... ныжэби сыкIуэнщ, жэщIэ шэм нэхь йофэ. (*И стIолым бгъэдохъэри тхьыгхэр пхъуантэм дельхъэ. Кхъужьбыр кьещтэри*), мыр хэт ей? (*ЩогуфIыкI.*)

Х ь э ж у м а р. Зи Iэнэ телъым ейщ.

Ш у р э. Уэра хьунт кьэзыхьар. (*Иодзакъэ.*)

Х ь э ж у м а р. Ар сысеятэм мыбы кьэзмышхъэсынкIи хьунт. (*КIыфIмэхьу, Шурэ IуокIыж.*)

А л ь х ь о. Фронтым сыщыщы! Ам си кьалэнахэм ящыщхэм ещхыщ иджы згъээзаш! Эр.

Х ь э ж у м а р. Сыту?

А л ь х ь о. Нт! Э абы щыгъуи жэщк! Э дымьжейуэ кьэрэ-гъулхэр зыдэдгъэувар кьэатк! Ухьурэ дак! Э льпышт, зыгуэр щхьэ-укъуэ хьумэ жыт! Э ти. Фронтым кьэрэгъулхэр бэлэрыгъым нэ-мыщэхэр кьак! Уэу сэлэт ядыгъунк! Э шынагъуэт. Абы щхьэк! Э командирхэм мыгчэму кьэатк! Ухьырт. Иджыри абы хуэдэщ. Нэху щыху! Э хьуэхэр сымыгъэжейуэ яужь ситщ. (*Макъ кьо! У: «хей», «хей», «уо», «уо», «ей-ей!»*.) Пльагъурэ иджы, пшапэр зэхэуа кьудейщ, ит!ани! Э хьуэхэр мэк! Иийхэр. Жэщ ныкьуэм ф! Э кмэ, мы махуэ зыт! ум жаякьыми! Урихынк! Э хьунуш.

Х ь э ж у м а р. Тхьэдыгъэлэ, арипэжк! Э. (*Маф! Э нэхуялтыагъу*). Уа, Кьытэ жэщк! Э шк! Э щым маф! Э щешыых. Ар щхьэ бдэрэ?

А л ь х ь о. Уэлэхыи, аримыш! Ыну жыс! атэм, ауэ... (*Маф! Эр нэхъри нэху кьо! хуэ.*) Мор сыт? – *Шурэ жыжъэ кьыщок! Ий: «Шк! Э щым маф! Э щ! Э нац! Маф! Э щ! Э нац! (Кьытольгадэ.) Шк! Э щым, шк! Э щым!» (Псори псынищ! Эу тожэ.) Макъ кьо! У. «Кьыщ! Э фху шк! Эр», «Мэкъур, мэкъур теодз». «Псы жы! Э! Псы!» (Маф! Э нэхур ин мэхъу. Шурэ кьо! жэри пэгун ехь, Хьэжумар кьосри фэндырэр ехь.) Макъ кьо! У: «Уисынищ, тек! Э шк! Э м. Гуху адэ, уай-уай. Маф! Э щ! Э нац, есыр!» (Хьэжумар и! Эпл! Э м Шурэ илгъукъехь.)*

Х ь э ж у м а р. Хьунш, иджы, умыгузэвэж. (*Маф! Э нэхур мащ! Э мэхъу.*)

Ш у р э. Уэй, уэй...

Х ь э ж у м а р. Нт! Э шк! Э мылгъуэсым щхьэк! Э маф! Э м зэбгъэс хьун? Куэдщ, мыдэ ят! Э ц! Ынэ тетлгъхэнщи абы бетэ-малу узыр хеш. (*Щ! Ак! Уэм трельхьэ.*)

Ш у р э. Ууу (*магъ*).

Х ь э ж у м а р (*ят! Э ц! Ынэ кьехъри Шурэ и! Э блэм, и щэм щехуэ*). Ухьыджэбз ахьырзэманщ уэ. Умыгъ. Хьужынщ ар. Умыгузавэ, уи шк! Э мылгъуэсри кьыщылыгътам, уэлэхыи, маф! Э зэрыщ! Э нэу.

Ш у р э. Хуабал! Э хьын хуейщ ар, кьарууншэщ.

Х ь э ж у м а р. Умыгузавэ абы щхьэк! Э. Сэ ськ! Э лгъы-плгъынщ. Дгъэл! Э нкьым! Э мал и! Э м.

А л ь х ь о (*кьо! К! Уэ*). Л! О, йейуэ иса? Мыр сыт, л! Эун, абы щыпхуар? Аптечкэ дй! Э щ дэ.

Х ь э ж у м а р. Ягъэ к! Ынкьым. Ар зэк! Э кьэгъанэ, сэ кьызэ-да! Уэ. Сэ мы хьыджэбзым нэхьыбэ кьызыщыщ! Э слгъэгуакьым.

А л ь х ь о. Уи гур зэрыгъум дыгъур кърокІуэ жыхуаІуэ а дэ кыгтыщІар плъагъурэ?!

Х ь э ж у м а р. НтІэ зиунагъурэ. Уэлэхы, Шурэ мыхъуатэм хьэдэгъуэдахэр кыгтыщІынтэм.

А л ь х ь о. КІуэ уэ, Хьэжумар. ШкІэхэм зы унафэ яхуэщІ, итІанэ шым. Умыбэлэрыгъ. Іэхъуэхэми якІэлгыплъ, умыгъэжэй.

Х ь э ж у м а р (*ицІакІуэр чийм кыбфІехри*). Хъунц, зи умыгузавэ. Псори зэфІэзгъэкІынц. (*ЛуокІ.*)

Шурэрэ Альхьорэ.

А л ь х ь о (*шынелыр тренІэ Шурэ*). Іейуэ уэрэ?

Ш у р э (*и гур кыызэфІэнауэ*). Сэ дэнэкІэ сыкІуэми гуауэ фІэкла...

А л ь х ь о. Умыгъ, куэдщ, хъужынц ари... НтІэ апхуэдэу мафІэм ис шкІэщым уцІэлъадэ хъун? ШкІэхэр хъарзынэу кыщІапхуащ. Уэ шкІэ сымаджэм щхъэкІэ...

Ш у р э. Абы сеплъу дауэ мафІэм езгъэсынт!

Альхьо. Шурэ, ШутІэ.

Ш у т І э (*кыбитохъэ*). Уэху, сыту сыкынгъэщтат... шкІэщыр пщэдей дыбгъэжынц, абы нэхъ бэлыхъ димыІэмэ, ар ягъэ кІынкъым...

А л ь х ь о. ШкІэ сымаджэр дэнэ пхъа?

Ш у т І э. Си пІэм згъэгъуэльащ, зэпыту укІуэ ар. Дигъэунэхъу пэтащ.

Ш у р э. Апхуэдэу жумыІэ, ар мыхъуам шкІэщым мафІэ зэрщІэнар слъагъуххэнтэкъым.

Ш у т І э. Кыты гужьейжауэ мыпсэлъэжыфу щытщ. Си Іуэхуш ар иджы щхъэукъуэжмэ.

А л ь х ь о. Ари бгъэкъуаншэ хъунукъым, кІэгъэпшагъэщ жыдоІэри тхэмахуэ мэхъури цыху дгъэжеижыркъым.

Ш у т І э. Альхьо, уэри Шури фышхакъым нышэдибэ лъандэрэ. Кыбфхуэсхынц зыгуэр.

А л ь х ь о. Шурэ, тІэкІу ушхэн?

Ш у р э. Хьэуэ. Сыхуейкъым.

А л ь х ь о. ТІэкІу едзакъэ, къару къуитынц.

Ш у р э. Хьэуэ.

А л ь х ь о. Сыхуейкъым сэри.

ШутІэ пкъом егъэщІауэ мэув.

Араш-тІэ, зэм пшагъуэм дозауэ, зэм мафІэм добэн.

Ш у т І э. Фронтц ди Іуэхур.

А л ь х ь о. МафІэр вгъэуфІынкІа нэсауэ?

Ш у т І э. Уэлэхы, дэпхэр псым зэбгрихыжам ухуеймэ. (*Шу-*

рэ мэгурым.)

А л ъ х ъ о. Умыдзыхэ апхуэдэу...
Ш у т I э (*ЮокI*). СькIуэнц сэ IуэмкIэ.

Альхьорэ Шурэрэ.

Ш у р э. Си Iэблэр есыр мафIэм...
А л ъ х ъ о. (*Шурэ и Iэр и Iыгыу*). Ар увыIэнц иджыпсту...
(*Уэрэд жеIэ*):

Дэ Берлину жыжьэм дыкьокIыжыр,
Уэ кьыгтпежьэ, ди щы нэху бгьуэщI,
Дьщежьахэр уи гум кьэгьэкIыжи
КьакIуэ ди анэ, уи кьуэм IэплIэ хуэщI.

I у п х ъ у э.

ЕПУАНЭТЕПЛЬЭГЪУЭ

ШутIэ и закьуэщ. ЖьэкIэ ислъемей еуэрэ, пшыIэ джабэм кIэрысу дзасэ
иным лы пелу. Дзасэм куэд фIэлъу, IэпкIэ егьэджэрэ.

Ш у т I э. Яхурикьуну пIэрэ? Ди Iэтащхьэхэр кьэкIуащи,
фIыуэ гьэхьэщIэн хуейщ. (*Аргуэрэу лы фIелу*.)

ШутIэрэ Шурэрэ.

Ш у р э (*ину дыхьэишхьу псыницIэу кьытохьэ*). Уэт шкIэ, мис
ар шкIэщ. Иджы щыщIэдзауэ мэпыджэ. ШутIэ, ей ШутIэ, шкIэ
кьуэлэным мыбы из шэ ирифаш. Литр псо! Уэри зы литр уиIамэ
арат...

Ш у т I э (*кьотэдэж, дзасэр и дамэм телъу*). Аджыдэ, пол-
литрэми здэнти... шкIэр нэхьыфIу уолгагьу уэ нэгьуэщI зыгуэр-
хэм нэхьрэ.

Ш у р э (*гуфIэу*). ПщIэжрэ, Хьэжумар а шкIэм щхьэкIэ
жи-Iар: «АтIэ, ар мылхьхуэщ, шкIэ хьунукьым,
зомыгьэлIалIэ», жиIэу. НтIэ хэт жиIар ара пэж хьуар? Мис
иджы еплъ, узми, мафIэми псоми ар кьелащ. Уэт. Ар си
фIыгьэщ (*IэитIыкIэ гуишIэу и бгьэм тоуэж*.) МафIэм сис
пэтми, шкIэр кьезгьэлащ. КьыбгурыIуа? Си шкIэхэр псори
ухуеймэ щIэпщIэ хьунуц.

Ш у т I э. Шурэ, а зэ бжесIам и жэуап...

Ш у р э (*ифIэц хуэдэу*). Сэ зыгуэркIэ сынольэIунут.

Ш у т I э. КьызылгьэIу, уэлэхьи.

Ш у р э. КьысхуэпщIэн?

Ш у т I э. Сэ пхуэзмыщIэн дунейм теткьым!
 Ш у р э. Ар пхуэзмыщIэм Iуащхьэмахуэ сыщIреубыдэ жыIэ-
 тIэ.
 Ш у т I э. А-а, уоджэгу уэ.
 Ш у р э. Хьэуэ, сыджэгуркьым.
 Ш у т I э. Ар пхуэзмыщIэм Iуащхьэмахуэ и щIагьым сы-
 щIреубыдэ.
 Ш у р э. Сэ сызэрынольэIури?..
 Ш у т I э. Сыт, жыIэ.
 Ш у р э (*ицхуу жиIэн хуэдэу гьунэгьу зыхуеицI, ауэ ину же-
 Iэ*). А шкIэ кьуэлэныр вы хьумэ си дыщым сригьэкIуэж (*кьыице-
 удри ину мэдыхьэиш*).
 Ш у т I э (*и жагьуэ хьуауэ*). Сыт мыбы жиIэнур жызмыIай.
 Уэлэхьы, шкIэхэм яужь уитурэ шкIагьэ пхэль ухьуам.
 Ш у р э (*гуфIэу*). Сэ нобэ си гуфIэгьуэщ, си шкIэ сьмаджэр
 хьужащ. (*Мэгунсысэ*.) СщIэркьым апхуэдизу сыщIэгугьIэр. Сэ
 куэдрэ сыдыхьэшхмэ иужьым согьыж. Дыхьэшх куэдыр
 схуэщкьым. (*ШутIэ дзасэ иIыгьым йоплгьри аргуэру мэды-
 хьэиш*.) Модэ, дзажэ псо пыпIун хуеящ. ЛIо, демыхьыж щIыкIэ
 лыр дугьынщ жыпIэу ущымысхьыжу ара?
 Ш у т I э. Ар зыхуэдгьажьэхэм яхурикьуну сытми?
 Ш у р э. Хэт зыхуэбгьажьэр?
 Ш у т I э. ХьэщIэхэм. Жамботрэ Астемьыррэ кьэкIуащ. Фа-
 ризи я гьусэу. Плээгьуакьэ?
 Ш у р э. Дэнэ-тIэ здэшыIэр?
 Ш у т I э. КьэакIухь, Iэцхэм йоплгь. Ауэ Астемьыр зыщIэ-
 упщIар пщIэрэ?
 Ш у р э. Сыт?
 Ш у т I э. ШкIэщым мафIэ зэрыщIэна щIыкIэр арщ, актым
 щIэупщIащ.
 Ш у р э. ШкIэщым мафIэ зэрыщIэнэрэ куэд Iей щIащ. Сыт
 иджы узьщIэупщIэнур?
 Ш у т I э. Сэ сщIэрэ? ЕупщI. Сытми аращ сэ зэхэсар.
 Ш у р э. Ар Iуэхукьым, сыт кьуажэм щыхьыбарыр?
 Ш у т I э. Куэд дэмыкIыу дехьжын хьыбар зэхэсахщ.
 Ш у р э. Дехьжыну жыпIа?
 Ш у т I э. Ы-ы, махуэ зыбгьупщIкIэ дежьэжыну кьыщIэ-
 кIынщ. Шурэ... ауэ щыщыткIэ ди Iуэхум...
 Ш у р э. Сыт Iуэху?
 Ш у т I э. Ауэ пщIэр. Сэ мы гьэм кьэсшэну си мурад дыдэщ.
 Жэуап тэмэм...
 Ш у р э. ЛIо уи фызышэм сынэмыкIуэнкIэ ушынэу ара? (*нэ-
 ицхьыфIэу*) сынэкIуэнщ, тхьэ. Ухуеймэ фызышэ хьыджэбзу сы-
 пхуэжIуэнщ. (*Астемьыр кьокIуэ*.)

Астемьыр, Шурэ, ШутIэ.

А с т е м ы р. Бохъу апший!
Ш у р э (*дыхъшихъу*). Уей, уи Гуэху фЫ ирикгуэ.
А с т е м ы р. Уузыншэкъэ, Шурэ.
Ш у р э (*цыгуфЫкЫу*). Хъарзынэщ. Сыт фыхуэдэхэ фэ?
Ш у т I э. Шурэ, шэ згъэпщтыну фIэдздар кыкЫгъэнщ
(*псынцигуицIокI*).

Шурэ Астемыррэ.

Ш у р э. Махуэ къэси къокI ар (*мэдыхъших*).
А с т е м ы р. АтIэ физэшыркъым?
Ш у р э. Хъэуэ. Мыбы хуэдэ щыпIэ ущыIэу уезэщын! Жам-
бот дэнэ щыIэ-тIэ? Ар уи гъусэу зэхэсхати.
А с т е м ы р. Ди гъусэщ ари, модэ щынэ щIагъэжын хуейр
ебж. Дауэ фыщыт фэ, фезэшакъэ?
Ш у р э. Мыбы хуэдэ щыпIэ ущыIэу уезэщын? ДэнэкIэ
уплъэми уи нэгу зеужь. КъызокIухъ зээмызэ. Модэ мо бгы-
шхуэми сыкIуащ, абы сеплъащ. Бгъэм сыкъахъауэ бгым сыкъы-
щыхъа хуэдэу зыкъэслъытэжурэ щысхущыхъэм деж си закъуэ
къызокIухъ. (*Мэдыхъших.*)

А с т е м ы р. Хъарзынэщ абыкIэ уи зэш тебгъэуфмэ.
Ш у р э. Ауэ си зышкIэ сымаджэ хъури сэ гугъу мащIэ сри-
гъэха? Иджы хужащ. (*МэгуфIэ.*) Нобэи натIэм селусати къызэ-
пиджащ, шкIэ бзаджэ цыкIу хъуащ.
А с т е м ы р. Зэхэтхаш уи шкIэхэм зыри зэрыхэмылIыкIари.
Ауэ зэуэ мафIэм исыж пэта си гугъэщ.

Ш у р э (*и фIэцу*). НтIэ мыгъуэ. Дисыж пэтащ. Къытэ пэ-
гуным дэп ирильхъэри зигъэхуабэу щысти хъэхэр банэри IукIауэ
жъым хъуаскIэ ирихъэжъэу мэкъум хидза е нэгъуэщI. Сытми,
мафIэр шкIэшым щIэнащ. Сэраш япэ къэзыльэгъуар. Альхьо
псы бошкIэм хэпкIэри псыф зищIри занщIэу щIэлъадэри
шкIэхэр къыщIихуащ. АрщхъэкIэ си шкIэ сымаджэр къыщIэнат.
Сэри сыщIэлъадэри шкIэр къэсштауэ къыщызгъээжым,
сыгужеищати (*дыхъшихъу*) къыщIэкIыпIэр къысхуэмыгъуэ-
тыжурэ сыкъыщIэнащ. Си гугъат мафIэм сисыну, арщхъэкIэ
 аргуэру Альхьо ныщIэлъадэри шкIэри сэри и блэгущIэ
зэрызым дыщIэлъу дыкъыщIихащ. Альхьо мыхъуатэм
сыхэкIуэдат.

А с т е м ы р. Хъэуэ, фыхахъырзэманщ тIури. Ари хъунщ.
Альхьорэ уэрэ физэкIужа?

Ш у р э (*дыхъшихъу*). Абы дэрэ дызэфIэнауэ щытакъым.

А с т е м ы р. Дауэ хъунт?

Ш у р э. Пэжщ.

А с т е м ы р. ФызэкIужыну фыхущIэмыхъамэ, иджы
фепIэщIэкI, куэд дэмыкIыу фынехыжынууц.

Шурэ. Колхоз председателыр абы темыпсэлтыхьми хьун си гугьэт.

Астемыр. Ари пэжщ, ауэ тIуми фицIэ фIыкIэ Iуаши, физэклужмэнэхьыфIт. Догуэ, мафIэм и пэжыпIэр а зэрыжаIэр арауэ пIэрэ?

Шурэ, Астемыр, ШутIэ.

ШутIэ (*кьытохьэ пэгун иIыгьыу*). Шурэ! КхьыIэ кьомыхьэ-льэкIыным зы псы пэгун кьэхь, сэ сопщафIэри сыкIуэ хьуну-кьым.

Шурэ (*кьшин-кьшину*). Узужэгьуащ уэ. Псы пэгун кьэс кхьужьIэрысищ кьызэптыну дызэгурыIуати кьыпхуэсхьа кьомым и уасэу зыщ кьызэптар.

ШутIэ. Уэлэхьы дызэрехьжу пэгун кьэс кхьужь матэ уэстыным.

Шурэ (*дыхьэшхьыу*). Хьунщ-хьунщ, мис ди председателри щыхьэтщ. (*ШутIэ пэгуныр кьегьанэри IуокIыж.*)

Астемыррэ Шурэрэ.

Астемыр. Уэ сыпхуэдам хуэмыхум псы щIыхуэ кьыхуэ-схьынтэкьым.

Шурэ. АтIэ сыт пщIэн, ШутIэ Iэрыльхьэу иIэр щIыхуэщ. (*ПсыницIэу IуокI пэгуныр кьещтэри.*)

Альхьорэ Астемыррэ.

Альхьо (*кьокIуэ*). ШутIэ! Шху шынакь кьэхьыт, псы щхьэкIэ сомэх. АтIэ, Астемыр, дауэ кьэплыгьтэрэ ди Iуэхур?

Астемыр. Бзаджэтэкьым.

Альхьо. АтIэ?

Астемыр. АтIэ, сыт, фыщхьэпырех.

Альхьо. Сыту?

Астемыр. Мэжид щхьэ непхухьжа?

Альхьо. Ара фыщхьэпырех жыхуэпIэр? Альхьо си пIэм иувэным хущIокьу жыпIэу хьыбар щIэбгьэIур ара?

Астемыр. Хьыбар згьэIуркьым, ауэ...

Альхьо. Мэжид вы хьэкьуей тIэкIуу ныкьуэдыкьуэ фщIар игьэхьуу мыбы шыIащ. А выр Кьэнжалышхуэ джабэ кIэрыту ноби йокIуэкI. Псы ефэnum псыр гьунэгьуш, шыгьу хуеймэ худохь, дэри дыкIэлъопль. АтIэ абы Iэхьуэ щхьэхуэ пэрыбгьэ-тын? Мэжид лейти кьуажэм сэбэп щыхьунщ жысIэри незгьэ-хьыжаш. Ауэ ар апхуэдэу кьыбгурыIуэн си гугьакьым.

Астемыр. Выр Iэхьуэнщэу кьэбгьэнащ....

Альхьо. Дауэ, дэ псори дыIэхьуэкьэ?

А ст е м ы р. АтIэ ари хьунш, ауэ сыт унафэ хуэпшIу шхыны-шэ нэбг'гакIуэрэ?

А л ь х ь о. Сыту?

А ст е м ы р. Шхыну дызрик'юн к'уаамытым к'ватомыуду ук'видэмыкI жыпIуэ?

А л ь х ь о. Мис ар х'барзынэу к'ебг'гэж'аш. Сэри си мура-дащ аб'кIэ сынопсэл'эну. Дэ зы выгу зэщIэщIа дил'эщ, аб'кIэ шхын к'ыдошэ, пх'э к'ыдошэ. А гур шхын к'ишэну нэкIуэ-жыху махуэ пщыкIутху дызрик'юн фIэкIа к'ефтырк'ыым. Гур нэкIуэжу к'экIуэжыным тх'эмахуитI токIуадэ. Ауэ щых'укIэ а выгу зак'уэр мычэму г'уэгум тетщ. АтIэ ар к'езэг'э? Зэ нэкIуэ-жамэ шх'э к'юмыгрэ мазэ е нэх'ыбэ дызрик'юн. Сыт выри цIыхури щIэбук'ыр?

А ст е м ы р. Апхуэдэу иг'ващIэм к'юг'уэгурыкIуэ.

А л ь х ь о. К'рег'уэгурыкIуэ! Дэ щх'э щIытфIэтыр пыIэ фIэтIк'уэну арауэ пIэрэ-тIэ?

А ст е м ы р. Уэ егупсысыж абы.

А л ь х ь о. Сэ сегупсысащ аб'ыхэм. Сэ сегупсысащ плакат, тхыл' зэрыдиماشIэм, сэ сегупсысащ мыбы Iэщых'уэу шыIэр нэкIуэжыхукIэ дунейм к'ыщых'ум зыц хамыщIыкIыу зэры-псэум, зы патефон, зы радио зэрыдимыIэм.

А ст е м ы р. Ахэр зиIэ сл'аг'урк'ыым сэ.

А л ь х ь о. Хэт сыт иIэ жысIэу зыспл'ых'ак'ыым сэ. Сэ зи гуг'уэ сщIыр дэ дзыхуейр аращ.

А ст е м ы р. АтIэ зэг'эпэщ. Уэ узыхуейр бетэмалу зэфIыбо-г'экI. Радио, патефон федаIуэу фыщысмэ сщIэрк'ыым Iэщ зыг'э-х'унур.

А л ь х ь о. Догуэ ара ар к'ызэрыбгурыIуэр?

А ст е м ы р. Уэращ-тIэ псори к'ызыгурыIуэр. Уэр мых'умэ адреихэр пэкIэ псы йофэ.

А л ь х ь о. Уэлэх'и си гуг'ватэм...

А ст е м ы р. Уэ куэд уи гуг'вэщ – угуг'эри трудоден гуэшы-кIэщIи к'эбублащ.

А л ь х ь о. Ари бдэнук'э?

А ст е м ы р. Сэ здэкIэ зэфIэкIрэ, цIыхухэр мэтх'эусыхэ.

А л ь х ь о. ПцIыщ. Тх'эусыхэрк'ыым. Трудоденри лэжы-г'эм к'ызэриг'эльаг'уэм теухуауэ догуэщ. Мы тх'эмахуэм и кIуэцIкIэ жэмыр фIыуэ шхамэ – шэ куэд к'ващIэкIмэ, нэх'ыбэу дотх, армырмэ – нэх' мащIэу. Мэлри апхуэдэщ, нэх' егуг'ум нэх'ыбэу, емыгуг'ум нэх' мащIэу. Ауэ цIыхухэр мэтх'эусыхэ жыхуэпIэр пцIыщ, дэр-дэру дызэхуэсри апхуэдэу тщIыну унафэ тщIыжаш.

А ст е м ы р. А щх'эзыфIэфIаг'хэр здэнук'ыым, Ал'х'ю. Дауэ щытми, сэращ мысых'эткIэ колхоз председател'ыр...

А л ь х ь о. АтIэ х'барзынэж'э! Сэ уи к'улык'уэ к'ыптесхрэ?

А ст е м ы р. Аращ узыщIэк'ур... Ауэ депл'ынищ...

А л ь х ь о. Астемыр, щыг'эт а жыпIэр! Здэнук'ыым ар!

Шху иЫгыгу ШутІэ кыщІохъэри кьодауэ .

А с т е м ы р. Ауэ умыбэлэрыгъ, уэ председателу ухахмэ хьыджэбзхэм шкІэщ ягъэсам и махуэр колхозми кыыхуагъэ-кІуэнкІэ хьунщ.

А л ь х ь о. Мыгъэрей Іэщыхуэхэм ди лэжыгъэм ара кы-пэкІуэнур?

Ж а м б о т кьакІуээрэ псалъэмакъ иныр шызэхихым зэтоувыІэ, ШутІэ ар ельгагури ІуокІыж.

А с т е м ы р. Сыт шхэкІэ? Трудодени фэтгтынущ. НэгъуэщІ кыщпэкІуэнухэмкІи парт собранэм дыщызэхуэзэнщ.

А л ь х ь о. А собранэм ухуэмыпабгъэ, абы уифІ шыжамы-ІэнкІэ хьунщ.

Альхьо, Астемыр, Жамбот.

Ж а м б о т (*кьабгъэддохъэ*). Мыр лІо, сыту фызэщІэпльа.

А л ь х ь о. Уэлэхьи сымыщІэ. Астемыр кыщІэгубжыар...

А с т е м ы р. Дауэ укызыэрымыгубжынуур?! Ди жэмхэр кыщыпшкІэ патефон ебгъэдауэм шэ нэхыбэ кыщІэкІынууци патефон кыытхуегъашэ, жи.

А л ь х ь о. Ара сэжысІар кызыэрыбгурыІуар? Уэлэхьи акы-лыр шагуэшым дурэшым удэсам уэ.

Ж а м б о т. Шыгъэт зэ, фышызэдауэр кызыжефІэт.

А с т е м ы р. Сэ зыми седауэркыым, унафэр кызыбгъэдэ-кІын хуейр сэращи, унафэ сощІ, Альхьо си унафэр игъэзэщІэну и борщи ирегъэзащІэ.

А л ь х ь о. Уи унафэ псори согъэзащІэри сэ...

Ж а м б о т. Сыт хуэдэ унафэ зи гугъу фщІыр?

А с т е м ы р. Япэр арауэ Альхьо Къушхъэхъу шыІэу и бэла-гыр кьуажэм щашІ мырамысэм кыыхремыІу.

Ж а м б о т (*мэдыхъэх*). АтІэ мырамысэр кІэребгъэсхэну зІамыщІэу.

А с т е м ы р. Ар зэІызыщІэн дэ кьэдгъуэтыжынщ.

Ж а м б о т. Ауэ умытэмакъкІэщІуэ.

А с т е м ы р. Схуэшэчынукукыым сэ Альхьо и фІэфІыр ищІэу, шхыну зыхуейм хуэдиз кыІыхыу, и гум иримыхъ ильагъум нигъэкІуэжу, трудоден тхыкІэщІэ кыигупсысу, унафэ лей псоми трищІыхъу, икІэм икІэжым патефон, радио, тхылъ кысхуе-гъашэ жиІэу кыспиубыду. Сэращ колхозым и унафэр зыщІыр...

А л ь х ь о. Уэрам а жыпІахэм я унафэр щхъэ умыщІрэ?!

Ж а м б о т. Альхьо жиІэр пэжщ.

А с т е м ы р. Уэри абы уригъусэ?!

Ж а м б о т. Апхуэдэу зумышI, Астемыр! Фхуэфашэ ар? Альхьо жиIэр пэжш, жызоIэр сэ. Ар шIэпэжыр мыраш. Модэ Къытэ еупшI, абы жиIэр араш. Ильэс шэ ныкъуэ мэхъури сыIэ-щыхъуэщи, гъэ къэс Къушхъэху дагъэкIуэху бгъуэншIагъым дышIэсш, жи. АтIэ ар хъун? Совет властыр зэрыуври ильэс шэщIым фIэкIауэ, ноби ди Iэщыхъуэр бгъуэншIагъым шIэсш. АтIэ ар тхуэфашэ дэ? Догузэ, мыбдежым унэ къекIу иту, псэуа-льэхэр абы къещIэкIауэ, унэм уи тхылыи шIэлъу, уи патефонри, радиори шIэту, къабзэлабзэу, бэкхъыр хуабэу, шкIэщыр апхуэ-дэу, мэкъу хъзыри щыIэу, гъэ къэс дызыхуейр мыбы нэс къэ-тлъэфу, етлъэфэхьжу щыт нэхърэ а адреим хуэдэу щытатэм нэ-хьыфIгэкъэ?

А л ь х ь о. Iэщхэри тыншынт, иджы дызэрехыжым хуэдэу пасэу демыхъжу IэджэкIэ нэхъ кIасэу дехыжынти абы мэкъу-мыли къыдигъэхуэнт.

Ж а м б о т. Пэжш, АтIэ, Астемыр, ипэкIэ Iэщ зэрагъэхъуу щытар иджы хъужынкъым.

А с т е м ы р. Мыбы унэ ипшIыхъ хъууэ щытам, куэд шIат ар зырашIрэ.

Ж а м б о т. Дэ дызыпIа партым ара жиIэр? Адрейхэм ямы-шIыфа, я акъыли, я къаруи зыхуримыкъуар дэ тхуээфIэкIын хуейш.

А с т е м ы р. ШкIэм яхуэтшIати ягъэсаш, унэ яхуэпшIмэ къе-лын уи гугъэ.

А л ь х ь о. ШкIэщыр исами шкIэр къедгъэлакъэ! Ар къегъэ-лыгъуафIэу щытами уошIэр уэ.

Ж а м б о т. Куэдш, иджы. НакIуэ, Астемыр. Догувэ. Нэху шIыкIэ гъуэгужьым дынэгъэс. Сэ мы шIыпIэхэм сыщыIэкIуэ-лъакIуэкъым.

А с т е м ы р. НакIуэ, ауэ собранэм дыщытепсэлъыхьын хуей хъунш дэ куэдым.

Ж а м б о т. Дытепсэлъыхьынш, уэлэхыи. АтIэ узыншэу, Аль-хьо. (*Я Iэр зэроубыд. Астемыр Альхьо къемпыллу къеубыдри псыщIэу щIокI.*) Плъагъуркъэ, ар тэмакъIэшIш. (*ЩIокI.*)

А л ь х ь о (*и закъуэ*). Хъункъэ. Парт собранэми, колхоз со-бранэми зэхагъэкIынш уэ дэрэ пэж жызыIэр. (*КIэлыищIокI.*)

ШутIэ и закъуэщ.

Ш у т I э (*къыищIохъэ*). Мис а зэхэсхар Шурэ жеIэжын хуейш. Армыхъумэ Шурэ и гугъэщ Альхьо фIгуэ къыльагъуу. Ар абы къыпылгу щытатэм Астемыр жиIар хуидэнт?

Шурэрэ ШутIэрэ.

Ш у р э (*псы пэгун иЫгыгы*). ШутІэ, къаштэ кхъужьыр, псыр къэсхъаш, уэху, сыту Іейуэ сеша.

Ш у т І э. Шурэ... Шурэ... сэ зэхэсар! Шурэ...

Ш у р э (*къэщтауэ*). Сыт къэхъуар? ШкІэм ящыщ лІа?

Ш у т І э. Нэхъ Іейщ.

Ш у р э. Сыт, сыт мыгъуэ къэхъуар? ЖыІэт, жыІэт псынщІэу.

Ш у т І э (*зилтыхыу*). ШкІэщым...

Ш у р э. Аргуэру мафІэ щІэнауи?

Ш у т І э. Хъуэ, шкІэщым мафІэ зэрыщІэнар уи зэрару жаІэ, си тхъэкІумитІымкІэ зэхэсхаш.

Ш у р э (*игуртысыжауэ*). Уэху, сыту Іейуэ сыкъэбгъэщтат. Арамэ Іуэхукъым. Ар сызэримызэрару хэти ещІэ.

Ш у т І э. Шурэ, уэ уи фІэщ хъуркъым, аращ жаІэр.

Ш у р э. Хэт ар жызыІэр?

Ш у т І э. Астемыр жиІэу зэхэсхаш.

Ш у р э. Астемыр ар жиІэуи?

Ш у т І э. НтІэ, жиІэу.

Ш у р э. Ар Жамбот и фІэщ хъуа?

Ш у т І э. Мис ар сщІэркъым. (*Шымыц.*) Ар шытыххакъым Астемыр абы шытепсэлтыхъам, шкІэщым колхозри кІэлтыгъэкІуэнщ абы жиІэу къэгубжъат. Сэ уэ усфІэгуэныхыщ, сэ фІуэу зэрыслъагъур...

Ш у р э. Ар абы и жъэм дауэ къекІуа?

Ш у т І э. Шурэ, уэ зэ уи жагъуэ ящІ нэхърэ сэ хъэаб тІошІ къыстралхъэм си дежкІэ нэхъ шэчыгъуафІэщ. Псалъемакъ Іей къыщэжъакІэ, сщІэркъым нэхъыфІыр... сыт сщІэн?

Ш у р э. НтІэ дэнэ сыкІуэми насыпыншагъэр си ужьым икІыркъым... (*Игур кызыэфІонэ.*) Еплт иджы сэ къыстрилхъам. Сэр мыхъуамэ шкІэр Исраф хъун пэтрэ итІани...

Ш у т І э. Умыгузавэ абы шхъэкІэ, пэжыр къыщІэщынщи, ар къыптезылхъар щІегъуэжынщ.

Ш у р э. Дежэжыну мурад шысщІам шхъэ семейжэжарэ? Альхъо мыбы къызэрагъэкІуэнур сщІатэми, сыкъызэрыкІуэн фІыгъуэ шыІэткъым. Иджы дауэ сыкІуэжын? ПцІы къыстралхъар зэхэмыкІуэ сежъэмэ, нэхъ Іейхъэш.

Ш у т І э (*гузэвауэ лъэныкьуэкІэ епсэлъэкІуэ*). Аратэкъым сэ сызыхуейр, зэІохъэ. Хъуэ, Шурэ, уемыжъэж. Дауэ, ар Астемыр шыжиІэм Альхъо къыщымыгубжъакІэ... Сэ сщІэрэ... Альхъо нэхърэ сэ нэхыфІу услъагъуу къыщІэкІынщ. Шурэ... Сэ къыздэкІуи псори тэмэм хъужынщ...

Ш у р э (*мэгунсысэ*). Сехъжынщ. Насып защІэ ухъу, ШутІэ, Альхъо пэжу а зэрыкыпІэм тету къыщІэкІынщ, бэрычэт бесын. Іэджэ къызгурыбгъэгуаш...

Ш у т І э (*епсэлъэкІуэ*). Зызгъэунэхъужаш... Сыт ар абы щІыжесар?... (*Шурэ епсалъэу.*) Хъуэу, уемыхыж. А мафІэм и

Гуэхур псоми ящІэ...

Ш у р э. Сэ абы хуэдэ гурыщхъуэ кысхуашІауэ... ШутІэ, уэ сызэромыІуэтэжынур сощІэ, мыращ си мурадыр: сэ сысымаджэщ жысІэнщи... хъэуэ, ари хъунукъым... Письмо кысхуатхауэ кыуажэм шыІэщ...

Ш у т І э. Ар кыпхуэзытхын уиІэ?

Ш у р э. НтІэ сыт жысІэнур? (*Мэгунсысэ*) Зыри жызмыІэу сехыжынщ! Ари хъунукъым... ШутІэ (*бгъэдохъэ*), уэ фІуэу сыкъольагъу, ар сощІэ. Сэри, ШутІэ, зыгуэр фІуэу солъагъу... аращ, тІысэ, сэ зыри шыбжезмыІэфыр, ауэ (*сумкэр къецитэри сурэт кыидехри*) мэ мыр, зехъэ фэеплъу. Ар зыгуэрым куэдрэ иІыгъри кыскІэщІидзэжащ, уэри сыкъэбужэжъужмэ...

Ш у т І э. Сэ узужэгъункъым зэи.

Ш у р э. Дауэ сщІыми сэ сехыжынщ щхъэусыгъуэ гуэр сщІынщи, ауэ кызырэзымыгъэзэжынур уэр фІэкІа псэ зыІутым йомыгъащІэ...

Ш у т І э. ИтІанэ уэ дэнэ укыщызгъуэтыну?

А л ь х ь о (*сценэм адкІэ*). ШутІэ! (*ШутІэ ІуокІ*).

Шурэ и закъуэщ.

Ш у р э. Щхъэусыгъуэ сыщІэлтыыхъуэн шыІэкъым, занщІэу жесІэнщи сехыжынщ.

Альхьорэ Шурэрэ.

А л ь х ь о (*кыщІохъэ*). Шурэ, Астемыр ухуэза уэ? (*Шурэ зыри жиІэркъым*). Астемыр ухуэза уэ, зо? (*Шурэ зыри жиІэркъым*.) ЖысІэр зэхэпхыркъэ? ЛІо уэри укъэгубжъа?

Ш у р э. Сыкъэгубжъакъым. Мы зыр кыызжелІэ...

А л ь х ь о. Сыт?

Ш у р э. Сэ сызыхуейр... сэ... сымыкІуэжу хъунукъым...

А л ь х ь о. Дауэ, зы тхэмахуэщ къэнэжар итІанэ...

Ш у р э. СымыкІуэжу хъунукъым... сэ Іуэху сиІэщ, сэ... сысымаджэщ, сэ сыкІуэжын хуейщ.

А л ь х ь о. Сыт къэхъуар апхуэдэу?

Ш у р э (*игу кызыфІэнауэ*). Іэмал иІэкъым абы, зыгуэр кысхуэщІэфынуэм, а зыр кысхуэщІэ, сынолгъэІу ину...

А л ь х ь о. Дунейр кьутэжынкъым зы тхэмахуэм...

Ш у р э. Сэ сигуми уэр папщІэ Іей иІгъатэкъым, ауэ...

А л ь х ь о. ЖыІэт, Шурэ, жыІэт адкІэ!

Ш у р э. Альхъо, сэ фІуэу услъагъут...

А л ь х ь о (*къэгуфІауэ*). Шурэ!..

Ш у р э. Мы зращ уэ сызэрынопсэльэжынур...

А л ь х ь о. Шурэ, уи гум иІгыр псори жыІэ, сэ сигу иІгыр шощІэ.

Ш у р э. Абы утемыпсэльыхь, сыхуейкьым абы. Куэдщ, сигу техуэнукьым фІәкІа. Абы кьыфІәбгъәкІым сыгъынуш... (магъ) ськІуэжын хуейш, сә сысымаджәщ, махуэ зытІукІә ськьәкІуэ-жынш.

А л ь х ь о. Хьунш, зэрыпфІәфІу щІы.

Ш у р э. АтІә сыпхуэарэзыш, фІыкІә, (кьыбгъәдохъэри Аль-хъо и Іэр еубьдри). Узыншәу (Альхъо и нәм щІәплъәу), тхьэм фІым ухуишә.

А л ь х ь о (зэришалІәну хуожьә). Шурә...

Ш у р э. Щыгъәт, фІыуэ яльагъу унәм кьышІахуркьым... (ПьыницІәу зыІәщІәудри щІојж.)

Альхъо.

А л ь х ь о (и закъуәу). ДьзәбгъәдәкІыжащ иджы. Сепсә-лъяну, сигу ильыр жесІәнш жысІәурә, абы сынәмысыфурә ежъәжаш.

Альхъорә Фаризрә.

Ф а р и з (кьышІохъә). Лпо, Шурә ебгъәжъәжрә? Шурә ежъәж-рә, зо? ГьәщІәгъуәнш, тхьә, зыри жьпІәркъә?

Альхъо, Фариз, ШутІә.

Ш у т І ә (хуабжъу нәщхъейуә, иьынакъ ІәщІәту кьышІохъә). ШхужьпІати, Альхъо. (Ирет иьынакъыр). Ежъәжаш... (Альхъо ихум йофә. Фариз ельагъу ШутІә сурәт ильыгъыу.)

Ф а р и з (къәщтауә). Хәт и сурәт ар, къащтәт! Шурә ей?

Ш у т І ә. Уәстынукьым (щІыбагъымкІә сурәтыр щә-гъәщцІу.)

Ф а р и з. Къащтә, уәстыжынш, тхьә. (КъыІех).

А л ь х ь о. Ар дәнә къипха? Мыдә къащтәт.

Ш у т І ә. Къызтыж мыдә, сә тхьә слуаш ар зыми езмытыну.

А л ь х ь о. Къащтәт, мыдә!

Ш у т І ә. Хьәуә, Альхъо, абыкІә укьыспымыхьә.

Альхъо кьыбгъәдокуатә. Сурәтыр и щыбагъымкІә ирехьәкІ. Фариз кьокІуәкІ-ри сурәтыр ШутІә и Гәм кьыІәшпәхуәт.

Ф а р и з. Куэдщ мыбы щхьәкІә фьзәмыныкьуәкьу (зәхе-ушкІумпІәри хьфІедзә). Ар Иван Петровичем ильәскІә зэри-хьаш, иджы уә чэур кьышлгысаш.

А л ь х ь о. Сыт пщІәр? (Къәщтә сурәтыр.)

Ш у т І ә. Сыт ар щІәбушкІумпІар апхуәдәу?

Ф а р и з. Куэдщ, фыкьәмыгубжь. Дәнә щыІә Шурә? (ЩюкІ.)

Алхьорэ ШутГэрэ.

А л х ь о (*ШутГэ патиГэ*). Хьунц, уэстыжынц. Кгуэ модэ, сырымэ кыыщЦехьэри зыгуэр ебгъэсу кыыщЦэкЫнц уэ.

Ш у т Г э. Уэ мы мафГэр гъэщЦэгъуэнц, узэрыбгъэдэкЫу зыгуэр кыыпкГэщЦыхьэнц... (*ЩокI*.)

Алхьо и закъуэщ.

А л х ь о (*Сурэтыр заңцГэ ещЦыжыр*). Мыр сэ сЫгъар ара? Мыбы зыгуэр тетхаш. (*Иоджэ*.) Уи сурэтыр узотыж, узын-шэу ущыт... Мыр хэт зытхар? Ахьа, Фариз жиIакъэ мыр Иван Петрович иЫгъауэ?! ГурыIуэгъуэщ! Фариз абы щыдэкIуэм сурэтыр кыыхыфИидзэжаш... Дауи, аращ Шурэ и губжбыр кыызэрыкIар. Мо бухгалтерырщ псори зэлызыгъэхьар. Дэнэ къриха абы хуитыныгъэ Шурэ игу хигъэщЦыну? Сэ ар иджыпсту зэхэ-змыгъэкЫни. (*Маджэ*) ШутГэ! Къажэ псынщЦэу!

Ш у т Г э (*къос*). Сыт, Алхьо?

А л х ь о. Жэ псынщЦэуи кьегъэгъазэ Шурэ. Хьэуэ, улгъэ-щЦэхьэнккъым абы. Мыдэ шы гуэрым уанэ тельхьэ.

Ш у т Г э. Хьэжумар и шым уанэ тельу щытщ.

А л х ь о. АтГэ кьекъу мыдэ, е сэ сыкIуэнц.

ПсынщЦэу т I у р и щокI. Шыльэ макъ кьоIу.

I у п х ь у э.

ЕЩАНЭ ЕДЗЫГЪУЭ

ЯПЭ ТЕПЛЬЭГЪУЭ

Сценэр тIууэ гуэшащ. ИжырабгъумкIэ пэш шытщ. СэмэгурабгъумкIэ пщIантIэщ, жыг дэщ. ЩхьэгъубжитI хэльщ пэшым, зым репродуктор ин тетщ. Бжэр занщЦэу кыыхэлъщ, абыкIэ ущЦэкIрэ пщIантIэм удыхьэрэ куэбжэм удэкIыж мэхуэ. Пэшыр зэлыIухаш. Дисэ и закъуэу шыщц шэнт лъахьшэм тесу. Лгъэпэд ещI. Зэзэмызи мэгупсысэ лгъэпэд шIын щегъэтри. Шэнтым цIыхубз бостей, джанэ хуэдэхэр еущЦэкIаш. Къандыщэ кыыщЦохьэ.

Къандыщэрэ Дисэрэ.

Д и с э. Къеблагъэ, Къандыщэ. Тыс. Сыту хьарзынэу укъэ-кIуа, сызэшырт Iейуэ.

К ь а н д ы щ э. Себлэгъаш, тхьа (*мэтIыс*.) Сыт, тIу, Алхьо и хьыбару шыIэр, кьэкIуэжу зэхэсхащи пэж?

Д и с э. Езым кыыбгъэдэкIыу зы хьыбар шыIэккъым, ауэ кье-хыжыну жаIэ. Бжыхьэ хьуаш, ахэр здэщЦIэм уэс кыыщесащ иджы, дауи.

К ъ а н д ы щ э. Хэт, тIу, мы босцей дахэ дьдэр зейр?

Д и с э. Шурэш.

К ъ а н д ы щ э. Дахэ дьдэш, тхьа. Гу хьэлэлш, тхьа, уэ уи гур, Дисэ.

Д и с э. АтIэ, тIысэ, мыр зыбгьэдэсар цIыхутэкьэ жаIэу IэшIэляпшIэу ар си пшIантIэ дэзгьэкIыжын.

К ъ а н д ы щ э. Тхьа, ари пэжым.

Д и с э. Нэхьыбэт абы хуэфашэр, ауэ иджы узыхуей псор дэнэ кьипхын?

К ъ а н д ы щ э. Пэжш, тхьа. ХуэпшIаIами фIы дьдэш, тхьа, угьурлы ухьу. Куэд хуэпшIарэ фIышIэ имьшIым зыми и уасэкьым, тхьа, мащIэ хуэпшIэрэ шьытхьу хэлъмэ, ар псом я нэхьыфIш. Сэ сшIат, тхьа, Альхьорэ абырэ зрызэмьызэгьынур, ар уэ шьыбжесIами кьысхуэбдатэкьым. . .

Д и с э. Алыхэ сэ си фIэш мыхьу абыхэм я кум зыгуэр кьы-дэмышьауэ. Мычэму блэ пшIыхьэпIэу солъагьури. . .

К ъ а н д ы щ э. Хьерухьу, блэригьашIэм бзэгуу, жаIэ. Тхьэм ещIэ абы хуэдэ зыгуэри яку дэлъынкIи хьунш.

Д и с э. Куэд шIауэ сэри абыкIэ гурышхьуэ сошI, ауэ и пэжы-пIэр зи кьысхуэшIэркьым.

К ъ а н д ы щ э. ЗэкIужауэ кьэкIуэжынкIи хьунш, хэт ишIэрэ.

Д и с э. Абы хуэдэу кьышIэкIатэмэ ськьыишэхужа хуэдэу кьысшыхьунти.

К ъ а н д ы щ э. Си шхьэгьусэжьым, тхьа, сыхузэгуюпри зэ кьыдыхьэжу сигу тезгьээзэгьашэрэт жызоIэри сыпоплгьэ.

Д и с э. Сыту, а-на?

К ъ а н д ы щ э. Нышэдибэ, тхьа, сымышIэххэу урыс лIыжь пхьашIэу ядэлажьэр шIалэ цIыкIу гуэрым кьригьашэри, тхьа, кьыгьэкIуаш гьашхэ жиIэри. ШIалэжь цIыкIури езгьэпсэлъэнт жысIати кIэбгьу зишIэри дэжыжаш, тхьа, урыс дадэр сэ кьысхуигьанэри. Зи сызэрыгурыIуэнур сымышIэу, тхьа, Iэпэ тэр-мэшири мыхьуу гугьу сыдехьаш, тхьа.

Д и с э. А, тIу, абы уемыпсалгьэу, тIэкIу бгьэшхамэ ара хьунт зыхуейр.

К ъ а н д ы щ э. Ар сэри ещIэт, тхьа, ауэ нэхэ ишхынулкIэ сечэнджэщынути арат амышьумэ. Сэ ещIэрэ, ди ерыскьы ар зэмысар дауэ ептын жысIэу абы сригузавэт. ТIэкIу сыпшэ-фIэхукIэ зэIузгьэунш жысIэри пIастэрэ кхьуейрэ хутезгьэ-увати, тхьа, имьшхьу кьызэшлът. Iумпэм ишIу ара е фIэмащIэу ара жысIэри сыгузавэри урысыбзэ сымышIэмкIэ «KIушай, kIушай, урыс дадэ, уфIэмащIэу ара мыгьуэу кьышIэкIыиш, хозыиыр кьэкIуэжми удэзгьэшхэнш» жысIэри махьсымэ шынакьы хутезгьэуващ, тхьа. Аурэ сэри кхьуейжьапхьэ тIэкIу хуэсшIыхукIэ пIастэмрэ махьсымэмрэ зэхипIытIэри кхьуейм дедзакьэурэ шэ-пIастэм хуэдэу зэдишхри

тэджыжаш, тхьа, кхъуейжъапхъэми ІэпэкІэ емыІусэу аргуэру «кІушай» жысІэурэ сфІыдэкІыжаш. Иджы, тхьа, абы хуэдэу шхын мызэгъ сагъэ-шхаш жиІэрэ иІуэтэжмэ си напэр кыбтрихаш.

Д и с э (*дыхъэшхыу*). А, тІу, абы уи зэран хэльыххэкъым, езым зэрыфІэфІу ищІаш.

К ъ а н д ы щ э. Ана, апхуэдэ телъыджэ щыІэ?

Д и с э. Сэ сщІэ мыгъуэрэ? Шурэ гъэмахуэ хуабэм деж окрошкэ жиІэу зыгуэр тхуищІу шытащ, абы хуэдэ кыфІэщІауэ кыбщІэкІынщ.

К ъ а н д ы щ э. Алыхъ, тхьа, абы кыбзэрыфІэщІарсэ сымыщІэ, ауэ а си Къамболэтъжыыр кыдэхъэжатэм ташк тау жезгъэ-Іэнт жызоІэри сыщысщ. Алыхъ, тхьа, и къэкІуэжыгъуэ хъуауэ сыкыбщІэкІащи къэкІуэжами сымыщІэ, ськІуэжынщи нэхъыфІщ (*къотэдэс*).

Д и с э. КъэкІуэжами, тІу, абы шхъэкІэ ущІэшхыдэни щыІэ-кыбм.

К ъ а н д ы щ э. А-на сыт жыпІэр? Си гъащІэм, тхьа, хъэщІэ кысхуэмыарэзыуэ дэзгъэкІыжакъым, абы сыт иджы си хыбар Іей жезгъэІэн? Хуеймэ, и гъусэу кырешы езым езгъэшхыр ирегъэш. (*ЩокІыж*.)

Дисэ и закъуэщ.

Дисэ (*лэпэддыр еукъуэдий*). Мыр нэхъ цІыкІуІуэ сщІауэ щхъэ кысфІэщІрэ? (*нэгъуэщІ лэпэд къеуцтэри зэрегъащцэ*). Хъэуэ зэхуэдэщ. Узыншэ цІыкІуу зэрырехъэ, тхъэм ещІэ абы зыдигъээнур. Дэнэ кІуэми сыхуэарэзыщ. Ай, Альхъо, Альхъо. Сыношхыдэну мыгъуэти гу пщызмыхуэу удэкІыжашы си дээр мэщ.

Дисэрэ Хъэтаурэ.

Х ъ э т а у (*къыщІохъэ*). Уузыншэм, Дисэ!

Д и с э. Къеблагъэ, си щІалэ цІыкІу.

Х ъ э т а у (*мэтІыс*). Ухуэзэша хъунщ уи къуэм, Дисэ. Пэж-кы?

Д и с э. Сыхуэзэшаш, тхъэ. Щхъэ сыхуэмызэшу? ИлъэсиплІ-кІэ сьпэпллауэ кыбзэрыдыхъэжу аргуэру ежъэжауэ губгъуэм итщ. Ауэ сыт, си пщІантІэм дэмысми, зэрыузыншэр сощІэри сыгузавэркъым.

Х ъ э т а у. Хъэуэ, пэжу жыпІэм, абдеж къокъуэншэкІахэщ, зы мазэ кыббгъэдэсын хуеящ.

Д и с э. Ахей кыбзэкъуэншэкІа, гу щызагъэхуакъым си къуэм.

Х ъ э т а у. Уэлэхы ар езым и зэраным. Езы Альхъо яфІэ-

кІуаш. Ауэ сыт – иджы кьокІуэж.

Д и с э. Ари сощІэ, тхьэ. Аращ, тІысэ, гумьзагъэщ, ари адэм хуэдэщ, Іуэхуншэу пхушысынкьым, кІапсэкІэ умыпхауэ (*Щымыц.*) Си кьуэр кьэкІуэжу зэ хуэсІуэтгэжащэрэт сэ оккупацэ емынэм щыгъуэ сызэрызэралъэфар жысІэти, абы сынигъэ-сакьым.

Х ь э т а у (*дыхъэшхыу*). Коммунист анэжъ кьыщыпІаща лгъахъэнэр ара зи гугъу пщІыр?

Д и с э. НтІэ, на-а. Сэ хъэзаб мащІэ страгъэльтя!

Х ь э т а у. Догуэ, уахуэмышынауэ жаІэри, Дисэ, пэж ар?

Д и с э. Сыт, на-а, сащІыщышынэнур? Сащышынакьым, тхьэ. Сэри сыкызыррыкІри ташк-тау жиІуэ зэрыслъэкІкІэ сы-хуушІащ. Зи сакьыхуикІуэтакьым.

Х ь э т а у. Дауэт ар зэрыхуар?

Д и с э. Зэрыхуар аращ, тхьэ. НтІэ сымышІэххэу зыгуэр кьакІуэри, зи дунейр икьутэжу, бжэІупэм дей увауэ фоч егъауэ. ГуІэгъуэжъ мыгъуэт, сыт кьэхуар жысІэу сыкыщІэкІмэ, зы щІалэ щытщ.

Х ь э т а у. Автомату кьыщІэкІынт иІыгыр!

Д и с э. Сэ сщІэ мыгъуэрэ ар сытми, ауэ пулемётым хуэдэу егъэльтя. «Сыт ямылгъагъужын, сыт ушІгудэфуэ си пщІантІэ фоч щІыщыбгъауэр?» жысІэри сещаш. Езым сепІымэ, алыхьым иужэгъужа Мухьэмэдыжбыр аращ. ИгъащІэм фадафэжъу щыгар.

Х ь э т а у. Хэт Мухьэмэд?

Д и с э. Мо ди гъунэгъур, на-а!

Х ь э т а у. А-а, зи анэ лІауэ, джэбыныпхъэ щхьэкІэ бзээрэм ягъакІуэу джэбын уасэр изыфу кьэкІуэжар ара?

Д и с э. Упсэу, мис ардыдэщ. Сыт пщІа телгыджэр, напэ-техыр? – щыжаІэм, си анэр зэрылІар сигу кьыщыкІыжым сигу щІыхьэри семыфэу схуэшэчакьым жиІэри арат жэуапу кьа-ритар.

Х ь э т а у. Кьыгуэтати напэншэм щхьэусыгъуэ.

Д и с э. АтІэ а нэлатхэм нэгъуэщІ яхуэлэжынт!

Х ь э т а у. НтІэ-нтІэ, уи сальэр зэпызудащ. ЖыІэт адкІэ.

Д и с э. Пэжым ухуеймэ, тІэкІу сышынат, ауэ гу зылтезмы-гъатэу арат. Езыр кьызэплъри «хэт удэфар, уэра хьэмэ сэра?» жиІэри аргуэруи кьысщхьэпригъэукІыу пІыпІыпІыр и махуэу игъауэу щІидзаш. А си гуІэгъуэжъ мыгъуэти мыбы сиукІыну кьэкІуаш – жысІэри сыгузэващ. «НакІуэ, жиІащ, зиусхьэнхэр кьоджэ, укьалгъагъумэ я гуапэш». Сыт сщІэнт? СыкІуаш. Унэм сыщІыхьэри сыуващ. ЩІэст абы дамэтелхьэр ятелъу, жорхэри яхэльу, афицари, нэгъуэщІи. «ЛІо, кІамунист анэжыр укъэ-кІуа?» жиІэри зы кьызуупщІащ. Хьэуэ, сыкьэкІуакьым. НтІэ мыбдеж щхьэ ущыт? Емынэм сыкьыхуаш. Ы-ы? – жиІэри кьы-щыльэтащ. Я си тхьэшхуэ, мырауэ пІэрэ сэ

кIуэдыпIэ схуэхъу-нур? – жысIэт сигукIэ.

Хь э т а у. Догуэ, хэтыт иджы ар? Абы и хьыбар зэхэсхат сэ. Германым я деж кыкIыжа адыгэ уэркь гуэртэкъэ ар?

Д и с э. Тэмэм, арат. Дэ дызишIысыр пщIэрэ уэ – жиIэри кIияц. Уэ кIамунист анэжыым щIыхь щхьэ кытхуумыщIрэ? Зыри жысIэтэкъым. Шыгъу зышхар псы ефэжынщ, жиIэт. Дэне щыIэ уи кьуэр? Си кьуэр жысIащ зыдэщыIэн хуеим щыIэщ, йозауэ нэмьщэм. Сыт мыбы жиIэр? Уэркыщ, пшыщ уэ узэпса-льэр! – жаIэу кIийт, итIанэ тхьэу нобэрей махуэр зей, сэ фи па-щхьэм лъэгуажьэмыщхьэу сиувэу си щхьэц тхьуар фи шы-рыкъум езмыгъэIусэн жысIэри си щхьэр къэсIэтащ.

Хь э т а у. ПэщIэкIакъым, Дисэ, ар езыр.

Д и с э. Щы кьатиблым алыхьым иригъэх! Алыхь, щIалэжь цIыкIухэ, зывгъэуэркъми уэркыфи фтетмэ, уэркыкIи фоцIэмэ. Пэжщ, фэ фхуэдэхэм игъащIэм хьэзаб... Абдеж зыгуэр кы-зэпхуэри выр-выв жиIэу плIанэпэм сыдидзащ. Сыкызы-щыгужри – тутнакэщым сыщIэлъщ.

Хь э т а у. А бзадженаджэхэри?!

Д и с э. Сэ насыпыжбыр сиIэти дыдейхэри псынщIэу къэ-сыжри сакъелащ армыхьумэ, сэ си кьуэм сытеплъэжрэт. Иужьым сымаджэ сыхьуауэ сыхэлъу си ШурIи кьэсыжри лIэны-гъэр сщхьэщызыхар тхьэрщ, тхьэм иужькIэ Шурэщ. А цыкIур мыхьуамэ, тобэ ирехъу, сыщыIэжтэкъым.

Хь э т а у. Хьэуэ, икьукIэ гугъу кыбдехьащ Шурэ. Абы сэри сыщыгъуазэщ. Ар дэ ддэщыгъуу мэзым дыщыщIэсым уэр щхьэкIэ ар зэрыгузавэм щIэ щIэттэкъым.

Д и с э. (*Шымыц.*) А си псэ тIэкIу, ар Альхьо жепIэжатэм, а хьыджэбз цыкIум абы хуэдизу и жагъуэ ищIынтэкъым.

Хь э т а у (*нэцхьыфIэу*). Абы щхьэкIэ умыгузавэ уэ, ди анэ. Ар пфIэкIуэдынкъым. Иджы ар уэ ппэжыжъэу шытынукъым.

Д и с э (*кьэгуфIэжауэ*). Тхьэ уи фIэщу жыпIэрэ?

Хь э т а у. Уэлэхьи си фIэщым. Ахэр нобэ кьокIуэж. Ди ком-сомолхэр зэхуэсшэри Iуэхур зэрыщыт дьдэр яжезмышIэу, сахэ-псэлтыхьащ, Шурэ и закъуэу псэужмэ нэхь и фIэфIщ, ар дэ ди кьану зэрыщытым дыропагэр, ди кьуажэ дэдгьэкIыкыни тфIэфIкъым. Ауэ щыщыткIэ, сэ унэ хьарзынэ кьыхуэзгъуэтащ. Унэр нэщIщ, дауэ тцIыну, жысIэри ди комсомолхэм сеупщIати, сэ стIол изот, сэ шэнт кьыхузогъуэт жаIэурэ сыкьагъэгугъащ.

Д и с э. А-на, сэ щхьэ кыызжомыIарэ? Сэри фэстынти зыгуэр.

Хь э т а у (*дыхьэишхы*). Уэ комсомолым ухэттэкъыми аращ, Дисэ.

Д и с э. СыкIамунист анэжъу, игъащIэм сыактивыжъу сыт, на-а а, жыпIэр?

Хь э т а у. КIэшIу жыпIэмэ, Дисэ, абы зы пэш хуэдгъэпэ-щаци лэгъунэу фIэкIа зэрыпщIэн щыIэкъым.

Д и с э. ДэкIыжмэ, «Дисэ схуищIащ» жиIэу

зышитІгъэнщ (*газетым цыгъын кІуэцІельхъэри епхэ*) жысІэри мы тІэкІухэр хуэсІати, ІэщІэзмыгъэхъэжу дэкІыжмэ жысІэурэ сыгузавэти...

Хьэт а у. КхыІэ, Дисэ, сэ жысІэм къедаІуи, уэ етыж. Ар ди къуажэм щыдэмыкІыжкІэ сыт ушІэпІашІэр?

Дисэ (*зэкІуэцІухар стІолым телъумэтІысыж*). Зи, дэмыкІыжмэ, сэри сыхуэзэнщ. Дапщэщ къехыжыну жаІэрэ, тІыкІуэ?

Хьэт а у. Нобэ къэсыжынущ ди шыр. Уэ ухъэзырым, зи ахэр хъэзырщ.

Дисэ. Сэри сыхъэзыркІэ сыхъэзырщ.

Хьэт а у. Іуэ? Зэбгъэпэщала?

Дисэ. Махъсымэ чей сиІэщ, тхъэ. Ауэ зыри жумыІэ, са ар Алхъо езгъэщІэнукъым, занщІэу къызэкъуэсхынуурэ езгъэфэнухэщ. А, тІу, тхъэ уеплъын си махъсымэр хъуарэ мыхъуарэ, къэващ хъарзынуу, ауэ епщ.

Хьэт а у (*къотэдэж*). НакІуэ, езы чейм сыщхъэщыувэнщи Нарт Бэтрэз хуэдэу сыхъуэхъуэнщ.

Дисэ (*кІуэурэ*). НакІуэ, си псэ тІэкІу. (*ТІурицІокІ*).

Хъэжумар щхъэгъубжэм къыІуоувэри унэм къыщІоплъэ.

Хьэжумар. Іэу, мыбы зыри щІэскъыми.

Дисэ къыщІохъэж шынакъ иІыгъыу. Хъэжумар йотІысэхри зегъэпщкІу. Дисэ абы и щыбыр хуэгъэзауэ шынакъыр елъэщІ. Хъэжумар зыкъеІэтыжри репродуктор ин щхъэгубжащхъэм тетым и щхъэр къуигъэпщкІуауэ: «фыкъедаІуэ, фыкъедаІуэ!» Дисэ зиушэхуауэ зыщІодэІукІ. «Иужьрей хыбарыщІэхэр ныдот. Къардэнхэ я фызыжъ Дисэ и къуэ Алхъо физ къэшэ. Абы и саулыкъукІэ хъэгъуэлІыгъуэ ин ягъэхъэзыр. Хъэжумари абы щыІэным шэч хэлъкъым. ФыкъэмыдаІуэ, абыкІэ ди Іуэхур духаш». Хъэжумар йотІысэхъэжри зегъэпщкІу.

Дисэ (*зыкърегъээзкІри репродукторым йожалІэ*). Мыр сыт, на-а къысфІэщІа, хъэмэ радио псэІа? Ар дауэ? Хьэтауи зэхихауэ пІэрэ (*псыницІуцІокІ*).

Хъэжумар и закъуэу.

Хьэжумар (*дыхъэшхыу къыщІохъэ*). Хуэзащ ар. Щтэри щІэжащ. Сыту лІыгъэ ин хэлъ, ярэби. (*Іэуэлъауэ макъ къоІу, зиуцэхуауэ мэтІыс*.)

Хъэжумар, Хьэтау, Дисэ.

Хьэт а у (*Дисэ япэ иту къыщІохъэ*). Мыр лІо, Хъэжумар, жиным укъахъа? Къеблагъэ.

Хь э ж у м а р (*кьотэдж*). Себлэгъаш, уузыншэм, Дисэ (*я Iэр зэроубыд*).

Д и с э. Мыр дауэ укышщIыхъа, на-а? ТIыс.

Хь э ж у м а р. Уэлэхьы зэрыхъуар арам, Дисэ. Мо сьблэкIырт. Зи, уэрам сьзэрыкIуэм кIуапIэ кызымыту мэ гуэр кысщIехъэ. ФIэIумэ хуэдэу, ауэ гум фIэфIу. А мэр кызызрихри чей хуэдэш. Ярэби, мы мэфIыр кыздикIымыкIэ ськIуэнти жысIэри си пэр нэхъапэуэ изгъэувэри ар зьдэкIуэм си льякъуэр кIэлтыкIуэурэ сьмышщIэххэу мы унэм ськышщIэхутащ. Зэрыхъуари зэрышщIари шцIэркъым. (*Ину мэдыхъэшх*.)

Хь э т а у (*дыхъэшхыу*). Уэлэхьы, хуэбгъэзам-тIэ.

Д и с э (*дыхъэшхыу*). Ушигъэуакъым а уи пэм.

Хь э ж у м а р. Си гъашцIэм си пэм зэ сьшигъэуакъым. Зи, Iэмал имыIэу мэкIэ кызошщIэ сьзыхуейр.

Хь э т а у (*репродукторым йокIуалIэ. Шнурыр кьещтэ*).

Мыр кычауэ шьтщ, итIани дауэ? (*шнурыр егъытIыльыж*.)

Д и с э. Алыхъ, си тхъэкIумитIкIэ зэхэсхам псалъэу.

Хь э ж у м а р. Сьгыр ар? Радиори? Уэлэхьы, псалъам, зэхэ-фхакъэ?

Д и с э. Сэ зэхэсхаш, ауэ абы жиIам хуэдэ жиIэу зэи зэхэсхакъым.

Хь э ж у м а р. Сьту? Куэдугьэуу псалъаш, сэри ину си гуапэу седэIуаш. Уеблэмэ ськышщIэкIуари араш.

Д и с э. Дауэ, на-а, дакыкыитIш ар зэрыпсалъэрэ зэрыхъур.

Хь э ж у м а р. АтIэ аракъэ. Пэжщ. Сэ унапльэ ськыэкIуаш, пхъур зейм сралыкIуэщ, иIэ, фиIэр сьывгэлыгъу (*мэтис*).

Хь э т а у. Хэт укыгъакIуэу?

Хь э ж у м а р. Хэтми ар си Iуэхуш. Пхъур зейм кывамытыну, уэлэхьы, фькъулейсызым.

Д и с э. Сьт а телъыджэ жыпIэр?

Хь э т а у. ТIэкIу уемыфауэ пIэрэ уэ, Хьэжумар?

Хь э ж у м а р. Сэри? Хьэуэ, мы зэм сефакъым, ауэ сефэми си жагъуэкъым (*псоримэдыхъэшх*). Бейрэ тхъэмышкIэрэ шьмыIэжу ара фэ фи гугъэр?

Д и с э. Ахей шьмыIэ, дэнэ кыпхыжын иджы а узипщылIу шьтахэр?

Хь э ж у м а р. А-а, аракъым сэ жыхуэсIэр. Сэ иджы тхъэмышкIэ фIыуэ слъагъуркъым, бейхэр нэхъ IупэфIэгъу сощI.

Хь э т а у. Куэд лъандэрэ ухъуа абы хуэдэу?

Хь э ж у м а р. Сэ игъашцIэм сьтхъэмышкIаш, тхъэмышкIагъэр слъагъу хъуркъым.

Д и с э. Ар дауэ, на-а, алыхъ ар кыпхуамыдэн.

Хь э ж у м а р. Догуэ иджы тхъэмышкIэ жыхуаIэр фщIэрэ фэ, ы? ТхъэмышкIэр мылажьэр араш, мес мо Къуацэ и къуэжыым хуэдэу. Абы и гуфIакIэм зы трудоден дэлькъым. Сэ трудоден шьщым шцIингъу сиIэш. АтIэ Къуацэ и къуэмрэ дэрэ

дызэхуэдэ? Уэлэхь, дызэхуэмыдэ. Дызэхуэдэу сымыдэн. Къыб-гурыгуа! Сэ сыбейщ, абы бжыныху ещэри Налшыч бээрым тесщ. Сом ныкъуэкIэ къещэхури апэситIкIэ ещэжри фейдэр здэклүэр къыхуэщIэркъым.

Х ь э т а у. Хьэуэ, иджы гурыгуэгуэщ. АбыкIэ сэри сыарэ-зыщ.

Х ь э ж у м а р. Упсэу, аращ сэ жыхуэсIэри. ПолитичкIэ сыноуаш абдей. (*Мэдыхьэиш.*) Укламунистми политичкIэ сыптокIуэ. Пэжкьэ?

Д и с э. Алыхь ар пэжым.

Х ь э ж у м а р. Сэ игъашIэм сьлIышIэу си кIэтIийр си вакъэ лъэпсу сылажьэт, къэзлэжкым пщIэ имыIэу. Абы шыгуэ лажкэр тхэмьщкIэт, бейр – бейт. Иджы советскэ властым къыгъэкIэ-рахуэри псори ихуэужащ, лажкэр бей мэхуэ, мылажьэм лажкэ егыуэт.

Д и с э. Лажкэм лыжкэ ешх.

Х ь э ж у м а р. НтIэ. Иджы колхозым шылажьэу бей мыхун шыIэккым, ауэ шыкыуэкIэ цIыху узыншэу тхэмьщкIэр щIэтхэмьщкIэр лажкэркъыми аращ. Мис аращ сэ нэхэ бейр IупэфIэгъу щIэсщIыр.

Д и с э. А Хьэжумар, дэ дауэ дыкьэпльытэрэ?

Х ь э ж у м а р. Фэри бейхэм фахызобжэ, аракъэ сыкышIэ-кIуар. (*Мэдыхьэиш.*) Догуэ политичкIэ сьIээккьэ. Уэлэхь, арам-тIэ. ИIэ, хьыджэбзыр зейм сыкыагъэкIуащ сэ фи мылькум сепльынуи, сывгъэлыагъу фиIэр.

Д и с э. Пэжу жыпIэрэ ар?

Х ь э ж у м а р. Апхуэдэ Iуэхум джэгу хэль! Зэхэпхаккэ радиоом жиIар? Догуэ, зэхэпхаккэ, жыIэт!

Д и с э. Зэхэсхаш, ауэ...

Х ь э ж у м а р. АтIэ зэхэпхамэ, радиом жиIар советскэ вла-стым зэрыжиIар пщIэркъэ, и? Абы и жэуапыр кызыттыж.

Х ь э т а у. Мис ар фIыгуэ жыпIаш.

Х ь э ж у м а р. АтIэ аращ. Ауэ, Дисэ, чей нэщIрэ пытулькIэ нэщIрэ сомьгэлыагъу. Дунейм абы нэхэ си жагъуэ шыIэккым.

Д и с э. Алыхь, си махьсымэ тIэкIум гу лъыштам уэ.

Х ь э ж у м а р. Ы? Махьсымэ жыпIа? ИтI бетэмал, альандэрэ ар жыпIэтэккэ. Мис аращ фэ IупэфIэгъу фыщIэсщIар. А си пэр зэи шыуэркъым сэ. Фыкзулейщ, фыкзулейщ. А фи чейр зэры-мынэщIыр фызэрыкзулейм и шыхьэтлыкыщ.

Х ь э т а у. Дапщэщ фыккэIуэжыну псори?

Х ь э ж у м а р. ДыккэIуэжырккэ? Уэлэхь, адреихэр гъуэгу тетым, ауэ сэ ялэ сыкышаш Iуэху зи гугъу сщIам папщIэкIэ. Мы гьэм хуабжуэ ди Iуэху фIыщ. Ди шым зы хэщIаккым. Апхуэдэщ былымри, мэлри. ИтI бетэмал, гъэ угъурлыт мыгъэр. Езы Альхьо сыт хуэдэ уи гугъэ. Ди IэщIэвыщIэми уепльмэ, уи

нэр мэджил, апхуэдэу дахэщи. Нобэ кьэсыжынущи
фынакIуи фепль. Мыгъэрей Iэщыхъуэхэр IэплIэкIэ зетхьэ
хьунуш. Ари Альхьо и фыгъэщ.

Хьэ та у (*сыхьэтым йопль*). Сыхьэтих хьуащ. Иджы
Налшыч кьэпсалгэ и хабзэщи девгъэдаIуэ.

Хьэ ж у м а р. AIэ, абы жиIэнур жиIащ.

Хьэ та у. Дауэ? Налшыч кьыщыпсалгэ сыхьэтихым дежщ.

Хьэ ж у м а р. А-а, уэ пщIэркьым ар, Налшыч щыхуейм
кьопсалгэ, сыхьэтих хьуами мыпсалгэнкIэ хьунуш.

Хьэ та у. Деплгынщ (*включать ещI радиор.*)

Радио: ФыкьэдаIуэ, псалгэр Налшычщ. Мэзкуу зэманымкIэ сыхьэт пшы-
кIуий хьуащ.

Хьэ ж у м а р. ЖысIатэкьэ абы я сыхьэтыр нэгъуэщIщ...

Радио: хьыбарыщIэхэр ньдот. Дзэлыкьуэ шыIэ Iэшхэр кьохыж: Сталиным
и цIэкIэ зэхэт колхозым я гуфIэгъуэщхуэщ (*исори репродукторым йожалIэ*).
Абы я Iэщхэм икьукIэ фыгуэ зауэщIауэ, я IэщIэвыщIэми зыри хэмьщIауэ
бжьыхьэм тохьэ...

Хьэ ж у м а р. Зэхэфхрэ?

Хьэ та у. Зэт.

Радиом: Шыхъуэ Къардэн Хьэжумар и табуным зы шыщIэ хэкуIэдыкIакьым.

Хьэ ж у м а р (*кьэгуфIэцауэ*). Зэхэфхрэ ар?

Дисэ. Бэяу, кхьыIэ.

Радиом. Iэщыхъуэ пашэу Альхьо щыIхьэрэ нэмысрэ пылгу, зауэм зэрышы-
зэуам хуэдэу, Iэш гьэхуным дежи лIыгъэ зэрихьащ. ЕхьулIэныгъэ ин иIэу
ар Дзэлыкьуэ кьокIыжыр. (*Шымыц.*) Налшык кьэрал тхыль тедзапIэм...

Хьэ ж у м а р. Куэдщ, кьич. Зэхэфха? Мис ар советскэ
властыр кьэпсалгэуэ араш. Ельагъу абы хэт сыт хуэдэу лажьэми
(*мэтыс*). Уху, си гур ихуэжыркьым, иныщэ хьуащи. Дисэ,
зыгуэр щыIэу дегъафэт, си гур зыгуэр хьуан. Уху.

Дисэ (*щIэжыIу*). ЩыIэш, тхьа, щыIэш.

Хьэжумаррэ Хьэтаурэ.

Хьэ та у. Уэлэхьы, щытхьу иным ар.

Хьэ ж у м а р (*цэху хьуауэ*). Щытхьу жыхуэпIэрсьт? Дуней
псом зэхахаш ар. ИтI, бетэмал, радиокIэ дэбдзейрэ а зи цIэ
ираIуэр кьэралым ебгъэлыагъу хьууэ щытатэм сыту фыт.
Армыхьумэ Хьэжумар жыхуаIэрсьт хуэдэми ящIэркьым.

Хьэ та у. Догуэ, зыкьэбгъэлыагъунут уэри?

Хь э ж у м а р. Уэлэхьи, зыкьезгьэлъагьунтэм, Альхьои,
Шури, адреихэри езгьэлъагьунтэм.

Хь э т а у. Абы хуэди шыIэш, радиокIэ бгьэлъагьуэ мэхьу
сыт хуейми.

Хь э ж у м а р. Iэу?

Хь э т а у. Уэлэхьи, пэжым.

Хь э ж у м а р. Си фIэш мэхьу. Ей, советскэ властым псори
иIэш, абы кьигупсысыфынуш ар. Ярэби, Налшычым ар шыIэу
пIэрэ, абы хуэдэ радио?

Хьэжумар, Хьэтау, Дисэ.

Дисэ (*махьсымэ шынакь ин иIыгьыу кьыщIохьэ*). Еплъыт,
Хьэжумар, си махьсымэм.

Хь э ж у м а р. Iэу, махьсымэ уиIэ? Уэлэхьи, фIытэм ари
(*махьсымэр кьеиштэ*). АтIэ, Дисэ, уи фIэш шы, уи унэм хьуэхьу
ин куэд дэмыкIыу, кьыщытIэтынуш. Мис абы шыгьуэ хьуэхьу
жытIэнш. Араши, мы уи бжьэр тIэкIукIэ ныкьуэш, дызыхуэ-
ныкьуэ шымыIэу тхьэм дишI. (*Иофэ.*)

Хь э т а у. Тхьэм жиIэ.

Дисэ. Уи хьэлэлш.

Хь э ж у м а р. Ухх, икьукIэ махьсымэфIш. (*Шынакьыр Дисэ
иретьж.*)

Уэрамым шы блаху, Iэуэлауэ кьоIу. Макь: хей, хей.

Дисэ (*цхьэгьубжэм долъ*). Мохэр дишхэр ара си гугьэш,
тхьэ.

Хь э ж у м а р (*цхьэгьубжэм долъ*). Араш, Ардыдэш. Феплъ,
иджы феплъ. Мо шыгьуэр дыгьужьым сэ кьыIэшIэзгьэкIаш.
Плъагьурэ шыщIэр. Мис ар шы хьунш. Адыгэш кьабзэш.

Хь э т а у. Я фэр фIыш.

Хь э ж у м а р. ИтI бетэмал, зауэм и пэм шы миным щIигьу
кьыдэтхуэжырт, иджы сыт шы щитI кьудейш!

Хь э т а у. Умыгузавэ уэ, шхьэр псом пыIэ шыщIэркьым.

Хь э ж у м а р. Модэ феплъыт мо шыщитIым. Мо шыбз
кьарэм иужь итым. Шагьдийш. АтIэ фIыкIэ, Дисэ.

Хь э т а у. НакIуэ сэри сынэкIуэнуш.

Хь э ж у м а р (*кьызэтоувьIэри*). Дисэ, си кьэуалыр шы-
згьэуэну пIальэр кьэсаши умыбэлэрыгь. (*Хьэтаурэ Хьэжумаррэ цIокI.*)

Дисэ и закьуэш.

Дисэ (*шы блахум йоплъ*). Тхьэм фIым худигьэлъагьу.
Берычэтыр кьуажэм кьыдохьэж. КьощIэрэшIэжди мылькур.
Iэш хьарзынэш. Ди щIапIэм псы иригьэжыхьыжын

игугъати нэмыщэм! Иджы ди насыпым кыигъэээжащ.

Г у п х ь у э.

ЕПУАНЭ ТЕПЛЬЭГЪУЭ

Сценэр зэръщытащ. Пэшыр лэгъунэу гъэщIэрэщIащ. Бжыхьэщ. ПщIантIэм цыху зырызхэр псынщIэу щызокIуэ, псори дахэу хуэпахэщ. Фариз и закъуэщ.

Ф а р и з. ГъэщIэгъуэнщ, тхьэ, колхоз псом Альхьо и хьэ-гъуэлIыгъуэр ирагъэкIуэкI. Празнич ямыгъыжым хуэдэщ. НысащIэри гугъу ирамыгъэхьаи. Мыгъэрегъэм губгъуэм итар зыгъэлпэхупIэ ирагъэхуакъым. Сыхуэээшащ сэ нысащIэм, хэт ищIэнт псори апхуэдэу кьекIуэкIыну. Псоми жаIэт сэ Альхьо сишэнэу... (*Иван Петровичыр ельагъу.*) Ваня!

Фаризрэ Иван Петровичрэ.

И в а н П е т р о в и ч. (*ПщIантIэм кьыдохьэ*). Ло нобэ яухынукъэ мы хьэгъуэлIыгъуэр? Сыту кIыхьIыхь.

Ф а р и з. (*гугъу*). АтIэ уэ зы пшыхьэщхьэм кьэщэнри ишыжыри зэрызэфIэбгъэкIам хуэдэу псоми зэфIагъэкI уи гугъэ?

И в а н П е т р о в и ч. Апхуэдэр кIыхьIыхь пщIы хьуну-къым. Ныжэби мыбы ущIэну? НэкIуэж...

Ф а р и з. Куэдщ адэ, кIуэ зы щIыпIэкIэ. Дыкьалъагъумэ емькIуш. ЗэръшагъащIэхэр цыхум кьалъагъуу зэхуэээркъым, чэф тIэкIуи уйи.

И в а н П е т р о в и ч. Ди хабзэмкIэ нысащIэмрэ шауэмрэ дэни щызэгъусэн хуейщ.

Ф а р и з. СощIэр, фи деж дыкIуэмэ апхуэдэу тщIынщ.

И в а н П е т р о в и ч. Дэнэ щыIэ нысащIэр? Ар зэзгъэлъа-гъунут.

Ф а р и з. ТехьэщIэ кьэпхьа?

И в а н П е т р о в и ч. Ы-ы? Сыт техьэщIэ?

Ф а р и з. НысащIэм зыгуэр йомыту дауэ хьун? Зыри уимы-Iэмэ, кIуэ, зыгуэр кыхуэхь.

И в а н П е т р о в и ч. Уэ узынысащIэу щыщытам псори пщIэнщэу кьозгъэпIъай, иджы....

Ф а р и з. Куэдщ, кIуэи зыгуэр кьэхь.

И в а н П е т р о в и ч. Хьунщ, ауэ, кхьыIэ, ныжэби мыбы ущымыIэ... (*йокIыжс.*)

Фариз и закъуэщ.

Ф а р и з. Сэ сыбухгалтерщ, уэ учетоводщи, сэ жьыIэм

уфIэжI хьунукьым жыпIэти, иджы сыту жыIэщIэ усхуэхьуа!
Сэлы кыпхэзгьэкIынщ уэ. УмыпIащIэ (*лэгьунэм щIохьэ*),
сыту куэдрэ ягьашхэрэ нысащIэр! (*Унэр зэлььIуех*).
Лэгьунэри, зи, хьэзырщ. Тхьэм ещIэ, абы нэхь жыжьэ кыкIа
ди хэку кьра-шагьэнкьым нысэ (*Уэрэд тшынэ макь кьоIу*).
Кьэсыжахэщ (*щхьэгьубжэм допл*), А телъыджэ, Альхьо
сыту бжьыфIэ хьуа (*щIокI*).

ПщантIэм цыыхуэр дэз мэхьу. Кьандыщэрэ Хьэжумаррэ бжэIупэм деж Iутц,
Хьэжумар махьсымэ шынакь ин иIыгьщ.

Хь э ж у м а р. Дисэ, нобэ згьауэ хьунукьэ кьэуалыр?
К ь а н д ы щ э. Дьгьуасэ уэнжакьыр кьепкьутэхаш, итани...
Хь э ж у м а р. СыгуфIэщаци, зи, си гум зигьэнщIыркьым,
(*кьызонльэжIри*). Ей жи, псынщIэу фадэбжьэ!

Пшынэ, уэрэд макь кьоблагьэ. А л ь х ь о и кум иту щ I а л ь х э р кьыдохьэ.

Хь э ж у м а р (*фадэбжьэр хьыджэбз гуэрим кьыIехри ар
иIыгьыу, псынщIэу желэ*):

Фадэ щэфэм хьуэхьу шыжаIэ,
Сэ жысIэnum фыкьедэIу.
Уей, щауэщIэу щауэфI,
ФIыгьуэр зи натIэ!
Мы фадэбжьэр мащIэу хуэныкьуэщ,
Зым хуэмыныкьуэу унагьуэр
ГуфIэ хэмыкIыу гьэпсэу.
Пхьэм и махуэр я бжаблэу,
Я нэхь бланэр я щIалэу,
Лшым я льыжыр я шууэ,
Лыр зышур нэхьыжьу,
Я нэхьыщIэр школ щIэсу,
Я нысащIэр дохутыру,
Хур я гуэным имыхуэу,
Колхоз губгьуэм щьпашэу,
Шатэр гукIэ зрашэу,
КIадэм изыр махьсымэу,
НэмысыфIэу гьэпсэу.
Нысэ цыкIуу кьэтшар
Фадэм хуэдэу Iушашэу,
Щынэм хуэдэу Iушабэу,
ЛшыфIым хуэдэу цIэрыIуэу,
Шэнтым тесым тхьэрыкьуэу,
Зиукьуэдиймэ аслъэну,
Аслъэн сокур и щхьэцу,

Гуащэм дежкІэ жыІэщІэрэ
Іэхуу ищІэр фЫ защІэу,
Ди щІым фЫкІэ тегъэт.
Дэ ди куэдыр щыхуфІу,
ФЫгызуу диІэр бжыгъейуэ,
Къэралыгъуэр дгъэбыдэу,
Ди быдапІэу дгъэпсахэм
Бийр гузасэу щепсыхыу.
Вагъэбдзумэ итхамэ,
Уэсэпс махуэр къытехэу,
Зы ху напІэм тІу ису,
Дыгъэ дахэр къыттепсэу,
Хэкур куэдрэ гъэпсэу.
Ар зи жагъуэм
Жылэ хисэм хэгъухуу,
И жьэгу пащхъэ мафІэншэу,
Шым шэсамэ къехуэхуу,
ХуэмыІэтыр бэлыхуу
ГъащІэ Іыхъэр ирехъ.

(Псори мэдыхъэшх).

АтІэ, си щІалэ, уи гуфІэгъуэри гуфІэгъуэ махуэ ухъу. Мы фадэбжьэр уэ уи бжьэщи, лЫ ефэкІэу, къытхуефэ!

Альхъо фадэбжьэр къыІехри шынакъыр нэщІ ещІри иретьж.
ЗанщІэу джэгур яублэ. Хъэжумаррэ Алъхъорэ унэм шіохъэ.
Джэгур йокІуэкІ.

Хъэжумар *(унэм къыщІокІри)*. Зэ фызэтеувыІэт. Нэ-хъыбжьхэм ягу къэжанащи, щІалэхэм я жагъуэ мыхъунум, пшы-науэр унэмкІэ сшэнут.

Хъэт а у. Уэлэхыи, дэгъуэм! ФынакІуэ дэри Іэгу дахуеуэнщ.

Псори унэм шіохъэ. ПшантІэр кыфІ мэхъу. Лэгъунэм нысащІэр къыщІашэ, хъыджэбзхэр и гъусэу. Зопсальэхэри мэдыхъэшх ину.

Фариз. Уей, сыту гъэщІэгъуэн Хъэжумар. Зи, жьы хъун-къым ар. Плъагъункъэ, ар мыбыкІэ къэкІуэнщ.

Япэхъыджэбз. Шо къакІуэмэ, абыи техъэщІэ къыте-дудынщ.

Хъэжумар *(къыщІохъэ)*. Ярэби, ди тхэІухудым зэ дыте-плтэ хъуну пІэрэ?

Фариз. Зи, дэращ абы хуитыр...

Хъэжумар. АтІэ, девгъэплъыт, маржэ, *(шоколад пачкэ хъыджэбзым иритурэ)*. Ауэ мыбы шыщ нысащІэм лъывмы-

гъэмэ, фэ зыми фезгъэшэнкъым.

Я п э х ь ы д ж э б з. Уэраш, тхэ, пэжу дэ кьытхуитыр...
Х ь э ж у м а р. Ы? Сэ актым Іэ тезмыдзауэ фэ фашэн фи
гугъэ?

Я п э х ь ы д ж э б з. ДошІэ ари (*мори мэдыхъэшх.*)
Х ь э ж у м а р. АтІэ, сыт хуэдэ нэхъ уи гум фІэфІыр? ПашІэ
тету, темыту? Шыгухуу е Іэщыхъуэу? А?

Я п э х ь ы д ж э б з. Дахэгъапшъи, дызэгуакІуэр кьыхэ-
тхынщ (*мэдыхъэшх*).

(*Хъэжумар уэрэду жеІэ*):

ПсыІэрышэр нэшэкъашэщ,
Шыд зезыхуэм сыхуэмей,
Сызыхуейри шыхъуэ щІалэщ, уей...

Псори мэдыхъэшх.

Ара? Сэ сымышцІэ фи гугъэщ фэ фи уэрэдхэр. Фариз си
Изыныншэу дэКІуаш. Ар хуэзгъэгъунукъым абы.

Я п э х ь ы д ж э б з. Колхоз псом зы бухгалтер закъуэ диІа-
ти, Фариз зыІэщІилъхъэжаш.

Ф а р и з. Куэдщ, кхъыІэ, сывмыгъэукІытэ, кьывэхъэльэкІ-
мэ...

Х ь э ж у м а р. Еплъыт абы жиІэм. ЛПо, кьыдэхъэльэкІмэ,
кьыдэптыжыну?

Ахэмрэ Иван Петровичрэ.

И в а н П е т р о в и ч (*бжэр кьыІуехри*). Хуит сыккъэфщІыт.
(*КъыщІохъэ.*) ТехъэшцІэ тІэкІур... дэнэ схьыну?..

Х ь э ж у м а р. Іэлохъ-алыхъ, абы хуэдиз кІэнфет кьэпхьамэ,
тыкуэным сыт кьыщІэбнэжар?

И в а н П е т р о в и ч. (*Къэтым гуицэ кьырех*). Мыр кІэнфет-
къым.

Псори зэщІодыхъэшхэ.

Сыгупсысэри нысащІэр мыбы нэхъ хуеину кьэслъытащ...
Х ь э ж у м а р (*дыхъэшхыу*). Ярэби, абы фэ нэхъапэ
фыхуеинкІэ хьунути...

Фариз укІытауэ щІэкІыну йожъэ.

Фариз!.. Зэ умыпІащІэ... ущІэмыкІ.

Иван Петрович Гэнкун хъуаш.
Хъунщ ар. (*Егъэув гуцэр. Фариз гуцэр къещтэри
псыницIэу щIокI. Псори мэдыхъэшх*).

Ахэмрэ Хьэтаурэ.

Хьэтау (*къыщIохъэ*). МырлIо фыщIэдыхъэшхыр?
Иван Петрович (*и гур къызэрыгъуэтыжауэ*). Техьэ-
пщIэ тIэкIу къэсхъати мэдыхъэшх...

Хьэжумар. Ярэби, сыту дигу хэбгъэхъуа, Иван. Упсэу,
си къуэш, уэлэхыи, дыбгъэтхъам. Хьэуэ, фIыщэу пщIащ ар, жы-
лэм кIэнфет сытхэр къахъри хьыджэбзхэр ягъатхъэ, уэ сэбэл
хъун къахуэпхъаш.

Хьэтау. Хьэжумар... хьыджэбзхэм уахуеймэ...

Хьэжумар. Щауэр къыщIэпшэну аракъэ? КIуэ, къыщIэ-
шэ.

Хьэтау. Иджыпсту.

Япэхъыджэбз. Гуцэр ягъэпщIкIун хуеякъым, техьэ-
пщIэ ягъэпщIкIу хабзэ?

Хьэжумар. Хьарзынэщ, си къуэш. Уеблэмэ, ар нэхъ
къекIуш.

Ахэмрэ Фаризрэ.

Фариз (*къыщIохъэ*). Хьэжумар нысащIэм уеплгыну жы-
плати.

Хьэжумар. Зэ умыпIащIэ, щауэр къыщIэгъэхъэ. ТIуми
сызэхуеплгынуш сэ.

Япэхъыджэбз. Ар хабзэ сытми?

Хьэжумар. АтIэ хабзэкIэ сэ сыбгъэIушчыжынщ иджы.

Фариз (*гушыIэу*). УкIытэнщIалэр.

Хьэжумар. Еплъ абы жиIэм. НысащIэ мышынэр мэл
щхъэ фIэбзам шышынащ жыхуиIэм ухуэдэш уэ. Уэ ушашам уи
лIыри уэри дызэбгъэдэсу дефащ, итIани тIум фи языкхэзыр сыту
мыукIыгарэ, и?

Петр Иванович. Ар ди хабзэм тегу тIащ.

Хьэжумар. А-а, хабзэр цIыхухэм ящI.

АхэмАлхъо, Хьэтау, Жамбот, Дисэ къахохъэ.

Жамбот. Гуп махуэ апщий!

Хьэжумар. Уей, къеблагъэ апщий, си къуэш. Сыт ухуэдэ,
тхъэм жиIэм?

Жамбот. ЗэрыпIагъуш. Щауэр къыфхуэсшэжащ (*псоми
сэлам ярех.*)

Хьэжумар. (*Шурэ дежкIэ плъэуэ*). Мо хур пшацэм гу

лгыштэргкээ уэ, Алхьхо?

А л х х о (гушыгэу). Сцыхуркыым сэ ар! (Псори мэды-
хьэх.)

Х ь э ж у м а р. Армэ хьунш, физэрыдгьэцыхунш.

Ж а м б о т. Атгэ хуит сыкьэфцимэ, зы псалгэ жысгэнут (гэ
лэныкьгэмкгэ Алхьхо и гэр еубьдри). Шыпгэ зырызш фэ фы-
кышцалхуар, физэрыпсалгэу шытар бзэ зырызш, ауэ фызы-
пар зы анэш, ди партыр араш, кыфтепсэр зы дыггэш, зы шым
дыщопсэу зэхэггэж димыгэу. Гуфгэгуэшхуэш нобэ. Ар ди
хьэггуэлгыгэу кьудейуэ аракыым. Ди текгуэныггэм, ди мыльку
кьэшгэрэшгэжым, ди лэжыггэу кьэтгэтыжым я гуфгэгуэш.
Жьыри шгэри дызэхэгту дылажэмэ, ди цыхур гугуэ зэрехьар
нэхэ псыншгэу ягуэтэжынш.

Х ь э ж у м а р. Бей дыхьунш итганэ, ди хьуэхьур кьабыл
хьунш.

Ахэм Хьэтаурэ Дисэрэ яхэгту.

Х ь э ж у м а р (Дисэ бггэдохьэри). Дисэ, кьуажэ псом я
цгэкгэ едггэкукынш уи хьэггуэлгыгэуэр. Хьуэхьуу жытгэр
кьабыл хьуну сохьуахьуэ!

Д и с э. Тхьэм фиузшгэ. Сыфхуэарэзыш псоми. Си кьуэми,
нысэми, уэри, Жамбот, псоми сыфхуэарэзыш. Тхьэм насып
защгэ фишгэ псори.

Г у п х х у э.

ГЬУЭГУАНЭ

ХЭТХЭР:

К ь э р н е й – ильэс 60 мэху, иужькгэ – ильэс 77-рэ.

А д э л д ж э р и й – ильэс 25 мэху, иужькгэ – ильэс 42-рэ.

Л у с а н э – ильэс 20 мэху, иужькгэ – ильэс 37-рэ.

В а д и м А н д р е в и ч – ильэс 30 мэху, иужькгэ – ильэс 47-рэ.

А н и с э – ильэс 17.

О м а р – ильэс 40 мэху, иужькгэ – ильэс 57-рэ.

Б и д и е - х ь а н у м – ильэс 25-рэ.

С а н и – ильэс 22–23-рэ.

И л э – ильэс 25-рэ.

В и к т о р – ильэс 20.

Р и м м э – ильэс 22–24-рэ.

Н э г ь у д ж э – ильэс 60-м фгэкгэ.

А н з о р – ильэс 50 – 55-рэ.

К р а с н о а р м е е ц.

С т у д е н т.

А л ь п и н и с т.

БээракIуэ фыз.
Гьунэгьу фыз.
Дохутыр.
Фыз.
Шлоссер – ильэс 30.
Официант.
Нэмыцэ сэлэт зыбжанэ.
Фазу.
Фатех-бей.
ЩIалэ.
Милиционер.
Советскэ сэлэт зыбжанэ.

ПРОЛОГЫР

Фронт шыпIэщ. 1942 гьэщ. ПщIантIэ кIуэщIщ. Унэм верандэ иIэщ. Щхьэгьубжэм абдж куэд хэкьутыкIащ. ПщIантIэм кхьужьей жыг ин дэщ. Унэм и сэмгурабгьумкIэ жыг хадэщ. Гуэщ кIапэри кыкьуош. Пхьэ кьутапIэм деж шхьэл шытщ. Жыжьэ упльэмэ, кьуршыр уолъагьу. Унэ щIыхьэпIэм деж нэмыцэ кьэрэгьул шытщ. Щхьэгьубжэм удэплэмэ, телефонист гуэри уолъагьу, зигьэщхьауэ шысу. Топ уэ макь зэхьбох. ИжьырабгьумкIэ уэрамщ. Машинэ Iэуэльауэ кьоIу, кьоувьIэ, и бжэр Iуах, хуащIьж.

Кьэрэгьулы м. Сыт хьыбар, Франц?

Сэлэты м. Абы хуэдэ хьыбар узэриIэн. ЖеIэт модэ оберлейтенантым. Корреспондент хьэщIэ кыкьхуэсшащ. (*ПщIантIэм кьыдохьэ Омар, нэмыцэ формэкIэ хуэнащ, фотоаппарат тцIэ-хэлыщ. Iэр еIэтри кьэрэгьулым честь ирет. Модрейри йоувькI, итIанэ зыIурегьэх.*)

Кьэрэгьулым (*бжэм дэпсэлыкIьу*). Газетым шылажьэ гурэ кьэкIуащ, жеIэт.

Шлоссер унэм кьыщIокI.

Сэлэты м. Зиусхьэн, оберлейтенант, Тыркум кыкIа корреспондент унафэ кысхуащIри кьыпхузагьэшащ.

Омар (*ягь кьоуири*). ДызэрыщIыхуну хуабжыу си гуапэщ. Омар Салихь жыхуаIэр сэращ.

Шлоссер. Сэ кьызырызэджэри оберлейтенант Шлоссерщ. Тыркур фIым хуэзузэщI корреспондент ди деж кьэкIуэ-ныр ди нэщ, ди псэщ. СыткIэ укьысхуей?

Омар. Ауэ сытми дыфхуей кьудей. Дуней псом яхуэмы-Iуатэр фи хьыбарщ. Европэм бгыуэ итым я нэхь льягэ дыдэм фьдэкIыфащ. Метр 5633 зи льягагьым. Аракьэ хьыбарым я хьыбарыжьыр. Пэжщ. Абы хуэдэ хьыбарым фэ фесэжащи, гьэщIэгьуэну кьэфлгытэжьыркьым...

Шлоссер. АтIэ сыт нэхь узыхуейр?

О м а р. Сэ нэхь сызыхуейри? Уэ уи нэгү шІэкІу, уи нэкІэ пльагъуу уи сэлэтхэм лЫггэ зэрахьам шыгъуазэ сыщІ. Фюре-рым и бэракъыр къуршыщхьэм итщ. Аращ кызырэыщІэдзэнур. Хъунукъэ? Хъун къудей, си жагъуэгъухэм я цищ тхъунц, кызыэ-фыгъуээрэ.

Ш л о с с е р. Нэмыцэ бэракъым дежкІэ Эльбрусыр тегъэуа-плэ Іейкъым...

О м а р (*emx*). Дауэ жыпІа: «Нэмыцэ бэракъым дежкІэ Эльбрусыр тегъэуаплэ Іейкъым». Дэгъуэу жыпІащ. Си статьям кыпэкІуэнум и ныкъуэр уэ уэзмыту хъуну кыщІэкІынкъым.

Ш л о с с е р (*ар щытхъу цыхъуауэ*). ПІо, нэмыцэм иджы я щыпэдэкІуы Іуащхьэмахуэ дэкІа уи гуггэ? ПІэщІыгъуэ блэкІам япэ дьдэ Іуащхьэмахуэ и щыгум ихьар адыгэщ, Килярщ и цІэр. Ар щыдэкІар сыт лъэхьэнэ жыІэт: инэрал Эмануэл дзэ кыишэу Кавказым кыщыкІуэгъар аращ. Инэрал Эмануэл, кыбгुरы-Іуа?! Тхыт абы и унэцІэр!

О м а р. Ар нэмыцэ?

Ш л о с с е р. Абы и закъуэ. Алъэхьэнэ дьдэм хуэзуу нэмыцэ щІэныггэлІ дапщэ къэкІуа мыбы? Менетрие зы, Купфер тІу жыІэт, Ленц шы хъурэ? Дукс, Зельгейм – уфІэмащІа къомыр? Ахэр псори нэмыцэщ. Дэ тыркухэр жагъуэу тльагъуркъым. Си гуггэщ фэри нэ лейкІэ фыкыдэшлгы, сыту жыпІэмэ нэмыцэ лъэккыыр ІэнатІэшхуэм дыпэрытщ, исторэм кыдыдильхъауэ ди пщэм Іуэхушхуэ кыдэхуащ...

О м а р. АтІэ аращ. Алыхьым кыптрилтхьэмэ фошыгъу шей уефэнщ, жыхуаІэр аращ. Ауэ, зиусхьэн обер-лейтенант, сэ сытыркуу уи гуггэмэ ущоуэ...

Ш л о с с е р. АтІэ ухэт? Ухъэрып?

О м а р. ИкІи сыхъэрыпкъым. ЛъэккыкІэ зи гуггъу пщІа Киляр срилтхьэкъэгъуш. Іуащхьэмахуэ япэ дэкІа Киляр адыгэщ, жыпІакъэ? АтІэ сэри сыадыгэщ. Уеблэмэ си адэр Батэх къуажэм къуажэшшу дэсащ. Ухуэза абы хуэдэ къуажэ?

Ш л о с с е р. А-а, Кавказ къуажэцІэхэр емынэми хузэггэщІэнкъым, Ростов кыщыщІэдзауэ мыбы кьэс нэкІэ узэплтын зы къуажи шыІэкъым. АтІэ, зрыжыпІэмкІэ, упщы лъэккыщ уэ?

О м а р. Муслъымэным и щхьэр пыплъами кызыыхэкІар ибзыщІынкъым.

Ш л о с с е р. ЦІыхум я гум илгыр кызоцІэфыр сэ. Зи щхьэ пальэм ибзыщІар щхьэр пызылтэм кымыщІэну Іэмал іэкъым. (*Мэдыхъэшх.*) Уи жагъуэ умыщІ, уэракъым сэ зи гуггъу сщІыр, къуажэшщым и къуэ. Умыгузавэ, уи адэм и мылкъур уэттыжынщ, нэмыцэм щІыхуэу кьатенэркъым.

О м а р. АбыкІэ сышэчкъым сэри. Нэмыцэр жумартщ. Си адэ дунейм ехыжам: «къуэш егъу нэхьрэ гъунэгъуфІ», жиІэу цыгтащ. Зиусхьэн Шлоссер, Іуащхьэмахуэ кьэзыщтам уахэттащ,

дауи?..

Ш л о с с е р. Куэд лъандэрэ сыальпинистш сэ. Эдельвейсец жагэу зэхэпха? Дапшэщ уи гуггэ сэ япэ дьдэ Гуащхэмахуэ сы-щыдэклар? Жыгэт!

О м а р. Дауи, япэ дэклам ухэташ.

Ш л о с с е р. ИльэсиплКгэ япэ ситү. (*Мэдыхьэиш.*)

О м а р (*егьэщлагьуэ*). ИльэсиплГ жыпга? АтГэ зауэм ипэ ущылаш мыбы?

Ш л о с с е р. УкьэщГэрейш нэрылгагьуу. Зауэр цыхум я пщыхьэпГэми кьыхэхуэу щытакьым, мыбы хамэ кьэралхэм кьикГыу альпинист, турист сытхэр кьакГуэу щыщытам. АтГэ сэри зэгуэр абы сахэташ. (*Мэдыхьэиш.*)

О м а р. А-а, Канарис и Гумэтхэр бзаджэу лажьэркьым. Хуит сыкьэщыт сурэт птескыну. (*Трех.*) Уи сурэт тетмэ газетыр ящэхун дэнэ кьэна, зэрапхуэнш. Сэ сыщылажэу газетым и закьуэжкьым а сурэтыр зытехуэнур, кьэрал Гэджэми я деж нэсынущ. Дэ псалъэжыу дигэщ: «Зи гуггэу пхуащыгьр пщоггупшэжри нэм ильэггэуар гум кьонэ», жагэу. Абы теухуауэ хьыбар дыхьэ-шхэн гуэри сщГэрт. Догут, кьэсшГэжынш иджыпсту. А-а, кьэсшГэжаш: зыгуэр дохутырым деж кьэкГуащ: «Сыт кьыизэ-узыр?» – «Нэмрэ тхьэкГумэмрэ еГэзэ дохутырым сыхуейш». – «Сыт жыпГэ телгыджэр, абы хуэдэ дохутыр щыГэ?» – жаГэри кьыхуадакьым. Зымыдэхэри модрейр араш. Щымыхужым, йоупшГ: «Кьоузыр сыт, унэжын?» – жаГэри. «Си узыр уз мыфэ-мыщкьым, жи. – Си нэм илгагьум си тхьэкГумэр схуедалуэр-кьым; си тхьэкГумэр зэдалуэм си нэр схуеплтын идэркьым..».

Ш л о с с е р (*и Гэрегьэдалэ*). Зи гуггэу пщыгь узыфэр уэмы-фыкГыу пГэрэ? Хуэсакь. Ар зыггэхьужу диГэр Гиммлер и Гумэт-хэрш.

О м а р. Ар зымыщГэ гьуэтыгьуейш. Бажэм гьуэр куууэ итГми, и фэГтэкГур хуэггэпшкГуркьым. Абы дыхуэдэщ псори.

Ш л о с с е р. Фэ журналист лъэпкьри? Фэ физищыгьыр тэмэму сэ бжесГэнш. Журналистхэр щыгэу бгуэш мэхьу: зыр нэггэсауэ ахьмакыш, адреим напэу яГэм залэ техуэнукьым, ещанэр щхьэпсийш. Нэхь узыхуэмейр ещанэр араш.

О м а р. Сэ сызыщыщыр дэтхэнэр арауэ пГэрэ?

Ш л о с с е р. ЕтГуанэр араггэнш. ЕтГуанэм пэж жыхуаГэм гуггэу зыдраггэхьынукьым. Абы я пэжыр кьэхьпэм хуэдэщ, кьэзылгагьу щымыГэмэ, нэху щыху бггэдэщ, ауэ гьусэ ищГу уэрамым дыхьэркьым.

О м а р. АтГэ сэ пэжым гуггэу зыдызоггэхь. Газетхэм пэж фГэкла ямытхыу щыгатэмэ, зауи кьэхьунтэжкьым. Гурыгуэггэу ар? Пщыгь щхьэ фыупсрэ жыГэт? Дэ дызыхуэлажэу ядэркьым. Демагогиер щыщыГэр сыт? Пщыгьр пэж ирашГу араш. Щыггэт тхьэм щхьэ, сэ сызыхуейр аракьым. Гуащхэмахуэ кьыщыф-штэм зауэр гуэщга?

Ш л о с с е р. Зауэм Іутым и дежкІэ зауэ псори гуашІэш.
Дэ дызэзауэр куэд хьуртэкъым. Краснэ Армэр кьуршым
щхьэдэхри Грузием нэсыжащи, вино фІэІу йофэ. Я щІыбагъ
яхьумэну кьагъэнар кьытпэувати, мыхьыр едгъэхьаш.

О м а р. КъывэхьэлъэкІакъым зауэр сытми?

Ш л о с с е р. Дауэ кьыдэмыхьэлъэкІы? Ныбапхьэ зашІэкІэ
уэсри зэхэдвай! Пшэ адрьщІым ушызэуэныр тынш? Кило-
метрхукІэ узгум уиту! Дзэ кьытпэтІысам партизанхэр кьахы-
хьэжри кьуэм дыдадзэн я гугъаш. Сэ кьысхуэмьщІэр сыт жыІэт.
Мы щІыпІэм лъэпкэ Іэджэ щопсэу: адыгэ, мышкьыш, шэшэн
жыпІэми. Илъэсищэ нэхьапэкІэ уІэбэжмэ, ахэр Россием пэщІэ-
увауэ эзуауш, иджы Россием кьыдэщІу мэзауэ. Ар дауэ?

О м а р. Цыхум я гум илгыр кьэпшІэн щхьэкІэ щхьэр пызы-
лэмэрэ зи щхьэ пальэмрэ зэхэгъэкІын хуейуэ жыпІакъэ? Абы
хуэдэ гуэр щымыІэу пІэрэ мыбдеж?

Ш л о с с е р. Шо жыпІэр зищІысыр? Гупсыси псалъэ, зы-
пштыхьы тІыс. ЖумыІэн жумыІэ...

О м а р. АтІэ зи гугъу пшІа лъэпкьхэр шІэзауэр ямыщІэу зауэ
уи гугъэ?

Ш л о с с е р. Я щхьэм хуэдэш я гьуэгухэри. Щхьэ зимыІэм
гьуэгу яІэн. Французымрэ Кавказымрэ зэгбапщэт....

О м а р. Францым, дауи, гьуэгугІ яІэш.

Ш л о с с е р. Щхьэ яІэщи, гьуэгуи яІэш. ДазэрытекІуэнур
кьызэрашІэу Іэшэр ягъэтІыльри яІэр яІэташ...

О м а р. Мыхэр лъыгъэжэным щІапІыкІаш...

Ш л о с с е р. КьыттекІуэну я мыгугъу пІэрэ? (*Мэдыхьэиш.*)
АтІэ кхьуэпІашэм хуэдэу кьуршым ирет. ХьэкІэхьуэкІэр
хьэкІэхьуэкІэм яхьхьэжаш. (*Кьэрней кьыщІохьэри пхьэ
кьутанІэм хотІысхьэ. Щхьэл цыкІур игьэхьэжэурэ нартыху
тІэкІу кыхьар ехьэж. Шлоссер лъыжсьым дежкІэ мапльэри.*)
Нэмыцэм я ІэмыщІэ кьихуэмэ, лъэпкэ цыкІухэми я насып
текІуэнущ. Дунейр шэрхьыци мэкІэрахьуэ. (*Кьэрней дежкІэ Іэтэ
еишй*). КьыпхуэгъэувьІэнукъым. Зауэщи дунейр зырызохьэ, мор мэхьэ-
жэри щысш. (*Дадэм зыхуегъазэри.*) Пэж, тхьэмэдэ, сэ жысІэр:
дунейр зытетым пхутегъэкІынкъым...

Кьэрней ней-нейуэ офицерым йоплэ, хьэжэн щимыгъэту.

О м а р (*Лъыжсьым и щІыбагъ кьыдоувэ*). Мыбы жиІар кьыб-
гурыІуа, тхьэмэдэ.

К ь э р н е й (*и щхьэр егъэдалъэ*). КьызгурыІуаш, хыв хьэ
ебэнкІэ гузавэрэ?

Ш л о с с е р (*Омар епсалъэу*). Шо абы кывыр?

О м а р. Дунейр шэрхьыци мэкІэрахьуэ, жи. (*Лъыжсьым сурэт
трех.*)

Телефонистым (*щхьэгъубжэм кьыІуту*). Алло! Алло! А-а

емынэ унэ хьун, сынодагуэ! (*Матхэ.*) Гурыгуэгъуэщ.
Стхаш! (*Шхьэгъубжэм кьыдэпсэльыкы.*) Зиусхьэн обер-
лейтенант, унафэ кьатащ.

Ш л о с с е р. Дэгъуэщ. Иджыпсту. (*Унэм телефонистри
мэ-кгуэж.*)

Гьунэгъу физгуэрым Л у с а н э и Гэблэр иыгъуу пщантэм кьыдешэ. Луса-
нэ уэндэгъу дьдэш.

Г ь у н э г ь у ф ы з ы м. А Кьэрней, а зи уз кгуэдын, сыту
фыт, уэри ущыи...

К ь э р н е й. АтГэмыгъуэ, дэнэ дькгуэн. Укьысхуеймэ жьГэ.

Г ь у н э г ь у ф ы з ы м. Псы тГэку бгъэхуэбамэ арат. Ды-
щыхуеину дьдэр кьэсащ.

К ь э р н е й. Гэу, псы гъэхуэбэныр куэдрэ. Уэлэхьы, зи...

О м а р (*Лусанэ жриГэу*). Сэлам хьэлейкум... (*Лусанэ зыри
жиГэркьым.*). Лло, си сэлам сфыпхыркьыми. Зумыпэсу ара?
Сэлам хьэлейкум жиГэмэ хьэрыпыбзэкГэ кьыкыр пщГэрэ:
мамырыгъэр уи натГэ ухьу, жиГэу аращ. Мамырыгъэр уи натГэ
хьуныр уэр дэнэ кьэна, уи сабийм дежГэ иейкьым. Хьэмэ
дунейр мамыр хьужыну уи гугъэр хэпхыжа?

Л у с а н э (*мэщатэ*). Гугъэр адэ щГэинщ.

О м а р. Дауэ жьпГа? Псальэ шхьэпэ жьпГа! (*Емх.*)

Г ь у н э г ь у ф ы з ы м. Накгуэ, си псэ тГэку. Накгуэ.

О м а р. Дэнэ ар здэпшэр?

Л у с а н э. Дэнэ дишэн? Гуэщым дешэ.

О м а р. Гуэщыр арами, тхьэм тыншыпГэ пхуишГэ.

Г ь у н э г ь у ф ы з ы м. Унэм укьыщГэхуамэ, дэнэ укгуэн
мыгъуэ.

К ь э р н е й (*псоми зэхыхьну*). Ди унэ дыщГэзымыгъэсыр я
унэ тхьэм нимыгъэсыжкГэ.

ЦыхубзитГыр Гуокыж.

О м а р (*Кьэрней жриГэу*). Уи унэ щГэери щГэкГыжынщ,
тхьэм адэ. Дунейр кьутэжыху щГэсынкьым.

К ь э р н е й. Дунейр кьутэжыху дэри дыпсэунукьым. Кьурш
гьашГэ цыхум кьаритакьым.

О м а р. Уи пхьур уэндэгъуу щымытамэ, уэри кьуршым
уихэжат. Тэмэму пщГаш уэримыхьэжар. Льэпкь цыкГухэм я
дежГэ зы сабийри куэд и уасэш. Ин хьумэ, абыи зы аргьынэ
ихьынщ. Адыгэ цыхубзхэр мыбэлэрыгъуу лъхуэн хуейщ, ар-
мырмэ фильэпкь цыкГугуэщ. Кьыфхэхьуэ тГэкури кьыфхуа-
гъэхьурэ? Зэм Тыркур кьыфтеуэми, зэм Россиер кьыфтеуэми –
фыхагуэ защГэ, бэлшэвикхэри...

К ь э р н е й. Пэжу, нэмыцэ цы кьызытемынэжыным яукГэ

зи щхьэ палгыи шыIэкъым... Ара?

О м а р. Нэмыцэм сыту уахуэлгэ, тхьэмадэ. Лъэпккь цыкIур къанлыуэ щыт хьунукъым. Лъэпккь цыкIухэр IэмалкIэ Iэзэмэ нэхьыфIщ.

К ъ э р н е й. Лыггэр Iыхьэ мыгуэщц. Ин иIэкъым, цыкIу иIэкъым. УлIэнми лыггэ хэлгыц.

О м а р. Пэжу, ди хабзэщ.

К ъ э р н е й. Хабзэ гуэр зымыIэ шыIэкъым.

О м а р. Адыгэ хабзэр аращ сэ зи гуггьу сцIынуур. Уадыгэкъэ, тхьэмадэ? Дызэлъэпккьэггьущ дэ Iур.

К ъ э р н е й. Дызэлъэпккьэггьущ, дауи. Си адэшхуэм уи анэшхуэр зэ кьиггэфауэ кьыщIэкIынщ.

О м а р (*кьэгубжьауэ*). Адыгэм я хабзэкъым нэхьыщIэм нэхьыжьыр иггэIушу. ИтIани си псалгэр уигу иубыдэ – дунейм уехьыкыну умышIащIэ. КьыбгурыIуа? Уэ иджыри псы бггэхуэбэн хуейщ. Хьэмэ пщыггупщэжа кьыщIолгэIуар?

К ъ э р н е й. Сэ зыри сщыггупщакъым.

О м а р. Философ ухьуа уи гуггэжц уэ. Уэ пхуэдэ философу нэмыцэм яIэр зы Iуэ изкъым. Уи напщIэ темылг тумылгхьэ...

К ъ э р н е й. Зи напэ тезыхьыжым сахэмыхуэ закьуэмэ, нэггьуэщI сыхуейкъым. Напэ папщIэ ггьуэггэ запач.

Ш л о с с е р гужьеуэкъохьэ. К ъ э р н е й йокIыж. Жьжкьэ кьыIукIыу топауэ макь кьоIу.

О м а р. Зиусхьэн Шлоссер, Iуашхьэмахуэ и кьэщцтэкIэ хьуам аргуэру сщцIэупщIэнут...

Ш л о с с е р (*кьэгузэвауэ*). ИужкIэ, Омар Салихь. Иджыпсту дыгувэну Iэмал зымыIэщ. ТэкIу дикIуэтын хуейуэ унафэ кьысIэрыхьащ. (*БэльтокукIэ и напэр ельэщI.*) Сытуи уэм абы нэхьей. Жьы тIэкIу кьепшамэ арат. Жьыхьэнмэм дис хуэдэщ.

О м а р. Жьыхьэнмэм жьыщIэхупIэ иIэу пIэрэ?

Ш л о с с е р. Уи гушыIэным кIэщI зеггэщIыт, уи фIэщ щIы гушыIэр гуIэкIэ уамыггэухым.

О м а р. Мыбы ськьысIэрыкIуам теухуауэ статьяитI стхьинущи, сьзытетхьыьынуур кьэзгупсысащ...

Ш л о с с е р. Ешанэ гуэри птхьынкIи хьунщ. «Урысым плену саубыдауэ зэрыщытар» жиIэу. КьыбгурыIуа? ИIэ псынщIэу, накIуэ.

Фоч уэ макгьыр ггьунэггьу кьохьу. Нэмыцэхэр зэрызохьэ, я хьэпшыпхэр унэм кьыщIахьыж. Телефонистым телефон кIапсэр зэщIекьуэж. Машинэхэр зэрысэщIагганэр зэхьыбох. Ефрейтор гуэрым Вадимр Адэлджэрийр кьеху.

Адэлджэрий и щхьэр пхашц бинт лыы защIэкIэ.

Е ф р е й т о р ы м. Зиусхьэн обер-лейтенант, дэнэ тхьыну мы пленитIыр?

Омар пленит Үым сурэт ятрех.

Ш л о с с е р (*и н и т Үыр к ы х у у е ф р е й т о р ы м Ү о п л ь*). Убелэм-бешэм үз, ефрейтор? Ш о, пшыг'упщэжа Мээдэгу деж плгэ-г'уар? Абыхэм ди майорыр щапэщ'Іэхуам пщ'Іэжрэ зэрых'уар? Я сэлэт у'Іэггэр ди майорым и щыбым иралтьхэри офицарым пщ'Іэнг'Іэпсыр кьехуэхуу здэкуэным нэсыху у'Іэггэр ираг'эхьы-фаш. Аг'Іэ мори у'Іэггэщ. Илг'эхэ уи щыбы нэлг'эф. (*Мэк Үий.*) Дэнэ тхыну, жи! Здэпхынур пщ'Іэркьэ? Еуи щхэпрег'эдз. Ик'Іэщ'Іып'Іэк'Іэ ари!

Асыхьэту г'уэнэг'уу дыдэу фочрэ пулеметрэ мауэ. Унэм щ'Іэтахэр зэрызохьэ, зэрог'эк'Іий: «Майн хот, руссишен золдатен!» Ш л о с с е р к'Іэрахуэ кьрехри уэрамымк'Іэ мажэ. Омар жыг к'уаг'ыым к'уэту сурэт трех.

О м а р. Мыбдеж зауэщи, цыхур зэроук'І. Мо гуэщым физ лг'ухуэуэ телг'ыц. Аракьэ шыпсэ жыхуа'Іэр.

Кыф'І мэху. Командэ зыгуэрым ет: «Взвод, за мной в атаку!» Ефрейторымрэ пленит Үымрэ нэху ятрэдзэ. В а д и м ефрейторым зредз, аршхэк'Іэ модрейр кь'Іоунщ, кьыхь'Іедзэри и автоматыр кьытреубыдэ. А д э л д ж э р и й а т л у м я кум кьыдохутэ, ефрейторым зэран хуох'уу.

А д э л д ж э р и й. Капитан, зы'Іуег'эх! Псынщ'Іэу, капитан!..

Вадим щ'Іопх'уэ. Ефрейторым и автоматыр Адэлджэрий треубыдэ. Омар кь'Іос.

О м а р. Ефрейтор, шыг'эт! Иг'эт Үысхьэ ар си машинэм. Шнел, шнел.

Ефрейторыр йоджэбауэ пленми ирельэфажэ, елг'эф. Аргуэру кыф'І мэху. Машинэ Үук'Іыжхэм я макъ зэхыбох. Сэлэтхэр зэрог'эк'Іий. Аргуэру нэху мэху. К ь э р н е й щхэл цык'Іум бг'эдэсу мэхьэжэ. В а д и м красноармеец г'уэр и г'усэу унэм кьыщ'Іож. Вадим автомат и'Іыг'ыц.

В а д и м. Машинэм ирадзэри здашаш зи унаг'уэбжэр хуэзыщ'Іыжынхэм! Плг'эг'уакьэ?

К р а с н о а р м е е ц ы м. Лг'эмыжыр дыдейхэм яубыдащ, я'Іэщ'Іэк'Іынкьым.

В а д и м. Я'Іэщ'Іэмык'Іамэ арат. Нак'Іуэ! Псэууэ кь'Іэщ'Іэдг'э-к'Іатэми! Узыншэу, дадэ. Дыпсэумэ, хэт ищ'Іэрэ, дызэхуэзэнщ...

К ь э р н е й. Тхьэм ф'Іык'Іэ дызэхуиг'эазэ, си щ'Іалэ. Г'уэугуу щы'Іэм я нэхэ дахэм тхьэм фыхуиг'эазэ. (*Вадимрэ красноармеецымрэ йок'І.*) Мес, Үуашхэмахуэ нщ'Іыф'Іэ хьужаш, напэ хужьк'Іэ дызэхуихьыжа хуэдэщ. Абы и щыгум нэмыщэ бэракъ тебг'эуэуэ идэн? Идак'Іым, зиудынщ, зиг'эхьейри емынэ-

щыльхухэр кьельэльэхыжащ.

Г ъ у н э г ъ у ф ы з ы м (*гуэщым кьыщIокI*). А Къэрней, а зи уз кIуэдын, хьыджэбз дахэ дыдэ цIыкIу кьыпхуалъхуаш. Тхьэм и хьер уигьэлыагъу.

К ъ э р н е й. Гукъеуэ зимыIам гуфIэгъуэр зыхищIэн? Хьыджэбз цIыкIу жоIэ-тIэ. Тхьэм кыигьэхъу...

Г у п х ъ у э.

Я П Э Е Д З Ы Г Ъ У Э

Я П Э Т Е П Л Ь Э Г Ъ У Э

Истамбыл дэт жэщ ресторан. СэмэгурабгъумкIэ буфет ин шытщ. Кофеваркэ. ИжырабгъумкIэ лъагапIэ иIэщ кьыщыфэу, уэрэд шыжаIэу. АдэкIэ залу кьыщIэкIынщ, Iупхъуэр щыIуахкIэ чэф ягъуэтауэ зигу къэжанахэм я псалгэ макъ, я уэрэд, я Iэгуауэ макъ зэхыбох. Iупхъуэр Iуах. Буфетым кьыдэту Омар вино ирегъахъуэ. Абы кьыпщысы шэнт шхьэгъуэ штыжьбьым тесу Сани шIанэ дыдэ мыхъуу шысщ. Официант гуэрми гъуэншэдж пхальэ ин хьужауэ вином-рэ кофемрэ зэбгрех.

О м а р (*Сани епсальэу*). Омар Хайям итхаш «Дунейм нэщIэбжьэу шыIэ псори фадэбжьэ закъуэм пщхьэшихынщ» жиIэри. Мэ, еIуб! Гуащэм я нэхь ябгэр тIэкIу егъафи, гу шабэ мыхъуну Iэмал зимыIэщ. Си хьэлэлыгъэр зыуи кьибдзэркьым уэ.

С а н и. Зы дэкIэ уигу сыкьыкIи нэфу кьыщIыкI. ИтIани уи фадэр хьумыгъэкIуади нэхьыфIщ.

О ф и ц и а н т ы м (*къабгъэдохъэри*). Виски, тIу кыигъа-хъуэт. Кофер иужькIэ. (*IуокIыж.*)

О м а р (*Сани епсальэу*). УщыкIащ уэ хьыджэбзыр. Си бэ-лыхь уэ птель, шхьэ укьызэтричрэ? Ахьшэ щIостыр укьызэры-фэ закъуэр аракьым. ДыщIыпхуэарэзы гуэри шыIэу кьыщIэ-кIынщ. Сэ нэхьрэ нэхьыфI дэнэ кьыздипхынур? УздэкIуэнури дэнэ? Ы?

С а н и. Истамбыл ресторану дэт кьомым шыщу ууейр тIу кьудейщ. СыздэкIуэн кьэзгъуэтынщ. Хэт ищIэрэ, уэ нэхьрэ нэхь арэзы сщIын сыхуэзэнкIэ мэхъу.

О м а р. УщIемыгъуэжыну пIэрэ? Хуэсакъ.

С а н и. ЦIыхубзыр гуакIуэу щытыху и ныбжьым хэхъуэркьым, мурад пщIащ си ныбжьэгъухэр щIакхъуэ Iыхьэншэу къэбгъэнэну, деплтынщ. Абы кьыпхуалэжьар нэхьыбэщ, ептам нэхьрэ. Напэ зимыIэм джажэпкэ ещI жыхуаIэр уэ пхуэдэнкIи мэхъу. Си тхьэлъанэщ – сыпшэнуми сыпхуэмей. Мо губгъуэм кьибнэну мурад пщIар зэрыхъуу сэри сыхъунщ. Уэ пхуэдэу напэншэу уи мыгугъэ псори.

О м а р. Шыгъэт. Уэ къодэгуэну къэкгуа уи гугъэ мыбы шгэсыр? А ди хэку къыкга зи гугъу пщгыр слъагъу хууххэркъым, си нэм бжэгъуу къышгуэу. Адэлджэрий къызэрыфэнуу упыкгащ. Сымэджэным хэкгырккъым. Дэ дымылажэу хуркъым, тгасэ. Зы махуэ ахъшэншэу дыкъанэмэ, ди рестораныр зэхуэщгыж – дысыкгащ. Артисту уэрамым дэтыр уфгэмащгэ, дапщэ сыхуейми нобэ къэсштэнш. Артистым яхэзмыбжэр уэ зыр араш. Угуащэ уэ адреихэм елыгытауэ. Артисткэ гуащэ, къыпхужагэну гей? Жыгэт!

С а н и. Гуащэм срагуащэжми сужэгъуащ мы уи дзыгъуэ гъуэмбыр.

О м а р. Дзыгъуэ гъуэмб жыпга? Уэрамым удэтрэт уэ, абы хуэдэ дзыгъуэ гъуэмб уйатэмэ. Пщыгъупщэжащ псори, ермэлы цгъхубз.

С а н и. Уэрамым сыдэтами, мо къомыр мыбы къышгэкгуэр сыту гэрэ? Сэракъэ ахэр къышгэкгуэр?

О ф и ц и а н т ы м. Пивэ крушкгищ! Омар-агъа, уэрэдым и чэзу мыхъуауэ гэрэ? (*Гуокгыж.*)

О м а р. (*Сани епсалгэу*). Мафгэм и гъунэгъу лыр нэхь псынщгэу мажэ, хъыджэбз. Угукгыжынууэ – узэрегуакуэщ, ауэ къызжепгакъым жумыгэж – сышгегъуэжащ жыпгэу къыумыггэзж. Куэдщ къыубжар. Цгъхухэр къыппоплъэ – кгуэи къафэ. Ныщхэбэ укызэрыфэнуу и уасэр уэстащ. Уи къэфэкгэр дигу имыкгыжын хуэдэу къафэ.

С а н и (*къотэджс*). Уи гур кхъузанэм хуэдэщ уэ – ипкгуэр йошщ.

Кыфгмэху.

О ф и ц и а н т ы м. Африкэм я къэфэкгэу «Амазулу»! Къафэр Сани гуашэрщ.

Сани къофэ. Залым шгэсхэр ггуэ йоуэ. Зыгуэрхэри къахэгуоук: «Ей, Сани гуащэ!» «Сыту къафэ дахэ икги!» – жагэу. Сани здэшысам къокуэри мэтгы-сыж. Аргуэру нэху мэхъуж.

Ф а т е х - б е й (*чэф шгэц, буфетым къыбггэдохэ*). Конья-китг кыггэхуэут.

О м а р. Иджыпсту. Кофе къарэ ухуэмейуэ гэрэ уэ?

Ф а т е х - б е й. Кофе къарэ нэхь шоколад къарэ нэхьыфгш. (*Сани бггэдохэ.*) Сани дахэ, зумыггэщггэужкыу мы зы бжэм къыздефэт. Уи къэфэкгэм сеплъмэ, сызэрыхур сщгэркъым... Занщгэу сызокуэжг, си нэм къышхэрэпхуэ...

С а н и. Тхэм уиуэщг. (*Рюмкэр къыгелх.*) Насып защгэ уху!

Ф а т е х - б е й. Насып жыхуагэр уэраш, Сани гуащэ. (*Рюм-*

кэр цыхубэзым и рюмкэм ирегъэунтIэIу, итIанэ рюмкэр Сани и бгытIым чэзууэ ирегъэIусэри йофэ.) Омар-агъа, ярэби, Сани гуащэ си номерым коньякрэ кофе-къарэрэ ныщIихъэ мыхъуну пIэрэ?

О м а р. О зи уз кIуэдын Фатех-бей, уэ пхуэдмышIэн щыIэ. УмышIашIэ закъуэ, тIэкIу дэкIмэ ныхьынщ.

Ф а т е х - б е й. Шукран. Мерси. Дыпхуэарэзыщ. (*Шы-ИукIыжкIэ Омар и физ Фазу хуозэ. Ар и гум зэрырихъар пIагъуу зэнепIыыхъ, ицхъэци нащхъи хуеиIри кыыхуэгуфIэу IуокIыж.*)

Ф а з у (*нэцхъыфIэу Фатех-бей кIэлъоплэ, буфетым кыы-бгъэдохъэри Сани иIэнакIэу*). Абы и рюмкэр сыту дахэу кыыуигъэунтIэIуа?

С а н и. Укыызэхъуэпса?

Ф а з у. Къашыргъэр бзум ехъуапсэрэ сытми?

С а н и. Пэжу къашыргъэр цIыхум яшхыркъым.

Ф а з у (*зигъэгусэу*). Сэ зезгъэшхыну сыхуейми?!

О м а р. Ей, джэдууитI, кыщIадзащ иджы. (*Фазу епсалъэу.*) КIуэи телефонкIэ псатъэ, виски къахъыну. ДиIэм дрикъунукъым ныжэбэ. (*Фазу зыгуэр жиIэнут, арицхъэкIэ и ихужьбыр игъэуфафэу IуокI, Сани кыыхуеплъэкIыу.*) КъэпкIухъыным гуэгущ гъэхъу, уунэхъунум физ къиин къашэ, жызыIам имыщIэу жиIакъым.

С а н и. Ар жызыIам уи фызыр имыльэгъуауэ тхъэ пIуэн?

О м а р. ПIагъурэ абы жиIэр? Уи бзэгу цIыкIур кыпызупщIынт, сыхуитамэ. Зы сыхъэт нэхъыбэ думыгъэкIыу коньякрэ коферэ Фатех-бей и номерым пхынщ. КъыбгурыIуа ар?

С а н и. ЛъэмбытI закъуэ счынкъым, ухуеймэ уэ къащти хъы. Фатех-бей уэ нэхъ къыпщыгуфIыкIынуми пщIэркъым. (*Мэдыхъэшх.*)

О м а р (*къэуIэбжъауэ*). ЖыпIэр сыт? Фатех-бей гушыIэ хзэагъэркъым. ПщIэрэ? Сани, думыгъэунэхъу. А бажэм шыпсэ дапщэ ищIэми, зи гугъу ищIыр джэдщ.

С а н и. НтIэ а джэд къомым зы адакъэ хэтын хуейкъэ? Сы-кIуэнукъым жысIаши, сыкIуэнукъым.

О м а р. Сани, къэдаIуэ мьдэ, узыщIэлъэIур пхуэсщIэнщ, а IуэхутхъэбзэмкIэ дыкыгумыгъэщIэхъу.

С а н и. ЛIо кысхуэпщIэнур?

О м а р. Iусхужыну си мурадами уи ныбжъэгъухэр къэзгъэ-нэнщ, зэпыгу укIуэ. Тхъэ слуами, сыт пщIэн, алыхъым иужькIэ сыгурыIуэжынщ. Кърефэ, уэрэди жреIэ ныщхъэбэ. КIуэ, къеджэ, уи хъэтыркIэщ иIэсщIэр, къыбгурыIуа? Пхын коньякыр, жыIэт? Ы?

С а н и. Ерэхъу. Мы зэри адреи къомым къахэжыжын? Шы-псэ дапщэ ищIэми, зи гугъу ищIыр джэдщ. (*Мэдыхъэшх.*) Си

ныбжьэгъухэр Гуумыхуж закъуэмэ араш. (*ЛуокI.*)

О м а р (*ешауэ и натIэр елъэщI*). Зи щхьэ пальэнур псым итхьэлэркъым. Аргуэру си псалъэм сепщIыбжащ. КъурIэнкIэ тхьэ сIуат мыбы и IупэфIэгъухэр пэнцIывкIэ щIезгъэсэнү. Сымыде-лэмэ пэшэгъу сщIынт. СыхулIэ абы хуэдэ IупэфIэгъу. Ди къурш-хэр си гум къридзэм си диным сокI, жи. А емынэунэ хьуа, лIо къуршыр уи натIэм ибукIэну. Къуршу Тыркум диIэр уфIэмащIэ? Дэшшей узыхуей дьдэм!

О ф и ц и а н т ы м. Кофищ. Турист гуэрхэр къыщIыхьащ.
О м а р. Дэнэ къыкIыу?

О ф и ц и а н т ы м. Советскэу къыщIэкIынтц, кофе къудейщ ирафынури.

О м а р. Я жыпыр нэшIым модэ Коджаели ирекIуэ. Абы нэхъ щыпудщ.

О ф и ц и а н т ы м. Мыбы щалъагъур Коджаели щалъагъурэ, Омар-агъа? Щхьэ пача уэрэдым, жаIэри хьэщIэхэр къыщIоупщIэ.

О м а р (*и гум къэкIыжауэ*). Абыи дынэсынщ, умыгузавэ. (*БжэмкIэ зигъэзауэ.*) Бидие-хъанум! Къэхъей мыдэ. ПсынщIэу! (*Официантым жериIэу.*) ЕупщIыт абыхэм, коньяк яхуэмейуэ пIэрэ? Французскэу диIэщ, жыIэ. (*Iэгу йоуэри.*) КъыщIэвдзэ музычым!

Джазыр музыкэм еуэн къыщIедзэ.

О ф и ц и а н т ы м. Уэрэд жызыIэр Бидие-хъанумщI!

Б и д и е - х ь а н у м зытетьагапIэ тIэкIурщ нэху зытридзэр. Залым къыщIыу хьэргъэшыргъэр кIащхьэ мэхъу. Бидие-хъанум и уэрэдым къыщIедзэ.

Мазэм и закъуэ уэгум зыщегъэш,
Сэ насыпынщэу уэрам сьдэтщ.
Пщэдджыжь нэмэз,
Маджэ азэн,
Сэ хэт седжэн, хэт седжэн.

Тенджызу тIуащIэм я кум сьдэмыкI,
Зигу ськъэкIын дэнэ къысхын.
Щхьэгъубжэ нэху,
Бжэ гъэбыда,
Хэт сэ гущIэгъу къысхуищIын.

Яшэм сехъуапсэу яшэм сакIэльопль,
Сэ сызылгъагъум нащхьэ къысхуащI.
Мазэгъуэ жэш,

Уэри зыгъэкIэщI,
СызэрыпIыщIэр уолъагъу.
Мазэм и закъуэ уэгум зыщегъэш,
Зеиншэ пщащэр сэ хэт сишэн?
Уэ си къэшэн,
Зэ кыызжаIам,
Насып мыухыр сысейт.

Бидие-хъанум уэрэд жиIэн еухри залым щIэхэр Iэгу йоуэ. Нэхум кыхыщыр
буфетыр аращ. Бидие-хъанум абы бгъэдохъэри Омар и пашхэм деж шэнт
лъагэм тотIысхъэ.

О м а р. Сыгу дахэу жыпIэрэ уэрэд. А субхьон алыхь. Дыщэ
кьэп уиIэ нэхрэ уи макъыр нэхыфIщ. СынодаIуэ къэс нэхъ гу
щабэ сохъу. Иджыпстуи аращ: сынодаIуа иужь, Адэлджэрий
IузгъэкIмэ, Бидие-хъанум и уэрэдми сыхокIыж, жысIэри сы-
щIегъуэжаш. Ирелажьэ ари! Ауэ мы зы закъуэмкIэ дызэгуры-
гъаIуэ: жэнэтыбжэмрэ жыхьэнмэбжэмрэ зэгъунэгъубзэу жаIэ,
итIани а тIур зэхэбгъэгъуэщэну Iэмал иIэкъым. ГурыгъаIуэт ар
уи щхьэгъусэм. Сыгу дахэу жыпIэрэ уэрэд. СогъэщI уэр щхьэ-
кIэ сымьщIэн щымыIэ. Уэфэн вино тIэкIу?

Б и д и е - х ь а н у м. Тхьэр арэзы кыпхухъу, Омар-агъа.
Тхьэм дэри пхудигъэщIэж уэ кытхуэпщIар. Си щхьэгъусэм и
гъащIэр кIыхьами кIэщIами щыгъупщэнкъым.

О м а р. Адэлджэрий посольствэм заявленэ ихъу кIуэну
жиIати. КIуауэ пIэрэ?

Б и д и е - х ь а н у м. КIуакъым. Сэ хуэздакъым.

О м а р. Абдеж цIыхубз губзыгъэу укыщIэкIащ, Бидие-
хъанум. Адэлджэрий уэ кыщыпхуэза махуэр а лIым и насып
кьэгъэзэгъуэу кыщIэкIащ. ЖеIэт кьэфэну. И чэзур кьэсащ.

Б и д и е - х ь а н у м. Псори зи фIыщIэр уэращ. СокIуэ, тIасэ!
Иджыпсту кьэфэнщ.

О м а р (*и закъуэу*). А ныкъуэделэр IукIыжрэ я деж кIуэжмэ
сэри сигъэульиинкIэ мэхъу. Емынэунэ хъуныр нэмыщэм къаIэ-
щIихри кыздикIам игъэкIуэжаш, жаIэнщи, вымпIэ. Си пщам-
пIэр яубыдащ. Пщэдей кьэхъунур хэт ищIэрэ?

Оркестрыр ислъэмей йоуэ.

О ф и ц и а н т ы м. Ислъэмей. (*Бидие-хъанум кьохъэ.*)

Б и д и е - х ь а н у м (*Омар епсальэу*). Идэкъым кыхьэн. Си
лъакъуэм тель дыркъуэр мэуз, жи.

О м а р. Сыт дыркъуэ уз? ЖеIэ ислъэмей ищIыну. (*Бидие-
хъанум IуокIыж. Омар и закъуэуц.*) Хьэбыршыбыр, плъагъуркъэ
абы кыгупсысар?

КыфI мэху. Нэхур лъагапIэ тIэкIум тредзэ. ПцIашхъуэм хуэдэу Адэлджэ-рий утыкум кьольадэ. Ислъэмей ещI. Iэгуауэ макъ кьоIу. Бидие-хъанум

къегъээж.

О м а р. Мора зи дыркъуэ узыр? ШейтIан лъакъуэ мастэш.

Б и д и е - х ь а н у м. Ешэч. *(Адэлджэрий лъэгуажьэмыхъуэ хетIэ. Къыццольэтыжри хесэ. Утыкур лъапэццIийуэ къе-кIухъ.)*

О м а р. Плъагъурэ ар? Плъагъурэ ар?

Залым щIэсхэм я макъ кьоIу «асса!» «асса!» жаIэу. Адэлджэрий мэджалэ. Къыццольэтыж, арщхэкIэ аргуэрэ мэджалэ.

О ф и ц и а н т ы м. Азэн джапIэм къехуэха молэ хуэдэ абы зэрыщицI.

Б и д и е - х ь а н у м *(Адэлджэрий бгъэдалъадэ)*. Сыт мыгъуэ къыпшыщIар, си насып закъуэ. *(Къегъэтэдэжыж.)* ЗыбукIыжын хуеякъым абы хуэдизу.

А д э л д ж э р и й *(Омар епсалъэу)*. Къысхуэгъэгъу, Омар-агъа, укъызэрысщыгугъауэ сыкъыщIэкIакъым.

О м а р. Хъунщ. Си хъэщIэхэм я нэгү зебгъэужьащ, нэхъы-бэкIэ сыпшыгугъакъым.

А д э л д ж э р и й, Б и д и е - х ь а н у м, о ф и ц и а н т ы р й о к I ы ж. Оркестрыр твист йоуэ. Сценэр йокIэрэхуэкI. Адэлджэрий диваным исщ. Бидие-хъанум Адэлджэрий и лъакъуэр епхэ. Адэ уплъэмэ, Истамбыл уолъагъу. Уафэ лъа-щIэм IупщIу щыбольшагъу азэн джапIэ лъагэхэр, мэдджыт инхэр.

Б и д и е - х ь а н у м. Зыуэ хэптIэрти, тхэ си гугъамэ щIалэ ухъужауэ. Апхуэдэу зыбукIыж хъурэ? Зыми фIыщIэ къы-пхуищIынукъым абы щхъэкIэ.

А д э л д ж э р и й. Сыт мы си лъакъуэм щыпхуар? *(МэщIу.)* МафIэ къыщIэнай.

Б и д и е - х ь а н у м. Ягъэ кIынкъым. Омар арэзы пщIыну мурадамэ – кьохулIакъым.

А д э л д ж э р и й. Омар щхъэкIэ сымыгузавэ, уэлэхы, сэ.

Б и д и е - х ь а н у м. АтIэ хэт узыхуэгузавэр?

А д э л д ж э р и й. Сэ сызыхуэгузавэ щыIэш. Нобэщ абы сы-щыхузар. Ди кьэрал кыкIащ.

Б и д и е - х ь а н у м. Фи кьэралым Iэджи кьокI. Псоми сыт хууиIуэху?

А д э л д ж э р и й. Абы хуэдэр зырызщ. Ди лъэныкъуэ къы-кIа поэтщ. И тхылги къызитащ, ислъэмей зэрыт патефон плас-тинки дэщIыгъуу. Уэ «хэт узыхуэгузавэр» жоIэ итIани. Аращ сызыхуэгузавэр. КъыбгурыIа?

Бидие-хъанум. Псори арэзы щцІыну уи хысэпмэ, ар пхуэфІемыкІын Іуэхуш. Уэ пхуэхьыну куджкым. Шо кьэ-кІуамэ? Нобэ кьэкІуамэ, щцэдей кІуэжынщ. Уэ пхьэ льякьуэ кьаштэ иджы. МафІэм ес, жи, итІани.

А д э л д ж э р и й. Си льякьуэм и закьуэми зыгуэрт мафІэм исыр. Си псэм мафІэ кьыщцІэнащ. (*Официантыр кьыщцІохьэ, и подносым коньяк ттулькІэ тету.*)

О ф и ц и а н т ы м. ХьэщцІэ гуэрэм кьыпхузигьэхьаш. Уи ислъэмей щцІыкІэр игу ирихьа хьунщ. Коньяк бзаджуэ си мыгугьэ. Іупча иужь, сэри уигу сыкьэгьэкІ. Мис мыри кьыуитащ. (*Йокьж.*)

А д э л д ж э р и й. Значокщ. (*И Іэгум илгу, Бидие-хъанум епсальэу.*) Мыдэ мыр! ЩцІэрэ мыбы итыр? Іуашцхэмахуэщ. Эльбрус жыхуаІэр аращ. Уэ си Іуашцхэмахуэжь мыгьуэ. МащцІэ щцІа узэрзымылгьагьурэ. (*Кьэтэдджыжыну хуожьэ, арицхьэкІэ ирІуу мэтІысыж.*)

Бидие-хъанум. КхьыІэ, уи пІэм изагьэ тІэкІу. Уи диным уикІаи уэ лпыр.

А д э л д ж э р и й. Ар кьезыгьэхьар щцІэрэ? Зи гугьу пхуэщцІа поэтыращ.

Бидие-хъанум. Шо и кІэри и пэри значоккьэ. Былым хьуа?

А д э л д ж э р и й. Си дежкІэ былымьшхуэщ.

Бидие-хъанум. Зи, гукьэкІ ин кьыпхуищцІащ. Абы щхьэкІэ зыщцІэбукьыжын щцІакьым.

А д э л д ж э р и й. Сыхьэт псокІэ дызэпсэлыащ. Зи, жезмыІа кьэнакьым. Зауэм сызэрыкІуари, уІэгьэ сыхьуу плену сызэраубыдари. Абы нэмыщцІ Іуэм сызэритари, нэмыщцІ фермэм щцІыІу сызэрытетари, сыкІуэсэжу сыкьызэраубыдари, Омар сыкьыщцэхужу мыбы сыкьызэрыкІуари – хуэсІуэтэжащ зы кьэмынэу. «Уи фэм мащцІэ дэкІакьым», жи. Щцхэ нумыгьэзэжрэ, жиІэри кьызеушцІати, лІот жепІэнур? Льяхьуэщым ущцІышынэу ара? – жиІэри дыхьэшхаш.

Бидие-хъанум. Ари мышынагьуэу уи гугьэ?

А д э л д ж э р и й. ИтІанэ хьыбар тельдыджэ гуэри кьызжиІащ. Зэрыпоэтыр ІупщцІащ. Бгым зыгуэр кьыгуэхурэ псым хэхуэмэ, жыжьэхь. КьыбгурыІуа? А кьыгуэхуар ятІэу щыт – псым ельэсри щыщ кьэмынэу мэкІуэдыж. Ауэ ар мыятІэу, мывзу щыт – псыми ильэсынукьым, уэшхми уэсми зыри ирищцІэнукуьым. А мывэр кьашти здэщытам деж тегьэувэж – зэрыщыта идгьэуащэркьым, дэни хьы – зэрымывэу кьонэж.

Бидие-хъанум. АтІэ сыт женІар?

А д э л д ж э р и й. Аракьэ-тІэ зи гугьу сщцІыр. Шо сэ скІэрылгыр? Лажьы хьати симыІэу си напэ кьабзэкьэ? Лы сукІа, е кьэзгьэщцІаІа? Сыт сыщцІэшынэну скІэрылгыр? А дилъэныкьуэ

кыиКам жиІэр араш: зауэм Іэджи зэбгридзащ, ятІэу шытар сабэ хъури, мывэу шытар къашти здэшытам тегъэувэж, жи. Сэ жэщ къэс ди къуршым сихъэжауэ пщІыхъэпІэ солъагыу.

Официантыр кьохъэ.

Официантым. Бидие-хъанум, уи чэзуш. НакІуэ.

Бидие-хъанум. СынокІуэ. (*Адэлджэрий еушІу.*) Зи гугъу пщІа поэтыр щІэс иджыри?

Адэлджэрий. ПІанэпэмкІэ дэсщ щхъэгъубжэм бгъэдэсу.

Бидие-хъанум. Сыт уэрэд жысІэмэ нэхъ игу ирихъын?

Адэлджэрий. ЖыІэ сэ сфІэфІ уэрэдыр.

Бидие-хъанум. Хъунщ. (*ИокІ.*)

Адэлджэрий (*значокым еплъу*). Іуашхъэмахуэ! Мыр зэрешхьыркъабзэ. И дамащхьитІым пшэ Іэтэ телъу. Сэ сымывэу шытмэ, мыракъэ сыкызыгуэхуар. Псым срихъэжъами, уэшх кыстешхами, уэс кыстесами – хъэзаб дапщэ сшэча? Си фэм дэмыкІа сыт къэнэжа? НтІэ пшахъуэ сыхъуа, е сабэу жьым сихъа? Азы махуэ закъуэ мыгъуэ! Ди къуажэбгъум деж кышщІэж псынэм шыщ псы сефэу, псы Іуфэ удзыпщІэм зыщызгъэукІуриятэмэ, сыту насып инт! Азы махуэ гъащІэр куэд и уасэти! Лусанэ кыспежхэрэ: «Ана-а, Адэлджэрий, сытгым укъихъыжа?» – жиІэу Іэджэрэ имыгъэщІэгъуэнрэт. Ари дунейм тетыжи темытыжи. И кхъащхъэм Іуашхъэмахуэ кыгуэхуа мывэ гуэр сыну ягъэуваами пщІэркъым.

Сани кьохъэ.

Сани. Хэт мыр зэпсалъэр жызмыІаи.

Адэлджэрий. Хэт сепсэлъэн! Си щхъэ сыхуопсэлъэж.

Сыпхуэрэзыщ, Сани. Тхъэм пхузигъэщІэж.

Сани. Іуэхутхъэбзэ дэ зэхуэдмышщІэмэ, хэт кытхуищІэн. ДызэрыІыгъмэ нэхъыфІщ. Уэ ислъэмей шыпщІым апхуэдизу Іэгу кыпхуеуа лишыр хэту пІэрэ, жысІэу сыноупщІынут. А щым Іэгур топ ягъауэ хуэдэт. Хэт сымэ ахэр, Адэлджэрий?

Адэлджэрий. Ди лъэныкъуэ кыиКаш. А щым зыр ди хэкуш.

Сани. Сыт хуэдэ уи лъакъуэр?

Адэлджэрий. Си лъакъуэм сэкъат иІэ сытми? (*И бгъэм толІэбжэ.*) Мыраш сэкъат здэшыІэр.

Сани. Сыт абыи лажьэр?

Адэлджэрий. И лажьэр жыпІа? И лажьэр сэ бжесІэнщ. Щыхьыр и лІэгъуэр кышщысам деж, дэнэ шыІами, здэшыІэ щІыналъэр ебгынэри кышщальхуа щІыпІэм мэкІуэж. Плъагъурэ, щыхъ пэтми хэгъуэгу шылІэу фІэфІкъым. Щыхъым сыхуэдэщ

сэри, Сани.

С а н и. Тобэ ярэби. Сыту гууз а зи гугъу пщӀыр.

А д э л д ж э р и й. Зи, си гум ихуркъым. Уеблэмэ, жэщыбгым сыкъэушмэ сызэгупсысыр пщӀэрэ?

С а н и. Уа хэт и фӀэщ хьун уэ ушыжейкӀи угупсысэу.

А д э л д ж э р и й. Жэщым сыкъэушмэ... (Омар къохьэ.)

О м а р. Сани, пщыгъупщэжа? Кофе зыхуэпхьын хуейр хэ-тыт? Къыппоплээ зиусхьэныр. КӀуэ, си псэ тӀэкӀу. Зумылтэ-фыхь куэдрэ. Аракъэ дызэрызэгурьуар? Уэ си хьэтыр плӀагъунщ, уи хьэтыр зэрыслӀэгъуам хуэдэу.

С а н и. А хьэтырым сытекӀуэдэну мыгъуэщ сэ. (ЙокӀ.)

О м а р (Сани кӀэльтсалтэу). Уи кӀуэддыгъуэр къэмьсауэ укӀуэдынкъым, умышынэ. (АдӀэлджэрий епсалтэу.) Сыт хуэдэ уи дыркъуэр?

А д э л д ж э р и й. Бидие-хьанум езгъэпхаш. Мис.

О м а р. Уи гуауэри ебгъэпха?

А д э л д ж э р и й. УкъыскӀэщӀэдӀухьрэ?

О м а р. Блынджабэми тхьэкӀумэ яӀэщ, жаӀэу хьэрыпым псалтэжьу яӀэщ. А псалтэжьыр къышагупсысым хьэрыпым я пщӀыхьэпӀи кыыхэхуэртэкъым цӀыхум уакӀэщӀэдӀухь зэрыкхьуну Ӏэмэпсымэ къагупсысыну. Дауэ щытми, хьэрыпыр лӀэпкэ къэщӀэрэйуэ къыщӀэкӀынщ. Электроникэр дунейм къыщыгте-хьакӀэ къыумыгъэсэбэпу хьурэ? Сани кофе зыхуихьа зиусхьэным укӀэщӀэдӀухьыну ухуей? Ы? Зыри жыпӀэркъыми?

А д э л д ж э р и й. ЦапӀагъэщ ар...

О м а р. ЦапӀагъэщ, жи. Сыти жыӀэ, тынщ, уздэщысым ушысу узыхуейр зэхыбох. Псалтэм папщӀэ, зиусхьэнымрэ Санирэ жаӀэр къэщӀэну ухуей? Е кофе зыхьар уи фызыр арауэ щы. Догуэ, Бидие-хьанум нэгъуэщӀ цӀыхухьу хуэзамэ, абы зэрызищӀыр зэбгъэщӀэну ухуэмейуэ пӀэрэ?

А д э л д ж э р и й. Сыти жреӀэ, щызэрымьшэкӀэ...

О м а р. УогъэпцӀым, уэлэхьи, нахуэу. Зы цӀыхубз дунейм тету пӀэрэ щӀасэлӀи сиӀащӀэрэт жызымыӀэ. Алыхьым и шыкуркӀэ хьэрыпым зи гугъу ящӀар нобэ ди нэм елъагъу – полупроводник Ӏэмэпсымэ дӀӀэщи, дызыхуейр къыдощӀэ. Дзыхьи хуэщӀи кӀи кӀэльтыплӀэ жаӀэрэ фи дежкӀэ? Пэжщ, Советскэ Союзым фи хабзэмкӀэ дзыхьыр мащӀэу къыуагъээрэ кӀэльтыплӀыр нэхьыбэу ящӀу аращ. Псалтэм папщӀэ, уэ укьэтщтэнщ...

А д э л д ж э р и й. ГъуджэкӀэ си гум илтыр къащӀами, сэ сыщӀэукӀытэн зыри скӀэрылъкъым.

О м а р. Гъуджэ, пӀа? Уоджэгур уэ уи кӀэр исауэ. Гъуджэ уи гугъэ къызэропллынур? Ӏэмэпсымэу яӀэм укьызэрелын! Уи гугъэщ уэ щэбэт и гугъэр. Къоплтынщ къоплтынщи – кӀуэ, тӀысэ, укьабзэ дьдэщ, къуршым къыгуэхуа мывэм ухуэдэщи райком партым шылажьэ... Ара уи гугъэ жаӀэнур?

А д э л д ж э р и й. Сэ райкомым сызэрамыггэкЛуэнур со-
щІэж.

О м а р. АтІэ дэнэ? НтІэ сэ зыгуэр уи гум кээзггэкІыжынщ.
Фи Сталинынр Гитлер и тэмаккым шытеувам, Кавказ лгэккхэм
ящщщ плен Іэджэм я гуггаш я унэ кІуэжыну. Щхьэ мыкІуэжарэ?
Ы? Шэшэн, мышккыш, кыущхьэ сытхэр хэкум ираггэкІауэ
зэхахати шынащ. Пэжккэ? Дауи, ушынэнщ. Догуэ, уэ умахкышщ
жаІэрэ кышпаубыдмэ, дауэ ягурыбггэІуэну узэрымымахкышэр?
Уэ жыпІэр сыткІэ я фІэщ пщІыну?

А д э л д ж э р и й. Сэ скІэрыль шыІэккым. Дунейм сызэры-
кыуаншэу шыІэр самыукІыу сыккелаци, а зы заккыуэр аращ.
Плен сыхкыуамэ, уІэггэу сапэшІэхуащ.

О м а р. А зыми кыуаншаггэу уриккунщ. СоггэпщІ чачэу
уамышггэмэ. Догуэ, сэ сымщІэ уи гуггэ Босфор портым ущІэ-
кІуар?

А д э л д ж э р и й. Зы шыпІэ сыІуувэн си гуггаш.

О м а р. ПщІыщ. Советскэ Союзым кыкІ матросхэм захуэ-
бггээзну арат. НтІэ Золотой Рог кыхуаІэм сыт шыбггэуэта?
Пхьар ккэккыжжаш. Дэ Золотой Рог жиІэу диІэщ, фэ фиІэщ Кри-
вой Рог жиІэу. НтІэ, ккызжиІаккым жумыІэж, укІуэжмэ рог
мыггэуэ уаггэлггэгунуш. Мэл бжаккыуэу уамыуантІэмэ плгга-
ггунккэ. Бидие-хьанум фІышІэ хуэщІ, посольствэм узэрым-
ггэкІуам щхьэкІэ. Шыккыр шылІэну деж ккыщальхуам
мккІуэж. Ара? НтІэ шыккыр якуІыну ищІэмэ, ггэкІуэжи еплгыт.

А д э л д ж э р и й. Сумыггэшынэ. Ккэрабггэм сащщщккым.
Уи радиом пэж ккыубыдырккым. Пеггэч.

С а н и ккөхьэ.

О м а р. Лло ущІэдкышхьэр? Уи хьэм бажэ ккыубыда? Пхьа
кофер?

С а н и (*дыккышхьы*). ЩасэлІ сиІашэрэт жызымыІэ фыз ду-
нейм темыту ккыІаккэ? Уи фызыр си япэ ккышаш, сэри уэ сы-
пхуэдэщ жиІэри...

А д э л д ж э р и й. Радиор ггэпсалггэт иджы, Омар. Догуэ,
си фызым жиІэр зэхэсашэрэт жумыІэу пІэрэ иджыпсту? Мис
аращ хуэза кыхуаІэр.

О м а р. Емынэр ди унэм ихьаш.

І у п х ь у э.

ЕПУАНЭ ТЕПЛГГЭГГУЭ

Пщэдджыккыр жьщ. Райисполкомым я пщІантІэм гараж тІэкІу дэтщ.
ІжырабггумкІэ унэ щгытщ, и щхьэггубжэр гаражымкІэ ккэггэзауэ. Сьджыр

зыгуэрым егъаджэ – ар Илэщ, мэльашэри гаражым щIэтщ. ЩIалэ
кьохьэ,

гьушшышуэ гуэр кьэным кIуэщIытыу дамэм телуу.

ЩIалэм. Уи пщэдджыжь фIыгуэ, Илэ. Сыту ужбырытэдж.
Жьыуэ тэджым тхьэм кьрет, жи.

Илэ. Сэ кьызимыт дэнэ кьэна, стрех.

ЩIалэм. ЛПо кьэхуар, тхьэмышцIэжь.

Илэ. Рессорэр зэпиуащ. Зи анэр зыгъэлыгъуэжын.

Щхьэгьубжэр кьызыгуехри Риммэ кьыгуоувэ, жэщджанэ шыгъыу.

ЩIалэм (*Илэ епсалъэу*). Пльагьурэ?

Илэ. Уи пщэдджыжь фIыгуэ, москвичкэ! Дауэ нэху укьекIа,
тхьэм жиIэмэ?

Риммэ. ПщIыхьэпIэфI сльэгъуащ, гьукIэ Лъэпщ.

Илэ. Хьер ухьу. Сыту пIэрэ пльэгъуар?

Риммэ. Уи гаражыр Iуахьжауэ сльэгъуащ.

Илэ. Кьысхуэгъэгъу, си гьунэгъу. Машинар сыхьэтиблым
фIэмькIыгу згъэхьзырыну унафэ кьысхуащIащи, сымылъашэу
хьуркьым. Сежьа иужь, жей урикъухукIэ.

Риммэ. Илэ, зыгуэркIэ сынолгъэIунут. Иджыпсту сынэ-
кIуэнщи бжесIэнщ.

ЩIалэм. Хэт ар?

Илэ. Хьэбыдэ Назир и физщ...

ЩIалэм. Механизаторми?

Илэ. КьэпщIащ. ИлIыр ежьауэ кьэтщ, езыр и закьуэпщIий-
уэ щIэсщ, тезыгъэун имыIэу.

ЩIалэм. Тезыгъэун хуеймэ игъуэтынщ, умыгузавэ... Рес-
сорэ кьыпхуэсхьащ, ухуэмейми сщIэркьым.

Илэ. Дауэ сыхуэмейуэ, уэлэхьы, сыбгъэунам.

ЩIалэм. Уи хозяиыр сысейм елъэIури кьыпхуэзигъэхьащ.
Езы тIур райкомым я машинэкIэ дэжащ.

Илэ. Уэлэхьы, фIытэмэ.

Риммэ халат дахэ шыгъыу кьохьэ.

Риммэ. Уа, сыту зэ уемышрэ уэ! Жэщ уиIэкьым, махуэ
уиIэкьым, итIани нэхушым укьотэджри уи сыдж макьым
дигъэжейркьым. Дэнэ ныжэби физдэшчыIар?

Илэ. Уа, цIыхубз, уи Iуэху мыгъуэри пщIэгъуалэкьым. Унэ
пщIын ипэ гьунэгъу, жиIащ пасэрейм. Уегупсысын хуеящ абы.

Риммэ. Гьунэгъур здэнут, сыджыр мыхьуамэ. Уэ кьэпшэ-
нуми сехуапсэркьым. Зэми мыр шыжейр сытым деж, жьызIэри
кьысхуэщIэркьым. Жэщми махуэми маршынэ цIыкIум уису
кьыбожыхь.

Илэ. АтIэ аращ. Сэ кьесшэкI председателыр узижагъуэм

къриушкI. Ныжэбэ нэху шыху губгъуэм дитащ, къуэм дьдэхуэ-ри диукIыным къэнэжар зы мэскъалт.

Р и м м э. Фи насыпу фыкъэнащ, тхээ.

Щ I а л э м. Илэ, сэ сыкIуэнщи рессорэм сепэщэщынщ.

И л э. Ерэхъу. (*ЩIалэр йокI.*)

Р и м м э. Хэт апхуэдизу къэфхуэкIар? Унэидзыхъэ фыкIуауэ араг?

И л э. Абы и чэзу хъуакъым иджы.

Р и м м э. АтIэ сыт зи чэзур.

И л э. Хъыджэбз къыщахьыр бжыхьхэр аращ, лэжыгъэр кърахэлIэжа иужь.

Р и м м э. Еплъ. Абыи хабзэ гуэр иIэщ. Илэ, лIы зиIэ цIыхубз яхьыркъэ?

И л э. ЛIы зиIэ пIа? Хъэуэ. Зи, жей укыхэхэмыщтыкIыу.

Р и м м э (*дыхъэхьхьу*). Мис ар хъуакъым. Сыту сфIэфIу зегъэхьынут сэ. Шууей гуэр пщIантIэм къыдэлъадэрэ уипхъуатэу, щIакIуэ фIыщIэм укIуэцIигъэджэразэрэ шыплIэм удэлъу урихъэжъэу. Шууей щIалэм и IэплIэм уилъу къуршым урахъэжу. Зэ Iуэтэжыгъуэу ар сыт и уасэ!

И л э. УилIыр-щэ?

Р и м м э. Хэт илI?

И л э. ЛIы уиIэкъэ, лIэун?

Р и м м э. ЛIо сиIэмэ? КъысхуэгумащIэмэ, фIыуэ силъагъуэмэ, нежъэнщи, сыкъытрихьыжынщ. ХузэфIэмыкIрэ – кIэпIей-кIэщ и уасэр. ИгIанэ сызэрыхъуу срехъу. Лермонтовым и зманым аракъэ дунейр зыгъэдахэу щытар. (*Уэрэд жеIэ.*)

Хъэпсым и бжэр нызэлIувдзи,
Губгъуэ къабзэм сынэвгъэс.
Хъыджэбз дахэр IэплIэм илIу
ХакIуэ къарэм сывгъэшэс.

Уа, Лъэпщ, абы хуэдэу шууей шыIэжу пIэрэ иджы?

И л э. Къэнагъэнщ зырыз.

Р и м м э. Уэ ушууей? Псалъэм папщIэ, уежъэу хъыджэбз уи закъуэ къэпхьыфын?

И л э. Зыгуэрэм къыхьат лIы зиIэ цIыхубз. ИлIыр къэушмэ – и фызыр бгъуэтмэ къащтэ. Милицэм кIуэри хьыбар яригъэщIащ. ЦIыхубзыр зыхьар яIэщIэкIынт. ИлъэсищI тракъуэри, досудани, Къасболлэт.

Р и м м э. Ар сыту куэд!

И л э. Законыр зытхымрэ усэ зытхымрэ зы уи гугъэ?

Р и м м э. Законыр нэхъ ткIий пэтми, яхъ-къахьыр нэхъ мащIэ хьуркъым. Догуэ, езы цIыхубзым фIэфIу яхьмэ хъунукъэ?

И л э. ЛIы иIэмэ, и лIым идэрэ? Идапэми, милицэм уафIэ-кIын сытми. СогъэпщI махуэпс урагъафэм... Дапщэщ уи щхъэ-

гъусэр кыщыкІуэжыр?

Р и м м э. А зи гу гъу пщІыр унэм щІэзагъэу шытامي зыгуэрт. Маршы нэ кыгупсысаши, уэ уэщхъу жейми езэгъыжыркъым.

И л э. Уафэм иридэкІуеинуи?

Р и м м э. Аруи. Зэуэ тогузэвыхъри – космосым ирикІуэн хуэдэщ. Махуэ къэс къалэм макІуэ, пхигъэкІын и хысэпу. Сэ «Дапщэщ къэсыжыну пІэрэ?» – жызолэри сыщысщ. Зэ уныщІы-хъами ягъэ кІынтэкъым, Илэ. Дыуэршэрынт. Хъэмэ уи сыджыр нэхушым бгъэвумэ нэхъ къапщтэрэ?

И л э. Мэзкуу кыдэкІыу мыбы къэкІуэныр уэратэкъым зы-хуэфашэр.

Р и м м э. Делэ плъэгъуакъэ? СыкъагыапщІэри сыкъашаш. Фэ цІыхухъу лъэпкъыр ІэмалкІэ фыІээщ. Хъыджэбз ІуэрыфІэщ фыхуэзэмэ, дэкум хуэдэу кывогъапщІэри – макІуэ, мэлъей. Армырамэ «Прагэ» къэзбгынэу мыбы сыкъагІуэрэт. (*Я унэмкІэ матлъэ.*)

И л э. Хэт и «Прагэ»? Уэ Мэзкуукъэ укыыздикІар?

Р и м м э. «Прагэ» жыхуэслэри? Мэзкуу дэтщ ресторан «ПрагэкІэ» еджэу.

И л э. А-а, къулыкъушІапІэфІщ ари.

Р и м м э. Уи гаражым хуэдэкъым, дауи. Назир накІуэу шытащ. ДышызэрыщІыхуари «Прагэш». Махуишым зэфІэкІащ псори. Щхъуэ кызыхъами сщІэркъым, абы хуэдизкІэ сыдихъэхати. Сыт хуэдэу усэ кысхуеджэрэт, езым иусауэ. Тхълъанэ ищІырт и унэ щхъэгъубжэм кыдзІэбыкІмэ Іуашхъэмахуэ тель уэсым шыщ лошкэкІэ кыщІигъальтэрэ борщ пщтырыр игъэупщІыуу. Иджы сопльтри Іуашхъэмахуэ унэсыным иІэр километрищэм щІегъу. ПщІы гъушцтэкъэ ар?

И л э. Іуашхъэмахуэ сыт зэрыпщІыну? УкыызэщІэплъауэ зыбгъэупщІыІуну ара?

Р и м м э. Аращ. Уэ укыызэщІэплъэшауэ ара зыри кыщІу-мышэр?

И л э (*укІытауэ*). АрагъэнкІи хъунщ. Къэзмышэхэнуи кыщІэкІынщ. ПщІэну шыткъым.

Р и м м э. Сыт кыщІэпщэнур уи ныбжьэгъум физ иІэу. Ара? (*Мэдыхъэшх.*)

И л э. Делагъэ жумыІэ. Ди дежкІэ абы хуэдэ хабзэ шыІэ-къым.

Р и м м э. ЩыІэкъым жыпІа? Назир ныбжьэгъу гуэр иІэщи, дапщэрэ ди деж къэкІуэху нэкІэ сешх. Уэращ нэкІэ кызэмы-плтыххэр. Назир уэр щхъэкІэ жиІар пщІэрэ?

И л э. Сыт?

Р и м м э. И нэхъыбитІым Илэ кыщекІуэлІэжыр жэщ ныкъуэращ. Я деж кІуэжыфу кыщІэкІынкъым, абы хуэдэу хэ-кІуэтауэ кыщыкІуэжкІэ уи деж шыІэмэ хъунт, жиІащ. Апхуэ-дэу жыжъэ ушыпсэур?

И л э. Ищхэрэм. А-а, зы тхэмахуэм зэ секІуэлІэжмэ зэ-
фІокІ. Машинэм силгу сожей.

Р и м м э. Бензинымэр зэранщ.

И л э. Абыи сесэжащи, кыыщІихьэркьым.

Р и м м э. Уа-а, сщыгъупщати сыккыщІэкІуар. Бензин тІэкІу
сыхуейт.

И л э. Авиационнэуи?

Р и м м э. НтІэ. Бжыгыгэ изгъэкІыжынут. Назир и
щыгыныр къабзэу зэи къэкІуэжыркьым.

И л э. Механизаторщ. Сыт епщІэн.

Р и м м э. Уэри аращ, бжыгыгэ защІэщ фи щыгыныр. ГъущІ
ульбиям хьэлэч фещІ.

И л э. ГъущІыр ульийми мэхъу, уэ умыультий закъуэмэ.

Р и м м э. Уэ уульиймэ, бензинри сэбэп хъунукьым. УиГэ
бензиныфІ?

И л э. Уэлэхыи, иджыпсту симыІэ, ауэ къэзгъуэтынщ. НтІэ,
уэ сыт Назир жепар сэр щхьэкІэ?

Р и м м э. Ауэ уи жьэ кыыжьэдэбгъэкІуу здэнкьым жесІащ.
Сыт апхуэдэу щІыжкысар? КъащІэт!

И л э. Дзыхь кыысхуэпщІыркьыми аращ.

Р и м м э. А, делэжъ. Уэра сытми, дзыхь зыхуэзмышІыр –
сэращ. (*Мэдыхьэиш.*) Уэ узыхуэдэм гу лъызымыта уи гугъэ?..

И л э. ЛІо сэ сызыхуэдэр?

Р и м м э. Зыбгъэджэду хьэжы щхьэкІэ, умафІэщ. Сэри къэ-
рабгъэм сащыщкьым. Неблагъи еплъ.

В и к т о р кьохьэнэжгужэу.

В и к т о р. Салют, москвичкэ.

Р и м м э. Приветик! Сэлам!

В и к т о р. СыблэкІырти, фыщыслъагъум къэзымыгъазэу
схуэшэчакьым, ярэби, мы пщэдджыжъ нэмэзым зэщыгуфІы-
кІыу райисполком пщІантІэм дэтыр хэту пІэрэ, жысІэри. Фызэ-
пылбынумэ, райисполкомыр зэпылбыпІэ хъунукьым. Нэхъ
жыжьэІуэ фыкІуэ.

Р и м м э. Ар сыт щхьэкІэ?

В и к т о р. Советскэ властым идэркьым, лІы зиІэ щІыхубзыр
щІалэм япылгъу.

Р и м м э. Плъагъурэ? УмышІэ уагъэщІэным нэхьыфІ сыт
щыІэ.

В и к т о р. Сэлам, Илэ! Уэра мы слъагъур?

И л э. Зыгуэр плъагъуххэмэ, сэрагъэнщ. Ахьмэду пІэрэ?

В и к т о р. Ахьмэд и гугъу умыщІ. Ар шы дохутыру йоджэ.

Р и м м э. Еджэн иухмэ, уэра хъунщ зэІээнур.

И л э. Зыгуэрым хуэмыІэзэ хьэдрыхэ кІуэркьым.

В и к т о р (*Илэ епсалъэу*). Пщэдджыжъ нэмэзым уи ны-
бжьэгъу и физ унэм кыыщІэпщрэ мыбы къэпщэныр алыхь сакъ-

лэсын жыхуаIэм хуэдэщ. Ар дауи пхузэфIэкIа? Джэгум укIуэмэ, хьыджэбз кьэбгьэфэн уоукIытэ, мыр дауэ? Нэхуш адакьэу укьызэрыкIаи.

Р и м м э. Уэ пщIэрэ, Виктор, цIыхубзкIэ нэхь ерыщыр попхэр аращ. Сыту удахьэх уи гугьэ абы. Зы поп щIалэ гуэр сыпылбу шытащ сэ. Крестовоздвиженскэ – арат и унэцIэр. ЩIэ-ныгьэшхуэ иIэт. ЦIыхум яхэту пIьагьумэ, я нэхь сабыр уигьэ-льыхьуэнт, ауэ уи закьуэу упэщIэхуакьэ – аслъэнт. Си ныб-жьэгьу хьыджэбзым слэщIихаш, армырмэ а попырат лIыуэ си насып зыхэлъыр. Псым зыхэздзэу щхьэ зезмыгьэтхьэлэжрэ, жыслэрт, апхуэдизкIэ си жагьуэ хьуати. Езы Маруси абы гу лъита щхьэкIэ идакьым, псым зэбгьэтхьэлэми зумыгьэтхьэлэми Крестовоздвиженскэм упызгьэщэтауэ кьэлъытэ, жиIэри, жы-хьэнмэм ськIуэми содэ ар си гьусэмэ, жиIэрт.

В и к т о р. Жыхьэнмэм кIуамэ, Или абы шахуэзэнщ.

Р и м м э. Яхуэзэми щIегьуэжынкьым. МелыIычхэм зэрыжаIэмкIэ, жыхьэнмэр уи клубым ещхьыркьабзэу зэшыгьуэщ. Зыщумыгьэгьупщэ, Виктор, цIыхубзым псори кьыпхуигьэгьунщ, умыгьэзэщ закьуэмэ.

В и к т о р. Си клубри нэгузыужьыгьуэ хьужынщ. НэгьуэщI тхуэфIэмыкIми, уэ утшэнщи укьэдгьэпсэлгьэнщ.

Р и м м э. Уэ пхуэдэу завклуб гуэр сцIыхуу шытащ. Абы жиIэрт: хьыджэбзищ нэхьрэ зы нысащIэ. Ари уэ уэщхь гуэрт.

В и к т о р. Узыпылба завклубыр кьэхьпэщ, жаIэри, трахуаш, дауи. Сэ иджыри сытетщ.

Р и м м э. Трахуакьым. Писатель хьуаш.

Илэ мэдыхьэшх.

В и к т о р. Сэ сызэрыхьунур пщIэрэ? Уэ узэрыхьун ухьури хьурей ухьужаш, ара ущIэдыхьэшхыр? Кьуэм удэхуэри машинэр пкьутащ, ди адэри ебгьэукIыным зы мэскьалщ кьэнар. ИтIани нэху зрыщу гьунэгьу нысащIэм зыкьыпогьэх.

Р и м м э. Езыри иукIынкIэ хьунт.

В и к т о р. Шоферыр джэдум хуэдэщ, иукIыркьым. Сыт мыбы ди адэм дилъэгьуар, жыслэу мащIэрэ си гум кьэкIрэ.

Р и м м э. Гу кьабзэщи аращ.

В и к т о р. Си адэмрэ уэрэ фьзэакьылэгьу си гугьэщ. Ауэ хуэсакь, Риммэ, цIыхум и гум илъыр кьэпщIэн папщIэ шыгьу пут уэ пшхын хуейщ.

Р и м м э. Сэ Илэ зыри дэзгьуэркьым. Зы закьуэкIэ сыхуэ-арэзыкьым: кьишэн идэркьым. Нэмыс зыхэлэ щIалэщи, хэти кьыдэкIуэнт.

В и к т о р. Шо нэмыскIэ кьэпхьынур? Нэмысыр щIакхьуэм дашхыркьым. Илэ зэхуэфIеежауэ хэт кьыдэкIуэн? КьыдэкIуапэ-

ми, противогаз пщІыхэмылгу дэгъуэлъмэ, бензинымэм игъэ-мэхынщ.

Р и м м э. Уэ дапщэщ къыщыпшэнур?

В и к т о р. Ари плтагъунщ, умыпІащІэ. Сэ къаспэмэ жылэм я къэшэкІэу къэсшэн уи гугъэ. Комсомол нысашэ езгъэшІынущ. Уэрэд махуэшхуэм ирихьэлІэу. ХьэгъуэлІыгъуэр стадионым щедгъэкІуэкІынущ.

Р и м м э. Футбол джэгуа иужь, хьэмэ япэ?

Гаражым Іэуэлтауэ къышоІу.

И л э (*гаражымкІэ плтэуэ*). Ей, лІо къэхъуар?

Щ І а л э м (*гаражым щІэту*). Домкратыр къыщІиудащ.

И л э. Хуэсакъ! Гулгъэмыжыр къуаншэ пщІынщ. (*Гаражым макІуэ.*)

В и к т о р (*Илэ гаражым щІыыхьэху зелэжъэри, цэхуу*). Мы-дэ къэдаІуэт, Риммэ. НакІуэ ныщхьэбэ клубым. Дыккъэфэнщ, иужькІи зыгуэру ди нэгу зедгъэужьынщ. Хьун? Апхуэдэу щхьэ укьызэплтэрэ?

Р и м м э. Сэ лы сиІэщ, тІысэ, си лым пэсщІыни щыІэкъым, сыт силІ къыщІэгъэпщІэнур?

В и к т о р. Уи лІыр къэдгъэпщІэнкъым. Умышынэ. Си ныса-щІэр къэдгъэпщІэнщи, зэфІэкІащ.

Р и м м э. ИтІани абы напэ сиІэщ, жеІэ. Виктор, тхэ пэжыр жыпІэн – дахэ уи нысашІэр?

В и к т о р. Уэ унэхъ дахэщ.

Р и м м э. Клубым сынакІуэу къэзублэмэ, уи комсомол ныса-щІэр къэльгъэжынкъэ?

В и к т о р (*зигъэбэлыхьу*). Сэ сымыгъэльгъэжмэ, ар зыгъэ-лгъэжын щыІэкъым. ЖыІэт, унэкІуэн?

Р и м м э. Палгъэ къызэти сыгъэгупсысэ.

В и к т о р. Зумыгъэхьэфотэт. А зи гугъу пщІа поным нэхьрэ сынэхьыкІэ?

Р и м м э. А поным и гугъу умыщІ. Уэ пщІэм хуэдиз абы щыгъушщэжауэ шытащ. Уэ пхуэдэу шытакъым.

В и к т о р. Сыт сэ сызыхуэдэр?

Р и м м э. МафІэ хьуаскуэм. Дэным урешхь щхьэкІэ, мафІэ пхузэщІэгъэнэнукъым. Хьуаскуэр къыптельгъэми уисыну-къым. КъыбгурыІауа?

В и к т о р. Илэ-щэ? Ар сыт зыхуэдэр?

Р и м м э. Щтаучым, мафІэр и гум илгыщ. Илэ ухуэдащэрэт.

В и к т о р. Уэ ужырщ абы шыгъуэ. Щтаучым уеуІуурэ мафІэ къыхыбогъэлгэт. Арми хьунуш. Фысакъ закъуэ. Мыбы дэнкІи бензин бошкІэ шытщ, мафІэ евдзынкІэ хьунщ...

Р и м м э. МафІэр уэракъым зыгъэункІыфІынур, умыгузавэ!

В и к т о р. Хэт ищІэрэ? ПщІэну шыткъым ар. Нэхъапэ щІы-

кIэ пожарнэм хыбар езгъащIэмэ мынэхыфIу пIэрэ?

Р и м м э. Хыбар егъэщIэнкIэ уахыбрэманиц пэжу. (*Гаражым кыбицIэкIыжа Илэ зыхуигъазэу.*) Илэ, Виктор и нысащIэр оуцIыхур, дауи, дахэ?

И л э. НысащIэм узрешпльыгур щауэм и нэмкIэщ.

Р и м м э. Виктор жиIэраш; абы и нысащIэм нэхърэ сэ сынэхъ дахэу.

И л э (*Иэнкуну*). Кысхуэгъэгъу, Риммэ, ауэ...

Р и м м э. Сыт «ауэ» жыхуэпIэр?

И л э. Анисэ зэмыдахэкI слъагъуркъым.

Р и м м э. НтIэ Виктор и нысащIэр щхэ иубыжрэ?

И л э. Абы и гумрэ и псэмрэ зэгурыгуэжыркъым. Нэм илъагъур гум и хьэрэмщ.

Р и м м э. А-а. Мисарпэжщ. Абыхуэдэ зыгуэрсицIыхуу шытащ.

В и к т о р. Попым япэ, хьэмэ иужь.

Р и м м э. Иужь. Попыр уи тэмакъым тенаи.

И л э. Сэри сощIэ абы хуэдэ гуэр, министрым и пхъум лъы-хъури фызыщэр зэфIэмыкIыгурэ министрыр трахуат...

Р и м м э. КуэдщI дыкызырривар. Узыншэу фыщыт. (*ЙокI.*)

Щ I а л э м (*гаражым кыбицIэкIыжауэ*). ЗэфIэкIащ, Илэ. Рес-сорэщIэзгъэуващ. Хуэсакъ дяпэкIэ.

И л э. Подфарникри пхъуэжа?

Щ I а л э м. Схъуэжащ, уэлэхьи.

И л э. Мис ар Iуэхутхьэбзэщ, си къуэщ, накIуэ нобэ чайнэм си шоткIэ.

В и к т о р (*Илэ епсальэу*). Потребсоюзым я базэм нейлон джанэ къашауэ, жаIэ. ДыгъакIуэ. Уэри зыгуэр кыыхэбудынщ.

И л э. СхушIыхьэркъым. Ди анэр куэдщIауэ слъэгъуакъыми, сымыкIуэжу хьунукъым.

В и к т о р. АтIэ IункIыбзэр кызыэти, сэ машинэмкIэ сы-кIуэнщ. Права симыIэми, машинэ IэкIуэлъакуэу зыхохуэф.

И л э. Сыхуиткъым. Машинэр кIэзонэ машинэщ.

В и к т о р. Хэт и кIэзонэ? Си адэм ейщ.

И л э. Хьэуэ, кIэзонэраш зейр.

Риммэ щхьэгъубжэр кызыIуех.

Р и м м э. Илэ, бензин тIэкIур зышумыгъэгъупщ!

И л э. Шо ушIэпIащIэр уи щхьэгъусэр къэмыкIуэжа пэт?

Р и м м э. Дауэ къэмыкIуэжу. Ныжэбэ къэкIуэжащ!

И л э. НтIэ итIанэ дауэ...

Р и м м э. ПщIэркъэ зи дауэр? Узгъэхъулеину сынэжIуащ, тIасэ! Сыджыр умыгъэвуэ Назир тIэкIуэ згъэжеину. Иджы къэтэджаши, ухуеймэ жэщ хьуху гъэву. Виктор, уи нысащIэм сэлам сыхуехьж! (*Щхьээгъубжэр зэхуецI. Илэ мэдыхьэших.*)

В и к т о р (*къэгъубжэуэ*). Къыгхурикъуа? Поп жиIэми, Ма-

русэ жиІэми ди тхэкІумэ щІиудэгуар кьэпщІа? Дэри ди жьэр ущІауэ дедэІуащ.

И л э. «Дэри» жумыІэ. «Сэри» жыІэ. Ар нэхь тэмэмщ. Сыту фызыфІ абы хуэдэ гукьэкІ зиІэр.

Г у п х ь у э.

Е Т І У А Н Э Е Д З Ы Г Ь У Э

Я П Э Т Е П Л Ь Э Г Ь У Э

Автобус кьэувыІэпІэ кьуажэ гьунэм деж. Жыжьэу упльэмэ, кьуршхэр уо-
льагьу. Кьуажэ гуэри джабэм кІэрысщ. Пассажир зыбжанэ автобусым по-
плъэ. Хэт шысщ, хэти шытщ. Абы ящыщ зыр япэм кьулыкьушхуэ зезыхьауэ
иджы пенсием кІуа нэгьуджэ гуэрщ, адреир альпинистщ, рюкзац и шыбым
ильу, нэрыплъи пщІэхэлыщ, ещанэр студентщ, портфель иыгьыу, еплланэр
фыцц, кларзинкІэ иыгьыц.

Б э з э р а к І у э ф ы з г у э р к ъ о х ь э, ш ы л э І э л ь э щ І и ы г ь ы у.

Б э з э р а к І у э ф ы з ы м. Ярэби, фхэмыту пІэрэ ІэльэщІ
хуей! Хэт зи шыпхьу, е зи анэ зыгьэгуфІэнур? ІэльэщІ тельы-
джащэщ, тхьэ. Си ІэкІэ сщІащ. ПІлЫ хьурти, мы зыр аращ кьэ-
нар. ИІэт фщэхут, фыщІегьуэжынкьым.

С т у д е н т ы м. Бэзэрым щхьэ умыхьэрэ? Автобус увыІэпІэр
сату шыпІэ?

Б э з э р а к І у э ф ы з ы м. УэщІалэр, дауи, акьылыр шагуэ-
шым дурэшым удэсакьым. Бэзэрым мылицуэ тетым хуэдиз
стадионым футбол щыджэгу махуэм шыплъагьунукьым.
Тунеядкэ жалэнщи – сыкьэплъэгьуакьым усльагьужакьым.

Ф ы з ы м (*ІэльэщІым епльу*). Сыту шылэ дахэ дьдэ. Сыщы-
хьыджэбздэсым Іейуэ си нэ кьыхуикІырт шылэ ІэльэщІым.

Б э з э р а к І у э ф ы з ы м. Алыхь, сэри гуащэр шыткІийм
сынысам, иджы нысэм и ткІийгьуэщи сыгуащэм. Щэху, алыхь,
пуду уэзмытым. Еплъыт, си Іуэхуц уримыкьум упсэуху.

А д э л д ж э р и й к ъ о х ь э. Ар сэлэт формэ тІорысэкІэ хуэпащ, дамэтелыым и
пІэкІэ петлицэ хэлыщ, сэлэт кьэп щыбым илыщ.

А д э л д ж э р и й. Исльэмей кІуэр мыра кьышыувыІэр?

С т у д е н т ы м. Мыращ, си кьуэшыжь. Нышэдибэ лъандэрэ
дежьэурэ жьы дыхьуащ.

Н э г ь у д ж э м. Дыгьужыкьыуэ бгыр кьыгуэуащи яхуІумы-
хьжу, жаІэ.

Бэзэракгуэ фызым. Уи пхъум шылэ ГэлыэщI хуэпхы-нумэ, мис. Еплъыт.

Адэлджэрий. Пхъу симыГэмэ-щэ?

Бэзэракгуэ фызым. Пхъу уимыГэмэ, тхэм кыбуит. Щхьэгбусэ уиГэщитГани.

Адэлджэрий. Ари кыспэплгэГауэ щытамэ зыгуэрт.

Нэгъуджэм (*зепельхь*). Жыжьэ уздэГуэр?

Адэлджэрий. Жыжьэми благъэми зауэм и пэм шууэ укГуэм сыхъэтишт гъуэгу узэрытетыр, иджы автобус макГуэ.

Бэзэракгуэ фызым. Автобус макГуэ, жи. Алыхь, си Гуэхум автобусыжьым фимыбэмПыхьым...

Альпинистым. Турбазэм нобэ дыниггэсым фIэКI сыхуйгэкъым.

Фызым. Турбазэм пщэдей унэсми ягъэ кIынкъым. Сэ нысашэ сокГуэри сыхьыкIэрыхуну Гэмал зимыГэщ. УкыкIэрыху нэхъ умыкIуэххэмэ нэхьыфIщ.

Адэлджэрий. Нысашэм укыкIэрыхунукъым. Хьэггуэ-лЫггуэр махуищкIэ йокIуэКI.

Фызым. Хэт и махуищ, на-а! Ар пасэ зэманыр аращ. Иджы, алыхь, джэд тIэу мыГуэу псори зэфIокIым. Чэф хуар чэф зимы-Гэм я унэ ешэжри аращ и пэри и кIэри. МахуищкIэ егъафи уи мылькур ирафыни, на-а.

Студентым (*япсальэр зэщуду*). Машинэ кьокIуэ!

Альпинистым. Милицэ машинэщ.

Бэзэракгуэ фызым. Милицэ жыпIа? (*Гужьеяуэ.*) Ана-а, дыунэхури дысэхьжащ. Дэнэ мыгъуэм кьиукI. (*ГэлыэщIыр езым зытрельхь.*)

Нэгъуджэм. Уэсэ слъаггуэр шейГаным игъэшынам алыхьыр и фIэщ хьуркъым, жыхуаГэм ухуэдэщ.

Бэзэракгуэ фызым. Хэт иджы ямыгъэшынар, зи уз кIуэдын? ХуэмызарлЫфIщ, жи. Алыхь, сэ слъэгъуами срикъунмэ. Дыгъуасэ бэзэрым сытету зыгуэр мэкIий. А сыунэхуащ, дыгъум зэрапхуащэрэт сэ кыыздыгъуар, жиГэу магъ. «Сыт пфIадыгъуа мыгъуэр? Ахьшэ хьэмэ хьэпшып?» – «Зы хьарбы-зышхуэ кьэсщэуати, сфIадыгъуашр», – жи. (*Псоримэдъхьэшх.*) Фэ фодыхьэшх, абы и дежкIэ хьарбыз закъуэри быллымщ. Кхы-Гэ, ГэлыэщIыр фщэхуи сывгъэкIуэж.

Фызым. Хэт, на-а, иджы шылэ ГэлыэщI зытезыльхьэр. Ди хьыджэбхэр квалэдэсым хуэдэщ, шлагэ нэхъ кьашэху.

Бэзэракгуэ фызым. Шлагэр зы махуэ модэщ, тIасэ, модэр мыращ, ухуеймэ еупщI мо командирым. Гэджэ илгъэгъуа-гъэнщ.

Адэлджэрий. Зи модэ зымыхъуэжыр военнэращ.

Нэгъуджэм. Мис ар пэжщ. Армэм я формэр хуэужыгъуа-фIэкъым.

Нэгъуджэм (*Адэлджэрий хуоплэкIри*). Уи джанэм

петлици хэлъыр. Куэд шIауэ слъагъужакъым. 1942гъэм яда хуэдэщ уи формэр. Дауэ пхузехъа иджыри къэс?

А д э л д ж э р и й (*нэцхъейуэ*). Схузехъаш, сыт пщIэн?

А л ь п и н и с т ы м (*гъуэгулкIэ мажэ*). Машинэ!

С т у д е н т ы м (*кIэлыжэу*). Грузовойщ. IэнэщIу соIу!

Псоми я Iэр яIэт. «КъэувыIэ, ей!» БэзэракIуэ фызым ахъшэ кърпихъуэтауэ егъэдалъэ. «Плъагъурэ мыр!»

А л ь п и н и с т ы м. Дытевгъэгъуалъхъэ гъуэгуи. Къэувы-Iэнщ.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. Ана-а, жыпIэр сыт. Алыхъ, узэ-тримыпIытIэмэ, тIэу емышлъу.

Ф ы з ы м. НапэзимыIэм кIапэр ехъ. Ари блэклэщ хъымпIар димыщIу.

С т у д е н т ы м. Ахъшэ фи куэдмэ, сберкассэм хэфлъхъэ!

Н э г ь у д ж э м. Сыт сберкассэ уэри къыхэлIур?

С т у д е н т ы м. Абы хуэдэ рекламэ урихъэлIакъэ? Сэ Iэджэрэ слъэгъуам, уэлъхы. ЩIалэ фафIэ гуэр «Волгэм» бгъэдэту гуфIэу. Плакат лъабжьэм и шIэтщ: «Ахъшэр сберкассэм хэлъхъэурэ зэхуэсхъэсри къэсщэхуаш», – жиIэу.

А л ь п и н и с т ы м. АтIэ лIо. Школ кIуэн къызэрыщIидзэрэ зэхуихъэсамэ пщIэрэ? Сэ си анэм мычэму къызжиIэрт: «Си щIалэ, ахъшэм зыдумыгъэхъэх. Мылъкур пщэдджыжь уэсэлщI».

С т у д е н т ы м. Акъылыр, щIэныгъэр мыкIуэдыжын мылъкущ жаIами, машинэр, си къуэщ, мылъкукъым, уимыIэну Iэмал зимыIэщ. Машинэ уимыIэм лъакъуэ уимыIэ хуэдэщ.

Н э г ь у д ж э м. Мылъку зэхуэсхъэсынщ жыпIэу и ужь уи-хъэну ухуейкъым. АбыкIэ сыакъылтэгъуш.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. Уи Iэр пIэту гъуэгуи утетым нэхъ зэштегъэу сыт шыIэ?

С т у д е н т ы м (*нэгъуджэм епсальэу*). Уэлэхыи, иджыпстумэ укыщысцIыхужар. Ди школым «Зим»-кIэ унакIуэу шытащ уэ. Пэжкъэ?

Н э г ь у д ж э м. Пэжынщ. Абы шыгъуэ персональнэу «Зим» сиIамэ, иджы сыперсональнэ пенсионерщ.

А л ь п и н и с т ы м. Уэ «Зим»-ым ушисам дэ тхуэдэ насыпынщэр уи машинэм ибгъэтIысхъэу шыта?

Н э г ь у д ж э м. ЩизгъэтIысхыи къэхъуаш.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. Гъуэгуи къыщыблэжьыр гъуэгуи цокIуэдыж. Маршынэ къызылтысам и гугъэм, алыхъ, дунейр къутэжыху ису кыкIухъыну.

А д э л д ж э р и й. Гъуэгури гъащIэм хуэдэщ. Цыхум я дуней тетыкIэр зэрызэхуэмьдэм ещхъу я гъуэгури зэхуэдэжкъым.

Ф ы з ы м. Мис ар тэмэмщ. Зым и дунейр лъапэдэгъэзеи-гъуэщ, адреим – лъапэегъэзыхыгъуэщ.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. У и н а т I э и л ь ы м
у ф I э к I ы н у к ь ы м.

Маши нэ макъ кь о I у.

А л ь п и н и с т ы м (*гъуэгумк I э мажэ*). Маши нэ!

А р г у э р у п с о р и к ь ы щ о л ь э т, я I э р я л т.

А д э л д ж э р и й. Л е г к о в о й щ, д р а м ы г ь э т I ы с х ь э н у. А л е й к I э
ф ы з э р ы з е м ь х ь э.

А л ь п и н и с т ы м. С ы т у и п с ы н щ а щ э у и к I у э р э!

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. И з а к ь у э п щ и й щ и с ы р. Щ ы
и р и - г ь э т I ы с х ь э х ь у н у т.

С т у д е н т ы м. Ш у м л ь э с ы р д э х ь у н? У л ь э с м э – л ь э с - л ь э -
б ы к ь ы у к ь э к I у х ь. Х э т и м а ш и н а п х э у р и г ь э т I ы с х ь э н.

Ф ы з ы м. А л ь х ь, с э з э г у э р с р а г ь э т I ы с х ь э у э щ ы т а м э. С и м ы -
т I ы с х ь э х х а м ы г ь у э м н э х ь ы ф I т.

Н э г ь у д ж э м. У р и г ь э т I ы с х ь а м э, щ х ь э у е б г ь ы ж р э?

Ф ы з ы м. С ь щ л е б г ы р ж ы с I э н? Щ ы м а х у э у I э ж ь э ц ь ы к I у к I э
п х ь э г ь э с ы н т I э к I у к ь а с ш э р т. Г ь у э г у ж ы м с ы к ь ы т е х ь э ж а у э
с ы к ь ы у в ы л а щ, т I э к I у з ы г ь э п с э х у н у. С ь п л ь э м э – м а ш и н э ц ь ы к I у
к ь о ж э. С и I э м ы г ь у и с I э т ь х х а к ь ы м. I э ж ь э п л ь э ф у, п I э т ы н. М а р -
ш ы н э р с а р х ь ж и I э у к ь э у в ы л а щ, и г у э н ы х ь с ы х у е й к ь ы м.

С т у д е н т ы м. А л ь х ь ы м е щ I э, ш о ф е р ы м у х ь ы д ж э б з д а х э у
и г у г ь а?

Ф ы з ы м. А р а м и с щ I э м ы г ь у э р э. Ш о ф е р ы м б г ь э д э с ы м
«К ь и т I ы с х ь э, у н э д г ь э с ы ж ы н щ», – ж и I э у к ь ы з о п л ь. «Т х ь э м
у и у з э щ I, I э ж ь э ц ь ы к I у м ы г ь у э р д э н э с х ь ы н», – ж ы з о I э р и с о -
г у з а в э. А с ы х ь э т у м а р ш ы н э м и с ы м ш о ф е р ы м у н а ф э х у и щ I а щ:
«К ь э г у п с ы с ы т з ы г у э р», – ж и I э р и.

С т у д е н т ы м. Ш о ф е р п с о р и I э м а л к I э I э з э щ. П с ы м х э б д з э -
м и г ь у щ э у к ь ы х э к I ы ж ы н щ.

Ф ы з ы м. Н т I э м ы г ь у э, ж и. Ж ы с I э н с ы т м и с ы н и м ы г ь э с у
с и I э ж ь э ц ь ы к I у у п л ь а г ь у р м а ш и н э м и п х э м к ь ы к I э р и щ I э р и:
«Н и т I ы с х ь э», – ж и I э р и т I ы с ы п I э м т I ы с ы ж а щ. С э р и с о г у ф I э,
м а р ш ы н э х у а б э м с и с у с о к I у э ж, ж ы з о I э р и.

Н э г ь у д ж э м. И т I а н э д а у э х ь у а?

Ф ы з ы м. М а р ш ы н э м и с ы р п с э л ь э р е й т. С э р и к у э д щ I а у э
ц ь ы х у с е п с э л ь э ж а т э к ь ы м и, у у э р ш э р ы н у м э к ь е б л а г ь э. Т а ч - т а у
ж ы д о г ь ы I э. С ы к ь ы з э р ы к I р и с е у п щ I а щ: «Д о г у э, м ы п х у э д э у
I э ж ь э ц ь ы к I у р д и щ ь ы б ы м и л ь у д и д у н е й р т х ь ы н у. М э з ы м
д ы к I у э м и, щ х ь э л д ы к I у э м и – п х ь э р и к ь э п р и щ ь ы б k I э к ь е т л ь э -
ф э к I ы н у? – ж ы с I э р и. – У н а г ь у и щ ы м з ы ш н э х ь м ы х ь у м и д и I э
щ х ь э м ы х ь у р э? Ш ы м и к ь а р у ц ь ы х у м и к ь а р у? К о л х о з ы р з э р ы -
п с э у р с ы т? Ш ы х ь э м э р э м а р ш ы н э. М а р ш ы н э з а щ I э х ь а к ь э?
У е б л э м э ш ы р к э л б а с я щ I у с т у д е н т ы м и р а г ь э ш х ь у ж а I э. Ш ы з а -

кьуэугкIэ мэз дагъакIуэ щхъэ мыхъурэ?»

Бэзэр акIуэ фызым. Бэзэри урикIуэ хъуну мыгъуэт.

Фызым. Аракъ сэри жысIэр. Пхъэщхъэмьщхъэ зыщыпIэ пшэнуми хъарзынэтэкъэ.

Бэзэр акIуэ фызым. Къэп къетхъэкIыурэ, алыхъ, махъ-шэм ещхъу щIыбышэ дыхъуным нэсам.

Альпинистым. НтIэ зи гупкIэ уисым лIо жиIар?

Фызым. «Шыд зехуэ», – жиIащ.

Студентым. Шыдымрэ делэмрэ колхозым хагъыхъэр-къым. Ар жызыIам устав имьщIэ уи гугъэ?

Фызым. Сэри сыкызэтричри си гум кыдиху жезмыIа кьээзгэнакъым. Уеблэмэ, ттырахам и гугъуи кьээзгэхъеижащ. «ЛIо, – жысIащ, – хабзэр гуэншэрыкъ уцIынам хуэдэ, лъакъуэ ижми, лъакъуэ сэмэгуми лыпштIагъэ хъууэ?»

Студентым. Си Iуэхуш машинэм уизыгъэтIысхъар щIе-мыгъуэжатэмэ.

Фызым. Алыхъ, амыра щIегъуэжар. Щегъуэжа ухуеймэ, сэрат щIегъуэжар. СыкызэплъэкIмэ, си Iэжъэ цIыкIум щыщ кыхэнэжакъым, пхъэ тIэкIу мыгъуэри бгъуэтым къащтэ, зан-щIэу сыгъынут, арщхъэкIэ зи маршынэ сисым идакъым: «Нэгъа-зи пхъэр къэтщыпыжынщ», – жиIэри.

Нэгъуджэм (*ныгуфIыкIы*). Игу кыпщIэгъуа хъунщ. ИтIани ухуэарэзыкъым абы.

Фызым (*нэгъуджэм кьрыпIыкIы*). Уа, емыкIу сыкыу-мышI, кхъыIэ. Зи гугъу ещIам узогъэщхъыр уэ. Нэгъуджэм зэхэзешхуээн узимыгъэщIауэ пIэрэ?

Нэгъуджэм (*зимыумысыжу*). Гъуэгум Iэджемэ уащы-хуозэ. Дэтхэнэр къэпIыхужын.

Альпинистым. ЦIыхур зыхуээнур кыпхуэщIэнукъым. Дыгъуасэ машинэ дахэ исамэ, нобэ Iэ еIэтри гъуэгум тетщ.

Нэгъуджэм. МыбыкIэ зыгъуэр кьожэ.

Студентым (*гъуэгумтету*). КъокIуэм, уэлэхьи, ущу. Ав-тобус токIыжри кыкIэроху жыпIэнкэ?

Адэлджэри й. Халат хужь щыгъци, дохутыру кыщIэ-кIынщ.

Псоми ягъэщIагъуэу дохутыр гужьеяуэ кьольдаэ.

Дохутырым (*бауэбатцэу*). Ярэби, моторым хэзыщIыкI фхэмыту пIэрэ?

Альпинистым. Гупхэм исым дащыщщ.

Дохутырым. СыгушыIэну сыкыкIуакъым, си кьуэш. Шофер фхэмыту пIэрэ? (*Зыми зыри жиIэркъым.*) ЗэIыхъащ ди Iуэхур. «Скорэ помощь» дызэрысым и моторым кыщыщIар тцIэркъым. УнкIыфIащи, тхузэщIэгъанэркъым. Шоферыр

щІалэ дьдэщ, ищІэ шыІэкъым.

Студенты м. Япэ къэсыр къэдгъэувыІэнщ, хъункэ?

Дохутыры м. Дапщэщ ар къыщысынур. ЗытІэжъэ хъуну Іэмал закъуэ иІэкъым. Фыз лъэщыджэ машинэм илъщ. МахуитІ мэхъури лъхуэфыркъым, къаруи-псэруи къыхуэнэжакъым. МэжІуэд...

Нэгъуджэм. Сыту гузэвэгъуэ, машинэм дыпэплъэурэ къэхъунур пщІэркъым.

Дохутыры м. Аракъэ нэхъри сыщІэгузавэр? Дауэ хъуну? Сыт Іэмалу шыІэ? (*Сценэм адэкІэ зыгуэр мэкІий. «Дохутыр!» «Дохутыр!» «КъакІуэ псынциІэу!» жиІэу.*)

Дохутыры м. Сыт мыгъуэ къэхъуар?

Зи макъ зэхэтхам: «ПсынщІэу! Къэхъей!»

Дохутыры м. Ахъа, жысІатэкъэ, зыгуэр къызэрыхъуар?

Фызы м. Сэри сынэкІуэн, тІыкІуэ. А Іуэхур фызым я пщэ дэпльхэмэ нэхъыфІщ. Шоферым къыпхуащІэн шыІэкъым.

Дохутыры м. Ари пэжщ. НакІуэ, кхъыІэ, къомыхъэлъэ-КІыну мэ.

Фызы м. Сабийм къетпхэкІын гуэр диІамэ аратэкъэ?

БэзэракІуэ фызы м. Мэ си шылэ ІэльэщІыр.

Студенты м. Уфыз хъэлэлщ, тхъэм фІы ухуигъазэ.

БэзэракІуэ фызы м. Ана-а, жыпІэр сыт. ДыщІыхукъэ дэ.

Дохутыры м. (*псоми захуигъазэу*). Машинэ блэкІхъумэ, кхъыІэ, къэвгъэувыІэ. Дэ жыжъэ дышыІэкъым, мо еуэкІыпІэм узрэуэкІыу абдеж дьдэм дыщытщ. ИІэ, фынакІуэ.

Дохутыры мрэ фызы мрэ йокІ.

Адэлджэри й. Махъшэм утесу хъэр къодзакъэ, жыхуаІэр аращ.

Нэгъуджэм. Дохутырыр щыгузавэкІэ зыгуэр щыщыІэщ. Тхъэм гущІэгъу къыхуищІ.

БэзэракІуэ фызы м. Ущыджэлэнур пщІэну щыткъым, алыхъым къыуимытыр бегъымбарым къыуитын. Сэри сы-кІуэнщи, садэІэпыкъуэнщ. Дохутырыр фІыми, физитІыр нэхъы-фІыжщ.

Машинэ макъ къоІу.

Альпинисты м. А-а, лъхуэуэ тель фызым и Іуэхур къи-кІащ. КъокІуэмэ, уэлэхы, машинэ.

Адэлджэри й. Легковойщ хъарзынэу. (*ГъуэгумкІэ йоІэ.*) Дауэ къэдгъэувыІами къэдгъэувыІэн хуейщ.

Нэгъуджэм м. КъэвгъэувыІэ, хэтми къэвгъэувыІэ. ДэІэпы-9 КІышчокъуэ Алим

к'уэгу шц'элъэум к'эрал л'эк'ыныг'э и'эш, жа'э.

Студенты м. Милицэ машинэм нэх'рэ нэх' псыншц'эжу к'ок'уэк'э к'ок'уэ.

Альпинисты м. Г'уэугум дытег'уэльх'ами к'эдг'эувы-
Энц.

Псори г'уэугум тох'э. Сигналыр мычэму к'о'у.

Аделджерий. Фытек' г'уэугум, жи. Тх'эр бг'эпц'ак'э
пц'энур умышц'эм – ухуеймэ дег'эук'.

Нэг'уджэм. Ч'эф имы'эу п'эрэ шоферым?

Студенты м. К'ьег'эувы'э.

Нэг'уджэм. И нэр к'ышх'эрипх'уаи абы.

Студенты м. Уа-а! (*Инит'ым' Эгур' Гуельх'э.*)

Машинэр гульэф яш'ауэ к'аг'эувы'э. Х'уанэ-ц'анэ мак' к'о'у.

Нэг'уджэм. Алых'ым и шыкурц, к'эувы'ащ.

Студенты м (*инэми' Эр' Гуих'ыжауэ*). К'ыж'к'эуа?

Сценэм адэк'э Виктор и мак' зэх'ыбох: «ло, х'эбыршыбыр к'ом, фи шх'эр
фужэг'ужа? Зевг'эук'ыну фыхуеймэ, Х'эрамэ'уашх'э фык'ельг'э. Сэ сышц'э-
вг'эунэх'ур сыт, зи унаг'уэбжэр хуэзышц'ыжын к'ом!» Виктор г'усэ г'уэр
и'эши, Адэлджерийр п'шамп'эк'э утыкум к'рал'фаэ.

Виктор. Фышых'этк'э. Зимышц'эжу ефаци, дэгу х'уащ,
сигнали зэхимых'у.

Студенты м. Емынэр уи шых'этц'уэ. Унэф? П'ляг'ур-
к'э?

Аделджерий. Ут'ыпц, си адэр сог'эпц'э, п'эк'э ш'ыр уэз-
мыг'авэм. (*Виктор и Эр' епх'уатэри' е'уант'э.*)

Виктор. Шыг'эт, ло си'эр шц'эп'уант'эр?

Аделджерий. Ук'эзг'эувы'амэ, си шх'э'уэхук'ым зе-
схуэр, физ мал'эри тельц. Сымаджэщым нэг'эсын хуейц.

Нэг'уджэм. Яг'э к'ынк'ым, си шц'алэ. Т'эк'у угувэми,
ц'ыхубз тх'эмышц'эм дэ'эпк'эу. Дохутырыр г'ыным хуэдэу
к'эжаш. Ж'ыж'к'ым уздэк'уэнури. Моуэ еуэк'ып'эм узэреуэ-
к'ыу п'ляг'унуц.

Виктор. Сымып'ашц'эу шытамэ, фи ж'э к'ыж'к'эдэзг'эк'э-
рэт. Ауэ фи х'этыр сл'аг'уну'э мал зимы'эшц. Базэм иджып'сту
сынэмысым зэхуашц'ыж. Машинэми сэр'ак'ым хуитыр.

Аделджерий. Сог'эпц'э л'эбак'уэ уэзг'эчим. К'ыб-
гуры'уа? Ц'ыхубзыр зыхуэзэн хуэг'аз!

Виктор. Уэ хуэдэ'эджэ сл'эг'уащ сэ, зауэм ды'ут уи
гуг'э, япэ узыхуэзэ машинэр к'эбг'эувы'эу?

Аделджерий. Си гуг'эщ, уэлэх'и.

Виктор. Уэпхуэдэ командир сыхул'э. (*Иг'усэм жери'эу.*)

Накгуэ!

А д э л д ж э р и й. ЛъэмбытI уэзгъэчынкъым. Шэрхъым зы-
щIэздзами узгъэкIуэнкъым. Уи адэм къыуита уи гугъэ маши-
нэр?

В и к т о р. ЗыщIэдзи еплъыт, ныбапхъэкIэ узепщыпщэу
укъэзмыгъэнэн уи гугъэ? Иджыпсту къызэрыдгъэувыIами сы-
хушIогъуэж.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м (*къажэурэ*). Алыхъым и шыкурщ,
маршыни къэвгъуэтащ. Щхъэ зифлъэфыхэрэ? ИIэт, накгуэ, тIасэ
цIыкIу. ПсынщIэу, маржэ, псынщIэу...

В и к т о р. Накгуэ, Iэмалыншэр гугъущ. Накгуэ уэри,
дыгъэ-лъагъу гъуэгур. (*И гъусэм епсалъэу.*) Накгуэ.

Н э г ь у д ж э м. Аракъэ хабзэри. Насып защIэ ухъу.

Виктор бэзэракIуэ фызыр игъусэу йокI.

А д э л д ж э р и й. ДызэригъэлъэIуурэ ди бзэгум IэфI къы-
тенэжа? ЗанщIэу идамэ, фIышIи иIэнт.

Н э г ь у д ж э м. (*Адэлджэрий епсалъэу*). Уэри ушынакъым.
Къыбжэхэуэ пэтащ машинэр!

А д э л д ж э р и й. ТIэу еплъынтэкъым къыбжэхигъэуэн.

Н э г ь у д ж э м. ЩIалэ дьдэ пэт нэхъ хьэтырыншэ бгъуэ-
тынкъым, укIыти иIэкъым. И адэ уриныбжэгъу хуэдэщ, итIани
уэ зыкъыуепщыт. Напи зэрымIэ! Зэгур колхоз хьэм сытехьат,
махуэр хуабэ Iейуэ. Мыбы ещхьыркъабзэт, зы щIалэ гуэрым
сельэIуащ: «Жэи псынэм псы тIэкIу къэхьы сегъафэт», – жысIэ-
ри. «КIуэи ефэ, уэ узыхуейр зыхуэдизыр сэ сщIэрэ», – жиIэри
ежъэжаш. Сэ исфынур псы шынакърэ псы пэгунрэ имыщIэу
пIэрэт абы. Дэнэ кыкIрэ апхуэдэ нэмысыншэр. Къалэдэсым
«уэрамыраш ди быныр зэIызыгъыхэр», – жаIэ. Ярэби, уэрамыр
дэнэ кърахрэ езыр? Хамэ къэрал кърахуэрэ ди дей къашэрэ?..
Дэракъэ уэрамым тесыр?

Сценэм адэкIэ бэзэракIуэ фызым и кIий макъ къоIу: «Ана-а, сыту унапэншэ!
ЩIыхукъэ укъэзылхуар?» Мотор Iэуэляуэ ззкыбох.

С т у д е н т ы м (*гъуэзгумкIэ жэуэ*). ДыкыигъэщIакъэ дэкум
хуэдэу. Ежъэжаш! Ер зи пэм ихьэн! Ялыхь, зэхэгъэщашэ а ма-
шинэр.

Псори гъуэзгумкIэ мажэ.

А д э л д ж э р и й. Иджыпсту фоч сIыгъатэми...

А л ь п и н и с т ы м (*нэрылхэр зыIуидзауэ*). И номерыр
фтхыт: ХТ-00-83.

Н э г ь у д ж э м. НолитI иIэщи, къулыкъущIапIэщ машинэр

зейр.

Студенты м. Матьэм, уэлэхь, и пхэм мафIэр кьильэлъу.

А д э л д ж э р и й. Дауэ кIуэми, зы фочышэм кьигъэувыIэнт.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. Сыту напэншэ, сыту напэншэ.

Маршынэм сотIысхэ шыжысIэ дьдэм, къызэлунщIри сьшхэпридзыным тIэкIуц кьэнэжар. Тобэ ярэби, ар зи кьуэми кьуэ сиIэщ, жеIэ. Бэзэрым льэпэдит I пхьырэ укIуамэ, мылицэм заншIэу уальэф лажьэркъым, тунеядкэщ, жаIэри. Мор щхэ ямыльбагъурэ? Маршынэми щхэ ирагъэс?

Н э г ь у д ж э м. Къыхуэгъуну уи мыгугъэ.

А д э л д ж э р и й. Зыхуэзапхэ хуэзэнщ, умыпIащIэ.

Н э г ь у д ж э м. Бгъэр куэдрэ уэмэ, и дамэр мэкъутэ.

Машинэ макъ кьоIу. Псори гъуэгумкIэ мажэ.

Студенты м. Машинэ!

А л ь п и н и с т ы м. Ари хьунукъым. Пхэ ешэ изу.

А д э л д ж э р и й. Сыт ишэми кьэдгъэувыIэнщ.

Н э г ь у д ж э м. Тхэм щхэ хуэсакъ, шоферхэм чэф зиIэ куэдщ.

Псори зэрогъэкий: «КъэувыIэ! КъэувыIэ» Я Iэр яIэт. БэзэракIуэ фызым ахьшэр кьрехри ирегъэлабгъу, машинэр кьызэрыувыIэр зэхьбох. Шофер щIалэ гуэр кьохьэ.

Ш о ф е р ы м. Сыту куэд фыхъурэ. Уи ахьшэр илхьэж, ди анэ. Сэ сызэрысыр таксикъым. ИIэ, пхэм фытесу фыкIуэнумэ, фыдэкIуей. Дынэсынщ хуэм-хуэмурэ.

А д э л д ж э р и й. Ди щхэ IуэхукIэ укьэдгъэувыIакъым, кьуэш. Гузэвэгъуэ щхэкIэ укьэдгъэувыIащ.

Ш о ф е р ы м (*гузавэу*). Шо кьэхъуар?

Н э г ь у д ж э м. Фыз гуэр малъхуэри телъщ. ЛIэнкьэнэнщ. Иджыпсту сымаджэщым нэмыгъэсамэ, кьулейсыз хьунуш. Дохутырыр Iейуэ мэлъаIуэ.

Ш о ф е р ы м. Уэлэхь, иджыпсту нэзымгъэсмэ. ПсынщIэ дьдэу дыкIуэфынкъым, итIани щыIэмалыншэкIэ сыт пщIэн? ИIэнтIэ, пхьэр идвгъэдз.

А д э л д ж э р и й. ФынакIуэ. НапIэзыпIэм иддзынкъэ.

Ц I ы х у х ь у х э р йокI. БэзэракIуэ фызыр кьонэ.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м. Ялхь, гъащIэу щыIэр кьет а щIалэм.

I у п х ь у э.

ЕЩАНЭ ТЕПЛЪЭГЪУЭ

Къэрней и унэ. Пшэдджыжыщ. ПшцантIэ кIуэцIым унэ зэгүэт дэтым верандэ иIэщ. ПшцантIэ кIуэцIым кхъужьей жыг ин дэтым къудам пыщIыкIа иIэщ. Къэрней псы пэгун иIыгыу пшцантIэм къыдохъж.

В а д и м (*верандэм тету*). Мэкъуауэ хуэмыхум я нэхъыжэ я пшцафIэщ, жыпIэрэ. Уэ зыгуэру жоIэр, Къэрней.

К ъ э р н е й. Дэ сыгтым дримэкъуауэ. Махуэм Iэмбатэ тхупы-ушIынукъым. Лусанэ жэщ ныкъуэм къагъэтэдждри сщIэрккъым здашар. Иджыри къэс къыгъээжаккъым.

В а д и м (*пэгуныр къыIех*). Ара уэри пшIэр? Зэ яшэри къы-гъээжащ. Моуэ жейм щыхильафэ дьдэм къэсщ зы шуи аргуэру яшащ. Ещанэуи зыгуэр къэкIуат. ШIэсккъым, жызоIэри дэнэ, шIэсккъым, жызоIэри дэнэ. «НтIэ здэщыIэр къызжеIэ», – жи. «Дэнэ здэщыIэр?» Зи щхъэгъубжэ нэхум щыIыыхъуэ», – жыс-Iэри дэзгъэкIыжакъ.

К ъ э р н е й. Аращ игъашIэми.

В а д и м. Сабийр къафэмэ, адэ-анэм я щхъэр мэуэз жыхуаIэр арщ.

К ъ э р н е й. Ушхэнумэ, си щIалэ, псори хъэзырщ. Анисэ къэтэджа?

В а д и м. Ари къэтэджу зэрыдэжрэ нейзман.

К ъ э р н е й. Шхын зыхуэзгъэхъэзырар хэт атIэ?

В а д и м. Уи малъхъэр армырамэ сщIэрккъым. АтIэ дызэ-гурыгъауэ – пшэдей пшэфIэнур сэращ. Лусанэ къекIуэлIэжы-нукъыми белджылыщ. Сэ псоми фяпэ пшэфIапIэм сыщIоувэ. Сяпэ укъэмытэджд закъуэ. Хъункъэ?

К ъ э р н е й. Тхэ дывгыIэ, нышэдиби сыкъэмытэдджынут, жейм сезэгъырккъым. Жыы дыхъуащ. ДылIэми, уэлэхыи, емыкIу димыIэж. Ди жейри IэфIыжккъым. ПшIыхъэпIэм дыхэкI уи гугъэ. Ныжэбэ аргуэру Адэлджэрий пшIыхъэпIэу слъэгъуащ. КъэкIуэ-жауэ бжэм къеуIу хуэдэт. Сэри сеплъырт, ярэби, мыр унэм щхъэ къыщIамыгъыхъэрэ, жысIэу. ХъэгъуэлIыгъуэ гуэрхэми дыхэт хуэдэти джэгүшхуэт, сыщIэвгъыхъэ, зиунагъуэрэ, Iы дэкIуэр сипхъурэ пэт щхъэ фи чэнджэщ къызэвмыхъэлIэрэ, жиIэу къы-зогий. ШIы фIыщIэм щIэлъми, и пхъум щхъэкIэ мэгузавэ. И псэр пыIэрккъым.

В а д и м. Анисэ хуэдэпхъу уиIэмэ, щIы къатиблым ушIэлъ-ми, умыгузавэу хъун?

К ъ э р н е й. Шхъэлсийщ. Жыым тесу псым йопыдж, жыхуа-Iэм хуэдэ дьдэщ.

В а д и м (*гупсысэу*). Куэд щIа ар япэ дьдэ школым зэрысшэ лъандэрэ. Нобэ хуэдэу сощIэж си пшэдыккъым дэсу псым зэрызэ-прысхар. Иджы аттестат кърат. Балигъ хъуащ. Хъыджэбз ишэ-гъуэщ.

К ъ э р н е й. Зэманыр псым хуэдэщ, умылгагъуу макІуэ. Сэри куэд си гум кьокІыж. Анисэ здынэсыпхъэм нэзыгъэсар уэраши, Вадим Андреевич, фЫщІэр уи дей щалгагъу. Къэзылтхуа и адэ дьдэм кьыхуимыщІэн Іэджэ хуэщІащ. Езыр Іуш цЫкІуш, шыгъушэнкьым. Къэзылтхуа и адэу уелгагъу.

В а д и м. Сэри зэрышлгагъуш. Абы пэсщІын сыт шыІэ.

К ъ э р н е й. Ай, бетэмал, уи бынунэр гуузыщэу кІуэдат. Ящыщ псэужатэм балигъ хъуа яхэтынт. АрщхъэкІэ игъуэ нэмысу дунейм ехыжащ.

В а д и м. НэхъыщІэ цЫкІумрэ Анисэрэ зы гъэм къальхуаш...

К ъ э р н е й. ЦЫхубэрэ сабийрэ фІэкІа зэрымыс мафІэгум бомбэкІэ уеуэу ебгъэсын жыхуэпІэр, ярэби, сыту гуузыщэ, сыту гушІэгъуншагъэ.

В а д и м. МафІэгущхъэм жор хужь ин тетащ. ЗищІысыр ящІэн папщІэ. ИкІи ящІэрт.

К ъ э р н е й. ИгъащІэми хэт зауэми хабзэ гуэр хэлъу шытащ. Нартхэм я зэукІэм урикъунти. Мы нэмыщэм хабзи сыти яхэлькьым. ХьэІуцыдзщ, КІэщІу жыпІэмэ, фашистщ.

В а д и м. Фашистыр цЫхуу къэплъытэ хъунукьым. Щхъэ-кІуртІэмрэ фыгъуэнэдымрэ кьыхэкІащ фашистыр. Нобэ абы я пыхъуэпышэм зыкъаІэту шыслъагъукІэ, фоч къасщтэу щхъэ семьюэрэ, жызоІэ, апхуэдизкІэ си лъыр къовэри.

К ъ э р н е й. Ей, си щІалэ, си щІалэ, лъы машІэ зэщІифакьым ди щІым. Ди лІэщІыгъуэм яхуэмыгъеин хъэди щІалъхъащ. Зи абгъуэ якъута бзум ещхуу укьыщыкІуа махуэр иджыри си нэгум щІэщ.

В а д и м. ЗанщІэу сыкъэкІуа уи гугъэ. Куэдрэ сегупсысащ. Адэлджэрий псэужатэмэ, «Сэ уезмыгъэукІыу укъезгъэлащ, уэ си насыпыр зэрыпхъуэну и ужь уитщ, жиІэнт», – жысІэурэ машІэрэ си дзэ ша?

К ъ э р н е й. АтІэ аракъэ. Адэлджэрий псэууэ шытатэмэ, ар зэрумышІэнури сощІэ. Абыи ятІэу телтыр тхъэм пщІащэ ищІ.

В а д и м. Си уни си быни хэкІуэдамэ, уи унэр сэ унэ схуэ-хъуаши куэдщ си дежкІэ.

К ъ э р н е й. Ей, Вадим. Сэри уэ сыпхуэдэщ. Сэри си къуитІыр хэмыкІуэдатэмэ зыгуэрт. Нобэ сылІэмэ, си щІыбагъ зэ-хуэсщІыжакъэ. Хэт, си адэм и унэжэ, жиІэу мыбы къыдзэннур? Анисэ жыпІэнщи, хьыджэбз цЫкІуш, тхъэм ешІэ, абы насып хуэхъуури. Уэраш, Вадим, сызышыгугъыр. Уэ къыпхузогъанэ псори.

В а д и м. Пэжыр жысІэнщи, Анисэ яшэмэ сэри си гум фІэ-фЫщІекьым. Ди малъхъэр къакІуэрэ къытхэтІысхъэм нэхъ къэс-щтэнущ.

К ъ э р н е й. Ар урысым я хабзэм къезэгъми, ди хабзэм къезэгъыркьым. Къыбгурылуа? Пэжу, иджы хабзэу дунейм тетыр

зэхатхуэщ, зэхапщэри ежэжащ. Пэжыр жысІэнци, Анисэ кыкІэлъыкІуэ щІалэр ди унэ кыхьэмэ, си гуапэ дыдэ хьуну-кыым.

В а д и м. Виктор зи гугъу пщІыр?

К ъ э р н е й. Аращ. Тэмэм.

В а д и м. Абы и гугъу щыпщІакІэ, ди адэ, сэри бжесІэнут зыгуэр.

К ъ э р н е й. Арзыхуэдэм ущІэмыупщІэ.

В а д и м. Сыту?

К ъ э р н е й. КъэрэндащылІщ.

В а д и м. КъэрэндащылІ жыхуиІэм кыибгъэкІыр сыт?

К ъ э р н е й. КъызгъэкІыращ: къэрэндащ нэхрэ нэхь хьэлъэ кыиІэтынуккыым. Я лэжыгъэр машІэу, я ахьшэр куэд а аращ а щІалэр зыщІэкъур.

В а д и м. ЛыфІым къуэфІ хуэшккыым. Виктор и адэр лы хьарзынэщ – кьошхыдэ хуэдэу зищІми, нэщІыбагъ Іей щыжиІэнккыым.

К ъ э р н е й. ИтІани и къуэр хуэгъесаккыым. Виктор укыи-лбагъум кыыпщыгуфІыкІ щхьэкІэ, нэщІыбагъ хуэбгъазэмэ кьоуэу уиукІынкІэ тІэу, еплъынуккыым.

В а д и м. Къуажэ щІалэгъуалэм я пашэ щхьэкІэ, и щхьэ Іуэху фІэка зэрихуэ дунейм тетккыым. Дэнэ кІуами зыгуэр кыхьэзуда-щэрэт, жиІэу щхьэхуешэщ. Анкет закъуэм тесу жыжъэ кІуэн и гугъэщ.

К ъ э р н е й. ИгъащІэм анкет кыызатаккыым, узэрыщытыр итхэ жаІэу. Анкетыр цІыхум нэмыс иІэ, хабзэ хэль, укІытэ иІэ, жиІэу кьоупщІрэ?

В а д и м. Анкетыр зыщІэупщІэр нэгъуэщІщ. Виктор зэгуэр кыызэщаш: «Нэмысыр щІакхъуэм дашхырккыым», – жиІэри.

К ъ э р н е й. Пэжщ, дашхырккыым. Ауэ нэмыс цІыхум хэ-мылъмэ, щІакхъуэ Іыхьэншэу къэна хуэдэщ. Нэмыс здэщы-мыІэм насып щыІэккыым, щыжаІар аращ.

В а д и м. Анисэ ІуэрыфІэщ Іейщи, къагъэпщІэнкІэ сошынэ.

К ъ э р н е й. Адэ ушыхуэхъуакІэ, уи нэІэ тегъэт, уи псальэм йомыгъэбакъуэ.

В а д и м. НэгъуэщІ щІалэш сэ сигу ирихьыр.

К ъ э р н е й. Илэ?

В а д и м. Уэри гу лъыпта?

К ъ э р н е й. И адэм ещхь хъужащ мис ар. Ей лЫфІт абы и адэр. Зауэм хэкІуэдам ящыпщ. Илэ зеиншэ цІыкІуэрэ къэхъуащ. Щымахуэ хьумэ, жэщ мазэгъуэм мэзым кІуэрти Іэжъэ цІыкІу-кІэ пхэ кыишэрт, и адэм и джэдыгу зэфІэтхьар кыыщылэлу. ИтІани махуэм и школ кІуэн абы щхьэкІэ блигъэкІыртэккыым. Плъагъурккъэ иджы зэрыхъуар? Лы кыхьэкІащ. Абы хуэдэ щІалэ узэриІэн.

Машинэ макъ къоу. Машинэр къоувылэ мыжыжьэу. Пщантлэм
А н з о р

губжъауэ къыдолъадэ.

А н з о р. А-а, сыту дахэ дьдэу фыуэршэррэ. Напэ зимылэм джажэпкъ ещл жыхуалэр, дауи, фэракъым. (*Клүйуэ.*) Сыт хьэдэгъуэдахэ а фэ зэхэфщлхьар! Ы! Си напэр тефхакъэ, цлхум салуплтэ мыхъужыну? Район псом си хьыбар флэкла зыри шы-лэжкъым. Дауэ ар? Догуэ, къыфхуэгъун фи гугъэ?

К ъ э р н е й. Мыр сыт, Анзор, унажэ укъэжа? Сэлами чэлами шымылэжу? Ди лъэпкъ хабзэт, нэхъапэ щлхлэ сэлам зэрахьу.

А н з о р. Ди адэжъхэм хабзэ яхэлът – цлхубзыр яутлпщу шытакъым. Сэлам хьэлейкум!

К ъ э р н е й. Уалейкум сэлам. Араш хабзэр, зиунагъуэрэ. Цлхубзыр яутлпщмэ, зыутлпщыр советскэ властыр арактэ. Абы еуваллэ, сыту жыплэмэ цлхубзыр щлэх даубыдэжыну си гугъкъым.

В а д и м. Шо апхуэдизу къэхъуар, Анзор?

К ъ э р н е й. Зумыхъунщлэ. Наклуэ, неблагъэ, уэлэхьы, ди шхыныр хьэзырым.

А н з о р. Фи ерыскъыри флхлэ фышх. Сэ хьэщлэу сыкъэ-клуа уи мыгугъэ. Зыри фымышлэ хуэдэуи зывмышл. Цирк хъужыр фэраш. Шо фыщлэдыхьэшхыну абы хэлъыр? Дэнэ шылэ езы Лусанэ? Фелшырым къеджэ мыдэ! (*Вадим епсальэу.*) Къеджэ жыслакъэ?

В а д и м. Щлэскъым, ныжэбэ къеджэри яшауэ иджыри къыгъээзжакъым. Фыз гуэр къулейсыз хъуа си гугъэщ.

А н з о р. Сэ нэхърэ нэхъ къулейсыз хъуакъым.

В а д и м. Уи унэгуашэри уэндэгъу?

А н з о р. Сыту укъэщлэрей. Щхьэ укызымыхъуэхурэ?

В а д и м. Къысхуэгъэгъу, сынохъуэхъу, Анзор, си гуапэ дьдэу. Хьыджэбз хьэмэ шлалэ? Е тлу зэуэ къыпхуалъхуа?

А н з о р. Пллы мэхъу!

К ъ э р н е й. Зу! Уунэпаи! Уэ пхуэдэлым нэхъ мащлэ, дауи, къыхуалъхункъым. Тхэм къыгъэхъу. Сыту флыт, ярэби.

В а д и м. Уи сурэт газетым къытехуэнщ иджы. Отец-герой, жиэу цлэ лъаплэ шылэгъатэмэ, уэ къыпфлашат. Арщхэклэ абдежым цлхубзым дыхуагъэдакъым, сыт пщлэн?

К ъ э р н е й. Щлалэр лъэпкъым и къупщхьэщ. Апллым щлалэ цлхлур дапщэ?

В а д и м. Цлхлуйупл. Серийнэ производствэ жыхуалэр армырауэ плэрэ? Уи шыкъу анэр лэджэуи мыгуфлаи ар шызэхикъым? Сыту плэрэ жиари?

А н з о р (*къызыщлэнауэ*). Абы жиари? «Си малъхьэр апхуэдэу делэжкъым хэт къыщлэнаклэми ишэчу», – жиаш. Сыт зэхэ-

фщЫхьар зищЫсыр? Сыту фымыукЫтэрэ? Напэ фиІэкэ? Си авторитетыр хэутэн фымышІмэ хэвутэн вгъэтакэ? Жьы фыхьуу делэ фыхьужа? Догуэ, фи гугъэр сыт фэ? Фхуэзгъэгъу-мэ нахуэу згъэпщІащ.

В а д и м. Уа, къэхьуар къыджелэ япэщІыкІэ. Щхьэ уетха-уэрэ, Щхьэлыкьуэ хакьуэ.

А н з о р. Уэ ухэт езыр? Уэракъэ ар езыгъэщІар?

В а д и м. Зыщ хэщІыкІыркьым а зи гугъу пщІым.

А н з о р. Лусанэ уэ къыбжымыІэу ар ищІауи? Уэлэхьы, си фІэщ пхуэмышщІын.

В а д и м. ЗумыхьунщІэу дахэ-дахэу жыІэ къэхьуар. ХэсщІыкІамаэ бжесІэнц.

А н з о р. Тхьэмахуэ хьуакьым сызэрежьэрэ. Къэзгъэзэжрэ си кабинетым сыкІуэмэ, бжэр гъэбыдащ. СодаІуэри «Іэуа!» «Іэуа!» – жиІуэ зэхьзох. Мыр лІо, сабий къыткІэщІадза, жысІэ-ри бжэм сыкьелэмэ, няням бжэр къыІуех: «УкьыщІыхьэ хьуну-кьым», – жи. – «Си кабинетыр фыз лъхуапІэ фщІа?» – «Кабинету щытамэ, иджы кабинетыжкьым». Аращ жэуапу къыпысхари. Ар сыт емыкІу, сыт напэтех!

В а д и м. Уи кабинетым къыщальхуа сабийр, къапты къэда-Іуэ, ин зэрыхьуу правленэм хахауэ умылгагъумэ.

А н з о р. Уи унэгуащэращ ар зэхэзыщІыхьар. Аращ ар къэ-зыгупсысар. Сэ сыхурикьунц абы, фымыпщІащІэ. Шыгъу зы-шхам псы ирефьж.

К ъ э р н е й. Иджыщ къэхьуар къыщызгурыІуар, Лусанэ илъэсищ мэхьури роддом хуащІын и гугъэу попльэ. АтІэ хьэда-гъэ кІуэн. Жэц-махуэ жимыІэу фызгъальхуэу уэрамым дэтц. Мывэ дьдэм хуэшэчынкьым абы ишэчыр. Дащцэрэ къольэІуа! ЛІо хуэпщІар, къэбгъэгугъа фІэкла?

А н з о р. АтІэ дэнэ къриха Лусанэ абы хуэдэ лъэкІыныгъэ, си кабинетыр иубыдыну? Псори аращ: Анзор, мор тхуэщІ, Анзор, мыр тхуэщІ. Сэ нартыху хьэсэ япщІэм сыхальхуати, зыри къысщыщІакьым. Уолъагъу.

К ъ э р н е й. Иджырей сабиймрэ уэрэ фызэхуэдэ? Иджырей сабийхэр губзыгъэц – нартыху хьэсэм къыщальхуну хуейкьым.

В а д и м. Уэ пщІэуэ къыщІыкІ. Къуажэм махуищ къэс зы къыщальху. Илъэсым – щэрэ тІощІрэ.

А н з о р. Нормэр нэвгъэс, жыпІэу гугъу зумыгъэхьми, мэхьу, аракъэ?

В а д и м. Хьарзынэкъэ нтІэ ар?

А н з о р. ЛІо сэ схузэфІэкІыу къанэрэ? Ирикьуркьым ди ахьшэр. Ирикьуу щытамэ, абы хуэдизрэ зэдгъэльэІурэт. Ды-гъуасэ Виктор къыпльитІысхьэри самодетельностым папщІэ жиІэри ахьшэ хьушэ ттыриудащ. Йомьти еплъыт, уи фэр три-удынщи, бэрэбан ищІынщ. Жылэми уахихьэнщ, щІалэгъуалэм

нэКІэ кыдэпльыркыым, культурэм сом тригэкІуэдэн идэр-
кыым, жиІэнши.

В а д и м. И адэм уфІэлЫкІри и кыуэм ахышэ епташ, армыр-
мэ Виктор ушышынэнт, жи уэ. Аурэ зумыщІ, Анзор. Уи дежкІэ
кыезггыркыым. Ди колхозри а зрыжыпІэу кыулейсыз дыдэ-
кыым. Фэ псори фызыхуэкыулейр зыш.

А н з о р. Сыт?

В а д и м. Акылым фыхуэкыулейш.

А н з о р. Ар сытым кыхэпхрэ?

В а д и м. Си акылыр кызомэщІэкІ, жиІэу тхэусыхэ
иджыри кыэ слыагыркыым.

А н з о р. Уи щІагыбзэм зыкІи сыхуейкыым. Кыбгырыуа?
Уи фызыр кызэрыкІуэжу жеІэж кабинетым щІэкІыну. ЩІэ-
мыкІмэ...

В а д и м. Шо щІэмыкІмэ?

А н з о р. ЩІэмыкІмэ, роддомыр фи унэм кыезггырынш.
Гурыуэгыуэ ар? Абы кызыщІа дыдэр сэри ещІэжынш. Сыдэ-
джэгу ну иремыгугыэ. Узыншэу. (*Кызэрыдэльэдауэ дожыж.*)

В а д и м. Хуэзэр имыщІамэ соггыпІ Лусанэ. (*Мэдыхэыш.*)
Плыагырэ абы кызэрижыкы!

К ь э р н е й. Ари кыезэггыпэркыым, Вадим, колхоз Іэта-
щхэм ар ещІэ хэун? Цыхубзыр тІэкІуи укытэн хуейкыэ?

В а д и м. Зауэм шыгыуэ ди артиллеристхэр шыуэри ди бата-
льоным топкІэ кыеуэу кыаублат. «ФщІэр сыт, ер зи унэм ихээн,
топкІэ щхыэ фыкыдэуэрэ?» – жысІэу телефонкІэ сышыпса-
лэм: «Ягыэ кынкыым, нэхь фыкыэгубжыауэ фызэуэнш», –
жаІэри арат жыуапу кыапысар. Иджыри араш – ягыэ кынкыым.
Анзор роддомыр иджы нэхь псынщІэу ищІынш!

Машино Іукыж макы кыоу. ПщІантІэм А н и с э гуфІэу кыдолыэдэж Анисэ
бостей хужь дахэ шыгыш, и туфльэри щІэрыпш. Сурэтышхуэ гуэри, тетрадь
напэ хуэдиз хыуэ, иыгыш.

А н и с э. Сыт Анзор кыщІэгубжыар?

В а д и м. Кыэгубжыа?

А н и с э. Кыэгубжыа кыудей. И пыІэр щхыэрызэггыжыркыым.
Шейнык кыавэм хуэдэщ, шейныкыщхыэуэ и пыІэр дрехуей, тхыэ.

К ь э р н е й. Умыгузавэ, си хыдждэбз. Апхуэдэм щхыэкІэ
зи тэмакы кыхыым и шыр кІуэкІафІэщ, жаІэ.

В а д и м. Ежыати, кысыжыху и кабинетыр уи анэм иубыдри
фыз лыхуапІэ ищІаш.

А н и с э. Хуэфашэу ищІаш, тхыэ. Арай нтІэ Анзор щІыдэ-
ллейр. Си Іуэхуш иджы диггыпсэумэ а лыым.

К ь э р н е й. Уэри сыноупщІынут, си хыдждэбз. Дэнэ нэху
мыщу уздэкІуар? Уи анэм ещхы ухыужынуш уэри. УщІэмы-
шхари сыт?

А н и с э (*нэжэгужэу*). Модисткэм деж сыщыІащ. Нобэ школым ди гуфІэгъуэщ. Джэгу дощІ. Дыкъэфэнуш нэху шыху.

К ъ э р н е й (*Вадим епсальэу*). Школым кІуащ жызыІар уэракъэ? Абы жиІэ псор хуэпщІэnumэ, уи шхъэм къыдэкІуеинщ. Анзор и жыауэ псори фыщыкІащ.

К ъ э р н е й унэм шІохъэ, Анисэрэ Вадимрэ зэдэгушыІэу къонэ. А н и с э къыдофэ В а д и м, и ИтІыр иубыдауэ. Сурэт иІыгъыр иримыгъэлыагъун хуэдэу зещІ

В а д и м. Сыт а Іыгъыр? Сыгъэлыагъут.

А н и с э. Альхъэс дельэІури ди классым сурэт зытредгъэ-хаш. Ахъшэ хужь тумэн стриудащ мыбы шхъэкІэ.

В а д и м. Альхъэс сурэттех хъуа?

А н и с э. НтІэ. Курорт къакІуэм яхэтщ сурэт ятрихыу. И гъуэншэджыр кІэщІу – шорт жаІэрэ, чорт жаІэрэ, апхуэдэ зыгуэрщ. Аппаратри пщІэхэлъщ. Сыт хуэдэу зыкърих уи гугъэ? Пхъэ лыакъуищ гуэри иІыгъщ.

В а д и м. Сыт пхъэ лыакъуищ?

А н и с э. Аппаратыр тригъэувэу. Альхъэс напищ уиІэ нэхъ-рэ, пхъэ лыакъуищ уиІэмэ, нэхъыфІщ, жи. Сурэтым уеплгыху, си альбомыр къэсхъынщ. (*Унэм щІолъадэ.*).

В а д и м (*сурэтым епІурэ*). И нитІыр Адэлджэрий и нитІы-раш, жыпІэнщ. И гуфІэкІэри и адэм и гуфІэкІэщ. Араш, дунейм ехъжым шыщ гуэр къэмынэу ехъжыркъым. Адэлджэрий щыщ къэнащ. Сэ сщыщу къэнэнур сыт?

А н и с э (*альбом иІыгъыу къегъэзэж*). ФІуэ триха?

В а д и м. Пхъэ лыакъуищ зыІыгъым бзаджэу трихыркъым. (*Альбомыр къыІехри напэр зэредзэкІ.*) Дэнэ деж иджы мыр зыдэ-бгъэщІэнур?

А н и с э. Мис ди адэр. ЩІалэ дыдэщ, пэжкъэ? Илэ е Виктор я ныбжыым итщ. Псоми жаІэ, сэ абы сретхъу. Сретхъ?

В а д и м. Жыг тхъэмпитІ хуэдэщ. И пхъур и адэм ещхъмэ, насыпыфІэ хъуну жаІэ. Уэри насыпыфІэ ухъунуш.

А н и с э. ЖаІэ псори уи фІэщ хъу хъурэ?

В а д и м. ЖаІэр фІымэ, си фІэщ мэхъу.

А н и с э. Ди дади алыхъыр и фІэщ мэхъу, уэ цІыхум жаІэр уи фІэщ мэхъу. Псори динщІэкъу фыхъуаи. Тхъэр зи фІэщ хъур щІемыгъуэжыну пІэрэ?

В а д и м. Сыту?

А н и с э. Сэ сщІэрэ, укыигъэпщІэж хъужыкъуэмэ, жызоІэри араш.

В а д и м. Сэ си тхъэмрэ сэрэ дызэдоІэпыкъу.

А н и с э. Уи Іуэхур нэхъыфІщ. Иныкъуэм сыкъоуІэбжь, зы-гуэр сыкъагъэпщІэну си ужь ит си гугъэу. УмыщІэххэу къащы-жьэдэху шыІэщ уи адэр Адэлджэрийщ, жаІэу. Сэ уи адэ жаІэмэ,

уи дежщ си гур здэжэр. НтІэ ар си зэран? Адэлджэрий нэкІэ слъэгъуакъым игъашІэм. Уи адэш, жаІэу уэращ игъашІэм слъагъур. Си гур зэрыхъури сщІэркъым, адитІсиІэ хуэдэу. НэгъуэщІыбзэкІэ тха тхыль уеджэ хуэдэш. Псалъэр къыбгуры-Іуэми, уи бзэкІэ зэбдзэкІыжурэ уоджэ.

В а д и м. Гурыуэгъуэщ. Дауэ щытми, уи адэр зышумыгъэ-гъуыпщэ. Адэлджэрий фэкІэ урешхъ къудейкъым. ГукІи псэкІи урешхыш.

А н и с э. Иджыри зы бжесІэнуш, ар къыщыдгъэхъеякІэ. БжесІэнур гурымыхъщи, бгъэщІэгъуэнщ.

В а д и м. Сыту пІэрэ?

А н и с э. Зэзэмызэ си гум къокІ: си адэр къэхъужауэ къэкІуэ-жатэмэ, дауэ хъуну пІэрэт, жызоІэри. АдитІым си псэ закъуэр фхуэзгъуэшынут? Адэлджэрий уэ узэрыслъагъум хуэдэу схуэ-лъагъуну пІэрэт, жызоІэ. Уа, плъагъурэ а си гукъэкІыр. Дела-гъэщ, пэжкъэ? Итани си гум къокІ. НтІэ сэ сягъэ ар?

В а д и м. Гупсысэ зыхэбдзэжу гугъу зумыгъэхъ. Уи щхъэм хуэдэу уи гури къабзэщ. Уэ пхуэдэу шытащэрэт адреи псори.

А н и с э. Зигу къабзэмрэ мыкъабзэмрэ зэрышыту дунейм къытехьэрэ, хъэмэ цІыхур дунейм къытехъа иужь зекІуэрэ? УкъэзыгъэпщІэнумрэ укъэзыгъэлэжынумрэ дауэ къэлщІэну? Зэгур Іэмэпсымэ къагупсысынкІэ хъунщ, пщІы зыгупсымрэ пэж жызыІэмрэ кърипщІэу. Моуэ бгъэгум тебубыдэмэ стрелкэ цІыкІум узыхуейр уигъэлъагъуу. Комсомолым хыхъэм я бгъэгум тезмыубыдэм си Іуэхут.

В а д и м. Апхуэдэ Іэмэпсымэ дунейм къытехъэмэ, зыфІэ-мыфІ куэд ухуэзэнкІи мэхъу.

А н и с э. Пэжуи?

В а д и м. КъагъащІэр хэт, жыпІэмэ, цІыху гу къабзэр, цІыху хьэрэмыншэр нэхъыбэ къагъащІэ.

А н и с э. Сыт щхъэкІэ?

В а д и м. Зи щхъэкІэращ. Хьэрэмыншэр нэхъ ІуэрыфІэщщ, псори езым хуэдэ и гугъэщи. Езым хьэрэмыгъэ и гум илькъымы адреихэри хьэрэмыншэ къыфІошІ. Ауэ къызэрагъэпщІар къи-щІэжа иужь, нэхъ Іейуэ и гум щІохъэ, нэхъ зыхешІэ, фэбжэ хуохъу къызэрагъэпщІар. Куэд щІакъым, модэ турбазэм хы-джэбз дахэ дьдэ цІыкІу гуэр къэкІуат. Зы щІалэ жьэрэІурэ гуэр хуээри дэгущыІащ, уэрэд жиІащ, адэкІэ ишащ, мыдэкІэ къишэжащ. «Тхьэрыкъуэ пщэху, си псэм и нэху», – жиІэурэ хыджэбзыр къыдихъхащ. ЩІалэр зыхуейр щигъуэтгым кІэбгъу ищІри – макІуэ-мэлъей. Хыджэбзым псым зыхидзэжыну, ежауэ и ныбжэгъу цІыхубз гуэр кІэлъыжэри къригъэлаш.

А н и с э. КъызгурыІуащ. Дадэ, сэр щхъэкІэ умыгузавэ. Вик-тор апхуэдэкъым. Виктори жьэрэІурэу плъагъу щхъэкІэ, хьэрэ-мыншэщ.

В а д и м. Шхуэм еплъу шыр къашэхуркъым.

А н и с э. Сыг шхуэ жыхуэпэр. Виктор сэ езмыгъэщІэн дунейм теткъым. Бгым елгэ жысІэмэ, тІэу еплъынкъым.

В а д и м. Апхуэдэу къыпфІошІ. Ёлгэпэнуи щІы. Хьэм ещхьщ итІанэ ар. Хьэри бгъасэ мэхуе елгэ жысІэмэ, елгэу.

А н и с э. Ухузэгуопри араш. Уэри уокъуэншэкІ. Езы Виктори ещІэ фІыуэ зэрумьлгъагъур. Сэри зэ къысхуэтхьэусыхащ: «Уи Вадим Андреевич сыкылылгъагъу хьуркъым», – жиІэри. Виктор си фІэщ ищІыну пылгъащ сэ насып къызэхуэлІэми къызэмыхьулІэми уи дежкІэ тІури зыуэ.

В а д и м. Апхуэдэ дыдэу жиІа? (*Анисэ и цхьэр ещІ.*) Бзаджэнаджэщ мис ар.

А н и с э. КъхьыІэ, укъэмыгубжь абы щхьэкІэ.

Мотоцикл макъ къоІу. ПшІантІэм милиционер къыдохьэ.

М и л и ц и о н е р ы м. Сэлам!

В а д и м. Сэлам.

А н и с э. Къеблагъэ.

Къэрней (*унэмкъыщІокІ*). Хабзэм кІэлышптыр укъеблагъэркъэ, зиунагъуэрэ.

М и л и ц и о н е р ы м. ФІым дыхуригъэблагъэ. Ярэби, Илэ машинэкІэ къыдэмыхьауэ пІэрэ мыбыкІэ?

Къэрней. Уэлэхьы, сымьлгъэгуа. КъэхьуаІа?

В а д и м. Зыгуэр ІэщІэщІыхьауэ пІэрэ?

М и л и ц и о н е р ы м. ІэщІэщІыхьа жыхуэпІэр сыт. Суд Іуэху мыхьуащэрэт.

В а д и м. Машинэр зыжъэхигъэуаІа?

М и л и ц и о н е р ы м. ЛІэуэ гъуэгуум телъыр къыгъанэри ежъэжаш.

В а д и м. Ар Илэрэ мы-Илэрэ дэнэ шыфщІэрэ?

М и л и ц и о н е р ы м. Машинэр зейр Илэщ. И номерыр зылгъэгуам ятхри къыджаІащ. Илэ и закъуэ машинэм щискІэ, гурыІуэгъуэкъэ? ЩывмылгъэгуакІэ, фІыкІэ. (*ЙокІ, мотоцикл ІуГыжъым и макъ зэхьбох.*)

В а д и м. Си фІэщ хьуркъым! Зэхагъээзэрыхьащ, дауи.

А н и с э. ЦІыхур зыхуэдэр къэпщІэн щхьэкІэ шыгъу пут дэпшхын хуейш, жыпІакъэ.

Къэрней. Сэри си фІэщ хьуркъым. Бэуэ уэри зэ! Илэ танэ щыс къымыгъэтэджын щхьэкІэ километр къыпикІухьынщ. ЛІэуэ гъуэгуум телъыр къыгъанэу дауэ ежъэжын. Тхэ дыгъыІэ, си фІэщ мыхьу.

Лусанэ къохьэшаеллауэ.

А н и с э. Мамэ къэкІуэжаш.

Лусанэ (*кхьужьсей щІагъым щІэт тетІысхьэпІэм деж*

йотлысэх.) Ныжэбэ сэ бэлыху сызыхэтар – къяруи-псэруи кыи-схуэнэжакъым. Чэф зиГэм сыхуэдэщ.

В а д и м. УмэжалГэмэ, шхыныр хьэзырщ. ТГэкЮ едзакъи гьуэлъи зыгъэпсэху. Дэ дыГэуэлъэуэнкъым.

К ъ э р н е й. Анисэ уехуэухуркъэ – школыр къиухаш.

Л у с а н э. Ана-а! Сщыгъупщэжати. Сынохуэуху, си хьы-джэбз, къакЮэ мыди ГэплГэ зыхуэзгъэщГ. (*Анисэ бгъэдохъэри и анэм ГэплГэ хуещГ.*) Сыту бостей дахи ебгъэда? Уи туфльэри уо-кЮпс. Дэнэ къипха?

К ъ э р н е й. Дэнэ кърихын. Вадим кыыхуищэхуаш. Къалэм кыыщищэхуа бостейр кЛыхьыГуэти, модискэм кГэщГ иригъэ-щГьжаш.

Л у с а н э. Алыхь, зыкыбыбохым. Дапщэщ вечер щыфщГынур?

А н и с э. Ныщхьэбэ. Къащтэ уи пхъуантэр, сэ згъэувы-жынщ. Уэ кЮэи зыгъэпсэху.

Л у с а н э. Зы сГухуакъым, иГани сымэжалГэркъым. Си жеин къокЮэри сыщытыфыркъым. НакЮэ. (*Лусанэрэ Анисэрэ унэм макЮэ.*)

В а д и м. Илэ щхьэжГэ зэхэсхар си гум икГыркъым.

К ъ э р н е й. Мылицэр щыуэнкГи мэху. Щымыгуэ щыГэ-къым. ЗэхэгъэкГынщ, умыгузавэ. Дыгъур зы гуэныхьщи, зэдгыуар гуэныхьщищ, жаГэ. Сыгу жыГэт, мор дыгъуащи, зы гуэныхьщ, модрейм ЛГищэм гурыщхуэ яхуещГри – гуэны-хьщищ.

Сценэм адэкГэ зэрыгъэкГий макъ кыыщюГу.

А н и с э (*унэмкыыщГэкГыу*). Зэхэфхрэ зэрыгъэкГийр? Сыту пГэрэ къэхуар? Мамэ гьуэлъа къудейщ, къагъэушыжынущ. Тхьэ, щхьэгъубжэр хуэзмышщым. (*Щхьэгъубжэр хуещГ.*)

Гъунэгъу фызыр кыдолъадэ.

Г ъ у н э г ъ у ф ы з ы м. Еууей мыгъуэ! Маршынэм лГы иу-кГаш. И псэр пыт къудейщ! Лусанэ деж сыфхь, жиГэри, лъэГуауэ мыбыкГэ къахь.

К ъ э р н е й. Хэту пГэрэ? Ди къуажэ?

Л у с а н э (*верандэм тету*). Хэт, на-а, иукГар? СынокЮэ. (*Альпинистым, студентым, нэгъуджэм, автобусым ис шофери-кхъужьей щГагъым щГэт тетГысхьэпГэм тралъхьэ. Лусанэ пГашГэ-тхьытхьыу къосри, щГакЮэм телъ лГым зэрыГуплъэу мэ-кГий.*) Ана-а мыгъуэ, хэт и фГэщ хъун – Адэлджэрий! Дэнэ мы-гъуэм укъраха? (*И джанэр етГатэри и гум йодаГуэ, и нэкГум Гэ дельэ. Анисэ жериГуэ.*) Си пхъуантэр! ПсынщГэу! (*Анисэ унэм щГолъадэ. Лусанэ лъэгуажьэмьщхьэу Адэлджэрий щхьэщысц.*)

А си псэ тІэкІу, ахърэтым льягъунлягъу укъысхуикІа хуэди. Сыт мыгъуэ къыпщыщІар?

Гъунэгъу фызым. Ана-а, а тІу. ГуІэгъуэжъ мыгъуэт– Адэлджэрий! А къурмэн сызыхуашІын.

Бэзэра кІуэ фызым (*гъыуэ*). Маршынэ шэрхъым къыщІальэфыжа мыгъуэщ, Лусанэ деж сфхъи сымылІэ щІыкІэ сывгэальягъуж, жиІэри занщІэу мѣха мыгъуэщ. Тхъэм гушІэгъу къыхуищІ, и лъэ тхъэм къыпщІигъэувэж.

Лусанэ. Куэдщ, шыгъэт. ЩІэбгъеижын шыІэкъым. Дуней Іэмал шыІэм къедгъэлынщ.

Ани сэ. Мамэ, мис уи пхъуантэр! ИІэ псынщІэу. (*Лъэгъуа-жъэмьыцхъэу цыту и адэм зытреубгъуэри магъ. Лусанэ штриц, ампулэ къыдех и пхъуантэм, мастэ хиІуну и ужъ итиц.*)

Лусанэ. ПсынщІэу Анзор деж зыгуэр фыжэт. Военнэм ирелъэу вертолеткІэ хирург икІэщІыпІэкІэ къагъэсыну.

Гъунэгъу фызым. Сэ ськІуэнщ, тІасэ.

Нэгъуджэм. НакІуэ сэри сынэкІуэнщ. Абыя командирыр сощІыху.

Нэгъуджэмрэ гъунэгъу фызымрэ йокІ.

Вадим. Умыгъ, Анисэ. А къызэла къомым къыщелакІэ абыи къэлынщ. Умыгъ.

Автобус шоферым (*гужьсеяуэ*). Бгы къыгуэщтаркъэскІухъын си гугъэу тІэкІу дэздзыхат, машинэр шІэрпысщ, дэгъэзеигъуэм дыдэкІыфынщ, жысІэри. АрщхъэкІэ дэнэ. Джабэр зэрыджабэу ежъащ, дэри дрехъэх. Тормоз сщІа щхъэкІэ, нейІэмал. Нэпкъым дынэсауэ дехуэхъынм тІэкІу дыдэт къэнар, мыр къилъэттри машинэм къыпэщІэуващ. Автобусыр зы лІым хуэІыгъынт – щантхъуэри шэрхъ щІагъым шыщІэхуэм, автобусыр къызэтригъэнащ. Ар мыхъуамэ, исри сытри къуэм дыдэуат.

Алпнистым. Иджы етІуанэ а лІым машинэ къегъэуыІэ нэгъуэщІхэм щхъэкІэ.

Студентым. Абы хуэдащэрэт псори.

Бэзэра кІуэ фызым. Янэхъ лІы хахуэм дежкІи икІуну къэнэжа верс закъуэм нэхъ хъэлъэ шыІэкъым.

Автобус шоферым. Абы хуэдэлІым и хыбар тхыльым итуи седжакъым.

Къэрней (*лъэныкъуэ зицІауэ нэмэзыбзэ къебж*). Ялыхъ, гушІэгъу къыхуэщІ. Ялыхъ, и бын закъуэм гуфІэгъуэкІэ Іугъэплъэж, зы махуэ гъашІэ нэхъ мыхъуми, ялыхъ, гушІэгъуншэу къыумыгъанэ. (*ИІэмкІэ и нэкІум теІэбээрэ йокІ.*)

Лусанэ мастэ хеІу. ТІэкІу докІри Адэлджэрий и нэр къызэтрехри Лусанэ йоплэ. Псори щым хъуауэ, я нэр а тІум тенащ.

А н и с э (*Вадим епсальэу*). Пльагьурэ? И нэр кьызэтрихаш!..
Л у с а н э (*цэхуу*). Адэлджэрий! СыкьэщцЫхужрэ? Сэраш
ар! Лусанэ...

А д э л д ж э р и й (*зэхэлх кьудейуэ*). Лусанэ. Си псэр кьэс-
хьыжаш. Пльагьурэ, сыкьэкЮэжаи. КЫхьт си гьуэгуанэр. ИкИ
гугьут. ИтЛани зэпысчаш, Лусанэ. Куэдыщэрэ гьуэгу сытетащ.
(*Кхьужьейм йопль.*) Жыгыжьри зэрыщытц. Мыбдежц сыща-
уЛауэ шытари. (*ИГэр ерагыу еЛэтри Лусанэ и напэм Гэ дельэ.*)
Уэри узэрыщытащ, уи шхьэцыр тГэкЮ тхьуами, уи нитЫр
цЫхубз мин уахэтами кьэсцЫхужынт. (*МэцЮу, псальэм печ.*)

Л у с а н э. Адэлджэрий! Адэлджэрий! (*И бгьэм тхьэкЮмэр
хуегьазэри йодаЮуэ.*)

А д э л д ж э р и й (*зимыщГэжу*). Пшагьуэ гуэрэнщ...
Пша-гьуэ... Лусанэ, дэнэ шыГэ ди щЛалэр? Сыгьэпльагьут...

Л у с а н э. Кьуэкьым уиГэр, Адэлджэрий. Пхьущ.
Анисэщ и цЭр. Мис, езыр кьыпщхьэщыти гуГэж мыгьуэу.

А н и с э. Сэраш уи пхьур, дадэ. (*ЛгьэуажьэмыщхьэкГэ
мэув.*)

А д э л д ж э р и й (*и цхьэм Гэ дельэ*). Си хьыджэбз закьуэ.
Кьабзэ дьдэщ. Пшагьуэм мазэ кьыхэщ хуэдэщ зэрыслгьагьур.
(*Лусанэ епсальэу.*) ЦЭ дахи фГэпща, Лусанэ. Илгэс пщыкЮблкГэ
кьэскЮа гьуэгуанэм нобэрей махуэр и уасэщ...

Л у с а н э. Адэлджэрий, куэдц. Зыри жумыГэ иджы.

Адэлджэрий. Сэ сымыпсальэу мащГэ сшэча... Дунейр кЫфГ
мэхьу. (*МэцЮу.*) Псы тГэкЮ, псы...

В а д и м унэм щЛолгьадэри псы пэгунрэ крушкГэрэ кьыщЦех.

Б э з э р а к Ю э ф ы з ы м (*Вадим кьыЦех крушкГэри псы
кьрегьахьуэ*). Мэ, тЫсэ, ефэ! Кьурмэн сызыхуащЦын...

Л у с а н э (*крушкГэр кьыЦехри ГуегьэувькГ*). Псы ухуэлГэми
тГэкЮ шэч, Адэлджэрий. Ягьэ кЫнкьым. Псы уефэ хьунукьым
зы Губыгьуэ закьуй. Уи Гупэ тГэкЮ мыгьуэр псыф сцЦынщ.
Вертолетыр кьэсынщ иджыпсту. ЛЭнми лЫгьэ хэльщ.

А д э л д ж э р и й (*и нэр кьызэтрихмэ, Вадим епгьагьу*). Лу-
санэ, дэнэ ушыГэ? СыГуэщхьурэ? Си нэм хьарпшэрц илгьагьур...

Л у с а н э. Уи уГэгьэр хьэльэщ, си псэ закьуэ, щыль зумыгьэ-
хьейуэ.

А д э л д ж э р и й. УГэгэ сыхьуа пэжу? Дапщэщ? Хэт сызы-
уГар? Мор сы гоандирыр ара? Капитан! Уэра ар? Вадим Андре-
евич?

А н и с э кьэуГэбжаш. Кьотэджри Вадим и пащхьэм йоувэ иримыгьэпльагьуу.

А д э л д ж э р и й. Псори фыкыспэпшлауэ кыщцЮкI.
Фы-щыху дышэ защIэщ. Сэ зым си Iуэху пщIэгьуалэкьым.

В а д и м. Уэр мыхьуатэмэ, сэри саIэщIэкIуэдати нэмыщэм.
ПщIэжрэ, Адэлджэрий?

А д э л д ж э р и й (*тIэкIу зеIэжьэри*). Зауэм Iэджи кы-
щохьу. (*Зепльыхь.*) Унэри узэрыщытащ. Кхьужьсеижьри... Ей,
Кьэрней сыт уэдэ?

А н и с э. Дади лажьэ иIэкьым.

В и к т о р кьос, кьэхьуар фIэгьэщIэгьуэну. Гьуэгум кьыхуэзауэ шытахэм
гу яльитэркьым.

В и к т о р (*ину*). Шо кьэхьуар? Машинэм иукIаIа?

А н и с э. Тсс.

В а д и м. УмыкIий.

Студентьр, бэзэракIуэ фызыр, альпинистьр кьэуIэбжьахэщ. А щым Викто-
рыр кьаухьуреихь. Виктор сьмаджэм еплгыну йокIуалIэ. Адэлджэрий и нэ-
кIум зэрытеплгьэу кьецыхужри шынэжауэ кьокIуэтыж.

А д э л д ж э р и й. Хэт мор?

А н и с э. Викторщ. Сэ кьыздеджащ. Си ныбжьэгьущ...

А д э л д ж э р и й. Ар ныбжьэгьу пхуэхьууи?! Хьэуэ, си хьы-
джэбз, ар пэщэгьу умыщI. Бзадженаджэщ ар. Цыхубз лIуэу те-
лгыр кьытринэри ежьэжаш...

Виктор щIэпхьэжыну йоIэ. Милиционерымрэ студентымрэ Виктор кIэлы-
щIопхьуэ.

Б э з э р а к I у э ф ы з ы м (*сьмаджэм ицхьэкIэ*). Унэм щIэ-
тхьэмэ мынэхьыфIу пIэрэ, си дуней нэху?

А д э л д ж э р и й. Хьэуэ, мыбдеж сыщывгьалIэ. Мы
кхьужьей щIагьыр хушхьуэщ си дежкIэ. Жыгыжьым Iэджэ
ещIэж, си зэманьгыуи си пщIыхьэпIи жаIуэ. Пшагьуэ гуэрэн
мыгьуэщи, тыншу сльагьуркьым. Лусанэ. Лусанэ. КIыфI хьуащ
дунейр. Лусанэ, зыри сльагьуркьым...

Л у с а н э. ЗыщIыпIи ськIуакьым, си псэ тIэкIу. (*Магь.*)
Сыщыси мыбдеж. ГуIэгьуэжь мыгьуэти, и нэр зэIохьэ.

А д э л д ж э р и й. Уэра гьыр, Лусанэ? Умыгь. Си псэр кьэ-
схьыжаш, умыгь. Дызэрыльагьужащи, хьарзынэкьэ. Уи Iэр си
бгьэм кьытельхьэт. Умыгь уэри, си хьыджэбз. СылIэмэ, нэхь
сэтейм деж сыщыщIэфльхьэ, ськьаплгьэмэ Iуащхьэмахуэ
сльагьун хуэдэу. Зээмьизи кхьэм фынакIуэ...

К ь э р н е й (*иIэри напэм ицхьуэу нэмэзыбэ кьэбэс*). Яльыхь,
гушIэгьуншэу кьыумыгьанэ. Зы верс нэхь мыхьуми и гьуэгуа-
нэм кьыпыщэ. Зы махуэ гьащIэми, яльыхь, сэ кьысхуэнэжа гьа-
щIэм шыщ кьэт.

И л э к ъ о х ъ э .

И л э (хуэму). Иджыпсту къэпсэлыащ телефонкIэ: вертолетым хирург ису къокIуэ...

Вадим и Iэр Илэ и дамэм трельхьэ. Къэрней тхьэ йольэIу. Вертолет Iэуэлыауэ зэхьбох.

I у п х ъ у э .

ТЕПЩЭЧ КЪЭЗЫЛЪЭТЫХЪ

(Комедие)

ХЭТХЭР:

Албинэ
Гесиод (Хьисэуэд)
Тушкан
Борис Борисович
Васэ
Дадэ
Япэрей уафэм къеха
ЕтIуанэрей уафэм къеха
Япэ фыз
ЕтIуанэ фыз (Гесиодейщ)
Ешанэ фыз
Авторым и макъ

Я П Э Е Д З Ы Г Ъ У Э

Я П Э Т Е П Л Ъ Э Г Ъ У Э

Музыкэм къыщедзэ. Авторым и макъ:

– Япэ льэбакъуэр щытча махуэм
КъышыщIэдзауэ нобэ къэс,
Ди нэгум щIэкIыр тфIэтелъыджэу
ГуфIэгъуи гуауи дальоIэс.

Зи дуней махуэ зыхуэмыхьми

Хуэдабзэу магъыр гыи зи хабзэр.
Я гуфIэ нэпс яхуэмубыдми,
Я дыхъэшхыкIэр зэхуэдабзэщ.

ЩIыху бзэмыIу зашIи зэхуэгъазэ –
ЗэрощIэ нэпсым я щIагъыбзэ.
Дыхъэшхрэ – псоми я бзэр зыщ,
Гъымэ, зэрыгъыр псори зыбзэщ.

Гупхъуэр Гуахыным и пэжIэ топауэ макъ ин къоIу.

Гупхъуэр зэIуах

Къуршым ит щIэныгъэ станцие. Махуэщ. Дунейр къабзэщ, Уплъэмэ – жы-
жъуу уэсыщхъэ къуршхэр уолъагъу. Уэздыгъей жыгхэри джабэм
кIэрытщ. Пшэ тIэжIуи къыгтрехуэ, токIыж. Сценэр зытетыр тафэ тIэжIуш.
Лъэныкъуи-тIымыкIэ чэтэн пшыитI гъэуващ. ИжырабгъумкIэ шытым
тетхащ «Началь-ник экспедиции» жиIэу. ЩIыхъэпIэм Iут стIолым
телефон тетщ. Сэмэгу-рабгъумкIэ шыт чэтэн пшыIэм тетхащ «Секретарь
начальника экспедиции» жиIэу. Абы и стIолым бгъурытщ радио рации.
Чэтэн пшыIэм я шыбагъымыкIэ кIапсэ гъуэгур къуршым йохъэ.

Аргуэру топауэ макъ ин къоIу. Албинэ кIапсэ гъум гуэрым
къольэри

«зызыфыщIыж» телефоным и трубкаэр къепхъуатэ.

А л б и н э. Алло! Батарейр къызэт! Алло! Батарейр ара? Хэт
ар? Илэ-бегъымбар? Уафэр си напэм хуэдэу къабзэрэ пэт сыт
топыр щIэбгъауэр? Iуэхуншагъэм къыхэхрэ? Топым уриджэгу
хъунукъым, тIасэ. Пегъэч! Сыт жыпIэр? Хэт и тепщэч? (*КъэуIэ-
бжъауэ*) къэзылъэтыхъ, жыпIа? Уи нэм къышчымыпхъуауэ узиIэ.
Дауэ жыпIа? Догуэ зэ! Зыри зэхэсхыркъым. Алло! Алло! Хэту
пIэрэ ди псалъэм къыдэуар? (*Трубкаэр трельхъэж, уафэм до-
плъей*). АтIэ аращ. ПшIэн умыгъуэтым уи нэм къышхъэри-
пхъуэнри зы бетэмалщ... (*Рации кыхоштыкI. Абы и трубкаэр
къецитэ*). Сы-Iужбэщ! Iужбэ къодаIуэр. Борис Борисович ар?
Алыхъ зы мэскъал хэзмыщIыкI, зэхызох топ уэ макъ. Тепщэч
къэзылъэтыхъ къыдоудых, жи! Ар хэт и фIэщ хъун! Езы уафэр
тепщэч тхъэщIам хуэдэмэ тхъэ! Ы! Уэгум къэзылъэтыху итым
уеуэ хъунукъым, жыпIа? Сэ дэнэ ар шысщIэр? СыщIыхубзщ.
Топауэм сашыщкъым. Хъунщ! Хъарзынэщ, укъэкIуэжмэ. (*Тру-
бкаэр трельхъэж.*)

Уа, мы-Гесиоду узиIэ топ зыгъауэр я диным изыгъэкIар.
Тепщэч къэзылъэтыхъым я хыбар зэхэпха жиIуэрэ сэри си
щхъэр иудэгуащ. Дэнэ сха, тхыль гуэри къызитати. (*СтIолым
ашыкым доплъэ*), кIэзетым къригъэжа гуэрхэри мыбы дильхъа-
уэ стIэгъуати, кIуэщIырыхуаи, хъэуэ, мис, къэзгъуэтащ. Еплъыт
иджы мыбы итым: «Ровен-Дам жыхуиIэ гуэлым деж американ-

цитым шалъэгъуаш»... Мыбы зэхуихъэса къомыр
плъагъурэ. Мыри сыт, на? Усэ. Уси зэхилъхъэу къыщIокI.

Сэ фыгъуэнэдым самылбахъэм,
ЩIэныгъэ къабзэш си гурашэр.
Фызищ сфIэмьфIу икIыжами,
Сэ схуэдэш щIыхъыр зыхуэфашэр.

Коньяк вагъуитхур схуагъэтIыгъуэу
Жылэ фызабэм сэрщ я щIасэр,
Сэ сызэхуапсэм сыкъамыдэу,
Сыкъэзымыдэм сэ сохуапсэр.

Уа-а, мыбы и усэр хьэлэмэти! Догут, къраудыха? Сыту щым
хъуа?

ЩIыхъыр ныбжъым хуэдэ къабзэш.
Дыгъэ къепсмэ, ныбжьи уошI.
Уэ къыптекIуэ ухуэзамэ,
Махуэр пшагъуэ хъуа къыпфIошI.

ПыIэ щхьэрымыгъуу, щIакIуэр зеришэIауэ кIапсэ гъуэгумкIэ лIыжъ дадэ
къох.

Д а д э м (*ТетIысхьэлIэм къыттокIри зеутхьыщI. Инэм щIо-
Iуэтыхь*). Алыхъым и шыкурщ!

А л б и н э (*зыдригъэкIуу*). Пэж дыдэш, тхьэ. Алыхъым и
Изыныншэу щхьэц налгэ къудей уи щхьэм къыхэхунукъым.

Д а д э. Апхуэдизу жьапщэщи... (*цхьэтхэтIыгум теIэбыхьу*)
напIэзыпIэм сщхьэриудри... къуэм дидзащ.

А л б и н э. Уи нэкIэ плъагъууи?

Д а д э м. АтIэ хэт и нэкIэ уи гугъэ сызэрыплъэр? Жьы лъэ-
пкъи къемышшэу мэлыр бгы джабэм кIэрытт... (*къуришьмкIэ ма-
плъэ*). Джэрэзурэ уэгум тIэкIу итри занщIэу выгум къыщIэжа
шэрхыжъым хуэдэу къуэм дэджэрэзащ. Къэгъуэтыж иджы,
тхьэр умыгъэпщIмэ. Хьурейщи аращ. Си щIалэр умылгъэгуауэ
пIэрэ, си хьыджэбз? Бзэхаци, згъуэтыжыркъым. Мэлри мыбзэ-
хашэрэт абы хуэдэ къабзэу, тепщэч къудей къутэмэ уи жагъуэ
мэхьу. Мэлыр хьэбэсабэ хьумэ, уи гум тэхуэн?

А л б и н э. Уа, тхьэмадэ, игъащIэм щIыхум ямылгъэгуа
плъэгъуащи хьымпIари пщIыркъым. Мэл хэкъуей щэщI
уогъэхури утогузэвыхь. А уэ плъэгъуам щыщ нэ дзакIэкIэ нэхь
мышьуи тIэкIунитIавэ сытеплъашэрэт жызоIэри си пIэ сиза-
гъэркъым. КхьыIэ уэ тIэкIу мыбдей щыс, сэ ищхьэмкIэ сыдэ-
кIыгу зысплыхьыху тIэкIукIэ. Сэри зыгуэр слъагъункIи мэхьу.
(*IуокI.*)

Дадэм хьыджэбз бостейкэ кІэщІым еплъу и щхьэр егьэкІэрахуэ.

А л б и н э (*кьегьэээжри*). ТелефонкІэ кьэпсалъэІамэ, иджыпсту кыигьэээжынущ, жыІэ...

Щопхуэри йожьэж.

Д а д э м. Уи телефон щхьэкІэ куэду согузавэ. Си натІэм изукІэн. Нэмэз тІэкІу сщІымэ нэхьыфІщ. Алыху гущІэгъу зиІэм сыкыхъумащ. УщІэ пыІэр сщхьэриудами, щхьэр псэумэ, пыІэ шыщІэрэ. (*ЩІакІуэр нэмэзлыкь патиІэу еубгъу*). ДэнэкІэ иджы кьэблэмэр? (*Зыдигьэээнури имьщІэу*). А-а сщыгъупщэ-жати, Іэмэпсымэ хьарзынэ зэрызиІэр. (*И жьытым колтас кьрех*). Хьэ кьарэ щІыІэм ис хуэдэу зэрыкІэзыз а цыкІур. Стрелкэ хужьым кьэблэр кыигьэлъагъуэу жиакъэ! АтІэ мыбыкІэщ зыдэгьэээн хуейри. Андез тІэкІу сштамэ аратэкъэ. Гузэвэгъуэм си андезри сигьэкьутащ. Псы тІекІуи зэрышымыІэ мыбы. Ягъэ кІынкьым, зыми сыкыльагьуркьым. Уэс кьабзэщ сызыхэтар. (*Нэмэзлыкьым тоувэ*).

Ялыху гуащІэрэ гущІэгьурэ зиІэ, псори зэльэуу зым емыльэуж. УщІэ пыІэ щхьэкІэ кьызолъэу жыпІэми, си ущІэ пыІэр кьызэтыж, сыщхьэщІэщ. Мэл сызыпэрыгьыр гьэбагъуэ, зы гьэм мэл лъхуэныр тІэу гьальхуэ, си Хьисэ-уэди, акьылкІэ нэдми, мурад ищІар кьегьэхьулэ.

Гесиод кьыдокІуей.

Г е с и о д. Уэлэхьы нэмэз щІыгъуэ кьэбгъуэтам. ЛЮ хэт и гуэныхь кІуапІэ-жапІэ кьуозымыгьыр? Уи гупэ зыдэгьэээн хуейр пщІэми зыгуэрти...

Д а д э м. Іэу, Мухьэмэд бегьымбарым и кхьэмкІэ згьэза-кьэ...

Г е с и о д. Хэт и Мухьэмэд бегьымбар? Мэлым я дежкІэ гьазэ, бгьэээзумэ. Яхуэфашцкьэ ар мэлым? Зы гьэм етІуанэ лъхуэгъуэу лъхуэным тІекІуц кьэнэжар. (*Жьыжьэплъэу*). Дауэ арцІыхум я фІэщ зэрыпщІыну? Си Іуэхуц, яхуэмыгьэщІагъуэу кьызэхуэмысмэ. Хэт ильэгъуа, хэт зэхиха абы хуэдэ телъыджэ, – зы гьэм мэлыр тІэу лъхуэгъуэ малъхуэ...

Д а д э м. Телъыджэ кьудей? Телъыджащэщ...

Г е с и о д. ЩІы нэмэз! ФІыщІэ хуэщІ Алыху Тэхьэлам сэ схуэдэ кьуэ кьузэритам щхьэкІэ. Зэ умыпІащІэ, дадэ. СогьэщІ Лисенкэ жыхуэпІэр гьуанэ кьыдзэгьэпшмэ. ЯфІэзубыдынщ сэ бжьыпэр.

Д а д э м. Ялыхь гущІэгъу кьытхуэщІ.

Г е с и о д. ЛЮ, кьытхуищІар уфІэмащІэ? ХэІэбэт уи нэмэзы-

бзэм и курыкупсэм.

Д а д э м. СкIэрыкI. Си нэмэзыр зэпумыгуд.

Г е с и о д. Догуз, мы зыр кыызгурыгыаIуэт – игыашIэм хьэрф кыиптхьакыым, дэнэ кыипха нэмэзыбзэр?

Д а д э м. Молэм сигъэщIащ.

Г е с и о д. Молэм жиIуэ зэхэпхар жыпIэжу аращ. Ди щIэныгъэлIхэри аращ. Зым зыгуэр жиIэнищи, адреи кьомым ар ягъэныщкIуурэ щIэныгъэ яIэ хуэдэу зыкыпфIагъэщI.

Д а д э м. АтIэ аращ. Алыхьым кьуимыгыр бегъымбарым кьуитын.

Г е с и о д. Алыхьым кьыдита мэлыр дауэ шыт?

Д а д э м. Зи, алыхьым узэрельIунищ. Пщэдджыжь нэмэзым шыщIэдзауэ шэджагыэ нэмэз хьуху согъэхьу. Шэджагыэ зэрыхьуу ичындым нэсыху мыл бгъуэнщIагъым щIызогыэт. Пшыхьэщхьэ зэрыхьуу аргуэру кьурш джабэм щохьуакIуэ.

Г е с и о д. Аращ зэрыщытын хуейри. Дауи щIы – зы жэщрэ зы махуэмрэ жэщитIрэ махуитIу кьафIэгъэщIын хуейщ мэлым. Аращ псори зытеухуар.

Д а д э м. Зытеухуар, жи. Мэлым абы гу льямытэми, льызы-тэн ухуэзэнкIи мэхьу.

Г е с и о д. Ухуэзэм сыт? Щэхур зэдищэхуш. Псалгэ жыпIэнкыым. ГурыIуэгъэкъэ?

Д а д э м. Зи, мэлым дамыIуатэмэ, сэ усIуэтэххэнкыым.

Г е с и о д. Хуэсакъ закъуэ уэ...

Д а д э м. Жьапщэщи щIым утригъэткыым. И чэзу мыхьуами мэлыр бгъуэнщIагъым щIэтхуэмэ мынэхьыфIу пIэрэ? Кьуршыщхьэм иль уэсыр кьежьэмэ мэлым шыщ дгъуэтыжынкыым.

Г е с и о д. А-а. И чэзу мыхьуауэ хьунукыым.

Д а д э м. Исраф хьунщ.

Г е с и о д. Хьэуэ. Зэ умыпIащIэ. Ди Iуэхур кыикьутэнущ.

Д а д э м. ИтIани хуэсакъ жи.

Г е с и о д. КыызжиIакыым жумыIэ: кьыдэфыгъуэн зэрышы-Iэри зэгъащIэ. КIэзетым кыикIа ухуэзакъэ – хуэсакъ. Зышумыгъэгъуазэ. Шашлык сыт жыIи щхьэпрегъэх. КыпшкьрыупщIыхьу хуежьэрэ – дэгу зыщI. Пшыгъупща сэ бжесIар?

Д а д э м. Дауэ сшыгъупщэу, зиунагъуэрэ? Си ныбжыыр ильэсищэрэ пшыкIутIрэ мэхьу... Iуащхьэмахуэ сьзэрыдэкIам и бжыгъэр сшыгъупщэжаш... Уэрщ жыпIэнущи, кьызэроджэр Хьисэкыым – Хьисэ-уэдщ.

Г е с и о д. Псори тэмэмщ, ауэ зышумыгъауэт – сэ си цIэр Хьисэ-уэдкыым. Гесиодщ, кыбгурыIуа?

Д а д э м. TIури зыщ. Кьурыкьури пкьори зэхуэдэщ. Зэ-гъащIэ уэри – уи Iуэхум кыхьэуэн гуэри кыкьуэжIащ.

Г е с и о д. ХэтупIэрэ?

Д а д э м. Тьышхуэ гуэр. Истофрилэхь, зэуэ дахэщи...

Г е с и о д. Дэнэ кыикIа?

Д а д э м. Пхуэльхуэми...

Г е с и о д. ШцЭныггэр къэдггэсбэпыркгэ.

Д а д э м. Мэлыр лхуэн шхээ шцЭныггэкъым зыхуейр. Ты техуэн хуейш.

Г е с и о д. АтИэ плггэункгэ. СоггэпцI лыр зыдахын ямышцIу мэлыр дымыггэбаггэуэм. Я шхыныр пэрыххэт хьумэ, фадэри нэхьыбэ хьунш.

Д а д э м. Уи мэлыр зы ггэм тIэу лхуэмэ, жызумри зы ггэм тIо къыпыкIэнш.

Г е с и о д. Ей а ди мэлым удэмьджэггэ. КъыпэкIуэнур иджыри шцIэркъым.

Д а д э м. ЛIо абыи хэплггэуэр?

Г е с и о д. Мэлыр зы ггэм тIэу лхуэуэ едггасэмэ – ар зы дисертац хэзырши шцЭныггэлIу сыбж.

Д а д э м. Мэлым утесу шцЭныггэр епхэжжэнуш.

Г е с и о д. Мэл шууи къэльытгэ. Плггэгурэ шцЭныггэм къы-тхуихьыр. Ауэ псалгэ псэ зыIутым зэхэбггэхынкъым. Къыб-гурыIуа? Зэхэбггэхрэ, ди мэлыр зыгуэрым идггунши, лгэс-лгэбыккыу дыккэнаш. Уэ шцIэм си акъыл хэслхэжжми, е-ей, тхузэфIэкIыnum ггунэ иIэккым, сэ финар слггыу япэ сити сокIуэ, уэ си ужьым уитш.

Д а д э м. Мэл шум финар иIыггыуш сымылггэуужар.

Г е с и о д. Ауан сумышцIыт уэ? Сызэзымыпэс Албинэ езыр си деж къэкIуауи плггэунш.

Д а д э м. Албини си пыIэкур къриудынкIэ мэху...

Г е с и о д. Псым шьшынэр псым етхэлтэ. Сэ сызытхэлэнэ псыр Албинэккым.

Д а д э м. Уа, псым дынэмыс шцIыкIэ тхэ къысхуэIуэ...

Г е с и о д. Сыт узыхуейр?

Д а д э м. Дохутыр уащIмэ, зи уз кIуэдын, хэжышцI сыггакIуэ. Гуэныхь куэдыIуэ къызоштэри схуиггэггун?

Г е с и о д. ХэжышцI, жыпIа? Зи, соггэпцI научнэ командировкэ къыуезмыггэтым. Чэбэ мывэ ггуанэм зэ уипшцIмэ уи гуэныхьыр птелггаи-птемылггаи.

Д а д э м. А-а, а шцЭныггэ зи гуггэу шцIыр араккэ гуэныхьыр къыстезыггэхуэр. Мэл тIэкIу зггэхьум хэзаб машIэ ятезггэлт. Мьлым сыххэт тесмэ тоштыхь. (*Тушкан къышцIоххэ*) Уа къеблаггэ, си шцIалэ.

Т у ш к а н. Фи благгэ куэд ухуэ. Сыт ухуэдэ тхэм жиIэмэ.

Г е с и о д (*шцIакIуэм телггу шцIыггэ, Тушкан къызэрыкIуар имылгаггэу хуэдэу*). Ей, дунейри хэхуш, хуэмыхур куэдш, фIыр сэ схуэдэ зырызш. ХэтупIэрэ Тушкан зымыггэжейр? Сыт хуэдэ дунейр – уэлбанэ къэмыххуну пIэрэ?

Т у ш к а н. Уи дежкIэ уэлбанэми уэфIми тIури зыш, унэ хуабэм ушцIэсш. Уи адэр мэл иггэххуэ джабэм кIэрытш... ШцIэ-

ныгъэм хегъахъуэ...

Д а д э м (*и къуэм жриIэу*). Сэри си щIэныгъэ Iуэху зесхуэ-жынщ. Куэдщ сызэрыхъулеяр.

Г е с и о д. КIуэ, кIуэ, хуэсакъ, жысIакъэ.

Дадэр кIапсэ гъуэгумкIэ макIуэ.

(*ЩIакIуэм зэрытесу*) Уи атмосфернэ озоным зыгуэр къи-кIыу пIэрэ? Хьэмэ уафэм удэплтпейуэрэ щIыльтэм ущыульэпхъа-щэрэ?

Т у ш к а н. Уи щIэныгъэм хуэдэу ара? Уэ пхуэдэу ди акъыл жыжъэ нэсакъым – уэгум къышыхъур, щIыльтэм къышщыдощIэ. Озоным иджыщ гу щыльтыттар. Псалъэм папщIэ, пшэм аджкIэ жыжъэ уIэбзу мезон сферэм е хуабэ е щIыIэ къышыхъуа – абы къапкъырыкIар щIыльтэм къэмысыну Iэмал иIэкъым.

Г е с и о д. ЗэрыжыпIэмкIэ, дунейр уэлбанэ е уэфI щыхъунур къызэрыпщIэн Iэмал къэбгъуэташ? Си Iуэхущ иджы уэ узэра-мышъэм.

Т у ш к а н. Сыту?

Г е с и о д. Дунейм и IункIыбзэIухыр уэ пIыгъщ. IункIы-бзэIухыр моуэ пIуантIэмэ – дунейр бзыгъэщ, дыгъэр къопс, мзуэ епIуэнтIэкIа – пшагъуэр къытрехуэ, къопсэпсауэ, уэс къос. Ауэ тхъэм щхъэ, Албинэ си гъусэу мзымкIэ зестмэ, уэшх къомы-гъэшх. Уэсми сыхуейкъым. МащIэ дыдэу жыбыгъэ тIэкIу къе-бгъапщэми ягъэ кIынкъым. Гъуэжъкуийми номыгъэс, къы-бгурыIуа?

Т у ш к а н. ЗэтэпIэ уи жьэр.

Г е с и о д. СыпхуогуфIэри араш, си къуэш. Иджыри къэс бюро погодэм ди щхъэр яудэгуаш – уэлбанэ хъунуш жаIэмэ, уэфI мэхъу, уэфI хъунуш жаIэмэ – уэлбанэ мэхъу. Ара къэщIэрей жыхуаIэр? Ауэ пэжщ, пщIы яупсми, улахуэ къыIахын зэрыхуейр ящыгъуипщэркъым. ДяпэкIэ абы я улахуэр зратын хуейр уэраш.

Т у ш к а н. Ууейри къыдэжIуэу.

Г е с и о д. Сэр щхъэ умыгузавэ. Сысейм къыщIагъуауэ плъагъунщ.

Т у ш к а н. КIэрымышумэ.

Г е с и о д. Зи щIэныгъэ куум и улахуэри кууш. Уэ уэгум ушолыхъуэри, тхъэм ещIэ, бегъымбар улахуэ къуатынкIэ мэхъу. Уэй! Догуэт! Зы тхъэмышкIэ гуэр щIакхъуэ Iыхъэншэу къэбгъэнэнущ уэ.

Т у ш к а н. Хэту пIэрэ?

Г е с и о д. Бюро погодэм я Iуэху щIэмышъур пщIэрэ? Зы лIыжъ гуэр яIщ, и кIэнтIыIур узу. Нэхъ щIэныгъэллу а зыр араш яIэри. Пщэдей уэфI хъунрэ уае хъунрэ къышщIэным деж макIуэри йоупщIэ «уи кIэнтIыIум сыту пIэрэ кыигъэлыагъуэр?»

жагэри. Узрэ – уэлбанэщ, мыузрэ – дунейр бзыггэу шытынуш. Иджы тхэмышкIэжым и кIэнтIыгур хъужаши уэрауэ кы-щIэкIынщ дяпэкIэ зэупщIынуш. Еууей. Абы и шыкьун тIэкIур уэ кьуатмэ, езым факьырэ баш кьиштэнщи ежьэжынщ. Е ци-клон, антициклон жагэурэ абы зратынщ. А зи гуггэу пщIа мезон сферэм абы хуэдэ гуэр шымыгэу пIэрэ?

Т у ш к а н. Ара мыггэуэщ уи акьылыр здынэсыр.
Г е с и о д. ГушыгэкIэ сымьщIэми куэзыр джэгукIэ сощIэ.

(Куэзыр и жытым кьрехри).

Валетрэ тузрэ щызэзаум,
Валетым тузыр ныхигуаш.
ЩIэхуауэ дамэ кьашыхуэзэм,
Валету пльаггур щIилгэфаш.
Зы жэщ а тIуми яггэкIуати
Куэзыр джэгуахэр щIаггэнаш.
ЩIэхуауэ дамэр зыльэкI гуэрти
Валетыр дадэ ищIыфаш.

Дыджэгун?
Т у ш к а н. Сыту?
Г е с и о д. Лгэф. Кьэзыльгэфыр нэхьыфIщ, зыфIальгэфым нэхьрэ.

Т у ш к а н. Уи щхьэм дэджэгуж.
Г е с и о д. Ухуеймэ куэзыр пхуэздзынщ. Куэзыр дзыкIэ зы цIыхубз цIыкIу гуэрым гупсэхуу сиггэщIащ *(куэзыр едз)*, лы иIэ пэтрэ...

Т у ш к а н. И лIым сыту ида?
Г е с и о д. Щхьэзэм уахэтмэ щхьэээ уоху.
Т у ш к а н. Хэт и щхьэээ?
Г е с и о д. Делэшым щылажьэт *(куэзыр едз)*. Албинэ нэхь хуэээ куэзырыр дэтхэнэр арауэ пIэрэ? *(Албинэ кьуэггэнапIэм кьыкьокIыр, арихьэкIэ и гуггэу ящIу зэхехри зеггэщIкIуж)*.

Т у ш к а н. Албинэ жыпIа? Сыт абы хувигуэхур?
Г е с и о д. *(и псальэр зэтишу)*. Хузигуэху кьудей. Уи гуггэм уэлэхьы уэ щэбэт и гуггэр. *(Куэзырым епIу)* уа зы фIыщIэ гуэр и уж итщ а хьыджэбзым. Хэт а зи диным икIар?

Т у ш к а н. Уэрмырамэ? Узытеплгэр уи IэмыщIэ ильщ.
Укьыпымыштэтыжыну узиIэ.

Г е с и о д. Дом отдыхым кьисшу мыбы нэс кьэзггэIулэу кьасшэрэт сыкьыпыщтэтыжыну шытамэ.

Т у ш к а н. КьэбггэIулэну ари?
Г е с и о д. СоггэщI сыхьэт ныкьуэ фIэкIа зиIэжым.

Т у ш к а н. ПсыншIэу кьыдэпхьэхаш.
Г е с и о д. ИшIэркьэ? Ахэри «Тепшэч кьэзыльэтыхьш». Я
щхьэм цу-цу шызопшэ. ШIалэ кьекIу яльэгьуамэ...

Т у ш к а н. Уэ пхуэдэу.

Г е с и о д. Шо, сэ схуэдэр зэблэбдзу бгьуэт уи гугьэ?

Т у ш к а н. Сэ сшIэрэ, кьыпшышынэнкIи мэхьу: и мэлым
хуэдэу зы гьэм тIэу самыгьэльхуашэрэт, жиIэу.

Г е с и о д. Абы шхьэжIэ умыгузавэ. Сэ сыкьащIыху цIыхуб-
зым. УмыпIашIэ, Албинэ си ныбгьуэхьэшим ису уэзгьэ-
льагьунш. Сыт хуэдэ уси хузэхэслъхьа уи гугьэ.

Т у ш к а н. Льягьуныгьэ уси?

Г е с и о д. Льягьуныгьэ усэ, уэлэхьи.

Т у ш к а н. Кьеджэт-тIэ.

Г е с и о д. Кьедауэ, си кьуэш.

КIэпхын цIыкIур уи кIэкьикьш,
Си адакьэм кьикь жиIаш.
УкьыздэжIуэм укьэсшэнущ,
КьызжиIакьым жумыIэж...

Албинэ ар шизэхихым, кьогубжьри и фэр пыкIауэ кьуэгьэнапIэм кьуохьэж.

Т у ш к а н. Борис Борисович зэхомыгьэх, и гум шIыхьэнщи
гьынш тхьэмышкIэр.

Г е с и о д. Борис Борисович сыгьым шыщезыр? ШIэныгьэм
хьэмкIэшыгукIэ хэльэдауэ зтрекьутэ.

Т у ш к а н. Ара иджы зыхуэжIуэжар? Уэ ди экспедицэм сыт-
кIэ ушыш? ШыIбз гуартэм хьхьа шыдым ухуэдш. Ухьэулейурэ,
хьэхэбасэу укьыдэуэсауэ удогьашхэ итIани.

Г е с и о д. Ей, си кьуэшъжь, укьызэтемычыт. Борис Борисо-
вич кьыгуроуэр, сэри сошIэ. Насыпшыхуэ кьызэрызэуэлIэnum
гу льыташ, шIэныгьэм и курыкупсэм сазэрыхэлэбэр ельагьу.
Уэ – «хьэхэбасэу укьыдэуэсауэ удогьашхэ...» Борис Борисович
и лъэдакьэм кьышIэху ятIэм узэрыримыуасэр шIэжащэрэт уэ.
Ухэт уэ езыр? Уфыгьуэнэдыжь цIыкIуу аракьэ? Ярэби, уэ пхуэ-
дэр тыншу псы щхьэ ирагьафэрэ? Экономическэ эффе́кт, жаIэу
зэхэпха? ЗэгьашIэт ар – ушIегьуэжынкьым.

Т у ш к а н. Алыхьым гушIэгьу кьыпхуишI.

Г е с и о д. Уэ зи ужь уитым и мыхьэнэр сыт? Сэбэпу мэскьал
закьуэ хэлъ? Араш Борис Борисович укьильагьу шIэмыхьуххэр.

Т у ш к а н. Ягугьат кьалэдэс гуэрхэми уэ уи гугьэ дыдэр –
кьехуулакьым. КьехууIэнкIи хьунт – мэлым ядакьым зы гьэм
тIэу лъхуэн. (*ЕкIужьын хуэдэу зещIри*) мы зыр кьызгурыгьаIуэ:
мэлыр махуэ дапшэм лъхуэрэ?

Г е с и о д. Махуэ шишрэ махуэ пшыкIутхурэ ехь.

Т у ш к а н. ТхьэкIумэкIыхьыр-щэ?

Г е с и о д. Махуэ тЮшІрэ махуэ пщыкІупшІрэ.
 Т у ш к а н. Ари хъунш: зэгуэр тхэкІумэкІыхъыр багъуэри
 Австралие къралыр яшх пэтащ.
 Г е с и о д. Къэплъэныр мазитхум малъхуэ.
 Т у ш к а н. А къомыр сыту фЫуэ зэбгъэщІа!
 Г е с и о д. Курс сыщыІащ, си къуэш. ЗыщІыпши сыщемыджа
 уи гугъэш уэ.
 Т у ш к а н. Еджагъэшхуэу узэрыщытым куэд щІауэ гу лы-
 стащ.
 Г е с и о д. Заочнэуи институтым сыщеджащ...
 Т у ш к а н. Дэтхэнэм?
 Г е с и о д. ЯнэхъыфЫм...
 Т у ш к а н. Пэжынуш. Уэ пхуэдэр, дауи, институт къызэры-
 гужкІ щыхъэнкъым. Догуэ, тЫр къэплъэным ебутІыпшу щхъэ
 уемышлърэ?..
 Г е с и о д. Бэю, Тушкан. ЗэтепІэ уи жьэр.
 Т у ш к а н. Сынопсэлъэну си нэ къыкІыркъым. ТЫр къэ-
 плъэным ебутІыпщмэ, я щыльхур си Іуэхуш экономическэ
 эффект мыхъумэ. Хъэщхъэвылтэ жыхуаІэр пщІэрэ? И щхъэм
 уеплъмэ къэплъэну, и кІэм уеплъмэ кІапи пыту. Хъунтэкъэ ар
 Іэщ? СогъэщІ дыгъужь къудей жьыжъу къыбгъэдыхъэм.
 Г е с и о д. Уи ауаным кІэшІ зегъэщІ, си къуэш. ЦІыхум я
 акъыл здынэмысым нэбгъэсыныр джэгукъым.
 Т у ш к а н. Мис ар содэ. Джордано Бруно жиІэр я фІэщ мы-
 хъуу пкъом ирапхри ягъэсащ. Илъэс шипшІ дэкІа иужь, шагъэса
 площадым деж памятник ин ягъэувауэ ноби тетщ.
 Г е с и о д. Хуэфашъэуи хуагъэуващ. Джордано Бруно щІэны-
 гъэлІ мышынэт. НэгъуэщІу щытамэ и щІэныгъэр хъэрэм ищІри
 ежъэжат. Къэп зи щхъэ фІэкъуам зреджэр дауэ?..
 Т у ш к а н. Ку-клукс-клан зи гугъу пщІыр?
 Г е с и о д. Тэмэм. Иезуиту щІэныгъэлІыр мафІэм езыгъэсам
 я щыльхуш Ку-клукс-кланыр. Абы ящышынэу зи псалъэм еп-
 цІыж дапщэ ухуей.

Д а д э м кьегъэзэж.

Д а д э м. Си щІакІуэр къысщыгъупщаш, кхъузанэм хуэдэщ
 си щхъэр...

А л б и н э (уэрэду желэ).

ЗэлІ зэфыз зэгъусэу,
 Марс къыкІауэ тІури,
 Къушхъэхъу фермэ гуэрым
 Къытехъат хъэщІэну.

ПщыІэм тес хъыджэбзыр
 ХъэщІэм ехъуэпсати

Марс кыкIа лы хахуэр
Къеубыд къэпхъэнкIэ.

(*Гесиодрэ Тушканрэ захуигъазу*).

ЩIэныгъэлIхэм сэлам! (*Дадэм епсальэу*.) Дадэ, Борис Борисович и телефон къеуа?

Д а д э м. Хэт зи гугъу пщIыр?

А л б и н э. Начальникыр аращ жыхуэсIэр.

Д а д э м. Нашалник хъужыр Бесльэнкъэ. И жьыщхэм Бесльэн-Бесльэныгъа фIащыжа тхъэмышкIэм...

А л б и н э. Модэр аращ, тхъэмадэ. И адэм и цIэр щIумыгъуу ядэркъым.

Д а д э м. Модэр сэ сщIэрэ, и адэм зэхихатэмэ си Iуэхут ХъэфIыщIэ и кыдыру имыгъальэтэм. Ей, лы ябгэт абы и адэр. (*Албинэ и бостеикIэ кIэщIым йопльри*). Уи бостеикIэри модэм цыщ? Пльагъурэ, зегъэхур хъыджэбз абыи?

Т у ш к а н. И гугъу умышI. Я IэфракIэ кыщIагъэщын укIы-тэм нобэ кыщIагъэщ жыхуэпIэм ущIэмыупщIэ.

А л б и н э. Уемыплъи зэфIэкIащ. Борис Борисович и теле-фон къеуа, зо?

Д а д э м. Хъэуэ, хур хъыджэбз. Къеуакъым. Сэри си Iуэху и ужь сихъэжмэ нэхыфIщ. (*ЛуокIыр*).

Т у ш к а н. Пасэрей дадэ.

Г е с и о д. Уэ жьы ухъумэ нэхъ пасэрейж умышъумэ согъэщI.

А л б и н э (*кызызщIэплъауэ*). Фэ фызодауэри мыбдеж фытетщ, модкIэ «тепщэч къэзыльэтыхъыр» къраудыхащи и къутахуэ жылэр мэлыхъуа.

Т у ш к а н. «Тепщэч къэзыльэтыхъым» лы гъэжъа илъамэ дэри дылтыхъуэнт.

А л б и н э. Шхэн тIэкIур зи уи жагъуэкъым...

Гесиод. И къутахуэм пIа? Къракъутэхауэ пIэрэ?

А л б и н э. Уэ къехыр зыкъутэ топауэм къракъутэащ, топкIэ еуэри.

Т у ш к а н. Делэр аращ кызырагъащIэр.

А л б и н э. Делэ жыпIа? Уи фIэщ хъуркъым, пэжккъэ? (*СтIолым бгъэдолдаэри кыдэгъэжым дэлъ Гесиод и альбомыр кыдех*). Мэ, еджэ, уи фIэщ мыхъумэ, газетыр зытхри делэ? Яльэгъуарятхъж...

Т у ш к а н. Зи нэ кыщхъэрипхъуи дапщэ ухуей. ШейтIан зыльагъуу алыхъыр зыщыгъупщи щыIэщ.

Г е с и о д (*Тушкан епсальэу*). Щыгъэт, делагъэщ жыпIэкIэ зэфIэкIрэ. (*Албинэ епсальэу*). ПщIэжрэ, зэгуэр газетым иту укысхуеджати кибернетическэ машинэр кыщIагупсысар рабочэ классыр къагъэпщIэну аращ, жиIэу щIэныгъэр зи фIэщ мыхъу гуэрэм и хыбар. НтIэ, пэж абы жиIар? ЩIемыгъуэжа

уи гугъэ езыри. Тушкан жиГэм уемыдаГуэу къеджэ газетым итым. ЗымышцІэ ззыгъашцІэм и гъашцІэм хохъуэ.

А л б и н э (*газетым йоджэ*). АмериканцитГым 1958 гъэм октябрым и 26 пщыхъэшхър сыхъэт 22-рэ ныкъуэм нэблэгъауэ гъушцІ гъуэгу лъэмыжым деж щальэгъуащ метр щэ ныкъуэ и лъагагъыу Ровен Дам жыхуаГэ гуэлым щхъэшчыту хъурей гуэр, Балтиморэ пэмыжыжъу...

Г е с и о д. Ровен Дам! КъыбгурыГуа?

Т у ш к а н. Сегъэпльыт мыдэ. (*Альбомыр къыГехри газетым кърагъэжажэм йопльыр, и щхър егъэжІэрахъуэ, и фІэщ.мышъуу*).

Г е с и о д. Газетым итхэри и фІэш хъуркъым.

А л б и н э (*йоджэ*). Хъурей ятьэгъуар инт...

Т у ш к а н. Дадэм и ушцІэ пыГэм хуэдизу.

Г е с и о д. Еджэт адкІэ.

А л б и н э (*йоджэ*). АмериканцитГар зыльэгъуар машинэм ису уэгум ит хъурейм нэхъ гъунэгъуу бгъэдыхъэну хуежъати я моторыр занщІэу увыащ...

Т у ш к а н. Гесиод цІыхубз илъагъумэ и гур къызэрыувыГэм хуэдэу...

Г е с и о д. УемыдэГуэунумэ зыГуегъэх, си къуэш.

Т у ш к а н. Уэ си гум упыкІыу дэнэ ськІуэн.

А л б и н э. Автомобилым и фарэри ункІыфІащ, приборхэри мылэжъэжу...

Т у ш к а н. Гузэвэгъуэтэкъэ иджы ар.

Г е с и о д. Я нэгу щІэкар ятхыж. Пщы яупсырккъым.

Т у ш к а н. Уи мэлзу зы гъэм тІэу лъхуэн зи гугъэм хуэдэу...

А л б и н э. КхыГэ дегъаджэ мыбы.

Г е с и о д. Умыгузавэ, си мэлри зы гъэм тІэу лъхуауэ щынэли пхуэзгъэвауэ плъагъунщ. Еджэ, Албинэ!

А л б и н э (*йоджэ*). МафІэм хуэдэу зыгуэр къэлыдри къэуащ топым хуэдэу. Тепщэчышхуэм хуэдэу зыгуэр джэрэзурэ зиІэтри хъуам хэкІуэдэжащ. Ар зыльэгъуа американцитГри я машинэр зэщІагъэнэжри къежъэжащ.

Г е с и о д. Тхъэм ещІэ кхъухъыр алыхъым и пащхъэ ихъэ-жа...

Т у ш к а н. НтІэ дэнэ кІуэн. Тунгус метеоритыр къыщехуэ-хами кхъухъ къафІэщІауэ щытащ...

А л б и н э. Зыгуэр щыпсэур ди щІым и закъуэу щытамэ дыккъэзыгъэщІар алыхъыр аращ, жаГэнт?

Т у ш к а н. Уэ уккъэзыгъэщІар алыхъыр аращ, ауэ Гесиод къэзыгъэщІар Иблису къыщІэжІынщ.

Г е с и о д. Уэлэхыи, Иблисыфэ зытетыр уэрам. Догуэ, уафэм дыщІыдэкІуейр сыт уи гугъэ – дымышцІэ зэдгъэщІэну аращ.

Т у ш к а н. Аракъэ сэри жысІэр. НэгъуэщІ планетэхэм я деж хъыбар нэсащ: Гесиод зы гъэм тІэу лъхуэуэ мэл породэ иГэщ жаГэуи, мес, плъагъурэ, Марс дыдэ кыкІыу уи мэлым зыгуэр къыкІэльыкІуагъэнкІи мэхъу.

Г е с и о д. Марси уэ кыщехыу жалэ. Уи хыбар зэхахэмэ, уэм дыкъезыгэлынур Тушканщ, жаІу уашэну кьэкІуамэ дауэ хьуну? Зыдэшэ уи топхэри кІуэ. Топышэр уухмэ кьэгъзэж, плъэгъуар кьыджеплэжынщ.

А л б и н э. КхыІэ, куэдщ. Щывгъэт зэдауэныр. Мисиджыри зы статья «Тхыдэм и льягъуэ» жиІуэ. Уафэм кьеха псэу-щхьэм я гугъуе ещыр.

Т у ш к а н. Сэ сывэдауэрэ. Къеджэ.

А л б и н э (*йоджэ*). Июлым и 20 щыхъуа жэщым ирихьэлІуэ 1955 гъэм тепщэчышхуитІ Капитолием кьыщхьэщыхьэри воздушнэ тревогэ кьалэм кьыщаІэтати...

Т у ш к а н. Пэж дыдэщ. Америкэм я военнэ министр Форрестол жыхуаІэр ныкьуделэти тепщэчыр щилъагъум делэ дыдэ хьури щхьэгъубжэм дэльри зригъэукІыжащ. Унэ тощІу зэтетым укьельэм, укьельынт.

А л б и н э. Мыри уи фІэш хьунукъэ, къедаІуэт: Америкэм я военнэ базэм зы хьурей ин кьыщхьэщыхьат. Абы гу щылыи-гэм, зищысыр кьыщІэну истребитель дэльэтеящ. Пилотым радиокІэ кьитащ: хьурей слъагъур пцІапцІэ кьысфІошІ, жиІуэ.

Т у ш к а н. Гузавэу и жьэм кьыжъэдихуа бахъэу шытагъэн-кІи мэхьур.

Г е с и о д. Лло уэ пхуэдэу псори гузэвэх уи гугъэ?

Т у ш к а н. Сегъэплъыт мыдэ (*кьыІехри йоплгыр*).

Г е с и о д. Еплъ, зи. Уи нэм бжэгъуу кьыщІэуэми уи фІэш хьунукъым уэ.

А л б и н э. Истребительыр кІуэурэ тепщэчышхуэм сылъоІэс шыжиІэ дыдэм кьэхъуари-кьэщІари ямышІэу самолетыр зэ-пкьрылбэльащ. Пилотри ар и кІуэдыкІэу кІуэдащ.

Телефоныр кьоуэ.

А л б и н э. Фысабырыт. (*Трубкаэр кьещтэ*) сынодаІуэ, Борис Борисович. Хьарзынэщ. Поисковэ группэм я списокэ жыпІа? Сейфым дэлыщ хьэзырыпсу. Кьыдэтхынщи, приказ тхы. Гесиоди? Хэткъым. Ди штатым хэмыту зэрыщытым щхьэкІэ.

Т у ш к а н. Гесиод хьэхэбасэщ, лло щІыхьэгбгъэхьэр?

Г е с и о д. СогъэщІ уи псэр хэзмышудым.

Т у ш к а н. Ирауд зигъэнщІыркъым, умыкьанлыт.

Г е с и о д. Хьэхэбасэ мыгъуэр уэзгъэщІынщ, умыпІащІэ. Боксеру сызэрыщытыр пщІэркъым уэ слъагъум. Зэ уэгъуэм щыр пэкІэ уэзмыгъавэмэ уэ жыпІэр пэжщ.

Т у ш к а н. Уэ уи дээр кьэпшыпыжын хуей мыхъумэ ягъэ кІынкъым.

А л б и н э. Щывгъэт, фымытэмакькІэшІыт (*цІаІитІым я кум доувэри я Іэр еІэм*). Щывгъэт, жысІакъэ. Ди Іэтащхьэр кьэ-сыжащ.

Клапсэ гьуэугум и кЫргъ макъ кьоГур. Борис Борисович зэрыса креслэм кьольэ.

Борис Борисович (*зигъэбэлыху*). Ди щхьэр мафIэм хэлъщ. Iэ дэхьейгьуэ дихуэркъым. Сэлам. Зэхэфха ?

Г е с и о д. Зэомыху хьун.

Борис Борисович. Дежью дыпыхьуэн хуейщ. Пшы- Iэм тесу хьуар дымьгьакIуэу хунукьым. (*И напэр бэльтокукIэ ельэщI.*) Зы гупыр сэ ешсэжээнщ. Дыгувэну Iэмал и Iэкьым. Альпинистхэр кьагэкIуэну турбазэм сагурыуащ. Зы поиковэ группэ кьэс альпинист щырыщ хэтмэ нэхьыфIщ. (*Тушкан епсальэу*) зы группэ уэ епшэжээнщ, си кьуэш. (*Тушкан зыгуэр жиIэну хуежьати и псальэр зэпауд*). Зумылгьэфыхь куэдрэ. Кьыбгурыуа? Рацие зыдэфхьи радиокIэ хьыбар сывгьащIэ. (*Картэр кьейттэ*). Мис мы льягьуэм утетынщ. Фи занщIэр фи гьуэгуу кьуршым фыдэкI.

Г е с и о д (*Тушкан епсальэу*). Уэ зыщIэт пшэм унэсмэ хуэсакъ, уэм уагьэльэпэрэпэнщ.

Борис Борисович (*Тушканрэ Гесиодрэ яхуэхьуэщIэу*). Плягьурэабы жалэр. ЩIэныгьэллщ тIури, итIани кIэнджэгү хэт хуэдэщ. Сэ си щхьэр унэзаш, сьзэIэбыныр сымьщIэу. Фи дежкIэ кьезэгьыркьым ар. Дисциплинэ фхэлъын хуейщ. Тепщэчыр кьэдгьуэтмэ фи зэш тевгьэу. ИIэ, щхьэж и Iуэху и ужь фикьэж.

А л б и н э. ЗэкIужащ а тIур. (*И Iэр яхуегьэдалъэ*).

Тушкан зыри жимыIэу IуокI.

Тепщэч кьутахуэ кьомыху кьомыгьэзэж.

Г е с и о д (*Борис Борисович зыхуегьазэри*). Сэри унафэ гуэр кьысхуэщI.

Борис Борисович. Уи мэлыр здэщыIэм зегьэхь. Мэ- лыр зыдит джабэм уйтмэ «Тепщэч зелъатэр» зыдэхуа кьуэм хьарзынэу удоплгьэ. Псом нэхьрэ уэ нэхьалэ ухуэзэнкIэ мэхьу тепщэч кьутахуэм. Зегьэхь, зегьэхь. Гурыуэгьуэ псори?

Г е с и о д (*Iэнкуну*). Албинэ си гьусэу нэбгьэкIуамэ нэхь тэмэм хьунт.

Борис Борисович. Шо щыщIэнур?

Г е с и о д. ХьыбарегьащIэ хьунт зи мыхьуми...

(*Албинэ тIуми йопльыр, ягу ильыр кьыщIэн и гугьэу*).

Борис Борисович. ХьыбарегьащIэ, пIа?

Г е с и о д. Нэхь псынщIэу хьыбарыр уигьэщIэн щхьэкIэ. Оперативнэ, жыпIакьэ.

Борис Борисович. Уоджэгум уэлэхьы уэуи кIэрисауэ.

Картэр стЮлым теубгъуащи йоплпыр.

КІуэ, жысІакъэ!

А л б и н э (*Гесиод еплу*). Тушкан нэхъ гукъэкІ иІэщ уэ нэхърэ.

Г е с и о д. Сыту?

А л б и н э. И мурад нэхъ къехъулІэну фэ изопл. . .

Г е с и о д. Деплбынкъэ.

КІапсэ гъуэгум дадэр къохыр.

Д а д э м. О-о-о, дыунэхъури дытІысыжа мыгъуэщ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*къэуІэбжъауэ*). По къэхъуар, зиунагъуэрэ?

Д а д э м (*икъуэм епсальэу*). ЖысІатэкъэ хъэжыщІ сызэры-кІуэным сыпыкІащ, жысІэри.

Г е с и о д. Къэхъуар сыт?

Д а д э м (*нэмэзыбзэ къибж хуэдэу*). Нэмэз тІэкІу сщІынщ, жысІэри нэмэзлыкъым сытеуат-сытемыуат. Рукуам сынэмысу зы макъ гуэр зэхызох. . .

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Сытым и макъ, «Тепщэч зельтатэм» и макъи? Уи тхэкІумэкІэ зэхэпха?..

Д а д э м. Хэт и тепщэч? Гъуэг, гыи макъ. . .

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*къэгубжъауэ*). ЖиІэр сыт мыбы. Жыи ухъуу делэ ухъужа, зиунагъуэрэ. Ар сыт гушыІэкІэ, дэ ди щхъэр мафІэм хэлыщ. Тхъэр умыгъэщІыи ядэлажъэ абы хуэдэм.

Д а д э м. ЖысІэнур жызвгъыІэ. Нэмэзлыкъым сытету сыпльэмэ, зы тІы зырамышІэж мэлым къахохъэ. Мэлыхъуэ башыр къасщтэу сыпехъэ щхъэкІэ – дэнэ? ТІым щигъазэм мэл хушъэри зэрымэлхушэу тІым и ужь иту къуршым ихъэжаш. . .

Г е с и о д. Дыбгъэунэхъуащ, ди адэ. Уеуэрэ къэбукІыртэкъэ.

Д а д э м. СыткІэ?

Г е с и о д. Сэ сщІэрэ! Уунэхъунумэ хъудырми уи дзэр Іуе-щІыкІ. Си тепщэч мыкІуэда уэлэхъи. Си мэлыр къэзгъуэты-жынщи нэхъыфІщ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. ЕужьэрэкІ, уи мэлыр хъэм Іисраф ямышІ щІыкІэ.

Г е с и о д (*иадэм епсальэу*). НакІуэ Мухъэмэд бегъымбарым и лыкІуэ. Нэмэз жыпІэри дыбгъэунэхъуащ. (*Задэзэкъуэр ІуокІыр*).

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*Албинэ епсальэу*). Къащтэ Іэ зыте-дзэн хуей ильэпкъыр.

А л б и н э. Папкэм дэльщ псори (*папкэр црет*).

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*зы тхылгъыи Іэ гуэрым еплу*). Мыр сыт зищІысыр? Дэра зытхыр хъэмэ дэ къытхуатхрэ?

А л б и н э. Уэраш дыгъуасэ зытхар.
Б о р и с Б о р и с о в и ч. А-а. Гурылуэгъуэщ. Нэгъуэщ! сыт
щы!э?

А л б и н э. Мыри уэ плъэгъуакъым.
Б о р и с Б о р и с о в и ч. Мыри сэ стха хуэдэ итыр къыб-
гурылуэркъым.

А л б и н э. Арисполкомым къатх.
Б о р и с Б о р и с о в и ч. Хъарзынэу ятхрэ. Си шхъэм бжъэ
еуа хуэдэщ. Луэхуу ди пщэм къыдэхуа жыхуэп!эр... Лэжъаклуэ
хъарзынэ нэгъуэщ! шып!э сагъаклуэ мыгъуэу ськ!уа! Сыту
делэу ськъыш!эк!а, ярэби. (*Къотэдж*). Зыщ!ып!и умык!уэу
мыбытес. Къыбгурылуа? Зыгуэр къэхъу-къащ!эмэ, ик!эщ!ып!э-
к!э хыбар сыгъащ!э...

А л б и н э. Гъуэгу махуэ.
Б о р и с Б о р и с о в и ч. Ф!ык!э. (*Луок!*)
А л б и н э (*и закъуэу къызэрынэу телефон трубкаэр
къеицтэ*). Турбазэр ара? Алло, алло! Турбазэр ара? Дежурная?
Мне нужно Александра Петрова или Казбека Беталова...
Ал-ло... Я подожду!..

Г у п х ь у э.

ЕПУАНЭТЕПЛЪЭГЪУЭ

Мывэ ф!ыщ!эжъым деж. Музыкэм йоуэ. Авторым и макъ:

Къурш нат!эм са!уплъэм я щэхур сэ къасщ!э къысф!ош!ыр:
Щымахуэу Наргыжъхэр п!ыщ!ауэ зэгурым зэхэст.
Сосрыкъуэ маф!эхъэ щагъаклуэм пхъэдзак!э къыхъати
И щ!ыхъым хэхъуауэ ехъуэхъууи, маф!эр щ!агъэстт.

А маф!эр л!ы ябгэм къидыгъуу Зевс тхъэшхуэм щилъагъум,
Ари гум темыхуэу къогубжъри аркъэнк!э къеубыд.
Быдап!эу къурш зэвым дилъафэу гъуш!и цепк!э ирепхыр,
Псы пхэнжуи л!ы нэпсыр ежэхыу бэлыхъыр л!ым телъщ.

Уаешхуэ къэхъуауэ сэ маф!э щ!эзгъэсту сыщысми,
Гупсысэ схуэхъуауэ дэп плъыжъу жъэражъуэ гум ил!ыш:
А махуэм Сосрыкъуэ шым тесу пхъэдзак!э къыщыхъым,
Луыщыг!и къидыгъурэ къыхъатэм сыт нэхъри нэхъыф!т.

Пщыхъэщхъэщ. Дыгъэр къухъа къудейщ. Жыжъэу уплъэм къуршыщхъэр уо-
лъагъу. Бгъуэнщ!агъ щ!ыхъэп!эм деж Гесиодрэ Васэрэ шылыщ. Вино зэрыт
птульк!и шытщ. Дзасэм лы т!эк!уи ф!элъу уолъагъу. Васэ чэф хъуаш.

В а с э. Щагбъуэкъым тIум ди Iуэхури. Сэ си фызым сыкъи-гъанэри ежьэжаш. Уэри уи мэлыр мес. ТIым иришэжьащи тхэм ещIэ здишар.

Г е с и о д. Уи фызыр дэнэ кIуэн. Тхэ имыIуамэ зэ кыигъэ-зэнщ.

В а с э. Точнэ. ЗэрымэжалIуэ кыигъэзэжынщ. Къэгъазэ зимы-Iэруи мэлыр аращ. Дыгъужьым яшхынщ. Дегъафэ иджыри зы-рыз.

Г е с и о д. Куэдщ.

В а с э. Ефэ! УщемыфэкIэ уи мэл кIуэдар кIэпIейкIэу къэ-плтытэркъым. Искусственнэу псэф ящIауэ тIым щхэ кIэлы-кIуа – аращ сымьщIэр.

Г е с и о д. Аракъэ-тIэ. Насып уимыIэмэ, махъшэм утесми хьэр къодзакъэ. Усэ тхылъ зэхэслъхьати издательствэм сIаха-къым, хъуакъым жалэри.

В а с э. Къеджэт, сэ бжесIэнщ хъуарэ мыхъуарэ.

Г е с и о д. Сэ сщIэркъэ зэрыхъуар? КъедаIуэ (*къоджэ*).

ЩIымахуэр къэсрэ уэс къесамэ,
Си нэгу ущIэтти сызокIуэкI.
Уи Iэ дахитIыр жейм сыхэтми
БащIыкыкъым хуэдэу зызошэкI.

Уи щхэщым гъатхэу сытеплъамэ,
Си диным сокIри сохъур Iэл,
Уэ фыз ухъуфмэ, лIы сыхъунуш –
Дыхуейкъым, си псэ, дэ махуэл.

В а с э. Уэ фыз ухъуфмэ, лIы сыхъунуш... Ар сыту фIуэу жыпIа! Аращ усэ хъужыр, ауэ традзэнкъым. Редакцэм щIэсхэр фыгъуэнэдщ. Езым ятхыр традзэжри зэфIэкIащ... Абы ящыщ машIэ къесшэкIа уи гугъэ?

Г е с и о д (*Васэ жиIэм емьдаIуэу*). Журналми схьат зы ста-тыя диным сытефыщIыхъуи, ари сIахакъым...

В а с э. Алмэстым и гугъу пщIуэу...

Г е с и о д. Иджы мес. Си мэлыр исыкIащ... Куэдщ узэфар, Васэ. Зыдомыгъэхьэх фадэм. Уи фызым и гум темыхуар аращ. Фадэр фызым хуэдэщ – текIуа щыIэкъым.

В а с э (*и гур къызэфIэнауэ*). Сэ сфIикIыжари? Нэхъ Iэщ ды-щэ уигъэлыхъуэнт. Адрейхэм сыт жалэми къашIокIуэ. Зэгурэ пщэдджыжьым гаражым сыкъэкIуауэ механикым сыхуээт. «Сэлам, Василий!» «Сэлам». «Уи фэ Iейкъым нобэ». «Iпо щIэ-Iейнур – си унагъуэ, жыпIэнущи тхэм къузэритын, си фызыр – хур цIыхубзщ». «Сэ си фызыр иджыри псэуш», жиIэу меха-никир мэщатэ. Абы жиIар сэ жысIатэми?! СисыкIат...

Г е с и о д. Уи фызым тIуанэ тепщIа?

В а с э. Хэт и тIуанэ?!

Г е с и о д. Пу кьапшэ хьунуш.

В а с э. Дауэ?

Г е с и о д. Зым и нэчыхьыр молэм ебгьэтхрэ, адреим и нэчы-
хьыр сельсоветым ебгьэтхмэ, зэфлэклакьэ. Сэ щэ кьэшэгьуэ
кьэсшаш!

В а с э. Дэнэ пхьа-тIэ? ПфIикIыжа?

Г е с и о д. Сэ фыз куэдрэ схуисыркьым. Япэ кьэсшар
губгьуэм ськьринэри макIуэ-мэлей. ЕтIуанарейм и льабжьэр
фIигьэнати – зыри кьикIакьым. Iэдэбыфэ зьтригьауэу шытами,
и бзэгур сэ жант...

В а с э. ЗыгуэркIэ гу кьыпIьгьытагьэнт.

Г е с и о д. Си гьашIэр кIыхьами кIэшIами ди псэр зы чысэм
илъу зэдэтхьынш, жиIуэ гьырт. ГьашIэр кьэпыжь хьуа кье-
пIьэфэжIыу.

В а с э. Ари пэжш.

Г е с и о д. Испытательнэ срок естар иухати, ськьэпIьэгьуа-
кьым, услъагьужакьым...

В а с э. Зи щхьэ шIэзыхьар уэра ?

Г е с и о д. Шьугугь. Сеуэщ-сеIэри Севастополь ськIуэри
сшIар пшIэрэ? Телджрам ськьеуаш: «Си Хьисэу си нэ, си псэ,
кьуэ хьарзынэ цIыкIу бгьуэташ, уи цIэ фIэсщмэ си гуапэт,
Соня». Телджрамьыр си фызым кьышчыIэрыхьэм сабэ дри-
пхьейуэ кьэнэнт? Унэр зэтрикьутэ пэташ...

В а с э. Укьелаши, тхьэлъэIу шIыж. Ещанэр-щэ?

Г е с и о д. УщIэмыупшIэ. Си гум кьэкIмэ, си щхьэфэцим
зресэ.

В а с э. БукIа?

Г е с и о д. Лют-тIэ езбгьэщIэнур? ДахэкIэ жесIаш, дызыпы-
гьэкI, жьсIэри. Идакьым.

В а с э. Уи IэкIэ букIа?

Г е с и о д. (кьэуIэбжьэ хуэдэу). Зэгуэр адакьэ кьехь, схуфIэ-
гьэжыт мыр, жеIэри. Си гугьу кьомышI, ди гьунэгьум деж хьы,
сыт ухуейми пхуфIигьэжынш, жьзоIэ. Ди гьунэгьу жьхуэсIэр
курорт кьэкIуа гуэрт. Баку кьикIауэ. Пщыхьэщхьэм ськьэ-
кIуэжмэ – обеди сыти щыIэкьым, адакьэр пхауэ щылыш, си
фьзу пIьагьур си гьунэгьум бгьэдэсш, сурэт сытхэм епIьу. Сы-
кьэгубжьщ абдежи, адакьэм и щхьэр пызгьэлъэтш кьамэмкIи,
адакьэм и льымкIэ си джанэри льы зашIэ сшIыри ди гьунэгьум
я унэм кьамэр сIыгьыу сышIэлъэдаш: «А-а, фькьээзгьуэтакьэ
иджы!» – жьсIэри,

В а с э. Кином хуэди!

Г е с и о д. Си фьзу пIьагьур мыгужьеямэ си Iуэхут. Гьуэгьы
си льапэм зыкьышIидзаш: сшIа щыIэкьым, сынольэIу, жиIуэ.
Баку кьикIари щхьэгубжьэм дэIьа щхьэкIэ жьжкьэ мыкIуэфу и
гур кьекIуэри кьытехуауэ щылыш.

В а с э. Абы хуэмеям курорт кьэкIуэнт.

Г е с и о д. Араш и пэри и кІэри. Си фызыр и Іыхълым деж кІуэжащ. Сэри кѡамэр абы лѡандэрэ згъэтІыльыркѡым. Си шыкѡу дадэр кѡакІуэри кѡызэлѡуащ: ди гугѡу кѡомыщІ, фи лѡэпкѡым делэ яхэтащ, уэри шейтІан уз уэфыкІыу кѡыщІэ-кІынщ, удгѡэкѡуаншэркѡым, ди гугѡу кѡомыщІ, жиІэу.

В а с э. Банэ пІураульэф, жиІэри ежѡэжащ.

Г е с и о д. Араш, зы бѡлыхѡым бѡлыхъ кѡельху. Си Іуэхуш иджы Тушкан ауан симыщІым. Япѡу кѡысщІэнэкІэнур араш, «дыгѡужѡым уи мѡлыр зэрашхам теухуауэ диссертацэ тхы», жиІэу.

В а с э. Слъагѡум, си кѡэжын кѡокІуэ а зи гугѡу пщІыр. Тушкан уи гугѡэкэ сѡ сыІуезыгѡэхуар. Чѡфыжѡыр Іурихыу машинэр зэрехуэ, хуэсакѡ, Борис Борисович, ушхѡэпрыригѡэдэмэ, уи пэр шІригѡэвэнщ, жиІэри бзэгу ихѡащ. Бэрбэрисич – езыр и фызым Іушлѡэм кѡыкѡ мѡхѡу мѡшынэри. Приказ итхри сы-кѡыпигѡэщэтащ.

Г е с и о д. Кѡуэм дѡхуэн шынащ. Сэ си гуапэ хѡун уи гугѡэ, машинэм сису нѡпкѡым сыкѡехуэхым. ПсынщІащѡу уоху машинэр. Сэри гу лѡыстащ. Уэ чѡф уиІэу уи машинэм сис нэхъ-рэ, лѡэсу сыкІуэмэ нэхъ кѡызоштэ. Догуэ, гѡуэгур тІу хѡууэ кѡыпфІэмыщІу пІэрэ, чѡф ушиІэм деж?

В а с э. Сыт жыпІэр? Гѡуэгур дахэ-дахѡу умылѡагѡуу машинэ зепхуэ хѡурэ?

Г е с и о д. Чѡф ушиІэм дежщ жыхуэсІэр.

В а с э. Чѡф ушиІэм дежщ хѡарзынэр. Гѡуэгур тІу мы-хѡуу,щѡуэ зэгуэту плѡагѡу хѡуху уефэнщ, я кум дэт гѡуэгум теубыди милицѡми гу кѡышлѡятэнукѡым.

Г е с и о д. Кхѡэм яхѡыни сыти щымыІэу?..

В а с э. Араш си машинэр гѡущІ гѡуэгум тетым ещхѡу щІэ-кІуэр.

Г е с и о д. Уи Іуэхуми щІэныгѡэшхуэ хѡльщ.

В а с э (*зыкѡыфІэщІыжѡуэ*). ЩІэныгѡэншѡу нобэ упсѡу хѡунукѡым. ЩІалэ цЫкІухэр пэтрэ «щІэныгѡэншэр псыхэ-кІуадэщ, псы гѡэвари хѡуркѡым фадэ», жаІэри зрогѡэкІий. Сэ игѡашІэм псы гѡэва сефакѡым. Одеколон уефэм нэхъыфІщ, псым нэхърэ.

Г е с и о д. Ара жыхуэпІэр.

Зэгуэр чѡф сиІэу сальѡгѡуати,
Ауан сызыщІыр ди гѡунэгѡут.
Чѡф лѡэпкѡ симыІэу гу кѡыслѡятэм,
КѡысхуащІ чѡф зиІэм сэ гущІагѡу.

В а с э. Ари уэ птха? И курыкупсэм уиІэбаш. Уефэм, пхужа-Іэн ягѡуэт, уемыфѡми, жаІэн ягѡуэт.

Г е с и о д (*альбомыр зэридэкИгурэ аргуэру усэ гурэ кье-
гьуэт*).

Щыхьыр лЫггэм и нэлуасэщ,
Ухьу нэхь льягэ и нэмыс.
Щыхь щИэхуэпсу зи нэ кьикИым
Зы щИхь ткИуэпси кьылтымьыс.

Эх, Албинэ, Албинэ!
В а с э. Аращ, зы ткИуэпс кьылурыхуэнукьым... шокьу жи-
лэу.

Г е с и о д. (*уафэм дэпльейуэ*). Догуэ, тепщэчим щыщ кьа-
гьуэтауэ пIэрэ?

В а с э. ТурбазэмкIэ сыкИуати зыми и фIэщ хьуркьым а зи
гугьу пщЫр. Бэрбэрисович яфIэауанщ...

Г е с и о д. Борис Борисович и фIэщыптэу цЫхур ирихужьауэ
езыри кьуршым итщ, тепщэч мэльыхьуэри. Зыгуэр кьимыгьуэ-
тым, зифыщИыжынщ.

В а с э. ЖыпIэр сыт. Я нэр иггэлыгьуэжа мыгьуэу а
тепщэч сельбатэр сэ кьэзгьуэтащэрэт, си луэхут
Бэрбэрисович абы те-згьяплээтэм. Хьэбыршыбыр,
сыкьыпиггэщэтри ежэжаш. Уэ зыгуэр жыпIамэ,
сиггэувыжынт!

Г е с и о д. Тушкан еггэлылэу. Аращ уи луэхур шыпхэ езы-
ггэщIар.

В а с э. СоггэпцI, сиггэувыжынуми сельэлум. Тушкани Бэр-
бэрисовичи зэпытрэ зэкIэсу укIуэ.

Г е с и о д. Уэ пхуэдэ шофер абы ямыгьуэтын уэлэхьи, ду-
нейр кьутгжыху лыхьуами. Умыгузавэ, щIеггэуэжауэ езыхэр
кьольэлужынщ...

В а с э. Сыпервэ классщ. Сэ схуэдэ уэрамым дэль уи гуггэ.
Мо кьурш гьуэгу кьуейщIейм машинэ щызезыггэкIуэн дэнэ
кьипхыну. Уэлэхьи умыгьуэтын.

Г е с и о д. Абы егупсыса ахэр сытми.

В а с э (*уэрэд жиIэну хуожьэ, арицхьэкIэ хьуркьым*). ИкIащ
си макгьри. Кьиггэхьуэт зырыз. (*Иофэ, йодзакгэри и гупэр дэ-
ггэзэяуэ мэггэуэль, уэрэд кьыхедзэ*).

Ныбжьэггэу бггэпудрэ – уэри упудынущ,
Зэдефэр IэфIици, хэткьым удэфэн.
Уэр щхьэкIэ гын кьибггэхьуэм сэ сефэнущ.
Жаггэуэггум щхьэкIэ фади сефыфэн.

Аращ, си кьуэш. Уунэхьунумэ, джэдури хьэм хуэдэу мэбанэ.

Г е с и о д. Щхьэпридзащ ди гур, си кьуэш, щхьэпридзащ.

В а с э. Шэрхьыр дэггэзэяуэ ари.

Г е с и о д. Догуэ, тепщэч зельатэу зи гугьу ящЫм ди-
ТЫсхьэрэ дежьэжатэмэ хьуатэжьэ...

Г е с и о д. Дауэ шымылэу.

В а с э. Фызи уимылэу, фадэри ІэщЫб хьуауэ. Уэлэхьи ар
дуней мыхьун.

Г е с и о д. ЩыІэу кьыщІэкЫннц зыгуэр.

В а с э. Зыгуэр, жи. Абы и бгъэдыхьэкІэ хьунур умыщІэмэ
дауэ? Узэмылусэн уелусэрэ мафІэ кьыпщІэнэмэ, лло пщІэнур.
НэгъуэщІ планетэм шыпсэум я хьыбар седэІуащ сэ. Профессор
гуэр нэгъабэ санаторэм кьэкІуати лекцэ бэлыхь кьытхуеджаш.

Г е с и о д. Лло жиІар?

В а с э. ЖимыІа щыІэ! Зы псэущхьэ лей яІэкьым, жи. Пса-
льэм папщІэ, Бэрбэрисич мин хуейуэ кьалгытащ. Зыгуэрхэр
зыхальхьэнщ, зыхапщэнщи и чэзур кьэса – Бэрбэрисичу зы-
хуейм хуэдиз инкубаторым кьреш...

Г е с и о д. Джэджьейм хуэдэуи?

В а с э. Хуэдэу, уэлэхьи.

Г е с и о д. ДжэдыкІэр дэнэ кьрахрэ?

В а с э. УкІуэмэ плъагьунщ.

Г е с и о д. Лей кьришаш, дауэ хьуну?

В а с э. Удобренэу губгьуэм иракьухь.

Г е с и о д. ЗэрыжыпІэмкІэ, лей лъэпкь ягъашхэркьым.

В а с э. Аращ профессорым жиІар. Я госпланым ещІэ шофе-
ру дапщэ, пожарник, поэт, щІэныгьэлІ сыту, сэ сщІэ мыгьуэрэ,
дапщэ хуейми а бжыгьэм елгытауи...

Г е с и о д. Адакьэ хьунымрэ джэд хьунымрэ джэдыкІэм
епльмэ дауэ кьащІэрэ?

В а с э. Электроникэр кьагьэсэбэп.

Г е с и о д. Ялыхь сыщыхьумэ абы хуэдэ дуней.

В а с э. Аращ сэри жысІэр.

Г е с и о д. ИтІани сыкІуэу сеплъащэрэт жызоІэ.

В а с э. Кьэбгьээзжмэ зи.

ЩІэфиежу макьышхуэ гуэр кьоІур, топышэ кьехуэхащ, жьпІэну. Гесиодрэ
Васэрэ гужьеяуэ ныбапхьэкІэ зыхадзауэ заущэхур. ПэкІу дэкла нэужь, Васэ
и макь зэхьбох.

В а с э. Ей, упсэу?

Г е с и о д. Уэ-щэ?

В а с э. Уэлэхьи, си псэр хихатэм. Сыту пІэрэ ар?

Г е с и о д. ТопкІэ зыгуэр кьытхэуащ.

В а с э. Мы-Тушкану пІэрэ? Топауэхэр зэрегьэфамэ – епльы-
нукьым.

Г е с и о д. ДаукЫну кьыдэмыгауэ пІэрэ?

В а с э. Абы хуэдэ лъэкЫныгьэ яІэ?

Г е с и о д. Щым хьуащ.

В а с э. Ди насыпу дыкъелаш.
Г е с и о д. Къехуэхар топышэмэ, щхьэ къэмыгэрэ?
В а с э. ЩыІэш гувауэ къауэ.
Г е с и о д. Тепщэч зельатэр арамэ-щэ? Уи нэр нэхъ жанщ,
кІузи шлъэт.
В а с э. Плъагъурэ ар. Уэри кІуэ.
Г е с и о д. Ушынэрэ?
В а с э. Умышынэу хъурэ. Уи пщампІэр зыгуэрым иубыдрэ
уафэм удралъэфеймэ, лІо пщІэнур?
Г е с и о д. НакІуэ зэгъусэу.
В а с э. Бжэ зырыз дэдгъэдз нэхъапэ щІыкІэ. (*ПтулькІэм
бгъэдотцхъэри кърегъахъуэ*). Уи паспортыр пІыгъ?
Г е с и о д. СІыгъщ, уэлэхы.
В а с э. НтІэ, япэ нищ. Сэ уи ужь кІэшІу ситынщ.
Г е с и о д. Ы-ы, къэрабгъэж. ЛІыгъэр щагуэшым дурэшым
удэсащ.
В а с э. Уэ япэ уитащи иджыри япэ ит.

НыбапхэкІэ тІури кулисэм адэкІэ къуопщхьэ. ТІэкІу докІри тІуми зы мывэ-
шхуэ яІыгъыу къагъээж.

Г е с и о д. И пщтырагъри сыт?
В а с э. И хьэлъагъыр-щэ.
Г е с и о д. Уи кІэтІийр зэпригъэтхьынщ, хуэсакъ.
В а с э. Метеор жыхуаІэр аращ.
Г е с и о д. Метеоркъым, метеоритщ – вагъуэ къутахуэ.
В а с э. Мыр уи щхьэм къытехуэмэ – нэгъабэ лІам ущІимы-
гъэхъэжмэ, жысІэр пщІыщ.
Г е с и о д (*мывэр егъэтІыль*). Уафэм къехуэхашщ жыпІэмэ,
хэт и фІэш хъун ар. Мыбы хуэдэу музейм щІэлъу слъэгъуар
мыхъэнэншэжъ цІыкІущ мыбы елъытауэ.
В а с э. Кэбэ дэлъу жаІэ мыбы хуэдэ.
Г е с и о д. Сэри зэхэсашщ.
В а с э. Уа, мыр яфІэш хъунукъым иджы.
Г е с и о д. Сыт щІэмыхъур?
В а с э. Зыми илъэгъуакъым.
Г е с и о д. Иремылъагъу. Лабораторием тхьынщи анализ
едгъэшІынщ. Уафэм къехуэхашщ, дриунэну алыхъым къридзы-
хамэ пщІэрэ?
В а с э. Пэжуи? Уи мэлү псыхэкІуадэ хъуам и пІэкІэ мывэ –
мазэ къутахуэ къуитащ. Си къулыкъуми покІуэр абы щыщ.
Г е с и о д. Зэт!
В а с э. Иныкъуэр сысейщ, дызэгъусакъэ...
Г е с и о д. Догуэ зэ. Зыгуэр си гум къэкІашщ...
В а с э. Мывэр зыщэхуни?
Г е с и о д. Ауэ сытми тцэн. Дриунэнщ тІури! Къыбгурьуа?
Борис Борисовичрэ Тушканрэ си Іуэхущ пыІэшхъэрыхкІэ къы-

дэмыльгэIумэ.

В а с э. Ар слъэгъуауэ сылIэмэ, солIэ жысIэрэт...

Г е с и о д. Уэ пщIэнур мыращ: хыбар ехъэжьэ...

В а с э. Сыт хыбар?

Г е с и о д. Уафэм къеха псэущхъэ гуэрхэм Гесиод иральэфажьэри ирашэжъат, жыИ...

В а с э (*гъынэщIэ зищIу*). И лъабжьэр фIигъэнат заримытынуи, чачэ мыгъуэу ялъэфурэ я тепщэчым ирадзэри зы наплэ-зыпIэм бзэхаш... Ара?

Г е с и о д. Хъунуш.

В а с э. А дакъыкъэм чэф сиIа фи гугъэмэ, ялыхъ си пIэм симыкIыу шIыкъатиблым сыгъакIуэ, ткIуэпс слухуауэ шытмэ... Гесиод тхъемыщкIэр сыт хуэдэлIт езыр, щIэныгъэ натIэ хъужауэ... (*НэгъуэщIэ макъкIэ*.) спектакль къекIу хъунуш. Догуэ, уи къэжIуэжыкIэ хъуар дауэ?

Г е с и о д. Си къэжIуэжыкIэри? Аракъэ иджы сымыщIэ-жыр... мэуэ жыIэ: Гесиод уафэм къеха псэущхъэхэм езауэрэ я тепщэчыр къэуфэрэнкIа е сыта – Гесиод зимыщIэжу къуэм дэлъу сыхуэзаш, жыпIэнщ.

В а с э. СогъэщIэ мыхъунум.

Г е с и о д. Уэри тепщэчым урадзэнути бгым уелъэри уаIэ-щIэкIащ. Мы мывэмкIэ уафэм къехар къуоуати къыптехуакъым, къыбгурыIуа?

В а с э. УзэрыщIэныгъэлIыр IупщIщ. Сыту фIыуэ къэб-гупсыса!

Г е с и о д. Зомыгъэумыс закъуэ.

В а с э. Зезгъэумысрэ... Ауэ...

Г е с и о д. Сыт «ауэр?».

В а с э. Аванс тIэкIу жыIэт.

Г е с и о д. Сыт и аванс, емынэунэрэ?

В а с э. Зы бжэ дэзмыдзыхмэ, сыкъаумысынкIэ хъунуш, къыбгурыIуа? Чэф сиIэмэ, щIыкIэ сыIэкIуэлъакIуэщ.

Г е с и о д. Чэф уиIэмэ, зыми и фIэщ ухъуххэнкъым. ЖыпIэр сыт?

В а с э. Сэ зызошIэж, си къуэш. Собранэм сыкъышыпсэ-лъэнуэм, графиным нэхъапэ щIыкIэ пивэ изогъахъуэри, итIанэщ жьакIуэ сыщыхъур.

Г е с и о д (*и жытым йопэщIэщыхъри*). Мэ сомищ, зригъэкъу мысыхъэткIэ.

В а с э. Уа, уафэм укыызэрехар белджылыщ: аркъэр лъапIэ зэрыхъуар пщIэркъым. Зы птулъкIэ къыщIэкIыу къызэт.

Г е с и о д. Абы и уасэм урикъунш.

В а с э. Зы тумэн нэхъ мащIэ къыпIысхмэ, тхъэр согъэщIэ (*И IэпхъуамбищIыр кърегъэлягъу*).

Г е с и о д. Мэ, напэ зимыIэ.

В а с э. Шэсыжыбжэ дебгъафэркъэ...

Г е с и о д. Игъахъуэ.

В а с э (*Фадэр иригъахьуэрэ*). Тобэ ярэби, щІэну щыткъым дунейр зэрызэхэлгыр. Зы зимыІэм, выжытІ иІэт жыхуаІэм хуэдэу, зы димыІэу алыхьым мывэшхуэ къыдитащ, мазэм къыгуиудри.

Г е с и о д. Куэдщ къыубжар. Къащтэ мывэри зегъэхь, зыгуэрым дыккымылтыгъуа щыкІэ.

В а с э. Мыр зи хьэлыагъ мыгъуэри дауэ схьыну.

Г е с и о д. Машинаэ ухуэзэнкІи мэхьу...

В а с э. Дыккыракъухьмэ, мыр уи гъуэншэддж пхалъэм илтьхы псым зыхэдзэж...

Г е с и о д (*КІэлъыкІуатэу*). Зумыгъэгувэ, къыбгурыІуа? (*И закъуэу къэнауэ уафэм доплъей*). Уа, планетэ гуэрым сыкІуауэ щытатэм Тушкан сымэ сыт жаІэнт? Сэри сыкІуэрэ къэзгъэзэжтэм, си жагъуэгъухэм зафыщІыжурэ цы къатенэжырэт. Памятник схуагъэувын дэнэ къэна, фІыщІэ жыг схухасэнт. Радио сытхэм си гугъу фІэкІа ямыщІыжу. (*ЛъагапІэм тоувэ*). Радио Биг-Бен жыхуаІэм и сигнал зэхыбох, дикторым жеІэ: «Псалъэр Лондонщ. Би-би-си радиостанцым урысыбзэкІэ нетыр. Передаем краткую сводку важнейших событий. По сообщениям агентства рейтер, инопланетные существа на летающей тарелке совершили мягкую посадку в горах Кавказа. Из осведомленных источников стало известно, что неизвестные тарелкоплататели, заинтересовавшись опытами молодого ученого пригласили на консультацию к себе, а затем вернули его на землю...»

Борис Борисовичи лъагапІэм тету: ЩІэныгъэлІу мыбы кърихьэлІам я цІэкІэ сэлам гуапэ узох, ди къуэш. Ди напэр къэптхьэщІащ, дыккэбгъэпэжаш. УккызыхэкІа лъэпкъым набдзэ уахуэхьуаш. Уи щІэныгъэм нэхъри хэбгъэхьуэну сынохьуэхьу. УздэщыІа планетэм бэІутІэІуншэу уккыІыжаш, дэри дызэрыпщыгугъауэ уккыщІэкІащ, уи Іуэху дахэ ухьу.

Сыту фІуэуэ сщІат, ярэби, франц Іосиф зыфІаща щІыналъэм сагъакІуэу сызэрымыкІуар. УлІу лыгъэ уиІэщ, Гесиод. Уэ зиужь уитар зи фІэщ хьу щымыІами, псоми уатекІуащ. Сэ сщІэрт уэ лІы къызэрыпхэкІыну. Афэрым, Гесиод! Ура!

Тушкани къыкбуош, Іэнкуну, зэрыщІегъуэжар плъагъуу.

Т у ш к а н: Ккысхуэгъэгъу, си къуэш. Сынофыгъуэрэ уи щІэныгъэр си фІэщ хьуаккыым. ПсэкІэ сщІэрт уэ жыжъэ узэрыкІуэнур, ягъэ кІынккыым, ккысхуэгъэгъу.

Гесиод и фызхэри гъуэрыгъуэрэ къохьэ.

Я п э ф ы з ы м: А си Хьисэ цІыкІу, си псэ закъуэ. Зы махуэ си гум уихуаккыым. Си нэр зэтеспІэмэ, уэр фІэкІа сымлыагъуу нобэ къыздэсым сопсэу. Сыту насыпшыхуэу алыхьым уккысхуихьыжа. Нобэ нэкІуэж щыжыпІэ сыхьэтым фІэкІ пІалъэ

имыІэу сынэкІуэжынуш, си псэр зышхын.

Е т І у а н э ф ы з ы м: Абы жиІэр уи фІэш умыщІ. Полакыншэу згъээжынукуым, езыр кьакІуэу кьызэлъэуами, жиІэу уэрамым дэтащ ар, си деж накІуи, тІасэ цыкІу, си лъагъуныгъэр кьомэщІэкІынкуым. (*Сберкнижкэр кьыдехри*) мис ахъшэ кьысхуэбгъэнам хэзгъэщІа щІагъуи шыІэккуым – бэльто закъуэ кьэсшэхуаш, уэ пфІэфІ бэльтом хуэдэу. Сэсхуэдэу уэ фІыуэ узылъагъу дунейм псэ зыІут теткуым, си псэ. КьэфэкІи зээгъэщІаш. Кьеплгыт си кьэфэкІэм (*Кьофэ*).

Е щ а н э ф ы з ы м (*адакъэ фІэгъэжа иІыгыгу*):

– Хьисэ! Зы махуэ сынокъуэншэкІаккуым. Кьыстеплъхъэ си хьэлъэу сыбдэпсэуаш. УлЫябгэт, уткІийт, улЫ хахуэт. Мис адакъэри пхуэзукІаш. Иджыпсту пхуэзгъэжъэнщ, джэдыл гъэжъа пфІэфІыххэу шытащ...

Фызищми щхъэщэ кьыхуашри йокІыж. Д а д э р и утыкум кьохъэ.

Д а д э м: Мэккэ сыбгъэкІуэну сыкьэбгъэгугъатэкъэ – си Іуэгъуэ хьуаш.

Албинэ удз гъэгъа дахэ иІыгыгу кьэсац.

А л б и н э. Сынохуэхъу, Гесиод (*удз букетыр ирет*). Уэраш сэ фІыуэ слъагъур. Уэраш си псэр зыхъэхуар (*ЗигъэфэрыщІу кьофэ*).

В а с э. ЖысІатэкъэ, кьэфэкІэ зымышцІэ шыІэ хьунукуым, жысІэри?.. Ансамбль хьуаш уи фызу шыта илъэккыр. Къаштгэт иджыри аванс тІэкІу!

Е Т І У А Н Э Е Д З Ы Г Ъ У Э

ЕЩАНЭ ТЕПЛЪЭГЪУЭ

І у п х ъ у э р з э І у а х

Декорацэр япэ едзыгъуэм итар араш. Музыкэр кьоуэ. Авторым и макъ:

Фочауэр щІым текуэм трешІэ лъэужь,
Шэрыуэу хьуэхъу псалгъэр шыжаІэр гуфІэгъуэщ.
ЦІыху лъэккхэр зэкъуэтмэ я Іуэхум зеужь,
ЩІыналъэу зытетми кьышохур щІэшчыгъуэ.

Зи псалгъэ купщІэншэм имыІэ зы фІыщІэ,
Хэку набдзэу кьалгытгэм хуаукІыр гьэлъэхъу.
КъуэфІ зиІэм и щІыгур гуфІэгъуэ шымышцІэ,

Уи напщІэ щІыхь тельмэ, цІэрыІуэ щІыр мэхуэ.

Си псалъэр узыншэу гум къисхыу согуэш,
Си гьусэ фемьшу, фынакІуэ гьуэгуанэ.
Си гуапэу согуфІэ, си куэдщи сэ къуэш,
Фи жагьуэ сэ сщІыуэ фэзгьэщІрэ гукьанэ?

Тушкан (*газетым еджэу*). ХьыбарщІэжкьым а зым фІэка:
«Гесиод тепщэчым ису», «*Тепщэчым исыр Гесиодиц*».

А л б и н э кьыщІохьэ.

А л б и н э. Сыт жыпІа газетым ятхыр?

Т у ш к а н. Гесиоди усэ традзащ.

А л б и н э. Гесиоди?

Т у ш к а н. ХыфІадзауэ щытар кьыкьуальэфри традзащ.
Езыр тхьэусыхуэ зэхэсхаш си усэр традзэн ядакьым, жиІуэ.
Иджы мес.

А л б и н э. Иджы, дауи, традзэнщ. ЦІэрыІуэ хьуаш.

Телефоньр кьоуэ. Албинэ трубкаэр кьештэ.

ЩІэныгьэ станцыр нодалуэ. Хэт жыпІа ар? (*Трубкаэр щегу-быдыкІри щэху зещІ.*) Гесиод и япэ кьэшэгьуэу фызу кьышар аращ жыпІа? Хэт мыгьуэм ищІэн иджы Гесиод здэщыІэр? Нэхушвагьуэм щыІэ е хур хьыджэбзхэм ябгьэдэс? Узэрыгузавэр сэри сощІэ. Тхьэм кьуитыж уи щхьэгьусэр. Дэри дыпоплъэри дыщысщ. (*Трубкаэр трельхьэж*). Аращ уи лыр цІэрыІуэ хьуамэ...

Т у ш к а н. Сыт мыгьуэ ари кьыхэмыщтыкІыу щІэмыжейр?

А л б и н э. Си лыр кьэкІуэжмэ, жеІэри щысщ.

Т у ш к а н. Щхьэм имытмэ, лъэм бэлыхь тельщ.

А л б и н э. Абы и закьуэми зыгуэрт бэлыхь зытелтьыр. Борис Борисович гуфІэшауэ и Іупэр хузэтехэжыркьым: кьэмыхьуа кьыщыхьуар ди дежщ, жеІэри.

Т у ш к а н (*цатэу*). Бэрбэрисич щхьэзэ хьуаш, ухуеймэ. И нэр кьыщхьэрипхьуащи ухэзэгьэжыркьым. Уафэм дэкІуеяр езыр аращ жыпІэнщ. АдкІэ-мыдкІэ хьыбар яригьэщІащи телеграммэ кьыздикІыр пщІэнукьым. Гандурас обсерваторэм кьагьэхьаш тхыльымпІэ, кьехуэхьуу, Далай-ламэ жыпІэнущи аращ. Пионер отряд гуэри метеорит льыхьуэ ежьауэ телеграммэ кьагьэхьаш. Папэ Римскэм кьитхынкІи хьунщ зыгуэр.

А л б и н э. Уэри, тІэкІу мыхьуу, узэкІуэкІауэ фэ узоплъ. Хьэмэрэ сыщыуэрэ?

Т у ш к а н. ЛЮ сызэкІуэкІыу кьысщыщІар?

А л б и н э. КьыпщыщІар бжесІэну ухуей? Кьедалуэ. Япэм

уафэм удэлпльейуэ ушысащ, уэ зыщІэт пшэ кьэслъагъуну пІэрэ жыпІэу. Иджы дунейм зыри пфІэІуэхужккъым. Пшэм уапыкІыу си ужь укъихъа хуэдэу кьысфІошІ.

Т у ш к а н. КъызгурыІуащ. Дэнэ дыгъуэпшыхъ уздэщІар?

А л б и н э. Уафэм сьдэлпльейуэ сьщысащ, Гесиод кьэкІуэжу слъагъуну пІэрэ, жысІэу.

Т у ш к а н. Куэдщ Гесиод и хьыбар сьзэдэІуар. Ськъызы-треч, схуэмьшэчыжу. (*Нэхъ цэху зыцІауэ*). Дызэхуэзэну дызэ-гурыІуати. Щхъэ укъэмыкІуарэ? Турбазэм кино къагъэлъа-гъуэрти деплъынут.

А л б и н э. Сьт хуэдэ картинэт?

Т у ш к а н. Лъагъуныгъэм теухуауэ.

А л б и н э. Шпионым теухуам сеплъыну нэхъ сфІэфІщ. Са-наторием сьщыщІэм зыгуэрэм кином сишащ: накІуэ тІэкІу дыхъэулеинщ, жиІэри. Кином дыкІуэмэ – псоми я щІыбагъым дыдэсу дигъэтІысащ – арат билет къищэхуар. Уэри арат пщІар?

Т у ш к а н. ЗыкІи уи фІэщ сыхъуркъым. Пэжкъэ?

А л б и н э. Си фІэщ мыхъу щыІэ? Тепщэч зелъатэ жыхуа-Іэри, зэ Іуплъэгъуэм хьэщыкъ хъуащ, жаІэри, Гесиод уафэм зэрыкІуари – псори. (*Уафэм дэлпльейуэ*) Гесиод, Гесиод ут-лъагъужыни, удмылъагъужыни...

Т у ш к а н. Гесиод, Гесиод. ФьщІемыгъуэжашэрэт псори. Псоми я жьэм яхуэмыгъэныщкІуу къажьэдэнар Гесиодщ. Япэм фыз къешэ, ирегъэкІыж жаІэу ешхьдэрт, иджы, зэрыжаІэмкІэ, цІыхубзым гущІэгъу яхуищІу арауэ жаІэр фызкІэ бзаджэу щІыщыгар.

А л б и н э. Уемыфыгъуэ. ФІыккъым. Ар зы!

Т у ш к а н. ЕтІуанэр сьту пІэрэ?

А л б и н э. ЕтІуанэри? ТІэкІу нэхъ нэжэгужэу дунейм утетмэ зэранкъым. ЛъагъугъуафІэщ, жаІэнщ. (*Телефоныр къоуэр, Албинэ трубкар къеиштэ*). Гесиод и фыз етІуанэр, жыпІа? Дэ сьткІэ сэбэп дыпхуэхъун. Гесиод урифызу зэрыщытамкІэ справ-кэр сельсоветым къуатынщ. Хьэуэ, тІысэ, абы хуэдэ справкэ дэ ттырккъым. Узынщю! (*Трубкар игъэтІылыжсауэ*). Плъагъурэ, ари и ІэфракІэм йодзэкъэж щІегъуэжаци, иджы Гесиод зри-шэлІэжа зэрыхъуныр ищІэркъым. Космосым теухуауэ лекцэ къеджэну обществэ «Знанием» я деж макІуэ.

Т у ш к а н. Гесиод лъагашэу дэкІуеящ, къехъыжа зэрыхъуныр тхъэм ещІэ. ПэнщІывкІэ щІимыхуащэрэт.

А л б и н э. Исторэм хэхуащ – Гесиод къэзымыщІыху хэкум исыжу си фІэщ хъуркъым.

Т у ш к а н. Исторэм хэхуащ, къыхэкІыжыфым.

А л б и н э. Уемыфыгъуэу узиІэ. Зи, ущІефыгъуэни щыІэщ. ЩІыльгэм щыгетым цІыхубзхэм я плъапІэт, иджы уафэм дэкІуе-ящи нэхъ цІэрыІуэж хъуащ, къыгъэзэжу тлъагъуну пІэрэ, жытІэу дыдоплъей.

Т у ш к а н. Дугуэ, Гесиод алыхьым и пашхьэм ихъэжауэ
ди хьыбар иримыгъэдагуэу пIэрэ ?

А л б и н э. Уи фIэщ хьуркьым ари. Василий ильэгъуауэ
щыта мывэр-щэ? Вагъуэ къутахуэ кьихьар плъэгъуакъэ?..

Т у ш к а н. МелыIыч хьууэ пIэрэ Гесиод? ХьэкIэпычыжт
игъащIэм...

А л б и н э. Бегъымбарт щхэ жумыIэрэ?

Т у ш к а н. Бегъымбару алыхьым и лIыкIуэр Гесиод хуэдэмэ,
алыхьым гущIэгъу хузощI – кьигъэпцIэнщ.

А л б и н э. Алыхьыр уи фIэщ хьуххэркьым.

Т у ш к а н. Си фIэщ хьу гуэри щыIэу кьыщIэкIынщ.

А л б и н э. Хэтү пIэрэ?

Т у ш к а н (*хьыджэбзым гъунэгъуу бгъэдохьэри*). Уэращ. Уэ
зыр аращ си фIэщ хьууэ щыIэр. АрщхьэкIэ, неIэмал – мо мывэм
хуэдэу уи гур щыIэщ.

А л б и н э. А мывэри пщтыру щытауэ Василий щегуэж.

Т у ш к а н. Тхэ щыпIуэжын пэжу? Хэт зыльэгъуар?

А л б и н э. Борис Борисович.

Т у ш к а н. НтIэ сыгу зыми жримыIарэ?

А л б и н э. ЖиIамэ пщIэрэ. Гурышхьуэ куэдыщэ уощIри.
Ущыуэнкьым.

Т у ш к а н. ЩIэныгъэм хэтыр аращ зэрышыгын хуейр.

А л б и н э. Фыз кьыщишэм дежи гурышхьуэ ищIуи?

Т у ш к а н. Нэхъ Iэнкун щыхьун хуейр абдежщ.

А л б и н э. ЗэрыжыпIэмкIэ, детсади дыхуеижкьым? Куэдрэ
хэдэр Iыхьэншэу кьонэ.

Т у ш к а н. Ара дыгъуэпшыхь укьыщIэмыкIуар?

А л б и н э. СыкьэкIуатэмэ, кином дыкIуэн хьэмэ дымыкIуэм
нэхьыфI, жыпIэу пщIэнур умыщIэу гугъу уехьынт. Хьы-
джэбзым яфIэфIкьым, тIысэ, щIалэр дзыхьмыщIэмэ, Iэнкунмэ.
Гесиод плъагъуркьэ, кьишэрт, иригъэкIыжырт, кьишэрт,
иригъэкIыжырт, испытательнэ срок яхуигъэувауэ.

Т у ш к а н. Сызэтромыгъэч абы и гугъу пщIыуэ...

А л б и н э. Зэ укьызэтричашэрэт уэ укьызэтричынуми.
Уафэр кьызэтричмэ уэ кьохьыр, щыблэ маурэ. Уэ пшэ фIыщIэ
плъагъумэ, топкIэ уафэм удоуей. Кьызэтрич плъагъу хьуркьым.

Т у ш к а н. Кьызэтрич лъэпкь щIэныгъэм езэгъыркьым.

А л б и н э. НтIэ, хьыджэбзым йозэгъ. Джэдгын зи жагъуэм
и Iупэм кьытокIэ, жи. Уэ уигу иримыхьыр IэщIагъэ пхуэхьуащ.
(*Телефоныр кьоуэ. Албинэ трубкар кьещтэ*) Дынодагуэ.
Кьуршым ит щIэныгъэ станцыр аращ. Зи, щIэупщIэ узыхуей
дыдэм. Гесиод и фыз ещанэр аращ жыпIа?

НтIэ сыг? Дэнэ, тIысэ, заявленэ зыдэптхар? Народнэ судым?
Кьегьыхьж, си псэ. Нэхыхьыр судым щлебгъэкьютэн щыIэкьым.
Гесиод кьигъэээжмэ уи дежу кьыщIэкIынщ япэ здэкIуэнур.
Унэр зэлыIухауэ ирегъэхьэлIи нэхьыфIщ. Узыншэу. Кьызэ-

рысыжу и хыбар зэхэпхынш...

Т у ш к а н. Къаштэт трубкаэр.

А л б и н э. Трильхэжаш. ЛПот жыпІэнур?

Т у ш к а н. ЖесІэнущ, зыщымыгугьын шымыгугьыну.

А л б и н э. Уэ уцогугьри мэху, сыт аршІэмыхур? Къаштэ
уи Іэр, уи гугьэр кьохуулІэнрэ, кьомыхуулІэнрэ бжесІэнш.

Т у ш к а н. Сэ сощІэж ар (*заницІэу Албинэ ІэплІэ хуециІ*).

А л б и н э (*зыІэциІчу*). Шыгьэт, сыт кьыпшыщар?

Т у ш к а н. Сыкьызэтреч. Мэ, еплъ си Іэгуми.

А л б и н э. УмафІи. ЕмыкІуш, сыутІышц. (*КьыІэциІэклауэ*).

Къаштэ уи Іэ ижыр. Нэрыльагьуш, гьашІэ кІыхь ухьунуш,
вындыр ильэс шищкІэ пэзууэ жаІэ, вындми утекІуэжауэ
пльагьунш. Догут. Мыр плъагьурэ, уи гьашІэр кІыхь цхьэкІэ,
уи льагьуныгьэр кІэшшц.

Т у ш к а н. КІэшми ирекІэщІ. Уэраш сэ фІгуэ слъагьур.
Уэ зы махуэ узигьусэмэ, ильэсишэм и уасэщ. (*И Іэр ІэштІым
ециІыр*).

А л б и н э. Мыр зэрынасыпыншэ. Уи гурыфІыгьуэ пІэщІи-
хыну зыгуэр уи ужь итш.

Т у ш к а н (*и Іэр кьыІэциІчри*). Естын и гугьэ...

А л б и н э. Альхь Іэмырш. Кьызэт жиІэу кьольІун уи гугьэ?..

В а с э. (*ауан ициІу*). Тхьэм зэакьылэгьу фищІ. ШІэныгьэ
Іуэхуш фызытепсэльыхьыр. Кьыхуэвгьэгьу фи псалъэр
зэпы-зудынш.

А л б и н э. Ай, сыту сыкъэбгьэщта? Дэнэ укьикІа, уафэм
укьехуэха хуэдэ?

В а с э. Уафэм сэ сыкъемыхуэхами кьехуэха щыІэщ. Зэхэ-
фхакьэ?

Т у ш к а н. ЛПо зэхэтхынур?

В а с э. Ауэ сытми хыбар! Ауэ сытми хыбар! Зэхэзыхыр
мэгуфІэ.

А л б и н э. НтІэ дэри дыгьэгуфІэ.

В а с э. ЦІыхур гуфІэу кьуэм дэзу дэтш. ФынакІуэ! Гесиод
кьигьээжаш.

Т у ш к а н. Сыт жыпІа?

А л б и н э. Уи гурыфІыгьуэ тІэклур пІэщІахынуш жысІатэ-
кьэ? Араш уи натІэм ильыр, умыбэлэрыгь.

Т у ш к а н. Уафэм дэльэтейри Мухьэмэд бегьымбарым бгьэ-
дэсу чайнэм шІэсц жаІати, иджы, еплъ, кьигьээжаш, жаІэри
зэрызохьэ.

В а с э. (*Тушкан хуэхьуциІэу*). Сыту уцыху гьэщІэгьуэн. Ге-
сиод и унэ кьэклуэжаш. Зэхэзыхыр мэгуфІэ, уэ зыр араш ар зи
нэм бжэгьуу кьышІэуэр. УзэрышхыкІыр узэхьуэпса тепщэчыр
арауэ кьышІэкІынкьым.

А л б и н э. Дапщэщ кьышчыкІуэжар? Иджыпсту сыхуэзатэм,
тІэу семьшльу ІэплІэ хуэсщІынт. Дэнэ здэщыІэр Гесиод? ШІхьэ

хыбары домыгъэшIарэ?

В а с э. ФыздэщыIэр сщIэххакъым, фэзгъэшIэнуми.

Т у ш к а н. Зегъэхъ адэ. Батэкъутэр щIэбгъэшын щыIэкъым. Алыхъым и пащхъэм укъыкIыжа хуэдэ уи кIэр исауэ уэрамым удэтщ.

А л б и н э. Хъэм и губжь кхъуэм хуахъ, жыхуаIэр аращ.

Т у ш к а н. Уи бгъэм хэлIуа къэнжалри сыт?

В а с э. Къэнжал ар? «Уафэмрэ щIыльгэмрэ» жиIэу общество зэхашащ. Сэри абы сыхэтти значок къызатащ.

Т у ш к а н. Хъарзынэщ. Куэдым ушыгъуазэу къыщIэкIынщ уэслъагъури, къызгурыгъаIуэт: Гесиод сыткIэ къэкIуэжа: такси, хъэмэ Мухъэмэд бегъымбарым и шыдыр ара?

А л б и н э. Щхъэ ушыхъа абы. ДывгъакIуи тлъагъунщ.

В а с э. Таксикъым икIи шыджъым. Уафэм къеха псэуцхъэр зэрызекъуэу Гесиод шралъэфажъэм, заритынт? Заритакъым.

А л б и н э. ЛIыгъэ зыхэлъыр гъуашэрэ.

В а с э. Тепщэчым исар зэбгридзу хуежъащ.

А л б и н э. Адыд! Сыту къимыхуарэ?

В а с э. Къихуа уи гугъэкъэ? Гесиод зым еуэри ириудаш, адрейми кIуэцIыпкIэри щхъэпригъэдзащ, ещанэр и щIыбагъым-кIэ къыдыхъуэ зыкъыщридзым, тепщэч зэрысыр дамэдазэ хъури Гесиод къихуаш...

А л б и н э. Тобэ ярэби! Псэууэ къелащ итIани.

Т у ш к а н. ЩIэбгъэлъэIуаш, си къуэш.

А л б и н э. НтIэ дауэ къела?

Т у ш к а н. Къемылу хъэдагъэ кIуэн? Тепщэчым щитIысхъэм жъауэ цIыкIу иIыгъа хъунти, жъауэр иIыгъыу мелыIычым хуэдэу къетIысэхъа хъунщ.

В а с э. Жъауи иIыгъакъым. Тепщэчыр дамэдазэ хъууэ Гесиод къихуа иужь, насыпыжъыр иIэти, Убжэ и джабэм тель уэс куум къыхэхуаш. Метр тIощIрэ пщIырэкIэ уэсым хыхъати, ерагъыу къыдэпщейжащ, езы мыгъуэри хъэлэчу зэхифыщIащ, уэсыр кууа щхъэкIэ, и щIагъыр мылт...

А л б и н э. Еууей! ЩIэбэмпыхыынкIи хъунт.

В а с э. КъельыкIафIэу къелаш, жыпIэр сыт.

А л б и н э. Метр тIощIрэ пщIыкIэ...

Т у ш к а н. И насыпти нэужьыдзэ хуэзакъым.

В а с э. Аращ, алыхъым и нэфI къыпщыхуэмэ. Уэ уфыгъуэ-нэдщи уафэм къехуэхар уэратэмэ Iэмал имыIэу нэужьыдзэ ухуэзэнт.

А л б и н э. Хуэзэу жыпIащ. ЩIэныгъэлитI зэрылъагъу хъуркъым. Зым зыгуэр къехъулIакъэ – адреим и цищ мэтхъур. МащIэслъэгъуа абы хуэдэ...

Т у ш к а н. Щыгъэт. Уэ плъэгъуамэ, плъэгъуар щIэныгъэлI сытми? Самодетельностым хэт щIалэхэр аращ уи IупэфIэгъур.

А л б и н э. Уэ нэхъ пщIэнщ. Фыз къэпщэнумурад пщIамэ,

нэхьапэ щыкIэ и дуней тетыкIар зэгъашIэ, ара?

В а с э. Гесиод алыхьым кыхьумаш.

А л б и н э. ЩIэныгъэлI хуэмызар сэра? Санаторэ сыздэщыIам диссертант гуэрым и акъыл зэIыхьэным тIэкIут кьэнар. И диссертацон кьеджэр щытхьуу, кьеджэр щытхьуу зацитэм нэса иужь Iэ шаIэтым псоми «против» защIэу яIэтащ. Ар кьезэгьрэ?

В а с э. ЩIэныгъэлIщ, жыIэ итIани.

Т у ш к а н. ЩIэныгъэлI псори зэхуэдэ уи гугъэ? ИгъашIэм тхылъитI зэкIэлъыкIуэу емьджауэ, сыпрофессорщ, жызыIэ дапщэ ухуей?

А л б и н э. Аращ дэри жытIэр. Кандидату степень иIэмэ, нэхь дахэр кьышэну хуожэ.

Т у ш к а н. НтIэ си Iуэхуц иджы Гесиод хэпIыхь имыщIым. ЗэблIдзынщ хьыджэбзыр.

В а с э. Бэзэрым бдзэжьейр зэрызэбладзым хуэдэу.

Рациер кьопIэнкI. Албинэ трубкаэр кьештэ.

А л б и н э. Алло. Тушкани? ЩыIэщ. ЖесIэжынщ. (*Трубкаэр трельхьэж*). Метеоролог нэхьыщхьэм топауэр кьоджэ, тIысэ. Алыхьым ещIэ абы кьыщыхьуари.

Т у ш к а н. (*Албинэ бгъэдохьэри*). Лей жысIамэ, кьысхуэгъэгъу. Уи жагъуэ сщIыну сыхуеякьым.

А л б и н э (*ину*). Уэ си жагъуэ пщIыкIэ сыгузавэрэ? ПщIыкьым сэ жысIар?

Т у ш к а н. (*Албинэ епсальэу*). Пщыхьэщхьэ сыныпIтыгъуэ-зэнщ, хьункьэ? (*Васэ епсальэу*). ФIыкIэ!

В а с э. ЧАО! – Аращ си ныбжьэгъу гуэрым жиIэр.

А л б и н э. Уи ефэным пыпчауэ жыпIати.

В а с э. СогъэщI тIкIуэпс слухуам. Машинэм сису саукIами Iубыгъуэ зыIузгъахуэркьым.

А л б и н э. Василий, иджыри зэ укьыщIэхуэнщи...

В а с э. Умыгузавэ сэр щхьэкIэ, узгъэукIытэнкьым. Уэ кьысхуэщIар сэ сшыгъушцэ нэхьрэ кхьуэ фIыцIэ сыхьуу мэзым сыщIыхьэжмэ нэхьыфIщ. Уэр мыхьуамэ Бэрбэрисич сигъэувьжрэт...

А л б и н э. ЩIакхьуэ Iыхьэншэу укьанэмэ сэри си гуапэ хьунукьым.

В а с э (*Тушкан здэкIуамкIэ плъэуэ*). Мыбы бзэгу имыхьатэмэ Бэрбэрисич гу кьыслыитэххэнутэжым.

А л б и н э. Абы гурыщхьуэ зыхуимыщI щыIэ. Узижагъуэр фызу кьыушэ. ИгъэбэмIэнщ.

В а с э. ГурыщхьуэщIщ.

А л б и н э. Псоми кьагъапцIэ и гугъэщ.

В а с э. Пивэ ефэм хуэдэщ, Крушкэм еIубынщи, зифыщIыжу

хуожьэ пивэм хаклар псыщ, жиІэу. НтІэ псы хамыкІэу коньяк хебгъэкІэну?..

А л б и н э. Джэдым щыкъун и пщІыхьэгъуш.

В а с э. Тэмэм. Пивэм хаклар псымэ нэхьыфІыххэщ. Сыту жыІэт. Псалгэм щхьэкІэ, милиционерым укъегъэувыІэ – уи жьэм сыжьэдэгъэпамэт, жи, пивэм хаклар псымэ, епэм пэт.

А л б и н э. Тушкан и фэр пыклат, Гесиод къэкІуэжащ, щыжыпІам. Гу льыптат?

В а с э. СешьхьэкІуа хуэдэт.

А л б и н э. Пасэреижьщ жыпІэнт.

В а с э. Мыпасэреижь щыІэ. Фадэ уефэрэ – упасэреижьщ, дадэм нэмэз ищІрэ – пасэреижьщ, хьэмцІыракІэ къыптекІами – ари араш.

А л б и н э. ХьэмцІыракІэри сытым щыщ?

В а с э. ХьэмцІыракІэр урыс аркъэкІэ трагъэхуу шытауэ жаІэ, иджырей аркъэр текІэ пэт – хагъуэ хидзэнукъым, Тушкан и гум уэ хагъуэ зэрыхебгъэдзам хуэдэу.

А л б и н э. Сыт а жыпІэм кыкІыр?

В а с э. ЗэрыпщІэжщ. ЗэбгъэкІуэкІащ лыр, шы нэфым ешхуу льэпэрапэу къекІухь, и псэр къэпхьэхуащи. Гесиод къызэрыкІуэжар и нэм бжэгъуу къыщІоуэ, сІэщІиудым, жиІэу гужбегъащи.

А л б и н э. Тхьэ пэжыр жыпІэн – пэжу пІэрэ Гесиод щхьэкІэ жаІэр. Быхь жысІэу цІыхум зэхезгъэхынкъым.

В а с э. Уи фІэщ хьуркъэ? ЩІалэ хьарзынэщ, Тушкан хуэдэ сытми.

А л б и н э. Гесиод здэщыІэм хур хьыджэбз къришамэ пщІэрэ?

В а с э. Уэлэхьы, хур хьыджэбзи къыдэкІуэнмэ, цІыхубзу къэзылыгагъум я псэр къехьэху... Дадэр къокІуэ.

Дадэр, ушцІэ пыІэшхуэ хьужауэ, къокІуэр.

Д а д э м. Сэлам алейкум.

В а с э. Уалейкум сэлам.

А л б и н э. Тхьэм уигъэузыншэ.

Д а д э м. Бесльэн жэщкІэ дызэрылт шхыІэн-къэпыр дыж жыІащи, дэнэ шыІэу пІэрэ?

А л б и н э. Мес, и гъунэм щылгыр араш.

В а с э. (Албинэ еушцІу). Ууейр дара?

А л б и н э. ЛІо зэрыпщІынур? Си шхыІэн-къэпыр зэфІэтхьакъым. (Щэхуу.) ЗэбгъэщІэну ухуей – пщыІэм шІэлъщ. Уи пэр щІэпІунши – къызжиІакъым жумыІэж – пачынщ. Зыми жомыІэ, къыбгурыІуа?

В а с э. Мо къэпитІыр хэт ей?

А л б и н э. Тушканрэ Гесиодрэ.

В а с э. ЖэщкIэ цIыхубзыр щхьэхуэщ, цIыхухьур щхьэхуэщ. Мэжджытри аращ – цIыхубзымрэ цIыхухьумрэ щхьэхуэ-щхьэхуэу нэмэз ящI. (*Дадэм шхьIэн-кьэпыр и куэцIыгм ирилъ-хьауэ йопэццэц*). ЛIо, тхьэмадэ, уи пэр щIепэзэзэхьыр?

Д а д э м. НтIэ, тIысэ, си кIэр исауэ кьыщIэзжыхьын шыIэу сщIэркьым.

В а с э. Уи кьуэр уафэм дэжIуейри кьыггэзэжащ, мелыIычхэм ябггэдэсу Алыхьталэм чайнэм дыщIэсауэ жаIэ, иджы зэхэзыхым хуэггэщIаггьуэркьым. УфIэмащIэ.

Д а д э м. Шыпсэщ ахэр.

А л б и н э. И адэ дьдэм и фIэщ хьуркьым.

В а с э. Зэхихауэ кьыщIыкI. Зэхэпхакгэ?

Д а д э м. Дауэ зэхэзыхьыу? ЛIо уафэм дэжIуейрэ кьехь-жамэ? Зауэм кIуэуэ кьэжIуэжамэ зыгуэрт.

А л б и н э. Догуэ, зауэм нэхьрэ мынэхь шынаггьуэу пIэрэ уафэм удэжIуэиньр.

В а с э. Ар зи лбагаггьым укьельээн жыхуэпIэр сыт хуэдэ? Алыхьым сыщихьумэ.

Д а д э м. Уэ пхуэдэм дежкIэ шыдым утесынри шынаггьуэщ.

А л б и н э. Зыщумыггэгушцэт, тхьэмадэ. Уи кьуэр кьелы-ггьуафIэу кьелащ, насыпышхуэ иIэти.

Д а д э м. Гесиоди? ЕщIэр абы дуней и пIальэ...

В а с э. Уафэм уджэрэзу тепщэчым хуэдэу уитыныр сыт хуэдэ...

Д а д э м. А-а. КьызгурыIуащ. Мыра зи гуггьу пщIыр? (*Ипы-Iэр щхьэрехри тольэщIыхь*). Дунейри шэрхьыу мэкIэрахьуэ. Си ушщIэ пыIэри аращ. Тхьэ соIуэ щхьэримыудатэм зы напIэ-зыпIэм. Мис, топышэ кьутахуэм пхиудащ. Тепщэч зельатэ жаIэу абы хуэдиз топыр щIаггьэуари сыт? Я нэм кьыщхьэрипхьуащи я диным йокIыр.

В а с э. (*Албинэ епсальэу*). Уэлэхьы угурымыIуэну мы слаггьым. НэггьуэщI планетэ жыхуаIэр бжэггьукIэ кьраудми ищIэ уи гуггьэ.

Д а д э м. Уэ пщIэм хуэдиз сэ зэрысщыггьушцэжар уэ пщIэуэ узилэ. Уи дежкIэ нэггьуэщI планетэм я чайнэр нэхьыфIу аращ...

В а с э. Я хур хьыджэбзхэр Iейкьым, жаIэ.

Д а д э м. Уэ нэхь пщIэнщ, уи фьзыр хур цIыхубзу щытауэ жыбоIэ.

А л б и н э. Сыту уггэщIэггьуэн, дадэ! Уи кьуэм цIыхум я нэгущIэмькIа щIиггэклэщ, я пщIыхьэпIэм кьыхэмыхуа лыггэ зрихьащ – уэ ар зыуи кьибдээркьым.

Д а д э м. Дауэ кьызмыдззу. ЛIыггэ зырихьамэ, зьдэпльеин адэ иIащ. И адэм и джатэ Iэпщэ и кьуэм хуэшэрыуащ.

А л б и н э. Уэри уи зэманьгьуэм узэрыахьырзэманар нэрылбаггьущ, итIани уафэм удэжIуеяуэ кьыщIэкIынкьым.

Д а д э м. Шыхьэт нэпцI сылхыхуатэмэ, сэри зыгуэр
сщIэнт.

А л б и н э. Шыхьэт нэпцI ар. Псоми яхуэмыгъэщIагъуэр
аращ. Дуней псор шыхьэт нэпцI?

Д а д э м. ПцIы зыупсри судым ират.

В а с э. Суд Iуэху ухэтащ уэ, дауи.

Д а д э м. Сыхэмытами сощIэ. Нэгъабэ сымышцIэххэу сри-
хьэллауэ шытащ. Гостиницэм местэ ямыIэу кышцIэкIри уэра-
мым сыдэтурэ судым сыщIэхуати зи суд ящIэр зезгъэщIэнщ,
жысIэри сытIысащ.

А л б и н э. Хэтыт зи суд ящIэр?

Д а д э м. Таксист гуэрým.

В а с э. Дыкъмыкъ гуэрým жьэхэуа хъунт.

Д а д э м. Хьэуэ. ПцIы иупсати арат судым щIратар.

В а с э. Уи фIэш хъуну ар иджы?

Д а д э м. УзэрегуакIуэщ. Дыгъуэу-гъуакIуэу IэбжанэфIей
гуэрхэм япыщIа хъунти, и IупэфIэгъухэр ягъэтIысат. Езы так-
систым заригъэумысыртэкъым, хьэдэщIэлъхьэ дыкыкIыжырт,
чэф тIэкIуи диIэу тыкуэным деж дыкъэувыIати дышцыуэри, бжэр
мышьуу, шхьэгъубжэмкIэ дыдэпщI пэтрэ милицэм даубыдащ,
жиIэу. АбыкIэ судыр кышхуэгъапцIэрэт?

В а с э. НтIэ дауэ хьуа?

Д а д э м. Дауэ хъунт. ЩIагуащ.

В а с э. Сыт льягъэсар?

Д а д э м. Мазих кьудейщ. Сэ сыхуитамэ нэхьыбэ естынт.

В а с э. Мазихри мащIэ угупсысэну?

А л б и н э. КъемэщIэкIмэ, хушIагъунщ.

В а с э. КIэрагъэхумэ нэхьыфIщ. ПцIы зыупс псори ягъэ-
тIысу хужьэмэ, пщIэну щыткъым уи Iуэху зэрыхъунур...

Д а д э м. Ара мыгъуэти нэхьыфIыр.

В а с э. Дин щIэкъу хуэдэу зызыщIэхэми я жьакIэр яубыдмэ
дауэ хъуну?

Д а д э м. А-а, укьэгузэва хуэди, си щIалэ. Угузэвэни хуейщ.

Мазих е илъэс кьыптральхьэр зыми щыцкъым, зыгуэрэу
епхьэкIынщ. Уи напэр текIынуши аращ нэхь Iуэхур. Зэ гутнакъ
ухьуа – уи цIэ IейкIэ Iуаши улIэжыхукIэ цIыхум я гум уиху-
нукъым.

В а с э. Сэра а псор зытежыпIыхьыр? Уэлэхьи сэ суд Iуэху
игъашIэм сыхэмыта. ИгъашIэкIэ сыщIыхьэну ухуей а уэ узы-
щIыхьа унэм?

Д а д э м. ТхьэкIумэкIыхьыр ягъажьэу тебэм илъу щилъа-
гъум бажэри шынащ, жи.

А л б и н э. Судым ззэмызэ укIуэу уедIуэным акъыл кьыхэ-
пхынкIэ мэхьур.

В а с э (Албинэ епсальэу). Судыр техникум хьуауэ пIэрэ?

А л б и н э. Мыхьуами закон сытым я пIалгъэ пщIэнщ, хэт

ищIэрэ, иужькIэ сэбэп кыпхуэхъужынкIи мэхъур.

В а с э (Албинэ еплъу). Щыгъэт адэ. Шо таксист лажьэ зымыIэр судым щIратар? Планыр игъэзащIэмэ, аварэ имыщIэмэ, сыт нэгъуэщI узыхуейр? Къэралым лысыну фейдэр лъегъэс, езыми и бынунэ зэрипшыжын кыдегъахуэ.

Д а д э м. Мылъку къэдыгъуакIэ мэджыт ящIыркъым, жаIэу зэхэпхакъым уэ.

Автомобиль макъ къоIу, машинэр гъунэгъуу сценэм аджIэ кыщоувуIэр.

В а с э. Ди Iэтащхъэр къэсащ.

Д а д э м. Уэ машинэм аргуэру укыдагъэкIа?

В а с э. Уэлэхьи, сагъэувыжам. Алыхъыр арэзы кыхухъу Албинэ. Си аккумуляторыр тIысащи Iэтащхъэр артбатареем я машинэм ису къекIухъ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч кыщIохъэ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (АлбинэутиIу). ТелефонкьеуащIэ?

А л б и н э. Гесиод и физхэм фIэкI зыри кьеуакъым.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Шо ахэри зыхуейр?

А л б и н э. Хэт справкэ, жи, Гесиод срищхэгъусэу зэрыщытам щхъэкIэ, хэти дэнэ шыIэу пIэрэ, жи...

В а с э. Гесиод мелыIыч хъуащи хур хъыджэбзхэми загъэхъэфотэ...

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Уэри уи аккумуляторым и ужь ит. Дэ дыздэкIуэнум ущIэмыупщIэ.

В а с э. Сшащ станцым. ЗэрызэфIэкIыу тхъэр согъэпцI сы-хъэт щызгъэтым.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Уэри Гесиод сригъусасщ жыбоIэри уи напщIэ томылхъэ шыIэкъым.

В а с э. Шо абы хуэдэу теслхъар? Уэлэхьи сымылъэгъуа зыми зы псалъэ яжезмыIа.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Журналистхэм яжепIар-щэ? ЗэгъащIэ, шыхъэту утеувэми лыгъэ зезыхъар уэракъым...

В а с э. Газетым кыкIыу къекIуа къомыр кыызэжати слъэгъуар яжесIащ. (Дадэм дежкIэ плъэуэ). Уэлэхьи зы псалъэ щIы-уэ яжезмыIа.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (дадэмеутиIу). Бдыжа шхыIэн-къэпыр?

Д а д э м. Си Iуэхущ бжыдзэ къудей кыдэпщым.

А л б и н э. Сыту щIыIэбжь хъуа.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Гесиод щIыIэ хэмыхъащэрэт.

В а с э. Абы щIыIэ зыхищIэрэ – уэс щIагъым метр щэщIэкIэ ехам щIыIэ жыхуаIэр ищIэжрэ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Ари пэжщ.

В а с э. Хур хьыджэбзхэм ямыгъэпIыщIэм.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*Васэ епсалъэу*). ФIэкIа Iуэхуш. ШейIаным игъэщтам алыхьыр и фIэщ хъужырккъым жыхуаIэм хуэдэу цIыхубзым гуштэ ирагъэщIаши хур хьыджэбзи имыдэжын. Аркъудей? Дэри деушигурэ лIы тIцIащ.

А л б и н э. Псом хуэмыдэу уэ, Борис Борисович. Уэракъэ а лIыр ди коллективым къыхэзышар?

В а с э. Хэтхэ я жэм учытхъумэ сыт жаIэрэ... ФымыпIащIэ иджыри.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. ЛIо, дыпэмьлэщын уи гугъэ коллективыр зэрыколлективу и ужь дихьэмэ?

В а с э. Лъагъуныгъэр мафIэщ, кыгъэщIэнэху кышчылыдынур пщIэнукъым.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*Албинэ епсалъэу*). Iэ зытедзэн щыIэ?

А л б и н э. Мис. Папкэм дэIгыц псори.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*зытхыль папкэм кыдехри епIуэрэ*). Мыр хэт зытхар – дэ ттхырэ хьэмэ кыгъытхуатхрэ?

А л б и н э. Дэращ зыхуатхыр.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Къеджэт-IIэ.

А л б и н э. Рим къалэм дэт папскэ обсерваторэм зыхуахыныр ямышIэу...

Б о р и с Б о р и с о в и ч. ГурыIуэгъуэщ. Яхуэтхыж, ди къэралым динымрэ къэралымрэ я Iуэху щызэхэлъкъым, жыIи...

А л б и н э. Пенсионеру Зюзин жыхуаIэ микрорайоным исыр нывохуэхуэ...

Б о р и с Б о р и с о в и ч. ГурыIуэгъуэщ... Дэ кыдэмыхуэхуэ щыIэ... Сыт нэгъуэщI щыIэ?..

А л б и н э. И нэхьыбэр хуэхуэщ. Iэ зытебдзэн хуейр мыращ.

ТхылгымпIэ зыкъом кърет. Борис Борисович емьджэу Iэ тредзэ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Срочнэм фIэкI Iэ тездзэнукъым. СопIащIэр.

Д а д э м. ДэнэкIэ бгъэзэну?

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Хьэмэмым ськIуэнурэ уи къуэм сыпежэнуш...

Д а д э м. А-а, хьэмэмри Iуэхум шыщц.

В а с э. Нэхъ гуэныхьыншэ ухьунш.

Д а д э м. Уи гуэныхь кIуэдын папщIэ хьэмэмым укIуэкIэ зэфIэкIрэ, нэмэз шIын хуейш.

Б о р и с Б о р и с о в и ч (*Албинэ епсалъэу*). Районым зыгурэ къипсэлъыкIмэ, батырыбжэ зыхуэфашцэм пежаш, жыIэ. (*Дадэм зыхуегъазри*). НакIуэ!

А л б и н э. Батырыбжэ зыхуэфашцэм сэлам тхухыж.

Борис Борисович дадэр и гьусэу ЛуокЫж. Машинэ макъи къоІур.
Албинэ

ахэр ІукаІа иужь Васэ йоплгыр.

В а с э. Лло, щхъэ укыызэплгърэ?

А л б и н э. Угужьеящи, уи фэр пыкІащ. КъомызуІауэ си фІэш хьун?

В а с э. Лло сыщІэгужьеинур?

А л б и н э. Сэ сщІэ мыгъуэрэ. Дадэм суд Іуэху къыщыхи-гъэщам узэрыгузэвам гу лъызмыта уи гугъэ? Дадэм таксист гугъу къыщІигъэхьеяри гурыІуэгъуэщ. «КъедаІуэ, си хьыджэбз, зыхэшЫкІ, си нысэ».

В а с э. Абы хуэдизу ущыкыэщІэрейкІэ Тушкан деж зегъэхъ. Уэ къожьэурэ жьы хьуащ (*ІуокЫж*). ФЫкІэ.

А л б и н э. УмыпІащІэт зэ. Къуэшрокъуэхэ пІащІэри уна-къым.

В а с э (*къегъээжэ*). Къэзыгъээжыр алыхъым къештэ. Лло къызжепІэнур?

А л б и н э. Догуэ, зы мывэжъ къэплгъэфу утыкум къызери-плгъэхэфам щхъэкІэ псори къэбгъэщІа уи гугъэ? Вагъуэ къута-хуэ ар сытми?!

В а с э. Уэ дэнэ шыпщІэрэ?

А л б и н э. ЗыщІэм жиІащ.

В а с э. Уафэм къехуэхар зылгъэгуар сэракъэ? Сэр нэхърэ хэт ар нэхьыфІу зыщІэрэ.

А л б и н э. Уафэм къехуэхар...

В а с э (*къэгъузэвэжауэ*). НтІэ къехуэхакъэ? СогъэпщІыр си нитІкІэ слъагъуу къемыхуэхам. Лло упрокурор уи гугъэж, щхъэ допрос сыпщІэрэ, щыхъэт щымыту?

А л б и н э. Мывэри зыгуэр хьунщ. Пэжыр жысІэнщи, метео-риту жаІэ. Ауэ адкІэ абы къыщІыбгъуа ильэпкъыр пщІы гьуэщэщ, тІысэ.

В а с э. Щыхъэт уиІэ?

А л б и н э. Еууей мыгъуэ, ущІалэ хъарзынэу фэ уэсплъати укыызэрыщІидзыжам еплъ. Хэт абы хуэдиз пщІыр уэзыгъэ-упсыр. Догуэ, фІы щІэпхын уи гугъэ? Зыумысыж икІэш Іы-пІэкІэ.

В а с э (*ищхъэркъыфІэхуауэ*). Ерэхъу. Зыумысыжынщ. Чэф тІэкІусиІати сыгушыІуэ езгъэжъа пщІыр я фІэш хьуащи сщІэнур сщІэркъым. Борборисович и пэжыпІэр жепІэми и фІэщ хьужы-нукъым...

А л б и н э. Узызет ІэнатІэми укыІунэн уи гугъэ?

В а с э. Ари пэжщ. Дауэ тщІыну, Албинэ, зыгуэр къэгупсыс. ЗызгъэпщІуу сежъэжын?

А л б и н э. Дэнэ укІуэн? ЗыбгъэпщІкІумэ ягъэкъуэншэнур уи закъуэщ. Уи фызми къыгъээжауэ жаІэ...

В а с э. Дэнэ дыкIуэну нтIэ? Бгым сыкьельгэу зезгэуокIы-
жын? Едыгъужьым зезгэшхын?

А л б и н э. ПцIыкIэ яшыуар дыгъужьым яшхыркьым.
Уэракьым гузэвэн хуейр.

В а с э (*и гур кьызырыгъуэтыжауэ*). Хэт атIэ?

А л б и н э. ПцIыр зи фIэщ хьуар ирегузавэ.

В а с э. Ара мыгъуэкъэ сызыхуейр.

А л б и н э. КъэдаIуэ мыдэ. (*СтIолым бгъэдохъэри кьыдэгъэ-
жым тхылъымIэ кьыдех. Зыгуэр етхыр кьытыгуфIыкIыурэ,
письмоульэм дельхъэри Васэ ирет*). Мыр Тушкан етыж.

В а с э. А-ара?

А л б и н э. Зэ умышIащIэ. (*Аргуэру зы тисьмо етхри ари Васэ
ирет.*) Мыр Гесиод ептыжынщ. Кьыгъээжа нэужь.

В а с э. ИтIанэ-щэ?

А л б и н э. ИтIани?.. (*Щэхуу зыгуэр жереIэ*).

В а с э (*кьыщеудри мэдыхъэих*). СыкьащIэмэ-щэ?

А л б и н э. ЗыкьомыгъащIэ!

Г у п х ь у э.

ЕПЛАНЭ ТЕПЛЬЭГЪУЭ

Музыкэр кьоуэ. Авторым и макъ:

Налкъутналмэсыр бгъэдэхэnum,
НысащIэ фащэм мыщIэ хуэщI.
Талантыр наIуэ пщIыну пфIэфIмэ,
Ар зейр нэхьыфIым хуэузэщI.

Жэщ вагъуэ пщIыпщIым уахэпIтамэ,
Я нуру ядзыр я инагъщ.
Талантыр хьуамэ уэ уи натIэ –
Зэрагъэдахэр Iэдэбагъщ.

Жэщщ. Мазэр наIуэ дыдэжьым. Чэтэн пщыIэхэр ижырабгъумкIэ щытщ.
ПщыIэм и щIыхъэпIэм деж шхыIэн-кьэпым илгъу тIу мэжей, ещанэ шхыIэн-
кьэпыр нэщщ.

Сценэм кьохъэр Д а д э р ф о ч и Iыгъыу.

Д а д э м. Арац: алыхьым кьыптрильхьэм фошыгъу шей
уефэнщ. Хьумакуэу ув жаIати сыуващ. Жейм ущемызэгъкIэ
укъэрэгъулми нэхьыфIщ. Насып зиIэ пырхьыжу мэжей,
алыхьым ещIэ пщIыхъэпIэу ялыагъур...

Т у ш к а н лъэныкьуэкIэ кьыкьуокI, зиудыгъуауэ и пIэм итщ; дадэр илгъ-
гъуркьым, письмо гуэр гуфIакIэм кьыдехри йоджэ.

Т у ш к а н. «Жэщыбг хьурэ псори жея нэужь кьакIуи шхы-Іэн-кьэпым сызэрилъу уи кьарум кьихьыну закьуэмэ дэни сыхь... Албинэ». «Уи кьарум кьихьыну закьуэмэ!» Джэдум дзажэ ильэф хуэдэу узмыльэфмэ Тушкан тхьэр нахуэу игьэ-пцIащ. Гесиод укьыщимыгьуэтыни ари... (Письмор егьэ-пщкIуж.)

Д а д э м (*фочыр кьегьанкIэ*). Хэт ар?

Т у ш к а н. Уэри дэнэ укьикI. Щыгьэт, псалъэ жумыIэ, кьэ-бгьэушыныц.

Д а д э м. Сыкьэрэгьулщ сэ. Сыт уэ жыпIэр?

Т у ш к а н. Хэт, тIысэ, пхьумэр? Мэл уиIэжкьым сыткьым.

Д а д э м. Мэлым и пIэкIэ уэращ кьысхуэнэри узохьумэ. Уахьыну зыгуэр кьощэм пщIэрэ?..

Т у ш к а н. Сэ сахьыху улсэу уэ, дадэ. Умыгузавэ. Сэ схуэ-дэжым яхьыр. Ауэ умыбэлэрыгь, пщIэну щыткьым, уи кьуэм кьыкIэлтыкIуэнкIэ мэхьу фыгьуэнэд гуэрхэр.

Д а д э м. Зыуегьэх, куэд жумыIэу.

Гесиод (*ицхьэр шхыIэн-кьэтым кьрегьэжри*). Щхьэ дывмы-гьэжейрэ, ей!

Д а д э м. Жей. Умыжеинумэ, узот фочыр, ув кьэрэгьулу...

Т у ш к а н. Щыбгьэт, Борис Борисович кьэвгьэушым, Хьэ-фIышIэ и кьыдыру дигьэльэныц.

Г е с и о д. Топ бгьэуами согьэпцI кьэушым.

Т у ш к а н. Куэдщ дадэ, зыгьэукIурий уэри, нэхуц мэхьу.

Сэ жейм сезэгьыркьыми зысплтыхьыныц.

Д а д э м. А-а, щхьэр фогьэуз псоми, жэщ фиIэкьым, махуэ фиIэкьым. (*ЮокI*.)

Т у ш к а н. Уэри щхьэ умыжейрэ?

Г е с и о д. Сыжейртэкьэ, сыкьэвгьэушашц.

Т у ш к а н. Зы тутын сефэнщи сэри сыгьуэлтыжынщ.

И шхыIэн-кьэпым тотIысхьэ.

Г е с и о д (*Іугьуэ кьыщIцхьэр ІэкIэ Іуихуу*). Мыр сыт тутын узэфэр мэ Іей кьыхыху...

Т у ш к а н. Сигарэм зестащ, нэхь гуащIэ кьысфIэшIу. Папи-росыр зыуи кьысщыхьуркьым. (*СэмэгурабгьумкIэ цыт пцы-Іэм псчэ макь кьыщIоІукI*.) тсс! Албинэ кьагьэуша си гугьэщ.

Г е с и о д. Кьэушамэ сыт, кIуэ, гуцэр щIэбупскIэурэ гьэ-жейж. Гьуэль уэри. Куэдщ.

Аргуэрул I ы ж ь ы р кьохьэ.

Г е с и о д. НэхульэфI укьикI, дадэ...

Д а д э м зыри жимыIэу кулисэм кьуохьэж.

Т у ш к а н. Хэт ар кьэрэгъулу зыгъэувар?
Гесиод (*и Iэр Борис Борисович зэрылъ кьэнымкIэ ешии*).
ПщIэркъэ зыгъэувар? Кхъуэ шыр ягъэлыгъуэ хуэдэш уи туты-
нымэр. Ух зэ.

Т у ш к а н. Кубэм кьраша сигарэщ. Сыт жыпIэр. Англи-
чанхэм дыщэкIэ кьашэху мыбы хуэдэ сигарэр.

Г е с и о д. СогъэпщI дыщэ дэнэ кьэна хьэуазэкIэ кьэсщэхумэ.

Т у ш к а н. Уэ кьуашэхэнукуьым, умыгузавэ.

Гесиод. Сыт щхьа?

Т у ш к а н. МелыIыч ухъуаш. МелыIыч тутынафэ щыIэ! Сэ
сыщылIэкIэ уэсят сщIынуш сигарэ сIурысауэ сыщIальхьэну.

Дадэм и псчэуIу макъ кьоIу. Тушканрэ Гесиодрэ я шхыIэн-кьэпхэм йопщхьэж-
ри жей хуэдэу защI. Д а д э р кьохьэ.

Д а д э м. А-а, жеихахэщ, жейм емьзэгъыу жызыIар.

Т у ш к а н. Уэри жей, дадэ. УгъумэтIымэурэ дыбгъэжейр-
куьым.

Д а д э м. Уэ ужеинумэ, сэ зэран сыпхуэхъурэ. Дэнэ кIуа ди
щIалэр?

Т у ш к а н. ШхыIэн-кьэпыр кьышцтэри и щхьэр щIихьаш.

Д а д э м. Кьубгъан кьыштащ, жыпIа?

Т у ш к а н. Сыт кьубгъан. И шхыIэн-кьэпыр кьыштащ.

Д а д э м. НтIэ дауэ ар хьума зэрыхъунур. Зыр мыбдеж
щылыщ, адреср модэ кIуаш. Зыгуэр ядыгъу хьужыкьуэмэ си
зэран хэлькуьым.

Д а д э р IуокIыж.

Т у ш к а н (*къотэдж, зеплъыхь, Албинэ зыщIэлъу шыта
пщыIэм йокIуалIэ*). Албинэ, ужейрэ? Сэраш ар – Тушканщ.
Кьэтэдж. Зыми дыкьылъагъунукуьым. Псори зэбгрыкIаш. Сыт
жыпIа? Ы?

Б о р и с Б о р и с о в и ч зэрылъа кьэным кьопщри кьуэгъэнапIэ кьуохьэ.
Тушкан ар елъагъури гужьэуэ зьдэкIуэныр ищIэркуьым.

Т у ш к а н. Кьэушаш, дыунэхъуаш. . .

Борис Борисович кьегъэзэжри и кьэным йопщхьэж.

Албинэ, сыныщIохьэ. Укьэуша? (*ПщыIэм щIохьэри шхыIэн-
кьэным илъыр зэрилъу кьыщIех*).

. . . Уи кьарум кьыхьмэ жыпIакьэ.
НтIэ уэзгъэлъагъунщ сэ дуней. . .

Лъэныкъуэ егъэз зещI.

ЕТХУАНЭ ТЕПЛЬЭГЪУЭ

Къурш лъапэм деж. Удз тафэщ. Музыкаър къоуэ. Авторым и макъ:

– МафIэ цIур жэш кIыфIым пIьагъумэ,
Гъунэгъу тIэкIуу зэм уи гугъэщ.
Ар щынэхум укIуэу хуежьи –
Урикъункъым уиIэ лIьыгъэм.

Удихъэхмэ цIьхубз дахэм,
Жэш гъуэгурыкIуэу уэ уопIащIэ.
МафIэр жьжъэу къыщыщIукIэ –
УмыщIэну куэд уагъащIэ.

Г е с и о д (*тафэм къытохъэ*). КъээзгъэщIакъэ дэкум хуэдэу. Тушкан и гугъэщ тутын IугъуэкIэ си щхъэр щIызигъэхъауэ. Тхъэрыкъуэфыжъ, ари! (*И гуфIакIэм къыдех тхылъи йоджэ*). «ЗэрыжаIэм хуэдэу улIрэ лIьыгъэ уиIэм, фIьуэ сыпIьагъуу щытмэ, жэщыбгым деж мывэ фIьыцIэжъым деж къакIуи сыкъэбгъуэтынщ. Албинэ» (*мывэ фIьыцIэжъым йопльыр*). Мы-ракъэ мывэ фIьыцIэжъ хъужыр. Тепщэч зельатэр къыщхъэ-щыхъами Гесиодым тхъэр егъэщI къыхэщтыкIьу кыкIуэт-мэ...

Гесиод имылагъуу и щыбагъымкIэ къыдохъэ уафэм къеха псэущхьитI, космическэ щыгъын гъуэжъ ящыгъыу. Я пыIэм антеннэ сыт хуэдэхэр тетщ.

Гесиод къызэплъэкIмэ, шынэри и псэр хэкIауэ къокIуэтыр.

I. П с э у щ х ь э м (*макъ икIакIэ*). Упсэу, цIьхухъу! Уэ пхуэ-дэщ щIьльгэм щыпсэу цIьхур, хъэмэрэ дыщэу пIэрэ?

Г е с и о д (*къыкъ хъуауэ*). ПIэрэщ. Сэлам хъэлэйкум!

I. П с э у щ х ь э р (*И-рейм йопльыр*). КъыбгурыIуа?

II. П с э у щ х ь э р. КъызгуроIуэ. Сэлам къыдихъу аращ. Фы-къеблагъэ, жи.

I. П с э у щ х ь э м. ФIым дыхуеблагъэ. Аращ дыкъыщIэ-кIуари. Ухэгъуэ?

Г е с и о д. Сэри? СыщIэныгъэлIщ. Си цIэр Гесиодщ.

I. П с э у щ х ь э м. Грекым уащыщ?

Гесиод и щхъэр егъэсыс.

II. П с э у щ х ь э м (*и тхъэкIумэм наушник Iуильхъауэ*). А! Гуры-Iуэгъуэщ! Ге-си-од!

Г е с и о д. Тэмэм, си кьуэш. Араш. Тхьэм фигьэпсэу!
ФЫМ фыкьытхуихьауэ тхьэм жиЕ.

Уафэм кьехам я пыЕр мафЕу зэшГолыдэ.

I. П с э у щ х ь э м. Дышцыуакьым. ДыкьышцІэкІуа дыдэм
дыкьыхуэзащ. Мыраш щІэныгьэлЛу я нэхь дызыхуейр!

II. П с э у щ х ь э м. (*гудлауэ кьафэ хуэдэу зецІ*). Цыыхуьфэ
тетщ. Лыгьэ хэлбу пІэрэ?

Г е с и о д. Сыт фызыхуейр, ярэби!

I. П с э у щ х ь э м. УцІыхухуу шытмэ лЫгьэ пхэлъщ...

II. П с э у щ х ь э м. Уэ лЫ ухьумэ, дэри физ дыхьунщ...

Г е с и о д. Фэ фыщІыхубз?

I. П с э у щ х ь э. Хур хьыджэбзитІкІэ дэ сыт кьытхуэт?

II. П с э у щ х ь э м. Лы дыхуейти уи деж дыкьэкІуащ.

Г е с и о д. ЖыфІэр сыт! Цыыхуьу сыт зэрыфщІынур. Фэ
сабийр джэджьейм хуэдэу кьревгьэшу жаЕр.

I. П с э у щ х ь э м. Джэджьей кьребгьэшын щхьэкІэ адакьэ
уйІэн хуейш.

II. П с э у щ х ь э м. Ди цІыхухуьхэр щІагьуэжкьыми
цІыхухуь лыхуэ дыкьежьащ.

Г е с и о д. Здэфшэнуи?

II. П с э у щ х ь э м. Уигу дырихьмэ, дигу ирихьыр уэрат.

I. П с э у щ х ь э м. Фызищ бгьэфызыфауэ жаЕри дэ тхуэдэ
фызитІыр уи дежкІэ зырикІш.

Г е с и о д. Фэ тІури? (*Кьэгужьсеяуэ птулькІэм йопхуэри йо-
фэ*). Ялыхь, сашьхуэм...

I. П с э у щ х ь э м. ТІу кьудейщ дызэрыхьур.

II. П с э у щ х ь э м. Умыгузавэ, тІуми удгьэфІэнщ... Дэ
дызытес вагьуэр мы щІынальэ нэхьрэ зыкІи нэхь Іейкьым.

Г е с и о д. Ди щІынальэр фэр щхьэкІэ збгынэуи?!

I. П с э у щ х ь э м. Льягьуныгьэр гуащІэмэ уимыгьэбгынэн
щыІэ?

Г е с и о д (*и цхьэ хужуІэу*). Ялыхь мыр пщІыхьэпІэу
кьыщІэгьэкІ. Мо ажалыфитІыр си фызу... Ар дауэ? (*Зигьэ-
лЫхуьлЫбжьбу*). Зыуевгьэх иджыпсту фІэкІа пІальэ имыІэу.
Хьэбэсабэу фызыхьэзушэбэнщ. ФыкьыздикІам фыкІуэж.

I. П с э у щ х ь э м. Укьэмыгубжь, ди дахэ.

Г е с и о д. ЗыфІэфІ вгьуэтым нырекІуэ. Сэ льямбытІ нэсчы-
нукьым...

II. П с э у щ х ь э м. Льясу утшэнукьым, си псэ тІэкІу. Тепщэ-
чышхуэм уису утшэнущ.

Г е с и о д. Си гугьу кьэвмышцІ. Зыдэфшэ нэгьуэщцІ.

I. П с э у щ х ь э м. ФызитІ зыгьэфызыфын хэт нэгьуэщцІу
щыІэ?

Г е с и о д. ЩыІэщ. Дапщэ ухуейми щыІэщ...

II. П с э у щ х ь э м. Ахэр дгъэунэхуаш, тIасэ. Уэ пхуэдэ яхэт-къым.

Г е с и о д. Дэнэ шыфшIэрэ?

I. П с э у щ х ь э м. ДошIэ. Абы ягъэунэхуныр куэдрэ?..

Г е с и о д. Сэ сымалыхъуэщ, зыгъэм тIэу лъхуэуэ мэл зызгъэ-пэщыну иужь ситщ, си щIэныгъэ Iуэхур хыфIээздзэну Iэмал иIэкъым.

II. П с э у щ х ь э м. Уи мэлым шхъэкIэ умыгузавэ. Тепщэчым ису дыгъуасэ иредгъэшэжъащи дызэрынэсыжу уи мэлым уахуэ-зэжынуш.

Г е с и о д. Дэнэ здэфшар? Си мэлыр езышэжъар тIыгуэ жаIэ.

I. П с э у щ х ь э м. ТIыфэ зытет цIыхубз тхэIухуди диIэщ, хьщхъэвылтэ жыхуаIэм хуэди ди гъунэжщ... .

Г е с и о д. Дэнэ шызэхэфха си мэлым я хьыбар?

II. П с э у щ х ь э м. ЩIыльгэм къыщыхъур уафэм щагъэхьы-бар. Дэ дымьщIэ шыIэ?

Г е с и о д. Зыгъэм тIэу лъхуэуэ мэл къэбгъэхъуныр си адэ ды-дэм ифIэщ хьуркъым. Фэ фи фIэщ щхъэ хьуа? СыщыуэнкIи мэхъу.

I. П с э у щ х ь э м. Дэ ди фIэщ мэхъу, си тIасэ.

II. П с э у щ х ь э м. Аракъэ уэ нэхъ дыщIыпхуейр.

I. П с э у щ х ь э м. Шыхульагъуэм дытетурэ утшэнуши, укьеплыхэмэ щIыльгэр тыншу уолбагъур.

Г е с и о д. СогъэщIэ лъэмбытI нэсчым!

II. П с э у щ х ь э м. Уи лъабжъэ фIэбгъанэми чачэу унэ-кIуэнщ, дотэ. ЗалымыгъэкIэ утшэмэ нэхъыфIкъым. Абы нэхърэ уи адэм, уи физ къомым письмо зырыз яхуэтхыж.

Г е с и о д. Си физхэр икIыжаш, сыкъамыдэу. Иджы письмо яхуэстхыуи?

I. П с э у щ х ь э м. Езыхэр пфIикIыжа?

Г е с и о д. СфIикIыжаш, уэлэхьи, сакIэрыщIауэ... .

II. П с э у щ х ь э м. Сытым къыхэкIыгу?

Г е с и о д. Ухьуркъым, лы ухьуркъым, жаIэри. Сэ дохуты-рым справкэ къызатащ, физ си насып зэрыхэмьльымкIэ... .

I. П с э у щ х ь э м. Уагушхъуа?

II. П с э у щ х ь э м. Догузэт зэ. СыщIэупшIэнкъэ иджыпсту, уэ жыпIэр пэжрэ щIырэ бетэмалу къэтщIэнуш. *(Ицхъэм тет уэздыгъэр зэщIопщIыпщIэ, езыри наушникым йодаIуэ)*. Плъагъурэ абы щIыиупсыр! ХуэдэлI шыIэкъым, итIани... .

I. П с э у щ х ь э м. Дэ дымьщIэ шыIэ уи гугъэ? Умыгузавэ, си псэ тIэкIу. Уигу дримыхъмэ узыхуейр къэпшэжынуш. Ди жагъуэ хьуххэнукъым.

Г е с и о д. Хэт къэсшэнур? Хьэщхъэвылтэ зи сурэтыр ара? Фи бзи сщIэркъымэ сыткъым... .

I. П с э у щ х ь э м. Ди бзэм щхъэкIэ умыгузавэ. БзэмыIуу удгъэжеинщи ди бзэр щIэуэ укъэушыжынуш.

II. П с э у щ х ь э м. Тхылги сыти уеджэнукъым. Экзамен жы-

пЭнуши, кьоупшЫн шыгЭххэкьым.

Г е с и о д. Игъашгэм зы экзамен схуэтакьым... Экзамен хэ-мыгтмэ сыгт шгэныгъэри зджыфынуш.

І. П с э у щ х ь э м. Девгъажьэ. Догувэр.

ІІ. П с э у щ х ь э м. Фынакгуэ. Тепщэчыр зэщгэнауэ хьэзы-рыпщ, фитысхьэ...

Г е с и о д. Ей, сигугъу кьэвмыщг. (*Мэкгэзызышынауэ*). Сынэ-кгуэфынукъым. (*Птулгкгэр кьеицтэри стэчаным из ирегъа-хъуэр, щэфэкгэ стэчаныр и дзэм тоугуэ*). Узэфэн гуэр мыгъуэ фигуэу кьыщгыкг.

І. П с э у щ х ь э м. Аузэфэр сыгт? (*Йопэмри и гъусэм ирет*).

ІІ. П с э у щ х ь э м. Гынщ мыр зэфэр. Зиггэлгэжыну араш. Игэ псынщгэу! Фынакгуэ!

Гесиод ягэшгэжыну шгопхъуэ. Уафэм кьеха псэушхьитгыр кгэлъожэ. Туш-кан шхыгэн-кьэным зыгуэр илгу кьыху модрейхэр имылгагъуу утыкум кьольадэ.

Т у ш к а н. Си псэ ггэжыг зышхын, Албинэ. Дэнэ мыгъуэм усхьыну? Мывэ фгышгэжыг зыплати мис, дахэ, дыкьэсащ. Уи нэгү дахэм сышгэгъапльэт, си тхьэггухуд пщэху. (*кьэтыр емгэ-тэ*).

Абдеж уафэм кьеха псэушхьитгыр Гесиод и ужь иту кьызэ-рохьыр.

І. П с э у щ х ь э м. (*бауэбатцэу*). Утгэшгэжыг уи гуггэ? Уэ пхуэдэ гэджэ кьытгэшгысхьащ. Кьэувыггэ!

ІІ. П с э у щ х ь э м. Уи фызахэм нэхэрэ дынэхь гей? Къажи гэллгэ ггэжыг кьытхуэщг, си псэ.

І. П с э у щ х ь э м. Кьэгъазэ жысгакъэ, кгуэцгырыхун.

Г е с и о д. Фыскгэрыкг, алмэстыфэ фыхъужауэ. Ей, кьэрэ-ггул, фыкьыздггэпыкьу зыгуэр!

Гесиоди макьыр зэхихауэ д а д э р кьосри и фочыр геганкгэ. Б о р и с Б о р и с о в и ч жейбашхъуэу утыкум кьохьэ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Тобэ ярэби, дэнэ кьыкга мо-слъагъур. Пшыхьэлгэм сыхэт? Фыкьеблаггэ, си кьуэщ, фыкье-благгэ, хьэщгэ фытшгынщ.

Г е с и о д. Ахэр цгыхухъукьым. Цгыхубзщ.

Б о р и с Б о р и с о в и ч. Гэу! Дауэ пхузэхэггэка? (*Уафэм кьехам епсальгэу*). Фыкьеблаггэ. Цгыхубзу алыхьым и нэфг зыщыхуа ди хьэщгэ лгэпгэхэ!

П с э у щ х ь и т г м и. Фгым дыхуиблаггэ. Допгашгэр, нобэ Шыхульагъуэм дынэсу дежэжын хуейш.

Г е с и о д. Еггэжэж, дамыхь шгыкггэ.

Васэ нэхъапг шгыкггэ шхыгэн-кьэным кьокгикг цгыхубз макь зыщгауэ, итганэ

кьопшыр.

В а с э. Сэри сахъ пэтащ къэным сьзэрысу.
Б о р и с Б о р и с о в и ч. Тушкани? Хьыджэбз яхьу щытамы
цагъэтыжащ. Цыхухьу яхьу хэт ильэгъуа?
Т у ш к а н. Къэным ильар уэрауэ сщIатэми?.. Мобы я
тепщэчым уиздзэн мыгъуэти...
В а с э (*къэгужьсъяуэ*). Ара сыкъыщIеплъэфэжьар? Уа-а!
Сахуейкъым абыи... Ей, къэрэгъул, дэнэ кIуа дадэр?
Д а д э м (*и фочыр уафэм къехам треубыдэри*). Фи Iэр фIэт?
Сабэр къыфхезмыгъэхмэ сылIу пащIэ стеткъым!

Албинэ къэгузэвауэ уафэм къехам къащхьэщыжу ябгъэдолъадэ.

А л б и н э (*дадэм елъIуу*). Дадэ, уемыуэ. Си ныбжьэгъущ
ахэр. Уафэми къехакъым. (*Псэуицхьэм елъIуу*) Куэдщ фьзэры-
гушыIар. Зыщыфх фи щыгыныр.

«Уафэм къехахэм» я щыгыныр зыщах.

ФьзэрыщIыху: мыр Сашэщ, мыри Къазбэчщ.
Б о р и с Б о р и с о в и ч (*гужьсъяуэ*). Уи пыIэкур къраудакъэ,
Беслъэн?
Д а д э м. Къызэроджэ уи цIэр къэпщIэжа си гугъэщ, Борис
Борисович жыпIэрти.
Г е с и о д (*Албинэ хуэгубжью*). Ди напэр тепхащ, хьы-
джэбз...
А л б и н э (*Гесиод епсальэу*). Аратэкъэ фьзыхуеяр.
Б о р и с Б о р и с о в и ч (*Гесиод епсальэу*). Плбагъурэ абы
къыщыщIар? Я нэхъ цыхубзыфI щымыIэу жыпIэри къэпшати.
Ухуэза иджы?
Т у ш к а н. Къыздифшам фшэж.
В а с э. Тепщэчым ису ари! (*Мэдыхьэиш*).
Г е с и о д. Тепщэч зельбатэр мылгъэтэжмэ-щэ?

Псори сценэм йобзэхькI.

Радио макъ къоIу. Биг-бен жыхуаIэ башнэр кьопсалтэ:

– Псалтэр Лондонщ. Радиостанцу Би-би-си хьыбарыщIэхэр
нет. Нобэ къэтщIа къудейщ Кавказым къыщыхьуа гъэщIэ-
гъуэныр – Iуащхьэмахуэ пэмыжыжьэу Тепщэч зельбатэм ису
уафэм къеха псэуцхьэ гуэрхэр къетIысэхаш. Совет къэралым а
хьыбар гъэщIэгуэныр ябыщIыр, итIани дэ шэч лъэпкъ къы-
тетхьэркъым...

Б о р и с Б о р и с о в и ч сценэм къохутэ.

Ди напэр IэбжьанэкIэ трихакъэ хьыджэбзым, сыт жытIэу
цIыхум я нэгъ дыщIэплгъэну. ДыкьызыхьэкIа лгъэпкъым набдзэ
дыхуохьу, жытIэурэ къэдгъэщIа къомым дауэ дафIэкIыжыну?..

ВИД
С
БЕЛОЙ
ГОРЫ

1. ВИД С БЕЛОЙ ГОРЫ

(П о в е с т ь)

Жизнь – непрерывное восхождение по нехоженной тропе, которая вьется по горным склонам.

Сначала широкая равнина в предгорье, пение птиц в садах под безоблачным небом, росы по утрам. Живи и радуйся.

Затем – начало подъема, ощущение пути, уход героев сказок за дальний горизонт и открытие, что мир не кончается за аулом. Первая встреча с крутизной; леса, горные озера, снежные вершины в синеве – романтика, жизнь не имеет конца, ее пьешь из рога полными глотками, не думая о завтрашнем дне.

Поднялся выше – заоблачные пастбища попеременно с камнепадами, узкая тропа временами проходит у края пропасти, но все равно все лучшее впереди, за облаками, от высоты захватывает дух.

Еще рывок – молчание голых скал, толща льда, рождение рек, лежбища туров. Отсюда тропа уводит к вершинам гор, чувствуешь сердцебиение, шаги становятся медленными. Ты начал восхождение, когда твои усы были черными, а теперь идешь с белой бородой...

Моя молодость осталась за дальней горой, словно жеребенок, отбившийся от табуна. От его жалобного ржания я иногда просыпаюсь...

Я стою на белой горе и гляжу в синеющую даль пройденных дорог. Впереди высится вершина над голубой папахой снегов. Удастся на нее взобраться – увижу новые дали...

Аул

Долина мельниц – так переводится название моего родного аула Шхалуко, или, как его еще называют, Шалушка. Мельниц в этой долине не больше, чем в любой другой. Название идет от ремесла моих древних земляков, занимавшихся выделкой мельничных жерновов в верховьях речки Шалушки. Искусные каменотесы, они изготавливали не только жернова, но и мусульманские надгробия, узорчатые коновязи из туфа, катки для обмолота зерновых, кузнечные каменные круги для натяжки на колеса железных шин.

Когда-то три князя – Куныж, Даутоко, Локац – и уорк Шар-дан привели сюда своих людей, поселились вдоль берегов гор-ной реки, образовав четыре жамата. Жители их сеяли хлеб, разводили скот, растили сады. В 1867 году, когда пришло повеле-ние об освобождении крепостных, шалушинские князья со своими стремянными двинулись к крепости Нальчик заявить протест царской администрации. С ними были и крепостные, которые будто бы «не желали» уходить от господ и готовы были на вечное рабство. Бунт князьков не имел успеха.

В каждом жамате была своя мельница, своя мечеть, свое кладбище, свой мулла, а сельское правление – общее. В девяти-сотых годах появилась одноклассная начальная школа. Поначалу она пустовала. Мальчиков посылали в медресе – духовные школы при мечетях. Родители преследовали одну цель – сделать из сыновей правоверных мусульман.

В месяц уразы Коран читали в мечети. Тот, кому посчастливится прочитать последнюю, сто четырнадцатую суру, должен совершить жертвоприношение – забить корову и пригласить на пир всех мусульман жамата. Этому счастливцу при жизни обещано место в раю.

Земли было мало, ценился каждый клочок. Каждый раз с приходом весны пашню делили вновь. Сначала ее делили между жаматами, а потом – подворно или подушно. В этом принимал участие весь аул. Тогда же происходило объединение в «плуг» – своего рода артель. Те, кто имел волов, лошадей или железный плуг, объединялись, чтобы совместно вспахать землю.

Центром жизни был базар, собиравшийся в Нальчике по понедельникам. Иногда на базар ходили без всякого дела. Просто так. Показать своего скакуна или новую бурку из шерсти осенней стрижки, посмотреть, как идет купля-продажа, почем баран или пуд пшена. Да и о разных новостях можно было узнать только на базаре.

Когда в 1914 году в Нальчик провели железную дорогу, лихие джигиты пробовали состязаться с паровозом, катившим три-четыре дачных вагона. Вокзала в Нальчике еще не было. Вместо него – три шатра. Станция напоминала цыганский табор.

Жамат с жаматом жили не в ладах. Соседи сочиняли друг о друге оскорбительные частушки, что часто становилось причиной драк, иногда кончавшихся кровопролитием. Но парню не запрещалось брать в жены девушку из другого жамата.

Шалушинцы объединялись, сплачивались, если их оскорблял посторонний. Тогда они могли постоять за свою честь. Человек из другого аула где-нибудь на похоронах или свадьбе скажет: «А-а, это жерновщики, которые набрасываются на угощение...» И жерновщики хватаются за кинжалы.

Почему-то ходила молва, что шалушинцы имеют привычку, будучи в гостях, бросаться к столам, не дожидаясь приглашения, чтобы захватить куски пожирней. Зная это, они старались быть более сдержанными, чем гости из других аулов, хотелось разве-ять непристойную молву, сочиненную наверняка кошроковца-ми – жителями из аула Кошроково, с которыми жерновщики враждовали. Кошроковцы не пускали шалушинцев в лес, дорога в который проходила через их аул. Шалушинцы отвечали тем же – не пускали кошроковцев в Каля-Чих – Прохладный или в Псыхуабо – Пятигорск, куда кабардинцы ездили на базар. Псы-хуабо означает – теплая вода. От Шалушки до Пятигорска езды на волах трое суток, на лошадях – двое. Кошроковцы, жители лесистого предгорья, не могли жить без Пятигорска, где они меняли плетни на пшеницу. Жернова шалушинцев не пользовались там спросом, но все равно малоземелье гнало их туда на заработки, особенно в пору сенокоса.

В конце аула находилась кешана – кладбище времен язычества. Там были огромные склепы, сооруженные из мощных каменных плит. В сравнении с этими плитами жернова, которыми промышляли мои земляки, выглядели игрушками.

Шалушинцы считали, что в склепах обитают злые духи. Детям не разрешали ходить на кладбище. Страх еще более усилился после одного случая.

В нашем жамате был старый холостяк по имени Ташо. Еще мальчиком его отдали в батраки, но за много лет не заработал он даже на калым, поэтому и остался без жены. Если чей-нибудь сын отказывался жениться, недовольные родители говорили ему: хочешь остаться бобылем, как богом обиженный Ташо?

Старый холостяк трудился за троих, и все-таки рубашка на нем была сшита из бедности и залатана нуждой. Небольшой земельный надел Ташо засевал позже всех, так как должен был сперва помогать соседям, чтобы они потом дали ему плуг и волов вспахать его клочок земли. Урожай он снимал скудный. Придя к выводу, что это аллах не дает ему кукурузы, Ташо отказался платить мечети закят – десятую часть урожая, которая предназначалась на содержание муллы, духовной школы и оказание помощи бедным. Львиная доля закята доставалась мулле. Во время очередной проповеди он упомянул неудачника Ташо в числе «неугодных аллаху».

Ташо решил отомстить мулле. Он заметил, что мулла каждый вечер ходит куда-то мимо кешаны, и подстерег его там. Спрятался в одном из склепов и, когда появился мулла, выско-чил, схватил его, приподнял над землей и грозно проговорил, изменив голос:

– Поклонись, слугитель бога, что Ташо на всю жизнь вперед уплатил закят!

В следующую же пятницу мулла объявил прихожанам: Ташо пригласился аллаху, и с него теперь не будет взиматься закят, наоборот, он будет получать небольшую долю из собранного.

Правда, и после этого Ташо не выбился из нищеты, но зато его звали на все поминки как человека, отмеченного аллахом.

Однажды жерновщики пригласили песнопевца из дальнего аула и попросили сложить песню о Хажумаре Дигешева, жителя Шалушки, отличившемся в боях во время русско-японской войны.

У кабардинцев песня всегда была в почете. Если о ком-то говорили: «О нем песня сложена», – это означало, что человек, о котором идет речь, или обрел добрую славу на все времена, «стал бровями своего народа» – украшением лица, или опозорил себя, стал посмешищем, пятном на лице целого рода. Каждая песня имела свою историю. Шалушинцы могли рассказать, когда она появилась, кто ее герой, чей он сын.

На свадьбах устраивались состязания певцов. Певцами были старики. Они усаживались отдельно от молодежи. Пели и пили. Без преувеличения: пели и пили, не вставая с места сутками. «Подхватив крылья песни», певец вел ее сколько мог и заканчивал, обращаясь к соседу: «Держи конец песни!» Делом чести для соседа было добавить хотя бы несколько куплетов. Позор, если песня прерывалась на нем.

Шалушинцы знали цену песне и решили не скупиться. Пусть их земляк прославится. Глядишь, песня его о мужестве закончит с молвой о прозорливости жерновщиков.

Я знал Хажумара Дигешева. Это был одноногий инвалид. Жил Дигешев в яме под недостроенным домом, куда спускался по грубо сколоченной стремянке. Именовал себя «конским дохтуром», хотя только и делал, что ставил тавро на лошадях и кастрировал жеребцов.

В яме его хранились все железные тавра, известные в Кабарде. Лошадей, отбитых у конокрадов, приводили к Дигешеву, чтобы тот по тавру опознал, кому они принадлежат. В этом он был большой знаток. «Дохтур» числился у старшины кем-то вроде консультанта и по другим делам. Вот одно из таких «дел».

В ауле жил неумный многоженец. Женившись в первый раз в четырнадцать лет, он вошел во вкус и не мог остановиться.

Первую жену оставил с двумя сыновьями. Чтобы они не голодали, отписал им водяную мельницу. Женщина эта оказалась хозяйственной, работала, растила своих сыновей, замуж выходить отказывалась. Сыновья подросли. Они уже имели двух лошадей, работали в поле, а мать занималась домашними дела-

ми. Между тем их отец, успевший жениться не раз, старел, жил в бедности. Кое-как накопит скота на калым и разводится с оче-редной женой, чтобы жениться на молодой. Под конец много-женец обнищал так, что последняя жена от него сбежала. Он попытался вернуться к первой, но безуспешно. Ни дети, ни их мать не пожелали его принять. Тогда он затеял с ними тяжбу: дайте мне свою подводу, я ее отдам на калым, или верните мель-ницу, что я вам оставил когда-то.

Мать и дети обратились к старшине с просьбой о защите.

Защитники нашлись и у многоженца. Аул разделился на два лагеря: одни поддерживали истца, другие – мать с двумя сыновьями. Будь многоженец богатым, как, например, молодой офицер Берд Шарданов, братья которого занимались разведением лошадей для армии, все бы обернулось иначе. Но он умел лишь одно – ставить на арыке мельницу очередной жене перед тем, как развестись с нею. Эти недолговечные сооружения существовали до первых ливневых дождей. Бурные потоки с горных склонов начисто смывали плотину, и мельница оставалась торчать на сухом месте как напоминание о неудавшейся супружеской жизни. Лишь первая из них выдержала напор стихии.

Старшина обратился к «знатоку законов» Дигешеву: как решить спор? И после консультации с ним посоветовал братьям отбить у отца охоту жениться, изувечив его кулаками так, чтобы ни одна девушка не пожелала выходить за него замуж. Причем обещал, что за это ничего не будет.

Братья привели приговор в исполнение. Отец подал на них жалобу. Старшина снова проконсультировался с «дохтуром» и велел жалобщику явиться в правление вместе с сыновьями. Там он приказал лошадей отдать братьям, сбрую – матери, а многоженцу под общий хохот велел взять подводу за дышло и отправиться за невестой. Все в ауле нашли это решение справедливым, а старшина потребовал себе в качестве вознаграждения по барану с каждого из судившихся. Тем дело и кончилось...

За мужество, проявленное в боях во время русско-японской войны, Дигешев был награжден Георгиевским крестом, но открыто носить его не смел, потому что мулла грозился отлучить от мечети, если он приблизит крест к мусульманскому сердцу. Когда Хажумар услышал песню о своем геройстве, он зарыдал, закрыв лицо папахой.

Дигешева в ауле не любили: мальчишки – за то, что он истязал лошадей, а старики – за кощунство. На похоронах ему как инвалиду войны полагалась небольшая часть деура – денег, которые родители и близкие умершего раздавали в виде милостыни. Обряд раздачи деура совершал мулла. Тот, кто получал милостыню, как бы принимал на себя часть грехов умершего.

Но «дохтур» рассудил по-своему: зачем брать часть чужих гре-хов, если он может взять их целиком? И однажды, выхватив из рук муллы всю пачку денег, бросился прочь, отбиваясь от пре-следователей костью. Разгневанные старики кричали ему вослед: «Умрешь – хоронить не будем». А мулла с тех пор ста-рался держаться подальше от «одноногого шайтана».

Но песня о Хажумаре осталась. Ее продолжали петь.

Фамилия

Кешоко – в переводе значит Кузнецов, точнее – «кузнечные парни» или «кузнечные сыновья». Фамилия имеет свою историю, которая могла бы стать сюжетом для новой повести.

У владетельного князя Кетуко среди множества дворовой челяди было четыре брата-кузнеца. Ходила легенда, будто сам бог кузнечного ремесла Тлепш по ночам посещает и учит их. Кетуко гордился изделиями своих мастеровых, советовал друзьям заказывать оружие только у его кузнецов. Самое лучшее оружие братья ковали из белой дамасской стали, которую сами же выплавляли в горных пещерах на древесном угле.

Однажды к Кетуко приехал его старый кунак. Хозяин предложил на ночь гостю женщину, молодую и красивую жену старшего из кузнецов. Этого мастер не мог стерпеть. Возмутились и его братья, решили постоять за честь имени.

Произошла схватка, после которой братьям пришлось бежать. Князь сам бросился в погоню за ними. Но, настигнув беглецов, сменил гнев на милость: уговорил двух старших братьев, Гуша и Меша, вернуться в кузню. Другие два – Мирзабек и Айтек, – горячие и непримиримые, не вняли княжеским посулам и скрылись.

Недолго были они в бегах. Их схватили и привели в аул Барамта близ крепости на реке Нальчик. В этом ауле жили те, кто бежал от своих владельцев и был пойман властями.

Администрация крепости разрешила Айтеку и Мирзабеку переселиться в соседний аул на реке Шалушка. Там дали землю.

Не имея ни волов, ни арбы, братья не могли построить хорошего жилища и соорудили себе домик из плетней, обмазанных глиной, а усадьбу обнесли оградой из колючего хвороста. Двор их прозвали коцакаля – хворостинный город, а братьев – хворостоградцами. Прозвище это могло превратиться в фамилию, если бы братья не открыли свою кузню. Мастерство кузнецов не могло не вызвать уважения, да и хворостинная ограда была скоро заменена и дом построен, как у других. Закрепилась за парнями их прежняя кличка Кешоко – «кузнечные парни».

Она и стала фамилией.

Мой дед Мирзабек и его брат Айтек – первые в нашем роду, кто приобрел свою собственную фамилию: Кешоков. У Мирзабека было четыре сына. Один из них – мой отец Пшемахо, что значит добрый князь. Видимо, мои предки мечтали, чтобы их потомки не в пример Кетуко были добрыми.

Мой дед не был долгожителем, умер рано. Бабушка по отцу Нана занималась разведением индеек. Каждое утро она выгоняла за околицу индюшину стаю и пасла ее на лужайке – небольшой земельный надел не мог прокормить семью.

Пшемахо пробовал овладеть ремеслом кузнеца – не получилось. Попытался проявить свои способности в торговле – безуспешно. Ему хотелось приобщиться к грамоте, стать писарем. Обычно аул нанимал писаря где-то на стороне. Чаще всего это были мелкие конторщики из города, которых хозяева прогоняли за пьянство или воровство. Писарь считался большим человеком, можно сказать, вершителем судеб и единственным толкователем законов. Он «составлял» бумаги, а старшина лишь «скреплял» их отпечатком пальца. Этим писари, конечно, злоупотребляли, особенно при сборе подати. Нужен был свой грамотный человек. А где его взять, если в ауле, как и во всей Кабарде, грамотных почти не было!

Богатеи, отдавая отары овец батракам-чабанам или табуны коней табунщикам, брали длинную палку, делали на ней зарубки по числу голов в отаре или табуне, потом эту палку раскальвали надвое. Одну половину оставлял себе хозяин, другую хранил чабан или табунщик. Для сверки половинки складывались. Ложатся ровно, образуя одно целое, – значит, все правильно. А чтобы отличить лошадей от чужих, их клеймили. Обычно род имел одно тавро – аул четыре-пять, не больше.

Итак, Пшемахо Кешоков решил стать грамотным. Он уехал сначала в Малую Кабарду, потом в Адыгею учиться в медресе. Через несколько лет окончил ее, получил звание эфенди и вернулся в родной аул. В ожидании места муллы нанялся объездчиком посевов. К этому времени относится женитьба отца.

Я был третьим мальчиком в семье. Старшего звали Рашид, второго Амин. Амин прожил всего лишь год. Днем рождения я считаю 22 июля 1914 года. Дата установлена значительно позже и приблизительно на основании того, что мать после родов ела молодую картошку, которая созревает где-то во второй половине июля.

Когда в одной из мечетей Шалушки освободилось место муллы, на него взяли моего отца. Казалось, теперь в доме будет достаток, но семье не повезло. Спесивый хаджи, совершивший паломничество к гробу Магомета, публично оскорбил молодого

муллу, и отец ударил его, сбил с ног и вывалял в грязи священную одежду хаджи, приобретенную в Мекке. За это отца не только сместили, но и отлучили от мечети.

Отец подался за Терек к малокабардинцам в надежде, что ему помогут однокашники по медресе. Но оказалось, что некоторые из них занимаются вовсе не святым делом – связались с конокрадами. Перегоняют лошадей с берегов Зеленчука в низовья Терека, где продают их или сдают оптом военной администрации для кавалерийских частей. Пшемахо такое ремесло не годилось. Он вернулся в родной аул.

В 1917 году шалушинцы узнали о свержении царя, а затем и о победе Октябрьской революции.

На нальчикском базаре поставили трибуну, с которой выступали все желающие. «С гор пошел поток, – говорили умные люди. – Возьмешься за хвост собаки – утонешь, возьмешься за хвост коня – переплывешь через поток».

В годы борьбы за Советскую власть отец был партизаном. После окончательного утверждения Советской власти в Кабарде его избрали первым председателем нашего сельского ревкома. Я помню красную повязку на его рукаве и личную охрану – кабардинца с винтовкой, неотступно следовавшего за отцом. Охранник иногда дарил мне стреляные гильзы и рассказывал, как ему пришлось отбиваться от бандитов. На самом же деле он стрелял преимущественно на свадьбах, когда плясал мой отец, или во время унаиша, – торжественного ввода невесты в дом, где она должна была встретиться с женихом, которого, может быть, видела первый раз в жизни.

Большевиков в нашем ауле было мало, своей партиячки еще не было, и на партсобрания отец ездил в соседний аул Чегем. К этим поездкам готовилась вся семья. Мать зашивала прохудившуюся одежду отца, готовила еду на дорогу, брат проверял конскую сбрую, а я отправлялся на выпас за лошадью. Через плечо на длинной веревочке вешал бутылку с водой, заменившую в моем воображении бомбу, вооружался деревянной саблей. Босой, в изодранной одежде, я чувствовал себя джигитом.

Отца провожали, как на войну. И уезжал он с винтовкой за спиной, хотя ехать было всего пять верст. Мне же партийное собрание представлялось чем-то вроде огромного схода джигитов, где показывают, кто как вооружен, устраивают скачки, как это бывает на свадьбах. С гордостью я сообщал всем: «Отец уехал на партсобрание» – и не сомневался, что наша «военная» лошадь свое возьмет. А мать почему-то волновалась, с нетерпением ждала возвращения отца, вскакивала ночью с постели всякий раз, когда слышался собачий лай.

На дверях нашего дома отец вывесил объявление: «Желающие вступить в партию могут подать прошение». Надпись привлекала внимание, но мало кто мог ее прочесть: в ауле почти все были неграмотны. Иногда проходящий мимо человек ткнет палькой в пожелтевшую от солнца бумагу и спросит:

– Амулет от пожара?

– Не амулет, – отвечала мать, – амулеты пишутся арабскими буквами. А это написано латинскими. Хочешь быть для Советской власти опорой – пиши прошение в партию. Дадут тебе книжку, и тогда тебе открыта дорога до самой Москвы.

Постепенно люди оценили значение надписей. Напиши – будет понятно то, что требует разъяснения.

Мать велела Рашиду, когда он выучился грамоте, сделать надписи на деревьях. Пусть мальчишки, благо они уже умеют читать, знают, с какого дерева вишни или абрикосы можно срывать до срока, а на каких плоды должны висеть до полного созревания, чтобы годились на варенье. Надписи делались и на мешках, в которых возили зерно на мельницу. Даже на карнизе дома Рашид вывел арабскими буквами: «Кешоко». Пусть все знают, кто живет в этом доме!

Новшество стало предметом насмешек. Люди шутили:

– Боятся без надписи спутать свой дом с чужим...

Наш сосед старик Баляцо возмущался:

– Чем надпись на карнизе ставить, лучше бы вывели на крышу трубу.

Действительно, во всем ауле наш дом был, пожалуй, единственным, где не существовало дымоходной трубы. Дым уходил в чердак, и вся черепица была закопченной. Отец иногда мечтал: надо поставить новый дом с трубой, придет время женить Рашида – без трубы не обойдешься. Ведь когда невесту вводят в дом, гости стреляют в трубу, чтобы злые духи не посмели забраться туда, где будет жить будущая мать. Бывало, что выстрелами из винтовок, охотничьих ружей и пистолетов джигиты начисто сбивали трубу.

Мать возражала отцу:

– Разве царь Миколай жил в плохом доме? И то, видишь, с трона свалился. На дворце его не одна, может быть, труба торчит. Он мог сколько угодно их понаставить – ему-то подъемный налог не надо было платить! Это ты трубы не ставил, чтобы уйти от налога. Не вышло. Все равно платил. А царю вот и трубы не помогли. Наш дом лучше царского дворца. В нем мы счастье обрели. Сам аллах велел не ломать его, пока сам не развалится.

Отец не очень настаивал:

– Как хочешь. Дом развалится – тебе первой быть под его

развалинами. А к свадьбе сына трубу поставим. Пусть на свадьбе стреляют...

События сменялись с непривычной для горцев быстротой. После краткосрочных летних учительских курсов отец становится учителем, учит в школе ребят на родном языке. Учебников еще не было. Учились по газете, которая печаталась арабским шрифтом.

В это время шла работа над новым кабардинским алфавитом на латинской графической основе.

После принятия нового алфавита отец возглавил в ауле борьбу с безграмотностью.

Днем в школе занимались дети, вечером те же классы заполняли пожилые люди, с трудом усаживались за детские парты, доставали из-за пазухи сложенные вдвое-втрое тетради и начинали выводить буквы. На этих же занятиях отец учил их основам политграмоты.

В Шалушке создавался колхоз. На сходах и в каждом доме велись бесконечные споры. Отец стал в то время секретарем созданной в ауле партячейки, поэтому не решенный на сходе спор часто переносился на ликбезпункт.

Много сил потратили отец и другие коммунисты, пока удалось объединить жителей всех жаматов Шалушки в один колхоз. Об этом я расскажу дальше.

В памяти шалушинцев мой отец живет и по сей день. Немало легенд, притч, пословиц связано с его именем.

Вот одна из них.

Аул собрался на сход, где впервые провозглашалась Советская власть. Когда дело дошло до голосования, Пшемахо предложил всем подняться на холм, возвышавшийся над аулом. Нашлись несогласные:

– Зачем это надо?

– Дорогу, что выбираешь, лучше видно с высоты, – сказал отец, – а мы выбираем дорогу не для одного человека.

Другая притча.

Однажды Пшемахо сказал нашему соседу, зажиточному человеку, что у того горло не длиннее пальца (так говорят у нас о крикливых, невыдержанных людях).

Сосед с ехидством заметил:

– Видать, и твое горло не длинней. Ведь когда ты агитировал за колхоз, то обещал рай с птицами, садами и молочными реками. Гляжу вокруг – вижу молочные реки, сады, только райских птиц не вижу. Где они?

Пшемахо ответил:

– В рай попадают за добрые дела на земле. А где твои добрые дела? Создай молочные реки, вырасти сады, а птицы прилетят

сами...

Еще одна притча.

У вдовы отвязалась и ушла со двора корова. Встревоженная хозяйка потеряла покой. Поздняя осень, безлунная ночь, туман. В такое время волки особенно опасны. Женщина со слезами умоляла Пшемахо:

– Ты Коран читал, знаешь молитвы... Сделай «хапашипха» – завяжи волчью пасть молитвой.

– Чем завязывать волчью пасть, – отвечал Пшемахо, – лучше корову в хлев привязывать...

Теперь в Шалушке, укоряя человека за безответственность и разгильдяйство, говорят: «Ты не волчью пасть завязывай, а свою корову привязывай», – фраза стала крылатой.

Слушая рассказ о давних событиях, в ауле часто спрашивают: «А не знаешь, что по этому поводу сказал Пшемахо?» Или разговор начинается словами: «Когда-то Пшемахо сказал...»

У кавказских народов есть традиция: старик, ушедший на покой, отдавший сыновьям «поводок арбы», стремится своими силами сделать что-то полезное для аула – построить мост через речку, проложить дорогу в горы, прорубить тропу к роднику или посадить деревья на пустыре, чтобы оставить добрую память о себе.

Отец, находившийся всегда в гуще событий, будучи уже на пенсии, не хотел «даром» брать деньги. Выхлопотал себе участок земли, прилегающий к магистральной дороге Нальчик – Пятигорск, и построил там «домик путника», а землю вокруг засеял бахчевыми.

С весны до осени он пахал, сеял, полол, осенью не спал ночами – караулил бахчу от мальчишек. Отец почему-то считал, что плодами его труда должны пользоваться только путники. Каждый проезжающий или проходящий мог остановиться в домике, полежать на нарах, отдохнуть. И еще угоститься арбузом или дыней.

О домике отца писали в газетах: зародыш социализма...

Однажды к «домику путника» завернул первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Бетал Калмыков. «Зародыш социализма» произвел на него впечатление. Бетал похвалил отца.

На бахчу к отцу часто приходили аульчане, старые и молодые. И каждый уносил отсюда в сердце слова, необходимые ему, мудрый совет, а то и предписание больному.

Уже после смерти отца, во время немецкой оккупации, сельский бургомистр задумал учинить расправу над моей матерью и сестрами. Он бросил на сходе:

– Уничтожить змеиную семью Пшемахо.

Но даже и в эту минуту нашелся бесстрашный человек, который не побоялся сказать:

– Пшемахо не унес из аула даже глины под подошвой. Он был фонарем на темной улице Шалушки.

Мать

История девичьей фамилии матери тоже любопытна: Хакуринова – значит «в печи рожденная». Фамилия пошла от ее прадеда, который действительно родился в печи.

Было это так. Враги подступили к самому аулу. Жители подались в леса и горы. Они знали, что пришельцы безжалостно сожгут аул, не пощадят ни женщин, ни детей.

Не смогла покинуть свой дом лишь одна беременная женщина. У нее от испуга начались преждевременные роды. Опустевший аул запылал. Всадники носились по улицам с факелами. Будущую мать охватил ужас. Чтоб не сгореть в огне пожарища, она заползла в печь, в которой выпекали хлеб, прикрыла дверцу. Крыша дома, объятая пламенем, рухнула, огонь подбирался к роженице. Она услышала крик ребенка и прикрыла собой устье печи.

После опустошительного вражеского налета жители вернулись в разоренный аул. Они нашли в печи обгоревший труп женщины и живого младенца. Пуповину новорожденного некому было перерезать, и мать, сгорая в огне, продолжала питать ребенка...

Тем ребенком был прадед матери, от которого и пошел род Хакуриновых.

Дочь основателя рода Хакуриновых, моя прабабушка, прожила сто тринадцать лет. Ее в ауле называли «забывшая, когда она родилась». А моя бабушка прожила чуть меньше ста и до последних своих дней работала в колхозной мастерской по выделке циновок из камыша. Председатель колхоза сказал о ней: «Сердце остановилось раньше, чем руки».

Под рассказы бабушки – свидетельницы многих событий в жизни нашего народа – я не раз засыпал вечерами у очага. Один из ее рассказов, услышанных мной в детстве, лег потом в основу повести в стихах.

В Шалушке любили давать прозвища. К имени обычно прибавлялся шутливый эпитет. Исключение составляла моя мать, которую называли «иноплеменной»: она была адыгейкой. Прозвище это производилось с оттенком уважения: мать считали особенной, не такой, как все. И действительно, мать, читавшая по-арабски, знавшая наизусть Коран, хотя нигде никогда не училась, среди неграмотных женщин могла считаться «просвещенной». И она верховодила женщинами нашего аула, к ее

мнению прислушивались.

Для кабардинок излюбленным местом обмена новостями были похороны, куда они шли «сжимать сердца от печали», то есть плакать. На похоронах между плакальщицами происходило негласное соревнование. Часто именно во время похорон рождались «гыбзы» – героические песни с трагической концовкой. Когда в аул привозили на коне джигита, сраженного в бою, слагался «шишха-ег», то есть «плач над гривой коня».

Красиво плакать даже учились, это было особое искусство.

Увидев мать или жену умершего, женщины начинают говорить, но не все сразу. Первая причитает, подбирает традиционные слова или импровизирует. Ей в тон подхватывают другие и выводят самые высокие ноты, а потом, словно вода с мельничного колеса, падают громкие вздохи, и каждая плакальщица ведет свою партию.

Моя мать была одной из самых искусных плакальщиц. Она импровизировала. Ее траурные речитативы выжимали слезы из глаз даже у мужчин.

Был бы я музыкантом, непременно использовал бы удивительный и своеобразный вокализ, который можно услышать на кабардинских похоронах.

Мужественной, смелой – вот какой была моя мать. В годы ликвидации неграмотности темными зимними вечерами она сопровождала отца в ликбезпункт с винтовкой, хотя толком не знала, как из этой винтовки стреляют.

Занятия начинались поздно, после того, как «ученики» кончали работу. На весь класс горела одна лампа. На задних партах никто ничего не видел. Но некоторые нарочно садились туда, чтобы выказать свое недовольство, а то и сорвать урок. Споры возникали ожесточенные – шла коллективизация. Бывали случаи, когда кто-то кидал папахой в керосиновую лампу, и впотьмах начиналась потасовка. Однажды, увидев, как в темноте сверкнули обнаженные кинжалы, отец пулей вылетел в окно. А «личная охрана» отца – бесстрашная мать осталась в классе и бросила вызов бородастым ученикам:

– Подходите, кому жизнь надоела! Клянусь аллахом, выстрел из винтовки будет последним светом, который увидят ваши глаза.

В страшные дни немецкой оккупации бургомистр арестовал одну из моих сестер как заложницу. Ее ожидала смерть. Мать решила вступить в схватку с врагом. Она представляла себе исход и заранее подготовилась к смерти: помылась, потому что

покойника полагается обмыть, прежде чем опустить в могилу, завернулась под платьем в белый саван, вооружилась большими ножницами – излюбленным оружием горянок – и пошла в управу.

Только случай спас ее от виселицы.

Куоз Кешокова уже «распечатала» девятый десяток. До сих пор она сохраняет ясность ума, феноменальную память. Мать – живая история. Все события, в которых она участвовала, песни, легенды, суры из Корана – все помнит старая женщина. Она помнит, например, приезд на Кубань брата царя Николая II – Константина накануне русско-японской войны.

Адыгейская знать постаралась обставить встречу великого князя как можно пышней. В аулах отбирали самых красивых и стройных девушек, которые могли бы украсить празднество своим присутствием. Среди них оказалась и Куоз. Мать об этом вспоминает, когда ей хочется подчеркнуть, какая она была...

Геуако – распорядитель – оповестил собравшихся на празднество:

– Дочь великого князя объявляется в плену. Кто оспаривает честь вернуть великой княжне свободу?

Знатки обычая понимали, что это значит: надо внести «выкуп» – крупную сумму денег, которая пойдет на угощение гостей, приобретение призов к предстоящим джигитовкам. Была бы «пленница» простой адыгейкой – и рубля достаточно, а тут девушка из царствующей семьи! Все ждали: кто раскошелится, чтобы выразить свои верноподданнические чувства? Генерал Ханко? А может быть, Улагай? Собравшихся охватило волнение. Хотелось отличиться перед высокими гостями, показать удал, щедрость. Адыги умеют быть щедрыми.

Всех опередил молодой уорк из Кабарды. Он вывел на арену красавца скакуна под кабардинским седлом, отороченным серебряным позументом. На передней луке нарядная плетка – кнутовище из самшита и слоновой кости с золотой инкрустацией. Красавец конь плясал на арене, вызывая всеобщее восхищение.

Распорядитель обратился к собравшимся:

– Вносится выкуп: кабардинский скакун под седлом. Кто больше?

Перешибить уорка никто не решился.

Великий князь попросил объявить, кто этот отчаянный человек. Им оказался офицер царской службы Берд Шарданов из Большой Кабарды, из аула Шалушка.

Куоз была в восторге: ведь и Пшемахо, ее любимый, тоже из этого аула! Одного не могла понять Куоз. Если в Шалушке есть такие богатые люди, как Берд Шарданов, то почему Пшема-

хо Кешоков так беден? И все равно она любит его.

Два брата Куоз учились в медресе вместе с Пшемахо. Они часто приглашали молодого кабардинца в дом, устраивали своего рода состязания: кто больше знает стихов из Корана, лучше говорит по-арабски, лучше владеет искусством красноречия. Пшемахо нередко выходил победителем и был счастлив, ловя на себе восхищенный взгляд юной Куоз. Может быть, он и приходил в этот дом из-за нее?

Несколькими месяцами позже Пшемахо явился к братьям Куоз и, положив на стол револьвер, сказал:

– Ваша сестра в соседней комнате. Мой наган здесь. Отдадите Куоз замуж за меня – наган достанется старшему из вас.

Для братьев это было неожиданностью.

Всполошились и сестры. Они бросились к Куоз:

– Не поступай безрассудно!

Сестры уже знали: избранник Куоз – сын пастушки индеек, у него ни коров, ни волков! Как можно из-за такого жениха уезжать за тридевять земель – куда-то в Кабарду!

Куоз была непреклонна. Она сказала:

– Нас шестеро сестер. Может же кто-то из нас умереть? Считайте: я умерла. Уеду – зовите плакальщиц.

Братья пожали плечами, они боялись худшего: как бы их сестра не сбежала с женихом. Тогда позор ляжет на всех. О калыме речь не шла. Пшемахо положил на стол все свое богатство – револьвер. У его матери нет ничего, кроме индеек, которые придутся лишь на свадьбе.

Последнее слово принадлежало матери Куоз.

Рано оставшаяся вдовой, она была волевой и трудолюбивой женщиной. Весной пахала, идя за плугом, летом молотила пшеницу, косила наравне с самыми опытными косарями аула, копнила, скирдовала, ездила в лес за дровами, вся работа – и мужская и женская – была на ее плечах. Мать сказала:

– Птица, научив своих птенцов летать, не выпытывает у них, где они сошьют себе гнезда. Видит аллах, уберегла я детей от огня и кипятка, исполнила свой долг, как это ведется испокон веку, научила летать, а там ищите себе дерево... Застойтся вино – портится вкус, засидится девушка – теряет свежесть... Только жаль, что ты выбрала себе дерево голое...

Куоз вышла замуж за Пшемахо и уехала в Шалущку. Но она еще не раз возвращалась домой. Первый раз – когда скончался средний брат Исмаил. Произошло это так. Умер мулла. Врач, случайно оказавшийся в это время в ауле, установил причину смерти: тиф. Фанатичные мусульмане не приняли никаких мер предосторожности. На место умершего муллы поставили Исмаила, который заканчивал медресе. Юный Исмаил недолго возглавлял паству – тоже умер от тифа. «Видно, так угодно аллаху», –

рассуждали правоверные. Место занял младший из трех братьев – Раджаб. Болезнь унесла и его.

Из дома не уходили плакальщицы. Весь аул долго был в трауре. Единственным утешением для матери служило то, что ее умершие сыновья причислены к лику святых и похоронены у входа в мечеть.

Горе примирило старшего брата и сестер с Куоз.

Иноплеменка прижилась в Шалушке. Род Кешоковых, в котором насчитывалось тогда с десяток дворов, считал ее лучшей снохой, да и сама она не пропускала случая похвалиться перед женщинами: мол, за меня калым уплачен оружием, а не кукурузой.

В день похорон моего отца она выбрала себе место рядом с его могилой. Мать иногда ходит на кладбище проверять, не «занял» ли кто ее место. Убедившись, что оно «ждет» ее, приглашает к себе стариков, которые вот уже четвертый десяток лет берегут для Куоз те три аршина земли.

Мать это ценит. О своей смерти она говорит просто и спокойно, словно о переезде из одной долины в другую.

Перед тем, как идти к бургомистру заступаться за свою дочь, мать отправилась к могиле отца и положила возле нее платок. Это означало: я приду к тебе, жди. Готовность к смерти давала ей силу.

Двух сыновей и пятерых дочерей воспитала моя мать. Когда ее хотели наградить за многодетность, она сказала:

– Радость иметь детей – для матери высшая награда. – И не пожелала, чтобы ее представили к медали.

Если в моей душе еще в детстве вспыхнула любовь к поэтическому песенному слову, зародился интерес к народным сказаниям и легендам, то этим я обязан матери.

Холод учит ценить тепло

Когда думаешь о жизни, то кажется, что ты стоишь посередине горного потока, словно опора под мостом. Слева и справа проносятся грохочущие волны, а ты, захлестываемый шипящей пеной, стоишь и держишь на плечах концы двух пролетов – прошлое и будущее.

Закрою глаза и ясно вижу перед собой наш кривобокий турлучный домик – из плетня, обмазанного глиной, с соломенной крышей. Вокруг, у основания стен, булыжные камни, чтобы ливневый поток не подмывал.

В доме три комнаты: спальня, кухня и третья, с громким названием «гостевая». Пол земляной. Окна так низко посажены, что, сидя на полу, видишь, что делается во дворе.

В ауле не умолкали разговоры о событиях, потрясших Рос-

сию. «Как Эльбрус дает начало рекам, так и Петроград – начало новой жизни», – говорили люди.

Представления о революции у большинства шалушинцев были далеки от ясности. Мне запомнился рассказ солдата из «дикой дивизии» о том, как свергли царя. По его словам, это происходило так.

Разгневался народ, расшумелся, окружил царский трон. До ушей самодержца долетали слова: «Не хотим тебе подчиняться, царь! Сойди с трона! Сойди подобру-поздорову, пока мы не перерезали тебе подпруги! До сих пор мы боялись твоего гнева. Теперь побойся нашего!» Испугался царь, поджал хвост, спросил: «Все ли народы так думают?» Ответ загредел как гром: «Так думают люди всех языков!» Притих самодержец, призадумался и изрек: «Быть по-вашему. Одного только прошу: пусть ударит музыку военный оркестр в тыщу труб». Позвали оркестр, и он заиграл...

Тут рассказчик изображал военный оркестр в тысячу труб. Он пел, жестикулировал обеими руками, прихлопывал, притопывал, причмокивал, присвистывал. Слушатели зримо представляли, как царь сходит по ступенькам с высокого трона, чтобы уступить власть народу...

Смысл происходящих событий мог объяснить только мой отец, который приносил в аул газету «Терек», издававшуюся во Владикавказе.

Его постоянным собеседником был старик Баляцо Браев, наш сосед и родственник.

Однажды я услышал, как отец сказал Баляцо:

– Большевики нас не тронут. Казаков надо бояться.

Я не понимал, конечно, о чем речь. Но запомнил слова и, выбежав на улицу, громко закричал: «Казаков надо бояться!» Всадник, который проезжал в это время по улице, догнал меня и хлестнул плетью. Я решил, что это и есть казак, которого надо бояться.

«Казак» оказался моим родным дядей. Он пришел в дом и потребовал от отца: отдай мне свою новую шубу или я выдам тебя.

В давние времена у кабардинцев существовали хабзенша – незаконные. Это были рабы, которых выменяли или купили, выкрали или взяли в плен. И дети таких людей попадали в хабзенша. Они не имели права распоряжаться даже собственным имуществом. Теперь всех тех, кто симпатизировал большевикам, объявляли «хабзенша», и каждый мог завладеть их имуществом.

Отец не поверил своим ушам: родной брат хочет его предать?! Но тот не шутил, снял со стены овчину – подарок тети отцу – и пошел к выходу.

Мать преградила ему дорогу. Она вцепилась в шубу. Дядя оттолкнул ее. Тогда мать ударила его ногой.

– Иди, выдай меня, а не своего брата! – вскричала она и выхватила из огня раскаленный вертел.

«Казак» бросил шубу и вылетел в дверь, чтобы на нем не выжгли фамильное тавро.

Не зная, как отомстить за обиду, мой старший брат тайком забрался к дяде на чердак и забил дымоход соломой. Отец решил отдать себя в «залог» конокраду, жившему неподалеку от нас. Он понял, что его брат не успокоится, пойдет на все, чтобы завладеть шубой. Отец отправился к разорившемуся князю-конокраду и сказал, как это требовал обычай: «Ищу защиты у бога, а после бога – у тебя».

Неуличный конокрад, который делил свою тайну с аллахом и не имел ничего, кроме дома, верхового коня и седла, уважал обычай. Он принял Пшемахо под свою защиту, заверив клятвенно: «Твой враг – мой враг». Подтвердилась пословица: «Лучше хороший сосед, чем плохой брат».

Мы с матерью носили им еду.

Дядины дружки пришли к дому конокрада, но он предупредил их: тот, кто переступит порог, упадет мертвым!.. Он не шутил. Закон был на его стороне.

Тогда дядя решил обратиться к казакам, на которых не распространялись кабардинские родовые обычаи. С этим нельзя было не считаться, и отцу пришлось покинуть дом конокрада.

Он зашел домой, чтобы взять припрятанное оружие. Но в это время туда ворвались абреки, спустившиеся с гор. На руках у них были красные повязки, и отец принял их за своих, рассказал о происшедшем. Абреки схватили отца и повели на расстрел. Мать кинулась за ними, бросила шубу к их ногам – берите, но оставьте в живых отца семейства!

Бандиты забрали шубу, оружие отца и ушли. Отец той же ночью скрылся.

Теперь чуть ли не каждый день в нашем доме устраивали обыски. Кончился запас продуктов. Мне приходилось ходить по аулу с глиняной миской в руке и просить соли. Черный чай да кукурузные лепешки – вот была наша пища.

От голода умерла сестренка. Мать послала меня к соседям – рассказать о нашей горе и просить стариков, чтобы они пришли похоронить ребенка. По кабардинским обычаям только мужчины хоронят умерших. Встретив на улице одного из тех, кого надо было позвать на похороны, я передал просьбу матери. Он грубо ответил:

– Детям большевиков место не на кладбище, а на скотомогильнике...

Но большинство сочувствовало нам. В полдень старики при-шли во двор. Они завернули прах сестренки в циновку и унесли хоронить.

Вернулись красные. Мы с нетерпением ждали отца, его вместе с двумя товарищами привезли на подводе – они были больны тифом. Положили их на чердаке и на всякий случай мне и Рашиду велели никому об этом не говорить.

К больным поднималась только мать. Иногда вполголоса требовала: «Поддай-ка чашку воды» или «Сбегай к знахарке за лекарством». Мне очень хотелось увидеть отца, особенно после того, как мать однажды со слезами на глазах рассказывала бабушке: отец в бреду твердит, будто его ноги превратились в козлиные. Я считал, что такое превращение возможно. Поделился своими предположениями со старшим братом и получил подзатыльник за «разглашение тайны».

С севера подошли белые, началась артиллерийская стрельба. Это войска белобандита Бичерахова били по Нальчику, где большевики удерживали власть. Пальба из пушек наводила ужас на жителей аула. Те, кто был поближе к горам, пыгались укрыться в ущельях, другие спрятались в лесу. Меня обстрел застал на улице, когда я возвращался домой с одолженной шепоткой соли. Я бросился в находившийся рядом каменный дом конокрада, где еще недавно скрывался отец. Там собралось много людей. Женщины голосили, читали суры из Корана. Нам, маленьким, не велели подходить к очагу: не дай бог в дымоход угодит снаряд. Хозяина не было дома, видимо, ушел «на дело». Зажав в кулаке драгоценную соль, я забрался в плетенную из тонких ивовых прутьев сапетку для зерна, зарылся по уши в кукурузу.

Когда стрельба кончилась и я вернулся домой, оказалось, что отца и двух его товарищей, не совсем еще поправившихся после тифа, красные, отступая, увезли с собой.

Белые промчались по улицам, не останавливаясь. Впереди – Нальчик. Большевики ушли в горы.

Наша семья опять попала в число хабзенша, и каждый мог безнаказанно забрать у нас все, что захочет. Но у нас уже ничего не было: ни скота, ни даже кур. В доме пусто.

Я бродил по аулу с сумой. Кто что даст. Зима была ранней и снежной, а я ходил босиком, не ходил, а легал: ступни мои горели огнем.

Однажды в ауле появились всадники. Говорили, ищут красного, бежавшего из-под расстрела. Каждый незнакомый парень подвергался допросу.

Оказалось, что бежал один из родственников Бетала Калмыкова, которых вели на расстрел. Когда конвоиры подвели обреченных к обрыву над рекой Нальчик, юноша прыгнул и бросился

бежать. Запоздавшие выстрелы не догнали его. Он словно растворился в сумерках.

Вечером и к нам во двор пришли с обыском. Несколько человек встали у окон, двое вошли в дом. Один из бандитов с наганами в обеих руках потребовал:

– Скажи, где скрывается твой большевистский муж!

Мать не растерялась. Она ответила:

– Если кабардинские князья так низко пали, что, пренебрегая достоинством мужчины, ищут врага не на поле боя, а в детских пеленках, то ищите в этих корзинах...

И вытащила из-под кровати две старые корзины с тряпками.

Офицер, не ожидавший такого отпора, пришел в замешательство, стал говорить, что он действительно из князей, в пеленках рыться не намерен, но большевика достанет даже из-под седьмого слоя земли.

Аул был разграблен белыми. Большинство лошадей реквизировано. А кабардинец без лошади как без рук и ног. Люди настолько обнищали от различных поборов, «контрибуций», что хоть милостыню проси.

Мать утешала нас:

– Ничего. Холод учит ценить тепло.

В марте 1920 года в Кабарде окончательно установилась Советская власть. Вернулся отец. Я целыми днями пас его гнедого коня.

Землю, которая досталась нам, обрабатывали мы с братом – отцу было некогда заниматься этим: ведь он был председателем сельского ревкома. Мне еще не исполнилось и шести лет, а уже приходилось быть погонщиком во время пахоты и боронования, полоть кукурузу, ездить в лес за дровами.

Выкрутасами, которые проделывал на спине коня, я удивлял моих сверстников. Я мог ехать рысью, стоя вверх ногами, плясать на крупе лошади, пустив ее галопом.

Лошадь привыкла ко мне, и мы с нею были друзьями. Ее называли «военной», а мне хотелось, чтобы она была скаковой, брала призы на скачках. В свадебный обряд кабардинцев входили скачки, победителя награждали «ореховым флагом». Из лесных орехов, нанизанных на нитки, женщины делали нечто вроде флага. «Ореховый флаг» считался высшим призом, и если говорилось о достоинствах скакуна, то перечислялись свадьбы, где ему присуждалась эта почетная награда.

Шалушинцы веками страдали от малоземелья. Советская власть провозгласила: землю – крестьянам. Участок, которым владели Шардановы, передали безземельным; те, у кого земли оказалось больше нормы, должны были отдать лишнее.

Но бывшие батраки, получившие землю, не имели ни крова,

ни скота, ни инвентаря. Пахать не на чем. Вспахешь – где возь-мешь семена? Люди выходили в поле с лопатами в руках. Иные сеяли просто по стерне. Вырастет – хорошо, не вырастет – на аллаха вся надежда.

Пришло лето. Оно не обещало урожая. Что принесет зима?

Отец часто уезжал – искал, чем бы прокормить семью. Помню его комнату – кунацкую. Там стояла железная кровать, кушетка, стол и два стула. На стене кабардинское седло и рядом – наплечная бурка. Кровать застлана толстым одеялом из овечьей шерсти, на узорчатой циновке, привезенной из Адыгеи, чернела винтовка. Все это постепенно исчезало, обменивалось на ку-курузу.

Если отец возвращался с гостем, матери приходилось кормить и гостя. Зимой гости долго не задерживались, потому что кунацкая не отапливалась и земляной пол ночью покрывался тонкой пленкой льда.

По утрам, закутанный в бурку или пальто, отец врывался к нам в комнату, садился у очага и спешил развести огонь, чтобы согреться, а мать принималась думать, чем бы нас накормить. Она советовала отцу продать лошадь. Отец упирался, не хотел расставаться с единственным богатством.

В мою обязанность входило утром и вечером водить коня на водопой. Я садился на него, точнее, становился коленями так, чтобы полой полушубка прикрыть голые пятки.

Той зимой я впервые пережил смерть близкого мне человека.

К нам в гости часто приходил родственник отца Корней, молодой и сильный парень, которого я очень любил. Он всегда играл со мной. Бывало, увидит на дереве единственную спелую грушу и поднимет меня, чтобы я ее смог сорвать. Или опустится на четвереньки и велит мне головой встать ему на спину.

– Я сделаю из тебя канатоходца, – говорил он.

Корней вступил в военизированную охрану. Ночью на железнодорожный мост через Терек напали бандиты. В завязавшейся схватке Корней был убит. О его гибели родственники узнали лишь на третий день.

Прах Корнея перевезли в Шалушку. Род Кешоковых был опечален. Все мужчины от мала до велика собрались в нашем доме. Помню, говорили о неурожае, о голоде. Голод все туже затягивал петлю.

Отец и мать уехали на Кубань за кукурузой. Мать надеялась на своего старшего брата. Только он мог чем-то поделиться, дать хотя бы на семена.

В нашем ауле расквартировали воинскую часть. Каждой семье досталось по одному-два красноармейца. Так как у нас в доме не было взрослых, к нам определили одного. Это был вы-

сокий сероглазый блондин, работяга, мастер на все руки. Не мы с братом заботились о нем, а он взял на себя обязанности хозяина дома и кормил нас.

Это было мое первое знакомство с русским человеком. Звали постояльца Федор. Для меня, впервые слышавшего русскую речь, его имя звучало как-то странно. Мы с братом называли его вначале «руська господин» – по примеру соседки, величавшей так своего постояльца.

Услышал это я, когда побежал к соседям посмотреть, кого определили к ним. Соседка как раз подала красноармейцу обед, состоявший из чашки бузы, крутой пшенной каши, называемой пастой, и кусочка брынзы. Пожилой красноармеец долго рассматривал непривычную для него еду. Видимо, думал: с чего начинать? Хозяйка заволновалась: может быть, гость обиделся? Слишком мало положила? Она заговорила с ним на таком русско-кабардинском языке, что даже мне стало смешно.

Федор не хотел называться «руська господин». «Дядя» – и все. А «дядя» – это почти по-кабардински: «дада» – «отец». Я его так и называл, а он платил мне лаской, вниманием, заботой. Сначала мне, потом Рашиду он смастерил башмаки на деревянной подошве. Это было счастьем: впервые на улице не мерзли ноги.

Весть о красноармейце – мастере башмачных дел – разошлась по аулу. Федора стали переманивать в другие дома, обещая ему лучшие условия. То ли ему не разрешали его начальники, то ли сам не хотел, но он оставался у нас.

Мы с Рашидом любили смотреть, как Федор работает. Глаз увидит – рука повторит, говорят кабардинцы.

На чердаке он нашел шкуру забитой телки, разрезал ее на куски, счистил шерсть. Потом пошел в лес, притащил несколько кругляков ольхи. Из них он вырубал колодки, набивал на них кожу. Гвоздики делал из чурочек акации. Мы старались помогать Федору, учиться у него.

По паре башмаков приготовили отцу и матери. Потом стали обменивать башмаки на пшено, кукурузу и брынзу.

К Федору приходили и красноармейцы, его товарищи. Один просил подбить подметки, другой – починить седло. Федор никому не отказывал, трудился с утра до вечера.

Вернулись отец и мать. Они не знали, как благодарить Федора. Отец тут же взялся доставать сафьян. Из-за неурожая многие забивали скот, и, говоря по-теперешнему, кожсырья было достаточно. Казалось, пришло спасение от голода. Федор делал башмаки, а мать заставляла Рашида наполнять ими сумку и ходить по аулу менять на продукты. В доме появилась кое-какая еда, и в сердце матери затеплилась надежда. Брат осваивал выделку колодок из ольхи.

Неожиданно все рухнуло в один день – полк перевели на новое место. Провожая Федора, мать повторяла со слезами:

– Спасибо, сынок! Да будет твоя дорога дневной...

Почти полвека спустя я узнал, – этим полком командовал Сергей Николаевич Голубов, ставший потом известным советским писателем.

Федор как бы подарил нам свое незатейливое ремесло. Отец и брат по готовым образцам вечерами сами стали мастерить башмаки. Теперь о цене не спрашивали. Дашь пару яиц, и башмаки твои. Их приобретали большей частью верующие мусульмане, даже мулла и хаджи: в башмаках удобно было ходить в мечеть. Совершив ритуал омовения, легко сойти с башмаков и переступить в носках через порог в храм.

Впрочем, эти же верующие и подорвали нам «коммерцию».

По пятницам в месяц рамадана все ходили в мечеть. Взрослые мужчины – совершить намаз, женщины – послушать проповедь муллы, а мальчишки – поозоровать.

Однажды подростки, среди которых был заводилой мой брат, заспорили: можно ли пробежать по спинам совершающих намаз от одного конца мечети до другого, пока молящиеся кладут поклон, касаясь лбом молитвенного ковра? Мнения разошлись. Одни загорелись затеей, другие видели в этом великий грех, третьи просто боялись: поймают – уши надерут.

Рашид горячился:

– Пробегу – поймать не успеют.

Дело в том, что Коран запрещает мусульманину, когда он говорит с самим аллахом, отвлекаться на посторонние дела, не имеющие отношения к священному ритуалу. Кто-то рассказал случай из жизни восточного мудреца Насреддина. В его дом залез вор в тот момент, когда мудрец стоял на молитвенном коврике, совершая полдневный намаз. Вор забрал все, что попало ему на глаза и, видя, что хозяин не обращает на него никакого внимания, решил раздеть и его жену. Грозя ножом, он оставил ее в одежде Евы и покинул дом. Окончив намаз, Насреддин сказал: «Как жаль, что в Коране нет молитвы против воров».

Притча эта усилила жажду озорства. Рашиду во что бы то ни стало хотелось доказать свою смелость, и он решил:

– Попробую!

Ребята гурьбой двинулись к мечети. Мечеть была битком набита. У порога горы обуви. Среди них мы узнали и башмаки нашей работы. Правоверные, совершающие намаз, стояли плотно, плечо к плечу. Ни на секунду не затихал говор – мулла громко произносил слова молитвы, верующие хором повторяли. Они то выбрасывали руки вперед, то становились на колени,

потом ударялись лбами о циновки или кошму – клали поклоны, при этом спины их выгибались, напоминая спины пасущихся овец.

Рашид сверкнул озорными глазами и вихрем ворвался в мечеть. Перемахнув через кучу обуви, он понесся по спинам, как по живому мосту. Может быть, среди нас нашлись бы последователи смельчака, но кто-то из молящихся в другом конце мечети, нарушив закон Корана, схватил озорника и отвесил ему несколько чувствительных подзатыльников.

И все равно брат выглядел героем. Теперь он боялся одного – гнева отца. Мулла, конечно, пожалуется.

Что делать? Надо скрыться хотя бы дня на два, пока гнев отца не остынет.

Договорились, что Рашид спрячется на чердаке. Матери брат сказал: «Буду держать уразу». По возрасту ему было рано, но он решил доказать, что уже взрослый, а мать не отговаривала: ведь есть все равно было почти нечего.

Держа уразу, верующие должны воздерживаться от пищи до тех пор, пока черную нитку они отличают от белой. После первого же дня уразы брат понял: не стоит опережать время, подрастет – узнает, как это несладко. Придумали выход: Рашид спускал с чердака веревку, а я подвешивал к веревке еду, которую украдкой уносил из дому. Таким образом Рашиду удалось и спрятаться от гнева отца, и снискать у матери репутацию правоверного мусульманина.

Но башмаки после случая в мечети верующие покупали у нас куда менее охотно.

Шла весна 1921 года. Воздух наполнялся весенними звуками, ароматом. Даже облака, казалось, резвились, как телята на голубой лужайке.

Этой весной звучало особенно много песен – духовно обновленные люди были полны забот и надежд. Лишь став взрослым, я понял смысл этих песен, которые заменяли тогда и радио, и газеты.

Неграмотные шалушинцы очень часто именно по песням судили о людях и событиях. На семейные торжества, свадьбы зазывали молодых парней и девушек, чтобы послушать их новые песни. По традиции, пению предшествовал рассказ о том, по поводу чего сложена песня. Здесь можно было услышать о подвигах красных партизан, о Бетале Калмыкове. Мы же, ребята, пели все, что слышали от взрослых, не очень вникая в смысл. Откуда мне, семилетнему мальчугану, было понять, что в этих песнях отголоски событий великой эпохи.

Однажды к матери пришла жена князя-конокрада, пожилая женщина, кичившаяся своей «знатностью». Она ничего не пони-

мала в происходящем. Много ли узнаешь, если муж занят лишь конокрадством. Княгиня повторяла одно: царя свергли, а без царя народ – что стадо без пастуха. Оттого все кобылы, подняв хвосты, пошли куролесить...

У матери было свое сравнение: пчелы-работяги убили пчелу-трутня.

Княгиня возражала:

– Аллах заранее определил: кому изнашиваться в поле, кому изнашиваться в седле. В России люди друг другу головы рубят из-за царского трона. Народу много, а трон один, значит, еще немало голов полетит. А чего кабардинцы своим коням хвосты подпалили – не пойму. Никому же из них русский трон не достанется...

– Царский трон, что горячая сковорода, – не засидишься. А Кабарду поведет Бетал Калмыков, – говорила мать.

Бетала Калмыкова и Назыра Катханова знали все кабардинцы. Они были организаторами партизанского движения и борьбы за утверждение Советской власти на Северном Кавказе.

– Ты за кого – за Бетала или против Бетала? – спрашивали на сходах, и это означало: ты за большевиков или против большевиков?

Ходили легенды, будто Бетал стал героем, потому что его вскормила своей грудью некая Каражан, женщина-богатырь.

У этой легенды реальная основа: Беталу было всего несколько месяцев, когда его мать заболела, и Каражан, соседка, кормившая в то время своего ребенка, выходила младенца, вскормила его.

Каражан действительно была дородной, весила более десяти пудов. Ее боялись женщины аула не только потому, что она выглядела среди них как индейка среди цыплят. У Каражан был не язык, а обоюдоострый кинжал, и владела она им лучше, чем жнец серпом.

Бетала Каражан любила как родного сына и хотела, чтобы он был самым сильным, самым смелым.

«Чей конь должен быть отменнее всех? – спрашивала она и сама отвечала: – Конь моего Бетала. Чье оружие должно разить без промаха? Оружие моего Бетала! При появлении кого девушки должны, млея, опускать ресницы? При появлении моего Бетала! Вот горы Кавказа. Над ними возвышается Эльбрус. Будь Эльбрусом среди парней!» – внушала она Беталу.

Каражан рассказывала своему любимцу о нартах, необыкновенных богатырях, и каждую легенду о сказочных героях заканчивала словами: «Ты должен быть таким, как они».

Бетал и в самом деле вырос парнем богатырского сложения, с мощным голосом. И характер у него был волевой, решительный. Он словно родился вожаком, за ним шли люди, ему верили.

Каражан гордилась Беталом. Придут красные в аул – она первой выступает на сходе и каждый раз начинает одинаково: «Я этой грудью вскормила Бетала, сына моего». Любители по-шутить подзадоривали: «Да, твой выкормыш не голодал...»

Установится в ауле власть белоказаров – Каражан на сходе снова берет слово первой и бросает в толпу: «Не я молоком вскормила Бетала, его вскормила волчица». Белоказарки не догадывались о тайном смысле ее слов, а жители аула прекрасно понимали, что Каражан хотела сказать. Быть вскормленным волчицей – значит стать сильным, бесстрашным, как серый волк: по-кабардински «серый» и «владыка» – синонимы.

Родную мать Бетала Калмыкова, его братьев и сестер белогвардейцы замучили. Они подожгли их дом, мать Бетала раздели догола и под улюлюканье и свист пытались заставить плясать. Затем связали ее брата Хаджи и на глазах у жителей аула зарезали кинжалом. Вволю натешившись над своими жертвами, белогвардейцы погнали мать Бетала с ее малыми ребятами в тюрьму. Их вели раздетыми и босыми по снегу. Сорок верст длилась дорога мук и страданий – последняя для обреченных.

...Долго спорили о Бетале моя мать и княгиня. Потом выяснилось, что княгине надо перебраться к родителям в соседний аул Кошпроково, а ехать не на чем. Они вдвоем запрягли нашу лошадь в пароконную подводу, а возницей велели сесть мне.

Всю дорогу я пел песни, какие только знал, в том числе и о революции, о Гражданской войне, о победе над богатыми и знатными.

Впереди нас ожидало знойное лето, а дальше «гай», что по-кабардински значит год плача, неурожай.

Из Малой Кабарды доходили трагические вести. Там от голода вымирали аулы. Хотя рядом протекал полноводный Терек, его воды не орошали поля, и всходы гибли. В ауле Хапцей умерших уже некому было хоронить.

Как-то к нам пришел дед Баляцо, с его огненных усов стекала улыбка. Почему в такой день, когда каждого за глотку схватил голод, старик радуется?

Отец привык к чудачествам соседа.

– Вижу, твоя собака поймала лису.

– Угадал. На, смотри. – Баляцо из тайников папахи извлек аккуратно сложенную газету и развернул ее так осторожно, словно со страниц могли посыпаться буквы. – Смотри. Про наш аул пропечатали.

Пока отец рассматривал газету «Красная Кабарда», старик рассказывал, как она ему досталась.

Баляцо сделал два небольших плетня из разноцветных побе-гов орешника и кизила, чтобы выменять их на что-нибудь съест-ное (рисунчатые плетни Баляцо славились в ауле, были даже узоры, которые назывались «Баляцын узор»). Старик понес плетни в Нальчик, на базар. Один продал сразу, а с другим пришлось постоять. Базар уже расхотелся, а никто не прицени-вался к плетню. Баляцо начал беспокоиться, как бы не пришлось тащить плетень обратно. Вдруг подходят покупатели. Разго-ворились, и один горожанин, узнав, что Баляцо из Шалушки, спросил: это не про вас пишут? И прочитал в газете то место, где говорилось о сельском сходе в Шалушке, на котором выступ-пал Баляцо Браев.

Старик не сразу поверил. Но горожанин перевел прочитан-ное на кабардинский язык, это были в точности те самые слова, которые Баляцо сказал об Исмаиле Шарданове и братьях Ады-геуновых, занимавшихся бандитизмом. Они пришли на сход, заявили о своем желании вернуться к мирной жизни и просили прощения и поддержки. Когда нашлись поручители, готовые поверить бандитам, Баляцо не вытерпел:

– Почуяли голод – к очагу потянуло. Имейте в виду, змей за пазуху кладем. Смотрите, как бы не поплакать. Отогреем змей своим теплом, а потом они ужалят. Чтобы этого не случилось, надо сначала вырвать у змей жало, выдать абреков властям, пусть ответят перед законом за убийства и грабежи.

И вот все это напечатано в газете. Баляцо отдал за нее узор-чатый плетень. Газета стоящая. На ней обозначена цена: две тысячи рублей.

– Как ты думаешь, Бетал читал эту газету? – спросил Баляцо отца и, получив утвердительный ответ, гордо провел рукой по усам. – А лесник из аула Кошроково?

– Он неграмотный, – ответил отец.

Газета была интересной, и отец погрузился в чтение, не замечая волнения старика. А того прямо распирало желание поговорить о своем выступлении на сходе, о котором теперь узнают везде. Он же всадил бандитам кинжал по самую рукоять. Простят ли они ему? Ведь когда сход принял предложение Баляцо, бандитов как ветром сдуло, они снова ушли в горы. Теперь жди возмездия.

Отец обратил внимание на заметку, в которой речь шла о распределении денежных и продовольственных пайков. Со-гласно постановлению экономкомиссии, учреждениям области предоставлялись считанные продуктовые и денежные пайки по списку, в частности, здравотделу – 140 пайков, милиции – 170, облисполкому – 16, отделу труда и собеса – 40 и т. д. Газета сообщала, что в голодающие районы республики отправлено

за один лишь месяц около 800 тысяч пудов продуктов.

Отец понимал, что Советское правительство делает все, что в его силах. Из Центральной России посылали на Кавказ семена, мануфактуру. Но голод в этом году был не только на Кавказе...

Голод напоминал туман, который проникает во все ущелья, окутывает леса, покрывая деревья инеем, приглушает рев горных рек, колышется на дорогах и тропах, гасит надежду в глазах людей.

Партия бросила клич: «Голод – злейший контрреволюционер. Коммунисты, на борьбу с голодом!» В числе многих других и отец ездил за Терек на помощь голодающим.

Другим врагом революции были объявлены бандиты, скрывавшиеся в горах и лесах. Они нападали на поезда, совершали набеги на аулы, грабили и убивали. На поимку абреков выезжал сам Бетал Калмыков, и редко кому из бандитов удавалось ускользнуть от него. Он отлично владел всеми видами оружия, был отменным джигитом.

Отец, отправляясь работать в поле, непременно брал с собой винтовку. Сидя на подводе рядом с отцом, я воображал: нас настигают злые всадники, отец передает мне вожжи, а сам достает винтовку из-под сена, целится в жоака бандитов. Бах, и тот летит под копыта. Опять выстрел, и опять кто-то падает... А я гоню коней во весь дух. Абреки видят, как метко стреляет мой отец, и поворачивают в сторону леса...

Но сколько раз мы с отцом ни выезжали в поле, бандиты не появлялись.

Отец-то, конечно, понимал, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, а мне было немножко жалко, я был уверен, что отец разогнал бы бандитов.

Он предупреждал меня:

– Гляди в оба. Увидишь всадников – скажешь.

Как раз посередине нашего поля возвышался курган, заросший терном. С этого кургана я бросал тревожный взгляд по сторонам, смотрел в сторону леса. Всюду виднелись крестьяне в широкополых войлочных шляпах – было время прополки.

Иногда я выезжал в поле с братом. Однажды рано утром мы ехали на телеге. Я держал в руках крынку с кислым молоком. В мешке лежали пучки зеленого лука. Другой еды не было – лук и молоко. Если посчастливится набрать – и земляника.

У моста мы заметили скопление всадников, подвод, пеших – целый базар. Трудно было понять, что происходит.

К нам подскакал всадник:

– Что у тебя? – спросил он, кивая на крынку. Не успел я ответить, как он выхватил крынку из моих рук и выдул молоко. Бросив пустую посудину через плечо, заглянул в мешок, вы-

тянул оттуда лук.

– Проваливай дальше!

Это были голодные бандиты.

Мы с братом жили дружно, хотя мне часто доставалось от него. Мать любила повторять: два брата – это обоюдоострый кинжал, даже медведь в лесу боится встречи с братьями.

Старший брат уверял, что ему суждено стать оружейным мастером, а мне – писарем. Действительно, с ранних лет у брата обнаружились задатки мастерового человека. Отец отправил его в город к русскому кузнецу. Брат прожил у кузнеца зиму и многому научился. Когда он вернулся, ему построили у самой дороги небольшую кузницу – сарай, крытый сеном, и здесь целыми днями весело звенела наковальня.

Люди приносили сюда чинить разный инвентарь и оружие всех систем и времен. У меня дух захватывало, когда после починки брат испытывал ружье или пистолет. Стрелял он обычно в поле или в лесу. Ехали мы туда с пистолетами на боку. Это производило должное впечатление на мальчишек-пастухов, встречавшихся в пути. Они хватали лошадь под уздцы, их интересовало, всамделишные ли у нас пистолеты. Однажды мальчишки попытались стащить нас с воза. Произошло то, чего не могло не произойти, – прогремели выстрелы. Брат выстрелил, не снимая оружия с пояса. Не успел рассеяться дым, как мальчишек уже и след простыл.

Рашид был не только кузнецом, но и изобретателем. Он смастерил деревянный велосипед, потом деревянную самоходную коляску. Испытания проводил я, поэтому не было дня, когда бы я не набивал себе новых синяков или не издирал свою и так уже залатанную одежду.

В ауле открылась кабардинская школа. Рашид запер свою кузню, взялся за букварь.

Скоро мы узнали о еще более удивительном – в Нальчике организован учебный городок, где «учат всем наукам» да еще кормят и одевают во все новенькое. Брат явно метил туда. Я понял, что с коровой придется остаться мне. Меня это, конечно, не радовало, но возражать я не смел.

– Не унывай, и ты пойдешь в школу, – успокаивал меня отец.

Он собирался послать меня в Баксан, в школу-интернат для детей красных партизан. Решением облисполкома такие школы были открыты в каждом округе.

Мир, распахнутый букварем

Летом отец уезжал в Нальчик на краткосрочные курсы

учителей и, возвратившись к началу занятий, привез с собой наглядные пособия, учебники, карандаши, тетради. Его встречало чуть ли не все село. Люди с восхищением рассматривали глобус, а отец объяснял, что наша земля выглядит, как этот шар.

Никто ему не верил. Баляцо шутил:

– Значит, я могу украсть ее вместе со всеми жителями?

Отец отвечал:

– Как же ты украдешь, если сам на ней живешь?

Будет к месту сказать несколько слов о Баляце, друге нашего дома. Он был любимцем аула. Кабардинцы говорят: человек, способный занимать словом целое общество, сам стоит целого общества. Баляцо был таким. Где бы он ни появлялся, всюду царило оживление. Неистощимый балагур, он расточал шутки.

Была сложена веселая песня о том, как Баляцо поехал в лес за дровами, не имея лесного билета. Лесник из аула Кошпроково встал на его пути: скидывай дрова и плати штраф. Баляцо не подчинился, мало того – он связал лесника и привез домой на возу. Кошпроковский лесник вынужден был откупиться и дать клятву, что он больше никогда не будет задерживать Баляцо.

Баляцо зимой и летом спал у дверей конюшни – стерег двух своих лошадей и все-таки не уберег их. Был единственный случай, когда он не ночевал дома – ездил на свадьбу; именно в эту ночь абреки и увели его коней.

Накопить побыстрее денег на лошадей – ни о чем другом он теперь не думал, поэтому двух малолетних сыновей, с которыми я дружил, отдал в батраки.

Мой отец советовал ему не делать этого, говорил, что детям надо учиться, «чтобы их пальцы сдружились с карандашом и книгой». Баляцо был непреклонен.

– Землю пахут не карандашом. Пусть лучше дети учатся ходить за плугом. Борозда ведет к амбару с зерном, а карандаш – к писарскому столу.

Он не представлял себе жизни без земли, плуга, косы, бороны. От него всегда пахло травами, конским потом, землей, лесом. С восхода солнца и до заката трудился он не покладая рук. Когда Баляцо спит, никто не знал. Его лошади всегда были вычищены, напоены, сбруя пропитана дегтем, подвода «со звоном». Все он делал сам, своими руками... И у такого работника увели лошадей!

Мне тоже в тот год учиться не пришлось – некому было работать по хозяйству, ходить за скотом.

Летом мать часто посылала меня на базар в город продавать зеленый лук. Вечером мы всей семьей рвали «зеленый товар», вязали его в пучки, укладывали в плетеную корзину. На заре мать поднимала меня с постели, наказывала: «Будешь продавать

по пять копеек за два пучка». Придя на базар, я становился в ряд зеленщиков и бойко выкрикивал: «Парапеть», то есть «пара пять». Так меня и прозвали – «парапеть». Из выручки мне разре-шалось на пять копеек купить мороженого или полфунта белого хлеба – награда за труд.

Зимой мои обязанности менялись – я пас корову и козу. Соседки просили меня «захватить» и их корову за копейку в день. Я соглашался, но никто не платил. Задолжавшая мне двадцать копеек соседка сказала:

– Я эти деньги приберегу тебе на калым.

До женитьбы было далеко, а вот деньги мне бы очень при-годились – я мечтал купить материал на подкладку для черкески. Черкеску сшила мне мать. Материала на подкладку не хватило. Домотканое суконце светилось, как решето, и играло на ветру.

Нас, мальчишек, выходивших на горные склоны пасти скот, согревали только шумные игры, а в дождь и снег – костры.

Брат посещал школу. Отец обязал его вечерами учить меня тому, что он узнавал в школе днем. Так я выучился читать и писать. И потом поступил сразу во второй класс. Право учиться в школе я, можно сказать, завоевал. Как-то из города пришли в аул пионеры. Они пришли целым отрядом. Все нарядно одеты – синие трусы, белые рубашки и красные галстуки. Маршировали под барабан и пели.

Услышав пионерскую песню и узнав от своих дружков о необыкновенных гостях, я мигом отыскал новые штаны, которые мать приготовила мне для школы и очень берегла. Не разду-мывая, натянул их и помчался на улицу.

За пионерами уже выстроился целый отряд чумазных, плохо одетых сельских мальчишек.

Целый день мы провели с городскими ребятами, пели песни, играли, купались в речке, хотя вода была холодная.

Вечером вожатый собрал всех и на прощание велел спеть «Интернационал». Песня нам нравилась, но мы не знали рус-ских слов, вместо «и решительный бой» я пел «и рашидний бой».

Первое, что я сделал, вернувшись домой, – обрезал себе штан-нины, чтобы быть похожим на городских пионеров. Увидев это, мать расплакалась. А я твердо заявил, что буду ходить в школу. Отец поддержал меня.

Учиться пошли многие мои друзья. Некоторые из них утром отправлялись в школу, а вечерами – в медресе. Учиться на «два фронта» было нелегко, но что поделаешь: нужно угождать роди-телям, которые не могут договориться между собой. Отец велит идти в школу, где научат читать и писать по-кабардински, гово-рить по-русски, а мать – ни в какую, учи Коран, главное – стать правоверным мусульманином. Школа в ауле была одна, а мед-

ресе – при каждой мечети.

Но советская школа уверенно брала верх над духовной. Развернулось школьное строительство.

В изыскании средств на школы люди были изобретательны. В одном ауле справляли свадьбу, и каждый, кто шел на эту свадьбу, приносил вместо подарка деньги. Весь денежный сбор предназначался на строительство новой школы. Молодоженам же обещали, что их дети по достижении школьного возраста будут сидеть за первой партой. А если не суждено иметь детей? В этом случае им предоставлялось право сказать учителю, кого бы они хотели видеть за первой партой.

В Ленинском учебном городке в Нальчике объявили о наборе на учебу девочек. Отдавать дочерей на казенное воспитание считалось верхом сознательности.

Не могу не вспомнить день, когда горцы были потрясены вестью о смерти вождя. Жители аула шли на общий сход, посвященный траурному дню. «Вестники печали» предупреждали, чтобы на сход горцы шли не с «пустым поясом», а с кинжалами: дескать, после смерти Ленина враги могут отнять у народа то, что дал Ленин.

В конце 1923 года отец уехал в Москву на Всероссийский съезд Советов. Когда он вернулся, к нам повалил народ. Отец рассказывал о съезде, о Ленине, о похоронах...

В памяти Пшемахо, словно на камне, отпечатались траурные дни. Участники партконференции, делегаты Всероссийского съезда и еще не открывшегося съезда Советов Союза ССР на улицах, в гостиницах задавали друг другу один и тот же вопрос:

– Не слышали – как там в Горках?

Несмотря на напряженное время, не прерывалась работа съезда Советов России, избравшего своим председателем М. И. Калинина. Михаил Иванович начал вступительное слово с рассказа о том, что Владимир Ильич с изумительным мужеством борется с тяжким недугом, и выразил уверенность, что Ленин одолеет болезнь...

Работа съезда Советов Российской Федерации продолжалась полным ходом. Обсуждались доклады по сельскому хозяйству, по труду и зарплате, бюджету. Слишком велика была у участников съезда потребность рассказать о своих нуждах, острых проблемах, требовавших немедленного решения. Редко кто укладывался в регламент. Российский съезд Советов несколько затянулся, поэтому открытие Второго съезда Советов Союза ССР, назначенное на 22 января, пришлось перенести.

Отец и Назыр Катханов – делегаты съезда – раньше других узнали горестную весть о смерти вождя рабочего класса.

Назыру Катханову – герою Гражданской войны – была оказана честь быть в числе тех, «кто охранял тело Владимира

Ильича Ленина».

Назыру Катханову, учителю с четырехклассным образованием реального училища, было двадцать восемь лет, когда мой отец впервые познакомился с ним. Катханов был высокого роста, со статной фигурой, которую облегал серая из домотканого сукна черкеска с набором газырей из слоновой кости, с пышными усами, черными выразительными бровями над карими глазами, в которых сквозь пенсне искрилась решительность и воля.

Катханову уже приходилось выполнять поручения Терского совнаркома, созданного после Октябрьской революции. Когда сгустились в предгорьях Кавказа черные облака, возникла необходимость защищать народную власть, Назыр заявил:

– Дайте мне средства, мандат, я создам отряд для защиты народной власти.

Терский совнарком поверил Катханову. Вскоре появился кавалерийский отряд в две сотни сабель, на большее пока не хватало средств.

Действовать следовало не в одиночку, а идти общей лавиной. Точно так же думали и соседние народы, в частности осетины, создавшие в селе Христианском революционный комитет.

Мой отец не раз вспоминал осенний день, когда представители Северной Осетии приехали в Кабарду для установления контакта. Они приехали в аул Докшоково не верхами на лошадях, а на крестьянских бричках, в которых под сеном было припрятано оружие. Сельский голова предупредил непрошенных гостей:

– Попадете в руки Катханова – не миновать вам виселицы.

Старший апеллировал к традициям народа:

– Разве кабардинцы отказались от старых обычаев, вместо рога с вином предлагают гостям петлю на шею?

Гостеприимство у горцев в крови. Недаром говорили: самый знатный в ауле тот, к которому ездят самые дальние гости. Горские народы старались превзойти друг друга в этом. Даже кровник, явившийся к своему врагу и, сняв шалку, сказавший: «Я твой гость», был неприкосновенным до тех пор, пока он в гостях.

Председатель сельского правления даже немного растерялся, но сейчас не до гостеприимства. Времена напряженные. Он сказал:

– Вы – христиане, а Катханов воюет за шариат.

Осетины призадумались. А что, если Катханов, получив мандат от Терского совнаркома для создания отряда, решил взять сторону Узун-Хаджи, возмечтавшего объединить в одно эмиратство мусульманские народы Северного Кавказа? Ведь Катханов – человек с духовным образованием – арабист. Пер-

спектива была нерадужной, осетины решили возвращаться. Пока они закладывали лошадей, голова аула позвонил в штаб Катханова, рассказал о подозрительных осетинах, которые выдают себя за крестьян, едущих в Пятигорск за товаром, хотя по их поведению видно, что это не простые торгаши. Катханов просил не выпускать «купцов» из аула до его прибытия, задерживать их любыми ловками.

Во главе своего отряда Назыр Катханов прискакал на взмыленных конях. Ему крайне важно было узнать, что делается в эти дни в Северной Осетии, какими силами располагает ревком в Дигории, какова обстановка во Владикавказе, где кадетский корпус, который исстари является местом подготовки офицерских кадров для царских кавалерийских войск, в том числе и казачьих.

Предчувствуя беду от встречи осетин-христиан и кабардинцев-мусульман, жители аула попрятались. Исчез и сельский голова. Но кровопролития не было, наоборот, Назыр Катханов встретил посланцев соседнего народа миролюбиво, приказал найти председателя сельского правления, чтобы он организовал угощение. За кругленькими национальными столиками о трех ножках, ломившимися от яств, пошел задушевный разговор – обмен информацией. У Назыра Катханова, ездившего накануне с мирной делегацией в Чечню, чтобы предотвратить кровопролитие между горцами и казаками, было о чем рассказать, как и у осетин, именовавших себя представителями Реввоенсовета Северной Осетии. Возглавлял их невысокого роста, плотный, решительный Тарас Сотаев, член ревкома.

В этот же день родился неслыханный дотоле документ – договор двух народов о совместных действиях против белогвардейщины в борьбе за защиту народной власти, свободу и равные права народов. Общность целей впервые объединила не только два обособленных от века народа, имевшие раньше свои счета друг к другу, но и разъединенные религиозным барьером. Они становились под красное знамя борьбы за свое будущее. Это стало возможным лишь благодаря ленинским идеям.

Посланцев Северо-Осетинского ревкома, вошедших в аул с опаской, под видом «купцов», провожали торжественно. Джигиты Катханова сопровождали их до самых границ, как дорогих гостей. Контакт, установленный в те не по-осеннему жаркие дни 1918 года, дал свои плоды. Через несколько дней осетино-кабардинские революционные войска уже насчитывали в своих рядах около четырех тысяч – почти кавдивизия. После победы, одержанной Катхановым, власть в Нальчике перешла в руки Революционного шариатского Совета.

Грозовые облака собирались в среднем течении Терека. Там готовился мятеж против Советов. Контрреволюционеры груп-

пировались вокруг белогвардейца Бичерахова, сколотившего около двадцати пяти тысяч сабель. Назыр Катханов оставил часть своих сил в окружном центре для защиты ревсовета округа и во главе с основными полками двинулся на соединение с Се-веро-Кавказской Красной Армией, штаб которой размещался в Пятигорске. У гостиницы «Бристоль» произошла встреча горцев с частями Красной Армии. Здесь же состоялся огромный митинг, на котором с балкона гостиницы выступали командиры частей, красноармейцы. Красные джигиты поклялись драться за Советскую власть до последней капли крови.

Приказом чрезвычайного комиссара Юга России Серго Орджоникидзе в составе Одиннадцатой армии была создана Первой ударной советская шариатская колонна. Командиром шариатской колонны был назначен Г. И. Мироненко, а Катханов – командиром национальных полков этой колонны. Катханов на двух языках распространял листовку, в которой говорилось: «Кто не признает народной власти, тот враг своему народу». Лозунг находил широкий отклик у горцев. Каждый день приходили новые отряды с просьбой о зачислении их в ряды войск, сражающихся под красным знаменем.

В то время, когда объединенные войска готовились к боям против белогвардейцев на Тереке, полковник Серебряков разогнал ревком в Нальчике и установил власть «национального совета», объявил себя диктатором. Катханов не мог вернуться назад, чтобы восстановить ревком округа. Задача войск была определена – ликвидировать антисоветский мятеж на Тереке, очистить тылы Красной Армии от белогвардейщины, создать условия для соединения Одиннадцатой армии с частями Двенадцатой армии, действовавшей в нижнем течении Терека, ставшим оплотом бедегвардейщины, взять в тиски деникинцев, отрезать им все пути.

В многодневных кровопролитных боях задача была выполнена. Шариатские полки доказали свою верность революции, сражались, не щадя жизни, заслужили благодарность в приказе по армии комиссара Юга России товарища Орджоникидзе. Когда две армии соединились, Катханов получил возможность разогнать отряд Серебрякова в Нальчике и восстановить ревком.

Вскоре образовался Ставропольский фронт, куда требовались войска на помощь Красной Армии, сдерживавшей натиск превосходящих сил противника. Срочно были сформированы новые отряды и вместе с частью шариатской колонны отправлены на фронт. Назыру Катханову пришлось с небольшим отрядом, оставшимся под его командованием, принять бой у станции Прохладная. Потерпев поражение в боях с превосходящими

силами, он отступил в горы Ингушетии, чтобы сберечь силы для решающих сражений.

Терек встретил эвакуирующихся грозным рокотом, обжигающим дыханием зимы. Арба с семьей Катхановых, едва достигнув середины реки, проломил лед и опрокинулась. Назыр и Нашхо, ехавшие верхами, бросились в ледяющий поток спасать тонущих, прежде всего двух маленьких ребят – Керима и Магомеда и их мать Суэшу. Старик Адельгерий освобождал обезумевших волов от ярма, чтобы дать им возможность выбраться из воды. Два его сына – Назыр и Нашхо носились по волнам, вылавливая из потока родных и близких.

Никто еще не знал, что после такого купания Назыра свалит воспаление легких, а Нашхо схватит ревматизм, который меньше чем через десяток лет унесет его в могилу.

Джигиты Катханова влились в красноармейский отряд Н. Ф. Гикало, расквартировавшийся в горном Шатое. Самого Катханова задержали в Ведено – столице эмирства, возглавляемого Узун-Хаджи, полагавшим, что Катханов, как шариатист, станет его сподвижником и будет представлять свой народ в сформированном им правительстве – совете министров эмирства. Узун-Хаджи держал Гикало с его отрядом на значительном отдалении от столицы эмирства. Члены его совета министров уже тогда обнаружили у Гикало «отсутствие понимания» целей и устремлений эмирства. Князь Дышнинский без обиняков высказал: «Так как стремления Гикало мне совершенно чужды, нахожу необходимым его устранение...» Вопреки запрету Назыр Катханов отправился в Шатой под предлогом того, что он должен проведать земляков.

Н. Ф. Гикало рад был встрече с Назыром Катхановым.

– Наши цели с тобой ясны, – сказал Гикало. – Надо как можно быстрее выйти к грозненским рабочим, поднять восстание в тылу Деникина.

Это понимал и Катханов:

– Да. Назревает момент. Время работает на нас, но можно его и прозевать. Нужно немедленно одеть и обуть джигитов, достать фураж, коней, пополнить боеприпасы.

Без этого нечего было думать о новых боях. Босых воинов по снегу не поведешь.

Н. Ф. Гикало и Н. А. Катханов всю ночь обсуждали положение. Они уже знали, что началось крупное наступление Красной Армии против деникинских полчищ. В эмирстве нарастала тревога, шел сговор с контрреволюционными казачьими частями.

Выход был один: немедленно отправиться в Тифлис – доложить обстановку Кавказскому краевому комитету РКП(б), попросить у него денежной помощи. Но как добраться до Тиф-

лиса? Кавказский хребет завален снегом. Надо быть скалолазом, чтобы преодолеть его, а тут не только альпинистского снаряжения, приличной обуви нет. Была сформирована делегация во главе с Назыром Катхановым. В нее вошли брат Назыра – Башир, Кишев, Кокколев.

Проходит месяц или больше – вдруг Гикало узнает, что делегация, отправившаяся в Грузию, благополучно достигла северных склонов Кавказского хребта, но она перешла хребет не через Крестовый перевал: на этом пути им бы не миновать встречи с кадетским корпусом на окраине Владикавказа, держащим под контролем Дарьяльское ущелье. Катханов повел делегацию через Караугомский перевал, еще более трудный, чем Крестовый, но более безопасный. Делегация привезла с собой сто тысяч рублей, выданные Кавказским краевым комитетом РКП(б). Документ гласил: «Для Кабардинских частей, находящихся под командованием т. Гикало». В сборе денег помогал и Бетал Калмыков, оказавшийся тогда в Тифлисе.

Посланцы гор не попали к Гикало. На это потребовалось бы еще немало дней, а тут каждый час дорог. По всему Северо-Кавказскому предгорью свирепствовали белоказаки, белобандиты, расправляясь со всеми, кто сочувствовал красным.

Назыр Катханов прибыл в осетинское село Христианское – центр революционной Северной Осетии – и на заседании ревкома рассказал все, что ему удалось узнать в Грузии, в частности подробности о стремительном наступлении Красной Армии в Центральной России. На заседании были определены неотложные задачи революционных отрядов Северного Кавказа.

Ревком Дигории вынес решение – немедленно создать смешанный осетино-кабардинский отряд и направить его против белогвардейских частей князя Бековича-Черкасского, преградившего путь к Нальчику и Пятигорску. Решение соответствовало договору между двумя народами, заключенному год назад. Организаторов повстанческого движения вдохновляло то, что в этот момент под ударами Красной Армии откатывались к югу войска Деникина. 16 декабря 1919 года его вышибли из Киева, 10 января 1920 года Красная Армия освободила Ростов, «ворота на Кавказ» распахнулись бойцам красных частей.

Осетинский ревком принял решение разослать гонцов по ущельям, собрать воедино разрозненные партизанские отряды, скрывавшиеся до сих пор в горах, образовать мощный кулак и нанести удар по деморализованным войскам белых.

23 февраля Назыр Катханов, собрав достаточно сил, совместно с осетинскими воинами перешел горную реку Урух и с налета разгромил полк князя Бековича-Черкасского и крупный отряд стражи. Вдохновленные одержанной победой красные джигиты по пятам преследовали врага. В каждом освобожден-

ном ауле тут же возникали новые отряды и присоединялись к революционным войскам.

Об этих боях Бекович-Черкасский, спасшийся бегством, писал, когда достиг берегов Крыма: «Известный враг нашего народа, Катханов, собрал всех подонков общества в Кабарде и Горной Осетии и «Зеленых русских», двинулся на Нальчик и под видом шариата утвердил Советскую власть в крае». Князь при этом не хвалил своих вояк, бежавших вместе с ним: «Я видел в этот день много таких, кто носит шапку по недоразумению, им более подходил женский платок...»

11 марта 1920 года катхановцы вошли в Нальчик. Население устроило им торжественную встречу. В актовом зале реального училища, где четыре года когда-то учился и преподавал Назыр Катханов, его ожидал пир, на который не поспешили слобожане. Собрались все, кому дорога была победа. Мудрые гости, возгласы ликования, музыка, танцы – все было в этот день и на пиру и в классных комнатах, превращенных на время в казармы, и в огромном дворе, где вокруг заборов стояли кони под седлом. Даже в православной церкви, стоявшей вблизи реального училища, отслужили молебен во славу победы над супостатом Деникиным.

У Назыра Катханова было немало заслуг перед своим народом. Вопреки всему он присоединил к слову «ревком» слово, которое, казалось, не ложится рядом, – «шариатский». Это было знамение времени, революционное творчество неграмотных горцев Северного Кавказа, в сознании которых «шариат» – синоним «народный», поэтому, совместив как бы несовместимые слова, Назыр Катханов сделал ясным и понятным для широких национальных масс смысл борьбы за дело Ленина, против прогнивших социальных устоев, за справедливую народную Советскую власть...

Я помню Назыра Катханова. Он приезжал в Шалушку, и отец пригласил его к нам домой на обед. Мне было предложено поймать лучшую курицу, да не одну, потом набрать сухих дровишек, раздобыть у соседей сметаны. Гость не долго сидел. Пока он благодарил мать за угощение, хвалил вкус «гедлибжи» – курицы в сметане, я, как этому меня учил отец, отвязал коня, подвел его поближе к гостю и приготовился повиснуть на одном стремяни, чтобы седло не съехало набок, когда всадник будет садиться на коня. Отец провожал его за ворота.

Москва ждала траурный поезд. Назыр Катханов и мой отец еще с утра были на привокзальной площади, заполненной толпой. Павелецкий вокзал не помнил такого моря людей. Поезд подходил медленно. Паровоз в траурном убранстве – с флажками, полотнищами, казалось, выбивался из последних сил. Он

тащил горе всех народов земли. На площадке паровоза стоял начальник дороги, одетый в форму инженера. Он как бы разре-зал грудью морозный ветер. Подъезжая к станции, тонувшей в людском море, он зарыдал.

Вынести гроб из вагона на перрон вышли Калинин, Дзержинский, Сталин, Енукидзе и многие другие. Люди, забравшись на столбы, крыши домов и товарных вагонов, старались увидеть Ленина. Катханов и мой отец смогли пробиться поближе к выходу из вокзала благодаря мандатам делегатов съезда. Траурная мелодия оповестила о начале процессии, направлявшейся к центру города. За похоронной процессией потянулся нескончаемый людской поток.

Мой отец по характеру был на редкость мягкосердечным и отзывчивым. Ему стоило огромных усилий сдерживать слезы, хотя вокруг никто не прятал слез. Но и ему не хватило воли, когда он проходил мимо одного здания, в котором, как видно, размещался детский дом. Из открытых форточек лилась музыка Шопена. Кто-то играл на рояле, а детишки заполнили оконные проемы и, прильнув к затянутым морозом стеклам, ревели. Не сдержал слез и Катханов...

Колонный зал Дома Союзов, где был установлен гроб с телом Ленина, стал как бы центром мирового притяжения. Со всех улиц и площадей шли колонны людей. Семь вокзалов Москвы принимали делегации от всех народов Союза и делегации из других стран. Делегаты съездов Советов прощались с Лениным первыми. Мой отец был с делегацией Кабардино-Балкарии. У входа в Дом Союзов Назыра Катханова предупредили, чтобы он «не отлучался далеко», а к четырнадцати нольноль явился в комнату президиума. За время работы в Москве Катханов свободно ориентировался в анфиладе комнат Дома Союзов. Он полагал, что ему дадут поручение, а какое именно не знал, распрощался с Пшемахо до вечера.

Высокий военный в шинели и буденновке собрал около себя тех, кому надлежало сменить почетный караул. Он обронил единственное слово «прошу» и пошел вперед. За ним остальные. Войдя в зал, Катханов не смел поднять головы, боялся разрыдаться, увидев Ленина. Он шел в ногу с военным, медленно, каждый шаг давался с трудом. Катханов обошел гроб и сменил человека, стоявшего у ног с правой стороны, встал, повернувшись лицом к изголовью Ленина. Спазмы перехватили горло, из глаз выкатились слезы, задержались на щеке и, скатившись вниз, повисли на кончиках пышных усов.

В памяти Назыра Катханова еще была свежа встреча с Лениным. Это было не так давно. Года полтора назад. Приезжала тогда в Москву делегация горцев Северного Кавказа. Работавший вместе с Н. Катхановым в Москве в качестве постоянного

представителя от Северной Осетии при ВЦИК М. Д. Ботоев потом расскажет, что «Назыр Катханов неоднократно встречался с Лениным», а сын Катханова – Керим Назырович уточнит одну из этих встреч, когда, по его словам, его отец был в числе делегации, побывавшей у Ленина в 1922 году.

Катханов рассказал своей семье о задушевной беседе с Лениным. Каждое слово Ленина западало в душу, каждое его движение, жесты, поворот головы, прищур глаз, улыбка, разлет бровей – все запомнилось. Горцы степенно, с достоинством слушали Ильича. На вопросы Ленина отвечали коротко.

Назыр Катханов испытывал удовлетворение, когда в начале беседы передал слова благодарности от своего народа за семена и мануфактуру, выделенные центральным правительством.

– От всего народа, Владимир Ильич, низкий поклон Вам за те семена, – говорил Назыр Катханов и по обычаю встал, передавая благодарность вождю. – Без них от моего крестьянского народа не осталось бы никого. Щедрая рука у Ленина и урожай будет щедрым, говорили крестьяне и решили урожай назвать «урожай Ильича».

– Весь яровой клин удалось засеять? – прервал вопросом Владимир Ильич похвалу.

– Не весь. Со следующего года засеем до клочка.

– Голоду досталась большая жатва. Целые аулы... – добавил кто-то и остановился, чтобы не занимать слишком много дорожного времени.

Горцев интересовали вопросы экономики, национальных традиций, административного устройства, хозяйственного районирования национальной автономии, взаимоотношений между разными народами.

В середине зала большое красное возвышение. На нем в море живых цветов гроб с телом Владимира Ильича Ленина.

Назыр Катханов смотрел на лицо Ленина. Оно не утратило свежести. Глаза Ильича запали глубоко. Его гениальный лоб словно был погружен в раздумье.

Кто-то коснулся плеча Катханова. Рядом стоял уже человек, который должен сменить его. Катханов мысленно попрощался с Лениным и пошел за военным, руководившим сменой почетного караула. Он вошел в большую комнату, переполненную людьми. Среди них он увидел Орджоникидзе.

Со времен Гражданской войны на Кавказе Катханов хорошо знал Серго Орджоникидзе и позже поддерживал с ним дружеские отношения. Георгий Константинович мог погорячиться, повыситься голос, но тут же остывал.

Однажды с Назыром Катхановым произошла беда. Он сурово поступил с женщиной, оскорбившей его, и оказался в милиции.

Чувствуя угрызение совести, он о своем поступке сам заявил в отделение по телефону. О случившемся стало известно Орджо-никидзе. Он позвонил в милицию и выяснил причину. Катханов был освобожден из-под стражи. Серго Орджоникидзе воздал ему должное за «феодалные пережитки», оставаясь при этом доброжелательным. Мысленно Катханов иногда сравнивал Бетала Калмыкова с Орджоникидзе. Бетал стружек не снимал, зато его рука не знала пощады, когда речь шла о тех, кто с ним не согласен, а о мягкости, уступчивости характера говорить не приходилось. «Двадцать четыре часа тебе, чтобы ты покинул область». Не успел – пеняй на себя.

Взыскивать с провинившегося он умел, в том числе и с Назыра, с которым он хотел поддерживать дружеские отношения, как с боевым соратником, но вместе с тем его раздражала популярность Назыра в народе.

Шалушинцы спорили по поводу того, почему Назыр Катханов уступил Беталу Калмыкову лидерство, а сам занял скромный пост сначала начальника милиции при окружном исполкоме, а с образованием автономной области – заведующего земельным отделом. Вскоре Н. Катханову предложили новую работу постпреда при ВЦИК. Он переехал в Москву, но и там не затерялся среди других.

Автономные области Северного Кавказа обратились к нему с просьбой быть их общим постоянным уполномоченным в ВСНХ, представлять и защищать их интересы в вопросах промышленного строительства, то есть помогать им в создании промышленности, а значит, и заложить основу в зарождении национального рабочего класса. Катханов не был награжден орденами за организаторские способности и личную храбрость в боях, хотя одиннадцать пулевых пробоин на его шубе, хранившейся некоторое время в музее, – свидетельство того, что он не раз сам вел кавалерийские полки в атаку.

Назыр Катханов, хотя и не был членом партии большевиков, честно выполнял ответственные поручения партии, которые могли доверять лишь самым проверенным и преданным коммунистам. Но в партию не вступал, он причислял себя к верующим и считал это несовместимым со званием члена РКП (б).

...25 января 1924 года между четырнадцатью и пятнадцатью часами Назыру Катханову доверили десять минут быть в почетном карауле у гроба Ленина. Это было признанием его революционных заслуг и личных качеств.

27 января, в воскресенье, состоялись похороны В. И. Ленина. Ровно в шестнадцать ноль-ноль по московскому времени по всей территории Советского Союза прокатились громовые

раскаты одновременного военного салюта из орудий всех ка-либров.

– Орудийные салюты сегодня оповестили мир, что дело Ленина бессмертно, – сказал Назыр моему отцу, когда они возвращались с Красной площади в Первый дом совнаркома (ныне гостиница «Националь»), где Катханов занимал комнату...

Мои земляки в Шалушке говорили: «Пшемахо придет – правду скажет». Отец привез с собой плакаты и брошюры о Ленине, которые бесплатно выдавались на съезде делегатам. Некоторые плакаты он развесил дома, другие возил с собой и показывал там, где ему приходилось выступать с рассказом о похоронах Ленина, о съезде Советов, о Москве.

Те, у кого сердце не лежало к Советской власти, подняли головы. «Кто соленого поел – попьет водицы», – говорили они, мечтая расправиться с большевиками. Муллы приободрились: «Теперь медресе возьмет верх над советской школой».

Но надежды врагов Советской власти не сбылись. Партия вела народ по пути, указанному Лениным.

Два года я учился в сельской школе. Проучившийся «две зимы» считался грамотным, мог стать «даже писарем», что было высшим мериллом образованности. Жерновщики не представляли себе, зачем еще учиться, если человек может прочесть то, что сам написал.

Однажды мои знания подверглись серьезной проверке. В те годы стало модой писать любовные записки. Девушки требовали признания в любви «в письменном виде». Пусть возлюбленные и встречаются каждый день, все равно, любишь – пиши записки. Девушка носила их, как амулет, показывала подружкам.

И вот одна моя юная соседка обратилась ко мне за помощью. Она получила первую любовную записку, а прочитать не могла. Девушка позвала меня в глубину сада, извлекла из тайников заветную бумажку и попросила:

– Прочти.

Я развернул записку. Она была написана по-русски. Девушка с трепетом ждала перевода волшебных слов любви. Я ощущал ее горячее дыхание. Ей думалось, что я буду читать «быстрее, чем курица подбирает зерна», но увы. Я с трудом прочел первое слово – «милая» и запнулся, не зная его значения. Зато мне было известно другое русское слово, близкое по звучанию – «мыло». Сгорая от стыда, я неуверенно проговорил:

– Он называет тебя мылом...

Девушка была обескуражена. Она переспросила. Не может он называть ее так!

Я увидел ее наполнившиеся слезами глаза и хотел утешить:

– Не простое мыло, душистое...

И провалился окончательно. Больше писем она мне не доверяла.

В 1926 году я поехал в Баксанский окружной центр, в школу-интернат для детей красных партизан. Нас было трое из Нальчикского округа.

На второй день меня вызвал завхоз школы.

– Будешь пасти школьную корову.

Дело знакомое, и все же это огорчило меня – ведь я приехал учиться, а пасти корову мог и дома. Но возражать я не смел, боялся наказания папахой: я уже знал, что в интернате на голову нарушителя дисциплины надевали старую папаху, которую он должен был носить до тех пор, пока не найдется новый нарушитель. Папаха переходила с головы на голову зимой и летом. Она причиняла немало хлопот, налезая на глаза, – то и дело приходилось придерживать ее рукой. Кто-то попытался сжечь эту папаху, но безуспешно.

Занятия в школе шли бессистемно. Ученики были предоставлены сами себе. Дисциплину поддерживал ученический комитет. В общежитии висел список воспитанников, и против каждой фамилии были проставлены цифры – от единицы до десяти. Если три пионера заявляли, что кто-либо из учеников совершил недостойный поступок – сквернословил или оскорбил товарища, – собирался ученический комитет, и у провинившегося зачеркивали одну из цифр. Тот, у кого все цифры до последней оказывались зачеркнутыми, рисковал вылететь из школы – вопрос о пребывании его в школе выносился на педсовет.

В двух классах училось более тридцати учеников, среди них и совсем малыши и явные переростки, которые после отбоя клали на свои кровати свернутые пальто, прикрывали их одеялами, чтобы обмануть бдительность заведующего, а сами убежали в аул веселиться до утра.

Многие переростки были верующими и, подчиняясь законам Корана, в месяц рамадана держали уразу. Учителя проводили с ними антирелигиозные беседы, грозили исключить из школы, бывало, и исключали, а потом тем же учителям приходилось ехать в аулы и просить родителей вернуть учеников.

Некоторые «верующие» шли на компромисс: вместо того, чтобы держать уразу, покупали бублики и объявляли: «Кто готов взять на себя мои грехи, пусть берет эти бублики». Желающих находилось много. Мы не смели выдавать старших. Они не очень-то церемонились с «дутиками», как они нас называли.

Сидели старшие на задних партах, и случалось, что иной

верзила, вставая для ответа на вопрос учителя, на радость остальным приподнимал парту на своих бедрах: парты были рассчитаны на малышей.

Школа имела свое учебно-опытное хозяйство: большой огород, где мы выращивали овощи – в основном капусту и помидоры, неплохой сад, трех лошадей, двух коров. На тридцать пять воспитанников более чем достаточно.

После четырех часов классных занятий все вооружались тяпками, лопатами, граблями и выходили на полевые работы. Только тем, кто играл в школьном духовом оркестре, иногда делались поблажки, – им разрешалось вместо работы в огороде репетировать.

Одно время школа оказалась без заведующего. Занятия прекратились, ухудшилось питание, участились побегі учеников. Ученический комитет решил послать делегацию к председателю окрисполкома Туте Шукову. Тот нанес нам ответный визит.

Как только «дозорные» сообщили о появлении высокого гостя, духовой оркестр, которым дирижировал я, заиграл марш. Тута Шуков, энергичный и живой, но не шибко грамотный человек (читать он не умел, научился лишь ставить свою подпись), был тронут торжественностью, с которой его встретили воспитанники школы. Он выслушал наши жалобы, расспросил о жизни и учебе и, вернувшись в исполком, распорядился выделить дополнительные средства на питание.

Прислали в школу и нового заведующего – Али Асхадовича Шогенцукова. Он же стал преподавать у нас родной язык.

Новый заведующий не очень разбирался в хозяйственных делах, зато воспитателем он был прекрасным. Ученики полюбили его. Али Асхадович разговаривал с нами, как равный с равными, был внимателен к нашим нуждам.

Часто Али приглашал нас в свою комнату, вытаскивал из-под подушки большую потрепанную книгу в черном переплете и переводил с русского на кабардинский стихи. Новый учитель открыл нам волшебный мир поэзии. Мы узнали Пушкина, Лермонтова.

Вся библиотека Али состояла из нескольких книг, лежавших у него под подушкой. Заходи, бери, читай. К чтению он относился, как к священнодействию. Если ученик зачитывался и опаздывал на обед, его не торопили. «Дочитает – придет», – говорил Али и просил повариху оставить еду.

На уроках родного языка новый учитель обычно для упражнений по грамматике писал на доске стихи. Мы знали – это его собственные сочинения. Они нам так нравились, что мы учили их наизусть и даже напевали на знакомые мотивы.

Али любил сочинять экспромтом четверостишия. Особенно доставалось в них нерадивым и баловникам. Каждому из нас

хотелось, чтобы учитель сложил стихи и о нем. Но как заслужить такую честь? Может быть, надо совершить какой-нибудь проступок? Мы всеми способами старались обратить на себя внимание Али. Учитель понял, к чему это может привести, и прекратил «воспитание стихами».

Зато многие заразились от него страстью к стихосложению.

В школе организовали драмкружок. Я сразу же записался в него. Решили поставить пьесу Али Шогенцукова «Горянка».

Впервые эту пьесу мы увидели на празднике десятой годовщины Октябрьской революции в Нальчике. Спектакль произвел на нас неизгладимое впечатление, хотя мы ходили на него пешком двадцать пять километров в один конец, в два – все пятьдесят. Не каждый зритель отважится на такое путешествие, чтобы стоя посмотреть спектакль и возвратиться домой к утру.

И вот теперь мы сами ставим пьесу нашего учителя.

Так как девочек в школе не было, мальчикам пришлось играть и женские роли. Али долго уговаривал каждого – изображать девочек никто не хотел: каково горскому мальчику облачиться в женскую одежду?! Засмеют потом твои же друзья.

Я был одним из немногих, кто не очень упирался, – мне и раньше доводилось «представлять» женщин, вернее, старух, просто так, дома, для смеха. Отец как-то услышал, как я «представляю» соседку, пришедшую к нему с жалобой. Видимо, получилось похоже. Он засмеялся и потом всякий раз, когда у него сидели гости, зазывал меня в кунацкую и просил «показать жалобщицу Кандышу».

В спектакле я играл жену муллы.

В пьесе разоблачался знахарь, который, вступив в сговор с муллой, обманывал молодых женщин, мечтавших стать матерями. Он продавал им амулеты от бездетности, а если какая-нибудь из женщин нравилась ему, то не упускал случая и позавбавиться с ней.

По ходу действия я должен был передать бездетной женщине амулет, написанный муллой, и участливо сказать:

– Аллах подарит тебе наследника...

Эти слова я не мог почему-то произносить спокойно. Духивший меня смех вызывал ответный хохот у зрителей...

Во время летних каникул мы ездили по горным аулам. С нами был духовой оркестр, радиопередвижка.

На выступления школьников приходило много народу. Всем было интересно посмотреть на ребят, воспитываемых на «казенный счет». Если среди зрителей объявлялся человек, изъявлявший желание послать своих детей в школу-интернат, наш руководитель тут же записывал его имя и хвалил за такое решение.

Сидели зрители обычно на полу классной комнаты, потому

что большего помещения, чем школа, в аулах не было. Две классные доски служили кулисами. Иногда собиралось так много народа, что часть зрителей смотрела представление через окна и двери. Бывало, во время спектакля озорные ребята, не попавшие в «зал», кидали на «сцену» живую кошку или курицу.

Представление кончалось песней:

*То, что увидели наши глаза,
Из жизни аула нами взято.
Взято, чтобы не вернуть:
Это – груз прошедших веков...*

Наши выступления пользовались успехом. Но бывали порой случаи, когда жители аула пытались сорвать спектакль, прогнать «маленьких ажигаф», как они нас называли. (Ажигафа – козлобородый, шут, одетый в маску козла. Потешая гостей, он то «жует» бахрому на шелковых платках девушек, то ловко взбирается на спину случайно нагнувшегося человека, то «бодает» бородатого старика.) Во время наших гастролей мы, маленькие «козлобородые», всегда находили защиту у местных комсомольцев.

Али Шогенцукову каждый из нас обязан тем, что полюбил родной язык и литературу. С его помощью мы услышали музыку родной речи, научились вдумываться в слова.

Украдкой я и сам стал писать стихи. Я тайлся, но моя маленькая тайна была раскрыта. «Хочет стать, как Али», – заключили школьные друзья.

Когда учитель увидел мои стихи, он взволнованно обнял меня и долго не выпускал из своих объятий. Говорил тихо: «Дорог первый плод, по нему судят о дереве». Где плод, а где дерево, я понял лишь много лет спустя.

Расставание с семьей, с матерью было для нас, пожалуй, не столь тяжелым, как разлука с Али – любимым учителем и товарищем. Нам оставалось учиться еще год, когда он уехал в Нальчик.

Говорили, будто сам Бетал Калмыков, узнав об Али Шогенцукове, пригласил его в город писать стихи, определив ему жалованье гораздо большее, чем оклад учителя. Это казалось неслыханным – человек за стихи получает жалованье! Слово дороже денег!

Мы находили стихи Али в газете (другого печатного органа на кабардинском языке пока не было) и радовались за него.

В те годы в Кабардино-Балкарии учились почти все. Те, кто умел читать и писать, в том числе и школьники, стали культурмейцами. Каждый из нас получил задание научить грамоте не

менее десяти человек. Вечерами мы посещали своих учеников, не очень-то спешивших заниматься. То посиди, пока хозяйка закончит дойку коров, то жди «ученика», еще не вернувшегося из леса, то ищи его на базаре. Нередко возвращались в общежитие за полночь.

Задание считалось выполненным, если пионер-культармеец представлял в школу справку за подписью председельсовета, что его ученики выучили все буквы алфавита и умеют писать цифры до ста. Экзамен принимал учитель сельской школы, потому что не каждый председатель сельсовета мог с этим справиться.

Летом 1930 года на средства, заработанные в совхозе, учащиеся нашей школы поехали на экскурсию в Ростов и Москву.

Своими глазами мы увидели столицу, побывали в музеях, в парках.

Поселили нас в недавно закрытой церкви, спали мы на каменном полу, но никто не простуживался и не жаловался на бессоницу. Вставали рано и гуськом шли в столовую. Там при входе давали ложку, которую следовало при выходе возвращать. Горячая пища полагалась два раза в день. Вечером довольствовались селедкой, сухарями и чаем. Добро, мы захватили с собой несколько мешков черных сухарей и две бочки селедки.

Были мы в сельскохозяйственной академии. Новый заведующий интернатом Василий Петрович Трусов, агроном по образованию, мечтал сделать нас агрономами, поэтому не мог не показать, чего может достигнуть сельскохозяйственная наука. Мы осмотрели машины, опытные участки. К величайшему огорчению Василия Петровича, академия не произвела на нас впечатления. Мы не понимали, зачем нужна наука, чтобы росла кукуруза? Прополоть ее два-три раза – и все.

Посетили Политехнический музей. На карте первой пятилетки значилась Баксан ГЭС. Это нас удивило. В Москве знают о строительстве Баксанской гидроэлектростанции! Мы с ребятами вспомнили, как ходили туда наниматься на работу. Нам как малолетних тогда не брали. Мы жалели, что не числимся рабочими на стройке, которая отмечена на карте страны светящейся точкой.

В Мавзолей Ленина попасть не удалось: как раз в это время вместо старого, деревянного, строился новый, каменный.

Больше всего нас потряс цирк. После разнообразных аттракционов огромная арена на наших глазах вдруг превратилась в бассейн, наполненный водой. И артисты стали продельвать над водой захватывающие номера. Это было нам знакомо. В Баксане мы забирались на скалу, под которой с ревом текла бушующая река, и, описав в воздухе петлю, прыгали в воду. Кое-кто из нас мог бы удивить и цирковых прыгунов. Не с такой высоты мы

умели нырять.

Наш бдительный заведующий не заметил, как один из баксанских «рекордсменов» перемахнул через сиденья и подбежал к трамплину. Он чуть не разбил себе голову – бассейн был не такой глубокий, как казалось, и прыгать туда нужно было умеючи. Но обошлось. Актеры выловили «прыгуна» и хотели куда-то отвести его. Василий Петрович поспешил на помощь озорнику. Наш товарищ получил прозвище «Циркач».

Запомнился и такой случай. Московские мальчишки иногда задирались с нами. Вызов принял Мухаб Абитов. Это был крепко сбитый мальш, недаром одна наша учительница называла его ласково «Абитик-арбузик».

Абитик заявил, что проучит москвичей.

Договорились, что драться будут двое – один наш, другой их. Редедя и Мстислав. Если получится ничья, стороны должны выставить новую пару.

Абитик по сравнению с москвичом был совсем мал. Тот – высокий, длиннорукий, костистый. Но «арбузик» что-то шепнул своему противнику и позвал его за сарай. Через минуту противник вылетел оттуда пулей. Оказалось, «арбузик» схитрил. Он дал тому тронуть пальцем у себя в кармане нечто похожее на револьвер. Парень бросился бежать.

На самом деле это был мундштук от духового инструмента.

Вернувшись из Москвы, мы весь остаток лета проработали в поле.

Если Али Шогенцуков вызывал у нас интерес к литературе, то Василий Петрович Трусов старался привить нам любовь к труду. Он и сам с увлечением работал в поле вместе с нами.

Вскоре по соседству со школой организовали МТС – одну из первых в Кабарде. Мы стали изучать трактор. Нас закрепили по тракторным бригадам.

Не все проходило гладко. Однажды я пахал ночью на американском тракторе «Джон-дир». Шел мокрый снег, в тумане ничего нельзя было разглядеть. Я заехал в кусты терна, и трактор заглох. Тщетно я пытался завести его. Измученный и усталый, вернулся на полевой стан. Мой «учитель» из тракторной бригады, узнав о случившемся, запустил в меня сапогом, который потом ему долго пришлось искать. В кромешной тьме не легче было найти и трактор. Утром «учитель» объявил, что освобождает себя от обузы, то есть от меня.

Рельсовые дороги

Однажды мне приснился удивительный сон. О нем я рассказал матери. Она насчет отгадки снов – волшебница, по сновидениям могла предсказать судьбу. Мне снилось, будто я ухватился за конец радуги, а ноги мои стоят на рельсах, и я мчусь навстречу восходу солнца, лечу быстрее всадников и поезда. Дух захватывает от встречного ветра.

Мать послушала меня и сказала:

– Ждут тебя рельсовые дороги, мой сын. Рельсовые – значит дальние.

Так оно и получилось.

Последний год занятий в школе прошел в напряженной учебе. Из лучших учеников была создана группа, которая занималась по специальной программе. В 1931 году мы закончили школу. Мне выдали удостоверение, в котором было записано: «Предъявитель сего успешно окончил особую восьмью ударную ускоренную группу».

Мы надеялись поехать учиться в Москву, но из выпускников отобрали пять человек, в том числе и меня, и отправили в Малую Кабарду, в мелиоративный техникум, открывавшийся там на базе недавно созданной терской оросительной системы.

Это была первая оросительная система, сооруженная при Советской власти. Ее начали строить еще в 1924 году. Многие не верили в успех, потому что надо было поднять Терек на гору: «Река не всадник, в гору не пойдет». Оптимисты не соглашались: «Пойдет, коль прикажет Советская власть». Через пять лет все убедились: Терек поднялся из долины, нырнул в тоннель и по разветвленным оросительным каналам хлынул на поля. Притеречные земли впервые утолили извечную жажду, стали плодородными.

Пуск оросительной системы состоялся Первого мая 1929 года. Это было всенародное торжество. Вся Кабардино-Балкария собралась на берегах Терека. Приехали соседи – гости из Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана. Андрей Андреевич Андреев разрезал красную ленту, и воды Терека пошли по пути, проложенному людьми.

Менялось не только русло реки, менялась судьба народа. Колхоз, трактор, электрификация и вот теперь – орошение. Малокабардинцы вступали в новую жизнь.

Мальчишки-упрямцы не оценили все это, не заглянули в завтрашний день. Техникум нам не понравился, и мы единодушно решили провалиться на экзаменах, чтобы вернуться назад в свою школу. Это было безрассудно. Школу мы кончили и теперь не имели никаких прав, которыми пользовались там пять лет. Но нам это и в голову не приходило, мы привыкли считать интернат родным домом.

Директор техникума Карачай Блаев, на редкость добрый человек, тщательно пытался уговорить нас остаться, обещал сделать из нас таких специалистов, у которых «сам Терек будет в поводе». Он показал нам гидротехнические сооружения, каналы, шлюзы. Но мы оказались неподатливы на уговоры, хотя все, что мы увидели, произвело на нас огромное впечатление. О Тереке теперь нельзя было уже говорить «дик и злобен». Он стал ручным, послушным.

И все же мы решили уехать. По ошибке сели в поезд, идущий не в Нальчик, а в противоположную сторону. Оказавшись на какой-то станции в Северной Осетии без денег и еды, сильно приуныли. Не оставалось ничего другого, как одному из нас снять свой костюм и продать его, чтобы на вырученные деньги купить пять обратных билетов. Уговорились раздеть самого большого – чем больше размер костюма, тем дороже за него дадут. Купил костюм старик осетин, предложивший более или менее сходную цену.

Когда пришел поезд, кондукторы с недоумением оглядели «голого пассажира» и не пустили его в вагон. Пришлось парню ехать в тамбуре.

Это было для него не последнее испытание. Предстояло еще идти от нальчикского вокзала двадцать пять километров пешком. По дороге нас застал ливень. И на другое утро наш товарищ не смог встать. Вызванный из окружной больницы доктор определил воспаление легких.

Болезнь одного из «беглецов» несколько смягчила гнев Василия Петровича. Но мы были уже выписаны из школы и сняты с довольствия. На нас смотрели, как на чужих. Только теперь мы наконец поняли, какую совершили ошибку.

Заведующий посоветовался в окроно и переадресовал наши документы. Предстояло поехать в Орджоникидзе, Северо-Кавказский педагогический институт на факультет народов Кавказа. Там готовили национальные кадры учителей для горских автономных областей. Нашего согласия никто не спрашивал, да и отказываться мы уже не смели. К тому же слово «студент» звучало заманчиво. И мы поехали в Орджоникидзе.

Факультет народов Кавказа напоминал ноёв ковчег: здесь учились чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, лезгины, карачаевцы, абхазцы, аварцы, кумыки и представители многих других национальностей Кавказа.

Заниматься приходилось с утра до ночи; выяснилось, что подготовлены мы довольно слабо. Начался отсев студентов, и в нашей группе осталось всего человек пятнадцать.

Почти каждый студент писал на родном языке стихи, кое-кто даже печатался. Регулярно собирался литературный кружок,

которым руководил профессор-литературовед любимец студентов Всеволод Александрович Васильев. На его лекции приходили студенты и с других факультетов. Мы гордились, что такой профессор заведует у нас кафедрой и руководит литературным кружком.

Кружковцы читали стихи, стараясь подражать голосом, интонацией, манерой своему профессору. Но так как каждый писал на своем родном языке, мы не понимали друг друга и о достоинствах стихов судили в основном по тому, напечатаны они или нет.

Я жалел, что мое единственное «печатное» стихотворение, вошедшее в учебник по родному языку, было подписано не моим именем, а именем отца. (В свое время мне попало от отца за то, что я «свою головную боль переложил на чужую голову».) Однако через некоторое время и мне удалось «блеснуть» стихами, напечатанными в альманахе «Первый шаг» – первом поэтическом сборнике, вышедшем на кабардинском языке. Цикла стихов оказалось достаточно, чтобы меня зачислили в «поэты-ударники». По книжке ударника я имел право получать в институтском буфете на большой перемене кусок пирога. До сих пор ощущаю головокружительный вкус этого пирога с повидлом.

Литкружковцы решили выпустить рукописный альманах, куда каждый мог бы записать свои лучшие стихи. Неделью альманах переходил из рук в руки, и в нем появились стихи на одиннадцати языках.

Затем мы провели первый вечер поэзии. Такого поэтического турнира еще не было. Звучали стихи на всех языках народов Северного Кавказа. На вечер пришли и студенты, не пишущие стихов. Каждого читавшего приветствовали шумно, хотя понимали его немногие.

После этого вечера поэтов в нашем институте стало еще больше.

На стипендию жить было тяжело. Иногда не хватало денег, чтобы выкупить хлебный паек – четыреста граммов хлеба. Зимой я ходил в женском плаще кирпичного цвета. Обувь была не лучше плаща, поэтому из общежития в институт я старался идти правой стороной улицы, а обратно – левой, чтобы правой ногой, на которой проходилась ботинка, ступать по сухой полосе вдоль стен. Если сталкивался со встречным, не мог проявить вежливости – уступить дорогу.

И вдруг праздник. Областной отдел народного образования в счет дотации к стипендии прислал нам по паре ботинок.

На зимние каникулы я вернулся домой в новых ботинках. Но мое праздничное настроение было омрачено, когда я узнал, что отец оставил ниву просвещения и страшно мучается оттого,

что оказался не у дел.

Отец не находил ответа на многие волновавшие его вопросы. Старые, патриархальные обычаи вдруг стали проявляться в новой форме, как бы приспосабливаясь к новым условиям. Отдельные люди, выучив азбуку по этикеткам на бутылках, решили, что им теперь все дозволено, и, по-своему истолковав отмену калыма, начали то и дело менять жен.

Вот какая история произошла с Али Иуановым, первым трактористом аула. После того как его избрали председателем сельсовета, он надел длинную шинель, приобрел «маузер», стал гарцевать на лучшем скакуне, потом «переженился» и раз и два, в общем, «поплыл по реке сладкой жизни».

В конце концов Али был снят с поста председателя, исключен из партии и возвращен в тракторную бригаду.

Рассказывали, как встретили его там, когда Али сменил длинную шинель на прежнюю свою замусоленную куртку. Он попросил у одного из трактористов закурить. Но старые друзья хорошо помнили, как он ответил кому-то из них на подобную же просьбу, будучи председателем сельсовета:

– У меня папиросы, а ты привык к махорке. От папирос у тебя живот заболит.

Теперь он услышал подобный же ответ:

– Ты привык к папиросам, от махорки у тебя живот заболит.

Однако не все, кто «поплыл по реке сладкой жизни», поплавились за это так же быстро, как Али Иуанов. Некоторые продолжали «плыть».

Отец, остро чувствующий ответственность за поведение своих воспитанников, не скрывал отрицательного отношения к происходящему. Возник конфликт. Отца «вычистили» из партии и намекнули, будто сделано это с ведома Бетала Калмыкова.

Отец сказал:

– Я не пойду жаловаться к Беталу. Расскажите ему легенду. Ворона спросили: «За что ты клюешь своих птенцов?» Ворон ответил: «За то, что они черные». Я не черный птенец, и он не черный ворон. Клевать друг друга мы не должны.

Головной журавль

Слава головного журавля Кабардино-Балкарии Бетала Калмыкова все росла. О нем слагали легенды. Верней, легенды рождались сами по себе, переходили из аула в аул. Поедут крестьяне в Нальчик на базар за ситцем, калошами или хомутами и вместе с покупкой привозят новую легенду о Бетале.

Тем, кто не верил в успех колхозного движения, Сталин предлагал поехать к Беталу Калмыкову и на месте посмотреть.

Приезжали. Смотрели. И учились.

Проводить коллективизацию в Кабардино-Балкарии было нелегко. Кабардинцы селились по родовому принципу. В роду пятнадцать – двадцать дворов, а в кулаки выбился из рода один. Он всегда верховодил всеми, кто носил его фамилию, и заставить многочисленный род назвать кулака кулаком со всеми вытекающими отсюда последствиями было часто не легче, чем с места сдвинуть гору. Ведь родовые узы крепились веками. Род вступался за «своих», правы они или виновны.

В 1928 году в ауле Исламово, расположенном в трех километрах от окружного центра, были арестованы три человека, уклонявшиеся от государственных хлебозаготовок. В родовых общинах, выходцами из которых являлись арестованные, поднялся ропот. Все, кто «носит папаху», двинулись к сельсовету, к ним присоединились и женщины. От сельсовета, в котором никого не оказалось, разъяренная толпа двинулась к окрисполкому.

О происходящем узнал Бетал Калмыков. Он примчался на автомобиле и предстал перед толпой один. Мы, ребяташки, наблюдали поединок Бетала с толпой, теснясь на крыше окрисполкома.

Громовой бас Бетала подействовал на исламовцев отрезвляюще. Вилы, которыми размахивали люди, опустились и замерли у ног. Бетал вспомнил прошлое аула, когда в Кабарду пришли из Крыма от хана Гирея сборщики дани. Пришли они с войском и потребовали отдать хану в рабство девушек и парней. Исламовцы перебили пришельцев, оставив в живых лишь одного; его посадили на осла лицом к хвосту и сказали: «Поезжай обратно, расскажи о происшедшем хану, а чтобы не забыть, всю дорогу гляди в нашу сторону».

Напомнил и о том, что в 1913 году исламовцы были активными участниками восстания против коннозаводчиков, пытавшихся присвоить общественные пастбища.

– С крымским ханом и турками бились – хвала вам! Не отдали пастбищ коннозаводчикам – хвала вам! А ссориться с Советской властью, которая держится на плечах народа, – это позор! – говорил Бетал. – Не вы ли десять лет назад проливали кровь за нее? Глядите от вашего позора горы скрыли лицо за облаками – не хотят видеть вас. Опустили свои белые вершины под тяжестью вашей вины...

Исламовцы постепенно затихали. А к вечеру люди, несшиеся в бешеном порыве к окрисполкому, медленно брели к себе в аул. Бетал укротил их.

Коллективизация подрывала патриархальные устои. Классовая борьба в этот период достигла небывалой остроты. Про-

тивясь закону, запретившему использование в личном хозяйстве труда батраков, кулаки-скотоводы и их приспешники уходили в горы, организовывали банды, совершавшие набеги на аулы, убивали коммунистов, колхозных активистов, запугивали людей, решивших вступить в колхоз. Сам Бетал Калмыков не раз возглавлял отряды, выступавшие против бандитских шаек.

Несмотря на трудности, по всей Кабарде создавались колхозы.

Не обошлось и без перегибов. В конце 1929 года в Нальчике состоялось городское собрание бедняков, на котором было вынесено решение: создать один мощный колхоз, объединяющий все отрасли хозяйства.

Узнав об этом, Али Иуанов на сходе в Шалушке предложил «пойти дальше» – всю Кабарду объединить в одну общую артель и поставить во главе этого колхоза-гиганта самого Бетала Калмыкова. Идея неожиданно нашла сторонников, и ее всерьез стали обсуждать. Представитель областного земельного отдела сообщил, что в Малой Кабарде уже существует «агро-индустриальный гигант», объединяющий весь округ.

Шалушинцы затеяли многодневный спор. Вечерами они, надорвав голос, уходили домой, чтобы продумать новые аргументы, утром продолжать дебаты. Уполномоченные по коллективизации успевали за ночь съездить в город, проконсультроваться и к утру опять вернуться на сход.

Идея создания колхоза-гиганта, объединяющего всю Кабарду, была, конечно, ошибочной. Сама жизнь отвергла ее.

– Аул не можем объединить в один колхоз, как объединишь всю Кабарду? – кричал хриплым голосом мой отец, тогда еще секретарь немногочисленной партячейки.

В Шалушке, как уже говорилось, были обособленные жаматы, или кварталы. Покойника из одного квартала не хоронили на кладбище, принадлежащем соседнему. А внутри каждого жамата жители делились еще на хабля, состоящие из семей одной фамилии. Степень родства в хабля не всегда можно было установить, но все мужчины здесь считались братьями и защищали друг друга. Если один род враждовал с другим, то представители их не сходились вместе даже на базаре. В этих условиях внедрить коллективные начала было очень не просто.

Шалушинцев объединить в колхоз все же удалось.

Собрав сход, отец предложил:

– Кто хочет вступить в колхоз, прошу сюда! Первыми идут коммунисты. За ними комсомольцы!

Коммунисты – их было всего пятеро – встали рядом с ним. Комсомольцы решились не сразу. На них косились отцы. Только

те, кто посмелей, присоединились к коммунистам. Но потом двинулись и другие. Так образовался колхоз в тридцать пять дворов, зародыш нового экономического уклада, которому суждено было взорвать изнутри вековой патриархальный уклад.

На первых порах сила древних родовых связей давала о себе знать и в колхозах. Род, вступив в колхоз, требовал образовать из него отдельную производственную единицу, а если он находился в кровной вражде с другим родом, то о совместной работе не могло быть и речи.

Все эти местные национальные особенности приходилось учитывать.

Бетал предложил созвать съезд стариков области. Для чего? Старики – носители мудрости народной. И авторитет их был непререкаем. Бетал решил повернуть стариков в сторону колхоза, чтобы молодежь пошла за ними.

Делегатами на съезд были избраны самые древние, самые уважаемые аксакалы. Приехали гости – тоже старики – из соседних областей, в том числе казаки с Терека. Люди позабыли вековые распри, обиды.

На съезде выступил Калмыков, организатор этого форума мудрости. Призвал его участников утверждать новые, советские обычаи, стать инициаторами колхозного движения.

Съезд имел огромный успех.

Потом был созван новый съезд – старух, хранительниц традиций. Найти среди старых горянок ораторов казалось многим затеей безнадежной. На деле же иных старух трудно было увести с трибуны, так они разговаривались.

Этот съезд был направлен прежде всего против калыма – платы за невесту. Старухи всегда считали, что лишь калым надежно скрепляет брачные узы. Ведь если муж задумает развестись с женой, калым ему не возвращается, и, чтобы вновь жениться, он должен накопить немалые средства. На съезде те же старухи рассудили иначе: там говорилось, что при социализме мужчины и женщины пользуются равными правами и не калым должен крепить брачные узы, а взаимная любовь.

Старые горянки оказались способными понять новые веяния жизни.

Партия бросила клич и молодым горянкам: девушки, на передний край борьбы за новое общество!

Мастер высоких урожаев Биля Мисостишхова была награждена орденом Ленина. В Москве, получая орден, Биля дала обещание нарком Ворошилову овладеть и военным делом.

За Билей пошли сотни других девушек. Стали сдавать нормы на звание «Ворошиловского стрелка», участвовать в конных

пробегах. Молодые горянки занялись парашютным спортом. Разве можно было раньше даже представить такое!

Биле не повезло. Во время одного прыжка ее парашют зацепился за хвост самолета. Пришлось перерезать стропы в надежде на второй – запасной – парашют, но он не успел раскрыться полностью, и Биля сломала ногу. Но и это происшествие не испугало девушек: освоить прыжки с парашютом стало для них делом чести.

Бетал всячески поощрял увлечение молодежи спортом. В ознаменование очередной годовщины автономии области он предложил совершить массовое восхождение на Эльбрус – повторить подвиг первого покорителя самой высокой вершины Европы кабардинца Киляра – и вызвался сам возглавить альпинистов. Желающих идти вместе с Беталом оказалось очень много. Из них отобрали лишь достойнейших. Право быть участником восхождения на Эльбрус надо было заслужить ударным трудом, активным участием в общественной жизни.

В тридцатые годы спортивное движение в Кабардино-Балкарии приобрело неслыханный размах. И в этом тоже проявился организаторский талант Бетала Калмыкова. Он и сам увлекался спортом. Одна из двух комнат его квартиры была сплошь заставлена спортснарядами.

Страстью Бетала была верховая езда. Он отлично джигитовал и охотно помогал конюхам в выезде лошадей, в укрощении самых норовистых. На этом он как бы проверял силу собственного характера. Из табунов, пасущихся в горах, приводили почти диких коней, и не было случая, чтобы конь сбрасывал Бетала. В схватке характеров его характер всегда одерживал верх.

Имя Бетала Калмыкова стало синонимом всего нового. Когда дело касалось социального переустройства области, ее благосостояния, изобретательность и фантазия Бетала не знали предела. Например, он организовал сбор и отправку на север диких яблок, груш, орехов, кизила для обмена на гвозди и лесоматериалы, в которых так нуждались тогда колхозы и городские стройки. Не хватало средств на расширение сети школ – он предложил отстреливать диких кабанов в горах и продавать их мясо.

К Беталу приезжали люди из самых отдаленных аулов. И он внимательно выслушивал каждого, всем старался помочь. Нередко и сам выезжал в колхозы, особенно в отстающие. При этом, чтобы доказать, что работать можно лучше, на виду у всех выполнял две нормы в день.

Калмыков был и блестящим оратором. Он умел зажечь аудиторию, вызвать у слушателей гнев, одобрение, желание спорить. Люди старались не только запомнить его слова, но и додумать

то, чего он не договорил. Бетал мог произнести на митинге полу-часовую речь, а на пересказ ее участники митинга затрачивали полтора-два часа. Этим Бетал отличался от пустомель, которые иной раз говорят с трибуны полтора-два часа, а пересказать их речь можно в несколько минут.

В 1934 году М. Горький писал в «Правде», что в Союзе нет ни одного племени, «которое не доказало бы свою жажду культуры и способности к восприятию ее, нет ни одного племени, которое не выдвинуло бы из своей среды изумительно талантливых людей, образцом которых является мудрый кабардинец Калмыков Бетал».

Человек этот с «трехзимним» образованием стал истинным вожаком масс, объединившим их вокруг себя силой личного примера и проникновенным словом, чистой помыслов и безграничной верой в правоту коммунистического дела.

Рядом с Калмыковым работали, конечно, и другие хорошие люди, которые помогали вожаку проводить идеи партии в жизнь. Признав незыблемый авторитет Бетала, они как бы отступали на шаг в сторону, чтобы больше света падало на него.

В республике проводилась огромная организационная работа, охватывавшая все слои населения. Формы ее были очень разнообразны, Бетал умел работать сам и учил других работать творчески.

Но как у всякого смертного, у Бетала случались и осечки.

Сомнительной акцией был, в частности, задуманный Калмыковым съезд лодырей. Бетал, видимо, не разобрался в социальных причинах того явления, которое он считал лодырничеством. В «лодырях» оказались большей частью бывшие батраки. Всю жизнь работая по найму, они привыкли повиноваться, исполнять чужую волю. Когда в результате сплошной коллективизации не стало кулаков, многие бывшие батраки поначалу не сумели преодолеть психологический барьер: их всегда кто-то понукал, а тут надо самому проявлять инициативу. Не каждому удавалось сразу найти свое место в новой жизни. А Калмыков усмотрел в их пассивности нежелание трудиться.

Шалушинцы не помнили такого бурного схода, как в тот день, когда решался вопрос, кого послать на съезд лодырей. При обсуждении кандидатур разгорелись страсти. Все стояли за честь фамилии, не хотели давать в обиду своих. Иные даже грозились кинжалами. А тут еще кто-то подлил масла в огонь — пустил слух, что никакого съезда не будет, а лодырей собирают, чтобы отправить их вслед за кулаками на Север, те, мол, подали «прошение» о возвращении им батраков.

Были и слезы и смех. Для «делегатов» съезда снарядили специальную арбу-развалюху, впрягли в нее двух волов, еле

передвигавших ноги, водрузили над ней флаг из рогожки.

За арбой, в которой восседало семеро «делегатов», бежали мальчишки. Остряки пускали шпильки:

– Собирают на съезд одних лодырей, кто же им дверь открывать будет?

– Смотрите, кунаки, как бы там на вас потолок не рухнул! (Имелась в виду пословица: «Над нерадивым потолок не держится».)

Съезд был недолог. На нем выступил Бетал Калмыков. Он сказал, что это первый и последний такой съезд. Напомнил кабардинскую пословицу: «Кто работает, тот вяленое мясо ест, а кто не работает, тот горькие слезы льет».

– Лучше убить человека, чем подвергать подобному унижению, – ответил ему кто-то. А остальные заверили Бетала, что в следующий раз они встретятся с ним на съезде ударников колхозного труда.

Самолюбие людей Бетал вообще щадил не слишком. Он умел, как говорят кабардинцы, заставить любого «нохать молодой красный перец».

Однажды собралось в Нальчике большое совещание по сельскому хозяйству. Были приглашены партийные, советские и хозяйственные руководители области. Такие совещания про-водились и раньше, но на этот раз Бетал велел зачем-то привести во двор учебного городка лошадей, коров, овец, свезти туда же различные сорта семян, сельскохозяйственный инвентарь.

Строились догадки:

– Выставку хочет организовать.

Но что за выставка, если ведут не самых лучших лошадей, непородистых коров, да и сельхозтехнику доставляют обычную.

Совещание началось с доклада заведующего областным земельным отделом. В конце прений ожидалось выступление Бетала Калмыкова, который знал состояние земледелия в области как никто другой, помнил все цифры, мог перечислить, в каком колхозе сколько скота, рассказать, в каком месте какая толщина почвенного покрова, кто какой урожай собрал и сколько надоил молока. У Бетала была феноменальная память. Выходя на трибуну, он никогда не пользовался заранее написанным текстом, а, глядя в лицо того или иного руководителя, рассказывал о положении дел у него, словно вычитывал все на лице человека.

Иной из руководителей, не выдержав тяжелого взгляда Бетала, спешил сам признаться, что провалился с уборкой или севом.

На это Бетал отвечал:

– Провалившихся тащить из ямы не стану. Надо в освобо-

дившееся седло посадить другого седока...

На этот раз, перед тем как выступить, Бетал пригласил всех участников совещания выйти во двор. Речь свою он начал на свежем воздухе.

– До коллективизации, – сказал он, – руководить сельским хозяйством было легче: разверстал план хлебозаготовок по сельсоветам и требуй выполнения. Как пахать, чем засевать поля, соблюдается агротехника или не соблюдается, вносятся удобрения или нет, какой породы скот, есть ли тягло, инвентарь – все это было делом самих крестьян. А ты только помогай им кое в чем да требуй. Теперь же, – Калмыков повысил свой мощный голос, – положение изменилось. Кто отвечает за положение с семенами, скотом, сельскохозяйственным инвентарем, за своевременную уборку? Партийные и советские руководители. Каждый из нас нынче и пахарь, и скотовод, и садовод, и агроном, и зоотехник, и табунщик, и ездовой. Поэтому и называемся ответственными работниками. Мы отвечаем за все, мы и руководители и организаторы. А можно ли быть организатором без знания дела? Нет! Вот перед вами то, с чем вы встречаетесь каждый день, – лошади, коровы, овцы, подводы, семена и так далее. Покажите-ка свои знания...

Некоторые стали прятаться за спины товарищей. Но разве от взгляда Бетала спрячешься? Он знал здесь каждого по парти-занскому движению, по красногвардейским отрядам, боровшимся за установление Советской власти на Кавказе.

Экзамену подвергались все – независимо от занимаемой должности. Первым был вызван председатель окрисполкома, в прошлом командир партизанского отряда. Ему Бетал задал такую задачу:

– В твоём округе сорок тысяч га пашни, половина засеивается кукурузой, четверть идет под озимую пшеницу, еще четверть – под яровую пшеницу и просо. Сколько семян этих культур требуется, чтобы засеять всю площадь, учитывая различную структуру почв в колхозах?

Чтобы ответить на подобный вопрос, нужны были глубокие агрономические знания.

Кого-то Бетал подвел к плугу и предложил запрячь лошадей, настроить плуг на определенную глубину пахоты. Прокурора подозвал к лошади с обвисшим брюхом и напомнил ему случай, когда на бюро обкома тот требовал привлечь к суду председателя колхоза, допустившего абортирование жеребых кобылиц.

– Скажи, прокурор, через сколько месяцев ожеребится? – спросил Бетал и кинул вокруг себя предупреджающий взгляд. Все поняли его и нетерпеливо ждали ответа.

Прокурор обошел лошадь со всех сторон, робко похлопал ее по холке. Он ждал подсказки, смотрел на стоящих поблизости

умоляющими глазами. Но кто рискнет подсказать, если рядом Бетал!

– Двух месяцев не протянет, Бетал Эдикович, – махнув на все рукой, проговорил наконец прокурор.

Раздался хохот. Бетал тоже не удержался от смеха: лошадь-то оказалась мерином...

После этого беспощадного экзамена Калмыков предложил продолжить прерванное совещание. Выдержавшие экзамен могли сидеть с поднятой головой. А вот провалившиеся чувствовали себя скверно.

Руководить не вообще, а конкретно, на основе знаний и опыта, а для этого надо постоянно учиться, изучать новое и уметь применять его на практике – вот чего требовал Бетал. И сам являл образец такого руководителя.

За это мой отец и прощал Беталу «сучковатость» его характера, «апшацизм», как называл он прямолинейность Калмыкова.

«Песню о Бетале Калмыкове», сочиненную когда-то моим отцом, играли духовые оркестры во время праздничных шествий, исполняли в концертах – в присутствии Калмыкова и без него.

Отец и сам любил напевать эту песню в кругу друзей, был счастлив, когда те ему подпевали. Он находил оправдание любому шагу Калмыкова, даже если внутренне не одобрял его.

– Головной журавль волен выбирать путь, – говорил отец.

Между тем Бетал Калмыков не был пророком. Это была сложная человеческая натура – глыба, отколовшаяся от скалы, со всеми ее острыми углами.

«Гусь» без мягкого знака

Я продолжал учебу в институте. Очень хотелось быть в числе первых кабардинцев с высшим образованием.

Учиться оказалось нелегко, но отец подбадривал:

– Кто рано вышел в дорогу, тот раньше достигнет цели. Вы начало потока, первая струя воды, осваивающей новое русло, вестники радости. Канал наполнится водой, а о первой струе будут помнить всегда.

Днем мы занимались, а вечерами работали в мастерских при институте – делали табуретки. В этом я не видел смысла. Мы с моим односельчанином и однокашником Мухабом Абитовым устроились на вагоноремонтный завод в литейный цех формовщиками. Нам повезло: производство считалось вредным, и рабочим выдавали каждый день стакан молока бесплатно.

Стипендии, конечно, не хватало. Вечерний приработок тоже

был невелик. Поэтому время от времени то я, то Мухаб пооче-редно ездили домой, в Шалушку, за кукурузными лепешками. Каждый привозил на двоих, на полмесяца. За несколько дней лепешки обрастали зеленым мхом, но все равно мы их не вы-брасывали.

Одна из таких поездок за лепешками обошлась мне слишком дорого: я не вернулся вовремя и лишился права претендовать на повышенную стипендию. Вдобавок – и что было самое обидное – в поезде у меня стащили плетеную корзинку с чуреками. От Беслана до Орджоникидзе всего час езды, а я заснул. Проснулся – корзинки под головой нет. Вернулся в общежитие с пустыми руками.

Туго бы мне пришлось, если бы не помог тогда мой сосед по комнате, шестидесятилетний студент, бежавший от жены. Он имел «накопления» и понемногу проедал их – покупал «коммерческие» чуреки. На студенческие вечера «беглец» давал мне свой костюм, галстук, но предупреждал при этом: «Если попадешься на глаза моей жене, скажи, что костюм купил на толкучке».

На каникулы я всегда возвращался в Шалушку. Работал в родном колхозе то в огородной бригаде, то в бригаде косарей. Мои трудоводни заносились в трудовую книжку матери.

Попытался устроиться на Нальчикский чугунолитейный завод – первенец индустрии Кабардино-Балкарии.

Я и сейчас помню торжества по поводу пуска этого завода. Из всех аулов съезжались делегации на подводах и арбах с флагами и транспарантами. Лихо неслись с гор джигиты на конях. Заводской двор, еще не освобожденный от строительного материала, не вмещал гостей. Всем не терпелось скорее увидеть расплавленный чугун.

На первых порах завод должен был выполнять заказы по литью и обработке деталей для других предприятий, а также оказывать помощь местным колхозам в ремонте сельхозинвентаря.

Но главной для завода была задача – за короткий срок освоить производство гидравлических турбин для электростанций, строившихся на бурных горных реках Кавказа.

Выступая на митинге, Бетал Калмыков говорил:

– Кабардинцы и балкарцы когда-то простой керосиновой лампы не могли изготовить. А теперь мы на этом заводе будем выпускать гидротурбины, чтобы электрическая лампочка загорелась дневным светом в каждом доме. Это и есть свет Ленина.

После митинга литейщики продемонстрировали свое искусство: на глазах у изумленной толпы разливали жидкий чугун в приготовленные для этого формы. Горцы шарахались

от разлетавшихся во все стороны искр: они впервые видели такое чудо – пышущий жаром жидкий чугун.

Бетал говорил, что продукция завода предназначена и для предприятий Москвы, Урала, Дальнего Востока.

Подумать только: изделия из нальчикского металла пойдут в Москву! Мне очень хотелось работать на этом заводе. Москва ведь мне ближе, чем другим, – я там сам был. К тому же после практики, которую мне довелось пройти на орджоникидзевском вагоноремонтном, я считал себя настоящим литейщиком.

На завод меня приняли. Но ходить каждый день из аула в Нальчик оказалось делом невозможным. Пришлось перевестись на шалушинский кирпичный завод. Тоже формовщиком.

Мне шел двадцать первый год, когда я закончил Орджоникидзевский пединститут. Диплома не дали. Сказали: «Поработаете год в школе, это будет вам зачтено как дипломная работа, после того и получите документы».

Директор института, вызывавший у нас восхищение своим видом, – он ходил в черкеске с белыми газырями, при кинжале и пенсне, добродушно посмеивался:

– Коня на выездке проверяют. Посмотрим, как у вас там пойдет.

В его словах угадывалось сомнение.

Меня и Мухаб Абитова направили преподавать русский язык и литературу на педагогический рабфак. Мы были не намного старше рабфаковцев. Тут занимались молодые колхоз-ники, ходившие в сельскую школу всего две-три зимы, недавние чабаны, сменившие ярлыгу на карандаш, были и окончившие краткосрочные курсы учителя начальных школ.

Для «солидности» я приобрел роговые очки, правда, с простыми стеклами. Но ученики скоро почему-то догадались, что очки ненастоящие...

Директор института сомневался не даром – свой предмет мы знали не очень твердо. В этом первым убедился Мухаб Абитов.

На уроке его спросили:

– Как будет глагол «шуметь» в первом лице настоящего времени единственного числа?

Мухаб не смог ответить и перевел все в шутку:

– Тот, кто шумит на уроке, никогда не сознается в этом – не скажет, что он шумит...

Вечером мы разобрались с этим глаголом, и на другой день, придя на урок, Мухаб как бы невзначай «вспомнил»:

– Да, вчера я забыл ответить на вопрос: как спрягается глагол «шуметь». Запомните: первое лицо настоящего времени единственного числа – «шумлю»...

Со мной было еще хуже.

Рабфаковец разбирал написанное на доске предложение. Вошел завуч – он считал своей обязанностью посещать уроки молодых специалистов. Естественно, меня не обрадовал его визит. Этим вносилось известное напряжение – подобное состояние знакомо всем молодым учителям. Завуч сел на свободное место, устремил свой взгляд на классную доску.

В группе были в основном балкарские юноши, которые едва научились читать по-русски. Да и я не хватал звезд с неба, а потому не рисковал отрываться от учебника. Однако делал вид, будто присутствие завуча меня не смущает.

Но вот, заметив, что вызванный к доске ученик написал слово «гусь» без мягкого знака, завуч обратился к классу с вопросом:

– В предложении нет ошибок?

Я взглянул на написанное, от волнения не заметил ошибки, тем не менее на всякий случай обратился к ребятам с призывом смотреть внимательней. Класс дружно ответил: «Все правильно». Ведь в балкарском языке нет мягких звуков. Русское слово «гусь» мои ученики произносили, как «гус». Так и писали.

Я поспешил согласиться с ними и продолжал:

– Идем дальше...

Завуч остановил меня, потребовал найти орфографическую ошибку. Меня бросило в дрожь. Признаться в том, что я не могу найти ошибки, означало уронить свой авторитет в глазах рабфаковцев. А главное, завуч теперь напишет в институт: мол, ваш выпускник Кешоков недостаточно грамотен. И тогда прощай диплом. Даже звонок, означавший, что урок окончен, не обрадовал меня. Я провалился!..

После занятий завуч вызвал меня на беседу. Он деликатно напомнил, что молодому, еще неопытному преподавателю к урокам надо готовиться лучше, необходимо обязательно составлять подробный конспект.

Я понял, почему он снисходителен ко мне. За несколько дней до этого был забавный случай. Завуч шел домой под хмельком и, увидев меня на улице, крикнул весело:

– Алим Пшемахович, голубчик мой, поверни-ка меня в сторону Затишья... – Так называлась часть города, где он жил.

Я не просто его «повернул», а довел до дома и сдал жене. А та набросилась на меня, считая, что это я напоил ее мужа.

О случившемся на уроке я рассказал Мухабу. Вывод был один – надо продолжать учиться. Решили по окончании учебного года поехать в Москву.

Запятая или единица?

Преподавая на рабфаке, мы принимали посильное участие в работе лингвистической комиссии при научно-исследовательском институте краеведения, перед которой была поставлена нелегкая задача – перевести кабардинское письмо с латинской графической основы на русскую.

Первую попытку создать кабардинскую письменность сделал Шора Ногмов, современник Пушкина. Владевший многими языками, в том числе турецким и арабским, он остановился все же на русском алфавите. Но для обозначения всех звуков кабардинского языка в русском алфавите недоставало знаков, и Ногмов добавил к русским буквам латинские.

Последователь Ногмова просветитель Кази Атажукин предложил свой вариант алфавита и издал кабардинскую азбуку тиражом в 600 экземпляров. В 1864 году вышла первая книга на кабардинском языке.

Однако ни один из проектов кабардинского алфавита широкого распространения не получил. Ведь подавляющее большинство кабардинцев, как и других горцев, до Октябрьской революции были неграмотны.

После установления Советской власти встал вопрос о необходимости ликвидации безграмотности. Вновь разгорелись жаркие споры о том, на какой графической основе остановиться. Сторонники арабского алфавита исходили из того, что арабскими буквами печаталась в это время кабардинская газета «Адыга макъ». Их противники рассказывали о случае, который произошел в Ингушетии. Там при создании учебников использовали арабский алфавит, но когда ученики показали буквари родителям, те пришли в ужас: простые ингушские слова написаны священными арабскими буквами! Это ли не святотатство! Утром в школу первыми прибежали родители. Они грозно размахивали букварями, хватались за кинжалы.

Дело могло кончиться худо, если бы учителя не обещали отвезти эти буквари обратно и взамен их доставить в аул книги, напечатанные другими буквами.

В Кабарду приехали из Москвы ученые-лингвисты, была создана комиссия, которую возглавил Николай Феофанович Яковлев, сделавший чрезвычайно много для бесписьменных кавказских народов, особенно для кабардино-черкесов.

Мой отец тоже был членом этой комиссии, чем очень гордился.

Яковлев приводил кабардинцев в восторг знанием грамматического строя их языка, но с трудом произносил целый ряд гортанных и других специфических звуков. Это вносило веселое оживление в заседания лингвистов.

После долгого обсуждения комиссия предложила алфавит

на латинской графической основе. Каждая из 56 фонем изображалась соответствующим знаком, что достигалось посредством видоизменения ряда латинских букв. Это было очень важно, так как облегчало решение задачи, поставленной Советской властью: в короткий срок ликвидировать неграмотность населения.

К середине тридцатых годов Кабардино-Балкария стала областью сплошной грамотности. А грамотность, разумеется, послужила прочной базой для расцвета всей национальной культуры.

В 1934 году было создано Первое собрание писателей Кабардино-Балкарии. Оно стало знаменательнейшим событием в культурной жизни наших народов.

Молодые писатели, верней, будущие писатели, полные надежд и энтузиазма, отталкиваясь от фольклора, создавали свои первые художественные произведения.

Доклад на собрании делал Исмаил Афаунов. Это и понятно. Он отличался наиболее глубоким знанием русской классической литературы и пониманием путей развития национальной культуры. На первом собрании кабардинских и балкарских писателей Афаунов предсказал национальным литературам большое будущее.

После доклада развернулись жаркие споры о перспективах развития национальных языков и литератур.

Сосруко Кожаев, один из первых кабардинских прозаиков, представитель немногочисленной дореволюционной кабардинской интеллигенции, не разделял оптимистического настроения Афаунова. Нараспев, словно наблюдая за полетом каждого своего слова, Кожаев говорил:

– Кабардинского языка хватит на наше поколение, не больше. – И развивал свою мысль, оперируя метафорами. – Известно, пеший всаднику не попутчик. Они будут идти рядом, пока не выйдут со двора, может быть, вместе дойдут до края аула. Не дальше. А выехав на дорогу, всадник помчится вперед, и пешеход никогда не угонится за ним, хотя пойдут они в одну сторону, и с одной и той же целью... И нечего пешему жаловаться на свою судьбу!

Под всадником он подразумевал русский язык, под пешим – родной язык и литературу.

Исмаил Афаунов, возражая ему, сравнивал литературу с костром. Чем больше в него бросаешь поленьев, тем ярче разгорается огонь. Пусть все народы, большие и малые, приносят к костру свои поленья. От этого огонь разгорится еще сильнее... А что касается пословицы «Пеший конному не попутчик», то если пеший ухватится за стремя конного, то и он быстрее пойдет

и даже будет попевать за всадником, если тот не мчится галопом...

Слушая докладчика, я вспоминал дни, когда мне приходилось пасти корову и козу. Нас, мальчишек, было много. Каждый выгонял свой скот на склоны гор. И всех обволакивали холодные облака. Спасаясь от холода, мы целыми днями поддерживали огонь в костре. Никто к костру не приходил с пустыми руками: хочешь греться – неси топливо, дающее тепло. Так и в литературе. Пусть каждый язык вносит в нее свою мощь, свои краски, от этого костер будет только ярче.

Горький прислал участникам собрания поздравительную телеграмму. Он выражал уверенность в том, что национальная по форме литература Кабардино-Балкарии сможет отразить героические победы края, его борьбу за построение социалистического бесклассового общества.

Великий Горький развеял сомнения, укрепил в нас веру в будущее национальной литературы.

Отразить героические победы – в этом задача писателей. Надо дать простор талантам и поставить их на службу делу народа.

В областном отделе народного образования на дверях маленькой комнаты, в которой едва помещались небольшой письменный стол и один стул, появилась от руки сделанная табличка: «Союз писателей». Кто состоит в этом Союзе, было еще неизвестно.

Только что рождающуюся организацию возглавлял Джансох Налоев, который почему-то называл себя Джонсоном, считая, что это звучит более «по-писательски». У колыбели кабардинской литературы стояли Исмаил Афаунов, братья Пшеноковы, Пшикан Шекихачев, Сосруко Кожаев.

В середине тридцатых годов жизнь снова поставила перед языковедами и писателями вопрос о графической основе кабардинской письменности. И все сошлись на том, что необходимо перевести кабардинское письмо с латинской графической основы на русскую. Это диктовалось потребностями хозяйственного и культурного строительства, нашим общим стремлением теснее связать свою национальную культуру с русской.

Трудность заключалась в том, что новый кабардинский алфавит должен был содержать не больше знаков, чем русский. Иначе осложнится книгопечатание, придется переделывать пишущие машинки и т. д. Нужно было выработать наиболее рациональный принцип обозначения каждой из фонем, не увеличивая при этом количество знаков алфавита.

На заседаниях орфографической комиссии вспыхивали острейшие дискуссии. Не обошлось и без курьезов.

Одним из руководителей комиссий был кабардинский про-фессор-лингвист, он же поэт-баснописец Тута Борукаев, чело-век, к сожалению, не отличавшийся эрудицией. Он не терпел возражений в спорах и почему-то ходил на заседания орфогра-фической комиссии с револьвером.

На очередном заседании решался вопрос: что использовать для обозначения специфических звуков кабардинского языка – цифру 1 или запятую как подстрочный и надстрочный знаки. Профессор Борукаев стоял за запятую. Один из членов комиссии, Таутлостан Шеритлоков, возражал.

Шеритлоков, автор учебников родного языка, учившийся до революции в Петербурге, считал себя достаточно компетентным. Он не без запальчивости доказывал, что надстрочные или подстрочные запятые снижают скорость письма и создают дополнительные затруднения при чтении.

Борукаев, в свою очередь, приводил доводы в пользу запятой. Он утверждал, что использование цифры 1 приведет к путанице в текстах с цифровыми знаками.

Таутлостан Шеритлоков, не лишенный чувства юмора, заявил, что большинство членов комиссии на его стороне, и если председатель поставит вопрос на голосование, то победит «единица».

Борукаев продолжал резко настаивать на своем. Шеритлоков, не выдержав, вскочил и, выхватив мел из рук оппонента, вскричал:

– Надо быть слепым, чтобы не видеть истины! Пожалейте зрение детей! Это же антинаучно!

Тута Борукаев мог стерпеть все, но только не обвинение в антинаучности. Он воспринял последнюю фразу Шеритлокова как оскорбление, потому что ходили слухи, будто профессорского звания никто ему не присваивал, а он сам написал на обложке своего учебника «профессор» и с тех пор носит это высокое ученое звание. В слове «антинаучно» ему почудился намек.

В одно мгновение он выхватил из кармана наган и, приставив его ко лбу оппонента, гаркнул:

– Антинаучно?!

Кое-кто из членов комиссии кинулся к дверям, другие бросились к разбушевавшемуся профессору.

Шеритлоков побледнел, выронил из рук мел и стоял, боясь пошевелиться. А когда пришел в себя, пробормотал:

– Убери, Тута. Нельзя шутить револьвером. Убери... Не возражаю: запятая так запятая...

А мы так и не смогли понять, шутил Борукаев или всерьез хотел прыгнуть своего оппонента. Однако цели он достиг.

Впоследствии запятая была заменена римской цифрой 1, но существенным изменениям орфография, принятая в 1936 году, не подвергалась.

Достаточно совершенной признать ее нельзя. Но при всех недостатках этой орфографии переход к ней означал качественно новую ступень в развитии национальной письменности. Кончился период экспериментов. Кабардинская письменность, словно неумолчный ручей, несущийся с вершины седых гор, влилась в общий поток, приобщила к широкому руслу развития русской культуры, связала свою судьбу с судьбами письменностей других народов великого Советского Союза.

На педрабфаке кончился учебный год. Я твердо решил поехать учиться в Москву и подал заявление об уходе. Мне казалось, что история со словом «гусь» без мягкого знака подпортила мою репутацию и меня не будут удерживать. Но директор не отпустил. Пришлось обратиться в областной отдел народного образования. Завоблоно Исмаил Афаунов поколебался и разрешил уехать.

Сборы были недолги. Квартирку, в которой я жил, с окнами без стекол и очагом вместо печи, не надо было даже запирать. За зиму я в ней натерпелся. В сильные морозы приходилось спасаться от стужи в соседней парикмахерской. Там я и ночевал с разрешения мастера.

В Москве первую ночь провел на Курском вокзале. Утром, пробудившись, пришел в отчаяние – денег, которые лежали у меня в кармане, не оказалось. Голова пошла кругом. Куда обратиться, кому заявить о беде? Не на что даже выкупить чемодан, сданный в камеру хранения.

Я пошел куда глаза глядят. Подышать свежим воздухом. Успокоиться. Решил посмотреть метро, о котором читал и слышал немало. Но чем платить? Остановился у станции «Ки-ровская», стоял и глядел на входящих и выходящих пассажиров. Заходить в метро не стал. Повернул назад. Иду, читаю вывески. Вдруг – действительно вдруг, потому что такое везение бывает в жизни не часто, – у входа в Наркомпрос РСФСР вижу Исмаила Афаунова – того самого, который несколько дней назад освободил меня от работы на рабфаке. Вместе с ним и профессор Тута Борукаев, приехавший доложить о завершении работы орфографической комиссии.

Трудно передать, как я обрадовался встрече! Бросился к ним, рассказал о своей беде.

Они выслушали меня внимательно и пригласили зайти с ними в Наркомпрос. Там я неожиданно попал на заседание коллегии наркомата.

Председательствовал Андрей Сергеевич Бубнов. Подумать

только, в первый день приезда в Москву очутиться у наркома! Я во все глаза разглядывал Бубнова. У народного комиссара было волевое, даже суровое лицо, светлые глаза, коротко стриженные русые волосы. Весь по-военному подтянут.

Народу на заседании присутствовало много, по лицам видно – приехали люди с разных концов земли советской, представители разных национальностей.

Я сидел рядом с Афауновым. На столе передо мной стояла ваза с пирожными. Мне стоило больших усилий не сразу протянуть к ней руку.

Нарком говорил, все внимательно слушали, а я... все же ел пирожные, временами бросая робкий взгляд в сторону наркома, – вдруг он скажет: «Хватит, надо совесть иметь». Поглядывал и на земляков, сидевших рядом. Они не обращали на меня внимания, слушали, записывали.

Речь шла о том, что с изданием учебников на национальных языках к началу учебного года справились не все республики и области. Говорил Бубнов резко, словно вбивал в воздух слова-гвозди.

Разносили чай. Моему соседу поставили дымящийся стакан. Он передвинул его мне, а сам продолжал сосредоточенно слушать наркома. Я, преодолев смущение, принял чай из рук старшего, хотя по кабардинским обычаям этого делать не полагается. К счастью, вскоре ему принесли еще стакан. Теперь мне ничто не мешало утолять голод. Надо ли говорить, какой удар я нанес по пирожным!

После заседания Исмаил Афаунов отыскал директора Института нерусских школ и переговорил с ним обо мне. Директор наложил резолюцию: «Принять в аспирантуру». С этой бумагой я направился в институт, находившийся на Бауманской площади.

Афаунов дал мне немного денег из своих командировочных. Теперь по крайней мере я мог выкупить чемодан.

В аспирантуру меня приняли без экзамена – представителей малых народов с вузовским образованием было тогда еще очень мало. Сразу же прикрепили к профессору Н. Ф. Яковлеву, лучшему советскому кавказоведу.

Женитьба

Женился я смешно. Видимо, иначе не бывает, если женятся в молодости. В зрелом возрасте невесту выбирают дольше, но это не значит, что более удачно.

Был праздник, День Конституции. Мои друзья устроили в общежитии студенческую вечеринку. Пришли молодые моск-

вички. Одна из них приглянулась мне. И я, кажется, произвел на нее впечатление. Перед ней встала нелегкая дилемма: с кем танцевать – с парнем, который пригласил ее сюда, или со мной? Выбор пал на меня.

Когда мы проводили девушек и остались одни, друзья бросили мне упрек: «Отбил девушку у товарища». Я оправдывался: не я выбрал, меня выбрали! Не помогло. Дело дошло до ссоры, а потом и... до профкома, который тоже «заклеймил» меня. Это только подогрело мои чувства.

Учебу в аспирантуре мне вскоре пришлось прервать. Мечта вернуться в родную республику молодым ученым, одним из первых кандидатов наук, осталась неосуществленной: институт закрылся и аспирантов отправляли по домам.

Мое имя в переводе с арабского означает «ученый» или «знающий». Оно не оправдало себя. Единственным утешением было то, что мой научный руководитель Н. Ф. Яковлев обещал мне помочь в написании диссертации. Тему диссертации я выбрал без колебаний: «История кабардинской письменности». Задался целью изучить работы энтузиастов прошлого века, пытавшихся создать письменность не только для кабардино-адыго-черкесов, но и для других народов Северного Кавказа. Мечтал, опираясь на опыт предшественников, предложить свой проект орфографии.

Но, вернувшись в республику, понял: кончилась моя научная карьера. Дома пять сестер – одна меньше другой. Им надо учиться. Разве мать одна вытянет их? Да и дом совсем скособочился – гляди, развалится. После смерти отца все пришло в упадок. Старший брат служил в армии. Пришлось мне стать главой семьи. Seriously задумался: где работать, не пойти ли в сельскую школу?

Неожиданно мне предложили возглавить научно-исследовательский институт краеведения. Нужно ли говорить, как я был счастлив, с каким энтузиазмом принялся за работу!

Мы собирали фольклорный материал, готовили к печати произведения народных сказителей, привлекали к научно-исследовательской работе на договорных началах и ученых, живущих в Москве, Ростове-на-Дону.

Конечно, мне было трудно: не хватало опыта, знаний. Но год учебы в Москве не пропал даром. С благодарностью вспоминал я Ленинскую библиотеку, где неделями сиживал в читальном зале: читал свежие журналы и старинные книги, изучал рукописи, переводил на кабардинский стихи русских поэтов, сам писал. В столице я открыл для себя волшебный мир – театр и даже прослыл завзятым театралом. Посещал я и концертные

залы. Сказалось благотворное влияние кабардинской театральной студии при ГИТИСе, в которой я преподавал родной язык.

Книги, театр, общение с людьми высокой культуры духовно обогатили меня, расширили мой кругозор.

Став во главе научно-исследовательского института, я почувствовал себя солидным человеком, которому уже неудобно ходить на танцы, гулять с девушками на виду у всех. Пора жениться. На ком – для меня вопроса не было. Москвичка, которая «досталась мне с боя», дочь старого солдата Надежда Федоровна Лопухова вскоре приехала в Нальчик с «приданным» – двумя чемоданами посуды.

Мать не одобрила мой выбор. Попрекала:

– Как я с нею буду объясняться, когда она не знает моего языка, а я – ее? Не дай бог свалюсь, попрошу напиться, она вместо чашки воды подаст веник.

Сама будучи «иноплеменной», мать долго не могла освоить язык мужа-кабардинца. Потому-то для нее «языковый мотив» был на первом плане.

Я отшучивался:

– Иван Грозный женился на кабардинке Марии Темрюковне. Он не боялся, что не сможет объясниться с женой.

Напомнил матери, что о женитьбе русского царя на кабардинке впервые я услышал от нее же. Она даже напевала мне «песню Марии».

В Ленинской библиотеке я прочел все, что нашел об этом браке. Оказывается, Иван Грозный хотел жениться на дочери польского короля, но католическая церковь была против. Тогда царю сказали: у кабардинского князя Темрюка пригожая дочь. Государь пожелал ее увидеть. Он отправил к Темрюку гонцов с богатыми дарами. Темрюк прислал в Москву свою дочь и сына в сопровождении ста пятидесяти всадников. В Москве их расселили неподалеку от Кремля. Место, где они жили, стало потом называться Большим и Малым Черкасскими переулками.

Свадьба в Кремле продолжалась «три дня и три ночи». Браком Ивана Грозного и Марии Темрюковны был скреплен акт добровольного присоединения Кабарды к России.

В Нальчике на Театральной площади стоит монумент: женщина, олицетворяющая Родину, держит высоко над головой свиток. Воздвигнут памятник в ознаменование четырехсотлетия присоединения Кабарды к России. Жители Нальчика настойчиво называют эту бронзовую фигуру Марией, хотя это собирательный образ, а не памятник Марии Темрюковне.

Моя свадьба не длилась «три дня и три ночи». Ее вообще не было. Не было у нас и своего жилья. Но все равно – мир ка-зался нам прекрасным, небо над горами непередаваемо чистым.

Регистрировать брак мы не стали ни у муллы, ни в сельсовете. Взаимная любовь не требует подтверждения бумагами. Позже, в 1942 году, мы все-таки зарегистрировались – без предъявления брачного свидетельства военкомат не обеспечивал льгот, положенных семье фронтовика. К этому времени нашей дочери Татьяне исполнилось уже полтора годика. Мы вместе с нею пошли в загс, и дочь была свидетельницей того, как родители скрепляли своими подписями брачный документ...

Иногда я был рад, что жена не знает кабардинского. Однажды мне довелось услышать, как мать рассуждала вслух:

– Из-за мужа в такую даль ехать? Что, там, в Москве, перевелись парни? Сменить столицу державы на мамалыжную Шалущку... Это я была глупа, когда оставляла пшеничную Адыгею. О аллах-аллах, почему ты девочек создаешь глупыми!..

Этих слов я жене не переводил.

Соседки злословили:

– Пожалуй, Коуз верно сделала, женив сына на русской, откуда вдове взять средства на калым?..

Мать, слыша такое, готова была разрыдаться. Старший сын Рашид женился без родительского благословения. Надеюсь: женится Алим, и его жене передаст она домашние дела, а сама будет нянчить внучат. А Алим взял да и женился на русской.

Старик сосед Баляцо утешал ее:

– Русской снохе цены нет. Я бы от радости свою папаху до неба три раза кинул, если б мой сын привез москвичку. Это на старости лет как раз пригодится. Обидеть тебя никто не решится. Скажут – у нее сноха из Москвы. Кто знает, какие у нее там соседи: Калинин или Ворошилов, а то, может быть, сам Сталин? Москвичи ведь тоже живут, как мы. Крыша в крышу. Наши куры клюют в вашем дворе, ваши – в нашем. Так и в Москве. Что стоит твоей снохе написать тамошним своим соседям: так и так, мол, обижают моих родных. Оттуда бац – телеграмма. По-смотрят на подпись – от страха папаху с головы обидчика упадет в лужу. Москвичи – дружный народ, они своих в обиду не дадут...

Не знаю, поверила мать старику или нет, но стала относиться к снохе лучше, а когда родилась внучка, то и совсем хорошо.

Зато сестры – каждая со своим норовом – не очень-то ласково относились к Наде, хотя она старалась не давать повода для раздоров. По кабардинскому обычаю золовка вправе взять у невестки любую понравившуюся ей вещь. Надя делилась всем,

чем могла. С утра до вечера она занималась хозяйством. Три сестры из пяти были маленькими, требовали повседневной заботы. А тут еще пришлось строить дом: отцовский завалился.

Теперь -то сестры понимают, как нелегко было мне тогда. Старшая из них, Хамсад, стала акушеркой, вторая, Таужан, окончила университет, Марьян – кандидат медицинских наук, Хамсина преподает историю в педучилище, заслуженная учительница РСФСР, младшая, Аслахан, – учительница начальных классов. Все выучились, хоть и рано лишились отца.

Получив квартиру, я перевез свою семью в город, чтобы начать самостоятельную жизнь. Моим другом стал мой бывший учитель Али Шогенцуков. Он был уже известным поэтом, но жилось ему нелегко. На литературные заработки не просто было содержать большую семью. Я старался всем, чем мог, поддерживать его. Али много переводил с русского на кабардинский. Однажды показал мне какой-то свой перевод. Я прочитал. Работа оказалась выполнена ниже его возможностей.

– Ты переводил это, когда был не в духе, – сказала я.

Али вскочил с места и зашагал по комнате.

– Как ты угадал?

– По неровности. Ты словно рубашку на бегу надевал. Пуговицы отлетели, один рукав порван, да и вообще рубашка на тебе плохо сидит. Сразу видно, что не твоя.

Али по-мальчишески застенчиво улыбнулся:

– Я переводил, когда жена жарила меня на вертеле. Сердился, не знал – переводить или жену успокаивать.

Через неделю он принес совсем другой перевод и поехал в Москву вести переговоры относительно издания книги своих стихов. Встретили его там очень хорошо. Вернулся, сияя от счастья.

– Подумать только: книга стихов кабардинского поэта выйдет в Москве! Ее будут читать люди разных национальностей, будут оценивать! Какая ответственность! Только достойнейших из достойнейших переводят на русский язык, – говорил он. – Неужели мои стихи действительно необходимы русскому читателю?..

Песню на коня

Кабардинцы всегда высоко ценили слово, а сочинители песен были так уважаемы, что их сажали на пиру рядом с тамадой, и свадьба была не свадьбой, если поэт не сложил на ней здравицу в честь жениха и невесты. Здравницы запоминались и

жили долго, хотя никто уже не помнил, кому они посвящались и кто их сочинил.

Так творили безымянные поэты, которыми во все века был богат Кавказ.

Однажды я был свидетелем того, как родилась песня.

В аул привезли убитого в боях партизана. Плакальщицы отдали дань уважения памяти погибшего. После похорон аул пригласил песнопевца Бекмурзу Пачева.

Поэт выслушал рассказ об обстоятельствах гибели партизана и пожелания заказчиков песни: чьи имена и какие события следует упомянуть. Беседовал с родными и близкими погибшего. Бродил вдоль ручья в горах: подбирал мелодию, слова. И вот родилась песня.

Был назначен день, когда песню будут «сажать на коня». Позвали хорошо поющих парней и девушек, которые должны были разнести новую песню по аулам. Поэт пропел им ее несколько раз, чтобы запомнили слова и мелодию. Потом пригласили заказчиков: родных погибшего, соседей. Им песню спела сначала девушка, потом парень. Песню словно пробовали «на искру» – проверяли, вышибает ли она слезы из глаз.

Видимо, песня пришлась по сердцу – Бекмурза возвращался к себе в аул не с пустыми руками, угонял «гонорар» – корову с телятком.

«Из камня высекают узор, из стали куют саблю, из кома, что подкатывает к горлу в час радости или час печали, выплавляют песню», – говорили хранители народной мудрости.

Друзья Бекмурзы Пачева рассказывали такую историю. Будучи молодым поэтом, он сложил сатирическую песню о сельском старшине, высмеял его пороки. Старшина подал на него в суд. Тогда поэт сочинил новую песню, еще более убийственную. Старшина был вне себя, грозился кинжалом. Бекмурза заявил ему: «Сложу еще не такую песню, если ты меня не оставишь в покое». Старшина сдался. Песня оказалась сильнее кинжала.

Я видел Бекмурзу не раз. Он ходил по улицам Нальчика в черкеске и белой войлочной шляпе, на плече палка, на конце ее висит плетеная кошелка, в которой лежат тетрадки со стихами.

Однажды я встретил Бекмурзу в редакции газеты. Он бесшумно переступил порог, оставив азиатские калоши внизу, словно входил в мечеть. Сев на предложенный ему стул, он достал из кошелки стихи и начал читать глуховатым голосом. При этом палец правой руки он держал поднятым, что означало – слушайте внимательно!

Редактору стихи понравились, и Бекмурза отправился диктовать их машинистке.

Если же стихов не брали, он не настаивал. Осторожно, слов-но хрупкую вещь, укладывал тетрадки обратно в кошелку и уходил в свой аул Нартан.

Бекмурза удивлял людей своими странностями. Жил он в яме, вырытой у собственного дома. Кипы тетрадок со стихами хранил на чердаке.

После смерти Бекмурзы – его нашли мертвым в борозде возле арыка, через который он строил мост, – мы с Али Шогенцуковым решили собрать написанное им, подготовить стихи к печати. Тетради разыскали, но прочесть их оказалось очень трудно: Бекмурза составил собственный алфавит на арабской основе и многие буквы употреблял не в том значении, какое они имеют обычно.

Многие стихи Пачева мы записали с голоса неграмотного бахчевника, помнившего их наизусть. Завидная участь поэта! Старик бахчевник читал стихи так, словно сочинил их сам. Потом много рассказывал нам о своем друге. Как жаль, что мы тогда не записали этих рассказов! Остались непрочитанными и некоторые тетради Бекмурзы, потом, во время фашистской оккупации, они сгорели вместе с домом поэта.

Отправляя весной на заоблачные луга отары овец, горцы избирали главного чабана, которого называли «держателем огня». Умудренный опытом и знающий во всех тонкостях искусство овцевода, он должен был передать молодым чабанам свои знания, научить их правилам ухода за отарой, способам находить тропы в горах и отличать ядовитые растения от полезных. Но главной его обязанностью было держать костер всегда горящим.

На альпийских пастбищах погода изменчива. Днем ветер колышет море живых и ярких цветов, в них тонут склоны гор, но неожиданно все покрывается ослепительно-белым снегом, который так же внезапно тает, образуя шумные потоки. Или облака опускаются так низко, что всадник не видит головы своего коня. Несмотря на все эти капризы погоды, у держателя огня всегда должен гореть костер. И чабаны и путники могут тут погреться, сварить пищу, а заодно услышать и добрый совет мудрого человека. Держатель огня знает: костер принадлежит не только ему!

Художник слова схож с держателем огня. Его творчество – это костер, и чем больше талант, тем дальше виден огонь, под-держиваемый им. Никакие ветры, снега и дожди не могут загасить этого пламени.

Не будь Октябрьской революции, поэтов и писателей, ныне известных, ждала бы судьба безымянных песнопевцев, слагавших песни о горькой участи своего народа. Но певцы

народного горя являют для нас пример в главном – безымянные волшебники вдохновенного слова, они служили своему призванию бескорыстно, поддерживая негасимый огонь поэзии в сердцах своих современников.

Когда речь идет о кабардинской письменности и кабардинской литературе, нельзя забывать того бесспорного факта, что еще в семидесятых годах прошлого столетия на кабардинском языке были напечатаны «Ашик Кериб» Лермонтова, «О воздухе и воде» Ушинского, «Гюлистан» Саади и другие произведения.

Трудно переоценить значение деятельности ученых-просветителей Шоры Ногмова, Кази Атажукина, Локмана Кодзокова, Магомеда Шарданова, стремившихся приобщить кабардинцев к великой русской культуре.

Говоря о влиянии русской культуры, русской литературы, нельзя не упомянуть имени Михаила Юрьевича Лермонтова. Были попытки изобразить великого поэта как офицера русской колонизаторской армии. При этом исходили из одного: Лермонтов участвовал в боях против горцев. Естественно, что сосланный в действующую армию, он не мог бежать с поля боя. Но как велика была любовь поэта к Кавказу, восхищение мужеством, свободолобием горцев!

Кабардинцы видели в Лермонтове своего друга. Тому есть свидетельства. Первая книга, появившаяся на кабардинском языке, – это произведение Лермонтова. Факт, говорящий сам за себя.

Сюжетной канвой поэмы «Исмаил-Бей» послужила биография кабардинца – офицера русской армии Атажукина. Она передана в таких подробностях, которые автор мог узнать, только непосредственно общаясь с кабардинцами. Кто же эти кабардинцы?

У Лермонтова есть упоминание, что сцену похорон он наблюдал в Хаджи-ауле. Мы знаем, Хаджи-аул, переселившийся потом на Малку, во времена Лермонтова находился вблизи от Константиногорской крепости, где проходила служба поэта. В Хаджи-ауле жил создатель первого кабардинского алфавита Шора Ногмов. Есть основания предполагать, что он встречался с русским поэтом.

В альбоме Лермонтова можно прочесть запись: «Лукман Бек – Мурдзин Кодзоков, Дмитрий Степанович Кодзоков в Пяти-горске № 89».

Мурдзина Кодзокова усыновили родители русского поэта А. С. Хомякова, при крещении ему дали имя Дмитрий. В Московском университете Кодзоков был близок к передовым людям своего времени. Запись в альбоме поэта свидетельствует о том, что и Лермонтов тоже был знаком с Кодзоковым или, во всяком случае, стремился по-

знакомиться с ним.

О связях кабардинских просветителей с деятелями русской культуры, о заслугах наших далеких предшественников мы не раз говорили в годы зарождения профессиональной кабардинской литературы.

Московские писатели были у нас частыми гостями. «Едут на полив», – говорили мы. Появились первые ростки национальной литературы. Теперь нужен был уход за посевами.

Помню комичный случай. Однажды, возвращаясь домой, Али Шогенцуков купил по дороге гуся. Сосед, встретив Али у подъезда, напустился на него: «Почему ты поймал моего гуся?» Али стал объяснять, что он купил птицу. Сосед упирался. «Нет, это мой гусь». Али не стал спорить, отдал ему гуся и пошел прочь. Вечером тот же сосед пригласил Шогенцукова в гости. Лишь увидев дружеский стол, ломившийся от закусок, и среди них гуся, Али понял, какую шутку разыграл сосед. За столом сидел Юрий Либединский, приехавший в Нальчик для оказания творческой помощи местным писателям. Такой гость был подарком и для Али.

– В следующий раз будешь ожидать гостей – скажи заранее, а то у меня может не оказаться гуся, – пошутил поэт.

Али подружился с Либединским. Они вместе ездили в горы. Там их в середине июля застал снегопад. Гость не подозревал о таком коварстве кавказского лета, был легко одет. Старик чабан, у которого гостили писатели, отогревал Либединского «живым теплом», положив его на ночь между двумя молодыми чабанами.

При свете костров старики рассказывали писателям народные легенды, в которых воплотились представления кабардинцев о чести, о добродетели. Али Шогенцуков тут же переводил.

Он сам знал несметное количество сказаний, был знатоком обычаев своего народа, с уважением относился к народным традициям. Но страстно выступал против тех пережитков прошлого, которые принижали человеческое достоинство.

Несколько позже в Нальчик приехал один из московских критиков. Он хотел на деле убедиться, правильно ли отражена жизнь в литературе, я повез его в аул.

На вопрос председателя колхоза, кого я привез, ответил:

– Критика.

Мой односельчанин удивился и переспросил:

– Кем он работает?

– Критик, из Москвы.

Хозяин был изумлен.

– Разве есть люди, которые не работают, а только критикуют? Кого он будет критиковать? Меня?

– Критик из Москвы приехал не для того, чтобы критиковать тебя. Он будет делать сверку литературы с жизнью, проверять, достоверно ли поэты и писатели в своих книгах показали жизнь.

– А-а. Понят. Литературная ревкомиссия. Так бы и сказал, – успокоился председатель колхоза.

Литература прочно входила в быт кабардинца. Писатели и читатели появились одновременно. Песни и легенды становились книгами. Школьники вечерами читали родителям произведения первых писателей.

Рядом с поэтами-сказителями, сделавшими достоянием широких масс устное творчество, формировалось молодое поколение национальных писателей. Появлялись профессиональные литераторы, что было совершенно новым явлением в истории бесписьменных народов.

В свое время с появлением сельских писарей в кабардинский язык вошло слово «писарь». Русские медики принесли слово «дохтур». Точно так же возникновение профессиональной литературы породило в кабардинском языке слово «писатель». Поначалу оно звучало непривычно, даже с ироническим оттенком, ибо существование «писателей» подразумевало наличие многожанровой литературы, а ее еще не было.

Мне вспоминается премьера спектакля первой кабардинской пьесы «Коригот», которую написал Пшикан Шекихачев. Премьера спектакля превратилась в национальный праздник. Лучшие места в зале отвели ударникам. Присутствовал Бетал Калмыков, члены бюро обкома партии.

Перед открытием занавеса выступил автор пьесы. Он сказал:

– Не я пригласил сюда столько народа, а наше любимое и юное детище – литература. Она незаметно вошла в дом каждого из нас и ведет себя как желанная хозяйка дома. Освещает наше жилище, греет наши сердца. Давайте скажем этой юной хозяйке – будь с нами всегда и расти большая...

Мы, молодые поэты, стремились познакомить кабардинского читателя с классиками русской литературы. Я пробовал переводить Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока.

В то время критерии оценок переводов поэтических произведений были своеобразными. Считалось необходимым сохранять синтаксический строй фразы. Качество перевода проверялось «обратным переводом» на язык оригинала. С подобной задачей было трудно справиться даже лингвисту. Позже поняли, что переводить так бессмысленно.

Интерес к великой русской литературе рос. На кабардинском языке выходили произведения классиков и советских писателей,

появились и первые переводы книг писателей братских респуб-лик.

Язык вбирал в себя огромное количество новых слов, которые должны были восполнить недостаток лексики, необходимой для выражения новых понятий.

Раздавались нарекания: «Вы переносите в кабардинский язык готовые слова!» Но этот процесс был закономерным. Новые понятия входили в язык в своей словесной оболочке. Попытки находить адекватные им слова приводили лишь к искажению смысла. Такие искусственные термины оказывались нежизнеспособными.

На очередь вставала задача перевода с кабардинского и балкарского языков на русский.

Наш научно-исследовательский институт краеведения готовил к изданию на русском языке «Нартский эпос». Это было грандиозно – эпос, хранившийся в памяти народа тысячелетия, становился книгой, доступной всесоюзному читателю.

В Москве вышел сборник Али Шогенцукова, это окрылило всех кабардинских поэтов. Но мы понимали: не все, что написано на родном языке, представляет интерес для советского читателя.

С именем Али Шогенцукова связан целый этап в развитии кабардинской литературы. Он первым сделал шаг из фольклора в профессиональную литературу, был примером для моего поколения горских литераторов.

Шогенцуков думал о перспективах развития родной литературы. Он говорил: даже самый чистый родник, выбившийся из-под скалы, рождает лишь болото, если он не течет, если его воды не уходят в дорогу... Русский язык помогает нашему роднику влиться в реку великой многонациональной советской литературы.

От века горцы Кавказа соревновались между собой, стараясь в чем-то превзойти друг друга. Одни славились чеканкой или выделкой бурок, другие выращивали лошадей или особую породу овец, третьи находили выражение своих способностей в виноградарстве и садоводстве. Сейчас соревнование захватило и такую сферу человеческого духа, как литература.

Все языки как бы в непрерывном соревновании между собой, ибо национальные литературы соревнуются, стараясь наилучшим образом выразить мысли и чувства своего времени, стать летописью народа.

Али не скрывал – попевать за стремительно мчащейся жизнью не так просто. Вот говорят об отставании художественного творчества, в частности литературы, от жизни. А кто виноват в этом отставании – писатели? Полагаю, что виноваты

не одни писатели, ибо они полны энтузиазма, решимости поспевать за ходом событий. «Виновата» в этом и сама жизнь, убыстряющая свой бег.

Али был прав. Люди менялись и продолжают меняться буквально на глазах. Достаточно сравнить крестьян, знакомых мне с детства, когда я еще мальчишкой пахал, сеял, бороновал, убирал хлеб, с теми моими земляками, которые и сегодня делают то же самое и по-прежнему с гордостью называют себя людьми от земли. Это совсем другие крестьяне. И душевный строй у них, привычки, запросы – тоже другие.

И сейчас живы многие из тех, кого когда-то уговаривали вступить в коллективное хозяйство, а они проливали горькие слезы над парой волос и земельным наделом. Но теперь эти люди настолько вросли в колхоз, сроднились с ним, что просто не представляют себе иной жизни.

Нужно глубокое горьковское «человековедение», чтобы разобраться в сложных изменениях, происшедших в психике, душевном строе наших современников.

На писательских собраниях шла речь о том, что без способности изумляться жизни невозможно творить. Али Шогенцуков любил повторять: «Моя песня – мое удивление». Поэт сравнивал себя с листвой на дереве, которая шуршит не сама по себе. Ветер, раскачивая дерево, говорит языком листвы. Так и жизнь, полная тревог и волнений, говорит устами поэта, сообщая ему свою радость и свою боль.

Али твердо стоял на том, что как бы высоко ни поднялся поэт или писатель, он не должен заслонять собой младшего. Не тот считался лучшим оружейником, кто хранил тайны мастерства, а тот, кто сумел вырастить ученика, превосшедшего своего учителя. Али щедро делился тайнами поэтического мастерства.

В 1939 году мне поручили сопровождать в Москву народных поэтов, удостоенных правительственных наград. Получить за стихи и песни орден – раньше об этом было бы странно даже мечтать. Но люди уже привыкли к чудесам, которые рождала жизнь. Сами старики-сказители воспевали их в своих песнях.

Одному из «моих» стариков, Кильчуко Сижажеву, было за восемьдесят, но он был полон энергии, непоседлив, любопытен. Когда мы с ним прокатились в московском метро, он спросил:

– Скажи, куда дели землю, которую вынули отсюда?

Я никогда об этом не задумывался, пришлось что-то сочинить.

Пошли в Кремль.

Ордена вручал Михаил Иванович Калинин. Была награжд-

дена большая группа писателей, среди них немало представителей национальных литератур. Михаил Иванович тепло поздравлял каждого. Я был благодарен судьбе за то, что присутствую при таком торжестве.

Назвали Кильчуко Сижажева, и я подтолкнул моего подопечного: иди. Певец поднялся, не спеша поправил на себе пояс, кинжал, провел рукой по усам и с большим достоинством направился к Михаилу Ивановичу, который с улыбкой ожидал его.

Кильчуко принял награду и, не отпуская руки Калинина, обратился к сидящим в зале со словами приветствия в стихах. Поэт был в ударе. Он ярко и образно выражал благодарность партии и правительству. Говорил он на родном языке, и понимал его только я. Он импровизировал, поэтому трудно было сказать, когда кончит. Первые три – пять минут присутствовавшие терпеливо слушали его. Затем послышалось покашливание, легкий шум, означавший, что поэту пора «закругляться». Кто-то сзади сказал: «Завелся старик».

Я знал, Кильчуко может импровизировать долго, и решил спасти положение – шепнуть ему: хватит. Но Михаил Иванович сделал мне знак рукой, мол, не прерывай певца. Я волновался, смотрел в лицо сказителя, подмигивал, но он не обращал на меня внимания. Читал еще минут пятнадцать...

После вручения наград мы направились в гостиницу. Мой старик шел как-то странно, то и дело соступая с асфальтовой дорожки на траву. Я его останавливал, но он только отмахивался. Выйдя за кремлевские ворота, старик разулся, соскреб чернозем, прилипший к подошвам чуваков, высыпал его на платок, завернул аккуратно и положил в карман.

Только теперь я понял, почему он шел «оступаясь».

– Приедем домой – высыплю московскую землю на кабардинскую, породнится наша родная земля с кремлевской, – говорил старик.

Я не сомневался, что об этом будет сложена песня, что родится легенда.

Поэты-сказители сами не осознавали, как много делают они, чтобы донести до самых широких масс идеи Советской власти. Их живое поэтическое слово нередко убеждало больше, чем умные статьи или доклады. Их творчество стало одним из светильников, бросающих яркий свет на дорогу, по которой народы шли к своему идеалу.

Осенью 1939 года меня призвали на действительную военную службу. Над Европой яростно клубились гроззовые облака, и никто не мог предсказать, какая «погода» будет завтра. Нас везли в теплушках навстречу буре, к западным границам.

В кармане гимнастерки я то и дело нащупывал новенький билет в сафьяновом переплете черного цвета – билет члена

Союза писателей СССР, подписанный Фадеевым.

Через несколько дней мы прибыли в пункт назначения. Лишь прочитав на станционном здании слово «Бобруйск», мы узнали, где нам предстоит служить. А по петлицам на гимнастерке молодого лейтенанта, встретившего нас, определили род войск: саперы.

И надо же было, в первый же день я получил наряд вне очереди. Когда построили роту, правофланговым встал высокий парень белорус. Старшина подал команду:

– Справа по порядку номеров рассчитайсь!

Правофланговый выпалил:

– Перший!

Я думал, он дурачится, и рассмеялся. А в строю после команды «смирно» смеяться не полагается.

– Наряд вне очереди, – объявил старшина.

Так я узнал, что по-белорусски перший значит первый. Наука доставалась нелегко. Не без труда постигал я и саперное дело, привыкал к воинской дисциплине.

Со старшиной мы впоследствии подружились, сошлись на том, что оба любили книги. Он был великолепным рассказчиком. Зимними вечерами перед отбоем, когда красноармейцы собирались у жарко натопленной голландской печи, открывался простор для армейского фольклора: всевозможных остроумий, былей, анекдотов, смешных воспоминаний о «гражданке».

Стояли мы в крепости екатерининских времен. Нас окружала история. В редкие свободные минуты я выходил на крепостной вал, смотрел на медлительную Березину и вспоминал бурные, клокочущие горные реки.

Закончив действительную службу, я вернулся домой и опять приступил к работе в своем институте. С увлечением принялся за дело – надо было дописать недописанное, дособирать несобранное. Мне хотелось «выжать» из народных сказителей как можно больше, закрепить письменно богатства народной поэзии, сохранившиеся в их памяти. Новое время, новые веяния как бы сдули пыль веков с фольклора и наполнили светом грани алмаза. С удивительной быстротой рядом с древними легендами возникали новые песни о тех, кто возглавлял борьбу горцев за Советскую власть.

Окрепла профессиональная литература Кабардино-Балкарии, «повзрослела», как позже об этом точно сказал Т. К. Мальбахов. Стала ходить на поселок с улицами, застроеными пока еще не высокими, но уже имеющими свою архитектуру, свой национальный облик домами. Улицы удлинялись, убирались «временки», и на их месте возникали новые строения.

Фольклор постепенно отступал на второй план.

В недрах поэтического творчества возник зародыш прозы. Зачинателями прозы были Аскерби Шортанов и Хачим Теунов, наиболее активно работавшие в жанре очерка и рассказа. Пробовал осваивать жанр прозы и Али Шогенцуков. Зарождалась национальная драматургия.

В литературу приходила молодежь. Хачим Теунов, возглавлявший тогда писательскую организацию, высоко оценил первые поэтические произведения Адама Шогенцукова. Я познакомился с Адамом Шогенцуковым. Он был тогда еще студентом. Юноша атлетического сложения выглядел застенчивым и робким. Вместе с Адамом Шогенцуковым в литературу входили и другие талантливые юноши, многим из которых потом не суждено было вернуться с войны.

Война

Пора было прощаться с родными и близкими. Меня три раза вызывали в военкомат, и три раза я прощался с семьей, друзьями и товарищами, пока наконец глубокой ночью нас не повели на вокзал для погрузки в эшелон. Мы думали, что едем на фронт, а оказалось – в военное училище.

Тех, кто имел высшее образование, собрали в одной роте, чтобы готовить по ускоренной программе. Командовавший нами старшина окрестил нас «академиками».

– Мое низшее образование даст прикурить вашему высшему...

Это никого не обижало. Мы понимали, что в его должности человеку нужно быть жестким.

Училище располагалось в казармах бывшего кавалерийского полка, а рота «академиков» – в отдельном небольшом строении, похожем на барак. Двор был обнесен каменной оградой. По другую ее сторону к Тереку спускалась улица. Там, в тени вековых деревьев, собирались женщины и дети – родные и близкие тех, кто обучался в училище. Здесь были горянки всех национальностей, звучала разноязыкая речь. Мальчишки забирались на деревья и со своего наблюдательного пункта докладывали матерям об увиденном, стараясь показать, что они разбираются в военном деле:

- Пошли в штыковую атаку!..
- Вовсе не в атаку. Просто в штыки.
- Наш папа пушку наводит...
- У забора танк стоит. Около него Аслан.
- Скотелками пошли. Обед...

И так целый день.

Увольнительных в город не давали. Лишь в час послеобеденного отдыха разрешалось поговорить с родственниками через забор. В каменной стене были сделаны углубления, и можно было привстать, как на стременах, и подняться над забором.

Война в это время терзала днепровские берега, но ее дыхание чувствовалось и на Кавказе. Чем дальше продвигались немцы, тем больше женщин появлялось вокруг наших казарм.

Однажды крикнули и мне:

– Кешоков, на ВР!

ВР – визуальный разговор, так называли мы беседы через забор.

Я помчался к забору. За ним стояла толпа чеченок, ингушек, кабардинок, кумычек, осетинок, но моих родных среди них не было. Я кинулся к проходной, которая вела на другую, всегда оживленную улицу. Не успел спросить, кто меня ищет, как увидел милое и родное личико моей дочери. Она стояла за воротами, оплетенными колючей проволокой, и удивленными глазенками смотрела на меня. Возможно, не узнавала – я был в военной форме. Рядом с дочерью – жена.

Дюжина быстрых вопросов и столько же ответов, а дальше надо спросить у старшины увольнительную. А он сердит, просто дым от него идет – «довели» ингушки, которые забрались на забор и, бесцеремонно свесив ноги внутрь двора, громко переговаривались со своими близкими, мешая проводить занятия.

Увольнительную я все-таки выпросил и помчался по адресу, который мне сунула в руку жена. Надя сняла за три рубля чулан, в котором едва помещалась кушетка. Чтобы прикрыть дверь, надо было сесть на кушетку и поджать под себя ноги. Дочка, измученная ночной дорогой, спала на сундуке у хозяйки.

Надя рассказала, что мать на фасалинах нагадала: Алимуде предстоит дорога. Дорога меня могла ждать одна – на фронт. Вот жена и приехала попрощаться. Привезла с собой и дочь, чтобы Таня навсегда запомнила своего папу...

Может быть, мать и не ошиблась. Никто из курсантов не знал, сумеем ли мы доучиться. Гитлеровцам удалось захватить Ростов-на-Дону – ворота Кавказа, город, который в годы борьбы за Советскую власть был центром Северокавказского края. Один батальон нашего училища срочно перебросили в район боев. Несколько раненых курсантов оказались в госпиталях в нашем городе. От них мы знали о тяжелых боях на Дону.

Горцы создавали отряды самообороны, строили оборонительные линии. Опасность еще больше сплотила их – республика превращалась в единый военный лагерь. Руководство Кабардино-Балкарии приняло решение о создании национального соединения. Такие же соединения создавались и в Чечено-

Ингушетии и в Калмыкии. В городах и аулах Кавказа проходили митинги. Горцы давали клятву на верность социалистическому Отечеству.

Я мечтал скорей попасть на фронт, а меня оставили в училище в качестве преподавателя. Сказать, что я постиг военное дело во всех тонкостях, было бы преувеличением, но некоторые предметы я знал неплохо, например, мне удалось хорошо освоить стрелковое дело и топографию. С завязанными глазами я разбирал и собирал замок станкового пулемета, по топографической карте мог вести подразделение в любом направлении.

– Годишься в караванбаши, – смеялись мои товарищи.

Через месяц направили в Действующую армию на должность командира роты. В роте оказалось всего два десятка человек, чудом переправившихся из Крыма через Керченский пролив.

Наша дивизия занимала оборону на Черноморском берегу. Моя рота была усилена одним противотанковым орудием. Для него мы подготовили несколько позиций в разных местах. Оборона была недостаточно плотной, но мы знали: главные силы подтягиваются.

Вскоре пришел приказ о моем переводе в национальную кавалерийскую дивизию. Там я получил под командование взвод минометной батареи. Материальной части еще не было, приходилось учить бойцов на деревянном тренажере, который изготовил по моим чертежам один из бойцов.

Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия была включена в состав Действующей армии в критический момент, когда немцы развивали успех, достигнутый в районе Харькова.

Враг форсировал Дон и устремился на юг. Наша дивизия преградила ему путь. Конники вели неравный бой с танковыми и моторизованными частями. При налетах вражеской авиации, спешившись, вгрызались в землю. Сражались горцы стойко.

В перерывах между отчаянными схватками заместитель начальника политотдела Кужби Бозиев напоминал бойцам, что здесь, на донских просторах, когда-то родилась легендарная конная армия Буденного.

После десяти дней непрерывных ожесточенных боев в строю осталось триста шестьдесят пять человек. Погибло огромное количество верховых лошадей кабардинской породы.

Жарким июльским днем мы с одним раненым артиллеристом эвакуировались в тыл «своим ходом». Я был ранен в ногу, с трудом ковылял. Присел у обочины дороги перемотать портянки, а мой попутчик, раненный в плечо,

не спеша продолжал свой путь.

С трудом я снял сапог, стал выжимать кровь из портянки. В это время в степи показался грузовик. Артиллерист, успевший пройти уже сотни три метров, поднял руку. Грузовик остановился. Солдаты, сидевшие в машине, помогли раненому взобраться в кузов. Схватив сапог, и я запрыгал к грузовику. Но машина не дождалась, ушла. Я ругал себя за то, что разулся не вовремя, завидовал попутчику. А спустя полтора года встретил его в Прибалтике, и он рассказал мне страшную историю. В тот роковой день его, оказывается, захватили переодетые немецкие разведчики, рыскавшие по нашим тылам в поисках «языка». К счастью, ему удалось бежать из плена. Я с ужасом подумал, что тоже мог сесть в этот грузовик...

Без таких «везений» не обошелся, пожалуй, ни один фронт-овик, вернувшийся домой целым и невредимым.

В 1943 году на Перекопе мы с комиссаром полка пробирались через школьный сад. До немцев было не более полутораста – двухсот метров. Комиссар шел впереди. Вдруг прямое попадание мины... Только фуражка, повисшая на дереве, напоминала, что секунду назад со мной был комиссар. А мою кавалерийскую фуражку в тот же вечер пробил пуля. Окажись пробоина на два миллиметра ниже, мне бы не пришлось писать эти строки.

Позже я был похоронен заживо. Во время налета вражеской авиации мы укрывались в канаве. Недалеко разорвалась бомба, и меня засыпало. Канавка могла стать моей могилой, если бы товарищи не откопали меня.

– Как там, на том свете? – шутили они.

В дни исторической битвы у стен Сталинграда мы занимали оборону на восточных берегах Сарпинских озер. Остатки нашей кавалерийской дивизии были сведены в один дивизион. Средние командиры и политработники несли службу рядовых бойцов. Уцелело всего три противотанковых орудия. Командовал ими лейтенант Музачир Битоков.

– Сколько танков сможешь задержать? Долго ли выстоишь? – спрашивали его. Битоков отшучивался:

– Я, как тот кабардинский кооператор, который на сходе заявил: «Если не будет ревизии, готов всю жизнь работать завмагом». – И заканчивал уже серьезно: – Если у немцев не будет поддержки с воздуха, против танков выстоим. Но главная защита от танков – это Сарпинские озера.

Мы заняли позиции в калмыцкой деревне Цаган-Нур, состоявшей из сотни глинобитных домиков, вросших в землю по самый подоконник. Соленое озеро, из которого торчал желтый лес камыша, тянулось перед нами на многие километры. В

озере мы стирали гимнастерки, белье. Пока одежда сушилась, загорали на берегу. В таком «пляжном» виде и застали нас как-то немецкие разведчики, подобранные на лодках. Мы были в одних трусах, но автоматы и гранаты лежали рядом. Это решило успех неожиданно вспыхнувшего боя. Немцам так и не удалось выбраться из лодок на наш берег. Они повернули и исчезли в зарослях.

Однажды рано утром боевое охранение заметило: со стороны противника движется арба. Откуда она взялась? В проходе между озерами и наши и немецкие боевые посты. На арбе, кажется, женщины. Не переодетые ли это немцы?

Мы притихли. Пусть подойдет поближе, с арбой мы справимся, не танк.

Усталые волы еле двигались. По колесам видно: арба шла через топи.

С гранатой в руке я выскочил навстречу:

– Стой!

Волы безразлично отнеслись к моему крику – продолжали шагать. Перепуганная женщина привстала, постучала хворостинкой по середине ярма. Арба остановилась.

– Свои! – раздался девичий голосок.

Я приказал спешиться.

С арбы соскочили девушки, наперебой заговорили.

Они гнали колхозное стадо на восток. Оккупанты отобрали скот. Девушки решили попробовать пробраться к своим. Им повезло – на этом участке не было сплошной линии фронта.

Задержанных доставили в штаб. Начальник штаба недолго допрашивал их. Он приказал зачислить девушек поварихами, быков забить, а арбу пустить на топку. Приказ был выполнен.

Я опять получил новое назначение. Попутная машина поздно ночью доставила меня в политотдел армии. Утром начальник политотдела приказал мне немедленно отправиться в редакцию газеты «Сын отечества».

Редакция находилась в селе Черный Яр, изредка посещаемом немецкими самолетами. Одно из «посещений» кончилось тем, что бомба развалила и без того покосившийся сруб, в котором помещалась редакция. В момент моего приезда из-под рухнувших бревен извлекали машинистку.

Когда все немного оправились после бомбежки, я представился. Старшина, исполнявший обязанности коменданта, определил меня на постой.

Хозяйка избы, посмотрев на мое заросшее лицо, объявила:

– В доме есть официальная бритва...

«Официальная» в ее понимании – хорошая, настоящая.

Я воспользовался этой бритвой, привел себя в порядок и

отправился к редактору.

Прочтя характеристику, в которой говорилось, что я член Союза писателей, редактор обрадовался:

– Можешь написать стихи или статью?

Получив утвердительный ответ, тут же приказал мне отправиться на передовую.

– Учти, материал должен быть из первых рук. Из окопов!

Я сам был только оттуда, и предупреждения редактора показались мне излишними.

Сотрудники редакции приняли меня тепло и сердечно. С одним из них, Сергеем Зыковым, я был знаком раньше: он приезжал в нашу дивизию за материалом для газеты. О критике Гоффеншере много слышал еще до войны. Вскоре мы с ним подружились. Гоффеншере я обязан многим. Во фронтовых условиях он распахнул передо мной мир большой литературы. Наши душевные беседы о литературном мастерстве были для меня прекрасной школой.

Вредкие минуты, свободные от редакционных дел, я спешил на высокий берег Волги и оставался там наедине со своими думами о доме, о дивизии. Внизу плескалась река, затянута выше по течению черным дымом. Вспоминались стихи Некрасова:

*Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...*

Я читал стихи, вкладывая в знакомые слова свои сегодняшние чувства и мысли. Читал громко, не подозревая, что меня кто-то слушает. Вдруг слышу:

– Официальные стихи.

Оглянулся – рядом стоит хозяйка, вытирая нахлынувшие слезы. Она возвращалась с реки, куда ходила стирать белье, и, увидев меня на берегу, удивилась: о чем это я говорю сам с собой?

– Официальные стихи, – повторила она. – Сам сочинил?

Я не ответил на ее вопрос.

В тылах армии ощущалось ликование – прошел слух о предстоящем наступлении. На нашем участке фронта происходила перегруппировка войск, части пополнялись людьми, прибывала боевая техника, подвозились боеприпасы, продовольствие.

Когда долгожданное наступление наконец началось, меня направили в танковую бригаду.

Чтобы создать у противника впечатление, будто у нас огромное количество танков, бригаду непрерывно перебрасывали с места на место. Едва затихал бой на одном участке, мы под покровом темноты совершали марш-бросок на другой, чтобы с утра вместе со стрелковыми частями и там атаковать фашистские позиции.

Однажды во время ночного марша пришлось вступить в бой с ходу. Оказывается, и мы и немецкая колонна двигались на север по параллельным дорогам. Потом сблизились, и завязалась перестрелка. Противник редко попадал по нашим танкам – выкрашенные в белый цвет, они были незаметны. А наши танкисты точно били по темным точкам на белом фоне и подожгли несколько немецких машин. На помощь нам подоспела еще одна танковая бригада, атаковавшая немцев с фланга. Чтобы не оказаться в тисках, немцы вынуждены были отойти.

Остаток ночи мы провели в поле. Дул пронизывающий ветер. От него не было спасения. Чтобы не окоченеть, по очереди забирались в кабины грузовиков по три-четыре человека. Но едва сомкнешь глаза, открываются дверцы: «Поспал и хватит, дай место другим».

Кое-как прямо у дороги натянули брезент и под ним развели костер. Заходи грейся. Но куда там! Приподнимут край брезента – ветер сразу выдувает тепло, опустят – в дыму не просидишь и минуты.

К утру ветер стал еще свирепее, все закрутило, заволокло белым снегом – степь и небо слились.

От машины к машине передавали: получать завтрак. Взялись за котелки. Руки настолько замерзли, что пальцы не слушаются. Повар огромным черпаком наливает в котелки суп. Котелок нагревается быстро, и прижимая его к груди, стараешься все тепло вобрать в себя. А зубы все равно стучат. Присесть бы где-нибудь, но где? Завтракали стоя. Чтобы ветер не насыпал в котелок снега, поворачиваемся к ветру спиной. И не рука несет ложку в рот, а рот тянется к ложке. Хлеб, как железо, – не откусишь...

После завтрака – снова марш. Выходим наконец к железнодорожной станции. Бесконечные штабеля ящиков с боеприпасами расставлены таким образом, чтобы сверху они выглядели как хутор – маскировка. В подвалах разрушенных домов – немецкие продовольственные склады. Все есть. Бери и ешь, пей. Немцы, отступая, разбили винные бочки. Подвал превратился в винный бассейн. Но вино могло быть отравленным.

– Братцы! – кричит кто-то. – Я попробую. Если не откину копыта – пейте и вы.

Никто не откинул копыт.

Под Сталинградом вокруг немцев замкнулось кольцо.
Мы тоже наступаем.

В станицу Ольгинскую я добрался в разгар боя. Был сильный мороз, ветер тысячами кинжалов пронзал тело. Несмотря на нелетную погоду, немцы атаковали с воздуха. Бомбы и снаряды пробивали лед на Дону, вода шла поверху.

Наши зенитчики подбили вражеский самолет. Охваченный черным дымом, он упал на лед. Бойцы бросились к горящему самолету. Побежал и я. Вдруг оттуда открыли пулеметный огонь. Пришлось залечь. Ледяной водой постепенно набухал полушубок, ватные брюки, телогрейка, но подняться было невозможно. Над головой сверкали трассирующие пули. Впереди я уже видел раненых, взывающих о помощи. Чувствовал, что начинаю коченеть, – намочла даже спина. Когда пулемет смолк и я попытался ползти, то не смог сдвинуться с места – мой полушубок примерз ко льду.

Наши части подошли к Ростову. Враг укрепился на высоком правом берегу Дона, просматривал наши боевые порядки на всю глубину. На железнодорожной станции бои шли за каждый дом.

Я вспоминал друзей по военному училищу, погибших на Дону.

Перед глазами возникала страшная картина, которую мне пришлось увидеть в Ростове летом сорок первого года. Ночью был сильнейший налет авиации. Повторился он и утром. Бомба попала прямо в очередь женщин и детей, выстроившихся у молочного магазина. Я видел, как окровавленные женщины подбирали детские трупы...

Я написал по-русски стихи о солдатах – освободителях Ростова. Запомнились две строки:

*Ты пламя увидел во тьме ночной:
Вдали полыхал Ростов.*

Теперь мы ворвались в Ростов со стороны Аксайска. Был глущий мороз. Истерзанный город лежал в развалинах. На улицах и площадях валялись трупы гитлеровцев, разбитая техника.

В город входили наши войска. Даже и те, кто мог, минуя город, двигаться дальше, непременно заворачивали сюда.

Нигде не испытываешь так сильно чувство победы, как в освобожденном городе. Когда воин-освободитель идет по улице-цам, он на виду у всех окон, его греют остатками тепла уцелевшие печные трубы. Каждый живой житель города готов обнять его.

Но Ростов был пуст. Пятьдесят тысяч жителей немцы

угнали в Германию, десятки тысяч истребили.

После освобождения Ростова меня наградили медалью «За боевые заслуги». Это была первая моя боевая награда. Такой же медали был удостоен и Сергей Зыков. Позже к медали прибавились и ордена. Но первая военная награда была особенно дорога.

В это же примерно время судьба свела меня с Кайсыном Кулиевым, с которым мы прошли потом вместе Донбасс, Сиваш и Крым.

До войны я не был знаком с Кулиевым, знал о нем лишь по стихам, появлявшимся в местной печати. И вот на фронте мы встретились.

Возвращаясь с передовой в редакцию, я нашел на поле недавнего боя брошенную кем-то лошадь. Она хромала на одну ногу, была сильно истощена. В первой же деревне я отдал лошадь старику, у которого остановился на ночлег. Тот в благодарность положил мне на дорогу полбуханки хлеба и кусок сала. Этим хлебом и этим салом я и встретил Кайсына Кулиева, бывшего в нашу газету.

Кайсын сразу включился в редакционную жизнь. Писал он вначале по-балкарски. На помощь ему пришел Гоффеншефер, который освоил и ремесло поэта-переводчика.

Кулиев не только писал стихи, ему давали и другие задания. Как и все, он выезжал на передовую, привозил материалы о боевых буднях войск. В газете появлялись его корреспонденции и очерки за подписью «Чегемли». Очерк Кулиева «Груп убийцы», написанный по живым впечатлениям от фронтовых дорог, был высоко оценен читателями.

Товарищи по редакции любили Кайсына. Его умение давать людям безобидные, но точные прозвища вызывало общее восхищение. Себя и меня он называл «оруженосцами Гофа», то есть Гоффеншефера, так как мы добровольно взяли на себя обязанность помогать по утрам своему уже немолодому тогда другу сворачивать плащ-палатку, служившую ему постелью, а при переездах редакции грузили в машину его книги. Меня Кайсын звал еще «светлейшим», так как я время от времени вытаскивал из вещевого мешка свою национальную кавалерийскую форму и наряжался в нее. Я не очень протестовал против такого прозвища.

Однажды батальон, в который отправился Кулиев, попал в трудное положение. Поэт долго не возвращался, и никто не знал, что с ним. Лишь через неделю Кайсын отыскался. На него хотели наложить дисциплинарное взыскание, но он предъявил выписку из приказа командира дивизии, в котором ему объявлялась благодарность за то, что в боевой

обстановке он «искус-ным чтением стихов вдохновлял бойцов».

В начале лета 1943 года в сообщениях Совинформбюро повторялись слова о том, что на фронтах Великой Отечественной войны не происходило «существенных перемен», а на самом деле шла ежеминутно, ежечасно кропотливая и многогранная подготовка к предстоящим сражениям. Мимо нас с утра до вечера громыхали поезда, извиваясь между холмами по только что восстановленной железной дороге. «Подвозят», – радовались мы. Однажды неожиданно для себя я заметил, что вагоны пустые. Мой товарищ объяснил:

«Охмуряют противника». А переполненные войсками и боевой техникой эшелоны подходили к линии фронта на соседнем участке. И только ночью.

В один из таких дней и к нам прибыло подкрепление – появился новый сотрудник армейской газеты, Валентин Овечкин, – его нельзя было отличить от рядового бойца, если бы не три звездочки на полевых погонах. Шинель на нем была солдатская, явно не по размеру – видимо, выбор оказался не велик, – сапоги кирзовые с широченными голенищами, в которые, кроме алюминиевой столовой ложки, свободно влезала хорошая книга; на голове пилотка, замусоленная по краям. Офицер с простым крестьянским лицом. В его пронзительных узких глазах была запрятана усмешка. Морщинистый лоб, на который ниспадал клоч темных прямых волос, а вокруг рта несколько дужек глубоких морщин, подчеркивающих подбородок. Поначалу в редакционной суете, когда каждый из нас спешил «отписаться», сдать материал секретарю редакции, чтобы снова отправиться на передний край за новыми впечатлениями, не все заметили нового человека.

На очередном офицерском собрании (оно входило тогда во фронтовой быт) редактор со скрытым удовлетворением объявил: – Нашего полку прибыло. Прошу любить и жаловать: старший лейтенант Валентин Владимирович Овечкин. Писатель.

«Новичок» оказался неистощимым мастером устного рассказа. У него была своя манера рассказывать смешные истории из крестьянского быта. Сам редко смеялся, когда рассказывал, только глаза у него искрились, становились уже, на углах рта прибавлялась новая дужка морщины. Зато вокруг хохотали все. Так мы допоздна засиживались в саду на плащ-палатках в часы досуга. Если кто-нибудь вылезал «на бруствер» со своим рассказом, другой перебивал; «Подожди, пусть Валентин». Он завладел всеобщим вниманием, вписался в новую обстановку, будто мы с ним прошли все нелегкие фронтовые дороги.

Трудаги-корреспонденты армейской газеты, проводившие

большую часть своего времени в окопах на переднем крае – у артиллеристов или танкистов, возвращались в редакцию, обогащенные впечатлениями о напряженной жизни войск, встречами с героями недавних боев, и с любопытством ждали, когда Валентин Овечкин составит кому-нибудь компанию, попросит взять его с собой. Тем более ему пора было показать свою «выездку», как говорили кавалеристы, – свой почерк, а он все еще «освай-вался».

И вот 2 июля «Сынок», как называли газету «Сын отечества», вышел. Всю вторую полосу занял очерк В. Овечкина «О подвигах и труде солдата», которым он подтвердил, что автор-находка для газеты, от него можно ждать многого. В очерке В. Овечкина речь шла о двух офицерах: уже немолодом командире роты лейтенанте Клименко, об офицерских качествах которого командование полка было невысокого мнения. Это не беспокоило Клименко. Главное, думал он о себе, все знают, что я не трус. Если ему не удастся добиться от подчиненных, чтобы каждый из них в обороне был и храбрым воином, и неутомимым тружеником, сочетающим в себе и труд землекопа, и точную арифметику бухгалтера, терпение таежного зверолова, то это потому, что ему попадают «не те солдаты».

Полная противоположность Клименко другой офицер – старший лейтенант, командир батальона Говоров, которому едва исполнился двадцать один год, а показал себя волевым и решительным командиром, сумевшим слить в один монолит волю и боевую энергию всего батальона и может свободно оперировать ими. Он вырос от сознания своей ответственности за порученное дело.

У него выправка старого кадрового офицера, жесткий, не допускающий возражений голос, строгое лицо, холодные глаза, по углам рта ложатся резкие складки, когда он отдает боевое приказание. А между тем Говоров – один из молодых военных, которые не успели еще приобрести гражданской специальности (окончив животноводческий техникум, он не работал зоотехником ни одного дня). Его профессия определилась на фронте. Говоров обнаружил в себе способности и любовь к большому и трудному искусству военачальника. За два месяца обороны его батальон не имеет никаких потерь, зато на боевом счету снайперов сорок пять убитых гитлеровцев. Он «зарыл» свой батальон так, что никакой огонь врага не страшен, налажена связь с соседями, огневые точки замаскированы – даже такой воздушный разведчик, как «фокке-вульф», не сможет ничего заметить. О комбате говорят: далеко пойдет...

В. Овечкин создал образ командира, способного на длительное волевое напряжение, на блестящие подвиги и на тяжкий будничный труд фронтовика, который всем сердцем понимает

значение для армии, для победы слов: дисциплина, организованность, порядок.

За свой труд В. Овечкин был вознагражден: очерк получил широкий клик в войсках. Его читали и перечитывали в окопах, блиндажах, огневых расчетах. Имена Клименко и Говорова стали нарицательными.

В. Овечкин точным писательским глазом увидел то, что, казалось, лежало рядом у каждого из нас, – увидел и четко, выпукло очертил образ воина, носящего «в ранце фельдмаршальский жезл», а рядом с ним – солдата «без огонька», действующего по принципу: воюй, пока воюется...

И для нас, фронтовых корреспондентов, очерк этот стал эталоном. Мы старались не только описывать, как совершался подвиг, но и заглядывать в душу своих персонажей, создавать психологический облик, раскрывать внутренний мир, черты характера.

В. Овечкин был «широкозахватным» сотрудником газеты. Даже в коротких корреспонденциях, написанных по горячим следам, как, например, «Дорог каждый час», «Гордое имя – Сталинград», «Этого больше не будет», «Почин офицера», «Счет мести», «Красный луч», «Мертвой хваткой», «Силой, умением, геройством», «Гордость командира», «И погонны помогают немца бить», – он находил слова, которые воскрешали в памяти бойца недавнее прошлое, задевали глубины души, и это становилось той неодолимой силой, которая руководила каждым шагом бойца, звала его на смертный бой. В воображении автора стояла вся вздыбленная войной страна и вся сама война, ставшая общей судьбой. Когда он писал о каких-то частностях, деталях, в сознании читателя возникали ассоциации, связанные с жизнью страны и ходом всей войны.

Профессия фронтового газетчика вырабатывает в человеке особое чувство поиска нового, впечатляющего. Думаю, вот это чувство побудило В. Овечкина отправиться в нелегкое путешествие вдоль фронта за сотни километров на выдавшей виды «полуполторке», когда Совинформбюро сообщило о крупном наступлении наших войск, развернувшегося в начале августа 1943 года на Харьковском направлении. Он отважился на такую рискованную поездку вместе с двумя другими газетчиками, чтобы своими глазами увидеть наступательные операции наших войск, стать как бы соучастниками событий и, вернувшись, тотчас поведать своему читателю об увиденном в этих боях.

Корреспонденция называлась «В эти дни». Во врезке говорилось:

«Боец! На твоем участке сегодня затишье. На третьем году войны немцы даже летом оказались не в силах наступать. Барометр войны в наших руках... Недолго сидеть

немцу в окопах перед тобой». И далее на всю полосу живой рассказ очевидцев о том, как следом за войной восстанавливается привычная для советского человека жизнь, жители в освобожденных районах возвращаются в разоренные жилища, убирают мусор, вставляют в уцелевшие окна стекла. В корреспонденции главное место уделялось подвигам советских воинов, прокладывающих путь вперед огнем и мечом. В частности, в ней говорилось о схватке артиллерийского расчета во главе с наводчиком Михаилом Корнаковым с семью вражескими танками. Из них пять машин осталось разбитыми на поле боя. И двум другим не удалось бы уйти, если б бесстрашный наводчик не был тяжело ранен в неравном бою.

Слушая рассказ о небезопасном «путешествии за два фронта», как в шутку называли поездку В. Овечкина, мы вспоминали более короткую, но тоже полную неожиданностей дорогу, на которой, не зная быстро меняющейся боевой обстановки, мы на том же грузовике подверглись минометному обстрелу в районе Мелитополя. Тогда-то начальник типографии, отвечавший за материально-техническое обеспечение, произнес фразу, вызвавшую бурную реакцию у нас.

– Вас убьют – других пришлют, машину разобьют – где я возьму другую? – пробурчал он, когда я предложил на предельной скорости проскочить опасную зону.

Протест мы не приняли всерьез.

В дни стремительного наступления, когда все рода войск устремляются вперед и не успеваешь обвести красным кружочком освобожденные города и села – никто не усидит на месте. Каждому хочется быть на острие атаки, быть участником событий, врываться в числе первых в деревню, поселок или город, чтобы все видеть своими глазами.

Так было, когда восьмого сентября 1943 года опубликовали приказ Верховного Главнокомандующего о том, что «войска Южного и Юго-Западного фронтов, в результате умелого маневра и стремительного наступления, одержали крупную победу в Донецком бассейне...». В числе отличившихся войск упоминалась и наша армия. В такие дни люди становились одержимыми, забывали о сне, еде, отдыхе, стремились вперед, спали на ходу в прямом смысле слова. Сознание того, что ты несешь в улыбке, в сердце, в жесте, на устах победу, добытую в бою, становилось источником неисчерпаемой энергии. Никто не считался с опасностью, неудобствами, бездорожьем – вперед и только вперед. В эти дни родился призыв: «Вперед, ребята, впереди река Молочная!». Он вызывал и вдохновение в сердцах, и улыбку на усталых и задубелых от ветров лицах. Призыв ассоциировался и с кисельными берегами, на которых каждому

из нас уготовлен заслуженный отдых и сон, чтобы мы могли отоспаться за все бессонные ночи. Речка Молочная, на которой стоит город Мелитополь, в воображении рисовалась тихой и живописной, хотя мы уже знали, что по ней гитлеровцы возвели долговременную оборонительную линию, которая названа «Голубой». Ее предстояло нам прорвать.

«Курс на реку Молочную!» – с мальчишеским задором сказал В. Овечкин, садясь в «газик», опять увозивший нас на острие атаки, где танковые и кавалерийские части, взаимодействуя, нередко опережали отступающего противника, заходили ему в тыл.

Почти целую полосу газета отвела коллективной корреспонденции. Одним из авторов ее был В. Овечкин. Она писалась буквально на колесах и называлась: «Мы идем к тебе, Днепр!» Мне запомнились детали, которые выдумать невозможно: боец, переходя разрушенный железнодорожный путь, задержался на минуту у семафора. Кирпичное здание полустанка разбито бомбой. Рельсы и семафор уцелели. Парень, подтянув трос, открывает семафор и закрепляет его, обмотав конец троса вокруг столба: «Путь открыт!» Или: артиллерист, соскочив с орудия, читает по буквам надпись на стрелке-указателе: «Нах Петровка». «Брешешь, собака, дальше пойдём!» Взял на палец черной мази с колеса пушки и написал: «Нах Берлин!» Эти детали надо было видеть своими глазами, чтобы ощутить огромный смысл и эмоциональный заряд, заложенный в бойцах. Из них потом фронтовой корреспондент воссоздаст эпическую картину нашего победного шествия.

Постоянное стремление – быть поближе к своим читателям и источникам материала, питающим газету, а главное – чтобы газета могла догонять уходящие вперед войска. Редакция нередко отрывалась от армейских тылов, к которым она была «приписана», держалась поближе к оперативной группе командующего. Нужно было обособиться так, чтобы никому не мешать и быть в курсе боевой обстановки, хотя автономное существование было сопряжено с трудностями...

Вскоре мы расстались с Валентином Владимировичем. В редакционном портфеле оставалось немало очерков, корреспонденции, принадлежавших его перу. Время от времени они появлялись в нашей газете.

Потом стало известно, что большая республиканская газета на Украине возобновила работу, и туда направили В. Овечкина, демобилизовав его из армии.

В Донбассе мы засели на полгода. Шла подготовка к очередному наступлению. Прибывали эшелоны с боевой техникой, пополнением. Представители всех родов войск обменивались опытом на специальных семинарах.

Проводились семинары и для фронтовых поэтов. На одном из таких семинаров я познакомился с Яковом Козловским, вос-торженным и улыбчивым семнадцатилетним пареньком, подку-павшим своей доверчивостью и непосредственностью. Эта встреча в городе Шахты связала меня с Яковом Козловским не-расторжимыми творческими узами на всю жизнь.

В одном из стихотворений Козловский определил свою роль в литературе, назвав себя офицером связи в советской поэзии. Эта точная метафора родилась, по-видимому, еще на фронтовых дорогах.

Фронт «стоял». Из номера в номер мы давали статьи и очерки о боевой подготовке. Чтобы как-то разнообразить газету, секретарь редакции отправился за материалом о восстановлении народного хозяйства на освобожденной земле и неожиданно набрел на историю комсомольского подполья в Краснодаре. К сожалению, он не сумел до конца оценить значения «Молодой гвардии», иначе не ограничился бы небольшой корреспонденцией. Позже фронтовая газета посвятила молодогвардейцам полосу, выступила и «Комсомольская правда». К нам в редакцию приходили девушки – участницы подполья. Мы говорили с ними целыми вечерами. А прочитав после войны роман Фадеева, каждый, наверное, кто работал в редакции «Сын отчества», испытал чувство гордости, что именно в нашей армейской газете появилось первое сообщение о героях-краснодонцах.

Вкус Сиваша

Линия на реке Молочной, считавшаяся чудом военно-инженерной техники, рухнула под ударами советских войск. Она не оправдала надежд гитлеровского командования, пытавшегося во что бы то ни стало прикрыть подступы к Крыму, предотвратить образование южного котла. Не помогли ни опорные пункты «бункерного» типа, ни тройной оклад, выплачивавшийся офицерам, ни «Железный крест», обещанный каждому защитнику «Голубой» линии.

«Не выпустить немца за Днепр. Прихлопнуть его в Крыму. Устроить гитлеровцам на юге второй Сталинград» – с таким аншлагом вышел 10 октября 1943 года «Сынок». К этому времени войска Северо-Кавказского фронта полностью очистили от врага Таманский полуостров.

За Крым гитлеровцы заплатили дорого – под стенами Севастополя нашли бесславный конец триста тысяч солдат и

офицеров. И снова гитлеровцы сами лезут в «мешок», горловина которого вот-вот будет затянута. Пусть держат ответ за свои злодеяния в Крыму. Это они истребили пятьдесят тысяч советских людей в Симферополе, заполнили противотанковые рвы вокруг города трупами. За муки женщин, детей и стариков, загубленных в Евпатории и в Керчи, советский воин должен покарать гитлеровцев, и час возмездия близился.

В наши руки попадали письма немецких офицеров и солдат, в которых они восхищались природой Крыма, вкусом винограда и фруктов, а унтер-офицер Руди Рошель уже видел Крым колониальным придатком рейха. Он писал жене: «Здесь такие великолепные виллы! Я уже присмотрел себе один участок. Ах, если бы он мне достался! Впрочем, я уже подал заявление полковнику, и он мне его обещал».

Партизанская пуля оборвала жизнь оккупанта раньше, чем о его мечте узнала жена.

В конце октября наши передовые части форсировали Сиваш и захватили плацдарм на крымском берегу. Низкие облака защищали наступающих от авиации. Зато на земле противник не жалел ни мин, ни снарядов. Немцы вели nepřизельный, но плотный огонь.

Глубина моря в тот день не превышала ста сорока сантиметров. Это было еще сносно. Ведь когда дует восточный ветер, то уровень воды поднимается так, что по Сивашу могут ходить корабли.

Бойцы шли через Сиваш вброд. Они несли, кроме своего снаряжения, боеприпасы, части минометов и пулеметов. Пробовали использовать лошадей – не получилось. Лошади проваливались по самое брюхо, приходилось вытаскивать их из болота. Артиллеристы разбирали и грузили на лодки орудия, которые на плацдарме предстояло собрать и пустить в дело.

Дорогу войскам показывал тот самый проводник, который в Гражданскую войну помог переправиться через Сиваш войскам Фрунзе. Это был уже немолодой, крепко сколоченный человек, с мужественным лицом и густыми волосами. Недлиная борода уже сдавалась седине, а брови и усы оставались темными. Весь облик Ивана Ивановича Оленчука говорил о его смелости и решительности.

И надо же такое совпадение. Двадцать три года назад тоже в пасмурные осенние дни к Сивашу подошли войска Красной Армии под командованием легендарного Фрунзе. Они шли к Гнилому морю, прорвав фронт в районе Каховки. Под ударами красных откатились части Врангеля в надежде отсидеться в Крыму.

Теперь в Крыму засели немецкие фашисты. Советские

воины прорвали оборону врага на реке Молочной, освободили Мелитополь, и в образовавшийся прорыв хлынул поток войск всех видов оружия.

Наши подвижные части устремились к Крымскому перешейку, чтобы не дать отступающему врагу использовать долговременные Ишунские позиции, то есть удержать ворота Крыма.

Немцы поняли эту опасность и спешно из глубины Крыма бросили резервы к перешейку. Мотопехоте и танкам немцев удалось захлопнуть ворота, но часть Турецкого вала, перерезающего перешеек, оказалась в наших руках.

Враг успел занять заранее подготовленную глубоко эшелонированную оборонительную линию. Прорвать ее с ходу было нелегко. Оставалось одно – форсировать Сиваш и выйти в тыл немецко-фашистским войскам. А не удастся – будет плацдарм, с которого потом можно нанести удар.

Прибрежное село Строгановка наполнилось войсками, готовыми форсировать Гнилое море. Сложную операцию предстояло осуществить ночью. Нужен был человек, который пойдет с передовыми войсками и выведет их к противоположному берегу.

Кто возьмет это на себя? В пасмурную ночь трудно ориентироваться, когда вокруг не видно ничего, в море тем более. Куда ни глянь – темная вода.

Вспомнили об Оленчуке. Жив ли, здоров ли Оленчук – знаток Сиваша, который в детские годы лазал по кручам над Гнилым морем, доставал утиные крашенки из нор, а в зрелом возрасте работал солеваром, знал все ямы, чаклати, сложные разветвления рукавов.

Послали за Оленчуком. Иван Иванович догадался, зачем он нужен. Натянул сапоги, оделся в свитер из грубой шерсти, сверху надел ватник армейского покроя.

Оленчук пытался представиться по уставу, чтобы подчеркнуть, что и он считает себя воином, готов выполнить боевое задание командования.

Первым заговорил подполковник Маслов:

– Товарищ Оленчук! Придется принять холодный душ. Купаться холодно. Белые мушки летают. Снег. Да на что не рискнешь ради победы. Будем потом отогреваться вместе. – И он поежился, как бы почувствовал прикосновение ледяной воды.

– Мне не привыкать, – глухо, но уверенно ответил Оленчук.

– Вот и отлично, – сказал командир стрелкового полка, улыбаясь, обладающий удивительной притягательной силой, любимец солдат, испытанный вожак, которому верят все.

Начался конкретный разговор.

– Поидете с разведчиками. Не заплутаетесь в рукавах?

– Немцы не дадут заплутать.

– Это как понимать?

– Очень просто. Надо идти туда, откуда кудахчет пулемет. Верный ориентир.

Подполковник подивился солдатской сметке старого проводника.

– А ширина?

Иван Иванович виновато ответил:

– Це уже я вам не могу сказать, не мерял. Разно бывает. Где восемь, где тилько четыре.

– По карте в этом месте три тысячи шестьсот метров, – подполковник посмотрел на карту, не вынимая ее из планшетки. – Погода благоприятствует. Дует западный ветер...

Оленчук знал, что значит «западный». Только при таком ветре море становится проходимым.

Командир полка опасался не только перемены ветра. Враг знает, что наши войска вышли к Сивашу, и попытается организовать оборону на противоположном берегу, поэтому нельзя терять ни минуты. Он улыбнулся:

– Налить всем посошок на дорогу. Закусывать будем на том берегу.

– Це дило, – приободрился и Оленчук.

Этой ночью войска пошли пешком по морю.

Впереди, не отрываясь от Оленчука, шли артиллерийские разведчики, бесстрашные люди, привыкшие, в прямом смысле слова, играть с огнем. Их задача – ползти туда, откуда враг ведет огонь, передавать координаты вражеских огневых точек на свою батарею, вызывать огонь и корректировать его, пока не умолкнет немецкая огневая точка.

Первыми ступили на Крымский берег бойцы подполковника Маслова. Артиллерийские разведчики тотчас поползли в мокром обмундировании по вязкому прибрежному илу, ориентируясь на вспышки орудий и минометов, из которых враг вел огонь. А вскоре с Большой земли на батареи противника обрушился прицельный огневой шквал, за которым следовали полки, вышедшие из воды.

Артиллеристы, минометчики и пулеметчики Маслова в ночной мгле, на ощупь, собирали орудия и минометы и тут же почти в упор били по огненным точкам врага, пехотинцы пустили в ход карманную артиллерию. Ошеломленные внезапным ударом немцы откатывались назад и, теряя ориентировку в сивашских лабиринтах, вынуждены были лезть в холодную воду и бросать технику.

Наши войска прочно обосновались в Крыму. Подполковник Маслов приказал доставить на Большую землю Ивана Ивановича Оленчука так, чтобы тот ног не замочил. И проводника отправили в обратный путь на резиновой лодке.

– Упавшему в реку дождь уже не страшен, – отказывался Оленчук от такой чести. Но приказ командира – закон.

Иван Иванович еще не знал, что будет представлен к награде: ордену Отечественной войны.

На следующий день я получил задание редакции дать материал с Крымского плацдарма. Но как туда добраться? Я стоял на берегу Сиваша. Падал редкий снег, дул холодный осенний ветер. Подходили саперы. Появились надувные лодки. На них грузили боевую технику, снаряды, патроны, продовольствие и даже питьевую воду и дрова – на плацдарме нет ни пресной воды, ни леса.

А я все не мог решиться ступить в ледяную воду. Стоял и вспоминал парикмахера из военторга, который говорил клиентам: «Есть одеколончик «Сиваш». Освежить?» Море казалось безбрежным.

Тут я заметил пожилого человека в штатском, который что-то веселое рассказывал бойцам. Это был Оленчук. Он вспоминал встречу с Фрунзе. Я приготовил свой блокнот, наострил уши. Оленчук говорил не спеша.

«...Вижу длинный стол стоит, а за ним человек семь сидят. «Добрый вечер», – говорю. «Добрый вечер», – отвечают. Потом один встал и говорит: «Проходить прошу вас, сидайте на стул», и стул мне пододвигает. А дежурному приказывает засветить лампу. Засветили. Вижу – все военные. А один сидит красивый, с усами, в защитной гимнастерке. Перед ним большой лист бумаги – карта, стало быть.

Это и был Фрунзе. Он вежливо спросил мое прозвище, фамилию и отчество. Я отвечаю, а сам думаю, что же дальше? Сдрейфил немного. А Фрунзе говорит: «Вот что, Оленчук, вы Сиваш знаете?» Мне стало легче. Как мне не знать Сиваш, если вся моя жизнь с ним связана.

– Знаю, – говорю, – хорошо знаю.

Фрунзе вынул из кармана коробку спичек, высыпал несколько спичек на карту. Складывал их, складывал и говорит: «Восемь километров. Ширина ничего себе». Я ему говорю: «Не ширина важна. На том берегу пулемет на пулемете стоит – укрепления. Белые хотят зимовать в Крыму».

Но Фрунзе решительно обратился ко мне:

– Вот что, дорогой Оленчук. Вам предстоит ответственное задание – показать Красной Армии путь через Сиваш. Мы вас хотим взять проводником.

Видит он, что я задумался, стою, не знаю, что сказать. Подошел, хлопнул меня по плечу и говорит:

– Не робейте, Оленчук. Мы знаем, что вы – бедняк, а мы бьемся за бедноту, за диктатуру рабочего класса. Так вот будьте добры, помогайте нам.

– Хорошо, – говорю, – иду! Только с уговором: дайте мне винтовку. А он отвечает: «Не надо вам винтовки. Переведете нас на тот берег и обратно вернетесь...»

Я слушал Оленчука и поглядывал на берег, куда подходили новые и новые подразделения. Минута на раздумье, на преодоление психологического барьера, – и в воду. От самого берега шагов тридцать по илу, дальше начинается вода. Сначала по щиколотку, потом по пояс, а уж там и по самое горло, если человек не очень высокого роста.

Оленчук тоже взглядом провожает тех, кто уходит в море, и, помолчав с минуту, продолжает вспоминать события далеких лет:

«...Отряд уже выстроился у берега. Командир говорит: «Оленчук, вперед!» Только входим в море, белогвардейцы стали прожекторами шарить по воде, открыли артиллерийский огонь. А тут, вижу, меняется направление ветра. Не дай бог, восточный – нагонит столько воды, что потонем все. На счастье спустился туман. Его прожекторами не пробить. Всю ночь шли. Не быстро – тихо шли. Вижу – вода мелеет. Значит, скоро берег. Приготовились к бою, чтобы, как только вступим на берег, ударить по врагу».

Рассказ Оленчука прерывается, но бойцы не выпускают Оленчука из круга.

– Как позавчера? – спросил паренек.

Оленчуку не пришлось ответить. Подана команда: «Строиться!»

Я остался еще на несколько минут с Иваном Ивановичем, чтобы познакомиться, уточнить некоторые имена и как бы заглянуть в историю Южной Таврии, скрытую, как и Сиваш, туманом.

Предки Ивана Ивановича пришли сюда по повелению царицы Екатерины промышлять солью. Вдоль Сиваша выросли села из глинобитных, похожих друг на друга домиков. По утрам мужчины с лопатами выходили на белые от соли берега озер, а женщины работали на полях.

Строгановка называлась соляной столицей. От нее расходились соляные дороги во все края. Говорят, соль вывозилась не только во все губернии России, но и в Египет, даже в Японию. К берегам Сиваша стекались и разоренные помещиками крестьяне в поисках земли и заработка.

В незапамятные времена из-за моря пришли захватчики. Они решили завладеть богатствами Крыма, прорыли глубокий ров на перешейке, насыпали вал высотой в десять метров. На валу поставили резные белокаменные ворота с висящим через ров мостом, за воротами – город Тафрос, что значит Перекоп.

Какие только племена ни штурмовали вал и ворота! Пробо-

вали свои силы готы, аланы, гунны, хазары, половцы. Но ни один предводитель за всю историю не рискнул форсировать Гнилое море вброд. Только Красная Армия смогла отважиться на это.

Разгромленные в Северной Таврии врангелевские войска бежали в Крым в надежде оправиться от сокрушительных ударов Красной Армии, отсидеться за Турецким валом и Сивашом, чтобы снова двинуться на Москву. Врангель возлагал надежды на перекопские, чонгарские, ишунские укрепленные позиции, но красные войска ноябрьской ночью форсировали Сиваш и вышли в тыл врага.

Этот беспрецедентный подвиг, передаваемый словно по эстафете, повторялся и в эти дни.

Подъехал командующий армией. Навстречу вышел командир дивизии, доложил обстановку. Командующий предложил ему немедленно перенести КП на противоположный берег.

Если генералов заставляют «освежиться» в ледяной морской воде, мне не на что рассчитывать, подумал я. Проситься в лодку бесполезно. Впервые пожалел, что я выше тех низкорослых, которых вброд не пускали.

Но мешкать нельзя: направление ветра переменится, еще хуже будет.

Взял по примеру других длинный шест, чтобы прощупывать морское дно – нет ли воронок или ям – и пошел. Пройти надо три тысячи шестьсот метров.

Пока море было по колено, шел более или менее уверенно. Но чем дальше, тем глубже. Смотришь по сторонам и по людям судишь о глубине – вот солдат уже по пояс погрузился, а другой, впереди, уже по шею...

Рвутся снаряды, невольно пригибаешься, уже весь промок. Мокрая шинель сковывает движения. В воде теплее, чем над водой, на ветру. А каково тем, кто с грузом?..

То один, то другой боец под тяжестью груза увязает в иле и зовет соседей на помощь. Иногда человек идет, идет и вдруг исчезает под водой, потом, глядишь, всплывает: воронки.

Я тоже не раз побывал под водой. Ноги проваливаются в ил, главное – не потерять сапоги. Если сапог увяз, присядь под водой, возьми за голенище руками и тащи. Так – и раз, и два, и три. Люди падают, роняют груз, ищут его под водой.

Идем, а над нами стелется белым облаком пар. И вот уже над водой одни головы. Издали они, наверное, похожи на дымящиеся самовары. Облачко пара прикрывает эти головы от авиации и вражеского глаза с берега. В воде невозможно различить, где кто, но каждый по голосу узнает своего командира.

На противоположном берегу, когда мы туда наконец добрались, нас ожидал приятный сюрприз – каждому перешедшему

Сиваш вброд выдавали полкружки спирта. Запить его нечем, пресной воды нет. Закусывай рукавом, выжмись у костра, разведенного в яме, и топай дальше.

Обратно, выполнив задание редакции, я уже переправлялся на лодке. Но через неделю мне пришлось повторить холодное купание. В редакцию приехал полковник из Москвы, который должен был попасть на плацдарм – на Малую землю, как его тогда называли. Мне, уже знающему дорогу, приказали перевести гостя через Сиваш.

Приказ есть приказ. Я вооружился шестом и пошел. Полковник едва попевал за мной. Оказавшись по грудь в воде, он оглянулся назад: много ли пройдено. Впереди берега не видно. Туман. Сырой воздух пронизывает до костей. Я гостю объяснил: следы за зенитчиками на берегу. Они стерегут переправу. Если зенитчики всполошатся, забегают у своих орудий, тогда жди бомбежки, прилетят немцы. Хотя бомба не так опасна для людей, стоящих в воде, все же это не очень приятно. Самолеты открывают огонь из пушек и пулеметов по живым целям. От него и вода не спасет...

Измученные и посиневшие, мы выбрались наконец на берег. Подошли к землянке, из которой валил дым, – пункт обогрева. Раньше здесь была просто яма, теперь – землянка. В ней народу битком.

Мы протиснулись в землянку. На полу воды по щиколотку. И все равно создаты не унывают – шутят, особенно после чарки. Полковнику уступили место у огня. Мой спутник был в хромовых сапогах, попробуй стащить – приросли к ногам, а шинель пришлось крутить вдвоем, чтобы выжать из нее воду. Меховая телогрейка раскисла. Старшина и нам налил по полкружки спирта – «отходную» (выпил – отходи в сторону, дай другим место).

Я залпом выпил свою долю. Жаль – мало. Даже спирт не согревает. Мой спутник, понюхав не очень чистый спирт, пить не стал. Отыскал меня в дыму и протянул свою кружку.

В землянку заходили все новые и новые люди. И стало так тесно, что невозможно было нагнуться, чтобы стащить сапоги или брюки. Надо взять кружку у полковника, пока ее не перехватили.

– За ваше здоровье!

Но и двойная доза спирта не спасла меня от простуды.

В полку, куда мы прибыли, на ночь нам дали «постель» – по пять камышин, которые следовало постелить, чтоб не касаться сырой земли.

Свой камыш я отдал спутнику. Полковник долго укладывался – с искусством спать на камышах он не был знаком. Камыши надо класть под бедра и плечи, а под голову сумку.

В землянке, которую нам уступили, было холодно, сверху ее покрывал лишь брезент.

Утром полковник не мог встать, у него поднялась высокая температура. Врач определил: воспаление легких. Заболел и я. А ведь предстояла обратная дорога через Сиваш. От одной мысли об этом меня бросало в дрожь.

Моего спутника отправили в госпиталь. Комдив распорядился, чтобы нас перевезли на лодке.

Вернувшись в редакцию, я слег. «Полковой врач», как мы называли Гоффеншефера, взял меня под свое наблюдение. Каждое утро, кладя мне на лоб ладонь, измерял температуру. Три раза в день давал таблетки из скудной редакционной аптечки. А так как все таблетки перемешались, он сначала пробовал таблетку на вкус, а потом предлагал ее мне. Лепту в мое лечение вносил и Сергей Зыков – давал по вечерам глоток спирта из своего НЗ.

Через несколько дней я уже встал и мог сам пойти к «полковому врачу». Он стоял на квартире у одинокой вдовы, суровой и неразговорчивой пожилой женщины. Ее хата торчала на самом краю хутора. Коровенку, которой хозяйка дорожила больше собственной жизни, она держала в той же комнате, где жила сама: «А то еще угонят». Корова занимала один угол, хозяйка – другой. «Постоялец» отгородил себе закуток напротив хозяйки.

Как-то вечером, когда я шел на очередное «медобследование», до моего слуха донесся молодой женский голосок. Откуда? Из кривобокой, с одним маленьким окошком, облупившейся хаты. Я переступил порог. На полатах сидела и распевала песни девушка в военной форме. Под потолком она развесила на просушку бельишко, а сама пришивала белый подворотничок к кителю.

Гоффеншефер был счастлив. Он сидел за столом и правил корректуру. Песня ему нисколько не мешала. Познакомил меня: москвичка, лейтенант, командир взвода гвардейских минометов.

Спустившись с «небес», то бишь с полатаей, она рассказала о себе. Ей двадцать два года. Военного училища не кончала. Во время боя приняла на себя командование взводом. С обязанностями справляется, и ее не спешат заменить.

Гоффеншефер должен был идти на дежурство. Уходя, он назидательно погрозил мне пальцем:

– Ни-ни, Алим...

Он иначе понял мое желание познакомиться с девушкой. О ней мне захотелось написать стихи. Уже возникло и будоражило ум название – «Гвардии Нина».

Так назвал ее Гоффеншефер.

Но вместо того, чтобы рассказать свою короткую, но боевую, насыщенную фактами и событиями биографию, девушка поведала мне о судьбе юной партизанки Нелли Шилиной, до войны – студентки Крымского театрального института. Когда гитлеровцы ворвались в Крым, Нелли попала на узкие партизанские тропы в горах и лесах Крыма.

Политрук отряда ей сказал:

– Будешь доить коров.

В отряде было три дойные коровы без телят: приплод пришлось прирезать на мясо, когда в отряде появились первые раненые. Коров берегли, потому что молоко было единственной пищей. Даже не всегда удавалось раздобыть муку на хлеб.

Нелли нелегко было осваивать профессию доярки. В первый же день корова лягнула, опрокинула подойник и ушла.

Политрук, в прошлом заведовавший фермой, объяснил:

– Коровым соскам больно от твоих ногтей. Не сцена, маникюр здесь ни к чему.

Через неделю коровы привыкли к доярке. Нелли стала душой партизанского отряда. Она не только поила бойцов парным молоком, готовила пищу. В свободные минуты девушка пела песни о родине, море, солнце, о бойцах и моряках, о родном доме, разоренном врагом. Партизаны полюбили свою повариху-доярку, ласково называли ее соловушкой-кормилицей.

Однажды гитлеровцы ворвались на базу в тот самый момент, когда отряд находился на задании. Соловушка попала в руки карателей. После пыток и истязаний, окровавленную и измученную девушку повели вешать. Тропа в горах проходила над обрывом. «Лучше погибну на дне пропасти», – подумала она и бросилась с обрыва в пропасть. Нелли не слышала автоматной очереди, прогремевшей вслед.

Вечером она пришла в себя. Оказалось, что упала на верхушки деревьев, росших почти горизонтально на каменных выступах обрыва, это амортизировало удар. Партизаны нашли ее и принесли в лагерь. Через несколько дней отважную партизанку на самолете отправили в госпиталь.

Я слушал Нину, делал пометки в своем блокноте и думал: не о себе ли она рассказывает?! Может быть, она не та, за кого выдает себя? И зачем ей разыгрывать меня?

– Значит, ваша фамилия Шилина? – не выдержал я.

Она не ответила на мой вопрос, а прочитала мне стихи Бориса Корнилова. Я запомнил строки:

*И, помня наказ обстоятельный твой,
Я верен, как пули комочек,
Я снова в работе – боец рядовой,*

Товарищ, поэт, минометчик...

У Б. Корнилова последнее слово «пулеметчик», но девушка, зная, что я в прошлом был минометчиком, заменила «пулеметчик» на «минометчик».

В хату ввалился Сергей Зыков, которого сменил на дежурстве Гоффеншефер. Он уже знал о девушке и, конечно, примчался.

Глядя на девушку, даже наша хмурая хозяйка стала приветливой. Приготовила яичницу с салом и сама подсела к нам.

Для хорошего настроения было основание. Наступление развивалось успешно. Каждый должен быть наготове – могут снова послать на плацдарм, – теперь уже не вброд через Сиваш, а на самолете «У-2».

До самолета провожал Зыков. Он сфотографировал меня, когда я садился в самолет. Фотография сохранилась и до сих пор.

День оказался нелетным. Можно было не опасаться неприятных встреч с противником в воздухе. По крайней мере так думал я. Взлетели. Самолет взял курс на юго-восток. Невысокий козырек кабины плохо защищал от пронизывающего встречного ветра, который, казалось, вот-вот выбросит меня из самолета.

Я поглядывал по сторонам.

Под нами проплывали заснеженные крыши деревень. Самолет летел низко над землей – метров полтора-два, не больше.

Справа вихляет Сиваш, затянутый серым туманом.

Вдруг сверху косою снопом трассирующих пуль, за ним – второй. Летчик резко повел машину на снижение, чтобы скрыться в балке. Я решил, что мы падаем прямо в море. Самолет стукнулся колесами об илистый берег, покатился, и мы оказались в болоте.

«Мессершмитт», который дал очередь по нашей машине, сделал разворот, – видимо, убедиться, что нас сбил – и улетел.

Летчик пошел искать буксир, пригнал мощный грузовик. Самолет зацепили за хвост и вытащили из болота на дорогу.

Повреждений у самолета не оказалось, и полет был продолжен.

Мы приземлились около артиллеристов. Мне показалось невероятным, каким образом они через море переправили орудие. Лодка его не выдержит, а понтонного моста еще нет.

– Очень просто, как бурлаки тянули баржу, – сказали артиллеристы.

Немцы пустили танки против смельчаков-артиллеристов, захвативших плацдарм, надеясь, что у них нет противотанковых средств. Просчитались. Ошибка стоила им два танка.

В моем блокноте записаны имена артиллеристов – чудо-

богатырей, чья пушка первой оказалась на крымском берегу. Это оружейный расчет сержанта Гаяса Хасанова, голубоглазого татарина, в составе Ивана Луценко, Данилы Хижняка и Василия Решетняка.

Их орудие произвело первый залп на крымской земле. У отважного расчета было всего десять снарядов, когда он вступил в неравный бой с танками противника.

Теперь уже стало полегче. В глубокой яме-конюшне стояли трофейные лошади. Надо менять огневую позицию – запрягут лошадей и мчатся навстречу танкам. Скоро подтащат и целую батарею, подбросят снарядов – можно не тужить.

Самолет, на котором я прилетел, выруливал на ровное место. Лошади от страха чуть не выскочили из ямы.

Немало хлопот доставляло артиллеристам содержание живого тягла, доставшегося им после атаки вражеской кавалерии, которая тоже была отбита.

– Танки не прорвались, кавалерия и подавно, – говорили солдаты.

Оказывается, крупный конный отряд под покровом тумана пробрался через болотистые рукава Сиваша и атаковал наши позиции.

Бойцы встретили кавалерию должным образом. Пулеметчики подпустили врага на расстояние ста – ста пятидесяти метров и обрушили на конницу шквал огня.

Не достигнув переднего края, гитлеровцы повернули назад. Многие из них полегли на поле боя. Лошади остались без седоков. Вот этих-то лошадей артиллеристы и содержали в яме-конюшне.

Прошло почти полгода. За это время саперы навели мост через Гнилое море, навезли десятки тысяч кубометров земли и шестьдесят тысяч мешков с землей для укрепления дамбы. Но Сиваш вдруг закапризничал, вскипел. От восточного ветра поднялись волны, и дамбу смыло. Пришлось восстанавливать ее под непрерывным артиллерийским обстрелом и бомбежкой.

Теперь через Сиваш мы переходили по дамбе, а потом по мосту, но от этого опасность не уменьшилась. Однажды мы с Кайсыном Кулиевым подошли к переправе. Посмотрели на зенитчиков, охраняющих переправу, – сидят спокойно. Значит, налета не предвидится. Зашагали дальше. Но едва достигли середины, как загрели выстрелы, и тут же – бомбовый удар. Пришлось прыгнуть в воду. И на этот раз не удалось перейти море сухим...

По усилившемуся движению войск мы догадывались о

предстоящем наступлении. Кулиев писал:

*Глотая сухую колючую пыль в просторах степных,
Мы пойдем вперед.
Пыль Турецкого вала неся на шинелях своих,
Мы пойдем вперед!
Мы пойдем вперед!*

В начале апреля грянули бои на участке соседней армии – на Перекопе. Войскам пришлось брать долговременные сооружения. В глубине обороны противника Ишунские позиции – орешек, который не сразу расколешь. За зиму враг укрепился еще больше, надеясь сделать Крым надежным плацдармом в нашем тылу.

Начало наступательной операции я наблюдал с КП стрелкового полка. Передний край противника проходил в полутора километрах. В это апрельское утро немцы, видимо, не подозревали о готовящемся ударе. Мы напряженно смотрели на часы. Через несколько минут начнется артподготовка – извержение пламени и металла.

На нашем плацдарме шириной в двенадцать и глубиной в восемь километров негде было гильзе упасть – всюду войска и боевая техника. А к началу наступательных операций по двум понтонным мостам, охраняемым истребительной авиацией и мощной зенитной артиллерией, переправились через Сиваш новые подкрепления.

Мы были уверены: никакие доты и дзоты не спасут фашистов. На крымской земле хозяевами будем мы, в небе – тоже мы, на море уже затянута петля на шее запертых в Крыму гитлеровцев. Близость победы мы ощущали, как соль Сиваша на губах.

В небе описали дугу сигнальные ракеты. Пора! Взревела земля. Вздогнул от грохота весь наш плацдарм. Передний край противника в один миг расцвел белыми, свинцово-серыми, желтоватыми колокольчиками.

В глубине вражеских позиций вспыхивает слабый ответный огонь, то тут, то там словно кто-то пытается зажечь спичку на ветру.

В бой вступили «Иваны Грозные». Из котлованов вылетали рокочущие термитные снаряды и, описав дугу над сплошным облаком дыма, рвались где-то далеко, сотрясая землю. Все тоннуло в сплошном грохоте.

Еще не закончилась артподготовка, как в небе появились самолеты. Они летели в три этажа: внизу «ИЛы», «летающие танки», выше – пикирующие бомбардировщики, а над ними истребители, то взмывающие высоко вверх, то снижающиеся к

самолетам, которые они прикрывали.

Огонь артиллерии по сигналу был перенесен в глубину обороны противника. Настало время атаки. Вперед двинулись танки, за ними – пехота.

Казалось, что все живое в стане врага смешано с землей – перемолото! Но передний край противника вдруг ожил: застрекотали пулеметы, автоматы, заговорили пушки, молчавшие до сих пор.

Мне пришлось вместе с батальоном форсировать вброд один из рукавов Сиваша. Опять мы хлебнули соленой воды. Батальон атаковал немцев с тыла. Бесчисленные рукава Гнилого моря перепутали карты и нам и противнику. Мы уже не знали, где враг, а где наши.

Немцы понимали, что, если мы прорвем оборону, деваться им из Крыма некуда. Наш флот имел на Черном море явное преимущество. Выбора у противника не было: или погибнуть здесь, или через некоторое время кануть в морскую пучину. Потому и сопротивлялся враг отчаянно. Через три дня оборона немцев была взломана на всю глубину.

Гитлеровцы, теснимые и со стороны Керчи и Перекопа, откатывались к Севастополю. Наши войска преследовали их по пятам.

Мы с Сергеем Зыковым спешили в освобожденный Симферополь. Там оставались мать и тетка Сергея. Живы ли они? В самом начале войны они уехали из Москвы в Крым, думая, что там будет спокойнее. Целых два года Сергей ничего не знал о них и был готов к самому страшному.

Полдня мы носились по дымящемуся городу от развалин к развалинам, от центра – на окраины, с окраин – в центр. Безрезультатно. И вдруг, уже потеряв надежду, неожиданно напали на след. Какая-то женщина дала нам адрес, сказав, что раньше они жили там. Мы помчались по этому адресу, но вместо дома нашли руины. Кто-то дал нам новый адрес, в другом конце города. Добрались, остановились у небольшого одноэтажного, с высокими окнами, дома. Пожилая женщина, стоя на подоконнике, мыла единственное уцелевшее в оконной раме стекло.

Сергей Зыков на миг замер. Женщина посмотрела на меня, потом на него и продолжала мыть окно.

– Мама! – вырвалось у Зыкова.

Женщина вскрикнула, уронила тряпку и залилась слезами. Сергей, как пушинку, снял мать с подоконника. В дверях показалась еще одна женщина. Она взмахнула руками, запричитала. Это была тетка Сергея.

Мать все не могла поверить своему счастью, ощупывала сына, вглядывалась в его лицо. Из соседних домов и подвалов выходили женщины. От радости за соседку, дождавшуюся сына, они плакали.

Я смотрел на женщин и думал, сколько матерей разлучила война с их сыновьями, дочерьми, близкими и родными. Если и моя мать, пережившая испытание войны, дождется меня, то встреча будет такой же.

Но не все матери дождутся своих детей. Предо мной возник образ многострадальной женщины Соломии Ивановны, с кото-рой мы только что расстались в Джанкое, где еще дымятся руи-ны после жаркого боя.

Соломия Ивановна и ее муж Федор Александрович Танковский, лишившись жилища после очередной бомбежки, попросились на батарею к краснофлотцам.

Старик подносил снаряды, выносил раненых с поля боя, а в дни затишья был «старшим кто куда пошлет». Старухе тоже хватало дел: то зашивала и штопала, стирала, разогревала пищу, а если удавалось найти продукты, готовила. Моряки ели и хвалили: «Борщ пахнет домашним уютом». Артиллеристы старую женщину ласково называли «мать».

Когда северная часть Севастополя подверглась массированному артобстрелу, Соломия Ивановна пошла проведать свою дочь и зятя, которые жили на окраине города. Она шла вдоль бухты, мимо северного дока «Голландия», Сухарной, Бензостроя. Дома, которые выросли на ее глазах, были превращены в груды развалин. Старуха торопилась, чуя сердцем беду. Так оно и случилось, – в живых осталась только дочь.

Соломия Ивановна вернулась к краснофлотцам. Немцы захватили северную часть города. Бой не затихали ни днем, ни ночью. Над городом висели черные облака. Началась эвакуация. С каждым часом становился ощутимей недостаток боеприпасов. Старик и старуха занялись сбором гранат и патронов. Они искали их по ходам сообщений, забирали у тех, кому они уже не нужны, и подносили тем, кто еще сражался.

Севастополь пал. Погиб старик. Соломия Ивановна осталась одна. Она видела, как краснофлотцы, прикрывавшие эвакуацию войск, скрылись в тоннеле недалеко от Бензостроя. Немцы попытались захватить последних защитников города, но жестоко поплатились за это. Очередные попытки стоили им новых жертв. Тогда гитлеровцы решили замуровать тоннель с обеих сторон. Под прикрытием танков они сначала забаррикадировали вход, затем стали сверху засыпать камнем и песком.

Вдруг Соломия Ивановна услышала песню. Это пели заживо похороненные защитники Севастополя. Из глубин неслись слова:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.*

*Идет война народная,
Священная война.*

Теперь Соломия Ивановна ждет и не дожидается того дня, когда освободят Севастополь. Первое, что она сделает, – это пойдет к тоннелю поклониться своим сыновьям, которые называли ее матерью, и возложит первые крымские цветы, взращенные победной весной.

Я смотрел на счастливых женщин и думал о своей матери.

Бои за Севастополь достигли апогея. Сергей Зыков, Кайсын Кулиев и я выезжали в район Мекензиевых гор, где готовился прорыв.

На КП полка мы разделились. Я с Сергеем отправился в подразделение, а Кайсына оставили поговорить с командованием.

На Крымские горы спустились вечерние сумерки, когда мы вернулись с передовой. Наши записные книжки были полны интереснейших записей. Надо было спешить в редакцию, но пришлось задержаться. Пока мы лазили в окопах, Кулиев на КП получил ранение. Шальная пуля пробила ему правое бедро. Мы отвезли Кайсына в госпиталь.

Много раз мы с Кулиевым оказывались в сложных переплетах и выходили из них невредимыми, а теперь наши фронтальные дороги разошлись...

Семь дней не прекращались бои за Севастополь. Нужно было сокрушить неприступные оборонительные пояса. Наша артиллерия превратила скалы, а вместе с ними и железобетонные укрепления врага в щебенку. С моря били корабли, с воздуха город бомбила авиация. Из лесов вышли партизанские отряды и присоединились к войскам.

Нашим частям предстояло овладеть одной из самых мощных и неприступных крепостей. Генеральный штаб рейха хорошо понимал значение Севастополя и не помышлял о его сдаче.

В день штурма Сапун-горы я был в долине горной речки Черной. Перед нами высилась длинная гряда гор, склоны которых чуть тронула нежная зелень.

Казалось, там никого нет – так искусно были вделаны в скалы тысячи бойниц и амбразур. Но стоило только пошевелить веткой, как горы начинали реветь и рычать, изрыгая смертоносный металл. Предстояло форсировать речку и штурмовать Сапун-гору, начиненную оборонительными укреплениями.

Парторг одного из батальонов раздобыл в каком-то клубе длинную красную скатерть. В праздничные дни этой скатертью накрывали стол президиума. Из нее сделали несколько флажков и раздали их штурмовым группам. Пусть каждая из них стремится первой водрузить свое знамя на Сапун-горе.

Наши бойцы захватили небольшую высотку, простреливаемую со всех сторон. Дальше двигаться невозможно – навстречу обрушился град пуль и снарядов. Бойцы втискивались в расщелины скал, долбили камень, вгрызались в известняк. Захваченную высотку назвали «зернышком».

Итак, впереди Сапун-гора. Она напоминала вулкан, охваченный со всех сторон клубящимися облаками. Из ее недр извергался огонь.

С наступлением темноты начался штурм. Бойцы капитана Разуваева, герои Сиваша, первыми достигли вершины Сапун-горы. Они водрузили там знамя победы. Противник обрушил на штурмующих всю мощь своего огня. Но тщетно. Высота, которую немцы в сорок втором году штурмовали много месяцев, была взята в течение суток. Штурм Сапун-горы по праву считают одной из блестящих страниц в истории Отечественной войны.

Враг был деморализован. Мощные укрепления трещали под нашими сокрушительными ударами. Никакие истеричные приказы Гитлера не могли продлить дни обреченных его войск. Вражеская оборона была прорвана почти одновременно в нескольких местах. В прорыв хлынули три армии. Враг, спасаясь бегством, устремился на мыс Херсонес. Его неотступно преследовали танки, кавалерия, стрелковые части. Бой неожиданно вспыхивал и тут же угасал.

Севастополь, истерзанный боями, походил на воина-богатыря, победившего в смертельной схватке. Изодрана стальная кольчуга, на шлеме – вмятины от сабельных ударов, с меча стекает кровь. И все-таки он великолепен в своей ратной устойчивости. У ног его грозно плещется море, катит тяжелые волны.

В потоке войск, запрудивших улицы, я ищу танкиста, гвардии лейтенанта, одним из первых ворвавшегося в город на «Т-34». О его бесстрашии уже ходят легенды.

Солдаты рассказывали: его танк носился по Сапун-горе, круша и сметая вражеские доты, брал любые склоны, перелетал через расщелины скал, искусно маневрируя под ураганным огнем противника. Стальная машина то редела, взбираясь по крутому склону, то, укрывшись за скалой, выискивала цель, чтобы неожиданно налететь и уничтожить. За гвардейским танком двигались автоматчики. А когда прорвали внутренний обвод, танк первым ворвался в город, наводя ужас на противника.

Солдаты и офицеры, штурмовавшие город, проявили поистине массовый героизм.

Написал я в газете и о стрелках, пробравшихся к немецким минометчикам, которые вели огонь с высот Исторического бульвара. Немцы в панике бросились к бухте, где их факельщики пытались поджечь склады с военным снаряжением и продоволь-

ствием. Но стремительно спустившиеся с гор бойцы затушили огонь.

Неожиданные удары по врагу наносились со всех сторон. Гитлеровский обер-лейтенант, руководивший минированием вокзала, был застигнут на месте преступления и взят в плен. В порту, пытаясь эвакуироваться морем, спешно грузились немцы. При появлении наших самолетов они прятались в трюмах, а на палубе оставляли женщин и детей, чтобы ими прикрываться от ударов авиации.

Земля еще не остыла от боев. Город дышит тяжело. Где-то идет бой, слышатся взрывы, выстрелы. На горе торчит скелет знаменитой Севастопольской панорамы, взорванной немцами. Но деревья бульвара, засыпанные кирпичом, машут зелеными ветками, шелестят листвою.

Жмуясь от майского солнца, из щелей, подвалов, бункеров выходят люди. С пристани бегут женщины, которых немцы не успели угнать. Они бросаются к солдатам, целуют их. Все радостны, взволнованы.

В город входят герои боев. Среди них ветеран войны старший сержант Константин Калинин. В сдержанной походке, немногословии, задумчивом взгляде – во всем уверенность воина. Калинина так и называют: «мастер боя». Он пришел в часть рядовым и сразу расположил к себе командиров подтянутостью, дисциплиной, исполнительностью.

Рядового Калинина назначают пулеметчиком. Во время первого же боя он уложил немало вражеских солдат. И вот награда: медаль «За отвагу». Потом его ставят командиром отделения. И это ему по плечу. А в трудном бою, когда командира взвода не стало, принял на себя командование.

Рядом с медалью на груди героя появилась новая боевая награда – орден Славы.

Командир дивизии, вручая орден, сказал:

– Родина гордится тобой!

Наши бойцы буквально вгрызались в оборону врага, отвоевывали метр за метром. Отделение Константина Калинина оказалось отрезанным от роты. Бойцы в горячем бою не заметили, как оторвались от своих. Патроны кончились, а немцы контратакуют. Командир без суеты, молча ищет по траншеям боеприпасы. И вдруг натывается на ящик с лимонками. Это уже спасение. Раздал гранаты. «Без команды не бросать!»

Бойцы отделения не только отбили контратаку, но еще захватили два вражеских пулемета и ленты с патронами. Пулемет незнакомого образца, как из него стрелять?

Константин Калинин осмотрел пулемет со всех сторон, пощелкал замком и показал бойцу, как стрелять.

– Только зря патроны не трать. Патронов к нему нам не под-

везут, – сказал он.

После этого случая каждый приходил к Калинин у за кон-сультацией. Не было случая, чтобы он не разгадал секрет ору-жия. Бывало, и свои пулеметы приносили на ремонт.

Первая ночь на крымской земле была памятной. Целый день бойцы вели неравный бой. Немцы хотели во что бы то ни стало сбросить в Гнилое море смельчаков, отважившихся перейти его вброд, и захватить плацдарм. Во взводе осталось всего один-надцать человек.

– Может быть, пользуясь ночной темнотой, податься на-зад? – не выдержал кто-то.

– Куда? На дно Сиваша? – спросил Калинин. – Пока хоть один из нас жив, будем защищать рубеж.

Утром снова бой. Осталось только восемь человек. Они от-били все атаки врага. Бойцы верят своему командиру, гордятся им. Никого он не оставит в беде.

При штурме Сапун-горы Константин Калинин то полз к доту со связкой гранат, то вел отделение на штурм высоты. И здесь он завладел вражеским минометом и тут же обратил его против гитлеровцев.

Из строя выбыл командир взвода. Калинин заменил его. По цепи передали: командир роты ранен. Калинин принял на себя командование ротой. В числе первых его рота оказалась на ок-раине Севастополя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и за проявленное при этом героизм и отвагу старшему сержанту Калинин у Константину Николаевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Со стороны мыса Херсонес доносилась артиллерийская канонада. Это добивали врага, пытавшегося спастись бегством. Авиация не оставляла у обезумевших гитлеровцев никаких надежд на спасение. Корабли противника, объятые пламенем, уходили на дно моря. Только клубы черного дыма напоминали, что несколько минут назад морской пучиной проглочен еще один корабль. Вражеский флот, шедший на выручку обречен-ным войскам, сам попал в открытом море под смертельный ура-ган огня. И с воздуха, и с моря.

Из города можно было видеть наши бомбардировщики, пи-кировавшие на темные точки военных кораблей противника. Это, конечно, видели и гитлеровцы, скопившиеся на мысе Херсонес. Они держали руки поднятыми вверх и не решались опустить раньше, чем их возьмут в плен.

И вот две колонны пленных, сливаясь на узкой горной доро-ге в одну, заканчивают свой бесславный путь, напоминая две внушительные реки.

Мы с Калининым остановились на Корабельной улице. Ми-мо нас проходила бледная, изможденная женщина. Казалось, она не видит ни майского дня, ни ликования людей. Губы ее плотно сжаты, пустой, безразличный взгляд. Я заговорил с ней.

– Как вам тут жилось?

– Жилось?! – Услышав гул самолетов, она застыла на месте, побледнела, губы ее задрожали.

– Не бойтесь. Наши.

Оказывается, женщина боится гула самолетов не случайно.

В мае 1942 года, когда гитлеровцы осаждали город, немецкая бомба разрушила ее дом, под развалинами погибли дети.

– Старшего звали Женей, – говорила женщина, как будто с трудом вспоминая. – Второго звали... – она наморщила лоб, у переносицы образовались складки, из глаз полились слезы, – Второго звали Вовой. Пятый годок шел... Сереже исполнилось три. Самая младшая девочка, Людочка. В одну могилу всех...

– А муж?

– Муж был корабельщиком. Гестаповцы заподозрили его в связях с партизанами и арестовали.

Увели из тюрьмы в закрытой машине, больше ничего ей не удалось узнать. В закрытой – значит обратно не жди...

Дальше говорить женщина не могла, слезы душили ее. Она взглянула на Калинина и, увидев сверкающие на солнце ордена, бросилась к нему, судорожно обняла, стала целовать ордена, захлебываясь в плаче:

– Освободитель наш! Родные звезды советские. На минуточку бы воскресли мои деточки...

Утешать женщину мы не смели. Калинин стоял, боясь шевельнуться. Его награды были окроплены материнскими слезами. Сколько нужно было еще совершить ратных подвигов, чтобы сполна отомстить за слезы всех матерей! Улицы, бульвары, площади, набережные Севастополя наполнились музыкой. Ветер подхватывает ее и несет далеко в горы, в синие дали моря.

День великолепен, небо ясное. На митинг, посвященный освобождению города, пришли севастопольцы, отважные партизаны, воины армии и флота.

На празднично украшенную трибуну, поставленную на центральной площади города, поднимаются прославленные советские военачальники, полководцы и рядовые, генералы и офицеры, партийные и советские работники!

Появление командующего фронтом генерала Толбухина участники митинга встречают бурей аплодисментов, с которой могут спорить лишь морские волны, приветствующие берег белыми фонтанами водяных брызг. Тысячеголосое «ура» прокатывается над руинами героического города.

Овеянные боевой славой войска, которые вел Толбухин дорогами воинской доблести и отваги, приветствуют своего полководца.

Ничто не может остановить неудержимо рвущееся из сердец русское солдатское «ура!», в котором выражены радость победы, гордость за землю свою и великое чувство исполненного воинского долга перед Родиной и народом.

Командующий говорит:

– Севастополь не мог стать городом немецкой стойкости. Севастополь был, есть и будет городом славы русского оружия.

Эти слова тонут в ураганном «ура!».

Немцы не хотели уходить из Крыма. Они шли на любые жертвы, чтобы сохранить за собой главный Черноморский военно-морской порт Севастополь, который является и первоклассной крепостью.

Гитлеровцы в течение длительного времени совершенствовали оборонительные сооружения вокруг Севастополя, но для удержания его в своих руках у них не хватило духу и на пять дней.

Севастополь в 1942–1943 годах возвестил миру о несокрушимом боевом духе, мужестве и отваге тех, кто его защищал. Теперь город славы русского оружия возвестил миру о неукротимом натиске, мощном наступательном порыве воинов Советской Армии.

После освобождения Севастополя мы оказались в глубоком тылу. Война откатилась к западным границам. В войсках, отведенных на отдых, царило торжество, вручались боевые награды освободителям Крыма. Из Москвы приехали концертные бригады. Куда ни поедешь – праздник.

Не забыли и тех, кто в эти дни оказался в госпитале. Награды вручались прямо в палатах.

Все были опьянены тишиной, сердца переполнены чувством торжества победителей.

Враг был разгромлен. За пять недель в Черном море у берегов Крыма было потоплено сто девяносто одно вражеское судно, уничтожено около двухсот танков и самоходных орудий, пятьсот самолетов. Пятьдесят тысяч гитлеровцев нашли свой бесславный конец в Крыму. В плен захвачено более шестидесяти тысяч вражеских солдат и офицеров.

Как-то мы заехали в Бахчисарай. Единственный глаз бахчисарайского фонтана смотрел сурово. Казалось, за годы оккупации и он выплакал все свои слезы. Ханский дворец напоминал разоренный очаг, в котором последние угли былого жара дотлевали в золе. Экспонаты музея разграблены, а то, что уцелело, разбросано по углам, как хлам. Лишь высокие зеленеющие топо-

ля звонко шелестели, стараясь своими верхушками выглянуть из глубины ущелья, окруженного со всех сторон отвесными скалами.

Войска получили новое пополнение, боевую технику, гото-вились к новым боям. Правительства Советского Союза, Вели-кобритании и Соединенных Штатов обратились к спутникам гитлеровской Германии и напомнили, что они еще могут прекратить пагубное сотрудничество с Германией и содейство-вать победе союзников.

Война подходила к концу. Наши войска захватили плацдарм на правом берегу Днестра, северо-западнее Тирасполя. Еще рывок – и война перенесется на земли гитлеровских спутников.

– Куда нас теперь? – думали мы. Догадки были разные, но большинство шло к одному – к границам Румынии, Венгрии. Точнее сказать никто не мог.

Начались войсковые смотры. На одном из них был и я. Смотр проводил командующий армией. К этому дню войска тщательно готовились. Воины-победители должны были продемонстрировать свою боевую выучку, готовность к новому ратному труду, показать выправку, чеканный шаг, осанку.

Все волновались.

Перед невысокой трибуной, украшенной цветами, проходят войсковые подразделения. Играет оркестр. Солдаты строго, торжественно чеканят свой шаг.

Смотришь на солдат, и душа наполняется гордостью. Да, только они могли форсировать Гнилое море в осеннюю стужу, захватить плацдарм и прорвать фронт, только они могли сокрушить сильнейшую оборону гитлеровцев на Сапун-горе.

Идут красиво, гордо, с достоинством. Идут стрелки, артиллеристы, минометчики, разведчики, саперы, санитары. На груди – ордена и медали.

Вот идет сапер, которого прозвали скалолазом. В боях под Севастополем он продемонстрировал удивительное мастерство альпиниста, проникнул в боевые порядки врага по отвесным скалам и перед носом гитлеровцев обезвреживал мины. За ночь со своими товарищами он проделал проход в минном поле, а утром штурмовой отряд захватил вражеские позиции.

Свой батальон ведет знакомый комбат, ветеран войны. На лице – следы смертельной схватки с врагом: рубцы от штыкового удара, осколочного ранения. Он улыбается, и светом озаряется мужественное лицо. У комбата неизменное правило: «Остановился на день – окапывайся на год». А секрет его удач – мгновенная реакция на изменение боевой обстановки. Враг прорвался, бей его в спину, подставил бок – пересчитай ему ребра, заботься о герое, карай труса. Вот его неписанный боевой

установ. И сейчас видно, что он позаботился о своих героях. Его солдаты вышли, словно на свидание с любимыми девушками.

Кстати, и о девушках. Вот одна из них. Невысокого роста, светловолосая и миловидная. Она идет со своим батальоном. Девушку включили в группу захвата, когда разведчики отправлялись за языком. В бою был ранен разведчик, сестричка пере-вязала ему рану и вынесла в безопасное место. Ее товарищи доставили трех «языков».

На смотре и комсомольцы. Вот молодой боец, водрузивший красный флаг на одной из высот у Севастополя. Рядом с ним такой же безусый герой, который под ливнем пуль забрался на крышу севастопольской гидростанции и установил флаг.

После торжественного марша войска выстроились. Вдоль строя проходит командующий. Он строг и требователен. Его острый глаз видит все.

Говорят, скажи, кто твой друг, я скажу, кто ты такой. Если чуть перефразировать, поговорка подходит и к солдату: покажи свое оружие, я скажу, какой ты воин. Оружие – первый друг бойца.

Командующий берет автомат, осматривает внимательно, возвращает оружие.

– Масленка есть?

О, эти масленки. Только опытные старшины обычно запасаются ими.

– У кого есть шомполы, поднимите руки.

Бойцы поднимают.

– Покажи.

Тот, кто сумел воспитать в людях бережливость, аккуратность, заботливое отношение к оружию, не краснеет перед генералом. Командир обязан в любой обстановке добиваться того, чтобы у бойца оружие было безотказным.

– Молодцы! – похвалил командующий тех, кто сохранил масленку, протирку, шомпол.

В армии, тем более в боевой обстановке, мелочей нет.

Все орудия в порядке, вычищены до блеска. Генерал заглядывает в зарядные ящики и вынимает оттуда свежие цветы.

– Почему?

Артиллерист смущается, но признается. По дороге на парад девушка преподнесла. Жалко выбросить. Командующий берет из букета цветок и прикалывает его к груди бойца. Тот счастливым улыбается во весь рот, словно к его гимнастерке прикрепили орден.

Командующий идет все дальше и дальше вдоль строя. В конце колонны обоз. На повозках тяжелые пулеметы, минометы.

– Запасные колеса есть?

– Есть.

А вот ездовой не брит. Почему? Где старшина? Ездовой приводил лошадей в порядок, купал, чистил, расчесал гривы, хвост, сбрую приводил в порядок, а о себе позаботиться не хватило времени. За этим непорядком открывается и другой: в отделении нет ниток, пуговиц, чистых подворотничков.

– Чтобы завтра все было!

– Есть, чтобы завтра все было.

Командиры записывают все замечания генерала. Командующий обращает внимание на состояние коней. Надо, чтобы лошади были в теле. Но дело не только в корме, но и в отношении к животному. Плохая лошадь может сбавить темп на марше. Ведь надо идти и идти до самого Берлина...

– У кого лошадь и боевая техника блестят, у того и дела блестящие.

Боец пытается скрыть ржавчину на уздечке, прячет ее в гриве лошади, но командующий и это замечает.

Генерал заканчивает смотреть.

– Нас ждет трудная дорога. Готовиться к ней каждый день, каждый час. Совершенствовать боевую выучку, изучать опыт.

К вечеру командующий уезжает.

Прибалтика

Из Крыма освободившиеся войска перебрасывались на новые направления. Эшелоны петляли, чтобы сбить с толку разведку противника.

Наша армия двигалась в Прибалтику. Туда же следовала и редакция армейской газеты.

В пути стало известно: англичане открыли второй фронт. Наконец-то. Долго тянули, но лучше поздно, чем никогда. Толки были разные.

Эшелон остановился где-то в Центральной России, на небольшой станции, за которой виднелась деревня. Спускались сумерки. К поезду стали подходить женщины. Ударил гармонь. Кто-то пошел в пляс. Все говорили о близком конце войны, мечтали о мирной жизни. Женщины жаловались, что в деревне нет ни одного взрослого мужика, одни мальчишки. И с фронта, видать, воротятся немногие – почти в каждой семье получена похоронка.

– Может, кто из вас захочет приехать к нам? Милости просим, – говорит одна.

– Работать не заставим, – подхватывает другая. – По

хозяйству все будем делать сами. Живите в свое удовольствие...

А тут и команда звучит:

– По вагонам!

И вот уже удаляется, как будто убегает назад, маленький полустанок.

В нашем редакционном вагоне ехала дворняжка Тобик. Ничем не примечательная собака, подобранная нами в Донбассе. С тех пор чего с ней только ни бывало! Она ездила с корреспондентами на «виллисе». Много раз попадала под бомбежки и артобстрелы. Во время переправы через Сиваш свалилась в море. В Крыму ее где-то забыли, и пришлось потом посылать за ней «нарочного». А позже, уже в немецкой деревне Гришинау, Тобик вдруг сбежал с какой-то немецкой овчаркой, но вскоре был обнаружен на складе трофейного продовольствия и возвращен этапом к месту постоянного жительства.

С тех пор у Тобика появилась фамилия – Гришинауский. А за благородство и опрятность – Тобик никогда не переступал порог, не облизав лапки и не приведя в порядок свою белую с желтыми пятнами «шубу», – мы произвели его даже в дворянское достоинство: к фамилии прибавилась приставка «де». Полный титул его звучал так: «Ефрейтор Тоби де-Кобельтон Гришинауский».

На ошейнике он носил немецкие ордена. Самые разнообразные, какие только удавалось мне раздобыть у полковых разведчиков. Вплоть до генеральских.

– Что за заслуги у собаки? – спрашивали посторонние.

Приходилось сочинять легенды.

О необыкновенных фронтовых приключениях Тоби де-Кобельтона Гришинауского мы писали и своим детям.

Моя дочь в письмах, которые она диктовала матери, просила, чтобы я не забыл взять Тобика с собой, когда буду возвращаться домой.

В редакции существовал «Дневник Тобика». Туда записывали всякого рода происшествия, наклеивали смешные фотографии. Однажды сфотографировали, как песик загнал на дерево кошку и лает на нее. Под снимком сделана подпись: «Тобик, начитавшись передовиц майора С. П. Зыкова, допрашивает подозрительную особу».

На летучке редактор как-то сослался на эту запись. И на другой день в дневнике появилась новая: «Тобик, держи хвост трубой, тебя цитирует сам редактор».

Любили Тобика, однако, не все. Сотрудники редакции разделились на две группы: тех, кто заботится о Тобике, и тех, кто не терпит собак. Первых называли «тобикистами», вторых –

«антитобикистами». Я считался лидером «тобикистов».

На двери комнаты, где мы устраивались с Зыковым, обычно вывешивалась табличка: «Квартира майоров С. П. Зыкова, А. П. Кешокова и ефрейтора Тоби де-Кобельтона Гришинауского».

«Антитобикисты» называли Тобика неуважительно – «блохоносец». Мало того, они сочинили легенду, будто Тобик не ест свинины (он действительно не ел американского бекона) потому, дескать, что Алим Кешоков обратил его в мусульман-скую веру.

Однажды в редакцию приехала авторитетная комиссия. Услышав, что у нас существуют «тобикисты» и «антитобикисты», она насторожилась: нет ли в коллективе групповщины, мелочных склок? Когда председатель комиссии осторожно поставил этот вопрос на общем собрании, поднялся смех. Все посмотрели в мою сторону – рядом со мной невозмутимо восседал Тобик.

Людей в суровой фронтовой обстановке радовало живое существо, которому можно было отдать избыток душевного тепла.

Ну вот и закончился наш вояж по железной дороге. Мы снова на фронте.

Наши войска освободили город Паневежис. Противник не оказал серьезного сопротивления. Бой не длился и двух часов.

Стремительное наступление Советской Армии помешало немцам вывезти огромные запасы сахара, скопившегося на складах местного сахарного завода. Спohватившись, они решили разбомбить эти склады. Уютный городок содрогался от взрывов фугасок, ослепительно ярко вспыхивали зажигательные бомбы.

Жестокая бомбежка загнала и меня в бункер под городской площадью, в котором еще недавно гитлеровцы прятались от нашего огня. Огромный этот бункер был теперь битком набит женщинами и детьми вперемежку с военными. Темная утроба принимала всех. Люди пробирались вглубь ошупью.

Вдруг кто-то завопил:

– Немцы!

Я выхватил пистолет и ринулся к выходу. Думал, немцы под прикрытием авиации опять ворвались в город.

Наверху не понять, что творится, – идет ли бой, или по-прежнему продолжается бомбежка: гремят взрывы, звенит битое стекло, со всех сторон – зарево пожарищ.

Вслед за мной выскакивают испуганные женщины. Показывают на бункер:

– Там немцы.

Ничего не понимая, я бросился обратно. Оказалось, что двое

немецких солдат еще утром забрались сюда, напились до чертиков и заснули. Их часть давно покинула город, а они все давали храпака. Даже бомбежка не разбудила. Растолкали их женщины, теснившиеся в темноте, стали возмущаться:

– Ишь, развалились тут! Персональный, что ли, бункер?

Кто-то зажег электрический фонарик, увидел, что это гитлеровцы. И завопил от неожиданности.

Наши солдаты, сидевшие в бункере, бросились к немцам и разоружили их. А после бомбежки доставили в штаб своего полка.

Когда мы выбрались из бункера, я ожидал увидеть Паневежис в развалинах. Сколько тонн бомб обрушилось на него! Но город оказался почти целым. Лишь кое-где дымились пожары. Даже сахарный завод не очень пострадал. Уцелел и заводской склад.

Я присоединился к батальону, двигавшемуся на запад.

На привале похвастал перед комбатом, что карту читаю, как стихи. И почти не преувеличивал!

Батальон пробивался через леса, и комбат охотно принял мою помощь. Я был очень горд этим. И день и два мы шли без боя, преследуя ускользавшего врага.

Выбравшись из лесного массива, решили сделать привал на хуторе. Измученные долгим маршем, бойцы буквально валились с ног. Была ночь, сырая, холодная и глухая. На хуторе тягостная тишина, он точно вымер. Мы с комбатом устроились на сеновале.

На рассвете нас разбудили. Охранение донесло: в километре от нас немцы, тоже дрыхнут.

Комбат поднял батальон, и под прикрытием трех танков атаковали врага. Немцы не успели организовать оборону. За полчаса бой кончился. Мы захватили полсотни пленных и какие трофеи! Шесть тягачей с прицепами, полными награбленным имуществом, в том числе музейными экспонатами. Много продовольствия. А у старшего из немецких офицеров обнаружили шкатулку с драгоценностями: перстнями, брошами, золотыми цепочками, изделиями из янтаря. Пришлось оставить на хуторе двух бойцов, чтобы охраняли все это до подхода трофейной команды.

Из трофеев комбат отобрал для себя лишь прекрасную топографическую карту, обнаруженную в сумке того же немецкого офицера. На карте были обозначены все здешние дороги, даже проселочные. Дата изготовления карты подтверждала, что Германия готовилась к этой войне давненько.

Желание вести батальон и дальше, теперь уже по немецкой топографической карте, было очень велико. Но мне пора было возвращаться в редакцию.

Я вышел на пролежавшую невдалеке шоссеиную магистраль, стал поджидать попутную машину. Меня окликнули:

– Товарищ командир!

Обернулся – вижу, подходит женщина. Лет сорока, худощавая, светловолосая, с серыми глазами, в которых легко читалось, как много ей пришлось пережить.

– Не зайдете ко мне? У меня к вам важное дело, – сказала она.

Секунду поколебавшись, я направился за ней к сараю. Оттуда выбежали двое ребяташек, вцепились ей в юбку, не сводя с меня испуганных глазенок.

Женщина успокоила их и привела меня в сарай, усадила на табурет, назвала свое имя – Мария Васильевна Николаева. Рассказала, что батрачила здесь на хуторе, пока хозяин не бежал вместе с немецкими войсками.

Затем шагнула к железной кровати и подняла одеяло. Под ним я увидел красное бархатное полотнище с золотым шитьем. Надпись говорила сама за себя – это было полковое знамя.

– Кому отдать его? – спросила женщина. – Третий год храню.

Я помог ей связаться со штабом нашей армии и написал очерк о том, как это знамя попало к Марии Николаевой и как она три года хранила его, каждый день рискуя и собственной жизнью, и жизнью своих детей.

Завязались затяжные бои с так называемой курляндской группировкой немецко-фашистских войск. Проведя весь день на передовой, я, как обычно, к вечеру направился в редакцию. Попутной машины не попадалось. Долго шел пешком. Моросил мелкий, осенний дождь. Густел туман.

Решил свернуть на какой-нибудь хутор и заночевать там. Хутора попадались часто, но всюду было полно военных.

От одного хутора я шагнул к другому. До редакции оставалось не так уж далеко, но совсем стемнело и грязь по колено.

А, была не была! Решительно переступил порог какого-то сарая. Зажег спичку – тоже полно людей. Лежат вдоль стен вповалку, а посередине рядком, попарно, – сапоги. На сапогах аккуратно развешаны портянки. Я даже удивился: вот, думаю, как вышколил их старшина!

Присел с краю, чуть-чуть потеснил спящего. Тот только ткнул меня кулаком в спину и что-то пробурчал беззлбно. Я расстегнул шинель, высвободив правую руку (левый рукав снимать не стал, чтобы левая нога, заменяющая матрас, не ушла из-под бока), расслабил пояс, надвинул на глаза фуражку, сунул под голову полевую сумку и сразу уснул. Показалось с устатку, что спал недолго, а уже кто-то трясет за плечо. Открываю гла-

за – что такое? Кругом девушки! Смотрят и смеются.

– Волк в овчарне!

– Ночью забрел!

– Знал же куда!..

Оказывается, набрел я впотьмах на полевую почту. Потребовали предъявить документы. Подчинился. Редакцию нашу здесь знали. Состоялось знакомство. Меня даже завтраком угостили.

Последняя военная зима. На других направлениях фронт давно передвинулся на территорию Германии. А мы застряли в Прибалтике: более тридцати немецких дивизий держали жах-тыми в железные клещи между Тукумсом и Либавой.

Корреспонденты армейской газеты вдоволь намотались за эту зиму по лесам и болотам Латвии.

Наонец в Прибалтику пришла неторопливая, но по-своему прекрасная весна. Я выгачил из вещмешка черкеску, башлык, кавказский пояс, кинжал.

– Гусар! – посмеивался надо мной Зыков.

– Красавец! – вторил ему Аксельрод.

Они и не подозревали, что вырядился я для девушки, встреченной на соседнем хуторе. Родом она была из Риги, в советское время училась там в институте, а с приходом немцев укрылась здесь и до сих пор пасла коров.

Прекрасная «пастушка» плохо говорила по-русски, но с удовольствием слушала русские стихи и мои рассказы о Кавказе. Звали ее Леонтина. И я очень жалел, когда вдруг в одно тихое апрельское утро наша редакция перекочевала в другое место.

Наступил май, не стало Гитлера, капитулировал берлинский гарнизон, и немецко-фашистским войскам, прижатым к морю между Тукумсом и Либавой, ничего не оставалось, как последовать его примеру. Дальнейшее сопротивление было бессмысленным.

Я находился на передовой, когда наблюдатели заметили над окопами противника трепетавшее на ветру белое полотнище. Комбат немедленно донес об этом по телефону, сам встретил немецких парламентаров. Из полка и дивизии примчались переводчики.

Парламентаров направили вскоре обратно вместе с нашим майором; он должен был вручить ультиматум немецкому командованию.

Ультиматум был принят, и вся курляндская группировка немецких войск, в которых оставалось еще более ста восьмидесяти тысяч солдат, свыше восьми тысяч офицеров и сорок два генерала, сдалась на милость победителей. Капитули-

ровавшие части должны были выстроиться в походные колонны и во главе со своими командирами прибыть в определенные пункты по тщательно разработанному графику.

Но жизнь внесла в этот график свои коррективы. Немецкими солдатами овладело нетерпение; не дожидаясь установленного приказами часа построения, они брали белые флаги и толпами шли в нашу сторону. Нашему командованию пришлось приложить немало усилий, чтобы призвать педантичных немцев к порядку.

Заметив недалеко от Либавы бастион, на котором развеялся белый флаг, мы с командиром батальона подкатили туда на редакционном «виллисе».

Навстречу нам вышел дежурный унтер-офицер и молча повел к своему командиру. Тот вытянулся и отрапортовал:

– Батарея морской зенитной артиллерии в составе четырех орудий к сдаче готова!

– Сколько наших самолетов сбили? – задал я вопрос, не без труда подбирая немецкие слова.

За командира батареи ответил по-русски фельдфебель:

– Нол! Толко нол.

Однако немолодой лейтенант не счел возможным из трусости отказываться от «боевых заслуг».

– За все годы войны – во Франции, Польше и Прибалтике – батареей сбито двадцать два самолета, – доложил он, стараясь быть точным.

Теперь ему хотелось поскорее сдать свою батарею. Лейтенант был явно огорчен, узнав, что не мы должны принимать ее капитуляцию.

В Либаву я вошел с передовыми частями. Наши стрелки старательно держали равнение в строю, гремела боевая походная песня. А навстречу – немцы. Тоже походными колоннами. Без песен и оружия, но со свистом. Рота за ротой, батальон за батальоном. Командиры – впереди. Замыкают каждую колонну штабные машины, а за ними следуют походные кухни с дымящимися трубами.

Наши солдаты посмеиваются:

– Вот вам и дранг нах остен.

Один из немецких офицеров, не поняв шутки, спрашивает:

– Далеко ли до Сибири?

Видя направленный на него фотоаппарат, пытается улыбнуться, поднимает приветственно руку.

На рукаве у него нашивка «Завоеватель Крыма», а у нас на груди медали «За оборону Севастополя». Символично!

Я пристально всматривался во все детали этого редкого зрелища. Пленных за четыре года войны повидал множество.

У них всегда был жалкий вид. Если в шинели, то без хлястика, если в кителе, то в грязном и без пуговиц. Небритые, нечесанные. А здесь совсем иначе выглядят. Словно готовились к праздничному параду.

Но это был парад побежденных.

– Газетир попался. Иди посмотреть, если хочешь, – позвал меня офицер из разведотдела штаба армии, мой земляк.

Я не сразу понял, о чем он. Какой «газетир»?

– Немецкий журналист, – пояснил земляк.

Пленных я видывал самых разных, но гитлеровского газетчика встречать не приходилось. Я охотно принял приглашение.

В обычной жилой комнате, занятой разведотделом, в ожидании допроса нервно переминался с ноги на ногу высокий немец. Он был в армейской форме, но без знаков различия. Чисто выбритое лицо, холеные пальцы.

Был этот «газетир» из фашистской газеты «Националь-цайтунг фон гау Эссен». Взглянув на его нервные руки, я невольно подумал: сколько грязных строк, полных лжи, бахвальства и жестокого цинизма, накатали они! Его перо наделало, пожалуй, не меньше зла, чем автоматы в руках эсэсовцев.

Мой земляк назвал его «газетиром» не случайно. В 1760 году, когда русские войска вошли в Берлин, генерал Чернышев приказал выпороть на площади всех прусских «газетиров» за клевету на Россию и русскую армию. Вопли писак: «Виноват Фридрих II, мы исполняли его волю!» – не помогли.

Теперешний гитлеровский «газетир» трусливо поглядывал на автомат конвоира, захлебываясь, говорил о гнусности фашистских руководителей, о том, что фюрер – властолюбивый маньяк, бездарный ефрейтор, а Геббельс – лжец, интриган, распутник. Он клялся, что рядовые немцы не участвовали в преступлениях и даже не знали о них, что это – дело рук эсэсовцев.

А я, слушая его, вспоминал белорусский лес. На двух берегах, стоявших рядом, была распята девушка. Обнаженное, словно вылепленное из белого гипса, тело, голова упала на грудь, и ветер треплет густые черные кудри.

Измученное пытками девичье лицо вопило: страшней того, что я пережила, не бывает!.. Березы, словно боясь причинить боль мученице, покачивались осторожно, тихо шурша листвой.

Попадись «газетир» в руки союзников, его речам, может быть, и поверили бы. Но мы слишком хорошо помнили об истерзанной фашистами советской земле, о миллионах людей, замученных гитлеровцами, о слезах женщин и детей, которые могли бы наполнить русла рек с самыми высокими берегами.

В июле 1945 года мне с Гоффеншефером товарищи устроили проводы. Мы были первыми в редакции, кто возвращался домой, к своим родным и близким, к своему мирному ремеслу.

Я чувствовал себя счастливым, и в то же время какая-то горечь отравляла это ощущение счастья. Вспоминался яркий майский день, когда Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия уходила на фронт. Сколько сердечных слов было сказано, сколько слез пролито! Многие ли вернутся домой? Что сказать родным и близким тех, кто никогда не вернется? Какие найдешь слова? Я представлял себе, как их матери и жены будут завидовать моей матери, моей жене.

До Риги мы добрались на грузовике. Явились в Союз писа-телей Латвии, где все начиналось сначала. Писательской орга-низации еще не было, но литературная жизнь налаживалась.

Нам помогли приобрести билеты на поезд. И вот мы уже в вагоне.

На железной дороге не осталось ни одного целого вокзала. Иногда лишь колокол, подвешенный к столбу, напоминал о том, что здесь была станция. Вместо нее – живые развалины. Живые потому, что из-под груды кирпичей торчат дымящиеся трубы. А за ними – землянки, землянки, землянки...

От Москвы и Ленинграда, от волжских берегов и кавказских вершин до самого логова врага земля опалена дыханием войны. На стенах домов, на бортах грузовиков и танков, на снарядах – всюду люди писали: «Берлин!» Это слово пылало, жгло, торопило нас вперед. Тот, кто брал в руки оружие, клялся дойти до Берлина. И тот, кто провожал родных и близких на фронт, заклинал бойцов дойти до Берлина

И наконец дошли. Свершилась высшая справедливость: первый снаряд на улицы Берлина послали ленинградские артиллеристы; на груди у бойцов, первыми ворвавшихся в гитлеровскую столицу, горели медали «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы».

Советская Армия сломала хребет фашистского зверя, и это произошло в семьдесят пятую весну со дня рождения Ленина.

Ничто не может заглушить ощущения торжества победы. Оно распирает душу, колеса нашего поезда четко и часто отбивают – «По-бе-ди-ли, по-бе-ди-ли, по-бе-ди-ли!»

Их перестук уносит меня на Кавказ, в родные края. Там ждут меня. Там дела, прерванные войной. Я уже послал из Риги телеграмму с одним-единственным словом: «Еду».

Ясное небо словно приподнимается, чтобы уставшей от войны земле дышалось легче. Спешит поезд, уносящий меня домой. А мне еще видится праздничная Москва с ее небесными коврами салюта в вечерних сумерках, слышатся горячие застольные слова фронтовых друзей и вспоминаются тягостные минуты молчания...

За окнами вагона пляшет лето. Березы ведут хоровод. На встречу, словно лихие джигиты, пригнувшись к земле, мчатся деревья. Вблизи ферм пасутся поредевшие за войну стада. По берегам рек – пулеметные ячейки и окопы, ходы сообщений. Всюду созревают хлеба, подсолнухи большими золотистыми чашами с оранжевой каймой пьют августовское солнце.

Поезд «Москва – Баку» состоит из пяти или шести вагонов. Самый последний, в котором я еду, следует до Нальчика. Его отцепят на станции Прохладная, где меня встретят родные и близкие.

На вторые сутки доехали до Ростова.

Я не могу оторвать взгляда от изуродованного войной вокзала. Девять долгих февральских дней длился жестокий бой за освобождение этого города... Я был в числе тех, кто ворвался в город со стороны Аксайска. На многих улицах и до сих пор груды кирпича, стекла и металла.

Дон проехали медленно, чтобы не развалился мост. Стыки укороченных после восстановления железной дороги рельсов подгоняют громыхающие вагоны: «То-ро-пись. То-ро-пись, то-ро-пись!» Паровоз зычно и вдохновенно бросает в дремлющие купы деревьев: «Едууу!» Белесые облачки пара повисают над пожухлыми травами.

Чем ближе подъезжаешь к предгорьям Кавказа, тем больше волнение. Остановки кажутся мучительно долгими. Разрывы между звонками перед отправлением – целая вечность.

«Будешь торопиться – опоздаешь», – гласит кабардинская половица. Так оно и вышло. Сломалась ось единственного вагона, следующего до Нальчика. Об этом мы узнали, когда поезд тихо ушел, оставив наш вагон на станции Минеральные Воды.

Пассажиры всполошились, не понимая, что произошло.

Я готов был идти до Нальчика пешком через Пятигорск – сто двадцать километров по грунтовой дороге, но сразу предоставил себе, как будет волноваться на станции Прохладная мои родные. Они и так забегают вдоль ушедшего состава, когда в нем не окажется вагона, который я указал в телеграмме. Объявят ли железнодорожники о случившемся тем, кто нас ждет?

Чтобы успокоить меня, сосед рассказывает о превратностях

послевоенного движения поездов. Оказывается, скорый «Ба-ку – Москва» на станции Харциск по расписанию стоит три часа. Этого времени вполне достаточно, чтобы сходить на базар, купить свежую рыбу, сварить уху у какой-нибудь хозяйки и по-обедать.

Через несколько часов ось вагона была все же восстановлена, и нас прицепили к следующему поезду (им оказался товарный).

Наконец станция Прохладная. Взглянул в окно, вижу, бегут мои родные – жена и старшая сестра. Слышу их голоса:

– Вот он, вагон «Москва – Нальчик»!

Я метнулся к выходу. Мы встретились в тамбуре...

Невезучему нашему вагону и здесь предстояло простоять всю ночь в ожидании нальчикского поезда. Но это не очень огорчило нас. Эту встречу мы ожидали четыре долгих года, а переждать теперь ночь на станции – пустяки. Мы сели у железнодорожного полотна. Перед нами во мгле горели сигнальные огни. Это напоминало бахчу, где в густой темно-зеленой ботве светятся разноцветные плоды.

Мы вспомнили Рашида, который любил повторять: «Не люблю трех вещей – паровых котлет, сварливых женщин и станцию Прохладная». Для этого у него были свои причины. Любивший всю жизнь шашлык из вяленой баранины, он не знал вкуса паровых котлет. Относительно сварливых женщин вряд ли брат был оригиналом. А неприязнь его к станции Прохладная объяснялась просто: воры, конокрады и всякого рода уголовники, против которых он боролся, будучи начальником Управления уголовного розыска, проникали в Нальчик или исчезали из него через эту станцию.

Всю ночь мы не сомкнули глаз, говорили и не могли наговориться. С восторгом слушал я рассказ – воспоминания старшей сестры Хамсад о смелых поступках двух моих средних сестер, Марьяны и Таужан, в дни оккупации. Таужан помогла освободить из концлагеря Исмаила – сына деда Баляцо, друга нашей семьи.

Исмаил, участвуя в эвакуации одного из советских учреждений, был схвачен гитлеровцами и брошен в концлагерь, созданный в октябре 1942 года. В этом лагере оказались пленные воины, а также партийные и советские работники, попавшие в руки гестапо.

Узнав о том, что Исмаил в концлагере, дед Баляцо безутешно рыдал, закрыв лицо папахой. На его старшего сына Галима уже давно пришла похоронка. Некому будет продолжать род, не стало сыновей. Две дочери не в счет. Они давно держательницы огня в очаге чужих домов.

– Надоумь, сестра, что делать, как спасти сына, – старик

смотрел на нашу мать глазами, полными отчаяния. Капли слез блестели на его огненных усах, длинные руки свисали вдоль тела, как перебитые крылья птицы.

Баляцо уже съездил в концлагерь, который находился на территории прохладненского совхоза, в глухой безводной степи. Кабардинцы называли лагерь «уо», то есть загон для скота. Это, пожалуй, очень точное название, потому что за оградой из колючей проволоки, которой обнесен лагерь, не было никаких строений. Тысячи обреченных на гибель людей валялись в грязи под дождем и снегом.

Старику не дали поговорить с сыном, но он твердо знал: Исмаил там. В лагере дневной рацион составлял два кукурузных початка. Один выдавали утром перед отправкой на работу, другой – вечером. По ночам на подводах вывозили трупы и сбра-сывали их в противотанковый ров. Среди охранников были «добровольцы» из военнопленных, жестокие, лишенные чувства жалости, потерявшие человеческий облик. В народе о них говорили: хашховитля, то есть собакоголово-бычьеногий. Не «уо», а ад на земле.

– Не охрана, а лезвие бритвы – прикоснуться нельзя! – сокрушался старик.

У Таужан созрел план. Она всегда была фантазеркой. Мать не раз упрекала ее: твоя дерзость – поводырь для беды.

– Подступиться ни к кому я не мог. Звери на двух ногах, – безнадежно махал рукой Баляцо.

Мать предложила обратиться с просьбой к сельскому бургомистру, пусть напишет на казенной бумаге, мол, так и так: Браев Исмаил – безобидный человек, простой колхозник, никому не делал зла, не состоял ни в каких организациях. Пусть укажет, что он даже в кооператив членские взносы платил неисправно. С этим письмом идти в город к властям, к немецкому коменданту или к гражданской администрации.

Но кто будет все это делать?

Таужан предложила свой план. Надо раздобыть побольше самогона. Сделать гомилю: побольше закуски, наварить кур, наготовить кукурузных лепешек, мамалыгу и поехать в лагерь. Там, где есть полиция, самогон найдет щель к черствым сердцам. Надо подкупить охрану, задобрить ее...

Баляцо займется бумагой и самогоном, женщины – приготовлением закусок. Когда все будет готово, старик и Таужан поедут в лагерь. Марьяна, старшая после Хамсад, была главной в доме, она понимала всю опасность и не хотела отпускать сестру.

*На могиле девушки ставится белый флаг.

– И так меч висит над нами. Один брат на фронте, другой тоже... Отец коммунистом был. Дай только повод, всех нас за ночь прикроют, как цыплят корзиной. В доме восемь женщин. Лишь один – семилетний Миша, брат Надежды, вправе носить папаху. Как ты смеешь идти туда, откуда возврата нет? А мы? Ты думаешь о нас? – горячилась Марьяна. Мать поддержала Марьяну.

Таужан уже была на подозрении у местных властей, потому что отказалась записаться в танцевальный ансамбль, который создавался по распоряжению сельского бургомистра. Она нашла убежище у дальней родственницы и домой заходила редко.

Таужан не послушалась, поехала вместе с Баляцо в концлагерь освобождать Исмаила. Мать, узнав об этом, всплеснула руками:

– Ищи теперь материал на белый флаг*. А где искать ее могилу?

Старик и Таужан так и растворились в осенних туманах. Прошел день, второй – о них ни слуху, ни духу. А они даром времени не теряли, заводили знакомство с лагерной охраной, старались задобрить ее, угощали самогоном.

Наконец нашелся один охранник, который обещал помочь. Ему отдали весь самогон и закуску. Старик сунул за пазуху охраннику даже пачку денег, завернутую в грязный платок. Только бы не обманул. Охранник был труповозом. Еще засветло он заставлял узников укладывать на подводу трупы. А когда темнело, отвозил их в противотанковый ров и возвращался за новой партией. Бывали случаи, когда туда сбрасывали и «доходяг», то есть еще живых. Все равно, мол, погибнут. Бежать некуда, кругом степь.

Полицай обещал:

– Я вывезу его вместе с трупами, брошу в ров. А дальше дело ваше. Попадется на глаза – всем быть во рву.

На третью ночь, когда сырой туман лег мокрой пеленой на лагерь, полицай вывез Исмаила, спрятав его среди трупов. Баляцо и Таужан, заложив двуколку, ждали этого часа. Как только подвода, на которой возили окоченевшие трупы, прогромыхала в обратный путь, старик заспешил ко рву. Таужан осталась на двуколке.

В полночь они втроем повернули в сторону гор. Может быть, туман никогда не был так кстати, как в ту ночь. Баляцо шел пешком впереди двуколки, искал дорогу. Таужан правила лошадью, а Исмаилу они приказали лежать под сеном и не шевелиться.

Исмаила увезли в безопасное место, где его можно было выходить. Он еле передвигал ноги, едва выговаривал слова. Старик с трудом опознал во рву сына. Исмаил был весь обросший, ват-

ник в грязных лохмотьях висел на нем, как рваная кольчуга.

Еще до рассвета Таужан пошла к своей родственнице, у которой она скрывалась, а Баляцо поспешил домой, чтобы порадовать свою жену.

Почти до полуночи рассказывала Хамсад о злоключениях своей сестры Таужан. Второй половины ночи оказалось мало, чтобы поведать о страданиях Марьяны. Она, бедняга, словно в воду смотрела, когда говорила о мече, висящем над нашей семьей.

Шалушинский бургомистр, видимо, раньше других узнал, что у немцев рухнул фронт под Моздоком и Орджоникидзе. Он решил прихватить с собой побольше денег и бежать вместе с отступающими немцами. Бургомистр наложил на несколько семей контрибуцию. Сумму определял сам. Он вызвал мать и заявил: «Клади мне на стол пять тысяч рублей или ты будешь висеть на тополе в собственном дворе. Срок – двадцать четыре часа».

– Пять тысяч. На рубль меньше будет – не возьму, – пригро-зил он.

Мать подумала: немецкий приспешник знает, что столько денег ей неоткуда взять и просто хочет найти предлог, чтобы расправиться с ней.

– Я понимаю, тебе нужен повод, – сказала она, – чтобы когда-нибудь аульчане за этот произвол не плевали тебе в глаза. Вешай меня, я ведь все равно не соберу столько денег. Устами твоих детей прошу тебя только об одном – не трогай моих детей. За ними нет вины.

Бургомистр не повышал голос, и тем страшней были его слова:

– Все вы одинаковы и висеть будете на одном тополе. Всех вас ждет могила, если не положишь вот сюда пять тысяч рублей, – бургомистр огромной ладонью стукнул по столу.

Мать вернулась домой и рассказала детям. Надежда предложила, не теряя времени, откопать одежду, которую они запрятали от немцев, и продать ее. Это она брала на себя. А мать и Марьяна пусть идут по родственникам, соседям и знакомым занимать деньги. Мать отвергла это:

– Зачем? Чему быть, того не миновать. Бургомистру не деньги нужны. Внеси сегодня эти деньги – он найдет другой повод.

Пока в доме лили слезы и спорили, пришел полицей и забрал Марьяну. Бургомистр этим хотел доказать, что он не шутит и свою угрозу осуществит. Теперь и маленькие и большие взмолились: ищи деньги, отведи беду. И мать пошла по соседям и родственникам...

Марьяну бросили в подвал магазина бывшего сельпо. На

улице лежал мокрый снег. Из промозглого подвала через решетку Марьяна видела лишь ноги редких прохожих и полицаев, караулившего ее. Девушке не давали ни пить, ни есть.

Матери вместе со снохой удалось за сутки наторговать, занять, выпросить, выплакать четыре тысячи девятьсот двадцать рублей. Не хватало восьми червонцев, а искать уже времени нет. Куоз понесла деньги к бургомистру, надеясь освободить свою дочь-заложницу. Она, как этого требовал бургомистр, положила деньги на стол. Тот, не пересчитывая, сгреб кучу замуколенных, скомканных мелких купюр и запихал их в ящик стола.

– Только восьми червонцев не хватает, – некстати призналась мать и тотчас об этом пожалела.

Бургомистр обрадовался случайно оброненной фразе. Он даже просиял.

– Скрыга. За веревку, что я буду накидывать вам на шею, удержала? Сколько душ вас – восемь? Восемь червонцев. Не дорого ли берешь за петлю? Веревка-то бесплатная. – Бургомистр оставил ящик стола открытым, звериными шагами подошел к матери, и, выхватив из кобуры пистолет, ударил ее в висок рукоятью.

Мать глухо застонала. По щеке побежала струйка горячей крови. Она ожидала этого и в душе укоряла себя за то, что послушалась детей и принесла деньги. Бургомистр давно вил для нее веревку. Она это знала, поэтому, прежде чем идти сюда, помылась, оделась в чистое белье: по кабардинским правилам покойника моют и заворачивают в белый саван. Разве полицаи об этом подумают, снимут с тополя и бросят в общую яму.

Неожиданно из смежной комнаты вышел человек в форме немецкого офицера. Бургомистр, желая выслужиться перед ним, снова замахнулся на мать. Но немецкий приспешник остановил его, выяснил в чем дело. Может быть, эта сцена заранее была задумана. Офицер приказал отпустить женщину. Мол, недостающие восемь червонцев за женщину внесет он сам.

Матери не разрешили даже идти мимо магазина, где томилась ее дочь, взятая под залог.

– Твоя дочь не стоит и восьми червонцев. Ну ладно, у тебя нашелся покровитель, уважаемый человек, – сказал бургомистр. Он не мог знать, что охранник, карауливший Марьяну, ночью сорвет замок и освободит девушку, видимо, в надежде, что это ему зачтется, когда придут свои.

Это был последний день немецкой оккупации...

Кончилась ночь. Потухли сигнальные огни на железной дороге. Рано утром пришел нальчикский поезд, и приземистый паровозик покатиł нас. Дорога к белым горам, обступившим

Кабарду полукругом, пошла на подъем. Поезд, состоявший из нескольких дачных вагончиков и одного спального, все замедлял и замедлял бег.

Родные продолжали рассказывать мне о пережитом. Несладко жилось в гитлеровской неволе. Жизнь висела на волоске, как осенний плод на ослабевшем черенке. Малейшее дуновение ветра – и упадет с дерева. Я восхищался их бесстрашием. Даже самые маленькие – Хамсина и Аслахан не испугались, когда вместе с Мишей Лопуховым, братом Надежды, пошли в лес за дровами и встретили там вооруженных людей. Это были партизаны. Они расспросили детей о немцах, и те с радостью рассказали все, что видели и слышали. Девочки и семилетний Миша знали немало. В подвале средней школы – склад оружия, ящики с автоматами, патронами и гранатами.

Партизаны поблагодарили детей и велели никому не говорить об этой встрече, даже матери. Через несколько дней гитлеровцы всполошились: из подвала школы исчезло оружие. Бурго-мистр устроил по домам повальный обыск, но ничего не нашел.

Шестьдесят пять дней гитлеровцы терзали мою Кабарду, но ни одного дня они не чувствовали себя хозяевами, не отваживались углубиться в окрестные леса и горы. Даже в аулах гитлеровцы боялись ночевать. Как только наступали вечерние сумерки, они спешили в Нальчик, чтобы утром снова вернуться и чинить расправу над мирным населением.

В начале января 1943 года, когда советские войска прорвали фронт, немцы заторопились выбраться из возможного Кавказского котла. Новый год был встречен боевым артиллерийским салютом, бомбовыми ударами с воздуха по отступающему врагу, ликованием измученных людей, вызволенных из неволи, воплями отчаяния гитлеровских приспешников.

Ранним утром, когда немцы, побросав повозки и машины (мост на их пути ночью был взорван), спасались бегством, к матери зашли военные, только что спустившиеся с гор. Они уже знали, что происходило в ауле за эти два месяца оккупации.

– Выложи все об обидчиках-односельчанах, – обратились они к старой женщине, натерпевшейся немало от злых людей. У нее было на кого пожаловаться и что сказать. Правда, главари местной власти сбежали, но остались еще и те, кто вольно или невольно помогал им. Ничего она не забыла. Соль от слез на щеках еще не выветрилась.

«Кожа на мне изрешечена бедами» – любимая поговорка матери. Она сказала:

– Моим односельчанам меня хоронить. Мне ли с ними сводить счеты? Пусть обидчики ходят в одежде из пламени от угрызения совести.

Мать не выдала обидчиков не потому, что простила все обиды. Пусть другие будут у нее в долгу. В этом ее философия, и переубедить ее было невозможно.

– Да обернется молоко матери болезнью в их желудке, – больше ничего она не сказала.

Со своими недругами мать по-своему сводила счеты. Едва немцы оставили аул, побросав оружие, лошадей, фургоны, продовольствие, мать обнаружила у своих ворот ящики с минами. По незнанию она выбросила мины, а ящики взяла себе. В эту минуту пришел сосед, служивший полицаем у бургомистра. Он принес вяленый бок. Это был тот самый человек, который несколько раз отводил ее в сельскую управу. Он начал издали:

– Куоз, дорогая, я знаю, давно твои дети не ели мяса. Вот возьми. Только не сердись! Ты совесть всего аула, великодушная соседка. Корова своих телят не убивает, пощади и ты меня. Я ведь ничего худого не делал...

Мать встретила его слова бранью:

– Мясо-хасап (дохлятину) предлагаешь?! Иди, догоняй своих господ, им на дорогу оно пригодится. Убирайся с моих глаз. Кожа на твоём лице – не человеческая, содрана с собачьей морды. Да будет аллах моим врагом, если ты сейчас не догонишь умерших год назад. – Мать выхватила из ящика мину и ударила ею бывшего полицая. Удар пришелся по плечу.

К счастью, мина не взорвалась.

О вяленом мясе мать нет-нет да и вспоминала. Со времени смерти отца в нашем доме не было недостатка. Оставшись с пятью малолетними детьми, мать еле сводила концы с концами, а иногда и сводить-то не удавалось.

Осенью 1941 года, когда в доме не осталось ни зернышка, мать отправилась в соседний аул к дяде – вернулась с пустым мешком. Милостыни ждатель было неоткуда. Если соседи дадут лепешку – дели ее на пять ртов.

Ничего не оставалось делать. Мать выдвинула из-под деревянной кровати старый, кованный железом сундук, в котором она привезла когда-то приданое. На дне его хранились для счастливого дня женский кавказский пояс и нагрудник. Чтобы не умереть с голоду, пришлось продать самое дорогое и сокровенное.

Вернувшись домой с фронта, я еще многое узнал о судьбах моих родных и близких, знакомых и товарищей, испытавших черные дни оккупации.

На фронте мы нередко обсуждали сводки Совинформбюро. Долго повторялась фраза «На Северном Кавказе бои идут в районе Нальчика», и я радовался: стоят мои соплеменники, не сдаются врагу. Я не думал тогда, что линия фронта проходит

где-то в восьмидесяти километрах от столицы республики.

В родном ауле двухэтажная школа встретила меня пустыми глазницами. На месте клуба с двухсветным залом, построенного в самый канун войны, была груда развалин. С наименьшей болью в сердце отозвалось, когда увидел и пустое место, где стояло гигантское грушевое дерево возле кладбища. Корни этого дерева настолько разрослись в земле, что под его раскидистыми ветвями образовался холм, похожий на круглый стол, за которым могло разместиться с сотню людей. В осенние дни холм был весь усеян спелыми кисло-сладкими грушами, они доставались мальчишкам, выгонявшим коров в общественное стадо рано утром. С весны до наступления холодов дерево «не пустовало». Десятки ребят, усевшись на какую-нибудь седловину – изгиб ветви, воображали себя всадниками, раскачивались и под общее гиканье и свист «неслись» в кавалерийскую атаку.

Командир «скакал» на самом верхнем суку. Часто им был Халид Апажев, черноглазый, быстрый юноша, восхищавший всех своим бесстрашием и трюками, которые он проделывал на дереве. Ему по праву принадлежал «командирский конь» – самый высокий сук, откуда обзирался чуть ли не весь аул. Усевшись на него, он воображал себя Назыром Катхановым, который ведет полки в бой. Его так и звали: «Назыр». Это ему нравилось. Он живо откликался на имя человека, бывшего в свое время командующим революционными войсками. Возможно, именно в этих играх утвердилось в юноше желание стать военным.

В 1939 году Халид Апажев добровольно ушел в армию, но попал не в кавалерию, а в танковую часть. За годы службы он добился своего – стал одним из лучших танкистов части. Встретил войну на границе...

Горькое совпадение: гигантское дерево стало жертвой войны, сгорело до корней, лишь холм, заросший теперь разнотравьем, напоминал наши ребяческие игры. Участь дерева разделил и Халид Апажев. Он погиб в бою, совершил подвиг, за который был удостоен высокой награды Родины. Халид Апажев сгорел в танке...

Облик дорог

О последствиях войны свидетельствовали автомобильные и проселочные дороги, и даже тропы вдоль горных рек. До войны было привычно видеть на дорогах быстрые, ладно сколоченные брички, которые катили две лошади, приученные мчаться галопом и в упряжи, осанистых всадников на отменных скакунах в огромных черных бурках, из-под которых выгля-

дывали лишь голова и хвост коня. Скрипучих арб было мало, а ишаков тем более. Кабардинец всегда считал для себя позорным отправляться в дорогу на ишаке. А теперь? Куда ни глянешь, ишачьи повозки или ишаки под выюком. Больней всего было видеть людей, впрягшихся в коляску. Пешеходов с кошелками в руках – вереницы. За взрослыми плетутся дети, непричесанные и голодные. Лишь изредка промчится охрипший и ободранный грузовик неизвестной марки, трофейный, переданный колхозу из воинской части. Грузовик сгоняет с дороги и пешеходов, и ишачьи повозки. Но вот что удивительно. Ишаки стали не те. Изменился их норов.

Раньше ишаков держали преимущественно горцы, живущие в труднодоступных ущельях. На них возили дрова, картофель, спускались с гор на базар. Ишак, навьюченный до предела, шел медленно, а за ним шагал его хозяин, не торопясь, словно впереди целая вечность, и напевал бесконечную монотонную песню, временами тыкая палкой в бок животного и покрикивая: «Чух-чух!» А теперь характер флегматичного животного изменился. Кабардинцы сумели за короткий срок приучить ишака к быстрой езде, воспитать несвойственную ему резвость. Соорудили миниатюрные брички наподобие тех, в которых запрягались лихие кони, подобрали сбрую, отороченную позументами. И на тебе – ишак-рысак! Новая порода. Нередко даже мальчишка, привыкший за годы войны чувствовать себя хозяином дома, лихо едет верхом. Под ним ишак мчится чуть ли не рысью. Во многих случаях ишак был лучшим транспортом, ибо на дороге – ни одного уцелевшего моста. Все взорвано.

На дорогах пленные немцы. Они восстанавливают мосты, которые сами разрушали. Работают медленно, нехотя. Некоторые из них, может быть, никогда не держали в руках лопаты и топора. Теперь им приходится осваивать профессию строителя. Пленные строят мосты и в горных ущельях, где нет-нет да прогремят бандитские выстрелы немецких приспешников, скрывающихся в горах.

Народный комиссар просвещения – так называлась моя новая должность. Оказалось, для этого назначения областной комитет партии ходатайствовал перед соответствующими организациями о моей досрочной демобилизации из армии. Не хватало кадров, а восстановление народного хозяйства стало первоочередным делом. Мне хотелось отдохнуть после четырех лет войны, навестить близких и друзей. Но пришлось немедленно приступать к работе. Еще не было официального решения о моем назначении, а сотрудники из наркомата уже приходили ко мне домой с неотложными делами.

– Хорошему коню хомут несут к стойлу, – смеялась жена.

Наша квартира. Она состояла из одной комнаты на втором этаже. В нее мы забирались по стремянке, приставленной к окну. Лестничная площадка была взорвана. На ночь стремянку прятали в комнате, чтобы кто-нибудь не прибрал ее к рукам и утром не пришлось бы прыгать со второго этажа.

Шестилетняя дочь Таня сказала:

– Папа, без тебя мы жили, как цыгане.

Надя объяснила смысл этих слов. В комнате без печки, окон и дверей, куда они поселились, было холодно, покупать дрова не на что. Мать и дочь собирали щепки, чтобы приготовить себе пищу. В печке, которую они сами сложили из битых кирпичей, огонь разводили так, чтобы он горел только под сковородкой или котелком. Вместо дымохода – кусок водосточной трубы, выставленной в окно. После приготовления пищи горячие угли собирали в утюг, чтобы сохранить на ночь немного тепла. Таня говорила «как цыгане», связывая это с рассказом о цыганах, живущих в шатрах.

Вскоре мы перебрались в новую квартиру – две комнаты на третьем этаже. Лестница была, но без перил, а лестничная площадка без света. Вечером мы поднимались к себе, держась за стенку. Один наш знакомый, как-то заглянувший к нам вечером, уходя, в темноте шагнул прямо на первый этаж. К счастью, обошлось без увечья. Чтобы не испытывать больше судьбу, я решил осветить площадку с помощью «жулика» – патрона с розеткой, который ввинчивался в обычный патрон. Девушка из «водосвета», обнаружив это, оштрафовала меня и долго воспитывала «несознательного наркома».

В моем полутемном наркомовском кабинете стоял двухтумбовый стол с остатками зеленого сукна. Стульев не было. Сидел на ящике из-под гранат. Вместо двери в кабинет – заляпанный лист фанеры, висевший на ремешках. Окна наполовину забиты фанерой или заложены кирпичом. В углу старый диван с торчачими наружу пружинами. Не сядешь без риска порвать брюки.

Была и персональная машина «виллис», но ее надо было не меньше часа таскать на волах, чтобы завелся мотор.

Машина имела «боевую биографию», исколесила тысячи фронтовых дорог, прежде чем ее передали народному хозяйству. Зимой на ней ехать далеко неммыслимо – холодно. Надо утеплить, как у других, – надставить фанерную кабину. Правда, мне удалось раздобыть старый тулуп. Я кутался в него, когда выезжал куда-нибудь. У некоторых более удачливых обладателей «виллисов» кабины были обиты черным дерматином. На сиденьях – ковровые дорожки. А у моей машины не было даже амортизаторов, на ухабах она громыхала, вызывая в ушах лай

собак.

Первая посетительница заявила ко мне прямо домой ранним утром, когда я еще спал, а жена ушла на базар. Слышу, кто-то меня будит, открываю глаза – надо мной склонилась старуха. Я даже оробел, увидев суровое, морщинистое лицо незнакомой женщины. В руке у нее арбуз. Сначала я подумал, что это сон. Огляделся по сторонам – явь. Вижу у печки детскую кровать, в ней спокойно спит моя дочь.

– Вставай, солнце взошло, – тербит меня старуха.

Увидев, что я проснулся, она отошла, положила арбуз на плиту и принялась совершать утренний намаз.

Я не мог понять, зачем пришла эта старая женщина в такую рань и как она поднялась в темноте по лестнице с арбузом в руке. Ведь на улице еще только начало светать.

Пока старуха совершала обряд омовения, я встал, оделся, умылся. Посетительница долго бормотала молитвы из Корана, не сводя при этом с меня глаз. Дождавшись удобного момента, она сказала:

– Слыхала я, ты большим человеком стал. Да вознесешься ты так высоко, чтобы твой пост был недосыгаем болезням. Да будут твои дни долгими, чтобы ты успевал дела делать раньше, чем наступит ночь. Пришла я к тебе, дай бог, чтобы я приходила впредь по радостным случаям, с печалью своей. На войне погиб мой сын – Молид. Ты знал его. Вы вместе телят пасли. Ты остался жив, а твой подпасок погиб. Значит, так аллаху было угодно. Не у меня одной сын погиб, у многих погибли. За сына мне пенсию дали – спасибо. Услыхав, что ты теперь стоишь у людей на виду, я решила спросить тебя: у Советской власти все матери равны? Объясни, дорогой. У моей соседки тоже сын погиб. Ей пенсию приписали в два раза больше. Может быть, мой Молид ростом не вышел или воевал хуже? Мне и тех денег не надо, хлеб, купленный на эти деньги, в горле застревает, если не размочишь его слезами. Скажи, почему мой Молид в полцены оценен, а сын соседки...

Дальше старуха не могла говорить. Проснулась дочь. Увидев плачущую старуху, она испугалась. Я взял ее на руки, чтобы и она не заревела.

Исполнить просьбу первой посетительницы было нелегким делом. Пришлось изучить всю биографию погибшего, искать свидетельские показания, заверять их, чтобы придать документам законную силу. Все это было сложно, потому что в канун нашествия гитлеровцев архив сожгли.

После долгих хлопот дело уладилось. Старуха осталась довольна. Ей назначили пенсию такую же, как и соседке.

На разбирательство жалоб уходило много времени.

Как-то пришел ко мне в кабинет демобилизованный из армии молодой человек. Если верить его словам, он – физкультурник, но районный отдел народного образования не принимает его на работу в школу, требует представления документов об образовании, педагогическом стаже. А этих документов у него нет.

Молодой человек горячится, видит во мне чиновника, бюрократа, для которого бумажка дороже, чем живой человек.

– Я не просто преподаватель. Я – спортсмен, участник спортивных соревнований. Смотрите!

Посетитель пытается скинуть рубаху и показать свои мускулы, а когда я жестом останавливаю его, он, недолго думая, делает стойку на моем письменном столе. Я отступаю на шаг: как бы, не дай бог, не опрокинулся на меня. А он стоит на руках, ведет со мной беседу, да еще разводит ногами, как ножницами.

Пришлось вызвать начальника отдела кадров. Посетителя это еще больше вдохновило, надо же и кадровика убедить. Он на руках сошел с письменного стола на пол и двинулся по кабинету. Я хочу его остановить, он не обращает внимания на мои слова, делает гимнастические упражнения и приговаривает:

– Смотрите, разве я не физкультурник! Смотрите, разве я не спортсмен!

Демобилизованный выдержал экзамен и получил направление в одну из средних школ. Потом оказалось, что он действительно неплохой преподаватель, быстро наладил спортивную работу с детьми, и мы отметили его в приказе.

Я понимал, как нелегко восстановить систему народного просвещения. В школах не хватало и учителей и учеников. Учебники печатать негде, типографское оборудование только начинают завозить. Все сожжено или взорвано. Немцы пустили на топку парты, школьное оборудование и наглядные пособия. То, что десятилетиями создавалось энтузиазмом, творческим трудом и средствами, щедро отпускавшимися государством, уничтожено за два месяца оккупации. Чтобы скорей поднять из руин школу, жители Второго Кызбуруна добровольно собрали десятки тысяч рублей. Многие аулы последовали примеру кызбурунцев. А как эти средства использовать, если не удастся осваивать даже государственные ассигнования: нет строительного леса, цемента, кровли, гвоздей, стекла.

– Поезжай в Москву, проси у наркома просвещения России, заодно и представишься ему, – советует мне председатель Совнаркома республики Джанхот Дзаевич Хужоков, неутомимый и удивительно изобретательный человек, целиком поглощенный хозяйственными делами.

– Мое дело – дать людям хлеб и соль, – говорит он. – Мы

ведь считаемся хлебосольным народом. А что скажут люди, если у нас не будет ни хлеба, ни соли?

Я поехал в Москву. В наркоматах, куда я обращался с той или иной просьбой, не приходилось ничего объяснять. Все понятно. Республика была оккупирована, надо помочь. Но в таком положении почти пол-России. Из небольших запасов выделили фонды строительных материалов, а в остальном, как в солдатской песне: «проявляй в бою сноровку», ищи на месте, изобретай, создавай, проявляй инициативу.

И вот однажды Хужоков собрал наркомов и сказал:

– Всем позарез нужен строительный лес. Возводим стены домов, а они без кровли разрушаются. Нечем крыть. Между тем лес есть. Он рядом. На склонах гор. Руби и спускай в ущелье, а там река подхватит его и доставит вниз. Бери, кто сколько нарубил, ставь крыши на зданиях, стели полы, делай парты, столы. Инициативу только прояви – и все будет. Я уже сделал разрядку, кому сколько лесорубов, подвод надо послать в горы на лесозаготовку.

Возражали. Лес растет в недоступных горах. Ни лошадей, ни тем более тракторов на эти склоны не поднять. А как иначе доставлять срубленный лес к реке?

Председатель неумолим. Он настоял на своем, и мы принялись за дело. Мне предстояло подготовить бригаду лесорубов, оснастить ее, найти гужевой транспорт, лошадей, которых можно использовать на вывозке леса, обеспечить людей спецодеждой, питанием и палатками. На мой зов откликнулись земляки-шалушинцы, выделили бригаду лесорубов. К ним я прикомандировал наиболее физически выносливых преподавателей физкультуры. Удалось даже купить несколько баранов, чтобы наркомпросовские лесорубы не чувствовали себя обиженными. Не пожалели муки – выпекли белый хлеб в пекарне детдома.

Лесорубов торжественно отправили в горы. Не прошло недели, как нас ошарашила весть: снежная лавина обрушилась на палаточный городок лесорубов. Подводы, которые так тяжело было поднимать в горы даже в разобранном виде, превратились в щепы, палатки и нарубленный лес оказались погребенными под снегом и камнями. К счастью, никто из людей не пострадал. После этого заманить лесорубов в горы было невозможно. Оставалось одно – заготавливать из прутьев плетни, чтобы ими накрывать школьные здания, а из белолистики или ольхи делать примитивные парты, столы и скамейки.

Послевоенный год был скуп. Поля, которые с большим трудом вспахали и засеяли, не дали урожая. Земля все эти трудные военные годы ждала живительной влаги, а впитывала в себя кровь и слезы. Бомбы, мины и снаряды терзали ее дни и

ночи. Пашни изранены окопами, валами и противотанковыми рвами.

Первое послевоенное лето выдалось засушливое. Земля поблекла, очерствела, стала неласковой и серой. Даже на склонах гор травы превратились в нечто похожее на мякину. Кабардинцы говорят: цвет бедности – серость. Земля оделась в серый цвет, как бы напоминая не столько о своей бедности, сколько об отсутствии внимания, ухода, к которым она привыкла.

В дни уборки пшеницы школьники на полях собирали колоски и вокруг токов из земли выбирали зерна, потом все собранное пропускали через триер. Из подсолнечных шляп выколачивали оставшиеся после обмолота редкие зерна. Не радовала взор и кукуруза. Надежда лишь на поливные участки. Их же было слишком мало, Терская оросительная система работала не на полную мощность. Сберечь каждое зерно, собрать все, что можно, – такова директива. Партийному и советскому активу предписано разъехаться по аулам в качестве уполномоченных от обкома партии и взять под контроль уборку урожая. Мне достался горный колхоз, поля которого располагались на склонах и вершинах гор. Туда я прикатил на грузовике.

В ауле нечего было рассчитывать на гостиницу или хотя бы на дом для приезжих. Не было даже чайной. Вся надежда на гостеприимство местных руководителей.

Под вечер, когда обо всем поговорили, заглянули в колхозные закрома, подсчитали возможности, председатель колхоза Анзор Бирсов тяжело вздохнул и развел руками, дескать, не требуй от меня выполнения плана.

– Или со мной пойдем, или будешь у луны в гостях. Деваться некуда, – с грустной улыбкой сказал Бирсов.

Я принял приглашение. Не оставаться же действительно наедине с холодной луной.

Мы поужинали по-кабардински: сыр, кислое молоко и гедлибжа – курица в сметане. Изрядно проголодавшись за день, мы не собирались «отдавать ужин врагу», как велит восточная мудрость. Пошла мирная беседа, на плите подогревается чайник и раз и два, долго присидели за чаепитием.

Бирсов вспоминал партизанские бои, рассказывал об охоте, о диких кабанах, наносящих огромный ущерб колхозу – губят кукурузу. Против кабанов выставлена охрана. Но люди, вооруженные палками, только пугают зверье.

Встали рано. Взглянув в окно, я заметил двух лошадей под седлом. Значит, поедом в горы, как было задумано вчера. Ущелье затягивало туманом.

После вкусного завтрака, я в душе благодарил судьбу, что в ауле нет чайной, и от всего сердца приветствовал щедрую и приветливую хозяйку. Подумать только, стали собираться в до-

рогу – мои калоши вымыты, сапоги начищены до блеска, а на шинели (я еще ходил в армейском обмундировании) недостающая медная пуговица заменена тряпичной. Это позаботилась о госте дочь Анзора. Война не подточила устои доброго кабардинского гостеприимства.

Чтобы добраться до кукурузных полей кратчайшим путем, надо было подняться на гору по пешеходным тропам. Так мы и сделали. По этим тропам цепочкой шли колхозники с ведрами, кошелками и сапетками. Они уступали нам дорогу. Анзор, который родился, вырос и почти состарился в этом ауле, знал всех по имени. Каждому, кого мы обгоняли на крутом подъеме, мой спутник находил, что сказать:

– Опять ты одна идешь. Что, твой огненноусый поехал менять картошку на зерно? – спрашивал он высокую, худую женщину с пустой корзиной на голове.

Или напоминал кому-то:

– Батыр, когда сдашь на ферму законтрактованного телка? Смотри, мясной скот ставим на откорм.

Иногда Анзор, не очень расположенный к шуткам, просто брал на пушку:

– Ты знаешь, кто со мной? Народный комиссар просвещения. Объясни-ка ему, почему твой сын не ходит в школу? Или ты хочешь, чтобы мой высокий гость объяснил тебе, что такое закон о всеобуче...

Знавший каждый камушек на тропе, гнедой конь под Анзором то и дело вырывался вперед, и председатель колхоза иногда не успевал договаривать.

Чем выше поднимаемся, тем прозрачней становится туман. Еще рывок, второй и – над нами чистое небо. Осеннее солнце ласково касается лица, рук. А назад глянешь – ущелье напоминает идущую по кругу чашу, наполненную до краев желтовато-серой махсымой, которая может выплеснуться из нее, если чашу передавать неосторожно. Тропы, вышедшие из ущелья, переходят в полевую дорогу. По ней тащатся вереницы арб, груженые кукурузой. Когда эти люди встали?

Подъезжаем к полевому стану – длинный дом из плетней, обмазанных глиной, под соломенной крышей. Окна заколочены или заклеены бумагой, пожелтевшей от времени. Рядом – еще дом, но поменьше. Это кухня. Там уже хлопочет стряпуха, молодая, бойкая женщина с засученными рукавами.

У полевого стана две арбы с большими сапетками, наполненными доверху кукурузными початками. Они готовы к отправке на заготпункт. Волы в ожидании погонщика лениво жуют жвачку. Я подошел к арбе посмотреть кукурузу и обратил внимание на странное явление. Из-под арбы тонкими белыми струйками, как молоко, стекал сок.

Анзор не мог не заметить это.

– Какая влажность? – спросил он бригадира.

– Влажность?.. Молочно-восковой спелости...

– Почему тогда выломали кукурузу?

– Лучше я буду снимать зеленую кукурузу, чем председатель райисполкома снимет с меня голову. Вчера чуть не зажарил меня на вертеле, – бригадир с опаской поглядывал в мою сторону. Чувствовалось, что ему не терпится пожаловаться своему председателю, хотя знает, что Анзор вопреки воле райисполкома ничего не сделает.

Подошли к кукурузному полю. Несколько женщин, не обращая на нас внимания, весело переговаривались и привычно, ловко, двумя-тремя точными движениями рук с треском выламывали кукурузные початки и кидали их в корзину или ведро.

Анзор с болью в сердце сказал:

– Зачем терзаете кукурузу? Зеленая она!

Женщины переглянулись и с ухмылкой на лице, поняв друг друга по насмешливым глазам, стали еще проворней, даже с ожесточением ломать кукурузу. Лишь одна, более смелая, с каким-то вызовом сделала шаг в сторону Анзора и, не прекращая работы, сказала:

– Зеленая?!

– А ты что, не видишь? Твой дед, отец и ты всю жизнь на кукурузе живете. Ты видела, чтобы кукурузу выламывали в такую пору?

– Анзор, ты ли это? – женщина сделала удивленное выражение. – Мой дед и отец не по директиве кукурузу выламывали, а по своему усмотрению. Зеленая! Я сама вижу, зеленая. Но начальство лучше знает, может быть, початки дозреют, пока их довезут до элеватора...

Женщины одобрительно засмеялись, видно, хотели разозлить Анзора.

– Не дозреет, а сгниет, – нарочито громко сказал бригадир.

– Что делать? – Анзор обратился ко мне. Ему не хотелось отменять распоряжения районного руководителя.

– Прекратить убирать до созревания, – к удивлению бригадира без колебания заявил я.

Случай был подходящий, чтобы доказать, что я здесь облечен особыми полномочиями. Мне и в голову не приходило, что за мой поступок придется расплачиваться честнейшему и добродушному Анзору.

Произошло это в тот день, когда я нелегально вернулся в Нальчик, чтобы решить неотложные вопросы по своему наркомату. «Нелегально» потому, что никто из уполномоченных не мог возвращаться домой до полного выполнения плана хлебозаготовки.

Анзора Бирсова вызвал к себе председатель райисполкома, указание которого мною было отменено.

Анзора приперли к стене. «Зеленое настроение» – главный пункт обвинения.

– Пока дозревает кукуруза на корню, от нее останутся только стебли, початки будут выломаны, – гневно бросал председатель райисполкома в возбужденное лицо Анзора. – Потом эти початки будут сушиться на чердаках. Этого ты хочешь? Собрать весь хлеб до единого зернышка – вот наша задача! А ты создаешь условия для расхищения урожая, прикрываешься «зеленым настроением».

Не шибко грамотный Анзор не очень-то понимал, что означают эти два слова: «зеленое настроение», но для него они звучали зловеще, вроде – контрреволюция или вредительство. Анзор пытался в свое оправдание сослаться на дымящиеся ворохи кукурузных початков, сваленные для просушки прямо на траву вокруг заготпункта. Из-за большой влажности эту кукурузу не принимали, поэтому пришлось на месте доводить ее до минимальной кондиции.

Никто из членов исполкома не поддержал Анзора. Со всех сторон нападали на него, но он ни разу не обмолвился, что это не он отменил распоряжение председателя райисполкома, а нарком просвещения, уполномоченный обкома партии. Ему грозили, что поставят вопрос о снятии с работы. Он молча выслушал все упреки, обвинения и предупреждения, а когда его спросили, что он хочет сказать в свое оправдание, заговорил:

– Клянусь, все слова, что вы сказали, похожи на отборные зерна. Каждое из них годится на семена. Большая всхожесть мысли. Я заслужил ваш упрек. Вызвал у вас справедливый гнев. Это наука мне. Люди моего возраста давно осели в своих дворах. Дальше ворот не ходят. Я с белой головой сижу среди людей, у которых и усы черные и волосы на голове черные. Если черная шевелюра орет на белые седины, значит, так и надо седовласому. Пусть он уступит свое место другому... Вы прочитали больше книг, чем волос на моей голове, а я едва умею ставить свою подпись... Но вы снять меня не можете. За меня голосовал аул. Ставьте мое освобождение на голосование. Я скажу аулу: мне пора спешиться. Я разучился ходить, потому что с утра до ночи в седле, садитесь на моего коня. Он понесет любого из вас. Дорога любит молодых и сильных...

Анзор Бирсов ушел. Никто его не остановил. Один из членов исполкома побегал следом, чтобы поддержать стремя, когда Анзор садился в седло. Это было признанием правоты Анзора.

Прошел месяц. Я снова приехал в аул. Колхозники собрали и сдали государству всю кукурузу до последнего початка, а до

выполнения плана еще далеко. Решили созвать сход и просить аульчан принести, кто сколько может, из урожая на приусадеб-ных участках.

Сразу после уборки урожая главы семей разъехались по соседним краям и областям, повезли менять на зерно дикие груши и яблоки, собранные детьми. Многие промышляли охотой на дикого кабана. Кабардинцы сами не едят свинины, но спрос на нее велик, поэтому они махнули рукой на запреты Корана. Мастера плести плетни из ивовых побегов тоже не сидели сложа руки. Они дневали и ночевали в лесах, заготавливали плетни для продажи. Те, кто разводил овец, серпами скашивали траву на труднодоступных склонах горы, привязав себя к скале. К весне охапка сена будет стоить дороже золота.

На сход пришли те, кто был дома. Люди молча глядели себе под ноги, покашливали в кулак. Бирсов особым красноречием не отличался. Он и не стремился к этому. И так всем понятно, зачем людей созвали.

Надо было сдавать не «излишки», как это бывало раньше, а делиться последним куском хлеба с теми, у кого пусты амбары, подумав о семенах, чтобы в будущем году земля была засеяна. В низовьях Терека выгорело все. Ветер заносит пыльно глубокие трещины земли, образовавшиеся от небывалого зноя.

Тот, кто растит хлеб, понимает это. Не запасешься осенью семенами, будешь весной сеять слезы. Люди понимали, что беда нагрянула общая и ее в одиночку не отведешь. Нужны коллективные усилия и персональные жертвы.

Сход не был многословным. Решение принято в суровом молчании, и это подчеркивало желание людей выстоять и в этой беде.

Война сплотила людей, их волю и действия. Голод еще беспощадней войны, и важно, чтобы люди помогали друг другу, поэтому речи были короткими, как выстрел.

Срок сдачи кукурузы тоже короткий – до вечера.

Люди расходились медленно, словно еще не всё сказали. Мы остались с Бирсовым вдвоем. В ауле тысяча двести дворов. Если каждая семья принесет двадцать – тридцать килограммов кукурузных початков – это составит в среднем триста центнеров – капля в море. Но эта капля стоит дороже целого потока.

Вдруг наши расчеты опрокинул жилистый, сгорбленный старик, лет семидесяти, привезший во двор правления колхоза два мешка кукурузы в початках – больше центнера. Хорошее начало.

Колхозный кладовщик записал фамилию, имя старика. Из уважения к его щедрости сам понес кукурузу в амбар.

– Пусть будет здоров и счастлив тот, кто съест мой хлеб, – сказал старик.

Как и я, он ходил в серой солдатской шинели. А на голове у

него войлочная шляпа. Он деловито взял ишака под уздцы и ушел. Ему навстречу уже шли женщины, молодые парни, девушки, пожилые мужчины с мешками на спине, большими корзинами на плечах, ведрами в руках – все несли кукурузные початки. Две-три семьи собирались вместе и везли свою долю на ишаке – мешок или два, но больше, чем первый, уже не сдавал никто.

Кладовщик едва успевал записывать, кто сколько привез.

Перед отъездом из аула, проходя мимо небольшого базарчика, собиравшегося по воскресеньям на несколько часов, я заметил того самого старика, который отличился своей щедростью. Старика нельзя было не узнать по пышным усам, войлочной шляпе и солдатской шинели, небрежно накинутой поверх черески. Он стоял у мешка с дикими грушами, менял ее на кукурузу.

Я попросил Анзора вернуть старику из двух мешков хотя бы один. Старик сказал: «Свои дары назад не беру».

Уроки у костра

Летом учителя не уходили в отпуск, помогали директорам подготовить школу к новому учебному году, собирали у населения по экземпляру старые потрепанные учебники. Умельцы изготавливали наглядные пособия, ремонтировали приборы. Трудней всего было со старшими классами. Не хватало не только учителей-предметников, но и учащихся. По директиве нарко-мата каждый классный руководитель должен сам беспокоиться о наборе учеников, в том числе за счет отсеявшихся ребят, чтобы класс, как это уже было, не состоял из трех-четырёх учеников.

Первый послевоенный выпуск. По республике было всего триста пятьдесят выпускников. Из них кабардинцев сорок два, точнее кабардинок, потому что юношей было не более двенадцати. Вот и все пополнение для институтов и средних специальных заведений. По аулам ездили вербовщики и искали абитуриентов. Если удавалось найти более или менее подходящего, то за него начиналась борьба. Колхоз его не хотел отпускать, потому что иногда на этом парне держалась целая отрасль хозяйства. Вербовщики били на сознательность: мол, долг каждого коммуниста – заботиться о подготовке национальных кадров. Стороны апеллировали к авторитету райкомов партии. Нередко вербовщики одерживали верх. Бывали случаи, когда в институт привозили молодоженов.

* *Аталык* – воспитатель, кан – воспитанник.

Перед началом учебного года я побывал на альпийских паст-бищах. Там среди табунщиков встречались юноши с восьми-девятилетним образованием. Приходилось ссаживать их с коней и определять в институт на первый курс. Те, у кого не было документов о среднем образовании, учились одновременно и в институте и заочно в средней школе. И все равно не удалось выполнить план набора.

Приехав в аул, я невольно оказался свидетелем необычного спора. Директор средней школы, действуя по инструкции района, отказывался принимать в свою школу ученика из другого микрорайона, обслуживаемого начальной школой. Уже немолодая, но энергичная кабардинка с горячностью убеждала, что ее мальчик должен учиться на русском языке, а в той школе нет русских преподавателей, что он не такой, как все. К нему надо относиться иначе, потому что он русский.

Русоголовый мальчик лет семи-восьми невозмутимо смотрел на однорукого директора, который, заткнув левый рукав за пояс, правой рукой резал воздух линейкой, как саблей. Сразу видно – фронтовик, кавалерист. Он был формально прав. В средней школе, куда женщина просила принять мальчика, преподавание на русском языке велось только в старших классах.

– Мальчику надо сначала закончить начальную школу. С ним же отдельно никто не будет заниматься, – сердился директор. – Если хочешь, найми ему репетитора за свой счет.

Женщина не знала, что такое репетитор. Она работала в колхозной пекарне. Ее круглые глаза выражали недоумение, несогласие и требование понять самое простое: никак нельзя, что-бы мальчик забыл родной язык. Он и так говорит на таком рус-ско-кабардинском, что все падают со смеху.

– Какой же я тогда аталык своего кана*? – воскликнула она.

– Чей мальчик? – вмешался я в разговор. Мне хотелось узнать, почему у кабардинки сын оказался русский.

– Чей? Он мой сын! – женщина шагнула в мою сторону, призывая меня заступиться за нее. – Но не из моей утробы он. Из могилы... – И женщина рассказала нерадостную историю.

Бица была стряпухой на колхозном полевом стане. Летом 1942 года колонну беженцев, тянущуюся по шоссе в сторону Нальчика, настигла вражеская авиация. Колхозники, копнившие на холмах сено, с ужасом наблюдали, как немецкие бомбардировщики, выстроившись в цепочку, пикировали на беззащитных людей и сбрасывали бомбы. Среди беженцев были и раненные воины, которые, не долечившись, ушли из госпиталей, чтобы не попасть в руки врага.

Когда самолеты улетели, колхозницы с вилами и граблями в руках побежали к дороге.

Спустя некоторое время около полевого стана оставилась подвода. Старый колхозник с белесыми усами бережно взял на руки окровавленного трех-четырёхлетнего ребенка. Бица зна-ла старика. Это был водовоз, обслуживавший тракторную бригаду.

– Умрет – похорони, – старик положил на траву в тени деревьев окровавленного мальчика. – Остальных я предал земле. В одну могилу всех. Этого тоже положил было. Но в последнюю минуту он застонал. Чуть грех не взял на душу, мог заживо его схоронить. Пусть полежит пока, недолго протянет – рана большая. Выживет – слава аллаху...

Оказывается, на дороге в колонне беженцев были подводы с детьми. Бомба угодила в одну из них, и почти никто из детей не уцелел. Раненых повезли дальше. Водовоза, оказавшегося вблизи, попросили похоронить погибших детей на кладбище. Старик исполнил просьбу.

Бица, плача и причитая, присела у изголовья мальчика. Русые кудряшки ребенка взмокли. Глазки полузакрыты. Если не присмотреться, затаив дыхание, трудно заметить признаки жизни. В откинутой правой ручонке зажат кусочек серого хлеба. Клетчатая рубашонка вся в крови, волосы слиплись. Бица осторожно повернула мальчика на бочок. Послышался слабый стон. У мальчика длинная рваная рана. Осколок угодил в шею, задел голову и лопатку. Бица пригнулась. В глубине кровоточащей раны белеет черепная кость. Притронуться опасно.

– Есть горячая вода? Обмоем рану и перевежем, – сказал старик.

– И аптечка есть. – Бица выпрямилась, вытерла слезы.

Она раздела мальчика, осторожно промыла и смазала рану спиртом, йодом. Наложила повязку – мальчик не издал ни единого стога. Встав на колени, прильнула ухом к его груди. Жизнь мальчика держалась на волоске. Женщина подняла ребенка и перенесла на свою кровать.

Так у бригадной стряпухи Бицы появился русоголовый сын. Вскоре немцы заняли аул. Полевые работы прекратились. А Бица осталась в бригадном стане в глухой степи. Она боялась возвращаться в аул с раненым ребенком. Мальчик, когда пришел в себя, все глядел по сторонам голубыми глазами, полными мольбы и страдания, временами всхлипывал: «Мама! Где моя мама?» Бица не отходила от него ни на шаг. Кормила с ложечки.

– Куйшай, хъорош малшик, ошн хъорош малшик, – Бица старается расположить ребенка к себе лаской, заботой. Она не знает, что ее слова для ребенка звучат не очень ласково. – Я – твой мама, хъорош малшик. Я – твой мама...

– Нет! Не ты моя мама! – капризничает мальчик, и глаза его

заполняются недетской злобой и слезами. А чуть шевельнется – от боли заплачет и утихнет, прикусив воспаленные губки.

Бица бежит на двор, ловит цыпленка и вместо игрушки несет его ребенку, чтобы позабавить мальчика, успокоить. Знала бы она русский язык – могла рассказать сказку. Судьба мальчика чем-то напоминает героя из кабардинской сказки о медведе и его сыне, с той лишь разницей, что в сказке мальчика, оставшегося в глухом чинаровом лесу, спасла добрая медведица, а здесь – Бица, и не в лесу, а на дороге войны. Бица, как и медведица из сказки, спрятала одежду мальчика. Кто знает, может быть, по ней настоящая мать найдет своего сына. В сказке, не сохрани медведица красной пеленки, в которой она подобрала в лесу ребенка, мать во взрослом парне-богатыре, каким стал ее сын, могла бы не признать его.

Медленно выздоравливал ребенок, еще с трудом привыкая к новой маме. Бица, заботясь о нем, забывала обо всем на свете. С фронта она уже не ждала вестей ни от мужа, ни от сына. Единственным утешением стал ей этот мальчик.

Лишь к зиме, когда вблизи полевого стана туманными ночами завывали волки, Бица решила вернуться в аул. Имя приемного сына – Костя, она произносит по-своему – Коста, а когда хотела выразить материнскую нежность, переполнявшую душу, сердечное тепло, говорила: мой Кустатин – кругом золотой. Имя Константин было слишком трудным для нее.

Немцы не долго продержались. Под Новый год вечером Бица мастерила у очага елочные украшения из лоскутков материи, картона и старой войлочной шляпы мужа. Фигурные лепешки она уже дала попробовать мальчику. Правда, настоящей елки не нашлось. За ней надо идти чуть ли не до самого Эльбруса. Вместо елки Бица воткнула в земляной пол очага кизилковую ветку. И все равно праздник получился, потому что аул всколыхнула весть: немцы отступают, наши вернулись!

Утром Бица вместе с Костей вышла встречать красноармейцев. Ей казалось, что вместе с войсками Красной Армии вернется и мать Кости и заберет своего ребенка. Она и боялась и хотела этого. Если такая женщина придет, Бица встретит ее со словами: спасла тебе сына. Возьми его. Если ты прямодушная, помни: теперь он и мой и твой. Пусть Костя будет сыном двух матерей. Бица покажет одежду, в которой мальчика привезли на полевой стан в тот горестный августовский день, расскажет, как она выходила ребенка, отвела от него смерть.

Разоренный аул снова ожил. Бица устроилась в пекарню, которую открыл колхоз. Трудно чуть свет вставать зимой и вброд переходить через горную речку. Немцы взорвали мост, а пекарня стояла на противоположном берегу. Приходилось нести на плече

еще не пробудившегося ото сна ребенка, которого не с кем оставить дома. Бица уходила в пекарню на целый день.

В трудах и хлопотах прошли годы войны. Незаметно подросток ее мальчик. Стал разговаривать с ней на редкостном русско-кабардинском языке. Бицу называет наной. Весь смысл ее жизни только в одном – вырастить сына. Где-то в глубине ее души все еще живет затаенная тревога, что рано или поздно отыщется настоящая мать Кости, заявит о своих правах. И, кто знает, получится, что она станет для него аталыком на всю жизнь. В старину кабардинцы отдавали своих детей в хорошие семьи на воспитание. Для каждого это большая честь. Если люди доверяют ему своих детей, значит, он считается достойным. Но как Бица перенесет укор, если мать Кости скажет: «Ты спасла мне сына, но ты не сберегла его материнского языка. Я не могу с ним говорить!» Этого Бица не допустит. Мальчик не должен забывать родной язык. Если он – сын двух матерей, пусть знает два языка.

– Может, определить его в детский дом? – неосторожно предложил я компромиссное решение. – Там с первого класса преподают все на русском языке.

– Костя уйдет от меня, когда я буду в той могиле, откуда его принесли.

Я попросил директора принять мальчика в школу и организовать индивидуальные занятия с ним по русскому языку.

В круглых мечтательных глазах женщины вспыхнул благодарный свет, лицо ее посветлело. Бица подтолкнула мальчика к столу:

– Запиши его на мою фамилию...

Сколько же детских судеб вывернула наизнанку война!

Борьба за спасение детей, оставшихся без родителей, была самой неотложной, особенно для работников народного образования, комсомола и милиции. Детей подбирали на вокзалах, автостанциях, на молочно-товарных фермах, куда они приходили попить молока, чтобы потом скрываться в пещерах. Иногда детей доставляли в наркомат просвещения настолько истощенными и изнуренными, что они не в состоянии были даже плакать. Наши сотрудники бегали домой за молоком или бульоном, чтобы подкрепить детей перед отправкой в детский дом. Скрепя сердце овдовевшие многодетные матери сами привозили своих детей: спасайте, они нужны Советской власти.

Один из детских домов находился в глубоком ущелье, окруженном со всех сторон высокими горами, покрытыми девственными чинаровыми лесами. Я приехал в этот детский дом.

На здании заметны следы войны. Ни окон, ни дверей. Вместо печей груды кирпича, а на дворе снег. Уроки проводились у костра, который разводили в классе на каменном полу. Вход в

помещение завешен войлоком, циновкой или байковым одеялом. В темных комнатах ряды кроватей. Тихо. Войдя в спальню, я хотел спросить: «Где же дети?» Вдруг зашевелились одеяла на кроватях. Из-под них выглянули детские головки. На каждой кровати по два, а то и по три человека. Дети вылезали из постелей, услышав голоса незнакомых людей.

Директор детдома, старый учитель Батыр Богатыжев делал все, чтобы одеть и согреть сотню разутых и раздетых детишек. Он изворачивался, искал способы, чтобы накормить воспитанников, а об уюте пока трудно говорить. Мало воспитателей и обслуживающего персонала, нет даже повара. За пятерых работала жена директора, ласковая и внимательная Сакинат.

Мы осмотрели хозяйство детдома: хлев, где было несколько дойных коров, баню с прачечной, конюшню. Встретив мальчишку с насупленными черными бровями лет тринадцати в ватнике с оторванными по локоть рукавами и шапке-ушанке, напяленной на голову задом наперед, я узнал Куку. Верней, директор детдома показал его мне движением головы. Кука не ходил на занятия, целиком посвятил себя заботам о лошадях. Директор детдома еще не очень доверял ему, боялся, как бы «конюх» не увел лошадь.

– Ну, будущий следопыт, в лес не ходишь больше? – спросил я и поправил шапку-ушанку на голове мальчика.

Кука сузил глаза и посмотрел на меня испытующе. Смышленный мальчик догадывался, почему я задал такой вопрос. Он засопел, но ничего не ответил.

Батыр Богатыжев ответил за него:

– В лесу заблудишься, надо уметь ориентироваться. А он не читает учебников, по географии отметки посредственные. Однако обещал хорошо учиться.

Кука снова повернул шапку-ушанку задом наперед. Это уже протест. Не понравились ему слова директора.

В системе детских учреждений у нас был один детский дом с трудновоспитуемыми детьми. Куку хотели определить туда, но Батыр не спешил с этим, ценил привязанность мальчика к лошадям. За ним присматривали и комсомольские работники района.

Объясно, почему я назвал мальчика «следопытом».

Однажды нам сообщили: воспитанник по прозвищу Кука, подобранный полгода назад на железнодорожной станции, увел из детдома большую группу ребят. Поиски ничего не дали. Надо было срочно ехать на станцию Прохладная, куда «вожак» мог повести ребят. Но у меня в это время не было машины.

Я обратился за помощью к своему соседу. Народный комиссариат просвещения и обком комсомола находились тогда на

одном этаже. Сама жизнь велела нам быть рядом, потому что школьные дела и комсомольская работа неразрывно связаны, а в тот период нам нужна была взаимовыручка, как никогда.

Первым секретарем обкома комсомола тогда работал Билар Емазаевич Кабалоев, с которым я поддерживал дружеские отношения со студенческих лет.

Кабалоев не только предоставил мне свою машину, но и сам вместе со мной поехал искать маленьких беглецов.

Был летний вечер. Над горами собирались облака. Июль – период ливневых дождей и града. Мы поехали по шоссе, на котором еще не все мосты были восстановлены. По обеим сторонам стояла зеленая стена кукурузы. На станции Прохладная железная дорога расходится по двум направлениям: на Беслан–Грозный –Орджоникидзе и Махачкала – Баку. Мы заглядывали во все закоулки, обращались к железнодорожникам – тщето.

В дежприемнике милиции тоже знали Куку. Значит, «вожак» не рискнет показываться на глаза знакомым людям. Мобилизованные Кабалоевым комсомольцы района после нашего отъезда встречали и провожали все поезда.

Не обнаружив беглецов, мы с Кабалоевым поехали в обратный путь поздно ночью.

Дорогу преградил бурный пенистый поток. Откуда? День был жарким, безоблачным. К тому же поблизости нет реки. Не сбились ли мы с пути? А как с дороги свернешь, когда по обеим сторонам ее кюветы? Едем против течения, ориентируясь по телеграфным столбам. Шофер старается держаться середины дороги. Доехали до казачьей станицы, расположенной в низменности, окаймленной с трех сторон густым лесом. Дома по самые окна стоят в воде. Перепуганные собаки лают, забравшись на крыши свинарников, мычат коровы, а людей не видно. Мы остановились. Глухая ночь, над нами звезды. Душно. Мы как во сне. Шалушка, которая протекает далеко в стороне, летом высыхает, а здесь вдруг залила поля и станицу.

– Спят и тонут, – сказал Кабалоев.

Он стоял в черном потоке, пытаясь при свете фар выяснить, откуда и куда течет вода. Вода доходила уже до пояса. Он забрался на дерево и дал несколько выстрелов из нагана в воздух. Через минуту засуетились люди с фонарями, слышались вопли отчаяния, плач женщин и детей. Станицу охватила тревога. Все бросились спасать имущество, скот, птицу.

К утру, когда стало светать, вода спала. Мы поехали дальше. Дорого обошлось баловство речки Шалушки, которая показала свой нор, – смысла посева. Такое случается редко, когда в горах выпадает тропический ливень. Огромные потоки ливне-

вых вод, не вмещааясь в русле, устремляются на поля, аулы и станицы. Эти воды в ту ночь причинили серьезные бедствия.

Нет худа без добра. Стихия помогла нам. Выяснилось, что Кука повел ребят на станцию Прохладная, чтобы там сесть на поезд. Из детдома они ушли вечером, стараясь не попасть на глаза людям. Ребятам преградил путь грохочущий ливневый поток. В сумерках он казался седым и страшным. Дети не рискнули преодолевать его вброд. Мост был снесен. На глазах у ребят грузовик, мчавшийся по дороге и не подозревавший, что моста уже нет, с ходу прыгнул в поток. Машину понесло, как щепку.

Кука взвесил обстановку и решил вернуться в детдом. Свое отсутствие он объяснил так: «Ходили в лес и заблудились». Потому-то его и стали величать «следопытом». Батыр старается держать его около себя, дает поручения, зная, что он пользуется среди ребят авторитетом.

Этому детдому я выдал львиную долю денежных средств и оборудования, которыми мы располагали.

Вернувшись домой, я застал у себя мать. Она пришла за помощью. Узнав о беде, я поехал вместе с матерью в Шалушку. В ауле, недалеко от нас, жили пятеро осиротевших ребят. Самому младшему – около двух лет. Соседи, заботами которых жили дети, баловали мальчика, угощали куском чурека или лакумом. Однажды ребенку дали лакум – редкое в то время лакомство. Те, кто был постарше, хотели, чтобы малыш поделился с ними. Возникла возня, кто-то вырвал из рук ребенка гостинец, тот расплакался, полез драться. Тогда его повалили, прикрыли подушкой. Обидчик сел на подушку, чтобы спокойно доесть лакум.

Под подушкой ребенок задохнулся.

Мать просила определить детей куда-нибудь. Я забрал их и повез в детский дом. Если бы это сделал не я, а кто-то другой, директор без соответствующего оформления не принял бы де-тей. На этот счет было строгое указание – боялись занести ин-фекцию в детское учреждение.

«Роддом»

Частые поездки в командировки отражались на семейном бюджете. Зарплата наркома была небольшой – не разгуляешься. Но кто думал о зарплате? Сыты делами и обедами в общедоступных столовых. Льгот никаких.

В местном издательстве в канун очередной поездки в Москву вышел сборник моих стихов «Путь всадника». Весь гонорар я решил взять с собой. Фронтовой товарищ, занимавший

значительный пост в системе железнодорожного транспорта, обещал мне помочь приобрести машину из числа передаваемых в народное хозяйство в результате расформирования воинских частей.

«Виллис», на котором я ездил, пришел в совершенную негодность. Друзья часто подтрунивали над моим легковым транспортом. Однажды с этой машиной произошло следующее.

Я поехал в район. Когда мы с директором осматривали школу, к нам подбежали люди и чуть ли не со слезами на глазах стали умолять: роженица второй день разрешиться не может, погибает, надо немедленно отправить ее в больницу, а машины нет.

Я спросил своего шофера Хасана Хакулова:

– Довезешь?

Застенчивый семнадцатилетний парнишка был неплохим водителем. «Виллис» только ему «подчинялся». У других шоферов машина простаивала, а у него она ходила более или менее сносно.

– За час обернусь, – ответил парень и укатил.

Я ждал и час и два – нет машины, а мне еще нужно в другие аулы. Подумал, опять поломка. Хорошо, если она произошла на обратном пути, иначе с роженицей может быть беда.

Вечером возвращается мой шофер. В чем дело, почему так задержался?

Произошло вот что: «виллис» без амортизаторов трясло и бросало, как щепку, на ухабах. Дорога проселочная, естественно, бедную женщину мотало и подбрасывало из стороны в сторону. Вдруг где-то на середине дороги она попросила: «Останови». Шофер с тревогой взглянул на нее, у женщины начались роды. Парню пришлось долго ходить вокруг машины, пока сопровождающая медсестра принимала роды. (Благо, «виллис» был крытый: на нем уже стоял фанерный кузов с застекленными окнами по бокам и сзади.)

Через несколько часов Хасан вернулся в аул с новым пас-сажиром – маленьким мальчиком. После этого случая друзья-насмешники стали называть мою машину передвижным роддомом. Меня это не смущало, но ясно стало одно: надо позаботиться о более совершенном транспорте.

Приехав в Москву, я сразу явился к своему товарищу: деньги в кармане, помоги купить машину. Но оказывается, в Москве ходят слухи о предстоящей денежной реформе. В магазинах ничего нельзя купить.

Единственное, где можно было потратить деньги, – заказывать в гостинице обеды и ужины. Я это и делал. Приглашал знакомых.

Друзья нисколько не удивлялись моей состоятельности,

считали это в порядке вещей – как же еще должен жить нарком. За несколько дней от гонорара за книгу стихов «Путь всадника» не осталось ничего.

Я вернулся домой без машины и без денег. Снова окунулся в дела. Неожиданно ко мне примчалась мать в растерянности. У нее на руках остались деньги. Я знал: старые люди накапливают тайком деньги на случай собственной смерти – на деур и похоронные расходы. Чем больше накопишь, тем лучше, потому что мулла милостыню дает тем, кто согласен принять на себя часть грехов умершего. Словом, раздача грехов с доплатой.

– Сколько? – спросил я.

– Десять туманов.

Я рассмеялся и этим обидел мать. Что такое десять червонцев по сравнению с тем, сколько я получил за книгу и растратил в Москве!

Смысл денежной реформы был мне понятен. Она не затрагивала размера заработной платы рабочих и служащих, но деньги, хранившиеся в кубышках и матрасах, обменивались по эквиваленту один к десяти. Не раз мне встречались люди, таскавшие деньги в полевых сумках или портфелях, на базарах были покупатели с толстыми пачками червонцев. Иной раз деньги оказывались фальшивыми.

Был такой случай на фронте. Однажды зайдя в полевую сберкассу, я встретил там своего земляка, начальника полевого госбанка и сберегательной кассы. В комнате не было посетителей, и мы оживленно перебрасывались шутками. Я похвастался трофейными часиками с черным светящимся циферблатом и спросил, сколько они могут стоить.

Наш разговор услышал вошедший в сберкассу с большим немецким ранцем в руках командир комендантского взвода при штабе дивизии.

Молодой веселый лейтенант предложил мне:

– Махнем. Я – ранец, ты – часы.

– Кому нужен ранец?

– Тогда покупаю. Сколько хочешь?

Командир комендантского взвода явно меня разыгрывал. В его глазах так и прыгал огонек озорства.

– Откуда у тебя такие деньги? – с укоризной спросил начальник полевой сберкассы. – Ты ведь недавно свои сбережения отослал жене.

– Откуда?! А вот посмотрите. Три дня считать – не сосчитаешь, – лейтенант открыл туго набитый немецкий ранец из телячьей кожи.

Мы изумились – в ранце оказались аккуратно уложенные пачки советских денег различных достоинств. Новенькие, обтянутые красивой бумажной лентой крест-накрест.

– Откуда?

Объяснялось просто: комендантский взвод не могли миновать захваченные немецкие шпионы. У лейтенанта нередко оказывались не только деньги, но и диковинное оружие или новейшие средства связи. А теперь он принес сдавать в банк сотни тысяч рублей.

Начальник банка взял несколько пачек и удалился в свою комнатку. Через минуту он вернулся и сказал:

– На эти деньги не только часы – лаптей на базаре не продадут. Фальшивые они.

Лейтенант и сам знал это. Немцы за время оккупации наводнили города и села фальшивыми ассигнациями, старались тем самым нанести вред, дезорганизовать рынок, вызвать инфляцию.

Вот почему денежная реформа была необходима.

Восстановительные работы в республике шли трудно. Приезжая в Москву, мы доказывали – нужны большие средства, и давали заверения, что они будут освоены. Сдерживать свои обещания, однако, было куда трудней, чем выпрашивать деньги, большей частью не подкрепленные фондируемым строительным материалом. Чтобы выйти из трудного положения, приходилось иногда нарушать финансово-хозяйственную дисциплину, особенно когда речь шла о детских учреждениях. Трудно приобрести за деньги нужный материал, можно только обменять: материал на материал.

Вскоре нагрянула ревизионная комиссия, составила акт. И меня вызвали для объяснения в Москву.

Нарком Владимир Петрович Потемкин был человеком, в котором сочетались высокие достоинства ученого и опытного руководителя народного образования. На беседе присутствовали и его заместители. Выслушав меня, нарком сказал:

– Мы накажем Кешокова, а дети, которых он спасал, оправдают его.

Народный комиссар строго взглянул на меня:

– Не самовольничать. Вы не командир батареи, не на фронте. И мы боремся за ликвидацию последствий войны, за спасение голодающих детей. Обращайтесь к нам – в беде не оставим.

Я положил на стол письмо, подписанное председателем Совнаркома республики Хужоковым. В нем перечислялось все, что нам необходимо: стекло, лесоматериал, гвозди, краски, одежда и оборудование для детских домов, учебно-наглядные пособия. Нарком внимательно ознакомился с длинным перечнем материалов и передал письмо своему заместителю, веда-

ющему материальными резервами.

– Всем, чем можем, помогите.

Теперь я не был в обиде на тех, кто составил на меня акт, а, напротив, даже благодарен им. Я возвращался домой с нарядами на фонды различных материалов, как воздух необходимых школам и детским учреждениям республики.

И вот я на платформе еще не восстановленного нальчикского вокзала. Меня никто не встречал. Не видно даже «роддома». Чтобы не тащить на себе чемодан, пришлось нанять «ишак-си». Так называли повозку или сани в ишачьей упряжке. Хозяин сидел в санях, вез мой чемодан, а я шел рядом по тротуару, словно и сани не мои и чемодан тоже. Я попросил извозчика ехать не по главной улице, а переулками. Подальше от насмешливых глаз.

И все-таки меня увидели и рассказали председателю Совнаркома республики. Об этом я узнал позже, когда докладывал ему о результатах моей поездки в Москву.

Выслушав подробности обсуждения акта ревизионной комиссии, Хужоков спокойным, глуховатым голосом спросил:

– Почему ты едешь по городу на ишаке?

Я ему напомнил притчу.

Один кабардинец хотел обвинить соседа:

– Ты от лени не засеваешь свое поле. Оттого отец твой и умер с голоду.

– Он бы не умер, если бы в доме была кукуруза, – был ответ.

Так и я. Не ездил бы на ишак-си, если была бы машина.

Первомай для меня оказался двойным праздником: родилась вторая дочь – Елена. После демонстрации я поспешил в роддом.

– Дочь словно на демонстрации кричит «ура!» – шутила медицинская сестра, показывая мне в окно девочку. А я хотел сына. Видно, все отцы в этом похожи друг на друга.

Совещание по проводам

Без совещаний никак не обойтись. А дороги восстанавливаются медленно. В непогоду почти невозможно созвать местных руководителей. Мешает и отсутствие транспорта. Возникла идея проводить совещание по проводам. Работники связи предложили свои услуги.

В зале все опутано проводами. На длинном столе, за которым обычно проводится заседание бюро обкома, переносной микрофон и наушники. Точно так же оборудованы и залы заседаний в районах, где собираются местные руководители различных

отраслей хозяйства и культуры.

Совещание по проводам требовало от тех, кто его проводил, определенной подготовки. За несколько дней до совещания руководители старались объездить все районы, собрать материал, чтобы оперировать на совещании свежими фактами, непроверяемыми данными, иначе какая-нибудь острая фраза, брошенная в эфир, или реплика могли свести на нет критику, вызвать недоверие к указаниям.

Такие совещания как бы просвечивали каждого руководителя насквозь, его метод руководства и стиль работы. Скажут «кабинетный» и – прилипнет это слово, как волосок к меду. Поэтому каждый старался не давать повода для этого.

Однажды в повестку дня совещания включили вопрос: «О ходе восстановления и строительства школ». Долгое время слова «восстановление» и «строительство» были как бы близнецами. Но постепенно первое уступило место второму. А после принятия Верховным Советом нового пятилетнего плана слово «строительство» обрело вполне самостоятельное значение и подразумевало новое развитие.

Перед совещанием я исколесил все районы, чтобы не попасть впросак, разбирался, как обстоят дела с каждым объектом, выясняя причины невыполнения плана строительства, искал положительный опыт, чтобы сделать его достоянием других.

В Малой Кабарде стены школ возводили из самого обыкновенного самана, который своими силами заготавливали летом. Но можно ли его рекомендовать другим? Из самана нельзя складывать высокие стены – рухнут.

В армии я некоторое время служил в саперном батальоне и кое-что понимал в строительном деле, поэтому не стал рекомендовать «малокабардинский» способ школьного строительства.

Настал час совещания. В зале заседания все оплетено проводами.

Получив микрофон в руки, с непривычки я волновался, не мог себе представить аудиторию, для которой буду говорить. Посмотришь – вокруг тебя люди, но не те, к кому обращены твои слова. Твои слушатели в эту минуту находятся где-то далеко в Баксанском ущелье или в низовьях Терека. Но, услышав в наушниках отдельные фразы, брошенные мне в ответ, реплики возражения или одобрения, я понемногу стал осваиваться с обстановкой. В моем воображении возникли люди, о районе которых я говорил. Помнится, я повел речь о необходимости в ближайшее время ликвидировать трех-четырехсменные занятия в школах. Учащиеся вечерних школ, занимавшиеся в четвертую смену, нередко приходили домой с уроков далеко за полночь. А рано утром им предстояло идти на работу.

Я призывал к быстрейшему выполнению плана школьного строительства. Сделал достоянием всех опыт стариков-чегем-цев, которые, откликнувшись на призыв учителей средней школы, взяли на себя заготовку древесины. Они, вооружившись топорами, отправились в лес и за несколько суток нарубили десятки кубометров белолистики, которая до сих пор считалась материалом, пригодным лишь для подсобных помещений.

Бревна из белолистики подходили и по длине и по ширине, могли выдержать большую нагрузку, но были кривые. Старики стали сами крыть школу. Они стесали горбы, а впадины или изгибы закладывали планками.

Размахивая микрофоном, я мчался в своем воображении из аула в аул, из ущелья в ущелье, из района в район, воздавал должное майчанам, которые уже изготавливали школьную мебель из древесины твердых пород – чинаровые парты были тяжелыми, словно отлитые из свинца, но все же это лучше, чем ничего. Говорил о баксанцах, догадавшихся добывать олифу из сурепки – сорняка. Этой олифой они пропитывали окна и двери школы.

Средства, выделяемые на школьное строительство, распределялись в это тяжелое время с учетом крайней необходимости. Потребность намного превышала возможности, поэтому в наушниках раздавались взволнованные голоса далеких слушателей.

- Почему в нашем совхозе не строится средняя школа?
- Где продолжать учебу выпускникам семилетки?
- Школу подвели под крышу, а на кровлю леса нет!
- Заберите средства у тех, кто плохо строит, и отдайте нам.
- Школа есть – учителей не хватает!

И конечно же, кого я покритиковал, отвечали тем же:

- Приезжайте – из кабинета не все видно.
- Ждете, когда построим гостиницу?..

Отвечать на все вопросы нет времени. Председательствующий торопит: «Закругляйтесь».

Совещание по проводам переходит к обсуждению следующего вопроса. Вздоражили весь актив, обменялись взаимными упреками, нашли ответы на неясные вопросы. Это принесет свои плоды.

Далеко за полночь я возвращаюсь домой.

Свадьба

Меня пригласили на свадьбу. Собирался жениться зауч средней школы, мой давний друг, недавно демобилизовавшийся из армии. Я познакомился с ним в первый год после окончания

института, когда меня назначили преподавателем русского языка и литературы на педагогическом рабфаке. Он считался одним из моих лучших учеников. По возрасту между нами почти не было разницы.

Чтобы побыстрее освободиться от утомительной и трудоемкой проверки ученических тетрадей, я брал себе в помощники несколько отличников, рассаживал их поудобней в своей комнате, и пока они выправляли ошибки в сочинениях или диктантах, грел им чай. Потом мы все вместе шли на спортплощадку или на речку.

Довоенных друзей осталось в живых мало, и я с радостью принял приглашение на эту свадьбу, которую он задумал сыграть по всем кабардинским правилам.

Мне отвели почетное место рядом с тамадой. Дом полон гостей. В большой комнате самые уважаемые гости, в смежной – молодежь. Отдельная комната отведена для невесты. Ее вот-вот привезут. За нашим столом сидело немало фронтовиков, еще не успевших сменить военную форму на гражданский костюм. Фронтные воспоминания – одно интересней другого, а тосты тамады – сама мудрость.

Пир в полном разгаре: смех, остроты, гармошка, возгласы – все смешалось, веселье льется через край.

Вдруг меня вызывают. Вижу, на моем рабфаковце нет лица, как кабардинцы говорят: режь – не увидишь ни капли крови. Он отводит меня куда-то в угол.

Не случилось ли что? Да, случилось, и случилось самое непредвиденное. Умыкнули невесту. Мой друг догадывается, кто это сделал.

– На тебя надежда. Только ты сможешь спасти и честь мою и судьбу, – чуть не плачет растерявшийся жених.

Я понимаю своего друга. Позор такой, что хуже не придумаешь. Сказать об этом гостям – все расстроится.

Принимается решение: немедленно отправиться по следам похитителей, точней похитителя. Выяснилось, что им оказался не молодой соперник, а старик...

Вместе с опечаленным женихом садимся в мой «виллис» и мчимся в дальний аул, куда, по его сведениям, увезли невесту.

В пути я узнаю причину отчаянного поступка старика, осмелившегося украсть девушку, и невольно проникаюсь к нему симпатией, хотя, конечно, всей душой сочувствую и своему другу.

Старик – колхозный пасечник. Его сын, фронтовой разведчик, провоевавший все четыре года, написал родным, что демобилизуется и скоро вернется в отчий дом.

Старик знал: его сын переписывается с девушкой. А когда

приезжал в краткосрочный отпуск после госпиталя, встречался с ней. Отец не раз видел их вместе, и девушка пришлось старику по душе. Достойная сноха будет у нас, делился он со старухой. Сын изредка писал родителям и в каждом письме спрашивал, не вышла ли замуж его Лина. Ему отвечали: не сводим с нее глаз.

Кончилась война. Полковой разведчик не возвращается. Поговаривали, будто уехал на Восток. И на Востоке завершилась война. В доме пасечника ждут возвращения фронтовика, и вдруг старику и старухе сообщают: Лину засватали.

По старой традиции друзья приходят на помощь влюбленному. Но сейчас помочь старику было некому. Пришлось действовать самому.

В день свадьбы старик взял машину, на которой приехали люди за медом, и помчался к девушке. Когда он зашел в дом, Лина в окружении подружек прихорашивалась перед зеркалом. Приход старика ее смутил. Она уже решила, кому отдать свое сердце. Старик поздравил ее, произнес традиционные слова приветствия, спросил как бы между прочим, не понуждают ли ее к этому, и, получив отрицательный ответ, заговорил о другом: старуха сегодня свалилась, срочно требуется врач. Лина как раз заканчивает медицинский институт, уже может врачевать, оказать первую помощь.

Девушка в недоумении: как она может поехать куда-то на пасеку в такой день?

Старик умоляет: «Вот стоит машина. Поедем на ней и на ней же я тебя назад привезу, когда ты этого захочешь...»

Он не лгал. Действительно, старуха с горя слегла и, когда Лина появилась у ее постели, разрыдалась, обняла девушку и стала умолять не выходить замуж за учителя. Вернется мой сын – и справим свадьбу.

– Оставайся на пасеке, – говорит старик. – Тебя здесь не найдут. Уедешь – не поднимется жена на ноги и на твоей совести будет...

Пока Лина приводила в чувство старуху, доказывала ей нелепость ее просьбы, старик погрузил на машину бидоны с медом и отправил в аул. Девушке он сказал: «Скоро вернется, и тогда поедешь домой».

Мы приехали на пасеку, когда было уже темно. Увидев, как в ночной мгле два луча автомобильных фар шарят по склонам гор, выхватывая то купы могучих чинар, то темные скалы, похожие на неведомых хищников из нартских сказаний, Лина выбежала навстречу.

Старик, не ожидавший возвращения колхозной машины, явно был в смятении. Фары осветили и его. Он, весь белый, стоял в световой полосе, как огромный кукурузный початок.

Мой друг не пожелал встречаться со своим «соперником»,

остановил машину и растаял в темноте, поручив мне вести переговоры. Решительность фронтовика в данной обстановке была некстати.

– По каким законам живешь, тхамата? – пренебрег я традиционным приветствием, чтобы дать понять пасечнику, зачем мы приехали.

– Будь гостем, достойный молодой человек. Меня учили родители ценить вежливость в разговоре.

«Его не возьмешь голыми руками», – подумал я и поспешил переменить тон.

Старик, которого звали Бат, повел меня к фанерному домику. Я отказался от приглашения войти в него. Пахло свежим медом.

Мы присели на пустые ульи. Я объяснил причину приезда на пчелоферму в столь поздний час и дал понять, что мы не намерены засиживаться у него.

Старик молчал, сопел, словно ничего не слышал, теребил в руках сетку от пчел, затем попросил сказать, чей я сын.

Я ему представился. О своей должности я, конечно, умолчал.

Старик добавил к тому, что мне уже было известно о его сыне, только то, что он награжден орденом за очень важного «языка». Разведчик взял в плен немецкого генерала.

– Сын взял в плен генерала. А отец – девушку? – почти дружелюбно сказал я пчеловоду.

Старик по-своему понял мою мягкость.

– Мой род – это клыкастые волкодавы. Своей добычи не уступаем, Лина помолвлена давно. Она избранница рода Кушхакановых, связана клятвой, которую дала сыну, – ждать его возвращения, если он уцелеет на войне. Сын остался жив, и я должен сохранить для него невесту.

– Советская власть гарантирует женщине свободу выбора. Может быть, спросить Лину: она – добыча рода Кушхакановых или жертва произвола?

– Спроси.

Я пошел к дереву, под которым в темноте перешептывались трое женщин, среди них и невеста. Конечно, было бы лучше, если бы жених сам встретился с ней, но он не показывался.

– Мы за тобой, Лина. Решай сама: едешь с нами или остаешься здесь?

– Я все слышала. Мне решать нечего, – девушка еле сдерживала слезы, – выбор сделало сердце. Если я не села еще в машину, то потому, что стыдно перед людьми. Как я появлюсь теперь на свадьбе?

– Тогда садись.

– Не может она сесть сама. По закону ее надо на руках отнести к машине и бережно усадить, – прозвучал строгий женский

голос в темноте. Это была старшая сноха пчеловода. Овдовев, она взяла в свои руки бразды правления в доме Бата. Не было сомнения, это она настояла на том, чтобы заманить сюда Лину и расстроить свадьбу.

Возьми невесту на руки, как велит обычай, потом докажи, что ты не усадил девушку вопреки ее воле.

– Можно подогнать машину, если ей трудно сделать несколько шагов.

Пока я говорил с женщинами, Бат узнал у шофера, кто я такой, и подошел к нам.

– Иди дорогой сердца, моя дочь. Видит бог, хотел я тебе радости. Да занесешь ты благополучие, переступив порог в доме того, кого ты предпочла моему сыну...

Наш «виллис» мчался в обратный путь на свадьбу с такой скоростью, на которую, казалось, он не был способен.

После этого случая мне еще не раз приходилось слышать об умыкании девушек. То и дело звонят: «Умыкнули ученицу пятого класса», «Ученица шестого класса похищена по дороге из школы». Иногда о похищении девушек узнавал из фельетонов в газетах или из документов следственных органов.

Я раздумывал над подобными фактами, хотелось понять их социальную основу. Видимо, это тоже последствия недавней войны. Многие семьи потеряли кормильцев, и бедность вызвала к жизни пережитки прошлого. Девушка хочет выйти замуж за парня. Они любят друг друга. На пути их счастья, как правило, встает мать девушки. Она требует платы за невесту. Парень противопоставляет этому пережитку другой – умыкание. Девушка и парень договариваются связать свои судьбы без калыма. Он ее вроде похищает, затем они регистрируются и ставят своих родителей перед свершившимся фактом.

Бывали случаи, действительно привлекавшие к себе внимание органов суда и прокуратуры, и не без основания. Но как правило, «несовершеннолетние» ученицы на самом деле оказывались взрослыми девушками. В годы войны они не имели возможности учиться и потому теперь занимались в пятых или шестых классах.

Однажды ни свет ни заря к нам пришла мать. Весь ее вид говорил: случилась беда. Я собирался ехать в район, машина ждала меня у ворот.

– Твою сестру умыкнули!

Речь шла о самой младшей из пяти – Аслахан. Старшие уже замужем. Мать делила с ней свое одиночество, ласково называла ее Якаса, что значит поздняя, и, казалось, любила больше других. Она понимала, что рано или поздно выйдет замуж и пятая дочь, но не предполагала, что это случится так скоро.

В записке, написанной рукой Аслахан, я прочел: «Мама, не

поминай лихом, и не жди сегодня воды...» Она вышла из дому в лучшем своем наряде, сказав: «Пойду за водой». Коромысло с двумя ведрами принесла соседка.

Вскоре новый зять сам объявился с щедрыми подарками для матери, и все стало на свои места.

Перегон

Не раз мне казалось: оторвись я на день-два от своей работы, как что-то или остановится или все пойдет вкривь и вкось. Но ничего подобного, однако, не происходило, когда меня в качестве уполномоченного посылали в районы в дни той или иной хозяйственной кампании. Все шло по-прежнему в системе просвещения.

Мне нравился перегон скота на высокогорные пастбища в начале мая, он превращался в праздник, если зимовка прошла хорошо. Колхоз тогда не жалел средств, чтобы оснастить своих животноводов всем необходимым, начиная от спичек и кончая радиоприемником, патефоном с пластинками, литературой для красного уголка. Но если бескормица накладывала свой тяжелый отпечаток на колхозные стада, эти смотры превращались в беспощадную наглядную критику виновных за плохое ведение хозяйства.

К перегону общественного поголовья готовились тщательно. Специальная комиссия заранее проверяла состояние дел, составлялся строгий график движения скота по районам и колхозам. Нарушитель графика подвергался наказанию. Скотопрогонная дорога держалась под неослабным наблюдением. В местах остановок дежурили зоотехники, ветврачи.

Я подъехал к небольшому холму, который был на пути движения скота. На холме, напоминавшем трибуну, стояли ответственные работники республики, района, колхозов. Мимо «трибуны» проходили отары овец, гурты молочного и гулевого скота, табуны лошадей, вереницы арб, груженных доверху домашним скарбом, несложным инвентарем ферм и даже дровами (в горы можно было ехать только на арбах). Все это перед нами – как на ладони. Руководители хозяйства, у которых дела шли плохо, нахлобучивали папахи на лоб, чтобы спрятать глаза, скрыть чувство неловкости, а те, у кого было все хорошо, наоборот, старались обратить на себя внимание. Чабаны, пастухи, доярки, табунщики, ветеринары, зоотехники – все стараются не ударить лицом в грязь. Соревнуются же!

Мимо трибуны проходят малкинцы.

Я не раз бывал в их хозяйстве. Знал, что малкинцы отличаются смекалкой, изобретательностью. Это про них рассказы-

вали анекдоты, что заведующий молочно-товарной фермой в дни бескормицы надел коровам на глаза очки с зелеными стеклами, чтобы солома казалась животным зеленой травой.

Как-то в конце марта я приехал к ним на ферму и, не увидя ни одной охапки сена, спросил:

– Чем же вы кормите скот? На выпас гнать – еще снег лежит.

Завфермой с серьезным видом ответил:

– Наши коровы – мусульманки, уразу держат. Днем корма не хотят. Только ночью...

Теперь малкинские пастухи гикают, размахивают палками, чтобы побыстрее прогнать стадо. Телят посадили в специальную плетеную клетку, установленную на арбе. Арба идет впереди, и коровы быстрее идут, – когда телята мычанием зовут их. Это задумано, конечно, неспроста, чтобы руководители, стоящие на холме, не успели рассмотреть отощавший за зиму скот. Узнаю малкинцев!

Табунщики чувствуют себя на этих смотрах как на параде. Проезжая рысью мимо «трибуны», они прикладывают руку к долгополой войлочной шляпе и отдают по-военному рапорт, как это делают командиры эскадронов на войсковых смотрах.

Старый табунщик, ехавший на лучшем жеребце колхоза, заранее выучил рапорт по-русски. Джигит боится перепутать слова от волнения. Собыешься – председатель сельсовета Жужуев, стоящий на холме, не даст спуску. В сельсовете три колхоза. В его воображении это – три полка. Табунщик на всем скаку должен лихо привстать на стременах и, повернув голову в сторону холма, выпалить: «Табун колхоза «Красный партизан», элитный жеребец «Казбек», старший табунщик Жанимов». Длинновато, но короче не скажешь.

Косяк лошадей идет галопом. Вот он, подгоняемый табунщиком, достиг трибуны, а рапорта нет. Жужуев встревожен, уходит нужная секунда – пропадет эффект, и он крикнул табунщику:

– Как фамиль твоему колхозу?

Растерявшийся табунщик выпаливает:

– Колхоз «Партизан». Жеребец – Жужуев...

Рапорт потонул в хохоте.

– С моего лица кожу содрал, – в сердцах бросает Жужуев вслед табунщику. Председатель сельсовета долго готовился к параду, и вдруг так опозориться на глазах своего района! Табунщик, и сам сгорая от стыда, погнал табун галопом.

Но главное не в этом. Оценку готовности выводят не по рапорту. Комиссия проверяет, как оснащены табунщики. Потребсоюз завез к сезону раскладушки, наплечные бурки, радиоприемники. Надо кончать с «пещерным образом жизни» коневодов. Раньше на пастбищах они жили в закопченных

пещерах, спали на чем попало. Чабаны тоже не знали постели. Завернутся в бурку и лягут на лугу, где пасется их отара. Дождь или снег идет – ничего. Проснется чабан, посмотрит: отара ушла далеко. Он догонит ее и опять завалится спать, и так до вечера. А ночью караулит овец от хищников. Даже не каждая доярка имела свою постель. Теперь у каждой доярки раскладушка. Об оборудовании для красного уголка и говорить нечего. Надо иметь все, чтобы на ферме было как дома. Члены комиссии проверяли, чем будут люди питаться. Не забыли ли зелень, овощи. Особенно лук, чеснок, чтобы никто не заболел цингой. Заглядывали и в личные чемоданы – есть ли мыло, лишнее полотенце, теплое белье.

И я находил, к чему «придаться». Увижу юношу или девочку школьного возраста – спрашиваю, не из числа ли они отсеившихся из школы, взяли ли с собой книги и учебники.

С учетом всего этого выводилась оценка готовности колхоза и района к перегону скота. Это здесь, внизу. А на пастбищах же два специальных штаба следили за тем, чтобы каждый колхоз занял отведенный ему участок, построил не шалаш, как это было раньше, а настоящий дом.

Длинная вереница скота медленно поворачивала в сторону гор и исчезала в сумерках. А на холме люди еще стояли, спорили, шумели, подводили итоги смотра, который непременно заканчивался обедом у костра.

С каждым праздником животноводства лошадей становилось все меньше и меньше. Когда во время Отечественной войны формировалась национальная кавалерийская дивизия, верховых лошадей в Кабардино-Балкарии хватало бы на три буденновские армии. Теперь я с болью в сердце смотрел на косяки лошадей, которых гнали на мясокомбинат. Я даже написал об этом стихи.

Все настойчивей раздавались голоса против живого тягла не только в общественном производстве, но и в личном хозяйстве.

Мне запомнилось выступление одного из секретарей райкома партии Николая Евгажукова. Он со свойственной ему экспансивностью ратовал за автотранспорт.

– Ишак – злейший враг колхоза. Его копыта – в тягость земле! – говорил он.

Евгажуков относился к тем комсомольцам, которые набивались опыта под непосредственным наблюдением Бетала Калмыкова. Они могли приехать в аул и поставить на комсомольском собрании вопрос о снятии председателя сельсовета, не подчинившегося комсомольской организации. Им хотелось, чтобы в стиле их работы чувствовалась рука любимого воспи-

тателя. Калмыковский «почерк» у Евгажукова прежде всего был в том, что в силу своего темперамента он не мог пользоваться заранее написанным текстом. Оратор часто выходил на трибуну с аккуратно напечатанным на машинке материалом, иногда утвержденным бюро райкома. Но едва прочитает одну-две страницы, как воспламенится и ополчится против тех, у кого обнаружены недостатки в работе, и, забыв про свои шар-галки, превращает трибуну в скакуна, на котором словно рубит лозу двумя клинками одновременно. Два кулака непрерывно мелькают над его головой.

Люди слушают спокойно, знают, погорячатся, но никому зла не сделает. Они его уважительно называли Николай Матович. У кабардинцев не принято называть по отчеству. Но для него делали исключение.

Как-то на совещании Евгажуков разносил одного из председателей колхоза, обвинив его во всех смертных грехах: не справился с весенней вспашкой, заблаговременно не подготовил инвентарь, упустил сроки, почивал на лаврах, забыл об ответственности, работал так, как сеет человек, который знает, что ему до урожая не дожить... Все сказал.

– И спрашивается: чем же он занимался? – заключил Евгажуков. – Чем Азрет занимался всю зиму, ясно? Посмотрите на него, думаю, он и сейчас не трезвый!

Тут встал Азрет и обиженно заявил:

– Ей-богу, Николай Матович, как вчера с вами джигитовали, – в рот не брал...

– Молчи. Не о тебе речь. – Оратор направил на Азрета горячую струю искр из гневных глаз и тут же прикусил язык, улыбнулся – и у самого, мол, был грех.

И сейчас, когда Евгажуков яростно ополчился против тех, кто содержит в аулах живое тягло, особенно ишака, люди слушают спокойно. Многие из них другого мнения. Пусть ишак еще им послужит, не гонять же из-за одного мешка кукурузы грузовую машину на мельницу.

Несколько лет потребовалось трудящимся республики, чтобы восстановить разрушенное войной хозяйство. Много встретилось трудностей, но все они были преодолены. Колхозники вновь обретали довоенную зажиточность, и это можно было видеть по размаху строительства жилья в аулах. В старых домах с земляным полом уже никто не хотел жить, нужны уютные и просторные квартиры с удобствами. Благоустройства-лись улицы. Каждый колхоз старался поставить в центре аула Дом культуры. Выросли сады, дома утонули в зелени.

Резко сократился уход молодежи из аулов. Был момент, когда

на сходках старики заявляли:

– Кто от нас унаследует колхоз? Наши дети уходят в город. Разве после нас не будут пахать и сеять?

Теперь происходило другое. Молодежь устраивалась поудобнее. Значит, хочет жить и работать в родном селе.

Я не раз видел: на берегах Терека с наступлением сумерек индюшьи стаи на ночь усаживались на деревьях около домов. Казалось, молодые деревья, усеянные индейками, завешаны черными бурками, они походили на темные шарообразные облака. Для кабардинца индейка – лучшее блюдо.

В одном колхозе я спросил бригадира:

– Как живут твои люди, есть ли достаток у членов твоей бригады?

Бригадир ответил:

– Пусть пять всадников спешатся в одном дворе. Каждый дом так примет гостей, что и гости и кони будут довольны. Хозяин тем более.

Для моего собеседника достаток в доме измерялся количеством гостей, которых хозяин может принять. Я поверил ему, зная, что традиционное гостеприимство у него в крови. Всадниками бригадир мерил достаток неспроста.

Широко известна притча. Стоит кабардинец у своих ворот и думает. Усадьбу надо бы обнести плетнем, чтобы бродячий скот не испугал только что возделанный огород, арба сломалась, да и волы от голода еле ноги передвигают. Даже собственные рога им в тягость. Дом весь просвечивается, хоть мамалыгой замазывай.

В это время на улице показалась группа всадников. Люди незнакомые, кони в мыле, значит, едут издалека. Увидев человека у ворот, кто-то из всадников спросил:

– Скажи, добрый человек, как переехать через реку? Нам надо на тот берег – ищем ночлег.

– Зачем вам на ночь глядя в тот аул? И река бурная, и ваши кони устали. Будьте моими гостями. Переночуете у меня – утром дорога покажется легче.

– Да взглянет на тебя аллах добрыми глазами. Мы с благодарностью принимаем твое приглашение.

Всадники начали заворачивать к дому.

Человек, пригласивший к себе гостей, говорит своему сыну:

– А ну живо, мой сын. Прими у них коней, привяжи к коновязи и задай на ночь корма побольше...

Сын был в отчаянии:

– Что ты говоришь, отец, у нас не только коновязи, деревца во дворе нет. Куда я лошадей на ночь привяжу?

Отец высунул свой язык и, показав на него пальцем, в

сердцах сказал:

– Вот сюда привяжи. Вот сюда...

То было в далекие времена. Ныне земля не та и люди не те. Советская власть подняла на гору воды Терека, и впервые за всю историю земля утолила свою жажду и ответила на труд земледельца щедростью, которую бригадир измеряет по-своему.

Однажды я задал вопрос старику:

– Что изменилось в его жизни за годы Советской власти?

Он ответил:

– До Советской власти было так: если парень собирался на танцы, он брал у друга черкеску, у отца – кинжал и пояс, у соседа – шапку и бешмет. Обирал всех. Теперь мой сын сам может одеть трех женихов и повести их на танцы.

Короче и убедительней не скажешь.

Лампа Бетала

Опять два радостных события: родился сын Александр и по службе меня неожиданно выдвинули, и так высоко, что пришлось оглянуться назад, вспомнить весь жизненный путь.

Кандидатуру на такой пост, словно стеклышко, рассматривали на свет. Любые трещинка, щербинка, пузырек или просто затемнение – все принималось во внимание, ибо речь шла об избрании на пост секретаря обкома партии по идеологии. Доверие – эта приятная неожиданность заставила меня вспомнить Бетала Калмыкова. Был бы он жив, мог ли я быть рядом с ним, принимать важные решения вместе с неутомимым в полете головным журавлем?

В кабинете первого секретаря, куда я заходил теперь запросто, почти ничего не напоминало о Бетале. Мебель, которая была при нем, украшала ныне приемную.

У меня оказалась редкостная настольная керосиновая лампа на высокой художественно оформленной медной подставке, с огромным гофрированным абажуром. Раньше она стояла в углу на отдельной тумбочке. Ее зажигал в вечерние часы Калмыков. Теперь кто-то додумался вставить в керосиновую лампу патрон с электрической лампочкой.

Лампу Бетала я поставил на письменный стол. Она напоминала мне о человеке, имя которого не тускнело в памяти тех, кто знал его когда-то.

Я вспомнил школьные годы, день, когда я впервые увидел Бетала Калмыкова.

Был Первомайский праздник. Учащихся шалушинской школы мой отец повез на демонстрацию в Нальчик. Мы пели песню о Бетале Калмыкове, которую сложил мой отец. Тот, о

ком мы с таким энтузиазмом и вдохновением пели, делал вид, будто не замечает нас. Когда до трибуны, на которой вместе с другими стоял Бетал, оставалось десятка два шагов, мы прекратили песню. Отец сказал:

– Поравняемся с трибуной, я крикну: «Да здравствует наш Бетал Калмыков!», а вы, дети, хором ответите три раза: «Ура! Ура! Ура!», потом снова запоем песню...

Мы дали промашку – не смогли «крикнуть разом», получилась разноголосица. Отец журил нас: «Испортили все, негодники. «Ура» и то не можете кричать, как следует».

Снова зазвучала песня...

Стемнело. Я включил лампу. В ту пору рабочий день длился до полуночи. Иногда друзья собирались у кого-нибудь в кабинете «проводить время по-восточному», то есть предаваться воспоминаниям.

Часто поводом для рассказов о Калмыкове была лампа. В частности, вспоминали, как он вел себя на заседаниях бюро обкома. Бетал не любил длинных речей. Он их не воспринимал. Размеренным шагом прохаживался от стола к окну и обратно, обдумывая решение, которое следует принять. Иногда останавливался у окна и подолгу смотрел на улицу. Казалось, он никого не слушает, но вдруг, повернувшись в сторону заседающих, Бетал подхватывал мысль оратора и развивал ее по своему или же отвергал вовсе.

Однажды на заседании бюро отчитывался секретарь райкома партии. Он рассказал о коммунисте-чабане, который живет далеко в горах, но каждый месяц и в снег и в дождь ходит пешком по горным тропам за десятки километров в райком, чтобы уплатить партийные взносы.

– Высокая сознательность у наших коммунистов, – заключил докладчик.

– Чего нельзя сказать о секретаре райкома, – сказал Бетал. – Ты бы должен послать к нему человека верхом принимать взносы. Разве тебе не понятно, что ему нельзя отрываться от отары на несколько дней, оставляя овец на попечение волков? Предлагаю послать чабану пару добротных ботинок, и впредь пусть представитель райкома ездит к нему принимать взносы.

В то время по приглашению обкома партии в Нальчике гостил выдающийся русский писатель Михаил Пришвин: «Глаза увидят – сердце повторит», – говорил Бетал писателю. Он был уверен, что Кабардино-Балкария произведет на Пришвина впечатление.

После заседания Калмыков рассказал гостю о коммунисте-чабане, который истоптал не одну пару чувяков на ходьбу в райком, чтобы платить партийные взносы.

Видя, что писатель заинтересовался чабаном, Бетал предложил:

– А не поехать ли нам к нему? Отвезем ботинки в подарок.

– Обязательно поедем, – Михаил Михайлович готов был тут же отправиться в путь.

На другой день машина цвета спелой дыни – ее рывкающий сигнал знал каждый – помчалась в сторону пастбищ. В багажнике лежали охотничьи принадлежности. Перед крутым подъемом пассажирам пришлось пересесть на приготовленных для этого случая коней, чтобы узкими каменистыми тропами, петляющими по склонам гор, добраться до отары.

Вершины гор пылали от заходящего солнца, когда всадники добрались до кошары. Небольшой шалаш, составленный из четырех плетней, обмазанных глиной с внутренней стороны, сверху покрыт ароматным высокогорным сеном. Дверной проем завешен кошмой. В нескольких шагах от шалаша в углублении, обложенном со всех сторон камнями, горел костер. С двух сторон очага на сучковатых, закопченных столбах висят котелок, ведро, деревянные чашки, а на самом верху – бараний бок.

Всадники спешились. У гостя с непривычки болят ноги, а для Бетала что ехать верхом, что на автомобиле – разницы нет. Каждое утро он тренирует верховых лошадей.

Хозяин унял собак, наполнивших ущелье громким лаем, согнал овец в загон, защищенный с трех сторон скалистыми горами, похожими на обвалившиеся высокие стены (ночью у входа в загон сидит сам чабан, чтобы волки не забрались к овцам), и лишь после этого пошел навстречу гостям. В одном из них он, конечно, узнал Бетала Калмыкова и от неожиданности растерялся.

Мало ли кто на ночь завернет к костру. Хозяин был уважаемым в горах человеком. Чабаны избрали его лагупежем – держателем огня на высоких горных склонах. Он сохранял свой костер всегда горящим, чтобы соседи могли брать у него угли «на развод».

Пока хозяин готовил шашлык из вяленой баранины, распространяя аромат жареного мяса, Бетал объяснил Пришвину, кто такой у пастухов держатель огня. За чабанским ужином, когда горы погрузились в синеву, завязалась душевная беседа.

– А как у тебя дела с партийными взносами – аккуратно платишь? – спросил Бетал. – Далеко ведь отсюда.

– Далековато. Но что поделаешь? На той неделе пойду. Только вот баранчиков надо кастрировать. Ничего. Постараюсь за два дня обернуться.

– Давно в партии? – Пришвин уже достал дневник и, нагнувшись к огню, делал заметки.

Батый – так звали чабана – вступил в партию не так давно. всю жизнь он трудился, почти круглый год в горах. Его угнетает

одно: не шибко грамотен, не может читать газеты так, чтобы во всем разобраться самому и рассказать товарищам, пришедшим к огню. Времени на учебу не хватает. Культармейцам до него трудно добраться. Правда, Батый выучил печатные буквы, умеет по слогам читать названия статей, вывески. Он выписывает газету и покупает книги. Больше из любви к напечатанному. В редких случаях, когда он бывает в городе, не зайдет в книжный магазин. Неопытный покупатель приводит в замешательство продавцов своими наивными вопросами: «О чем эта книга?», «Кто ее написал?», «Для кого книга написана?».

Получив нужные ответы, Батый покупает то, что ему надо, но чаще выбирает книги по обложкам. Принесет домой кипу книг. Поставит свою покупку на этажерку. «Чем на книги деньги тратить, ты бы керосин купил», – упрекает его жена.

Батый на нее не сердится: «Книга в доме к добру, – отвечает он, – дети подрастут, будут ходить в школу, постигнут грамоту, а тут книжки их ждут. Читай, набирайся ума».

Так и живет Батый.

Бетал протянул чабану подарок.

Батый развязал шнурок, развернул плотную бумагу и, увидев добротные ботинки, растерялся, взглянул с недоумением сначала на Бетала, потом на гостя из Москвы.

– Это что?

– Подарок тебе. Из Москвы. Узнали там, что ты истоптал не одну пару обуви на ходьбу в район и обратно. Прислали.

Батый не мог взять в толк: верить этому или не верить. Он провел ладонью по блестящим носкам ботинок. Вдруг чабан о чем-то подумал, и его лицо озарилось улыбкой.

– Понравился подарок? – спросил писатель.

Бетал перевел ответ чабана:

– Поздний подарок. Будь я в таких ботинках, когда сватался, невеста скорей бы дала согласие. А то долго упиралась.

Поздно ночью Батый ушел к загону, показав, где гости могут отдохнуть до утра. У Бетала к седлам были привязаны бурки. Накинув их на плечи, гости долго еще сидели у костра, подкладывая в огонь дровишки. В ночной мгле белели вершины Эльбруса, залитые лунным светом. На небосклоне вытянулись облака, похожие на темные взлохмаченные брови, а на земле притихли сонные холмы, закутанные в черные башлыки тишины. Где-то далеко выли шакалы, собираясь в свору, чтобы напасть на отару овец.

Калмыков и Пришвин вели непринужденную беседу.

– Немало тривиального пишут о нас, – говорил Бетал. – «Бурный Терек», «Эльбрус – высочайшая гора...». Это давно известно. Но не один Терек бурлит. Бурлит и народ. Слов нет,

Эльбрус высок. Но выше его – мечта наша, наши коммунисти-ческие идеалы.

Бетал рассказывал о педагогическом институте – первом вузе в Кабардино-Балкарии. Сколько стоило усилий открыть его! Ликвидирована вековая неграмотность. Молодежь рвется к науке. Не сегодня-завтра повсеместно откроются средние школы. Значит, надо готовить кадры, чтобы перейти на новую, высшую ступень в развитии просвещения. А где открыть институт, если в столице Кабардино-Балкарии нет ни одного подходящего здания? Бетал Калмыков просил разместить институт в Пятигорске – городе, административно не подчиненном республике. Институту требуется не только здание, но и общежитие, квартиры для профессорско-преподавательского состава, учебная база. Ему идут навстречу, но с условием, что Бетал за три года построит новое здание для пединститута в Нальчике. А какими силами строить? Он уже заложил Дом Советов, который по своим размерам не имеет равного на Северном Кавказе. Сколько споров и жарких схваток вокруг этих строек. Нет, не так Терек бурлит, как сердца людей.

Бетал Калмыков содействовал проведению смотра художественной самодеятельности. Отобраны две группы парней и девушек – кабардинская и балкарская. Теперь они учатся в Москве в ГИТИСе. Не успеешь оглянуться, как вернутся из Москвы две театральные труппы. К их возвращению надо подготовить здание театра.

– Современные красивые дома мы строим не только в городах, но и в селах. Пусть кабардинцы и балкарцы видят перспективу – высоту, на которую коммунисты зовут их.

– Горделивые планы, – мечтательно сказал Пришвин.

– Это мечта повыше Эльбруса.

– Об этом писать не просто.

– Почему? – Бетал нахлобучил на голову невысокую каракулеву шапку.

– Плохо писать нельзя, а хорошо – трудное дело, – Пришвину не хотелось брать на себя обязательства, и он предпочел перевести разговор на другую тему. – Первое мое впечатление было необычайно радостным. Ночью по пути из Прохладной в Нальчик на дороге в свет фар то и дело попадали лисицы и зайцы. Видимо, у вас здесь охотничий рай.

Бетал не увлекался охотой. Он любил конный спорт, но обещал своему гостю поохотиться. Секретарь обкома понимал, как для писателя важны живые впечатления. Он увидит и использует в своей книге такие детали, которые другой человек может не заметить.

Бетал не стал говорить Пришвину, что они уже приехали на охоту. Пусть это будет сюрпризом.

Утром подъехало еще несколько человек, и группа охотни-ков отправилась в ущелье.

Впереди два всадника: Калмыков и Пришвин. Никто их не обгоняет. А если едут рядом, то так, чтобы голова их коня была дальше стремени Бетала или Пришвина. Этим выражают свое уважение к высоким гостям.

С низовья дули фионы, чтобы с полудня вернуться назад в притерские луга и раздать растениям влагу, которую они вобрали в себя от снегов и льдов. Вершины гор напоминали огромные белые паруса среди плывущих облаков. Внизу, в глубине ущелья, в дикой ярости пенилась река, напоминая свору грызущихся белых волкодавов. По берегам застыли синеватые леса. Там дичь.

Пришвин узнал от одного заядлого охотника, знатока здешних мест, что опавшая осенью листва не тлеет зимой. Она укрывает корни деревьев от сильных морозов и лишь летом начинает крошиться.

– Хорошо!

– А что хорошего?– Пришвин хотел продолжения мысли.

– Можно лечь на листья. Сухо и мягко.

– А как же комары?

– Комаров у нас мало.

– А мухи?

– Тоже мало.

Когда всадники спешились, Пришвин сам убедился в этом. Пошли по листве как по мягкому ковру. Деревья шумят сдержанно, под ногами шуршит листва, наполняя воздух пряным ароматом.

Начинается охота.

Гостю предложили залечь у огромного камня, отколовшегося от ближней скалы. Там проходила еле заметная тропа, по которой звери ходили на водопой. Каждый охотник выбрал себе место, а гайщики окружили небольшую опушку леса. Их крики и лай собак гулким эхом отдавались в тесном ущелье. Пришвин лежал у согретого камня, прислушивался к треску в лесу, шуму бурной реки, раскату эха. Охотничий азарт, видимо, ему не был знаком.

Вдруг перед ним показалась лань, молодое, красивое животное с горящими крупными, как слива, глазами, подернутыми дымкой. В них выражены испуг, ожидание и, как показалось Михаилу Михайловичу, доверие. Лань осторожно перебирает ногами. Ее небольшая головка на длинной гибкой шее высоко вскинута. Лань сделала несколько шагов и замерла. Пришвин боялся пошевелиться: вдруг «друзья природы» – охотники – увидят ее. От этой мысли у него замерло сердце. Лань, словно поняв его, легла на траву. Пришвин снял палец со спускового

крючка, глядел на нее и не мог наглядеться. Услышав приближающиеся голоса гайшиков, горная красавица вскочила и сразу оказалась среди камнепада на крутом склоне горы. Запоздавшие выстрелы лишь подгоняли ее. Лань исчезла в лесной чаще.

– Упустили дичь! – набросились на гостя охотники. Пришвин вылез из укрытия.

– Это не дичь. Это поэзия гор. А в поэзию я не могу стрелять, – сказал он.

Лампа Бетала продолжала светить.

Сравнительно недолгая деятельность Бетала Калмыкова была непрерывным восхождением, ибо все новое связано с его именем. Каждый год работы Бетала на посту секретаря обкома ознаменовался новой ступенью в развитии республики, зарождением чего-то небывалого, закладкой фундамента или возведением стен.

Вспоминается такой случай. Однажды я сидел в кабине, ожидая, когда приготовят ванну. Ванщица размешивала нарзан и временами бросала любопытный взгляд в мою сторону.

– Что, бабушка, так смотрите?

Старая женщина как бы вслух рассуждала:

– Давно ваша нация не отдыхала здесь.

– А какая это моя нация? – оживился я.

– Кореец, должно быть, – ответила она.

– Не кореец я, а кабардинец.

– А-а, соплеменник Бетала Калмыкова. Знала я Бетала Эдиковича. Любил приезжать к нам...

Я попросил приготовить ванну из чистого нарзана.

– Да ты что, милоч, Калмыков, что ли? Бетал Эдикович любил чистый нарзан. Он говаривал: «Приготовь мне, Евдокия Алексеевна, холодную ванну так, чтобы она шипела, как шампанское». Называл нарзанные ванны эликсиром хорошего настроения.

Пожилая женщина говорила о Бетале с любовью и уважением. Может быть, поэтому я приходил на ванны только в дни ее дежурства.

Во время перелета журавлей, если разыгрывается ветер, в косяке птиц чаще меняются головные журавли, чтобы не сбавить скорости лета.

Нечто похожее было в республике. После Бетала Калмыкова часто менялись первые секретари, ибо был сложный период, наполненный событиями предвоенного времени, а затем восстановлением разрушенного войной хозяйства, ликвидацией ее последствий.

Два десятилетия напряженного созидательного труда и два месяца разрушений в дни гитлеровского нашествия – так

сложилась история республики.

Маленькая Кабардино-Балкария все создала заново. Не было городов. Они появились. Не было промышленных предприятий. Города, поселки заговорили заводскими гудками, зазывая рабочих к станкам, агрегатам. На берегах Терека возникло чудо – создана современная оросительная сеть, влившая в колхозы жизненную силу. Над многоводными реками повисли ажурные мосты. Республика строилась двадцать лет, хорошела под благодатным солнцем коммунистических идей. Налетела буря войны, сорвала плоды неутомимого труда народа. За два месяца гитлеровская оккупация отбросила республику к исходному рубежу. Заводы, фабрики, больницы, школы, клубы, театры напоминали огромные могильные холмы, покрытые снегом.

После изгнания фашистских оккупантов трудящиеся республики стали поднимать из руин промышленные предприятия. Строить новые предприятия куда легче, чем расчищать площадки, вывозить, а чаще всего выносить на себе целые горы битого кирпича, изуродованного оборудования и металлоконструкций, а потом уж возводить новые стены заводских или фабричных корпусов. Немало усилий потребовалось, чтобы возродить колхозы, совхозы, МТС, открыть школы, больницы, клубы.

Весной 1949 года первым секретарем обкома партии был избран Василий Иванович Бабич.

Это был человек неумеренной энергии и работоспособности. Он с горячим энтузиазмом взялся за разработку планов дальнейшего хозяйственного и культурного строительства республики.

– Я должен наметить перспективу, – были его первые слова.

Особое внимание Бабич обратил на восстановление сельского хозяйства. И начал свою работу не с бесед, а с личного ознакомления с жизнью села.

Новый секретарь обкома приезжал в колхозы ранним утром, еще до того, как сами колхозники успевали выйти в поле, целый день ездил от агрегата к агрегату, от одного полевого стана к другому. За ним едва успевали районные и колхозные руководители. Иногда во второй половине дня, проголодавшись, они приглашали его присесть на часок, утолить жажду... Василий Иванович не очень знал местные обычаи, нравы и, может быть, поэтому отвергал традиционное слово «кебляга» (будь гостем). Обедал прямо в поле. Когда голод одолевал его окончательно, он садился под деревом, шофер извлекал из багажника припасенную еду. Пообедав, Бабич снова колесил по дорогам.

Рассказывали такой случай. Кому-то из местных руководи-телей все же удалось позвать его в дом. Хозяин и хозяйка сделали все, чтобы подчеркнуть традиционное гостеприимство, подать к столу то, что считается у кабардинцев пищей гостей.

Зная, что Бабиич не употребляет спиртного, никто не осмелился предложить ему вина. Василий Иванович воздал должное национальным блюдам и этим порадовал хозяйку. А когда подошло время выйти из-за стола, Бабиич велел гостям не вставать, пока не выяснится, сколько стоит съеденное.

Хозяева растерялись. Не было такого случая, чтобы подсчитывали стоимость угощения.

Поскольку все молчали, Василий Иванович подсчитал сам, конечно, со значительным превышением, а общую сумму поделил между теми, кто сидел за столом.

– Платите, иначе с вами больше не сяду, – вполне серьезно заявил он.

Об этом случае вспоминали. Одни считали, что в наше время так и должно быть, другие, наоборот, не одобряли. Усматривали в этом пренебрежительное отношение к традициям. Но все равно к Бабиичу относились с большим уважением. В решении коренных вопросов он всегда был на высоте. За сравнительно короткий срок им было много сделано для развития всех отраслей народного хозяйства и национальной культуры, особенно литературы, науки и просвещения.

Предметом его постоянной заботы было развитие общественного животноводства. Вместе с председателем Совмина республики Казаховым он побывал у животноводов на высокогорных пастбищах. Дороги туда были опасны, перебраться из одного ущелья в другое можно лишь верхом на лошади или пешком. Но ничто его не пугало. Доехав на машинах до штаба пастбищ, они пересаживались на оседланных коней и так продолжали свой путь.

Лето было в разгаре. На заоблачных лугах травостой такой, что жеребенок, отбившийся от матки, мог затеряться. Рядом суровые скалы, увенчанные снежными папахами. На крутых склонах нагретые солнцем ледники рождают бесчисленные ручьи, которые повисают голубыми лентами. Кругом тишина, даже ветры по травам носятся босиком, чтобы не шуметь. В небесной синеве парят орлы в поисках ягнят, оставленных невнимательным чабаном в траве. Рано пробудившийся медведь на лужайке неуклюже, с большим усердием разрывает землю, не обращая внимания на всадников, едущих где-то внизу по узкой тропе. Мало ли кто тут бродит, а ему надо отыскать клад, зарытый им здесь.

Впереди горы, залитые солнцем. Кажется, вытяни руку

– дотронешься, но попробуй до них добраться. Красота неопи-суемая, сказочная. Бабич был покорен этой красотой. Только здесь, за белыми бесшумными облаками, можно увидеть царство луговых цветов, белых облаков и голубых ледников. И все это вместе, все рядом. На склонах гор рассыпаны стада коров, отары овец, табуны лошадей, кошары и фермы.

Целую неделю ездили по горам «руководящие джигиты», как чабаны окрестили Бабича и Казмахова. Они обстоятельно ознакомились с жизнью и бытом животноводов, их нуждами и запросами, с состоянием поголовья, проблемами, решение которых не терпело отлагательства.

Уже одного дня езды по горам было достаточно, чтобы «джигиты» со всей остротой почувствовали, что значит с машины перебраться на коня и без тренировки целыми часами сидеть в седле. Порой приходилось снимать их с коня и тут же усаживать на бурку: ноги сводило с непривычки.

Ночевали у чабанов. А чабаны все равно что солдаты на переднем крае – ночью бодрствуют, днем спят на траве, завернувшись в бурку. С вечера они садятся вокруг загона, где стоят овцы, и всю ночь не смыкают глаз, переговариваясь друг с другом на расстоянии, свистят. Волки боятся подходить к овцам, когда видят, что чабаны не дремлют, а тут еще овчарки-волкодавы рвякают до самого утра, чувствуя близость хищников. Не очень заснешь.

Бабич и Казмахов объездили все долины и ущелья, вернулись полные свежих впечатлений, смелых планов переустройства основ землепользования на нагорных пастбищах, строительства водопровода, дорог, перераспределения угодий между районами, колхозами и совхозами. Впервые возник реальный план более рационального использования альпийских пастбищ. Вскоре этот план был разработан в деталях и утвержден.

Площадь Маяковского

Сама жизнь заставила и меня подумать о своей теоретической подготовке. Когда к тебе идут за советом научные работники, писатели, деятели культуры, то ощущать опору лишь в кресле, если даже оно высоко стоит, мало. Нужны глубокие знания и высокая культура.

Это я почувствовал в полную силу, когда мне было поручено выступить с научным докладом по проблемам истории своего народа на сессии научно-исследовательского института, на которую приглашались ученые из Москвы, Ленинграда и соседних республик и областей Кавказа.

Пришлось немало поработать, обращаться за помощью к ученым-специалистам, рыться в архиве, вести научно-исследовательскую работу.

Я подал заявление с просьбой отпустить меня на учебу и встретил понимание со стороны руководства.

Институт Красной профессуры – так называлась раньше Академия общественных наук. Туда я поступил в аспирантуру.

Друзья советовали мне: иди на литературный факультет, а во мне еще бурлил «исторический заряд», возникший после недавних научных споров вокруг исторических проблем.

Начались лекции, семинары, собеседования, конференции. С лекциями выступали известные люди, ответственные работники Центрального Комитета. Портфель всегда набит учебниками, книгами. Казалось, все бури улеглись, утихли людские страсти, не стало в мире ни споров, ни кипения, ни борьбы. Обложи себя учебниками, дыши архивной пылью и постигай мудрость истории, извлекай из нее уроки.

Приехал в Москву за пополнением научного багажа и Казмахов. Он тоже сменил кресло председателя Совмина республики на ученическую парту.

Мы нередко встречались и беседовали. Казмахов интересовался всем, что происходило в республике. Он поддерживал связь с товарищами по работе.

Место наших встреч – площадь Маяковского. Казмахов называл ее «линией кессона» (о демаркационной линии в Корее тогда часто писали в газетах). Ему идти от Миусской площади до Маяковской столько же, сколько мне от Кудринки.

Сидя за чашкой чая, мы предавались воспоминаниям, заново пересматривая факты и события, занимавшие нас до учебы.

Вновь спорили по вопросам, которые раньше обсуждали на заседаниях бюро. В частности, во взглядах на развитие свиноводства в республике мы стояли на различных позициях.

– Не может привиться свиноводство у кабардинцев-мусульман, пока они не освободятся от религиозных предрассудков, которые стали психологическим барьером, – доказывал я. – Животное тоже требует к себе внимательного, заботливого отношения. Если же человек испытывает к поросенку отвращение, то он никогда его не выводит. Беспомощное животное погибнет.

В подтверждение этого я привел пример.

Председатель одного из колхозов решил показать свою прогрессивность и пошел против традиционных запретов. Он закупил в соседнем Ставропольском крае свиноматок для фермы. Через два дня кабардинец-председатель привез их в аул. Колонна машин со свиньями остановилась у старого строения за аулом, где решено было создать свиноферму. Услышав визг свиней, уставших от долгой дороги, колхозники

убежали с фермы. Председатель поехал в аул искать рабочих, чтобы раз-грузить машины. Никто не соглашался. Пришлось обратиться за помощью к жителям казачьей станицы.

– Тут район виноват, – не сдавался Казмахов, – директиву дали, а как выполнять – не разъяснили. Любую идею можно извратить.

Но были и другие примеры, свидетельствующие о том, что новая отрасль животноводства стала постепенно прививаться в республике.

Казмахов вспомнил такой случай. В ауле встречали Новый год. За праздничным столом поддерживал строгий порядок тамада. Кстати, слово «тамада» кабардино-адыгейское, «тха» означает бог, «ада» – отец. И сейчас адыгейцы называют председателя колхоза тхамата, в смысле главный, старший.

В разгар праздника, когда люди уже воздали должное Новому году, в комнату ворвался человек с тревожной вестью: «Горит свиноферма!»

Гости повскакивали со своих мест, чтобы бежать тушить пожар. Встал и тамада:

– Где свиноферма? Далеко до нее?

– Далеко. Дорога завалена снегом, – ответил вестник беды.

– Садитесь! – хотел остановить людей тамада. – Пока доберемся, все равно сгорит...

Но колхозники не послушались тамаду, помчались спасать свиноферму. К счастью, с огнем уже боролись животноводы. Объятое пламенем строение было разобрано, горящие балки и стропила разбросаны на снегу, кормушки засыпаны снегом.

Однажды Казмахов пришел на место встречи в хорошем настроении. Он еле сдерживал улыбку.

– Подарок тебе, – сказал он и протянул газету, которою выписывал из Нальчика.

Я развернул ее. На внутренней полосе красовался портрет улыбающегося парня. Под ним – подпись: «Первый свинарь-кабардинец из аула...»

Свиноводство с трудом входило в хозяйственную номенклатуру кабардинских колхозов, хотя выгоды от него были очевидны: вся продукция шла на продажу. Постепенно это поняли, и свинофермы появились в колхозах.

Весна 1953 года долго носилась по ухабистым дорогам, по полям и лесам, пока не затихла, не успокоилась и не улеглась в свое привычное русло.

Кафедра утвердила тему диссертации, определили сроки защиты. Значит, мне в академии осталось находиться столько, сколько пробыл. А кажется, будто поступил совсем недавно.

Но вскоре в тихую академию ураганом ворвалась весть о

болезни Сталина и привела в смятение и ученых, и аспирантов. Все замерло в ожидании чего-то страшного, и оно недолго заставило себя ждать...

Тяжелые серые облака висели над московскими домами. Зима еще прочно удерживает свои позиции. На улицах потемневшие сугробы. Повсюду затруднено движение, а на главных магистралях оно прекращено. Площади и улицы захлебываются от траурных мелодий.

Мы идем по Садовой большой колонной к Дому Союзов. Все думали, что вышли первыми. По крайней мере одними из первых. Пересекли улицу Горького, подошли к площади Пушкина. А там бесконечная людская масса. Попробовали втиснуться в общую колонну, чтобы поскорее повернуть на улицу Пушкина, – безуспешно.

Пошли искать конец людского потока. Дошли до Курского вокзала. На привокзальной площади море людей, увеличивающееся с каждым приходом поезда или электрички. Мы разбились на мелкие группы, взяли за руки и втиснулись в колыхающуюся из стороны в сторону толпу, надеясь, что нам все-таки удастся пробиться к Дому Союзов. Но не пробились.

Поздно ночью, измученные, измятые и голодные, мы с большим трудом дотащились до общежития. На следующий день уже отдельными группками или в одиночку решили снова попытаться прорваться на Пушкинскую площадь. Со стороны Сретенки медленно катилась людская лавина. У начала Пушкинской образовался водоворот. Все устремились в узкую улицу. Две волны – справа и слева – силой плеч и локтей решали спор, кому выйти на эту улицу. Нам как-то с ходу удалось нырнуть в бурлящий поток. Но оказавшись между двумя противоборствующими волнами, мы только тут поняли, как это опасно. Сжали со всех сторон. Хочу вздохнуть – не могу. В глазах темнеет, а меня носят из стороны в сторону. Наконец вдохнув воздух, я бросился прочь из неуправляемой толпы. Добравшись до бульвара, я оттуда глядел на людской поток, разбухающий с каждой минутой, и благодарил судьбу, что мне удалось выбраться из толпы.

Отдышавшись, я повернул к дому. Но вижу, молодые парни, видимо, студенты, забираются на железные ворота. Точь-в-точь как в кинофильме «Ленин в Октябре». Я не удержался и последовал за ними. Мы оказались во дворе, по пожарной лестнице поднялись на крышу пятиэтажного дома, спустились вниз. Потом снова на крышу следующего дома, спуск во двор и опять железные ворота. Я поранил руку, но ничего не чувствовал, пока изорванный рукав пальто весь не намок. Парни, за которыми бежал, замаячили на крыше дома, выходящего на Пушкинскую улицу. Они метались, не зная, как спуститься вниз. Один из

них вскрикнул и прыгнул в толпу с третьего этажа... Но на это я не был способен.

Кто-то перевязал мне руку, и я отправился в общежитие. Дойти до Кудринки нелегко. Все равно, что идти против течения бурной горной реки. Моя окровавленная рука помогала. Люди пропускали из чувства жалости.

Дома я провалялся два дня. И лишь за несколько часов до прекращения доступа в Дом Союзов я узнал, что по депутатским билетам туда пропускали без очереди. Совсем забыл, что я депутат Верховного Совета своей республики.

Наконец я попал в Дом Союзов. Люди в глубокой скорби поднимались по белым мраморным лестницам. Рыдала музыка. Померк блеск хрустальных люстр, прикрытых черным крепом. Гроб стоял на высоком постаменте, как утес, захлестнутый волнами цветов, доставляемых сюда со всех республик, земель, стран и континентов. Они непрерывно пополняются, поскольку бесконечен поток делегаций.

Мне вспомнился канун семидесятилетия Сталина. Мои соплеменники шли тогда черкеску, чтобы подарить ему. Надо было знать размер. Товарищи показывали на меня, дескать, Алим такой комплекции, с него и снимать мерку.

Старик-портной удивился, что мерку надо снимать с меня...
...Белый мрамор колонн, приглушенный свет хрустальных люстр, печальная музыка, искаженные от горя лица, молчаливая смена почетного караула, напряженные шеренги войск – все исторгало горе, кричало и плакало навзрыд...

Подошло время защиты моей диссертации. Тема была уже одобрена. Отдельные главы предварительно обсуждались на ученом совете кафедры. Отзывы не оставляли сомнений: труд соискателя на уровне требований.

Защита прошла, как говорят, «без сучка и задоринки».

Учеба завершена. Вскоре пришло приглашение на работу. Меня назначили заместителем председателя Совета Министров республики.

Проходили месяцы, а приглашения для вручения диплома кандидата наук почему-то не присылали. Наводил справку у своих товарищей по учебе, оказывается, они уже имеют такой документ.

Я забеспокоился и, воспользовавшись командировкой в Москву, зашел в академию. Меня направили в Министерство высшего образования СССР, там сослались на ВАК. Высшая аттестационная комиссия на экспертную, последняя пригласила меня на свое заседание.

Случилось то, чего я не ожидал: произошли события, требовавшие внести в диссертацию изменения. С этим я согласился.

Некоторые члены комиссии брали под сомнение исследовательскую главу, историческая ли эта тема? До меня через плотно прикрытую дверь доносились обрывки фраз. Они казались мне несправедливыми.

После горячих споров ученых мужей позвали меня, чтобы объявить «приговор».

– Надо переписать диссертацию, взять новый угол зрения при исследовании фактов и событий, ставших достоянием истории, отказаться от увлечения цитатами. Этим грешит, кстати, не только ваша работа, но надо же с кого-то начинать, – сказал председательствующий.

– На переписывание года хватит? – Председатель экспертной комиссии хотел побыстрее закончить обсуждение вопроса. Таких дел, как мое, на очереди чуть ли не десятки.

Было ясно, что моя научная карьера на этом закончится. Хотя мое имя Алим в переводе и означает «ученый», «знающий» – оно не оправдало себя. Мне почему-то вспомнились слова одного колхозного бригадира в Малой Кабарде.

В его доме останавливалась фольклорная экспедиция научно-исследовательского института, состоявшая в основном из аспирантов, ученых-лингвистов. Бригадир от них был наслышан о защите диссертации и уяснил себе, что это значит. На очередном собрании колхозников, где обсуждался вопрос о прополке кукурузы, он решил отличиться своей ученостью.

– Что такое прополка? – спрашивал бригадир и тут же сам отвечал: – Это все равно, что защита диссертации. Защитил диссертацию – удвоил оклад при одном и том же уме. Прополка кукурузу – удвоил урожай.

Реле времени

Планы промышленного развития были похожи на контуры гор, четко обозначившиеся на синем небосклоне. Ориентация – приборостроение. На берегах Терека закладывались фундаменты двух заводов – алмазных инструментов и рентгеноаппаратуры, а в Нальчике – гидрометаллургического, приборостроительного, электровакуумного и многих других предприятий, комбинатов и фабрик.

Курган «Нартан» – в переводе с кабардинского «Стол нартов». Вокруг этого «стола» оказалось достаточно места, чтобы разместить корпуса нальчикского завода «Цветметприбор».

«Нартан» как бы самой природой создан для торжеств. Недаром живет в нашем краю легенда, что нарты – легендарные богатыри – хранили под ним нож-колосо, которое только им под силу было покатыть его ударом ноги на своих игрищах.

Было время, когда богатыри состязались здесь в

стрельбе из лука, проверяли прочность мечей, испытывали лучших скакунов, восхищались изяществом седел – гордостью кабар-динских умельцев. На эти празднества съезжались со всех аулов, старые мастера приводили своих достойных учеников. Победи-телей, чьи седла оказывались самыми красивыми, чьи мечи – самыми прочными, чьи кони выдерживали самые сложные испытания, приглашали на курган «Нартан» и удостаивали самой почетной награды – полного «рога богатыря».

Об умельце, испившем почетный рог, сочиняли песню, и народ пел ее на празднествах, воздавая хвалу «уму рук». Так складывалось мастерство в народе.

«Глаза увидят, руки сделают», – гласит мудрость. Прошли века, и люди увидели то, что одними руками сделать невозможно. Рядом с народными умельцами появились люди, «ум рук» которых обогащен наукой и высокой техникой.

На смену узконациональному ремеслу пришло сложнеее производство, основанное на достижениях современной науки и техники. Внуки кустарей стали промышленными рабочими, овладели новыми профессиями. Они делятся опытом и знанием с передовиками производства, мастерами-умельцами в масштабе уже не аула, а всей страны.

Я не раз ходил на завод смотреть удивительные изделия, которые делаются руками тех, кто всю жизнь занимался изготовлением седел и разведением кукурузы и пшена.

Один из многочисленных приборов, которые производит нальчикский завод «Цветметприбор», называется реле времени. Этот небольшой механизм, умещающийся на ладони, устанавливает режим технологического цикла, может отключить или возобновить тот или иной процесс через заданное время. Прибор как бы наделен чувством времени, не тратит ни доли секунды зря. В жизни народов, его судьбах существовало незримое реле времени, которое изменяло ход исторического развития, переключало его с одного этапа на другой. То, что люди теперь сами, своими руками делают такой прибор, символизирует подчиненность времени, подвластность его человеку.

Сказать, что реле времени – умный прибор, мало. Скорее, это прибор-мозг, регистрирующий время, расходуемое на определенный цикл работ.

Есть еще один удивительный вид продукции завода. Это алмазоискатель. От века труднейшим делом было выискивать в огромной массе руды крупички алмаза. Это кропотливейшая работа, отвлекающая тысячи пар зорких глаз, умелых и точных рук. А сколько человеческого труда уходило на это – и подсчитать невозможно. Казалось, только человеческий глаз может выбрать из песка этот ценнейший кристалл.

И вот изобрели «видящий» и «думающий» прибор – алма-зоискатель. В его действиях видишь не только точность умной машины, а, можно сказать, поэтическое творчество. В огромной массе руды прибор ищет алмаз, находит его, выбирает, крупички собирает в сейф с потайным замком да еще отсчитывает, сколько зерен упало в хранилище.

Такому прибору подавай только руду. И можно быть уверенным, что ни одна крупичка алмаза не только не останется незамеченной, но не уйдет на сторону. Недаром алмазоискатели, получив такой прибор, годовую программу рудника выполнили за... шесть дней!

Работа приборостроителей схожа с работой ювелиров. Вспоминается такой случай. В ленинградском Эрмитаже мне довелось увидеть женские серьги, найденные при раскопках недалеко от города Майкопа. Они имели вид полумесяца, вырезанного из кружка металла размером в трехкопеечную монету. В середине полумесяца линиями, невидимыми простым глазом, изображена тройка, запряженная в колесницу. Серьги относятся к третьему веку до нашей эры, когда не было увеличительных линз.

Говорят, император России, желая сделать одной светской даме подарок, пригласил к себе француза-ювелира, получившего первую премию на мировом конкурсе, и заказал ему такие же серьги. Ювелир шесть месяцев трудился, но выполнить заказ не смог.

Я об этом вспомнил не только потому, что искусство приборостроителей требует именно ювелирной точности, но и потому, что майкопские раскопки, где были найдены эти серьги, имеют определенное отношение к истории моих далеких предков, нынешних кабардинцев, которые тысячелетиями позже оказались приобщены к производству тончайших и точнейших приборов.

В огромном цехе ровные линии станков. Среди них есть такие, которые стоят в застекленных колпаках-чехлах. Такие станки требуют определенной температуры и полной стерилизации воздуха – иначе невозможно добиться точности обработки деталей, которые нередко можно увидеть только в микроскоп. Здесь быть одним ювелиром мало, надо уметь пользоваться различными увеличительными приборами.

Разговор о стеклянном колпаке вызывает воспоминание о курьезном случае. Однажды отдел контроля соседнего завода забил тревогу. Готовые к отправке приборы на поверку оказались негодными. Стали искать причину брака. В механизмах, насчитывающих тысячи мельчайших деталей и узлов, нелегко разобраться, но здесь на помощь приходит опять-таки прибор, указывающий узел, где надо искать дефект. Узел нашли. В его

деталях, соединениях не было изъяна, все сделано в полном соответствии с чертежами и техническими нормами. И опять люди ломали голову, приглашали специалистов, советовались с ними, вновь и вновь возвращались к одним и тем же деталям, все тщательно проверялось и испытывалось, делались всякого рода предположения...

После долгих проверок и испытаний обнаружили причину. Оказалось, одна из работниц цеха принесла селедку, положила в стол и забыла о ней. Запах селедки повлиял на качество деталей чувствительнейших приборов!

Да, в таком цехе девушкам приходится отказываться даже от духов.

Если бы богатыри, умельцы-оружейники собрались теперь вокруг кургана «Нартан», чтобы показать свое искусство, то рядом на арене оказались бы и девушки, создающие приборы своими тонкими, чувствительными пальцами.

Вместе с новыми станками приходила и наука. Каждый цех становился школой мастерства. Учились все. Умные станки требовали знаний и лишь тогда они подчинялись людям.

Я знал учителя этой своеобразной школы – Александра Воскресенского.

Всего восемь лет прошло с тех пор, когда этот мастер приехал в Нальчик из Ташкента и пришел на завод, который только начал выпускать продукцию.

– Вот два немецких станка-автомата. Освоишь – будешь на них работать, – сказали ему.

Не так просто было разобраться во всех сложностях автоматов, но дело не ждет, не ждут и пытливые ученики, ученицы, которые смотрят на мастера с надеждой.

– Немецкие станки ни по-кабардински, ни по-балкарски не понимают, – шутили товарищи, видя, как Воскресенский изводится, изучая детали и узлы сложного механизма.

– Ничего, научу понимать их по-русски, – отвечал токарь и научил. Станки «открылись» ему, поведали свою «тайну». Не прошло и двух недель, как автоматы заработали. К этим двум станкам прибавлялись новые: отечественные и «иностранные».

Вскоре под «командой» мастера оказалось 22 станка-автомата. На них работают молодые кабардинцы, балкарцы, обученные Воскресенским. Цех стал передовым на заводе. Какой бы «национальности» ни был станок, не только учитель-мастер, но и ученики приспособились быстро его осваивать.

Реле времени в судьбе рабочего Жабраила Жериштиева сработало не так, как он думал. Парню из аула хотелось быть актером, и он поступил в кабардинскую труппу. Но, достигнув призывного возраста, Жериштиев сменил одежды театральных

персонажей на военную гимнастерку. За годы службы в армии многое изменилось не только в театре, но и в самом Жериш-тиеве. Его принимали обратно в труппу, на то же место, которое он занимал до призыва в армию, но молодой воин решил пойти на завод. Правда, порой ему казалось, что он идет против своей мечты, что сцена будет по-прежнему звать его. А получилось иначе. Жериштиев попал в большой заводской коллектив. Рабо-та оказалась интересной, но еще интереснее были новые друзья. Почти у всех короткая биография, редко у кого трудовая жизнь начиналась не здесь. А характеры разные. Жериштиев присма-тривался к ним и думал: пришлось бы играть в спектакле роль рабочего-современника – непременно лепил бы образ с товарищей по цеху. И он это делает! В заводском клубе есть драм-кружок.

– Создавать формы новых деталей – тоже творчество. И здесь надо быть артистом, – поддерживает мастер Брагин своего товарища.

Сердца, устремленные вперед, – вот как вкратце можно охарактеризовать приборостроителей.

Завод получил очень сложный станок, на котором обраба-тываются детали через большой увеличитель. Рабочий, укрыв голову черной тканью, как это раньше делали фотографы, наблюдал за обработкой детали, увеличенной в десятки раз, а руками налаживал работу станка.

Это был труд, требующий большого напряжения зрения, внимания и нервов. Но производительность оставалась низкой. Конструкторы ходили вокруг «последнего достижения техни-ки» и ломали головы: как усовершенствовать, сделать станок более доступным? Не может же рабочий смену простаивать под черным балдахином!

Говорят, кто ищет – находит. Конструкторы изобрели новый станок, который сам выполняет сложнейшие операции.

Застенчивая Раиса Бабаева, поступая на завод, не верила, что и она когда-нибудь сумеет подчинить себе сложные станки. Молодая кабардинка прошла нелегкий жизненный путь: ее отец погиб на войне, она старшая в семье и должна была заботиться о младших братишках и сестрах. В селении было привычным делом доить корову или запрягать лошадь, но оседлать станок-автомат... на это не хватало смелости. Она боялась даже подойти к станку, особенно после того, как однажды по неопытности сломала сверло.

Находились и плохие советчики.

– Не женское это дело! Где это видано, чтобы девушка-кабар-динка пачкалась в масле, работала на станке? – нашептывали ей.

Раису не пугала замасленная спецовка. С каким лицом, она,

комсомолка, вернется домой, если послушаться советчиц?

Мать говорила дочери:

– Не слушайся никого. Ищи себе дорогу в жизни.

Раиса искала и нашла.

У своего воспитателя, русского мастера, Раиса училась настоящей точности. «Автоматы созданы человеческим умом, значит, они должны покориться человеку», – так думала она.

И вот теперь четыре станка-автомата работают под присмотром Раисы Бабаевой. Девушка дает им урок, а потом сама проверяет, как ее «подчиненные» выполняют заданную программу. По звуку, по легкому стрекотанию узнает Раиса, все ли гладко, и, если обнаружит недостаток, привычным движением точных рук устранил его.

Потом Раиса поступила на заочное отделение университета. Рядом с привычными инструментами лежат у нее на столе и учебники.

– Моя ученица! – с гордостью говорит русский мастер, который не только учит других, но и сам заочно учится в техникуме. Других учить и самому учиться – черта характера всех, работающих в этом цехе.

Создавать умные приборы – увлекательное дело. Тонкие и чувствительные пальцы девушки, женское усердие и терпеливость – как все это необходимо в производстве точных приборов.

Был, говорят, такой случай. В старые времена к наместнику Кавказа приехали гости из Петербурга, среди них была дама. Горская знать встречала гостей помпезно. Всех одарила дорогими подарками, но чем удивить даму? Поиски привели к кабардинке, известной умением ткать необыкновенно тонкое сукно. У нее взяли отрез на платье и, чтобы показать светской даме, какая это тонкая работа, протянули отрез сукна через обручальное кольцо.

Когда видишь то, что делает Раиса Бабаева и ее подруги, такие же молодые горянки, то думаешь, какое чудесное реле времени следит за их взлетом, совершенствованием тончайшего мастерства. Эти девушки делают не ткань на допотопных ткацких станках, а приборы, которые удивляют своим совершенством. Это же не просто тонкая работа, это – мудрость!

Первые послевоенные пятилетки – не только восстановление разрушенного хозяйства и его новое развитие. Они характерны всенародной учебой, широким освоением нового заводского оборудования, сельскохозяйственных машин. Это массовое пополнение рядов национального рабочего класса, его бурный численный и качественный рост. В этот период возникли рабочие поселки, вскоре ставшие городами.

Изменились условия жизни, и люди, сами этого не замечая, изменяются, приобретают новый строй души, новые и общие

для всех национальностей нашей страны черты характера.

Праздник четырехсотлетия

В 1957 году в связи с приближающимся четырехсотлетием присоединения Кабарды к России республика обратилась в центральные партийные и государственные органы с ходатайством о праздновании исторической даты. Все наши предложения были приняты. Я вернулся из Москвы домой с постановлением Советского правительства о проведении грандиозного праздника: декады русской литературы и искусства в Кабардино-Балкарии и декады культуры и искусства Кабардино-Балкарии в Москве.

Работы предстояло много. Надо было подготовить творческие коллективы республики, создать новый репертуар, провести смотр художественной самодеятельности, выявить новые таланты. Потребовалась помощь Москвы, и помощь пришла.

Министерство культуры Российской Федерации прислало известных в стране мастеров искусств. Был создан штаб по подготовке и проведению декады.

Разносторонней подготовительной работой руководил замечательный советский композитор Ваню Ильич Мурадели, в котором счастливо сочетались способности талантливого художника и прекрасного организатора. На репетиции коллектива художественной самодеятельности Ваню Ильич, глядя на девушек, восторгался:

– Смотри, сколько красивых девушек! Они полыхнут огнем из красивых глаз на москвичей – и завоюют их сердца. Красота женщин – тоже проявление таланта народа.

Ваню Ильич искал краски, и в этих поисках был неутомим. Однажды ему захотелось поехать на Эльбрус. Когда перед ним открылся двуглавый белый великан, Мурадели остановился, снял шляпу и поклонился Эльбрусу. Долго молчал, положив руку на мое плечо. Немолодой композитор дышал тяжело. Высота. Разреженный воздух. Затем заговорил медленно, делая вдох перед каждым словом:

– Видишь цвет Эльбруса? Белый. Белый цвет – это цвет гения, цвет таланта. Высоко вознеслась гора, только небо у нее собеседник. Нет горы, равной Эльбрусу. Но горы, которые держат на своих плечах Эльбрус, не чувствуют его тяжести. Почему, спроси ты меня. Почему? Потому что Эльбрус – это талант кавказских гор, их суть. Гордость! – Ваню Мурадели не просто беседовал со мной, он думал вслух. В эту минуту рождались у него мысли, идеи.

– Все-таки его собеседник не только небо, – подзадорил я своего друга. – Он и с тобой беседует. Почему ты заговорил о таланте? Потому что Эльбрус тебя об этом спросил. А говорят,

гора с горой не сходятся. Сошлись же...

Он воскликнул:

– Что ты говоришь! Где они сошлись? Я вижу только одну гору. Двуглавою. Рядом с ней никто не может стать, кроме Лени-на... Постой, родилась идея. – Ваню Ильич снова повернулся в сторону Эльбруса. В его воображении возникла необыкновенная картина...

Месяц спустя все, что родилось у Ваню Мурадели в его богатом воображении, я увидел на сцене Большого театра. Самое лучшее, созданное за десятки лет, нашло отражение в программе заключительного концерта.

Зрительный зал переполнен. Артисты и руководители волновались в этот день особенно. Причина для этого была. Некоторые участники ансамбля песни и пляски и коллектива художественной самодеятельности заболели гриппом. Как быть? Новых артистов не найти. Нужно перестроить программу. Возникли споры, а уже пора открывать занавес. Вдруг один за другим появляются одетые в костюмы парни и девушки. Откуда?

– Бежали из больницы. Через окно. Успели заскочить в гостиницу и переодеться...

Министр культуры решил отправить «беглецов» обратно в больницу.

– И других заразить хотите гриппом? – строго сказал он.

У больных от высокой температуры горят глаза. Но они полны энтузиазма, хотя бы то ни стало выступить. Сколько готовились к этому! Они знают, что их никто не заменит.

– Пусть выступают. После концерта снова через окно в свою палату, – распорядился Ваню Ильич.

Концерт прошел с огромным успехом. Зал вознаграждал артистов неистовыми аплодисментами, возгласами одобрения. Даже много выдавший Ваню Мурадели не смог сдержать счастливых слез радости. Ведь эти аплодисменты – и ему, за его вдохновенный труд, за его ум и талант большого художника.

Финал достойно венчал всю программу. Зрители увидели панораму белых кавказских гор, над которыми возвышался двуглавый Эльбрус. У подножья Шат-горы выстроились участники декады для заключительного номера.

Зазвучала музыка, широкая и величественная. Песня о Ленине... Над Эльбрусом, словно из-за белых облаков, взметнулось красное полотнище, а на нем – знакомый и близкий всем людям земли образ Ленина, живой, одухотворенный и осененный мудростью. Знамя трепещет, горит ярко на фоне белых снегов. Мощный голосовой поток, идущий из глубины сотен сердец, наполняет зал. Заключительный аккорд декады.

Десять дней наши писатели, художники, творческие коллективы были в гостях у москвичей. Теперь надо спешить домой, подготовиться к приему гостей. Их будет столько, сколько у кабардинцев никогда не было. Одних москвичей более пятисот человек. А сколько еще из республик и областей страны!

Постановление правительства предусматривало строительство в Нальчике нового здания театра, а также общественных зданий и жилых домов, открытие среднего музыкального учебного заведения, развитие курорта «Нальчик» и альпинизма.

Методом народной стройки создавалась самая большая сценическая площадка – Зеленый театр почти на четыре тысячи мест. Ожидалось еще одно важное событие, приуроченное к этой исторической дате, – это создание на базе педагогического института нового высшего учебного заведения – Государственного университета республики. На Северном Кавказе еще никогда не было университета. Теперь сбылась мечта кабардинцев и балкарцев.

Открытие университета превратилось в грандиозный праздник культуры народов Северного Кавказа. Нальчик, который не так давно был всего навсего слободой, становится университетским городом.

Кабардино-Балкария готовилась к приему гостей – писателей, поэтов, композиторов, художников, артистов, творческих коллективов. Надо было их поудобнее разместить. Для этой цели использовали санатории.

Десять дней ликовал народ, десять дней рукоплескал он посланцам Москвы. Такого массового торжества не знала Северо-Кавказская земля. В городах и селах, на пастбищах – всюду звучали музыка, песни, стихи, слова приветов. Штаб декады осаждали представители из районов: «Пошлите к нам поэтов, певцов, артистов – аул просит». На концерты и выступления гостей в Нальчике идут и едут зрители из самых дальних аулов. Они располагаются табором в парке и садах, чтобы вечером заполнить залы зрелищных предприятий.

Мне вспоминается концерт в Зеленом театре. Старики сидят, подперев подбородки палкой. На голове почти у всех войлочные шляпы. Они деловиты и молчаливы. Они – само внимание.

На сцене солисты балета.

Я знаю, мои соседи, старики-кабардинцы, никогда не видели ничего подобного, поэтому слежу за выражением их лиц.

Старики сначала посмотрели друг на друга. Один из них как бы из чувства протеста надвинул на глаза широкополую войлочную шляпу, потом передумал... Рядом с ним и его старуха. Она смущенно отвернулась при появлении балерины в пачке.

Но заметив, что взгляды всех устремлены на сцену, быстро привыкла к необычному зрелищу.

Один старик явно хитрил: прикрыл лицо кистью руки, а пальцы были так растопырены, что сквозь них он видел все.

В ауле Кишпек не успели построить клуб, но кишпекцы хотят, чтобы у них тоже был праздник. За несколько дней сколотили подмости на открытой площадке и потребовали: «Пошлите к нам самый большой художественный коллектив». Пришлось удовлетворить их просьбу. С гостями вместе поехал и я.

После концерта – ночное шествие к высоким берегам бурного Баксана, который, как бы подхватив конец песни, несет его дальше...

На лужайке в землю вбиты колья. На них висят фонари «летучая мышь». Чуть в стороне над кострами огромные котлы, из которых торчат бараньи ножки. Опытные кулинары жарят барана целиком, чтобы потом саблей отсекал ароматные куски и угощать им гостей.

А тосты? Что ни тост, то поэма, эпическая песня. Только к утру гости вернулись к себе.

– Земля не чувствует тяжести гостей, – радовались в аулах, когда встречали машины, полные москвичей. – А как почувствует, если люди несли гостей до клуба на руках?

В этом не было преувеличения.

Знак мастера

Не раз мне приходилось испытывать волнение, связанное с избранием в депутаты, сидеть за столом президиума на собраниях избирателей, слушать речи, преисполненные доверия.

Иногда куда легче слушать критику в свой адрес, чем слова похвалы, которые ты в уме как бы примеряешь на себя и чувствуешь: одежда непомерно велика. Вместе с тем ищешь оправдания, успокаиваешь себя, мол, это аванс. Люди хотят, чтобы ты был таким, каким они представляют своего депутата. Хочется дать самому себе клятву: привести черты своего характера, нормы поведения и отношения к товарищам, делам в соответствие с тем, как о тебе говорят, – быть настоящим слугой народа.

Не раз я думал о том, что поэты и писатели – тоже слуги народа, с одной лишь разницей: депутатов выбирают на определенный срок, а писатель, отдавший свой талант народу, становится его слугой не только до конца жизни, но до тех пор, пока его произведения читаются.

Правдивость, принципиальность, честность, отзывчивость, скромность – эти качества человека с высокими нравственными устоями должны быть одинаково присущи и депутату и пи-сателю.

Однажды ко мне обратилась группа студентов из университета. Их было семеро. Один из них, волнуясь, рассказал о причинах, которые привели их сюда. Я не стал объяснять, что по распределению обязанностей в Совете Министров университетом занимаюсь не я. Студенты это и так понимали. Они пришли ко мне как к поэту и депутату, к которому избиратель вправе обратиться по любым вопросам.

Суть жалобы заключалась в следующем.

В аулах, откуда они родом, председатели колхозов, по их словам, самоуправствуют, обобществляют коров, находящихся в индивидуальном пользовании. Каждый из студентов рассказывал о случае, связанном с их семьей.

Вслед за студентами пришли старики из аула с такой же жалобой. Они спрашивали моего совета, дескать, как им поступить – написать в Москву или послать ходока в Центральный Комитет партии?

– Ни того, ни другого. Пора ходоков, – убеждал я их, – прошла, не следует прибегать к таким мерам. Все можно уладить здесь, в республике.

Я отправился проверять жалобы избирателей.

Действительно, кое-кто из сельских руководителей решил «отличиться», резко увеличить число коров на сто гектаров пашни. Но не за счет воспроизводства общественного стада, а путем скупки коров, находящихся в индивидуальном хозяйстве. Нашлись колхозники, которые согласились продать колхозу коров, когда им пообещали ежедневно продавать парное молоко в нужном количестве, причем каждый день от одной и той же коровы.

Сельские руководители не подумали о том, что скупка коров в индивидуальном хозяйстве в будущем поставит их самих в трудное положение. Ежегодно колхоз контрактировал телят у колхозников и за счет этого выполнял план. А теперь они сами себя лишали такой возможности.

В конце концов справедливость была восстановлена, нарушителям устава сельхозартели пришлось занять «защитную линию» перед депутатом и его избирателями. Спор мне стоил немалых усилий и волнений, зато в глазах избирателей их депутат выглядел таким, каким они рисовали его портрет на предвыборном собрании.

Мои творческие планы все время отодвигались, переносились в будущее, а возраст требовал сказать свое слово в литера-

туре. Я заявил о своем решении уйти на творческую работу.

– Как ты можешь оставить добровольно столь высокие посты? – искренне недоумевали мои друзья, узнав, что я иду на должность председателя правления отделения Союза писателей Кабардино-Балкарии. Они имели в виду посты заместителя председателя Совмина республики и заместителя председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

Я отшучивался:

– Отдаю два заместительских поста за один председательский.

Свой первый роман «Чудесное мгновение» я писал в воскресные дни и во время отпуска. Иногда раньше урочного часа приходил на работу, чтобы посидеть над рукописью, вычитать напечатанное.

Писал от случая к случаю. Очень часто в зародыше погибали стихи, которые где-то в глубине души вспыхивали искорками и, не успев превратиться в пламя, угасали.

И вдруг я стал свободным от дел. Пиши. Такое состояние для меня было непривычным. Мне почему-то казалось, вот-вот меня снова позовут в Совет Министров и скажут: займись строительством школ, больниц в районе, ищи средства, строительный материал...

Литература выходила на передний край борьбы за обновление жизни. О каждой вышедшей в свет книге говорили с больших трибун. Библиотеки просили авторов встретиться с читателями.

Обсуждение новых книг становилось праздником. И я теперь – «свободный казак» – могу активно участвовать в литературном процессе, отдавать себя полностью своему любимому ремеслу.

Однажды после литературного вечера ко мне подошла пожилая женщина и сказала:

– Своей книгой ты словно каждому шелковую рубашку сшил. Да будешь отмечен долголетием.

На литературных вечерах писатели и читатели узнают друг друга. Особенный смысл их встречи приобретают в национальных республиках и областях. Каждая хорошая, умная книга, словно единственный плод на молодом дереве, на виду у всех. Она воспитывает и развивает в читателе чувство национального достоинства и гордости, чувство дружбы и равенства всех народов нашей великой страны.

С группой писателей и поэтов я приехал в колхоз на книж-

*Двуколка на рессорах.

ный базар. В Центральной России или другой республике с традициями многовековой литературы книжный базар никого не удивляет, а для кабардинцев это явление небывалое. Горцу приходилось покупать на базаре кинжал, колесную мазь, ситец, мельничные жернова, подкову, седло, коня. Но книгу купить!

Это входило в быт только теперь.

Работник потребсоюза, знавший всех писателей республики, представил их на книжном базаре так:

– Перед вами гости, наши писатели, их книги на столах. Подходи, бери. Книги – за деньги, а желающие получить автограф – могут получить его бесплатно. Книга сама по себе не дорогая – полтинник или рубль. А если она с автографом – это уже богатство.

– Для чего автограф? – спрашивает посетитель.

– Для чего автограф? – Организатор книжного базара не ожидал такого вопроса, но сразу нашелся, что ответить. – Автограф, милый мой, это знак мастера. Раньше как бывало: оружейных дел мастер сделал тебе кинжал или саблю – заплатил цену и носи на здоровье. А вот он и насечку нанес, поставил свой фамильный знак – уважение тебе сделал на всю жизнь. То же самое и тут. Книга стоит, к примеру, рубль. А на этой книге подпись автора. Сейчас ты платишь всего рубль и за книгу и за подпись. А когда автор умрет, за эту же книгу любой музей даст тебе три цены, если на ней автограф...

Сказать, чтобы слова председателя книготорговли доставили нам большую радость – нельзя. Но и как обижаться на него – он верит в далекую перспективу, думает о людях следующего поколения, которые вот так же, как сегодня, будут покупать наши книги.

Мы встали за прилавки. Торговля началась.

Я заметил, что юные покупатели, пионеры, тайком поглядывают на нас, с затаенным дыханием читают слова, которые мы надписывали, но больше сравнивают подписи разных авторов. Со знанием дела они оценивают, кто из нас преуспел по чистописанию, пишет красиво.

Один мальчик долго присматривался ко мне, изучал пытливым взглядом, как я расписываюсь, затем повернулся к моему соседу, оценил его подпись. И дал совет своему дружку:

– Бери у него – красивей расписывается! – сказал он, мотнув головой в сторону моего соседа.

Я сделал вывод: надо расписываться более замысловато, делать красивые завихрения, тогда и мои книги будут быстрее распроданы.

Читательские конференции стали традицией, спутницей всех празднеств, даже дней животноводства. Для обсуждения новых книг представители библиотек выезжают на полевые

станы колхозов, фермы и стройки. Конференции, как правило, заканчиваются концертом, на котором выступают поэты, компо-зиторы и артисты – исполнители песен.

После выхода в свет романа «Чудесное мгновение» читатели-животноводы пригласили меня для обсуждения книги на заоблачные пастбища. Добираться до них – нелегкое дело, в плохую погоду тем более. А погоду не угадаешь. Внизу яркое знойное солнце, поднимаешься на высоту в несколько тысяч метров – ты уже в клубящихся облаках. Бывает, и среди ясного неба загремит гром.

Именно так случилось и в этот раз. Наш «газик» еле караб-кался по узкой дороге, по которой навстречу несся грохочущий поток, готовый смыть нас. Благоразумие требовало повернуть назад. Но подумав о людях, – молодых девушках и парнях, которые и в такую погоду придут на встречу, – мы преодолели сомнение, почти ошупью находили дорогу, вьющуюся по крутому склону.

Иногда молния на мгновение выхватывала из мрака колею.

Глубокой ночью доехали до фермы. Читатели не скучали в ожидании автора: устроили танцы под гармошку. Увидев меня, они снова расставили скамейки, расселись, и конференция началась под громовые раскаты и шум ошалевшего ливня. А разошлись люди, когда над альпийскими лугами уже блеснуло солнце. Каждый спешил на свою ферму – парни верхом на отменных скакунах, а девушки – на бидарках*.

Поворот моего имени

На мой пятидесятилетний юбилей съехалось много гостей. Мне хотелось выразить всем сердечную благодарность щедрым гостеприимством. Я понимал, что они чествовали не только меня лично, но в моем лице и литературу, которая стала частью общенародного дела. Литература Кабардино-Балкарии к этому времени уже снискала себе признание всесоюзного читателя.

После торжественного вечера, прошедшего незабываемо тепло и сердечно, я пригласил желающих посмотреть эпическую красоту гор, провести день на лоне природы. Канатная дорога на Чегет была только что сдана в эксплуатацию и привлекала к себе всеобщее внимание. Да и шашлык, приготовленный по классической технологии, обладал притягательной силой.

День выдался солнечный. Эльбрус излучал ослепительную белизну на фоне ярко-голубого неба. На синих склонах гор повисли ручьи, берущие начало под голубыми папахами гор.

Как только сошли с машин, гости рассыпались по поляне, рассеченной на неровные доли нарзанными речками. Многие поспешили на канатную дорогу, чтобы хоть на несколько минут вознестись выше гор. Заиграл гармонист. Пусть повара орудуют под музыку. Вспыхнул костер, чтобы были горячие угли для шашлыка. Студеные нарзанные ручьи – лучшие холодильники.

С нами были мои новые друзья, представлявшие тогда Российский Союз писателей – Сергей Баруздин и Мустай Карим, Сергей Бондарин, мой переводчик произведений прозы, и другие гости из Москвы, республик и областей Кавказа, придавшие значимость юбилею горского стихотворца.

После обеда нам надо поспеть в Шалушку, где земляки решили также отметить мой юбилей.

Чтобы не опоздать, решили состязаться в скорости с ветром, и это кончилось очень печально. Произошла автомобильная катастрофа.

Машину, в которой сидели Мустай Карим с женой Раузой, я и мой сын, вел недостаточно опытный шофер, редко ездивший в горы. Он развил слишком большую скорость, и машина на крутом повороте с ходу налетела на дерево, стоявшее прямо по оси дороги...

Раньше, чем я почувствовал удар в грудь, до меня донесся слабый крик Раузы, которая сидела впереди, рядом с шофером. Машина, словно гвоздем прибитая, замерла. У меня закружилась голова. Из носа хлынула кровь. Закричал и сын. Мустай кинулся к жене и, ощутив кровь на ее голове, стал звать на помощь.

Люди, ехавшие сзади, бросились к нам. Кто-то за руку потянул сына, и мальчик завыл от боли. Оказалось, выше локтя у него рука перебита. У Раузы осколком вдребезги рассыпавшегося ветрового стекла, как скальпелем, срезало кожу на голове. Вдобавок, рана на ноге. Рауза потеряла сознание.

Мустай Карим отделался ушибом, а шофер царапиной.

Как потом выяснилось, у меня от удара образовалась трещина в грудной клетке, на голове – рана, кисть левой руки перебита.

Так как Рауза была в тяжелом состоянии, врачи города Тырнауза, куда срочно доставили нас, не разрешили транспортировать ее дальше в Нальчик. Разместили и нас в той же больнице. Утром в Нальчик на вертолете был отправлен мой сын Александр, потому что на месте не оказалось опытного костоправа... Меня положили в гипс, грудную клетку словно сжали тисками. Левая рука также в гипсе, голова перевязана.

На другой день приехала из Нальчика группа врачей. Они заходили в палату, говорили между собой вполголоса. Больше

обращались к Мустаю, потому что только он был способен вра-зумительно отвечать на вопросы. Мне они казались тенями, их голоса звучали странно, будто разговаривали со мной через бурный ручей, выхватывающий из фразы отдельные слова.

Из разговора я узнал, что весть о случившемся облетела республику, и местные руководители распорядились срочно послать в Кисловодск вертолет за профессором для Раузы. За окном слышался людской говор, это разговаривают те, кого не пускают в больницу.

Профессор, прилетевший на вертолете, нашел действия врача Хасанби Каранашева, в руки которого мы попали через час после катастрофы, правильными. Когда врачи вошли в палату, до моего слуха донеслись слова: «Если проживет семь-десять пять часов, то выживет». Это относилось к Раузе, жизнь которой висела на волоске. Слова врезались мне в память. Наз-вав мое состояние «удовлетворительным», профессор уехал.

С этой минуты я стал высчитывать часы, передо мной во мгле горели две цифры: семьдесят пять.

На ночь мне сделали инъекцию морфия. Наркотическое средство перенесло меня в иной мир. Я словно раскачивался на облаках, чувствовал себя невесомым, а боль грудной клетки приглушалась, таяла, не причиняя мне страдания. В голове по-прежнему клубятся туманы. Сквозь неясности вспыхивают слова «семьдесят пять часов».

Глубокой ночью, когда по моим подсчетам уже прошло семьдесят пять часов, меня охватило неодолимое желание – узнать, что же с Раузой? В палате было тихо.

Мне стоило немало усилий, чтобы встать. Казалось, одна половина груди остается на кровати, а я обнаженными ребрами цепляюсь за одеяло. На лбу выступил пот, из глаз брызнули слезы, но я встал, стиснув зубы. Несколько минут постоял у койки, чтобы отдышаться, и потом сделал первый шаг, второй...

– Как Рауза? Жива? Уже семьдесят пять часов...

Через неделю Мустай был здоров, но находился в больнице из-за жены, которая уже пришла в сознание. Почувствовав облегчение, я стал спать, а через две недели уже мог вставать без посторонней помощи.

Мустай сидел у окна и предупреждал о появлении вертолета, с каждым рейсом которого обязательно кто-то приезжал к нам. Мустай напевал сочиненную им песню:

*Вот летит вертолет,
К нам кого-то везет...*

Однажды пришли навестить настырныаузские горняки. Они принесли с собой запах штольни и руды. Они выглядели застенчивыми и даже робкими. Горняки вошли в палату, не зная, как обратиться к нам. Один из них держал сверток, растерянно искал, куда бы его положить, потом развернул белую салфетку – еще теплый шашлык на вертеле. Второй, недолго думая, поставил бы к вам. Не пускают. Нам поручено сказать: нет ни одного среди нас, кто не готов принять на себя вашу боль. До слез обидно, приехали радоваться, а пришлось слезы лить.

– Извините. Мы по-горняцки, – появилась ароматная баранина, стаканчики, фрукты, помидоры и даже соль в солонке, хлеб. Карманы роб казались бездонными. – Мы пришли извиниться за наше ущелье. Норовистая дорога у нас, многих вышибает из седла. А тут дух поэтов. Обидно очень. Все горняки пришли бы к вам. Не пускают. Нам поручено сказать: нет ни одного среди нас, кто не готов принять на себя вашу боль. До слез обидно, приехали радоваться, а пришлось слезы лить.

Это были простые парни, молодые рабочие, которые, кончив училище, пошли работать на рудники. О горняках говорят: «спустились в шахту», но у них это определение не подходит, потому что их шахта на высоте трех тысяч метров над уровнем моря.

Нам приятно было провести с ними часок. Горняки знали нас по книгам, в беседе как бы невзначай звучали в их устах строки наших стихов. Это для нас было лучшим лекарством. От горняков мы узнали, что поворот, у которого произошла авария, водители называли поворотом Алима Кешокова.

Те несколько сосен, которые стояли на оси дороги, спилили, чтобы больше на них не налетали машины, убрали и огромные валуны. Поворот уже больше не таил неожиданностей. Но каждый проезжающий что-то вспоминал о нашей катастрофе.

Эта катастрофа для меня не была последней. Накануне выборов 12 июня 1966 года пришла телеграмма. Писатель Михаил Алексеев извещал: «Узнав о выдвижении твоей кандидатуры в Верховный Совет, еду к тебе с друзьями отдавать свой голос».

В шесть часов утра я выехал в Минеральные Воды встречать московских друзей.

Шел сильный дождь. Отъехав от города километров двенадцать, я заметил: мой шофер засыпает за рулем. Я предложил ему остановить машину у ручья и сполоснуть лицо холодной водой, но он упрямылся, хотя уже признался мне, что всю ночь гулял на свадьбе.

– Я чувствую себя бодро.

Я не спускал с него глаз. Второй катастрофы мне не хотелось.

Одно утешение – на дороге мало машин. Избиратели уже шли в избирательные участки в бурках и широкополых вой-

лочных шляпах, женщины – с зонтиками. Мне и самому не мешало бы проголосовать. Погода нелетная. Вдруг придется целый день прождать самолет в аэропорту.

Приехали в Пятигорск. Стрелка спидометра тычется в «сто». На дороге скользко, на крутых поворотах машину заносит. Вздремнешь – поплатишься. Дождевые струи пляшут на асфальте. По обочинам шумят мутные ручьи. Перед ветровым стеклом висит сплошная дождевая пелена. Из нее то и дело вылетают встречные машины и, обдав нас брызгами, проносятся мимо.

Догнали большой автобус, его называют хозяином дороги за то, что он занимает все шоссе и никому его не уступает. Автобус шел на большой скорости, мой шофер прибавил скорость и стал обгонять машину. Стрелка стоит на «сто десять». Мы уже поравнялись с автобусом. Еще сто метров, и мы можем снова занять правую сторону дороги.

Вдруг, да, именно вдруг, из ливня вылетел мотоцикл с коляской. Секунда – и столкновения не избежать. Разминуться невозможно: автобус идет почти по середине дороги. Шофер нажал на газ, чтобы скорей обогнать автобус и уступить дорогу мотоциклу. Мотоцикл пронесся мимо, нас стало заносить на мокром асфальте. Водитель пытался вывернуть руль, но куда там, в один миг машина сделала на дороге разворот, ударилась правым боком о дерево, сшибла его и покатилась вниз под откос. В этом месте насыпь была высотой метра три. Машина, сделав сальто, упала колесами кверху в овраг.

Пассажиры автобуса, видевшие все это, бросились на помощь. Они отодрали сплюсненные дверцы, и мы с шофером, словно из мышеловки, вылезли на четвереньках.

На этот раз все обошлось более или менее благополучно. Я чувствовал лишь боль в ноге. Пощупал – кость цела. Теперь надо ждать ГАИ, а я не могу – должен спешить на аэродром. Сразу не догадался проситься на автобус, который первым пришел нам на помощь.

Машина ГАИ пришла быстро. Примчалась и «скорая помощь». Работники милиции помогли мне сесть в попутную машину, и я поехал в аэропорт. Успел лишь расписаться в акте, составленном работниками ОРУДа. Происшествием их не удивишь. Они каждый день видят такие катастрофы. Важно установить виновника.

Несмотря на ливень, самолет прибыл по расписанию.

Первый вопрос Михаила Алексева был:

– Ты не болен?

Вопрос этот прозвучал для меня так: «Ты не рад гостям?»

Я знал, что мой вид может вызвать такой вопрос, но мне не хотелось встречать друзей рассказом о только что случившейся катастрофе. Алексеев еще больше удивился, узнав, что у меня

машины нет.

Надо нанимать такси. А это нелегко в такую погоду.

Проезжая мимо рокового места, я попросил остановить машину. Моя «Волга» по-прежнему лежала колесами вверх, подставив брюхо под ливень. Я попросил друзей подойти к бровке дороги.

– Ты сидел в этой машине, когда она падала туда?

Рассказ о случившемся реабилитировал меня. Мы благополучно добрались до Нальчика. Домашние нас ждали. Праздничный стол был готов. Краснодарские друзья сообщили по телефону, что они уже едут. Я попросил гостей ничего не говорить жене о катастрофе, чтобы не портить ей праздничного настроения.

Наконец все в сборе. Мы сели за стол. Тут я почувствовал: праздник для меня не праздник. Старая трещина грудной клетки давала о себе знать. Острая боль все больше и больше напоминала о катастрофе двухлетней давности. Я терпел. А за столом царило оживление.

Стал чаще и чаще звонить телефон. Трубку брала жена и на вопрос: «Как Алим?» отвечала бодро: «Хорошо, у нас гости, на праздник приехали друзья». Звонившие недоумевали. Они-то звонили не только потому, что хотели поздравить меня. Причина заключалась в другом: прошел слух, что кандидат в депутаты Верховного Совета Алим Кешоков погиб при автомобильной катастрофе. И тут жена отвечает: «Алим принимает гостей». Было от чего недоумевать.

После обеда уезжали краснодарские гости. Среди них был человек высокого роста, который возвышался надо мной на полметра. Дружеская беседа разбудила в нем искренние сердечные чувства, и он, прощаясь со мной, заключил меня в свои объятия. От боли в груди я онемел. А в глазах показались слезы. А он думал, будто от его дружеских слов...

Секретариат на колесах

Возвращаясь к прошлому, хочется рассказать о событии, которое многое изменило в моей судьбе и оставило в памяти глубокий след. О выездном секретариате Союза писателей РСФСР, состоявшемся в Нальчике.

Трудно было выбрать более подходящее время для выездного секретариата, чем осень 1959 года. Республики и области Северного Кавказа уже залечили раны, нанесенные войной, восстановили хозяйство, взяли новые рубежи и, претворяя в жизнь программу семилетнего плана, развили невиданный темп подъема экономики и культуры.

Всем ходом общественного развития был подготовлен но-

вый рывок, новый взлет, выход лучших образцов художественного творчества на высокую орбиту всесоюзного звучания. Нужен был сильный толчок, чтобы горные родники соединились в одну реку и устремили свои чистые воды в общее русло литературного потока. Таким импульсом стал выездной секретариат Союза писателей России. Он сплотил литераторов Северного Кавказа, вселил в них уверенность, открыл широкие перспективы, активизировал творческий процесс.

Справедливо был назван боевой штаб Российского Союза писателей секретариатом на колесах. Где только эти колеса ни проложили свою колею, определяя направление движения!

Впервые заговорили, как о профессиональной, о литературе Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Нередко до этого здешние писатели и поэты свое литературное творчество счи-тали любительским делом. И вдруг их произведения выносятся на высокую взыскательную трибуну и на них ставится знак качества.

Целую неделю внимание газет, радио, телевидения было приковано к литературам разных языков народов Северного Кавказа.

Литературный праздник, как круговая чаша, переходил от одного народа к другому. Получился своего рода турнир слова.

Предания старины донесли до нас состязания джигитов, оспаривающих друг у друга пальму первенства в метании стрел, рубке лозы, ловкости конной езды, единоборстве. Бывали и состязания песнопевцев-стариков. Но все это в пределах одного аула или ущелья. А чтобы в мастерстве соревновались художники слова разных народов, демонстрировали лучшие образцы своих литератур, говорили об общих устремлениях и задачах, предостерегали друг друга от ошибок, – такого еще не было.

Это важное событие в литературной жизни республики повлияло и на мою судьбу. Именно в те дни возникло мнение, что я могу пригодиться для работы в правлении Союза писателей.

Председателем правления Союза писателей РСФСР был в то время Леонид Сергеевич Соболев.

В дни работы выездного секретариата его участники встречались с рабочими, колхозниками, коллективами учебных заведений, учреждений культуры. Встречи с читателями собирали огромные аудитории. Порой на встречах продолжались дискуссии, начатые на заседаниях секретариата. Все это должно было завершиться открытием памятника балкарскому поэту Кязиму Мечиеву.

День торжественного открытия памятника выдался туманный. Моросил мелкий дождь. Обычно голубое озеро, в которое

загляделось скульптурное изображение поэта, было серым. Свинцовые воды словно окрасились цветом гнева, которым полны строки стихов Мечиева. Из тесного Черекского ущелья вырывался грозный поток, пытался разбудить вздремнувшие вековые чинары, стоящие, как журавли, на одной ноге, на скалистых склонах гор.

После того как упало покрывало и памятник предстал перед взором собравшихся, поэты, каждый на своем языке, прочитали проникновенные строки, посвященные Мечиеву, поборнику правды, вместившему в своем сердце боль трудных дорог своего народа.

Митинг еще продолжался, когда к Леониду Соболеву по-дошли горские охотники и подарили только что пойманного в горах маленького туренка. Они не знали, как русский писатель распорядится подарком: возьмет его в Москву или попросит его зажарить и угостить друзей шашлыком.

Соболев принял подарок с благодарностью, посмотрел в испуганные глаза туренка и провел ладонью по мягкой шерсти. Туренок весь трепетал, не вырывался из рук этого человека, словно ему доверял. Толпа окружила Соболева и ждала, что он скажет.

Соболев произнес:

– Поэт, которому мы только что открыли памятник, был беззаветным поборником свободы. Его голос гулко клочкотал в теснинах ущелий и рвался на простор, навстречу восходу солнца, навстречу грядущим дням. Давайте в знак любви и уважения к горскому песнопевцу вернем этому туренку свободу. Пусть он резвится в родных горах...

Леонид Соболев сунул палку, с которой он не расставался, кому-то в руки и нагнулся, чтобы поставить туренка на ноги. Толпа расступилась, давая дорогу. Охотники, не ожидавшие ничего подобного, переглянулись, недоумевая.

Коснувшись копытцами земли, туренок сначала неуверенно, потом смелей сделал несколько прыжков и исчез в расселинах скал.

Об этом случае я рассказал матери.

– Такой вожатый поведет солнечной стороной, – ответила старая горянка. – Он не заслонит собой ведомых.

Леонид Сергеевич Соболев старался, чтобы на тех, кто рядом с ним, падало больше света, чем на него, заботился о других. Он был неутомим и легок на подъем, не чувствовал тяжести возраста, его организаторским способностям можно было позавидовать. Работая в Российском Союзе писателей, я многому научился у него. Он охотно делился со мной творче-

ским опытом, знанием жизни.

Я отвечал ему сердечностью и уважением.

Большой группой писателей однажды мы поехали на празднование трехсотлетия города Иркутска. Был летний вечер. Соболев попросил меня отправиться вместе с ним на ту улицу, где он когда-то жил.

Мы шли довольно бодро. Леонид Сергеевич, как всегда, с палкой. Он был в хорошем настроении, рассказывал смешные истории из своей жизни.

Когда дошли до тихой улицы, чуть в стороне от центра города, Соболев остановился, повернулся в одну сторону, потом в другую. Он чего-то искал.

Увидев на скамейке старуху, обратился к ней:

– Вы не знаете, где-то в этом месте был большой одноэтажный дом с железными воротами?..

Старуха подняла голову, испытующе посмотрела на нас, выдержала паузу:

– Не дом ли губернатора ищите?

– Да, именно.

– Сдается мне, вы – Леонид Сергеевич?

– Да. Угадали.

Старуха привстала, опираясь на палку, и, сделав несколько шагов, запричитала:

– Ах, боже мой, какая встреча, Леонид Сергеевич! Вот и свиделись. Сколько воды утекло, как я вашего батюшку, Сергея Филипповича, знавала! Сколько чаев пивала в вашем доме...

Леонид Сергеевич узнал старуху, заволновался, обнял ее. Я отошел в сторону, чтобы не мешать их воспоминаниям. Они говорили стоя. Две палки – старухи и Леонида Сергеевича – не раз нацеливались на большое многоэтажное здание. На этом месте как раз стоял дом, который искал Соболев.

– Пятый годок, как снесли, – говорила старуха, уже присев на скамейку вместе с Соболевым.

Беседы двух старожилков Иркутска я не слышал. Временами до меня доносились восклицания и тихий говор, прерываемый глубокими вздохами.

Когда мы возвращались в гостиницу, сумерки уже сгустились. Многоэтажный дом, занявший место старого здания, смотрел нам вслед множеством светлых и темных окон.

Леонид Сергеевич не раз оглядывался, бросал прощальный взгляд на улицу, на которой прошло его детство.

У входа в гостиницу он остановился и заговорщически сказал:

– Князь (в минуты расположения он ко мне обращался так), будем ужинать – садись рядом со мной. Постарайся вместо нарзана подсунуть мне что-нибудь покрепче. А то, сам знаешь, –

врачи запретили...

Леонид Соболев помог войти в большую литературу многим писателям из различных республик и областей Российской Федерации. Его работа на посту председателя Правления Союза писателей РСФСР – это яркое и творческое горение, которому он посвятил последние годы жизни. Соболев любил сравнивать литературу России с морским флотом, состоящим из различных кораблей, но идущим к цели единой кильватерной колонной. Он стоял на капитанском мостике флагманского корабля этого флота.

На этом, пожалуй, поставлю точку. Но прежде чем поставить ее, напомним читателю, что в этой повести вымышленных имен и фактов нет. Пусть будут великодушными ко мне те, на плечи которых я опирался в пути, и простят, если я нечаянно кому-то на ноги наступил. Свою вину в большей мере я чувствую перед теми, о ком не удалось сказать то хорошее, что многие годы связывало нас.

Хочется верить, что впереди долгая дорога, новые горизонты. Но в моем возрасте уже не считают десятилетиями, когда заглядывают в свое завтра, а лишь годами, хотя замыслам нет конца. Иногда страшно подумать, что у тебя, может, не хватит жизни для больших дел или не придется быть участником событий не столь уж далекого будущего. Появляется неутомимая жажда жизни, боязнь, что покинешь мир, не познав что-то важное. Замечаешь, как становишься бережливей. Расточительность, щедрость, гостеприимство, свойственные молодости, уступают место желанию покоя, одиночества, сдержанности.

Появилась особая любовь к детям. Если в молодые годы ты не всегда замечал их, то теперь, встретив ребенка, тебе хочется с ним заговорить, пошутить, погладить его по голове.

Мои дети не последовали моему примеру – не стали литераторами. Каждый из них выбрал профессию, которая ему по душе. Старшая дочь Татьяна стала режиссером. Вторая, Елена, преподает английский язык, а сын избрал медицину. Я благодарен им за то, что все они преисполнены желания быть полезными людьми. С ними я достиг белой горы своего возраста.

С этой высоты оглядываюсь назад, на пройденный путь, мысленно предстаю перед своей совестью и без боязни готов признаться в своих ошибках, раскрыть скобки, объяснить секрет удач, если они были. Я безмерно рад сознавать, что пришел на эту вершину, неся в своем сердце чистоту заоблачных снегов. Верни меня к началу моего пути – иной дороги я бы не избрал, чем та, которой шел и иду.

1973 г.

«ЧАС ИСПОЛНЕНИЯ КЛЯТВЫ»

Нередко задают вопрос: не мешает ли общественная работа творческой? На это односложно не ответишь. Общественная работа отнимает немало времени, но и компенсируется материалом, который обогащает, делает тебя как бы соучастником событий, происходящих вокруг. Поэтому не удивительно, что люди, занятые большой общественной работой, очень часто относятся к наиболее активным в творческом отношении писателям. Что касается меня, то я могу сказать: с первых дней самостоятельной жизни никогда не испытывал удовлетворения свободного художника, привык совмещать хлопотливую служебную работу с сосредоточенной творческой. Установился своеобразный ритм: встаю рано, первые утренние часы я отдаю стихам, прозе. К одиннадцати часам утра я заканчиваю творческую работу и уже могу остальное время отдавать служебной.

Творчество должно быть физической потребностью, как и потребность дышать и пить, спать и ходить. В этом случае, в какие бы условия ни ставили пишущего человека, он не может не писать.

Нередко ночью придет в голову какая-то мысль, художественная деталь, завладеет душой и сердцем, оттеснит сон, и пока не встанешь и не напишешь, не ощутишь душевной разрядки, заснуть не можешь. Бывает, что нечто в этом роде происходит на собрании, в самолете или за едой. В таких случаях должны быть при себе блокнот и авторучка.

Я полагаю, из всех потребностей, которые испытывает человек, доминирующей является потребность творить, ибо человеческой природе больше присуще созидание, а не разрушение.

Поэтическое творчество и творчество писателя различны. Если говорят «на него напало вдохновение», это скорее относится к поэту, который создает произведение одним дыханием, порывом, когда он неожиданно для себя захвачен творческим экстазом, совершенно не думает и не может думать ни о чем другом, кроме как о волне мыслей и чувств, нахлынувшей на него.

Поэт еще неясно представляет себе и чувствует то, что он хочет написать, но ощущает в душе зародыш того произведения, которое должно родиться, состоится акт прозрения, открытия, познание того, чего он сам до сих пор не знал, не чувствовал. В этот час поэт не принадлежит ни себе, ни окружающим, им овладело самовыражение – это нечто высокое, состояние

полного напряжения человека, а выведи его из этого состояния – пришли гости, срочный вызов, жена просит помочь в чем-то, – стихотворение погибло, не успев родиться на свет, ибо нарушилось чувство прозрения, исчез эмоциональный накал, который не повторится никогда, сколько бы раз ни возвращался поэт к прерванному стихотворению. Известная философская фраза, идущая из глубин античного мира: «В одну и ту же воду дважды не ступишь», – вполне относится к этому состоянию поэта, ибо каждое новое его вдохновение не похоже на предыдущее, оно приходит со своей атмосферой и эмоциональным накалом.

Иное дело творчество писателя, создающего большое полотно. Если поэта можно сравнить с пловцом, который плывет на байдарке по бурным речным волнам: он весь – внимание и напряжение, чтобы не опрокинуться на речных порогах, порогах, не удариться о каменные берега, то писатель – это мореплаватель, вышедший на просторы, приблизительно знающий, куда направить корабль, чтобы в назначенный (тоже приблизительно) срок увидеть берег, к которому он стремится. Он может прерваться, оставить на время капитанский мостик.

Однако напряжение писателя в момент творческой работы ничуть не меньше, чем у поэта, наоборот, оно изнурительней, потому что имеет огромную протяженность во времени. В поэзии лирический герой – это сам поэт, обладающий способностью перевоплощаться. В прозе героев огромное количество, каждый из них не только не похож на другого, но и должен быть отмечен своими чертами характера, иметь свой психологический облик, свою среду, свой мир представлений, социальную принадлежность и идеологическую направленность.

Писатель, находясь в мире образов, должен помнить привычки, манеры, цвет волос каждого из них, по крайней мере пока они не обретут свой ярко выраженный характер, облик, когда эти образы сами начинают говорить с писателем, как равный с равным, не станут в произведении поступать так, как велит перфолента – логика художественного творчества.

Чем шире и глубже захват пласта, тем больше читателей волнует роман или книга стихов, они становятся фактом не только биографии писателя, но и явлением литературы, а то и общества, обретают межнациональное значение. Когда речь идет о небольших народах и народностях, то иногда говорят: происходит нивелировка черт национального характера, традиционных особенностей, а значит, для писателей, представителей этих народов, сужается возможность для создания ярких национальных образов с их непривычными для других обычаями, национальным укладом жизни.

Напрасное опасение. Произведению придает межнацио-

нальное звучание не его этнографическая основа, а его обще-ственное, социальное значение, его художественный уровень и проблема, затрагивающая судьбы разных народов, хотя оно имеет определенную национальную «приписку», замешено на материале одного народа. Ныне национальные литературы, как молодые, так и многовековые, достигли такого уровня, когда ни одна из них не может развиваться в рамках своих административных границ – неодолимо стремление литератур к межнацио-нальному звучанию, к широкому читателю, поэтому тот, кто ставит перед собой целью писать книги, должен так поднять угол прицела своего художественного творчества, чтобы, работа-тая на свою, может быть, небольшую литературу, писать для всесоюзного читателя.

Молодость литературы подразумевает и молодость читателя, который порой в силу отсутствия читательского опыта, должного понимания природы художественного творчества, его особенностей и роли в духовном развитии народа не делает различия между произведениями художественной литературы и историческим очерком, когда речь идет о книгах, посвященных истории своего народа.

Писателю, распахивающему целину, идущему нехоженой тропой, воздается дань первородства, но очень редко мы говорим или замечаем, какой стороной иногда оборачивается неопытность читателя. Я это на себе чувствовал не раз, когда подвергался нападкам со стороны не в меру самоуверенных «молодых» читателей. Если мне удавалось выстоять, то это я объясняю и тем, что под таким же «огнем» порой оказывались классики русской литературы. В частности, известно, что Л. И. Волконская обвиняла Л. Н. Толстого в искажениях, на что великий художник слова в своей статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» писал: «Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или иное действительное лицо»...

Льву Толстому не удалось тогда переубедить своего оппонента, как не удалось и мне втолковать некоторым читателям, бравировавшим своим несогласием, разницу между художественной литературой и историческим очерком.

Хочу сослаться на некоторые примеры. Вышли в свет в разное время романы «Чудесное мгновение» и «Зеленый полумесяц», объединенные под общим названием «Вершины не спят» и посвященные истории кабардинского народа, его борьбе за претворение в жизнь идей Советской власти.

Спора нет, для того чтобы пытаться внести свой штрих в художественную летопись своего народа, необходимо прежде

всего определенное знание его быта, человеческих характеров и судеб. Я искал их, собирал все, что мне могло пригодиться, и сосредоточил в одном ауле: то, что происходило в жизни Кабар-ды, происходило в каждом ауле, поэтому нетрудно было создать такой аул, в котором наиболее полно отражались бы события и проявления человеческих характеров, как в ауле Шхальмивоко.

Какие же люди обитают в вымышленном ауле?

Прежде всего – это объездчик Астемир, его сыновья – Лю и Тембот и жена Астемира – Думасара. Астемир не простой крестьянин, он в какой-то мере представитель старой дореволюционной интеллигенции: он окончил медресе, получил право быть муллой, но этого места ему не дают из-за того, что он крамольный, происходит из бедной семьи, единственное богатство которой составляют индейки.

Действие начинается с описания дня рождения второго сына Астемира, когда происходит драка между объездчиком, охраняющим кукурузные посевы, и хаджи Инусом, вздорным соседом Астемира, зашившим свою больную жену в воловью шкуру и таким образом задушившим ее.

Потасовка хаджи с Астемиром привела к тому, что прихожане отлучили от мечети последнего, а выступление Астемира на сельском сходе в защиту батраков вызвало гнев начальника полиции, который пишет на Астемира донос.

Так шаг за шагом развиваются события. Начальник округа полковник Клишбиев задумал избавиться от Астемира не прямой расправой над ним, он посылает Астемира в кабардинский полк Дикой дивизии помощником полкового кади. Полковник находит это оригинальным: во-первых, смутьяна изолировали, во-вторых, нашли замену кади, погибшему на фронте.

Ситуация вынуждает Астемира уехать на Кубань, к адыгейским друзьям, которые укрывают его, пристроив конононом у конеторговца Шамгуна, занимающегося скупкой и продажей краденых коней.

Волей судьбы Астемир попадает в военный госпиталь, где знакомится с русским большевиком Степаном Ильичом. Месяцы пребывания Астемира в госпитале – это большая революционная школа. Степан Ильич совсем по-новому раскрывает смысл империалистической войны. Слова русского большевика падают на благодатную почву.

Астемир становится активным сторонником большевиков и возвращается на родину с заданием нести в массы революционные идеи. Кого подразумевать под «Астемиром»? Это не имеет значения, важно то, насколько полно он вылеплен.

Степан Ильич не случайный революционер. Он прошел школу революционного движения, знает условия работы среди горцев Кавказа, держит в своей мастерской Коран, написанный по-арабски и переведенный на русский язык. Кабардинцы удивляются, как русский человек может читать Коран, но под видом чтения Корана революционер заывает в свою мастерскую людей и пропагандирует революционные идеи. Помощником Степана Ильича становится юноша – Инал Маремканов, который учится у него не только мастерству искусного ремесленника, но и пониманию событий и явлений жизни.

Степан Ильич арестован, но в ауле есть уже люди, которые несут знамя революционной борьбы. Это прежде всего Инал Маремканов, который уходит из аула, становится рабочим на железной дороге и еще больше проникается большевистскими идеями.

Инал относится к числу молодых революционеров, испытавших на себе тяжелую долю пролетариев и охваченных пафосом революции. Непреклонная воля его, убежденность, неукротимый характер составляют то достоинство, которое необходимо вожаку из народа.

В романе большевистскому началу противопоставлен шариатизм, который возглавляет Казгирей Матханов. Казгирей и Инал в прошлом соседи, кровники. Отец Казгирея убил отца Инала. Судьба повела сыновей по разным дорогам. Инала подготавливал к революционной деятельности Степан Ильич. Казгирея отец определил в медресе. За успехи в учебе Казгирей попадает в Бахчисарай, а оттуда направляется в Стамбул, где он кончает университет.

Казгирей знакомится в Стамбуле с кабардинцами, проживающими там, приобретает типографию и, вернувшись на родину, издает газету. Он – просветитель своего народа, но просвещение мыслит осуществить иными средствами, чем Инал.

Казгирей допускает параллельное существование школ и медресе и предоставляет населению свободный выбор. Это не только отвечает его мировоззрению: свобода и равенство во всем, значит, и в выборе школ светских и духовных.

Казгирей Матханов не враг Советской власти и тем более народа, наоборот, он предан ей и готов подчинить шариатские учреждения внедрению в сознание масс идей Советской власти. Но Иная отвергает всякое сотрудничество с ними.

«Почему Инал и Казгирей кровники, в то время как калмыки и катханы не были кровниками?» – спрашивают читатели. Отвечаю: «Чтобы усилить драматизм, показать, что кровная вражда для них – ничто по сравнению с идейной пропастью, разъединяющей их».

Революционное движение поднимает на поверхность исто-

рии и другие социальные элементы, которые не всегда примыкают к тому или иному лагерю, потому что они не понимают, куда несет их ход событий. Таким является деклассированный элемент Жираслан, разорившийся князь, конокрад, велеречивый тамада всех свадебных празднеств и пиршеств аула.

Жираслан мечется от контрреволюции к шариатистам, от шариатистов к сблобандитам, от бандитов к большевикам.

Когда Инал говорит: «Тот, кто при переходе через поток цепляется за хвост собаки, утонет, а кто – за хвост коня, перейдет через поток. А у нас красный конь, большевистский конь, идите с нами», – из толпы Жираслан выкрикивает: «А как быть тому, кто не может отличить собаку от коня?»

Жираслан не один в своем роде. Куда течет река революционного движения, не понимает и простой крестьянин Девлет, скандалист и пустобрех. Девлет считает, что на войне можно вволю поскандалить и кое-что приобрести для себя, поэтому проявляет активность то на стороне большевиков, а если обстоятельства изменились в пользу контрреволюции, на стороне последней. До сих пор меня не покидает желание вернуться к этому образу, проследить до конца его эволюцию в новых условиях.

В двух романах около ста пятидесяти персонажей, не удивительно, что не одна читательская конференция была посвящена вопросам о прототипах героев диалогии; иногда конференции превращались в острые дискуссии.

Когда появился роман «Сломанная подкова», вновь встретился с вопросами: «Как возник замысел романа «Сломанная подкова»? Имеет ли сюжет романа документальную основу, а его герои – реальных прототипов? Что заставило автора обратиться к теме Великой Отечественной войны?»

Чтобы ответить на эти вопросы, я возвращаюсь к суровым годам Великой Отечественной войны, когда я, закончив по ускоренной программе пехотное училище, попал на фронт командиром минометного взвода. В солдатском вещмешке хранились авторские экземпляры моей первой поэтической книжки. Ее тяжести в походах я не чувствовал. Иногда для солидности показывал товарищам черненький билет члена Союза писателей, подписанный А. Фадеевым.

В начале августа 1942 года, под прикрытием пыльной завесы остаткам нашей кавалерийской дивизии удалось «оторваться» от наседавшего противника. Представилась возможность подвести итоги многодневным кровопролитным боям. Так как в это время я находился с оперативной группой штаба дивизии, мне предложили посмотреть «писательским глазом» обстоятельный документ; адресованный командованию 51-й армии.

В нем по часам и минутам прослеживался короткий, но драматический боевой путь пяти тысяч двухсот пятидесяти всадников дивизии, моих соратников, из которых в строю оставалось всего триста шестьдесят пять человек.

В те дни я подумал: «Триста шестьдесят пятый – это я» и сам себе поклялся: «Останусь живым – поведаю потомству об этих днях». В какой форме это удастся сделать – я еще не знал.

После войны я долго вынашивал свой замысел.

Иногда писатель радуется: «Материала много, есть из чего создавать произведение». А мне поначалу мешало то, что материала действительно слишком много – целая гора гранита, в то время как мне надо всего несколько хороших глыб, чтобы высечь образы тех персонажей, с судьбами которых оказались связаны и судьбы народа, создавшего отдельную дивизию на свои средства и выразившего свою готовность на крайние лишения во имя победы над врагом.

Выбирай. Хорошо выбирать из множества материала то, что необходимо, а если, например, видишь конкретный образ командира дивизии, как в этом случае быть? Для романа необходим обобщенный образ, который лишь отдельными чертами характера напоминает действительное лицо. К стати сказать, командир кавалерийской дивизии, о котором идет речь, был колоритной фигурой, но его образ сложился из облика, черт характеров, биографий военачальников, знакомых мне по документам войны.

Трудней обстояло дело с руководящими работниками республики. Для них мне пришлось придумывать наименования должностей: «головной журавль», «главный земледелец» или «главный чекист» и т. д. В первом случае я исходил из того, что во время перелета журавли по очереди вырываются вперед и ведут стаю. Первая птица рассекает воздух своей грудью, и она прилагает большие усилия, чем те, которые летят вслед за ней. Я полагаю, что в таком качестве может оказаться любой руководитель в силу демократических принципов, лежащих в основе организационной структуры партийных и советских органов.

Но зона обобщений оказалась мала, я почувствовал это, когда те или иные прототипы, читая роман, стали искать себя как бы по азимуту, измерять сантиметрами, насколько тот или иной литературный персонаж похож на него.

Спора нет, если литературный персонаж положительный, «приписки» принимаются прототипами с удовлетворением. А если того отрицательного персонажа не подходит или подходит только в каких-то частностях? Тогда жди возмездия. В условиях автономной республики или области, где друг друга знают с первого дня самостоятельного пути, начинается всеобщий поиск: «кто есть кто?»

Так получилось с романом «Сломанная подкова». Один из «головных журавлей» усмотрел свой портрет, при этом пренебрег биографией героя романа, вымышленными ситуациями и конфликтами – и безапелляционно заявил: «Отсюда и досюда – это я», потому, дескать, по датам в те дни стаю птиц вел я.

Такой прототип активен, воинственно навязывает свое мнение другим, грозитя, забывая суть серьезного разговора о литературе.

Обо всем этом не стоило бы писать, если бы в этом я не усматривал обстоятельства, могущего стать тормозом для развития национальных литератур. Оно мешает писателю – представителю небольшого народа братья за сложные социальные темы, широкие обобщения, создавать произведения, в которых на материале своего народа решаются межнациональные проблемы.

Эгоистически-местнический подход к литературному ремеслу, как правило, разрешает пользоваться лишь розовой краской, оправдывает бесконфликтность, а если нельзя обойтись без показа каких-то теневых сторон в жизни, то заставляет искать негативный материал у других, но только не у себя.

Писать о Великой Отечественной войне плохо нельзя. Для всех народов мира, особенно участвовавших в ней, война была динамическим горообразованием, вынесшим на поверхность земли столько пород пепла и минералов, что из них возникла грандиозная панорама горных вершин. Для ее изображения нужны все краски, какие только могут быть в арсенале художника.

Когда речь идет об историческом подвиге народа, невозможно не писать о драматических условиях, в которых он совершался, нельзя игнорировать историческую действительность, создавать облегченные литературные образы, вкладывать в их уста лозунговые фразы. В достоверность и жизненность таких образов читатель не поверит.

Сознание этой ответственности меня удерживало, я не сразу решился написать произведение, посвященное Великой Отечественной войне. Лишь накопив определенный творческий опыт, осмелился взяться за роман «Сломанная подкова», который появился спустя почти три десятилетия после войны. Но не написать его я не мог, ибо, как уже говорил, я – живой свидетель тех трагических событий в истории народов, правдивое изображение которых поможет будущему поколению воздать должное бессмертному подвигу своих отцов.

Когда писатель создает произведение, посвященное его времени, то жизненный опыт – сама гранитная глыба, от которой отсекается все лишнее и к которой наращивают, если в этом

есть необходимость. Никто не может заранее сказать, какая пропорция явится наиболее счастливым соединением опыта и вымысла. Все объяснит произведение, созданное художником. Главное в том, верит читатель в жизненную достоверность героя или нет. Если да, то герой «работает» независимо от того, откуда он переселен на страницы романа или повести, в противном же случае герой произведения безжалостно предаст своего автора, уйдет в забвение, даже если в приложениях к книге будут справки, подтверждающие достоверность героя.

В «Сломанной подкове» наряду с историческими лицами есть и вымышленные герои. Например, в кавдивизию я «привел» капитана Локотоша, он мне нужен был как сквозной герой, которого я мог бы свободно, по своему усмотрению, перемещать из тыла на фронт и с фронта в тыл. Локотош органически «врос» в книгу, потому что подобных ему было много и его достоверность не вызывает сомнений.

Если в романе я обращался к собственной биографии, то это понятно каждому, кто сколько-нибудь разбирается в литературном ремесле. Восприятие мира в душе писателя происходит через него самого, поэтому там, где может пригодиться собственная биография, она может быть использована. А что взято из собственной биографии, может догадаться лишь очень узкий круг близких людей, знающих автора. Широкому читателю до этого нет дела.

Читатели в целом встретили «Сломанную подкову» с одобрением. Но нет унифицированного читателя. Хорошая книга должна волновать читателя, вызывать споры, если не в целом, то в каких-то частностях. Нередко для судьбы книги имеет значение, какая оценка первой появится на свет: отрицательная или положительная.

«Сломанной подкове» повезло: сразу же после опубликования романа в центральной печати и на периферии появилось несколько положительных рецензий, подготовивших читателей к правильному пониманию произведения. Правда, потом с некоторым запозданием появилась и ядовитая струйка, но она уже не могла повлиять на течение реки в целом.

Первый отклик на роман пришел из Кабардино-Балкарии

от русского читателя, который писал: «Вторично роман я прочел с карандашом. Правдивый роман, должен вызвать отклик и суждения. Я читатель и книголюб, не литературовед. Но все события от Нальчика до Чопрака прошли на моих глазах». И далее читатель с поэтической фамилией Березка писал о том, что как участник и свидетель событий готов подтвердить достоверность фактов, легших в основу произведения.

Из всех читательских откликов больше всего меня взволновало письмо, пришедшее из Общества слепых, в котором говорилось: «Мы в своей организации провели групповую громкую читку романа. Собирались два раза в неделю часа на два. Читка тянулась более двух месяцев. И интерес к роману не ослабевал. Наоборот. Мы все время зрительно представляли себе некоторых героев романа: Апчару, Хабибу, Бекана... Живые они. Запоминаются...»

И я зрительно представлял себе невеселое шествие читателей, идущих с поводырем в красный уголок, чтобы послушать очередную главу повествования о днях войны, может быть, лишивших их зрения...

«С большим волнением прочитали Ваш роман «Сломанная подкова» и решили провести конференцию на военной кафедре политехнического института, – писали в своем приглашении сотрудники библиотеки Уральского политехнического института. – Ваш роман особенно заинтересовал нас потому, что Вы повествуете о событиях на Кавказе, по-настоящему еще не отобравшихся в нашей литературе».

Такого же мнения и Х. Хапсироков из Черкесска, который считает главным в романе то, «что в нем воссоздан общественный образ народа на ответственнейшем этапе истории нашей страны, художественно исследованы истоки могучей силы и морального духа родного народа».

Первой положительной оценкой, во многом предопределившей читательское мнение, роман обязан критикам Л. Яки-менко («Комсомольская правда», 23 мая 1973 г.), Н. Джусойты («Литературная Россия», 1 июня 1973 г.), И. Козлову («Литературная газета», 4 июля 1973 г.) и многим другим.

При обсуждении книги на заседании секретариата Правления Союза писателей РСФСР 5 октября 1973 года Сергей Михалков сказал:

«И очень тактично, политически здраво и разумно распределил (*автор*) краски в своем романе. Но он прекрасно знал, как бы ни распределял эти роли, все равно найдутся люди, которые предъявят к этому роману не литературно-художественный критерий, а чисто субъективно-обывательский».

И такие люди были. Среди них, к сожалению, оказался и участник 115-й кавдивизии, который опубликовал в местной газете пространную рецензию. Ее автор, казалось, должен был внимательно относиться к тому, что пишется о тех, чью нелегкую судьбу он мог разделить, поскольку ему пришлось служить в этой дивизии до ее вступления в бой. Но автор рецензии писал не о том, как бойцы под его командованием налаживали связь на поле боя где-то в Сальских степях, а о том, как он наблюдал за эвакуацией местных организаций, находясь в родном ауле в Кабардино-Балкарии. В своей субъективной оценке романа автор, видимо, опирался на собственные поступки, и это сказалось на том, что мы по-разному видели одни и те же факты и события.

Роман написать – все равно что построить дом, на сооружение которого идет самый различный материал. Надо понимать, что даже самая феноменальная память обладает свойством что-то терять или вовремя не вспомнить, и порой приходится обращаться не только к блокнотам, записным книжкам, дневникам, но и к архиву, газетным заметкам, воспоминаниям участников событий.

Моей творческой особенностью можно считать то, что я не следую заранее составленному точному плану, хотя канву романа вынашиваю до тех пор, пока она не станет ясной, отчетливой. По моему мнению, она должна напоминать русло будущей реки. Бывает, что русло есть, а вода не идет по нему, приходится начинать сначала, идти по всей линии, искать причину и устранять.

Яблоня гнется под тяжестью своих плодов, но эта тяжесть ей приятна. Писателя, может быть, изводит его нелегкий труд, но от этого он не пытается избрать путь полегче. Творческий процесс тем и захватывает, что мир образов, создаваемых писателем, обретает свои очертания, создает воображаемую территорию, заселенную людьми с их различными характерами, нормами представлений, наклонностями, убеждениями. Всех их надо вести в русле главной канвы. Бывает, один или два, а то и больше героев не хотят идти по намеченному автором пути, «выкидывают фортели», с которыми приходится считаться. Одному пошел на уступки – другие того же требуют, а это, в свою очередь, ведет к ломке всей архитектоники произведения.

Первоначальный вариант первой книги «Сломанная подко-

ва» так и не пригодился, потому что герои, едва выйдя из колыбели, оказались слишком «сговорчивыми», а значит, неинтересными, схематичными. Такие герои должны умирать раньше, чем рукопись станет книгой. Писателю приятней чувствовать себя укротителем неукротимых, искать глубинные причины фактов, событий

Борьба автора со своими героями, обретшими свой характер, облик, свое реальное лицо, – творческая борьба, в которой проявляется мастерство, художническая позиция писателя, его кредо.

Великий классик Лев Толстой напоминал, что для плодотворной работы писатель должен обладать высшим образованием своего века, это вдвойне относится к писателям нашего все убыстряющегося стремительного века, когда и самое широкое и глубокое высшее образование века надо непрерывно обогащать, пополнять, освежать, а значит, быть всегда в поисках, творческом труде.

Советская многонациональная литература родила новые отношения между автором и переводчиком, их можно назвать творческим содружеством, ибо два дарования соединяются в одно в интересах не только их самих, но и читателя и литературы в целом.

Мы с Владимиром Солоухиным работали в творческом контакте. Солоухин – человек, знающий цену художественному слову. Сначала он пожелал посмотреть рукопись романа. Я ему предоставил эту возможность, и лишь потом он взялся за перевод. В. Солоухин выдавал мне частями работу, я вносил поправки, которые в свою очередь согласовывал с ним. В итоге появился роман.

2. СОЗВЕЗДИЕ ЛИТЕРАТУР

ВОСХОЖДЕНИЕ

История Кавказа длиннее всех рек, рождаемых вечными снегами горных вершин. Она сурова и трагична. Она обильно орошена слезами народов, страдавших от непрерывных вражеских нашествий, единственной защитой от которых были горы.

Мне помнится ответ школьного учителя на вопрос: почему у рек правый берег выше, чем левый? «Правый защищает реку, а левый стремится ее увести», – говорил он. У горских народов правый берег – Кавказские горы. Но не всегда они были надежным укрытием. Турки и крымские татары пытались захватить Кавказ, подчинить его себе. Разрозненные и часто враждующие между собой горцы не могли противостоять нашествию иноземных поработителей. Существовала лишь одна сила, способная защитить горцев, – это Россия. К ней за помощью первыми и

обратились адыгские народы, видя в дружбе с Россией единственный путь спасения от порабощения и истребления.

Это понимал и князь Темрюк, пославший в Москву в знак своей верности России аманатов, в том числе своего родного сына. А когда польский король не выдал за Ивана Грозного свою дочь, кабардинский князь, по просьбе государя, отправил в Москву свою дочь в сопровождении ста пятидесяти всадников. Гошаней (после крещения – Мария) Темрюковна, прожившая с Иваном Грозным восемь лет, оказалась женщиной большой воли и государственного ума. Она была верной советчицей своего мужа в сложнейшей обстановке царского двора.

Не только родственные узы протянулись от Москвы до Кавказа. Никакие бури и сабли не могли разорвать и разрубить те узы братства, которые завязались между горцами и русским народом. Они привели горцев к тому высокому берегу, который стал надежной защитой. С этого времени началось восхождение народов к вершинам своего идеала, национального возрождения.

В годы Гражданской войны трудящиеся горцы выступили на стороне большевиков. Обстановка тогда была сложная. Трудно было в ней разобраться. Но в общей неразберихе они улавливали голос вождя и всегда следовали за его призывами. Не было на земле человека, которого бы горцы любили так, как любили Ленина.

Не могу не вспомнить день, когда горцы были потрясены вестью о смерти вождя. Жители аула шли на общий сход, посвященный траурному дню. «Вестники печали» предупреждали, чтобы на сход горцы шли не с «пустым поясом», а с кинжалами: дескать, после смерти Ленина враги могут отнять у народа то, что дал Ленин.

Богата земля Кавказа. Есть в ней и нефть, и каменный уголь, и металл, и природный газ, огнеупорные и тугоплавкие глины, формовочные пески и мергель для производства цемента. Словом, Северный Кавказ располагает топливно-энергетической и сырьевой базой, необходимой для развития самых разнообразных отраслей промышленности.

Скалистые склоны – обиталище горных куропаток, уларов, сизых голубей, грифонов. На труднодоступных скалах живут воспетые поэтами туры с огромными черными рогами, похожими на спаренные сабли. Уходя от хищного зверя, они бросаются в пропасть и падают всегда на рога, которые служат им амортизаторами.

Тон лесному покрову горных склонов задает лесная красавица чинара. Она не сразу довернется первым весенним лучам,

а ждет, когда установятся погожие дни. Солнце, проникая через ажурную сетку ветвей, расплавляет задержавшийся в тени снег, и под чинарами образуется цветастый ковер из темно-розовых, лиловых, белых цветов. Чинаровые стволы в момент цветения лесных растений похожи на белые колонны, беспорядочно поднимающиеся на склоны гор по живому ковру. Чинары как бы с высоты своего величия «смотрят» не только на орешник, мушмулу, алычу, кизил, боярышник, но и на купы диких груш, яблонь.

Внизу равнина. Вырвавшись из тесных горных ущелий на простор, реки замедляют свой стремительный бег, несут свои воды – дары семидесяти семи ледников Эльбруса – в русло Терека.

Весна и осень здесь как бы танцуют кабардинский парный танец «кафу». Если весна приходит с низовья Терека и постепенно от прохладненских просторов поднимается вверх, тесня холод к снежным вершинам, то осень, наоборот, идет сверху вниз, ведя за собой холод, туманы, дожди.

Осенью воздух чист и прозрачен, горные озера, отражающие в себе все еще яркое небо и стаи белых облаков, обведены по краям голубой каймой, а многочисленные ручьи, свисающие на синих склонах, как бы подвешены – за лапки. Травы и кусты тронуты робкой позолотой, березы наперекор всем ветрам одеты еще в светлеющую зелень. Листья осины окрашены в пурпур, лиловый цвет или в черный с лимонным накрапом.

Все это принадлежало раньше кучке чиновников и местных феодалов. Народная власть отдала богатства тому, кому они по праву принадлежали. Она национализировала земли и передала их крестьянам. Канула в вечность картина, описанная Кайсыном Кулиевым:

*А дворику пространства нет совсем,
Лишь для беды такая щель просторна.
Бесплодный камень холоден и нем.
Из камня горец выжсимает зерна.
С ослиным стойлом огород сравним,
Где к двум ослам не поместится третий...*

Безземельных крестьян из горных ущелий, где «с ослиным стойлом огород сравним», стали переселять на плодородные земли, национализированные согласно ленинскому Декрету о земле.

Я помню вереницы подвод, груженных домашним скарбом. Крестьяне ехали на новые земли с красными флагами.

Сто лет назад переселенцы, уходившие с Кавказа в страны Востока, пели:

*На всех кораблях флаги одни,
На всех флагах – полумесяц.*

Теперь эта песня звучала иначе:

*На всех кораблях флаги одни,
На всех флагах – красная звезда.*

Большую помощь горцам в строительстве новой жизни оказала Россия. Сама страдая от голода и разрухи, она отправляла горцам вагоны и с оборудованием для больниц, и с сельскохозяйственными машинами, и с семенами, и с продовольствием.

А это было так необходимо! В низовьях Терека в ауле Хамидие уже некому было хоронить умерших от голода. У въезда в аул стоял столб с надписью, предупреждающей путника о бедствии, которое терпят люди.

У горцев есть обычай – сажать деревья в благодарность людям, пришедшим на помощь в час беды. Такое дерево всеми охраняется и завещается следующему поколению. Гости, прибывающие в аул, должны поклониться дереву. Это священный ритуал.

В сердцах горцев живет это дерево, посаженное в честь великого русского народа, пришедшего в час беды на помощь горцам, когда голод опустошал аулы.

Чувства благодарности горских народов выражают строки адыгейского поэта Исаака Машбаша, обратившегося к России со словами:

*Я шел к тебе, шел, не считая версты,
И жгучий ветер бил тревожно в грудь.
Я шел к тебе – не компас и не звезды,
Но сердце мне указывало путь.
Как сложен был и крут невыносимо
Неторный путь к тебе, моя Россия!*

Благодаря бескорыстной помощи России горцы за короткий срок наладили свое хозяйство, обрели материальный достаток. Северный Кавказ быстро менял свой облик. Почти вровень с горными вершинами поднялись фабричные трубы, бурильные вышки, раскинулись корпуса крупных предприятий.

Прочная индустриальная база создала основу для перестройки всего народного хозяйства – перехода горцев на новые формы сельскохозяйственного производства. Горцы, исконные конники, пересели на тракторы, машины, поставляемые из России.

Огромен путь от сохи до тракторных агрегатов, от водяных мельниц в два жернова до промышленных гигантов, от сакли с окном в квадратный аршин до многоэтажных каменных домов со всеми удобствами, хотя и измеряется он всего лишь десятилетиями. А путь от религиозной школы-медресе, где с десятков учеников в пристройке к мечети изучали Коран на непонятном для них арабском языке, до государственных университетов, в которых обучаются тысячи студентов и работают сотни кандидатов и докторов наук, невозможно измерить ни временем, ни пространством.

В горских аулах, когда на общем сходе старшина выбирался из аульчан, то писаря приглашали со стороны, потому что не было среди них грамотного человека. Если в ауле появлялся человек, умеющий писать «прошения» в канцелярию начальника округа, то его, чтобы он не ушел из аула, окружали заботой и вниманием.

Попытки отдельных просветителей девятнадцатого века, вышедших из горских народов, приобщить горцев к цивилизации и просвещению не находили поддержки со стороны царской администрации, поэтому их благие намерения не могли осуществиться.

Адыгее с благодарностью вспоминает своих первых просветителей – Умара Берсея и Хан-Гирея, Кабарда – Шору Ногмова и Кази Атажукина, Осетия – Коста Хетагурова, Чечня – Чиха Акриева, Дагестан – плеяду выдающихся поэтов – Махмуда, Ирчи Кизака, Саида Качкюрского, Сулеймана Стальского, воплотивших чувства и мысли своих народов в яркую поэтическую ткань.

Стремление горцев к просвещению было неодолимым. Кабардинский поэт Бекмурза Пачев специально ходил за Кавказский хребет, чтобы научиться грамоте и создать для кабардинцев свой алфавит. Ему удалось составить алфавит, но мог им пользоваться только он один. Если его письмом кто и овладел, то это были советские ученые, пытавшиеся сделать поэтические творения Бекмурзы достоянием народа. Прогрессивным русским и горским деятелям культуры добиться сколько-нибудь заметных успехов удалось только в Северной Осетии, где возникла немногочисленная интеллигенция, сыгравшая определенную роль в истории своего народа.

Никакие просветители-одиночки не смогли вывести горцев из векового мрака на путь развития национальных культур. Лишь Октябрь вывел их на путь культурной революции. После Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство приняло обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», положившее начало духовному расцвету этих народов. Горцы, стоящие на различных ступенях

культуры, устремились к знаниям.

Повсюду развернулось строительство новых школ, создавались учебники, совершенствовалась орфография, готовились кадры для народного образования. Но средств не хватало. Государство направляло ассигнования главным образом на восстановление народного хозяйства, тогда изобретательные горцы выходили из положения. Они устраивали субботники, объявляли сбор средств для приобретения дефицитных строительных материалов, привлекали к строительству школ комитеты крестьянской взаимопомощи, в распоряжение которых поступал «закят» – десятая доля от урожая, достававшаяся раньше служителям религиозного культа.

Сбылись пророческие слова Шоры Ногмова, предсказавшего сто лет назад, что наступит радостный час, когда и горцы возьмутся за грамоту.

Горцы всегда любили состязания. Состязались они и в метании стрел, и джигитовке, и умении подниматься по ремню. Мастера устраивали по праздникам показ своих изделий. Но ни одно соревнование не сравнится с состязанием поэтов. Это настоящий фейерверк мысли и чувств. Его детище – нартский эпос и богатейшая устная поэзия, явившаяся неиссякаемым источником вдохновения безымянных поэтов, донесших до нас устное творчество и развивших его лучшие традиции.

Героический нартский эпос уходит своими корнями в глубину веков. Он является творением не одного, а многих горских народов. Каждый народ вносил свой вклад в эту поэтическую сокровищницу, поэтому нартский эпос можно считать самым интернациональным произведением устного творчества.

С устным поэтическим творчеством у народов Кавказа связана и музыка. Ее оттенки настолько тонки, что крупнейшим русским композиторам – Алябьеву, Танееву, Балакиреву, интересовавшимся горским музыкальным фольклором и неоднократно обращавшимся в своем творчестве к нему, – порой приходилось тратить немало усилий, чтобы точно записать кабардинские песни.

Музыкальные инструменты – кабардинский бжамий, адыгейский камыль, осетинский уадынз, карачаево-балкарский сибизги, чечено-ингушский пандар и другие – используются горцами только для сопровождения других инструментов. В середине девятнадцатого столетия они были оттеснены на второй план или заменены вовсе гармоникой, заимствованной у русских и видоизмененной горскими музыкантами. И что удивительно, если до появления гармоники на музыкальных инструментах играли мужчины, то на гармонике – в основном стали играть только девушки.

Поэтическое слово у горцев приравнивалось к хлебу и оружию. Песня была высшей наградой и высшей мерой наказания. О достойном человеке слагалась песня.

Иногда род обнаженными кинжалами решал спор, если песня высмеивала и обличала пороки какого-нибудь представителя этого рода.

Любой поэт мог стать жертвой своего острословия, когда он вступал в поединок с правителем аула, хотя народ и был на стороне поэта. Из-за угла был убит поэт Махмуд, закован в кандалы и угнан в Сибирь Ирчи Кизак, Анхилу Марину зашили губы, Саиду Качкюрскому выкололи глаза.

Иная судьба выпала адыгейцу Теучежу Цугу, лезгину Сулейману Стальскому, кабардинцу Амирхану Хавпачеву, осетину Бибо Дзугтову, балкарцу Кязиму Мечиеву. Их поэзия перешагнула горы, обогатила многонациональную советскую литературу.

Не только горцам было известно и имя осетинского поэта Коста Хетагурова, слагавшего песнь для всех горцев и призывавшего к дружбе и братству. Хетагуров писал на двух языках: русском и осетинском. Это был поэт большой поэтической культуры, рожденный дружбой горцев с народом России. И если в его творчестве ощущается определенное влияние русских поэтов, то это свидетельствует о том, что он совершенствовал свое мастерство на высоких художественных образцах русской литературы.

Его поэзия проникнута правдолюбием, готовностью пожертвовать собой «за шаг один», который бы он мог проложить к свободе и приобщению горских народов к культуре и просвещению. Судьба поэта была неразрывно связана с судьбой горской бедноты, «обиженных и беспомощных сирот», которых он всегда защищал, не боясь преследования со стороны властей.

По пути, проложенному Коста Хетагуровым, пошли осетины Гадиев, Бритаев, Нигер, адыгеец Теучеж Цуг, кабардинец Али Шогенцук, карачаевец Каракотов, чеченец Бадиев, ингуш Гойгов, аварец Гамзат Цадаса и многие другие, в творчестве которых так заметно дыхание новой эпохи, родившей героев Гражданской войны, героев борьбы за счастье народа. Первые произведения этих писателей стали первыми бороздами на литературной целине Северного Кавказа.

Первые советские писатели Северного Кавказа были и учеными-лингвистами, и историками, и этнографами, много творческих сил и энергии отдавали они и переводу. Прежде всего они обратились к классикам русской литературы, из произведений которых мир узнал о горцах, как о людях, достойных

уважения. Вскоре народы Кавказа узнали творения Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Толстого. Переводя русскую клас-сику, горцы сами учились мастерству у великих художников слова.

Они писали не только стихи, но и повести, романы, пьесы. Тембот Керашев – автор первого адыгейского романа, Жансох Налоев первый из кабардинцев выпустил книгу повестей и рассказов, с именем поэта Бадуева связано появление первого романа на чеченском языке, с Дабе Мамсуровым – создание первого романа на осетинском языке.

Рождается театр. Ингушские писатели Д. и О. Минсаговы создают пьесу «Перелом», направленную против таких пережитков прошлого, как кровная месть. На театральные подмостки выходит горянка, что равносильно сбрасыванию чадры. Раньше у кабардинцев, адыгейцев и черкесов представление о театре ограничивалось понятием «ажигафа» (в переводе означает «козлоподобный»). Это своего рода свадебный шут, наряжавшийся «козлом», чтобы развлекать публику смешными выходками и остроловием. Такой драматической игрой у кабардинцев обычно сопровождалась свадебные обряды. Театральный «зародыш» – ажигафа, идущий, видимо, еще от греков, основавших в далекие времена свою колонию на Кавказском берегу Черного моря, от древнегреческих сатир, от спутников бога плодородия Диониса, в течение почти полутора тысяч лет не мог развиваться в настоящий театр, а в условиях Советской власти он возник за десятилетие с момента создания национальной письменности.

Первые спектакли появились у горцев полвека назад. «Черкесская программа» у адыгейцев, «живые картинки» у кабардинцев и постановки пьес драматурга Бритаева у осетин были первыми хрупкими ростками, предшествовавшими появлению профессионального театрального искусства. Вначале драматические коллективы насчитывались единицами: осетинский хореографический ансамбль во Владикавказе – «Дети гор» и кабардинский драматический кружок при Ленинском учебном городке. В тридцатых годах уже были десятки театров.

Первый драматический кружок создан в Баксане. Им руководил Али Шогенцуков. Он же писал пьесы и ставил спектакли. Женские роли в спектакле исполняли юноши.

Пробой театральных сил была Первая олимпиада искусства горских народов, состоявшаяся в Ростове-на-Дону в конце 1931 года. Это был широкий смотр художественной самодеятельности народных талантов.

Участники художественной самодеятельности по окончании Государственного института театральных искусств в Москве стали профессиональными актерами. Так создавались и чечено-

ингушский, и аварский, и кумыкский, и кабардинский, и осетинский и другие театры.

Наряду с драматическими театрами возникали и музыкальные театры.

Развитие культуры горских народов было прервано Великой Отечественной войной. Многие писатели, поэты и артисты с оружием в руках ушли на фронт.

Годы Великой Отечественной войны явились испытанием металла, из которого выкованы узы братства народов нашей страны. Враг был уверен, что народы легко будет разобщить и оторвать их от старшего брата – русского народа. Но враг просчитался. Оказалось, что для народов советской земли, на каком бы языке они ни говорили, родным языком, понятным каждому из них, является язык Ленина – язык дружбы и единства.

Прочность металла иногда угадывают по цвету искр.

В годы войны цвет искр сердец народов был одинаков. Десятки сыновей Северной Осетии стали известными военачальниками, Героями Советского Союза, в Кабардино-Балкарии была сформирована на средства трудящихся кавалерийская дивизия, защищавшая донские просторы. Враг испытал на себе силу великой дружбы советских народов.

Писатели и поэты и там продолжали создавать свои произведения. Перо дагестанца Эфенди Капиева оказалось не менее грозным оружием для врага, чем его автомат. Гневом дышали стихи кабардинца Али Шогенцукова, ингуша Джемалдина Яндиева, черкеса Хусина Гашокова, осетина Георгия Кайтукова, балкарца Керима Отарова. Многие поэты и писатели пали в боях за Родину, оставаясь верными ленинским идеям.

После Великой Отечественной войны заметно расширился творческий диапазон горских писателей. Самым значительным событием было появление большой прозы и новых писательских имен: Ахмедхана Абу-Бакара, Тембота Керашева, Максима Цагараева, Аскера Евтьха, Адама Шогенцукова, Амирхана Шомахова, Идриса Базоркина, Дабе Мамсурова, Хусина Гашокова, Фазу Алиевой. Наконец горским художникам слова, благодаря плодотворному влиянию русской литературы, удалось «оседлать» и прозаический жанр. Они ввели в многонациональную советскую литературу своих героев, ярких и самобытных.

До сих пор советский читатель знал Дагестан только по поэтическим произведениям. Ныне перед советским читателем предстает облик этой горной страны на большом художественном полотне, созданном уверенной рукой тонкого и чуткого художника слова Ахмедхана Абу-Бакара.

На смену традиционному красноречию восточной поэзии пришла поэзия больших обобщений, социальных проблем, глубоких чувств. В этом смысле новатором горской поэзии явил-

ся Расул Гамзатов, творчество которого отмечено Ленинской и Государственной премиями.

Расул Гамзатов своим творчеством всеми корнями входит в историю народа, связан с ним, питается его соками. Для него, как поэта, характерно новое качество: синтез традиционной поэтической культуры своего народа и лучших поэтических образцов мировой литературы.

И до него некоторые дагестанские поэты обращались к народным изречениям. Но они шли за своими предшественниками, обогащая поэзию лишь ощущением своей эпохи. Расул Гамзатов «взорвал» изнутри традиционные формы, подчинил их высокой думе, общечеловеческим проблемам, сделал их емкими, легкими и стремительными, приспособил устоявшиеся формы к современному поэтическому мышлению.

И в прозе Р. Гамзатов остался верен своему поэтическому приему. Книга «Мой Дагестан» написана в форме восточных новелл, но он придал им совершенно новое звучание. По своей форме и содержанию она стала цельной, глубоко современной.

О своем поэтическом кредо Р. Гамзатов говорит: пой о любви так, чтобы там было немного грусти. Меру того и другого определит поэтическое сердце.

Поэты Расул Гамзатов и Кайсын Кулиев – две взметнувшиеся брови на смуглом лице горских народов. Они впитали в себя русскую поэтическую культуру. Как одна и та же виноградная лоза дает разные по вкусу виноградные гроздья, так и родственные по убеждениям души этих поэтов имеют свой мир. У первого преобладает мир человеческих волнений, у второго – мир природы.

Доброта к людям, мужество и человечность горят в поэзии Кайсына Кулиева, удивленного красотой и гармонией природы, всего живого и прекрасного в мире. Величие и суровость горных вершин, белизна снега, шелест чинара, пламя костра волнуют поэта так, как волнуют его и судьбы людей.

Кулиев гармонию красок видит на большом расстоянии. Его творческое своеобразие – новая ступень поэтического мышления в горской поэзии.

Горская литература вступила в пору своей зрелости, накопила силы для новой победы на радость своих народов, выведенных на магистральную дорогу человеческого развития, освещенную немеркнущими идеями великого Ленина.

УТРО ПОЭТА

Белый от кипящей пены и шумный от стремительного бега
Чегем вырывается из сурового ущелья на простор полей и

разливается в широком русле. Затем, расщепляясь на множество разновеликих рукавов, он затихает и спокойно несет свои воды навстречу грозному Тереку. Аулы, лежащие по обеим сторонам, ухватившись каждый за рукав Чегема, направляют воду по оросительным каналам.

Река Чегем и поэзия Кайсына Кулиева берут свое начало от одной колыбели – белых от вечных снегов горных вершин, вдохнувших в душу поэта «неистребимую о восхождении мечту» и ставших его седоголовыми наставниками. В верховьях Чегемского ущелья на границе Балкарии со Сванетией затерянный среди камней небольшой аул Верхний Чегем стал родиной поэта. Соседство балкарцев со сванами сказалось и на родословной К. Кулиева, предки которого, по свидетельству самого поэта, происходят из сванов, породнившихся с балкарцами.

Сакли братьев Кулиевых стояли рядом на окраине аула. Речка Жилги стремительно вырывалась из сумрачного тесного ущелья и звонко мчала свои воды в Чегем мимо саклей Кулиевых и высокой башни, сложенной из каменных глыб (башня и по сей день смотрит во все стороны подслеповатыми бойницами, заросшими бурьяном, словно нартский витязь из-под взлохмаченных бровей), мимо знаменитой греческой лестницы. Никто не знает, почему она – греческая и кто «приставил» ее к хребту Кавказских гор. Не по ней ли спускались с отвесных круч сваны, далекие предки Кайсына Кулиева, такие же жители ущелий, как и балкарцы?

На крутых склонах гор разбросаны покосившиеся от бурь березы с обломанными кронами. Сосны загнаны на северные склоны и в теснины. Внизу из-под гор клокочет нарзанный ручей, окрасив в ярко-рыжий цвет валуны, а кругом высокие скалы вскинули темно-коричневые лбы и замерли, как бы прислушиваясь к грозному шуму водопадов и грохоту снежных обвалов. На скалах вьется еле заметная охотничья тропа. По ней горские мальчики на осликах везли хворост из лесу или скудную пищу старшим братьям, пасущим скот в горах. Сверху им хорошо видно, над чьим домом дымит труба, чья мать готовит калаш – кукурузную лепешку без соли, которая печется в горячей золе.

Балкарцы, не имевшие до Великого Октября даже своего единого названия, известны как скотоводы, охотники. Об их трудолюбии говорит пословица: «Балкарец выжимает хлеб из камня». Они распределялись неравномерно в пяти ущельях и жили почти изолированно друг от друга. Жители ущелья настолько роднились между собой, что среди них редко можно было встретить неродственников. И сейчас в обычаях балкарцев иногда можно наблюдать отголоски далекого прошлого, когда жители из одного ущелья поддерживали друг друга больше,

чем людей из других ущелий. Балкарцы как бы были за спиной кабардинцев, прикрывавших входы во все ущелья от набегов со стороны наиболее сильных племен. И в то же время эта изолированность мешала им выйти на дорогу истории. В этих условиях патриархально-родовые отношения у балкарцев сохранились вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. И неудивительно, что в произведениях классиков русской литературы, посвященной горским народам, нет упоминания о балкарцах.

В результате столыпинской реформы балкарцы были переселены с верховьев рек поближе к предгорью, где их наделили небольшими участками пахотной земли. До этого скотоводство, точнее – овцеводство, и охота составляли главную отрасль хозяйства. Если кабардинцы создали широко известную породу кабардинской лошади, то и балкарцы не отстали от своих соседей. Они доказали, что балкарцы искусные овцеводы, вырастили свою породу курдючной овцы, которую разводили в горах в огромных количествах.

Суровые горы обрекли жителей ущелий на вечную борьбу с камнем. Балкарцы, не имея пахотной земли, раскалывали скалы, ворочали огромные каменные глыбы, чтобы засеять крохотные огороды, в корзинах и мешках приносили на себе землю для грядки возле дома. Иногда сад, выращенный титаническим трудом в течение многих лет, или посевы на землях, отвоеванных у гранитных скал многолетними усилиями целого рода, исчезали в один день от сильнейшего ливня или горного обвала.

Казалось, условия непрерывной борьбы за хлеб и кров должны были сделать балкарцев суровыми и неуживчивыми по отношению к народам-соседям. Но этого нет. От гор они как бы унаследовали молчаливость и невозмутимость характера. Балкарцы с другими народами всегда были и остаются поныне добрыми и благожелательными соседями. Свои отношения они часто скрепляли родственными связями, как это сделали предки Кулиева

Балкарцы насчитывают более сорока тысяч человек. Поэт Керим Отаров как-то в шутку сказал: я могу закрыть всех балкарцев одной буркой, если только эту бурку сваяли горянки из аула Псыгансу.

Горький говорил, что не численность народа определяет талант. Иногда очень малочисленный народ может выдвинуть такой талант, от которого сам народ будет казаться большим. Кайсын Кулиев – пример тому. Если такой небольшой народ, как балкарский, дал советской литературе яркого поэта, получившего широкое всесоюзное звучание, то это говорит, прежде

всего, о величии советского общественного строя, открывшего широкую дорогу дарованиям, дремавшим в народах веками.

Горы словно подняли на уровень своих вершин того, кто, как никто другой до него, смог превратить их в могучий символ поэтического творчества.

Поэзия Кайсына Кулиева показывает, что поэтические потенциалы национальных литератур действительно безграничны и их «внутриядерная» энергия вырвалась на простор к общему световому потоку народов, в которых открываются все новые и новые таланты.

За несколько дней до залпа «Авроры» – 1 ноября 1917 года в глухом ауле Верхний Чегем в доме Кулиева Шувы от второго брака родился сын, которого назвали Кайсын. У мальчика уже была двухлетняя сестричка, любимица четырех других братьев, росших поблизости у своей матери, с которой развелся их отец.

Мать поэта Узеирхан была родом из аула Жуунгу, находившегося в том же Чегемском ущелье.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции пришла в глухие ущелья. Шува Кулиев не считался бедняком, поэтому утверждение «власти бедных» вызвало в нем некоторую тревогу. В первые месяцы потомственным овцеводам и охотникам трудно было понять значение великого переворота в их исторических судьбах. Им были ясны слова: свобода, равенство и братство, но как они будут претворяться в жизнь? Лозунг «Земля – крестьянам» здесь звучал иначе, чем в Кабарде, где лучшие пахотные земли и пастбищные угодья находились в руках небольшой кучки эксплуататоров. В ущельях пахотной земли почти не было, а пастбищных угодий хватало всем.

Кайсыну Кулиеву едва исполнилось два года, когда умер его отец. Узеирхан осталась одна с двумя малолетними детьми. Наступили трудные дни. В ущельях то здесь, то там вспыхивали бои партизан с деникинцами. В предгорьях Кабарды, откуда доставляли хлеб в Балкарию, тоже было неспокойно. Выжимать хлеб из камня стало нелегким делом для женских рук Узеирхан, поэтому она выбивалась из сил, чтобы спасти своих детей от голода.

Нужда заставила маленького Кайсына заботиться не только о себе, но и думать о матери и старшей сестре. Он пас овец, коров, телят, на ослике возил дрова. Мать почувствовала облегчение, в доме есть мужчина, но грустинка в ее добрых глазах выдавала ее – ей было жаль мальчика, у него нет детства, он должен делать то, что делают у других взрослые мужчины. Она

была трудолюбива, вставала с первыми лучами солнца, а когда ложились, дети не видели.

Кайсын рос и набирался сил, впечатлений, учился стойко переносить трудности. Охотники, чабаны, пастухи охотно рассказывали мальчику легенды. Они не знали, на какую благодатную почву бросают зерна и как щедро вознаградит их будущий поэт. Трудолюбие горцев, окружавших мальчика повседневно, было первой его книгой. Ее страницы он запомнил на всю жизнь.

С установлением Советской власти в Кабардино-Балкарии впервые за всю историю родного языка в глубокие ущелья проникло чудо – книга на родном языке. Горские мальчики теперь будут ходить в школу. Они сменят ерлыгу, которой ловят ягнят, на карандаш и тетрадь.

С высоких склонов гор виден небольшой квадратный дом под железной крышей – это школа. С осени счастливики будут ходить туда. Многих не пустят родители. Кто будет пасти овец, возить дрова на осле? Кайсыну ли ходить в школу, когда на нем держится все скудное хозяйство семьи.

По аулу расхаживает учитель в картузе. Раньше от страха дети разбегались, если встречали человека в русском картузе. От века было так: если мулла, идя в мечеть, на узкой тропе случайно встречал человека, говорящего по-русски, то возвращался назад, чтобы заново повторить обряд омовения и «очиститься от грехов», а теперь к русскому учителю дети рвутся сами. Он будет учить их русскому языку, открывать несметные сокровища знаний. Учитель не побоялся приехать в глухое ущелье, где жизнь была для него совсем не безопасной.

В один из осенних дней новый учитель и коммунист из аула явились к Узеирхан и сказали слова, от которых радостно затрепетало сердце Кайсына: давай запишем твоего сына в школу. Мать не противилась этому, ей хотелось вознаградить сына за все его труды и лишения. Это были первые шаги Кулиева в новый мир, шаги навстречу судьбе.

Маленькие горцы-чабаны учились, как теперь сказали бы, «без отрыва от стада». Летом они пасли овец, осенью заготавливали дрова на зиму. Лишь в ненастные дни они могли ходить в школу. Уроки делали сообща, собравшись в какой-нибудь пещере. Перед ними паслись овцы, пересчитывая их, чабаны-ученики упражнялись по арифметике.

Костер уже горел в ущелье. Костер знаний, зажженный Советской властью. Никакие бури и метели загасить его не могут. К этому костру потянулись маленькие горцы, от его тепла стало всем тепло, от его света озарились тропы. Напрасно обозлились муллы, но их медресе – духовная школа опустела, напрасно они стараются нагнать страх на верующих, предска-

зывая страшную кару, которую якобы пошлет им аллах. В маленькой школе стало тесно, за партами сидят уже по три-четыре ученика, а желающие все приходят и приходят.

Школа открыла новый мир Кайсыну Кулиеву, его маленькая тропа стала большой дорогой, уходящей за новые и новые перевалы.

Находясь под впечатлением поэзии Пушкина и Лермонтова, с которой не уставал знакомить горских мальчиков неумолимый и душевно щедрый Борис Игнатьевич – один из первых землепроходцев народного просвещения в горах Балкарии, Кайсын Кулиев еще в начальной школе стал слагать стихи, сочинять песни и распевать их.

На свадьбах и вечеринках Кайсына приглашали к столу и просили спеть. И он пел. Имитировал аульских чудаков под общий хохот. «Веселье дарящий», – говорят в народе о таком человеке. На пиру ему отводили место рядом с тамадой. Горцы всегда высоко ценили слово: умное слово и на лезвие кинжала насечку наносит, ласковое слово облегчает боль. Уже в эти годы у Кайсына Кулиева зрел талант поэта, который, словно глубинные подпочвенные воды, накапливаясь, искал выхода на поверхность. Его струи обнаружил учитель, хотя он сам, может быть, и не подозревал, какое открытие принадлежит ему.

Вокруг будущего поэта бурно развивались события, преобразовавшие вековой уклад жизни народа. Утверждались колхозы, новые формы общественной жизни. Школа вступала в открытую борьбу с религией, Происходили столкновения характеров, убеждений, рвались родственные узы. В ущелье не затихала схватка нового со старым. Один из братьев К. Кулиева по отцовской линии – Аубекир Шуваевич оказался в числе тех, кто должен был покинуть аул.

Кайсын Кулиев скорее чувствовал, чем понимал, что коренная ломка векового уклада жизни не может не вызвать потрясений. Но он был слишком юн, чтобы разобраться в этих сложных явлениях.

В Нальчике открывались курсы по подготовке в театральный институт. Юный гегуако, умеющий дарить веселье, был зачислен на них. Впервые горский юноша попал в город, о котором он только слышал. В те годы было одно универсальное слово, понятное всем, – «учиться». На кого учиться и сколько лет надо на это потратить, не имело значения. Самое главное – человек будет знать русский язык и грамоту, значит, перед ним откроется широкая дорога в жизнь.

Так случилось и с К. Кулиевым.

Открыв самостоятельно мир русской поэзии, любознательный, жаждущий знаний горский юноша, уже не один на один встретился с Пушкиным, Лермонтовым, Есениным, поллюбил

их, подружился с ними, открыл мир их образов, мыслей, проник-ся их чувствами. Великие поэты стали недостижимыми горными вершинами, вознесшими гордые головы над всем миром, и мечта о восхождении овладела поэтом. К. Кулиев приобрел свой поэтический голос, свое русло, наполненное звонким, как Жил-ги, ручьем, который устремил свой бег в большую реку.

*Я – горная речка,
Всю жизнь я тороплюсь.
Ей, где же ваши кружки?
Попробуйте на вкус!*

В семнадцатилетнем возрасте Кулиев начинает печатать свои стихи. Они были еще незрелые, часто подражательные, но юноша верил в себя, был порывист и настойчив. Товарищи, всего несколькими годами старше и по опыту и по возрасту, сразу обратили на него внимание. Он приносил к ним свои стихи и просил всегда одно и то же: «прочитать и напечатать». Случалось – прочтут, но не напечатают. Тогда поэт обижался, но не настолько, чтобы спустя неделю не принести новую тетрадь стихов.

В 1935 году в Москве при ГИТИСе открывается балкарская студия. В числе студентов был и Кайсын Кулиев. В ГИТИСе имени Луначарского К. Кулиев учился актерскому искусству, о котором в то время у горцев не было никакого представления. Может быть, поэтому и противилась Узеирхан, когда ее сын решил избрать профессию актера еще несуществующего театра.

Москва поразила юношу. Он был благодарен судьбе, что ему посчастливилось учиться в этом огромном городе, которому, казалось, нет конца и края, как нет конца и края горным вершинам родного Кавказа. А как спустились вниз те, кто сумел поставить крышу на этих высоких домах? Куда делась земля, вынутая из метро? Возникло множество вопросов. Но больше всего горский юноша был поражен, когда стали изучать историю мировой музыки и живописи, русскую и мировую литературу, драматургию. Это были величайшие открытия в мир прекрасного. Лекции читали известные мастера художественного слова, выдающиеся деятели искусства, известные профессора и преподаватели. Горский парень, видевший в жизни всего несколько гектаров неба над глубоким ущельем, оказавшись в театральной и литературной столице – Москве, стал жадно впитывать в себя высокую культуру. Вскоре будущий поэт ощутил, что в новой среде он не чужой, наоборот, этой стихии ему не хватало, чтобы раскрылись его дарования в полную меру.

Будущие актеры начали работать над пьесами. Националь-

ной драматургии еще не было и в помине. Наспех переводились небольшие пьесы или отрывки. К. Кулиев тоже взялся за переводы на балкарский язык. Так, находясь в театральном институте, он перевел «Фуэнте овехуна» Лопе де Вега, «Проделки Скалена» Мольера, «Бронепоезд» Вс. Иванова. Сами классики словно обратились к нему со словами: «Ей, где же ваша кружка? Попробуйте на вкус!» Близкое прикосновение к шедеврам мировой и русской драматургии имело огромное значение для молодого поэта.

От ощущения этого опьяняющего вкуса литературы Кайсын Кулиев еще больше загорелся желанием создавать свои произведения, писать стихи. Если раньше у него не было сомнения относительно своей профессии, то теперь все чаще и чаще овладевал им вопрос: кем быть – актером или поэтом? До сих пор его считали наиболее способным студентом, а поэтические задатки еще не получили должной оценки.

Кулиев решил перейти в вечерний литературный институт. Директор ГИТИСа – Анна Никитична Фурманова считала, что для его общего культурного развития пребывание в театральном институте будет иметь более важное значение, но, учитывая большое желание молодого поэта, она разрешила ему посещать занятия и в литературном институте. Здесь он встретился с другим миром, еще незнакомым, но очень близким его устремлениям. Он посещал и Центральный Дом литераторов, где выступали известные поэты, заводил знакомства с ними. Шедевры советской поэзии Кулиев знал уже не в объеме вузовской программы, а гораздо глубже и шире.

В 1939 году балкарская студия, закончив свое обучение в Москве, вернулась домой. В Нальчике открылся театр. В нем ставились спектакли в основном по пьесам, переведенным К. Кулиевым. А перед ним стоял со всей остротой вопрос: быть поэтом или актером? Чаша весов склонилась в сторону первого. Кулиев уже подготовил к печати книгу стихов «Здравствуй, утро!». Это было шумное утро всей горской поэзии.

В эти годы в балкарской литературе работали поэты Берт Гуртуев, Керим Отаров, Хабу Кациев, Они явились и зачинателями балкарской поэзии, и ее законодателями. Берт Гуртуев возглавлял только что возникшую писательскую организацию. Слово «писатель» еще не вошло в быт и сознание читателей. Читателей почти не было, за исключением нескольких десятков учителей родного языка и учащихся старших классов, а изпод пера поэтов и писателей уже выходили первые книги. Авторы книг и их читатели рождались одновременно.

К. Кулиев внес новую струю в горскую поэзию. Он имел свое видение мира, свое ощущение и говорил об этом образно и эмоционально насыщено.

Уже в первой поэтической книге Кайсына Кулиева чувство-валось, что ее автор ищет новые формы для выражения кипучей действительности, для ее глубокого понимания. Поиски нова-торства навсегда остались чертой творчества К. Кулиева, ибо он еще в начале своего пути знал: творчество – «езда в незнае-мое».

СОЗВЕЗДИЕ ЛИТЕРАТУР

Величину звезды, как известно, определяют по световой гамме, которую она излучает. Величину же литературы каждой республики – по тому, что она вносит в развитие советской многонациональной литературы.

На всех этапах развития нашего общества советские писатели были в самой гуще событий – и в дни сражений, и в дни созиданий. Призывы партии всегда находили горячий отклик в их сердцах. Они трудились под девизом «Планы партии – планы народа». Показать творца будущего, его интересы, проникнуть в мир современника, вскрыть глубинные пласты человеческого характера – вот задача всех советских писателей.

Задача эта трудная. Не так-то просто отразить в художественном произведении быстро меняющуюся действительность. Если быть самокритичным, мы здесь далеко не всегда преуспеваем. И виновата в этом сама жизнь, все убыстряющая и убыстряющая свой бег.

В наш век герои-современники меняются буквально на глазах писателей одного поколения. Особенно это заметно на сельских тружениках. Поэтому партия вновь и вновь напоминает писателям о том, что чем теснее связь художника с многогранной жизнью советского народа, тем вернее путь к творческим достижениям и удачам.

Новые преобразования, все более богатая и полнокровная действительность рождает и новые формы в литературе, обновляют средства художественного выражения. Однако нельзя истинное новаторство отождествлять с бойким эксперимента-торством. Специально стать новатором невозможно. Новатор-ство рождается в органической слитности с традицией, со всем поэтическим настроем художника. Вспомним Маяковского, создавшего новую поэзию – революционную, общенародную. Его новаторство всеми корнями уходило в революционную действительность.

Если для Гомера основой поэтического ритма были морские волны и движения боевых колесниц, то Маяковский взял за основу ритма поступь рабочего класса, призванного изменить

мир, построить новое общество. Поэт, как выразитель своего времени, создал свою особую поэтику, наиболее соответствующую революционной действительности.

Когда-то «непонятный Маяковский» стал самым понятным и дорогим народу. Подлинное новаторство взяло верх над застывшими формами, традиции повернулись к читателю новой гранью.

Жизнь рождает новые формы и в литературе союзных республик. И здесь истинные художники, не отказываясь от наследия устного народного творчества, переосмыслили художественные традиции, соединили их с новым содержанием. Традиция, уходящая своими корнями в толщу народной жизни, в фольклор, обновилась, претерпела в своей эволюции изменения, обогатилась, отшлифовалась в своей выразительности и стала благодатной почвой для рождения новой художественной формы.

Коренные основы национальной культуры, казавшиеся статичными и зафиксированными раз и навсегда, обрели вторую жизнь, второе дыхание благодаря социальным изменениям, происшедшим в судьбах народов.

Иногда говорят: «Пушкин – наш современник. Гете – наш современник». Мне думается, как для Пушкина, так и для Гете эта фраза – обидная, потому что она принижает великих поэтов, говорит о том, будто поэта можно вырвать из той среды, которая породила его. Пушкин и Гете тем и велики, что они наиболее полно воплотили в своем поэтическом творчестве облик *своего времени*, подняли на небывало высокую ступень поэтическое мышление своего народа, развили вглубь и вширь поэтические традиции, существовавшие до них. Они – властители дум своего времени. Не потому ли они говорят так много нашим сердцам сегодня... Они открывают нам целый мир прошлого и одновременно служат великому делу – «связи времен», которая никогда не прерывается. Но для этого надо быть сыном своего времени, своего народа.

Если писателя можно оторвать от эпохи, значит, его творчество не имело глубоких корней, связывающих его с народом. События эпохи входят в плоть и кровь настоящего художника, сплавляются в его сознании с внутренними переживаниями, душа его неотделима от бурь современности.

Писатели по своей природе восприимчивы, терзаемы неодолимой потребностью сделать лучше жизнь людей. Они неустанно моделируют человека будущего, совершенствуют его, не дают погаснуть в сердцах людей высокой и прекрасной мечте.

Великие писатели во все времена оставались верны одной

неизменной традиции – стремлению возвысить человека, обогатить его внутренний мир, быть голосом своего времени. И только те произведения литературы пережили века, которые выражали думы, чувства и стремления народа.

Мне вспоминается спор с одним молодым писателем. По его мнению, частная собственность была и остается источником борьбы и столкновений, своего рода поставщиком конфликтов для литературы.

Думаю, несостоятельность моего оппонента очевидна. Как можно считать поставщиком конфликта частную собственность, когда она в нашей стране давно канула в вечность, не имеет прочных корней в нашем обществе. Правда, временами ядовитые побеги собственности появляются и на отжившем, срубленном дереве. Но можно ли их принимать за новую поросль, утверждать, что растет молодой лес, питающийся собственными корнями? Конечно, нет.

Такой писатель, не разобравшись в явлении, может случайное в нашей жизни рассматривать как типичное, принимать кажущееся за действительное. В людских судьбах и отношениях он может отыскать разные отрицательные явления, даже такие, как кровная месть в ее первозданной форме. Однако нельзя типизировать единичный случай и преподносить его читателю как нечто характерное для современной жизни.

Мало того, отыскав в окружающей жизни уродливые явления, писатель должен ответить читателю и на вопросы: кто виноват? Кто является нарушителем новых этических норм и расшатывает устой общества?

Сказать своим произведением, что я, мол, указал на недостатки, в причинах же разбирайтесь сами, – мало. О частном курьезном случае можно написать фельетон. Писатель же – пахарь глубинный. Он должен поднимать целину, то есть его книги должны быть художественным открытием.

Советские национальные литературы утверждают пафос новых общественных принципов и нравственных норм. Но значит ли это, что писатель не должен показывать отрицательных явлений нашей жизни?

Отнюдь нет! Вспомним, какое активное участие принимали писатели в обсуждении проблем сельскохозяйственного производства. Они будоражили общественное мнение, смело вскрывали недостатки, существовавшие в сельском хозяйстве, и этим помогали быстрее решать назревшие вопросы. Советский писатель – частица общества, активный участник социальных преобразований, соавтор всего прогрессивного. Он в ответе перед грядущим за все хорошее и плохое.

Когда говорят о национальных литературах, возникших в

советский период, отмечают, что до революции у ряда народов даже не было письменности. Спору нет, без национального письма не может быть национальной литературы. Но одного этого недостаточно, чтобы понять причины быстрого расцвета национальных литератур. Ведь письменность, например, у татар, осетин и чувашей возникла задолго до Октября, но литературы этих народов раскрыли всю силу творческого горения и дерзания только в советское время. И у кабардинцев первые книги появились в середине прошлого столетия, а художественные образцы созданы лишь в советский период. Все это говорит о том, что быстрый расцвет национальных литератур – результат ленинской национальной политики, которая создала благоприятные условия для творческого развития этих литератур.

Еще не были распаханы на всю глубину нивы литературы многих народов, а безымянные стихотворцы уже слагали песни, обогащали устную поэзию.

Вера в силу художественного слова у народов идет из глубины веков. Но как ни велика эта вера, вряд ли зачинатели национальных литератур на первых порах представляли масштабы развития поэтического слова. Может быть, поэтому они иногда отрывались от фольклорной почвы и не создали значительных художественных произведений, которые стали бы эталоном для новой поросли литераторов. Однако их творческая деятельность имела огромное значение, ибо тот, кто шел первым, сделал вдвойне больше.

Для последующего развития национальных литератур характерно содружество писателей нового поколения с зачинателями, освоение опыта русской классической и современной литературы, изучение лучших художественных образцов других народов многовековой культуры. От такого содружества литература укрепляла живительные корни, питающие ее соком народной поэзии, обретала упругость, мускульную силу, зрелость и гражданственность.

Чтобы увидеть новые дали художественного мастерства, нужно опереться на опыт гигантов-предшественников. Фольклор – коллективное художественное творчество народов – не может заменить их опыта. Для национальных литератур такими гигантами являются прежде всего великие русские мастера художественного слова.

Повзрослев, национальные литературы ставили перед собой такие задачи, которые решает и русская советская литература в строительстве развитого социализма, в воспитании человека нового общества. За последние годы национальные литературы достигли новой фазы развития и четко определили свое место на небосклоне советской литературы, проложили дорогу к

широкому читателю.

За недолгий срок многие народы нашей страны прошли ускоренный исторический путь развития. На XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев как бы подвел итог этого пути: «Вызывает большое удовлетворение тот факт, что плодотворное развитие литературы и искусства происходит во всех наших республиках, на десятках языков народов СССР, в ярком многообразии национальных форм».

В Российской Федерации более четырех десятков литератур, каждая из них отмечена самобытными художественными образцами, богата именами писателей, ставших известными всей стране. Приобрести за короткий срок письменность и тут же приступить к созданию литературы на родном языке – задача труднейшая. Казалось, каждому народу потребуются длительное время, чтобы «переварить» в себе коренные изменения действительности. Но много времени на это не понадобилось. У народов, у которых, к примеру, не было представления о романе как жанре литературы, появляются нынче свои романы.

Молодая национальная литература с первых же дней своего появления на свет начинает развиваться под непосредственным влиянием традиций русской и советской литературы. У ее мастеров национальные писатели перенимают опыт, умение воплощать в художественные образы действительность и одновременно питают свое творчество традициями устного народного творчества.

Результатом синтеза опыта русской литературы и традиций устного поэтического творчества в национальных литературах являются романы, написанные, как правило, в стихах. Вспомним первый роман основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова, появившийся в свет в то время, когда еще не было на его языке крупных произведений прозы, или повесть чувашского поэта Семена Эльгера «Под гнетом», посвященную одному из бурных этапов истории своего народа.

Стремление поэтов к глубокому социальному анализу, психологическим разработкам, осмыслению процессов, происходящих в судьбах народа, требовало больших полотен, широких обобщений. Поэтому за романом в стихах появляются романы в прозе, в которых прослеживается развитие народа, человеческих характеров, событий, изменивших русло исторического потока. Эти произведения – новая ступень в развитии многих национальных литератур.

Появление больших эпических полотен в советских национальных литературах вызвано и возросшими идейно-эстетическими потребностями читателей, стремлением народа

к познанию самого себя, раскрытию диалектики своего развития. Это потребовало от писателей раскрытия социальных тем, вовлечения в литературу новых типов человеческих характеров.

Внимание писателей всех национальных литератур привлекла художественная летопись народа. Но для создания ее надо было в совершенстве владеть жанром романа с его многоплановым сюжетом, цельной и стройной художественной концепцией и философским осмыслением событий.

Большая многожанровая литература немислима без высокой творческой культуры, без овладения тайнами мастерства. И национальные писатели учатся этому у русских классиков и у мастеров мировой культуры. Отдельные литераторы прибегают к творческому приему, известному еще со времен Вальтера Скотта, строившего свои произведения по принципу сочетания вымышленных героев с действительными историческими лицами, связывая их общей сюжетной линией и коллизиями, в которых развиваются характеры главных персонажей.

Многообразие национальных форм обогатило советскую литературу и радует читателей яркими произведениями, правдиво отражающими советскую действительность. Каждый прозаик или поэт соревнуется со своими собратьями по перу из других республик, стараясь наиболее полно, ярко и эмоционально выразить любовь своего народа к партии, к Родине.

В сказке Юрия Рытхэу «О том, как на Чукотку свет пришел» Ленин говорит: «Мы из Москвы много хороших дел начинали, да бывало иной раз, что эти дела где-нибудь на полпути оставались, не до всякого уголка доходили... Вот и доложите мне, товарищи, как у нас обстоят дела на Чукотке... Уж если что в самом дальнем краю нами сделано, так оно, значит, по всей нашей земле прошло, не застряло на полдороге».

Ему докладывают, что сделано на Чукотке: «Чукчей, эскимосов, юкагиров от окончательной смерти спасли». Ленин удовлетворен и говорит: «Хорошо».

Незамысловатая сказка, слова очень простые, но они выражают большую любовь и сердечную благодарность, которую питают наши народы к Ленину.

Нет уголка на советской земле, куда бы не дошли ленинские идеи. Дела Ленина прошли по всей советской земле, и поэтому «всяк сущий в ней язык» стремится найти яркие краски и самые емкие слова для раскрытия образа Ленина.

Когда-то выдающийся дагестанский поэт Эфенди Капиев высказал мысль, что историю советской литературы народов

Кавказа следует начинать с «Песни о Ленине».

Свой вклад в Лениниану внес татарский поэт Сигбат Хаким. Его поэтические произведения «По зову Ленина» и «Заветная книга» полны глубоких социальных обобщений. В них образ Ленина живет в делах и подвигах людей. Поэмы построены как бы на изолированных друг от друга фактах, взятых прямо из жизни, но они связаны верностью ленинским заветам, в них ярко проявляются гражданственность, философичность и лиризм.

Ленинград – колыбель революции – воспринимается поэтами Севера с особым волнением. В этом городе они получили образование, приобщились к культуре, чтобы нести дальше свет ленинских идей. Поэтому нанаяц Андрей Пассар и написал торжественное «Обращение к Ленинграду».

В творческих поисках национальных писателей важное место занимает военно-патриотическая тема. Она оказалась по плечу молодым литераторам, которые, вступив в пору своей зрелости, приняли от старших поколений славную эстафету воспитания патриотических чувств.

Писатели национальных литератур не ограничились показом дел своих народов в Отечественной войне. Они старались объяснить истоки мужества и героизма народов нашей страны, выстоявших в смертельной схватке с фашизмом.

Величие духа больших и малых народов нашей страны, их нерушимое единство еще раз подтвердилось на фронтах Великой Отечественной войны. Жестокие испытания не только не сломили советский народ, не разобщили его, а наоборот, еще больше сплотили наше многонациональное братство. Советские люди, к какой бы национальности они ни принадлежали, оставались тесно спаянными по духу, зову сердца и верности братству народов.

Этой теме посвящены, например, произведения чувашского поэта Педера Хузангая. Они полны гнева к врагу, нежности к Родине. В них показаны истоки мужества советского человека на войне, его духовная чистота, глубина патриотических чувств.

К военно-патриотической теме обращаются и те, кто не принимал участия в военных походах и битвах. О героических сражениях они знают по рассказам отцов и старших братьев, по книгам и кинофильмам. К этому поколению относится и аварская поэтесса Фазу Алиева, в поэзии которой слышны раскаты эха минувшей войны. Ее поэма «Восемнадцатая весна» – взволнованный отклик на потрясения, пережитые народом. В поэме, оптимистической и жизнеутверждающей, о юноше, закрывшем собой

амбразуру дота, сказано:

*В эту минуту, в секунду вот эту
Он утверждает бессмертье планеты...*

Тема войны волнует и мордовского писателя И. Пиняева, написавшего книгу «Шла дивизия вперед». Поэтические ветры прошедшей войны развевают платок горских поэтесс Раисы Ахматовой, Танзили Зумакуловой и Фоусат Балкаровой. Осетинский поэт Георгий Кайтуков, участник Великой Отечественной войны, создал немало ярких произведений о советских воинах, с которыми делил опасности походов и черствый сухарь солдата.

Но все же важнейшим направлением творческих исканий советских писателей остается тема современности. Именно к ней обращены художественные поиски. Каждая литература, заботясь о показе жизни своего народа, решает общую интернациональную задачу творческого воплощения героических дел наших современников, создает образ строителя развитого социализма.

Осмысление сегодняшних событий и явлений происходит в диалектическом единстве настоящего с прошлым и будущим, ибо все это составляет единый процесс жизни.

Этот сплав образовал целый литературный пласт. Начало ему положили такие мастера художественного слова, как аварец Расул Гамзатов, балкарец Кайсын Кулиев, калмык Давид Кутультинов, башкир Мустай Карим, произведения которых составляют художественную ценность всей нашей многонациональной литературы.

На каком бы языке не писал поэт или прозаик, родной язык – это его взлетная площадка, а русский язык, ставший вторым родным языком, – та динамическая сила, которая выносит новую звезду на наш советский литературный небосклон.

Это относится не только к поэтам и писателям литератур, возникших сразу же после Октября, но и к более молодым литературам. Так, произведения чукчанки Антонины Кымытваль, нивха Владимира Санги, нанайца Андрея Пассара впервые сделали достоянием советской многонациональной литературы неизвестный до этого материал. Они показали жизнь и борьбу северных народов, спасенных от вымирания Советской властью.

Писатели наших республик создали значительные художественные ценности, обогатили великую советскую литературу произведениями яркими и самобытными. Этим мы обязаны Коммунистической партии и Советскому правительству, утвердившим равенство наций.

И неудивительно, что произведения всех советских литератур пронизывает общее для каждого народа чувство – это чувство интернационализма, общности судеб и единства Родины, верности коммунистическим идеалам. Расцвет советских литератур показывает миру, что языковое различие не отделяет народ от народа. В нашей стране все народы верно служат укреплению братских уз и дружбы, выражают единство интересов, стремятся к взаимному обогащению национальных культур на благо общего экономического и культурного процветания.

Кто бы мог раньше знать даргинского писателя Ахмедхана Абу-Бакара, автора многих повестей, давно перешагнувших границы даргинского языка, на котором говорят всего лишь около трехсот тысяч человек, если бы его язык не стал письменным? А сейчас даже горы Дагестана не закрыли путь колоритным, полным жизненной силы, художественно-убедительно выписанным образам произведений талантливого прозаика. Ныне повести Абу-Бакара «Даргинские девушки», «Снежные люди», «Ожерелье для моей Серминаз» переведены на многие языки нашей страны.

Взаимопроникновение и взаимовлияние братских литератур стало обычным явлением, источником непрерывного обогащения и развития нашей многонациональной литературы.

Горький называл советскую литературу великой державой. Назвал ее так не только потому, что наша страна простирается от вечной мерзлоты до белого хлопья Таджикистана, от Бреста до Тихого океана, но и потому, что она велика, необъятна и по числу языков, отдающих свои неиссякаемые богатства социалистической культуре.

Каждый советский писатель испытывает чувство удовлетворения оттого, что советская литературная держава набирает все новые силы и утверждает себя как коллективное творчество народов нашей социалистической Отчизны.

Вдохновляющий лик праздника

История любого народа – это его национальное богатство. Она у него единственная, как мать. Какой бы она ни была, ее не выбирают задним числом. Ее можно лишь обогащать подвигом, делами на благо народа.

Я рад, что пишу и творю для моего народа, для моего современника, вдохновенного труженика советской земли.

Его дела и pomysлы – источник писательского вдохновения. Кто его таким выпестовал, кто взял глыбу и, отсекая все лишнее, ненужное, создал человека нового типа, устремленного в будущее, вырастил одухотворенного современника с мужествен-

ными чертами характера? Ответ один: советский общественный строй, нерушимый союз равноправных народов, крепнущий день ото дня.

Советский современник – строгий ценитель произведений искусства, потому что он сам творец и знает цену творчества. Неся в массы свои произведения, художник не может не испытывать душевного волнения: а как встретят его, как оценят его труд? Естественно, каждому хочется, чтобы его высоко оценил народ. Но для этого создавай то, что ему необходимо. А если ты неуважительно относишься к его запросам, воспринимаешь дарование лишь как свою собственность и создаешь произведения, которые не ложатся в русло деятельности народных масс, тогда не жди от своего народа знаков внимания, уважения.

Бывает талант, работающий для избранных. Вокруг него небольшая рожица, а он воображает, будто это необозримый лес, уходящий во все стороны далеко за горизонт.

Есть на Кавказе чинара. Она определяет облик всего лесного покрова гор. У этого дерева удивительная особенность: оно не растет в мелколесье, любит лесные глубины, и никакая попытка пересадить его не только в горшок, но и на край леса не увенчается успехом. Чинара пускает мощные корни глубоко в почву, создает пышную крону, образуя над соседними деревьями купу, защищая их от знойного солнца, холода и ветров, ощущает всю полноту жизни, когда она в глубине леса.

Творцы художественных ценностей, как чинары, должны быть в гуще народа, работать на народ, сверяя свои критерии и оценки с его критериями, подчиняя свои творческие замыслы интересам народа.

За такими людьми народ следил пристально, ценил их труд, если творцы ценностей все свое горение отдавали народу, помогали утверждению и движению вперед и сами явились его гордостью. Но если творец художественных ценностей или материальных благ ставил свои интересы выше интересов масс, свои вкусы выше вкусов народа, то как бы высоко он ни выбирался на гребни волн, следующая историческая волна унесет его в пучины навсегда.

Свойства таланта – поиски правды собственными путями, доступными ему. Правда одна – народная. Стремление к ней ведет к служению народу, к выражению истин, открывающих внутренний мир современника. А для маленькой правды, лежащей в русле интересов небольшой кучки избранных, нет места на знамени борьбы за общенародные идеалы.

Советские писатели, встречаясь с современниками, преобразующими мир, хотят узнать как можно больше об их делах, о жизни и быте, стремятся соизмерять творческие замыслы с планами народа, ибо придирчивый и строгий отбор художе-

ственных ценностей – необходимое условие дальнейшего развития литературы.

В художественном творчестве есть свой неумолимый и беспощадный ОТК, который, несмотря на авторитеты, выбрасывает за борт корабля все, что не отвечает его интересам. Это время. Оно руки и сердце современника. Ему мы отдаем на суд наши помыслы и дела.

Слово «критика» происходит от греческого «судить», то есть выносить приговор произведению именем правды, исходя из интересов читателей и развития литературы. Пользоваться этим правом – ответственность перед эпохой. Критик, оказавшийся в плену у вкусовщины и потерявший перспективу, масштабность и принципиальность, не может выступать в роли вершителя судеб художественных ценностей. Его приговору читатель не поверит.

В мире наших идейных противников выбрасывают за борт все, что мы считаем для себя непреходящей ценностью. Со своей стороны, мы не можем позволить себе игру с искусством, подмену произведений искусства побрякушками, дешевыми подделками.

Если говорим «современник», то мы подразумеваем не унифицированного современника. За полосатыми пограничными столбами есть и современник-монополист, интересы которого лежат в определенной плоскости, есть и современник, чьи интересы лежат в русле деятельности трудовых масс, отдающих свой труд и душевный накал борьбе за лучшее будущее.

В обществе, где вершителем судеб является денежный мешок, писатель как бы свободен от ответственности за то, что он создает. Но это на первый взгляд. На самом деле его руку направляет «мешок», потому что он, садясь за письменный стол, задается одной целью – написать книгу, которая раскупалась бы быстрее и принесла бы ему доходы, ибо от этого зависит и его судьба и благополучие издателя.

Ради этого он может свободно обращаться с фактами, путать события, допускать безответственные домыслы, пренебрегать общественным мнением, ибо ему нужно ошеломить издателя, удивить читателя и опрокинуть его представления об окружающем мире. Понятно, что такой писатель новое произведение не несет к своим коллегам по ремеслу, не выносит на суд читателя. Мнения других ему не нужны: чем путаней будет книга, тем быстрее разойдется. Сомнения нет, такую книгу советский современник на свое оружие не возьмет.

Советские писатели строят свое творчество на иных принципах: литература – важнейшее средство воспитания. Одного этого достаточно, чтобы писатель, садясь за письменный стол, чувствовал ответственность за художественное слово, которое

адресует своему читателю.

Бегство от интересов читателя, от народности искусства – это путь к разрушению художественного творчества, к развенчанию идей, окрыляющих творца духовных ценностей. Без вдохновляющих идей творчество превратится в эпигонство, лишенное перспектив. Это застой, гибель культуры. Гениальное только один раз гениально. Его повторение даже на иной национальной почве и в другую эпоху не обогащает литературу, остается копией, не знаменует новую ступень развития. Все великие произведения в мировой культуре глубоко национальны, и в этом их интернациональность и сила воздействия на человека. Все серые произведения, наоборот, не имеют национальной прописки, и поэтому они напоминают тучки небесные, которым безразлично, на какую землю бросить тень в солнечные дни. Их присутствие не создает погоды на земле.

Творить для настоящего, во имя будущего, творить для будущего современника, заботясь о сегодняшнем своего современника, – вот девиз советских писателей, отдающих свое творчество на строгий суд народа.

Великим родством сильны

Раскрытие творческих возможностей не только каждой отдельной личности, но и каждого народа – одна из задач советского строя. Весь путь нашего государства – это небывалый в истории человечества пример установления новых отношений между людьми и народами. Особое место в установлении таких отношений занимало социалистическое искусство и литература.

Обретение письменности, превращение языка, средства устного общения людей, в письменный – краеугольный камень возводимого здания духовной культуры. Этот этап совсем недавно прошли десятки литератур, ныне влившихся в могучий поток советской многонациональной литературы.

Великолепные образцы кабардинского (нартского) эпоса народ хранил и развивал три тысячи лет. Но, не имея письменности, он не мог поделиться своим сокровищем с другими народами.

Еще в середине прошлого века письменность пытались создать горские просветители Шора Ногмов, Кази Атажукин. С помощью «самодельной» грамоты записывал свои стихи народный поэт Кабарды Бекмурза Пачев. Но создаваемая ими письменность не имела практического применения. И, конечно, дело не только в том, что все богатство кабардинской фонетики трудно передать с помощью готовых алфавитов. Нужен был простор для народного просвещения. Простор этот открыл Ве-

ликий Октябрь.

Тогда же встал вопрос: какой графической основе отдать предпочтение?

Исследованиями языков горских народов много занимался русский ученый Петр Карлович Услар, один из основоположников кавказоведения, активный поборник просвещения кавказцев. Больше четверти века он посвятил изучению языков малых народов Кавказа: абхазского, чеченского, аварского, даргинского, лезгинского, черкесского (а значит, и кабардинского). Услар научно обосновал бесперспективность письменности для горцев на арабской и латинской основе и заложил базу для разработки новых алфавитов, близких к русскому.

Развернулась широкая работа по совершенствованию кабардинского алфавита и орфографии. Завершить ее помешала Отечественная война. Однако уже на основе выработанной письменности появилась литература, за короткий срок давшая значительные художественные образцы. С этой письменностью связан и первый выход в свет кабардинского эпоса «Нарты», с которым вскоре смогли познакомиться и другие народы нашей страны.

Как известно, фольклор – основа литературы, но молодая национальная литература, вырастающая из фольклора, не в состоянии встать на ноги сама по себе, без влияния соседних культур, литератур других народов. Кабардинской, как и другим литературам малых народов, в этом смысле повезло: рядом была могучая русская классическая литература – одна из самых гуманистических, демократичных и высокохудожественных в мире.

Я напоминаю об этом потому, что в начале тридцатых годов вокруг нашей совсем молодой еще литературы нет-нет да и закипали споры. Иные горячие головы утверждали, что наш национальный эпос сам по себе достаточно богат, чтобы питать новую литературу жизненными соками, что произведения Лермонтова, Толстого чужды кавказцам, поскольку эти писатели – офицеры царской армии и служили на Кавказе.

Эти горячие головы, очевидно, забыли или просто не знали, что Лермонтов, по существу, первый «письменный» поэт кабардинцев. Его стихи были стараниями энтузиастов-кабардинцев переведены на наш язык и напечатаны на Кавказе в военно-полевой типографии. Лермонтов – первый. Затем уже был Саади. Так распорядились наши предки – современники Лермонтова.

Опять невольно вспоминаю школу, своего учителя и классика кабардинской литературы Али Шогенцукова. Ведь это он познакомил нас с неукротимым лермонтовским Мцыри. Этот образ очень близок духу горцев. Через него, через другие яркие образы русской литературы горцы, может быть, впервые смогли

взглянуть на себя со стороны и лучше познать себя.

Слияние народных, национальных начал и традиций с литературой русского народа – одно из самых важных и благодатных условий, без которого не могли появиться первые добрые всходы литературы как кабардинского, так и других народов Кавказа.

И вот уже более полвека, как литературная целина в республике вспахана. Молодые побег, взошедшие на этой почве, обнадеживали. Это были оригинальные произведения на родном языке и переводы Т. Борукаева, М. Афаунова, Дж. Налоева, А. и М. Пшеноковых, С. Шахмурзаева.

Следующее поколение молодых поэтов и писателей старалось еще лучше освоить опыт художественного творчества и культуры других народов и еще больше обогатиться традициями своих земляков – народных сказителей, сблизить, сдружить эти начала.

В этом направлении рядом с Бекмурзой Пачевым, Амирханом Хавпачевым работали Хапача Каширгов, Хажбекир Хавпачев, с Кязимом Мечиевым – Керим Отаров, Берг Гуртуев. От такого содружества литература насыщалась соками народной жизни, успешно осваивала новые жанры, обретала зрелость и гражданские права. И наконец в творчестве Али Шогенцукова достигла тех качеств, которые для последующих поэтов и писателей Кабарды стали эталоном.

Когда-то обмен духовными ценностями между малыми народами, например, Кавказа и русским народом осуществлялся только через русскую литературу и искусство. И вряд ли этот обмен можно было назвать равноценным. Кавказцы с их своеобразными характерами, образом жизни, мышления вдохновляли выдающихся художников России на создание ярких произведений. Теперь же, достигнув успехов в развитии своих национальных литератур, горцы могут сами открыть читателям разных национальностей новые богатства своей духовной жизни. Стихи балкарца Кайсына Кулиева, аварца Расула Гамзатова в русских, украинских, литовских домах встречаются такой же сердечный прием, как муза Твардовского, Шевченко, Меже-лайтиса.

Счастливая судьба и у молодой поросли кабардино-балкарской литературы, представленной Инной Кашежевой, Зубером Тхагазитовым, Мугазом Кештовым, Анатолием Бицуевым, Ибрагимом Бабаевым. Книги их стихов находят признание читателей далеко за пределами Кавказа. Можно представить, как подивился и порадовался бы этому кабардинский просветитель Шора Ногмов, мечтавший о грамоте для народа. Действительность превзошла его мечты, казавшиеся в свое

время дерзкими. Писатели и поэты Кабардино-Балкарии как бы прорубили скалу и вышли на простор.

Мне, как каждому кабардинцу, дорог язык моих предков. В нем душа народа, в нем отражены перемены в экономике и культуре республики. Я не могу не гордиться этим. Но я не хочу и не могу противопоставлять родной язык великому русскому языку, благодаря которому поэзия горцев собирает многомиллионную аудиторию почитателей в Сибири, Москве, на Урале, на Дальнем Востоке и за пределами нашей страны.

Высота

В ботанике есть понятие: зона гигантизма. Это выражение употребляется тогда, когда речь идет о высокогорных растениях, растущих на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. В обычных условиях ромашки, одуванчики, папоротники, колокольчики и другие растения, размеры которых не вызывают у нас удивления, в зоне гигантизма преобразуются, становятся гигантами.

Чем объяснить неожиданную мощь стеблей, размах листьев, пышность цветения? Ответ один: высота. Здесь воздух чист и прозрачен, поэтому легко пропускает ультрафиолетовые лучи, щедро отдаваемые солнцем. Здесь частые смены жаркого солнца и ливня. Заурядные растения, оказавшись на заоблачных вершинах, меняют свой облик, обретают силу и как бы говорят: «Вот на что мы способны, когда нас окрыляет высота».

В литературе такой высотой является талант. Явления жизни, факты, события, не выходящие за рамки обыденности, став достоянием литературы, преобразуются, наполняются силой воздействия, обретают новое качество – рождается то прекрасное, которое было скрыто от простого глаза. Читатель, беря в руки книгу, думает: а ведь все это и мне знакомо, но почему-то я не так сказал, не открыл новых граней, новых явлений и фактов, которые, кажется, так просто открыл талант.

Именно такие таланты имелись в виду Л. И. Брежневым, когда на XXIV съезде КПСС он призывал подходить к оценке художественных произведений «с большей принципиально-стью, соединяя взыскательность с тактом, с бережным отношением к творцам художественных ценностей».

Творцы художественных ценностей! Чтобы быть одним из них, мало только желания, даже самого страстного. Надо родиться творцом, надо шаг за шагом, от книги к книге непрерывно обогащать свои знания опытом предшественников, питать ими драгоценное зерно таланта, из которого вырастет творец худо-

жественных ценностей, а затем довести его до бурного цветения.

Творец художественных ценностей вызывает удивление там, где до него ничто не удивляло, наполняет светом то, что не замечалось в общей массе, – это и есть высота художественного мышления, преобразующая многообразие жизненных впечатлений в чудесный сплав – в произведение литературы.

Искать прекрасное – это открывать человека, проникать в сложный мир его чувств, страстей, мыслей, побуждений. Не зря горцы говорят: облик человека не только в его деяниях, а и в помыслах, ибо не всегда деяния человека выражают его.

Прекрасное и красивое – не одно и то же. Кажется, жизнь дороже всего и превыше всего, но человек ради высоких идей идет на смерть, жертвуя самым дорогим во имя идеала. В этом противоречие человеческого деяния, которое служит источником прекрасного.

Дважды я побывал у тюменских нефтяников. Они, как известно, открыли несметные богатства нефти и газа на севере страны. Это открытие, как и любое великое открытие, явилось результатом огромных усилий и драматической борьбы.

В непроходимых лесах и болотах собрались люди с разным положением, судьбами и характерами. Писателю, оказавшемуся среди этих людей, нелегко найти нужные коллизии, выбрать прототипы персонажей будущего произведения, определить сюжетную канву, по которой будет развиваться действие. Здесь энтузиасты с сибирским упорством и нытики, люди с горячими сердцами и безразличные скептики. Здесь вспыхивают острейшие конфликты. Бывает, слабые духом покоряются, хотя правда на их стороне, а люди сильной воли берут верх, и их мнение побеждает. Послушаешь какого-нибудь из них и начинаешь думать, что он прав, хотя поначалу ты видел в нем прообраз отрицательного персонажа, или, наоборот, в действиях того или иного человека сначала находил положительные качества, а время и события показали противоположное.

Океан нефти и газа на севере страны разбудил и океан человеческих судеб, характеров и страстей. По нему невозможно плыть на утлой лодчонке литературного ремесленника, который готов броситься в пучину ради того, чтобы всплыть на поверхность волн, уцепившись за актуальность. Этот океан ждет мореходов на мощных кораблях.

Но весь этот богатейший материал пока еще похож на нефть и газ, которые находятся в глубинах сибирской земли. Для того чтобы он стал достоянием литературы, необходимы творческое дерзание и смелость, граничащие с подвигом. Это и есть то высокое пламя творческого горения, без которого не бывает открытий.

За плечами литераторов моего поколения – непрерывная цепь огромных событий, потрясших мир. Они и по сей день не утратили своей жгучей актуальности, дают неисчерпаемый материал для художественного творчества, определяют его динамику. Появляются новые факты и явления, которые обогащают их, идет процесс невиданного по размаху и широте строительства развитого социализма. Эти факты и события не требуют преувеличения.

Даже простой рассказ о них будет волнующим, интересным, потому что эти факты и события, полные огромного смысла, происходят на огромной преобразующей высоте общенародного пафоса. Но для того чтобы из этих глыб воздвигнуть здание нового произведения, требуется соответственная сила духа, масштабность художественного мышления.

Строительство нового общества означает не только создание материальных благ. Оно подразумевает еще более сложный и тонкий процесс – строительство человеческих душ, где нужна и сила, как говорил М. Горький, «святого дара поэзии».

Вот это и есть фронт борьбы литературы, борьбы за человека. Чтобы быть боевой единицей на том фронте, необходимо подняться на уровень задач, поставленных партией, поверить в великую силу преображения средствами художественного слова. На этом фронте сражались и побеждали художники, сильные сознанием своего долга перед народом и эпохой, такие, как Горький, Маяковский, Шолохов, Фадеев, Фурманов, Тихонов... В этой борьбе нашли свое место и получили боевое крещение Стальский, Цадаса, Пачев, Мечиев...

Не все новое сразу бросается в глаза. Легко увидеть новые гигантские сооружения, города, каналы, но как увидеть новые характеры, психологические явления, новый строй души, возвышенные переживания впередсмотрящих и низменные желания отдельных людей?

Новое невозможно увидеть через призму старых отношений. Надо быть самому внутренне нацеленным на новое. Ясность позиции определяет и ясность направления поиска.

Если музыка хороша, то не сразу в песне заметишь несовершенство слов. Точно так же актуальность темы порой восполняет отсутствие высоты в творческом полете писателя. Но актуальность – опора зыбкая, она легко поддается выветриванию. Когда же революционные преобразования в жизни народов, эпохальные события и явления соединяются с духовной энергией писателя, в творчестве которого есть высота, то произведение, рожденное им, становится летописью борьбы и созидания.

Рождение писателя схоже с рождением горного ручья. У истоков он шумит, бросая вызов вершинам, его неглубокое рус-

ло наполняется водой, когда начинают таять снега и ледники под ослепительным солнцем. Вечерами, когда опускаются сумерки, русло мелеет. Но вот ручей стал рекой, вобрал в себя опыт – чистые воды попутных родников, – и в русле в любое время дня и ночи уровень воды одинаков. Ручей стал называться рекой, у него свои берега. А тот ручей, которому не хватило сил, чтобы стать рекой, который избрал не тот путь, что ведет к дальним дорогам, постепенно исчезает под камнями. Его русло прерывается, не получает названия.

По первым звонким песням, по вызову, брошенному вершинам, еще трудно сказать, какой ручей станет рекой. Для того чтобы он начал свой долгий путь, нужна высота, которая сообщает ему движение, пафос и динамику. Лишь в стремительном движении он заклокочет, обретет язык, понятный берегам.

Мы нередко бываем чрезмерно щедры на похвалы. Прочитав несколько неплохих строк, спешим «открывать» новое имя, говорить о нем в превосходной степени.

Справедливы слова на XXIV съезде КПСС в адрес нашей критики. Они относятся ко всей нашей литературе, потому что в роли литературных критиков часто выступают и поэты, и прозаики, и к тем, кто рекомендует книгу читателям.

Безответственная рекомендация делает книгу схожей с уцененными товарами ширпотреба, которые не находят спроса и требуют назойливой рекламы, чтобы как-нибудь очистить от них книжные полки в магазинах.

Книжные полки – это тоже высота. Магазинные – принимают все, что печатают издательства. Библиотечные – уже отбирают книги и берут только те, которые имеют спрос у читателя. А книжная полка читателя – это высота, равная пьедесталу или вершине, породившей ручей, потому что читатель выбирает книгу, которая ему нужна и с которой он хочет подружиться.

Впередсмотрящий

В детстве мне рассказывали сказку о горе, где звучат слова на всех языках мира. Тот, кто найдет ее, услышит столько песен на разных языках, сколько листьев на столетнем дереве. Один песнопевец, вооружившись железной палкой, пошел искать эту гору. Он так долго ходил по свету, что палка истерлась, остался один набалдашник, а необыкновенной горы он так и не нашел.

Сказку эту я вспомнил в Алма-Ате, на Пятой конференции писателей стран Азии и Африки, на которую собрались песнопевцы двух континентов. В моем воображении рисовалась огромная белая гора. Она притягивала к себе песни радости и

печали разных народов. Сказка становилась реальностью, ибо на конференцию съехались представители семидесяти стран Азии и Африки.

Столица советского Казахстана Алма-Ата и в осенние дни выглядела торжественно и нарядно. Столько разноцветных национальных флагов никогда не видел город, столько приветствий на разных языках еще не звучало на его площадях и улицах.

Алма-Ата в переводе значит – отец яблок. Мы приехали, когда поспели яблоки. Можно было попробовать на вкус любой сорт. Гости это делали с большим удовольствием. И никому не попало яблоко того сорта, какое сорвала библейская Ева в райском саду. В алма-атинских садах нет яблок раздора. Они выращиваются лишь там, где людьми правит денежный мешок.

Торжественное заседание открыл первый секретарь Правления Союза писателей СССР Георгий Марков. «Мы гордимся, – сказал он, – что второй раз мастера литературы двух великих материков планеты – Азии и Африки собираются на советской земле. В начале нашего движения мы собирались в Ташкенте. И вот теперь здесь, в прекрасной Алма-Ате – столице славного Казахстана».

Первая конференция писателей стран Азии и Африки состоялась в Ташкенте. От Ташкента до Алма-Аты лежит путь длиной в пятнадцать лет. Затем писатели этих двух континентов встречались в Каире, Бейруте и Дели.

Пятая конференция писателей стран Азии и Африки явилась выражением единства и солидарности литератур двух континентов. Она собралась в знаменательный период, когда небо над нашей планетой стало ласковее, когда благодаря последовательной миролюбивой внешней политике Советского Союза политический климат на обоих полушариях земли стал более благоприятным.

Место, выбранное для форума писателей, оказалось удачным. Казахстан, земля которого в прошлом была покрыта сетью караванных троп, ныне стал гаванью космонавтов – отсюда пролегают дороги, ведущие в космос.

Гости были потрясены, узнав, что Казахстан, ввозивший до Великого Октября даже гвозди, создал мощную индустрию и поставляет свою продукцию в семьдесят стран.

Стоит привести всего несколько цифр, чтобы представить, с какой космической быстротой шагнула республика от кочевого образа жизни до высот науки и культуры: 45 вузов, 200 техникумов, 25 миллионов экземпляров книг, выходящих ежегодно.

Казахстан, демонстрируя мощь экономического и духовного возрождения, укрепляя в сердцах гостей надежду на радостное будущее, веру в победу освободительной борьбы народов Азии

и Африки, восхищал нерасторжимостью уз братства и единства всех народов Советского Союза.

Роса Эрнандо, президент Союза писателей и деятелей искусства, президент журналистов-женщин Перу, сказала:

– В Советском Союзе нет малых народов, в Советском Союзе все народы великие, потому что они носят в своем сердце великие идеи Ленина!

Работа конференции проходила не только в залах заседаний. Ее участники были на митингах, которые устраивались в Алма-Ате в поддержку национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки, на торжествах, посвященных чествованию великих представителей национальных культур, ездили в села и аулы, знакомились с бытом, условиями труда колхозников.

Главный вопрос конференции – афро-азиатская литература и борьба народов против империалистической агрессии, расовой дискриминации и сионизма. И нет писателей на этих двух материках, которых бы не волновали эти вопросы, ибо речь шла о судьбах народов, ставших объектом империалистической агрессии, колониализма, расовой дискриминации.

Право каждого народа на независимость, национальный суверенитет, свободное развитие, духовное и материальное возрождение – таково требование века, и это одновременно дело всего человечества, всех писателей, борющихся за свободу и социальный прогресс.

Художественное слово призвано укреплять веру человека в свои силы, в свое высокое призвание, в необходимость нравственного прогресса. Писатели должны пробудить в человеке, подавленном и приниженном, Человека с большой буквы, возвышенного и преисполненного революционного энтузиазма.

Борьба за свободу и социальную независимость завершится победой только в том случае, если сторонники прогресса противопоставят силам реакции единство и сплоченность своих рядов.

«Мы, писатели, – совесть народов, – писали участники Первой конференции писателей стран Азии и Африки, – на нас лежит ответственность за судьбу не только наших современников, но и будущих поколений».

Таким гуманистическим духом была проникнута и Пятая конференция в Алма-Ате. Каждый ее участник чувствовал на своих плечах тяжесть успехов, с которыми он идет на битву за права человека, его свободу и социальный прогресс.

Писатель – боевая единица современного общества, вооруженная самым дальнобойным и разящим оружием – художественным словом. Это оружие должно быть в руках верного

защитника интересов народа.

Литераторы Азии и Африки, послав своих представителей на форум, подтвердили этим, что они выражают высокие чаяния народа и понимают дружбу литератур как дружбу и солидарность народов.

История человечества представляет собой непрерывную цепь конфликтов, ввергавших страны и народы в пучину бедствий и страданий. Лучшие представители художественного мышления всегда отдавали свой талант, свое духовное горение тому, чтобы проложить прочный мост к миру и согласию между племенами и народами. Но никогда люди не чувствовали такой силы единства, такого тяготения друг к другу, как в наши дни. Крепить эти силы – значит служить интересам не только своей страны, но и всем народам, великим и малым.

«Общеинтересное в жизни – вот содержание искусства», – писал Чернышевский. Сегодня невозможно найти проблемы более общеинтересной и более важной, чем проблема мира и сближения народов, объединения миролюбивых сил, превращения наступившего потепления политического климата в устойчивое состояние атмосферы.

Под влиянием теплых течений сейчас, как никогда, усиливается стремление писателей к взаимопониманию и взаимобогащению, к образованию мощного потока, способного сокрушать преграды, воздвигаемые силами реакции на пути сближения народов. Мы не должны забывать, что есть еще противники разрядки напряженности, которые пытаются преподнести сосуществование двух социальных систем, их экономическое сотрудничество во имя мира и прогресса как сговор двух «сверхдержав» за счет малых стран.

За три года, прошедших после конференции в Дели, существенно изменилась и политическая карта мира. Национально-освободительное движение привело к созданию новых независимых государств. Но писателей не может не волновать тот факт, что на планете еще сохранились «горячие точки», создающие угрозу спокойной и созидательной жизни народов.

Тревогу, беспокойство, возмущение вызывает политика правящих кругов Израиля, которые нагло игнорируют требования мировой общественности вывести войска с захваченных земель. Мне много раз доводилось бывать в арабских странах. И до сих пор я помню взволнованные слова моих коллег. Они выражали твердую уверенность в том, что арабский народ не покорится израильским агрессорам, будет самоотверженно сражаться за свои законные права, за возможность строить жизнь на демократических, прогрессивных началах. Свидетелями этой борьбы мы являемся и сегодня. И потому хочется выразить горячую солидарность мужественному арабскому

народу, пожелать ему успехов в справедливой борьбе, которая не может не увенчаться его победой.

Для писателя нет чужого дела, если речь идет об интересах общества. Автор книги «Образ африканца» Эзекиел Мпахеле сказал: «Писатель – чувствительное нервное окончание общества». Это очень точное определение. Писатель обладает удивительным чутьем, он улавливает тончайшие колебания в жизни общества, его стремления, ощущает радости и тревоги народа.

Роль писателя в обществе постоянно возрастает. Еще Лев Толстой был как бы адвокатом многомиллионного русского народа. Он создал целую плеяду глубоких по своей художественной силе образов, явил пример беззаветного служения родине, охватил могучим творчеством целую эпоху, стал, по выражению Ленина, зеркалом русской революции.

Художественное творчество – акт индивидуальный, но из суммы таких актов и складывается общая художественная летопись. Участие писателя в развитии общества измеряется идейно-художественным уровнем его произведений, глубиной показа событий и проблем.

Говорят, чужого горя не бывает. Уместно добавить: особенно для писателя. Когда мы смотрим хроникальные фильмы, то видим только внешнюю сторону событий, определяем их контуры. Но важно видеть еще и внутренний мир людей, чтобы понять их поступки и устремления. Заглянуть в душу человека – это задача писателя.

Но иногда ситуация складывается так, что писатель, остро ощущающий ответственность перед народом и готовый служить ему своим талантом, не может сделать этого. Я говорю о той афро-азиатской интеллигенции, которая воспитана на иноземный лад. Отторгнутая от своего народа, она нередко мучительно ищет пути сближения со своей культурой и со своим народом.

Такой писатель, воспитанный на художественных образцах, не связанных с духовной культурой народа, и создающий произведения без непосредственного контакта со своим народом, творит в вакууме. Оторванность от народа вызывает у такого писателя чувство беспомощности перед событиями, в водовороте которых оказались континенты. Атмосфера вакуума не способствует рождению произведений, становящихся действенным орудием в борьбе прогрессивных сил против реакции.

Передовой писатель – активный участник событий, а его творение – как бы художественно-философский слепок с эпохи, запечатлевший наиболее существенные ее черты.

Разумеется, здесь мало одной констатации фактов и событий, которой иногда ограничиваются писатели, чтобы отдать

дань современности. Писатель должен увидеть эпицентр событий и определить свое место в них, свой угол зрения. Только тогда он найдет применение своему таланту, будет достойно служить делу социального эстетического прогресса.

Нейтральность – бесплодна.

К писателю обращены взоры его современников. И чем активней он участвует в воспитании масс и национальном возрождении народа, тем нужнее людям, тем полнее совпадают его устремления с сокровенными чаяниями общества.

Вот что пишет читатель одному нигерийскому писателю:

«Дорогой Чинуа Ачебе, мне хочется, чтобы Вы знали, как понравились мне Ваши книги... Я с нетерпением жду, когда мне удастся познакомиться с Вашим новым романом... Ваши книги служат наставлением для нас, молодых. Я верю, что и в дальнейшем Вы не разочаруете меня».

Эта связь писателя с читателем – один из источников творческого вдохновения.

В Азии и Африке утро свободы, наступившее после долгой колониальной ночи, ставит перед писателями серьезнейшие проблемы социального, морального, политического и экономического порядка. Передовые художники слова этих континентов поднимают в своих произведениях узловые вопросы, волнующие их страны сегодня, пытаются разобраться в сложном переплетении проблем. Но сделать это нелегко. Объективные трудности в строительстве новой жизни, с одной стороны, и проводимая неокOLONИализмом пропаганда неверия в свои силы и отрицания всех идеалов, с другой стороны, подчас толкают некоторых писателей к уходу от реальной действительности.

Эти писатели лишают себя возможности понять динамику развития общества, увидеть ее в перспективе. Они рискуют остаться на задворках истории. По сути они складывают оружие и уходят от своего долга перед обществом.

Раньше таких писателей воодушевляла идея независимости. Они активно участвовали в борьбе против колонизаторов, создавали произведения, в которых будущее своего народа рисовалось радужными красками. А потом, когда их страны завоевали свободу, земля обетованная вдруг предстала перед ними как земля несбывшихся надежд. И тогда одни из них поддались пессимизму, а другие стали эпигонами литературных мод своих бывших метрополий. А эпигонство никогда и никому не приносило успеха.

Что касается реалистического метода, то мне хотелось бы подчеркнуть, что социалистический реализм, как средство познания действительности, дает возможность видеть среди множества противоречий главный, характерный для всей эпохи

конфликт, конфликт между социализмом и капитализмом, видеть перспективу развития общества.

Упадничеству и пессимизму в литературе следует противопоставлять оптимизм, революционный пафос и опыт борьбы передовых писателей за национальное возрождение народов, за социальный прогресс.

Примером этому может служить развитие советских литератур. Октябрьская революция открыла путь национального расцвета народов, угнетавшихся эксплуататорскими классами, показала дорогу к подъему творческой энергии масс. Но приобретение права на свободное развитие еще не означало, что нации и народности, когда-то обреченные на вымирание, сразу же обеспечили себе рай на земле. Нужно было огромное усилие всего общества, чтобы превратить страну в передовую индустриальную державу, оснастить ее сельское хозяйство новейшей техникой, вызвать к жизни таланты, заложенные в каждом народе.

На примере русской классической и советской литературы учились представители только что возникших национальных литератур, еще не имевших своих традиций и художественных образцов.

Советские национальные писатели мужали, обретали зрелость и опыт. Дорога, по которой они шли, не была гладкой. Но ее путников объединяло взаимное доверие и уважение, чувство интернационализма.

Только будучи воспитанным на этих традициях Эдуардас Межелайтис мог сказать: «Где бы в человека ни стреляли, пули – все! – мне в сердце попадали...»

В этих словах – чувство ответственности за все, что происходит в мире. Идеал дружбы и братства выражен и в стихах Мирзо Турсун-заде, обращенных к ребенку:

*Ты в Азии издал свой первый крик,
И дом твой – азиатский материк.
Но в Азии счастливой ты рожден,
Где утвердился вольности закон.*

А Ираклий Абашидзе написал: «Сто языков различного звучанья в язык свободы объединены».

Полвека назад никого не удивляло, когда в отсталых окраинах России к знахарю приводили корову, чтобы тот сказал: «Стой горой, дои рекой!». Люди верили, что эти слова могут увеличить удой молока. Теперь люди не верят в магию. Они знают, что только труд и разум могут изменить мир.

Каждый из нас по своему вкусу и художественному настрою выбирает тему. И в этом он свободен. Но не свободен он от

обязанности говорить правду. Читатель ждет от писателя правдивого живого слова, которое помогло бы ему подняться на ступеньку выше, ощутить свое место в общем строю, увидеть хоть краем глаза завтрашний день.

Тот, кто несет людям живое слово, выражающее думы и чаяния народа, кто помогает современнику найти свое место в борьбе за прогресс, вдохновляет его своим мужественным предвидением, – тот и есть, как говорят моряки, впердедсмотрящий.

СВЕТЛАЯ МУДРОСТЬ ПОЭТА

В Индии проходила международная мушаира.

Перед огромной разноязыкой аудиторией выступали поэты разных континентов – участники конференции писателей стран Азии и Африки. К микрофону поэты выходили в сопровождении двух-трех переводчиков, и вспыхивал фейерверк поэтического остроумия. В переполненном зале то и дело раздавались одобрительные возгласы: «Во-во!», «во-во!».

Многие из тех, кто сидел в зале, приехали сюда за сотни километров, чтобы послушать живое слово выразителей дум и чаяний неведомых им народов.

Пришел черед выступать Мирзо Турсун-заде.

Председательствующий, прежде чем произнести его имя со всеми почетными званиями, сделал глубокий вдох, чтобы хватило воздуха на длинное перечисление. Зал хранил напряженное молчание, не зная еще, о ком идет речь. А когда прозвучало: «Мирзо Турсун-заде!», – молчание взорвалось, рукоплескание, вспыхнувшее внезапно, как бы само взволнованно дышало: то нарастало, то затихало или переносилось с задних рядов к передним, потом возвращалось.

Мирзо стоял перед микрофоном счастливый и взволнованный. Рядом с ним – три переводчика замерли в ожидании, когда поэт заговорит. Когда аплодисменты затихли, Мирзо обратился к переводчикам:

– Садитесь. Здесь достаточно людей, которым не понадобится ваша услуга. Я буду говорить на языке моего сердца.

Поэту нужно было время, чтобы побороть охватившее его волнение, собраться с мыслями, выбрать из множества стихов то, что здесь прозвучит лучше.

Мирзо был в ударе. После первых поэтических фраз на языке фарси посылались восторженные возгласы слушателей: «во-во!», «во-во!». Присущее фарсидскому языку оканье делало слова округленными, усиливало эмоциональное их наполнение.

Это был не первый выход поэта на международную трибуну.

Мирзо впервые посетил Индию в 1947 году. Страна чудес,

о которой он в детстве слышал удивительные легенды и волшебные сказки, предстала перед ним. В его сознании возникали удивительные ассоциации. Потом все они вылились в глубоко эмоциональный цикл стихов «Индийская баллада», удостоенный Государственной премии Союза ССР.

К теме Востока в своем поэтическом творчестве Мирзо возвращался не раз. В 1956 году появляется «Голос Азии», прозвучавший как призыв к освободительной борьбе угнетенных народов:

*Пробудился мой голос впервые,
Полетел, как поющая птица,
Чтобы с голосом Азии слиться,
Чтобы в сердце народа родного
Свить гнездо, чтобы снова и снова
Поднималось таджикское слово.*

Поэт был искренен, когда утверждал, что «алькадр» – счастье свободной жизни, которое дала Советская власть народам Советской страны, – он не может считать для себя полным, если видит страдания еще не освободившихся от угнетения народов. Немало сил и душевного горения он отдает этой борьбе.

В Гиссарской долине, в новой школе, построенной в его родном кишлаке, висит большая карта, на которой школьники отмечают все города разных стран и континентов, где бывает поэт.

Мирзо Турсун-заде – председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Ему часто приходится ездить за рубеж, принимать деятельное участие в сплачивании антиимпериалистических сил. Естественно, он доставляет работу и юным землякам, которые следят за поэтом, проложившим незримую тропу от Гиссарской долины Таджикистана в неведомые страны разных континентов.

По этой тропе идет не кокандская арба с огромными колесами Хасана-Арбакеша из одноименной поэмы поэта, а сам Мирзо Турсун-заде, несущий в своем трепетном сердце негасимый свет новых идей. Ибо его стихи – это отклик поэта на события, охватившие мир сегодня, взволнованная поэтическая летопись борьбы народов за свою свободу, человеческие права. Лирический герой этих стихов – сам автор, выражающий думы и чаяния народов всех языков.

Образ Хасана-Арбакеша во многом автобиографический. Он – выразитель коренных изменений, происшедших в жизни Таджикистана, а возродившаяся Гиссарская долина – это символ родной земли.

Идеи, пронизывающие все творчество Мирзо Турсунзаде, его смысловое содержание, близки и понятны всем трудящимся мира. Это подтверждается тем фактом, что стихи Мирзо Турсунзаде переведены на многие языки, а в Иране его считают «своим поэтом с ширазским произношением».

Это – не просто желание иранцев сделать национальному поэту Таджикистана приятное. Великие ирано-таджикские поэты Саади, Хафиз родом из Шираза. Признание Мирзо «ширазским» значит, что его считают продолжателем высоких поэтических традиций Востока, идущих из глубин веков.

Удивительная музыкальность, напевность, идущая от Рудаки, Фирдоуси, Саади и так ценимая в восточной поэзии, считающаяся первым признаком поэтического дара, неотъемлемым достоинством стиха, наполняет волшебной силой песнопения поэтическое слово Мирзо Турсунзаде.

Поэтическое мастерство высоко оценено в Советском Союзе. Мирзо Турсунзаде – Герой Социалистического Труда, академик, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии СССР и премии имени Ленинского комсомола, награжден многими орденами Советского Союза.

Горцы Кавказа не любят, когда преуменьшают количество прожитых лет ради того, чтобы этим облегчить «тяжесть возраста». В этом своя мудрость. Юношу принято поздравлять словами «да оседлаешь ты коня седлом благополучия». Человека средних лет – «да преумножатся твои добрые дела». А если речь идет о преклонном возрасте, то принято говорить: «да будет твоим уделом светлая мудрость». Приветствовать пожилого человека словами, которые должны относиться к людям молодого возраста, значит не воздать ему должного и обидеть его этим.

Мирзо Турсунзаде не из тех любителей молодиться, он не хочет прикрывать возраст словами: «Не смотрите на мои белые волосы, у меня душа молодая».

Молодость его души в поэзии. Она не подвластна времени. Эта молодость, одетая в яркую и многокрасочную поэтическую ткань, вышла из Гиссарской долины на высокую орбиту советской поэзии. Ей не суждено стареть.

По следу «жавли-билкан»

Повесть Абу-Бакара начинается с привычного на первый взгляд конфликта между избалованным славой председателем колхоза Мирзой, который вывел отстающий, задолжавший государству и соседям колхоз на видное место, и его сыном Самуром, выпускником сельхозинститута, вернувшимся по

приглашению отца в родной колхоз с дипломом агронома.

Завязка повести является первым холмом, на который надо подняться, чтобы открылась панорама разнообразных по своим очертаниям вершин, чтобы ощутить всю прелесть жизни советских горцев, полную поисков, радостей, стремлений, разочарований, борьбы за идеалы...

Мирза хочет богатства только своему колхозу, сын его Самур ставит перед собой иную цель: найти неиссякаемый источник богатства для всех колхозов. Мирза не терпит, когда его обгоняет сосед, он ловчит, идет даже на приписки. Самур решительно против таких «методов», в знак протеста он решает уйти в отстающий соседний колхоз. И вот Самур случайно попадает на баштан, где от чудаковатого старика Кичи-Калайчи услышал о существовании древней ветвистой кукурузы «жавли-билкан», якобы дававшей два урожая в год.

Самур отправляется в увлекательное путешествие: искать семена давно утерянного сорта кукурузы-скороспелки... Так начинается чудесная легенда о наших днях, полная приключений, встреч, неожиданностей, любовных переживаний.

Тут у читателя может возникнуть множество «почему» – правда, если он привык раскладывать все по полочкам и не признает никаких сюжетных условностей. Но достоинство повести отнюдь не только в остром, приключенческом сюжете. Писатель затрагивает большую жизненную проблему, вступает в спор с теми, кто считает, что благо народа зависит от отдельных талантов. В книгах можно еще встретить порой картины, изображающие, как отстающий колхоз стал передовым чуть ли не по мановению волшебного жезла, без участия коллектива: то ли запахали пойму реки, засеяли овощами и превратили ее в дополнительный источник благ, то ли колхоз стал заниматься производством кирпича.

Художественная же концепция Ахмедхана Абу-Бакара, не отбрасывая частного, случайного и даже... фантастического в жизни, вырастает тем не менее из идеи более общей и важной: источник богатства коллективного хозяйства – в коллективном труде. К своему счастью надо идти не в одиночку, а всем коллективом, целым народом. Это – лейтмотив повести.

Самур, поверивший в существование семян кукурузы-скороспелки, сталкивается со многими своими соплеменниками. Старые горцы и молодые, пионеры, комсомольцы, ученые, бригадиры, председатели колхозов – все включаются в азартный поиск «жавли-билкан», помогая вернуть эту чудесницу на пашни Дагестана. Многие из этих образов, очерченные четко и выразительно, крепко западают в память. Умница и весельчак, занозистый Кичи-Калайчи. Сельский врач Шамиль, не знающий покоя ни днем ни ночью, влюбленный

в свою профессию. Горе-ученый Абдула, присосавшийся к науке и живущий ее соками. Мельник Бадави – строгий обладатель семян ветвистой кукурузы. Непосредственная Чегери, пылкая и свое-нравная горянка, полюбившая Самура, но в то же время ускользающая от него, как зерна таинственной кукурузы... Последняя глава заканчивается вопросом: догнал ли Самур Чегери, соединятся ли их судьбы? Читатель догадывается – соединятся. Но повесть Абу-Бакара дает ответ и на другой, не менее важный вопрос: догоняет ли проза в дагестанской литературе поэзию? Да, догоняет.

Облик улицы

Можно ли застроить улицу раз и навсегда? Думаю, вряд ли. Ведь если даже она и застроена, всегда найдутся в ауле уставшие дома, которые надо снести, чтобы на их месте воздвигнуть новые, удобные и красивые. Такие, чтобы по этим новым домам, их облику можно было судить об ауле в целом, о его культуре и достатке, о нравах и даже темпераменте жителей...

Как важно для писателя – уметь отыскать подобную улицу и на примере жизни ее обитателей, с их радостями и горестями, столкновениями страстей, характеров, убеждений, проследить

жизнь народа, раскрыть своеобразный его характер, его судьбу, стремления и надежды!

Я думаю, что именно такую, не имеющую конца, улицу показал Аскер Евтых в своем романе, колоритно живописующем жизнь адыгейского аула начала 50-х годов.

Герои Аскера Евтыха, люди адыгейского аула, выписаны уверенной рукой художника, который сумел освоить трудоемкий, сложный материал и создать правдивое, убедительное произведение, рисующее народную жизнь.

В начале оживленной улицы аула стоит дом председателя колхоза Хатажука Шалахова. Он сложен «из усть-лабинского кирпича с шиферной крышей, а шифер из самого Новороссийска привезенный. Скоро и полы покрасят...» Тщетно отец уговаривал молодого Шалахова не строить «эти хоромы», – председатель из тех, кого лишь «изберут... на должность, так он начинает тут же дом себе возводить». Чем, казалось бы, не испытанная, удобная и вполне безопасная схема, по немудреным требованиям которой мы, того и гляди, встретим прогрессивно мыслящего антипода, наделенного всевозможными положительными чертами, который непременно сменит отсталого и зарвавшегося председателя?

Но отказавшись от прямолинейных решений темы, от поспешных сюжетных поворотов, скоропалительно и круто меняющих действие и одним махом разрубающих сплетенные поначалу узлы конфликтов, писатель не спешит сталкивать неуча-председателя с молодым ученым-агрономом, который – помните по многим книжкам? – и трезвенник к тому же, если предшественник его – пьяница, и т. д.

Подобным привычным схемам автор не без полемичности противопоставляет углубленное психологическое исследование характеров, напряженное раскрытие острых конфликтов и столкновений, и такое направление сообщает повествованию суровость тона и те черты честности, которые говорят о гражданской зрелости писателя.

Многогранно раскрывает Аскер Евтых образ Хатажука Шалахова. Он хорошо вписан в конкретную национальную среду, он продукт определенной исторической эпохи, связанной с памятными трудностями в жизни колхозной деревни. Достаточно вспомнить, как действует Хатажук Шалахов, какими недостойными методами руководит колхозом и людьми, отвергая упреки в грубости и высокомерии: «Они это грубостью

называют, а я – служением партии и правительству. И я от этой линии не отступлю! И жалеть тоже не стану, я от государска, я не от Устоковых и Грибцовых, – значит, и отчет буду держать не перед ними». Действовать «от государска» для Шалахова – значит быть не рядом с людьми, а над ними. И, конечно же, стоять близко к тем, что кажутся сильными мира сего.

Нет, прав писатель, что не поспешил «наметить» кандидатуру для замены старого председателя. Хатажук Шалахов не так просто уйдет со сцены, он знает, «что с чем увязать, а потом и развязать, да не оборвать, а распутать, верные концы найти». В беседе с обкомовским работником Шалахов особенно цинично говорит об этом: «Вы, обкомовцы да райкомовцы, политическую почву рыхлите, политические семена сейте, политический урожай собирайте... а мы-то на что, мы, старая гвардия. А вот на что... хлебушек подбросим и налоги соберем... мясца да сольца подкинем... Смотришь, одно с другим сошлось, скрестилось...» Так, раскрывая внутренний мир своего героя, писатель, не нарушая художественного такта, обнажает душу приспособленца и карьериста, демагога и фразера. Но при всем том было бы несомненным упрощением отнеси образ Хатажука Шалахова к разряду безусловных «злодеев» – он сложен и противоречив, он обладает и хозяйственным рвением, и напористостью ревностного служаки. Писатель показал нам в этом герое многое из того, что уже не соответствует духу времени, мешая движению вперед. Шалахов – внутренне изжил себя и напоминает трухлявое дерево, что стоит хоть и прочно, но уже не дает тени. Доступными в условиях начала 50-х годов средствами с Шалаховым борются честные труженики-аульчане, коммунисты Измаил Тох, Мос Устоков, Мешлоковы, Грибцов и многие другие. Их образы выписаны выпукло и убедительно, они вселяют веру, потому что за ними – народ. К этому выводу писатель подводит нас также не прямолинейно, а психологически точно, избегая деклараций и самим ходом событий, самой логикой борьбы убеждая в неизбежном торжестве правды.

Однако, говоря о романе «Улица во всю ее длину» как удаче, следует обратить внимание и на те очевидные просчеты, которые снижают художественный уровень произведения. Например, досадную перегруженность повествования этнографическим материалом. Конечно, стремление романиста раскрыть жизнь и быт адыгейского аула в его национальной своеобразии закономерно и необходимо, но в самом воплощении его кое-где утрачена художественная мера. Отсюда идут утяжеляющие действие описания и сцены, ослабляющие порой напряженность сюжета. Недостатком является и то, что четко обозначен-

ные, имеющие социальную природу конфликты разрешаются А. Евтыхом до обидного облегченным путем, а наметившиеся столкновения характеров подменяются событиями интимно-личного, а иногда и явно фривольного плана. Вредит роману непомерная растянутость диалогов – многостраничные разго-воры героев, разрастаясь к концу повествования, рыхлят сюжет.

Но и при всем этом новый роман Аскера Евтыха написан на гражданском дыхании, со знанием жизни, истории, быта и нравов народа.

Мечта степи – канал

Водный канал – извечная мечта изнывающей от жажды степи. И если вода пришла в такую степь, то как тут не воздать дань уважения человеку, благодаря уму, таланту и труду которого сбылась вековая мечта. Эти мысли невольно возникают, когда читаешь роман Ивана Григурко «Канал». Он состоит из отдельных новелл, но все они взаимно связаны. Канал как бы проходит через судьбы героев и соединяет все новеллы в единое целое.

Роман начинается новеллой, в которой рассказывается, как на строительство канала приходят молодые парни. У них еще мало жизненного опыта, они пришли сюда прямо со школьной скамьи. Все они из одной учебной группы, охвачены одной мечтой и желанием скорей построить канал и дать степи воду, но каждый наделен индивидуальными чертами характера.

Канал преображает степь, дает ей жизнь, превращает родину черных бурь в благодатный край и вместе с тем становится событием в биографии каждого, кто причастен к этому строительству.

Автор романа, изображая людей, глубоко проникает в их духовный мир, умеет сосредоточить внимание на характерных деталях, которые раскрывают суть жизненного явления.

Роман как бы охватывает жизненные пласты и вширь и вглубь. Автор порой возвращает нас к событиям давно минувших дней: то к эпохе Римской империи, то к временам заселения Херсонщины казаками. Причем исторические сведения органично вплетаются в художественную ткань романа, не нарушая гармонии повествования.

Подкупает умение автора сказать по-своему о том, о чем уже не раз говорили другие. Нельзя, например, без волнения читать о том, как летевший в небе журавль услышал голос журавлихи, разучившейся летать. Он опустил на землю, стал возле

нее танцевать, чтобы зазвать журавлиху в стаю, пригласить ее в дальнюю дорогу.

Роман написан уверенной рукой мастера. Особенно сильное впечатление оставляют новеллы «Белый десант с тополей», «Яся», «Похитители», «Так, как сказал Компанелла» и «Виолончель».

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

ДУМНАЯ ГОРА

На пути в Шушенское не миновать горы Думной. По преданию, она получила такое название потому, что дорога, выходящая по ее склонам, когда-то казалась очень долгой и путник имел возможность не торопясь думать о жизни, о трудном подъеме к вершине, о будущем.

Возвышенность, которую кавказцы или памирцы не смогли бы назвать горой, не рискуя обидеть свои горы, стала Думной, возможно, еще и потому, что с ее вершины открывается широкий обзор равнины, уходящей в ту даль, где синяя гладь Енисея сливается с небесной голубизной.

Но Думной горой я назвал бы не только эту возвышенность, а все дорожие для нас места, где бывал Ильич. С высоты, на которую поднимает тебя приобщение к миру мыслей и дел вождя революции, еще отчетливее видишь перспективу нашей жизни. Охватывает желание окинуть взглядом пройденные пути и мысленно перенестись в манящие дали, голубеющие там, за горизонтом...

Такое ощущение внутренней сосредоточенности и окрыленности испытали мы, писатели, побывавшие в городах Сибири. Всех нас, литераторов Москвы, Ленинграда, братских республик, сюда привело стремление увидеть места, где жил и бывал Владимир Ильич. Стремление найти то единственно точное и емкое слово, в котором вместились бы все, что каждый из нас думает о Ленине, о родной земле, о судьбах народов, и, конечно, о литературах, вызванных к жизни ленинскими идеями.

Мы с огромным волнением осматривали в Шушенском небольшую комнату, в которой вождь революции при свете керосиновой лампы создавал бессмертные труды. И каким удивительным выглядит мост, проложенный через годы от этой керосиновой лампы до гигантских электростанций на Днестре и Волге, Енисее и Ангаре!

Восхищаясь этими грандиозными сооружениями, невольно думаешь и о духовном возрождении, свидетелями которого мы являемся. Ярчайший пример жизненности ленинских идей — литературы, которые не существовали при жизни Ленина, но

почва для них уже была взрыхлена заботливыми руками великого садовника.

Там, на вершине Думной горы, я вспоминал историю своего народа, чья судьба неотделима от всех народов нашей страны, размышлял о родной литературе, которая стала составной частью великой советской культуры...

Страна была вздыблена гражданской войной, когда горцы, провозгласив Советскую власть на своем съезде во Владикавказе, обещали в подарок вождю революции открыть библиотеку имени Ленина.

По теперешним временам такое обещание может вызвать улыбку, но горцы приняли его, как говорится, на полном серьезе, ибо для неграмотных северокавказских народов, веками мечтавших о просвещении, открытие библиотеки было событием огромной важности.

Полвека прошло с тех пор. Ныне у горцев тысячи библиотек, в которых широко представлены литературы всех народов Советского Союза, литературы, напоминающие плоды одного и того же дерева. Может быть, один плод созрел чуть раньше другого, но все они имеют вкус и цвет зрелости.

Процесс образования и упрочения национальных литератур продолжается. Их достоянием становятся новые пласты человеческого материала. Ряды писателей старшего поколения пополняются молодыми силами, обладающими высоким художественным вкусом, культурой творческого труда.

Для нас привычными стали слова: дружба народов – дружба литератур. Тесное общение народов, национальных культур – повседневное явление нашей жизни. То, что предвидел Ленин, ныне стало действительностью.

Происходит удивительное явление, имеющее глубочайший смысл – непрерывный обмен художественными ценностями между народами, взаимное обогащение национальных литератур. Было время, когда произведения чаще всего создавались на основе фольклорных мотивов и почти единственным жанром была поэзия. Теперь у «молодых» литератур есть все жанры, и о них можно говорить как о профессиональных литературах. Повысился идейно-художественный уровень – это значит, что мы должны повысить и требования.

Революция пробудила и открыла дорогу творческим силам народов, русская, как и другие развитые литературы, стала школой мастерства, а национальное своеобразие стало палитрой для художников слова.

В нашей литературной среде идут сейчас жаркие споры о путях художественного постижения национального народного характера, своеобразия быта народов, их исторического развития. Проблема, конечно же, не надуманная, актуальная. Вне

национального нет интернационального. Сохраняя все богатство, все краски родного языка, опираясь на лучшие национальные традиции, мы должны ярко, вдохновенно показывать то новое, советское, что вошло в наш духовный мир, в наш сегодняшний быт, делает нас подлинными представителями мира социализма. Не обходится дело и без определенных издержек. Так, появилась у некоторых писателей мнимонациональная гамма красок, позволяющая запечатлеть лишь чисто внешние приметы народа, его быта. Увлечение словесным орнаментом, поверхностной символикой, конечно же, не может восполнить отсутствия глубинных связей с родной землей, не может привести художника к творческим удачам.

Как все знают, родник имеет свою прелесть – его вода чиста и вкусна, он тихо журчит в каком-нибудь чудесном уголке природы. Есть люди, любящие уединение, и такие родники они предпочитают могучим рекам, а маленькие тропинки – шоссейным дорогам. Большие процессы в жизни братской семьи народов – эти большие дороги и полноводные реки. Родники общаются к этим рекам, чтобы выйти на просторы всей страны.

...На Думной горе я размышлял о России, о языке ее народа.

Великий русский язык стал родным для всех наших народов. Без него многочисленные национальные литературы представляли бы отдельные, изолированные друг от друга родники или разновеликие озера, ограниченные собственными берегами. Водам многих из них не суждено было бы пробиться к морю, познать радость больших дорог.

На память пришли тогда строки армянской поэтессы Сильвы Капутикян, прочитанные ею на встрече с шущенцами:

*Ведь от северных выюг
до бесснежного юга –
Мы единой семьи,
что любовью крепка.
Но могли ли мы, братья,
понять друг друга,
Если б не было
русского языка?*

Русская литература связала все родники и озера в единую артерию. Образовался могучий советский литературный поток, несущий свои крутые волны через судьбы всех народов и языков.

Я слышал, наука и техника уже располагают возможностями, чтобы многоводные сибирские реки, текущие на север, повернуть на юг, преградив им путь гигантскими плотинами.

Но нет и никогда не будет таких средств, чтобы поток много-национальной советской литературы повернуть вспять.

Нашим врагам за рубежом никогда не понять, как дорога нам ленинская дружба народов, как мы гордимся братством наших литератур. Им не понять, что великий русский язык закономерно стал вторым родным языком для всех народов Советской страны. Им не по душе, что русский язык – язык Ленина и Горького – наша интернациональная гордость. Их приводит в бешенство, что советские писатели прочно стоят на позициях коммунистической партийности, своим творчеством верно служат народу, партии. Но бессильна ярость наших противников: ничто не поколеблет нашу верность идеям Ленина, идеям коммунизма.

Став вровень с литературами многовековых традиций, национальные литературы приобрели право решающего голоса, выступают активной силой в идеологической борьбе.

Называться певцом современности, вместе с народом прокладывать путь в грядущее – высокое право. Оно должно подкрепляться неподкупной гражданской совестью, ясностью мировоззрения. «Обладание правом, – говорил Горький с трибуны Первого съезда советских писателей, – и должно внушить каждому литератору сознание его обязанностей и ответственности за всю литературу, за все явления, которых в ней не должно быть».

Чувство ответственности «за всю литературу» несовместимо со спокойствием и равнодушием, когда враждебные силы пытаются подточить ее основы, вернуть родниковые воды в свои родники, озерные – в озера, откуда они взяли разбег.

Народная жизнь – источник вдохновения художника. В Сибири мы увидели чудесную действительность когда-то безрадостного края. Мы познакомились с людьми, преобразующими землю, украшающими ее, живущими единой дружной семьей.

С ленинских высот, с Думной горы открываются далекие горизонты. Многое сделано советскими писателями. Еще больше надо сделать. Уходит в даль, в грядущее широкая дорога жизни. И вместе со всем советским народом идти нам по ней под ленинским знаменем, знаменем свободы и мира, интернациональной дружбы всех людей на земле, знаменем коммунизма.

ЗА ГЛУБЬЮ ГЛУБЬ

Веками в грустных глазах озер приобской низменности,

окаймленных таежными соснами, отражались лишь тени рваных облаков. Теперь в них вспыхнул огонек надежды – отблеск факелов, взметнувших в небо трепещущее на ветру пламя. А разновеликие болотные кручи с желтоватыми подтеками по-прежнему хранят грозное молчание, как хищник, при-таившийся в засаде.

У людей, одержимых нефтью, вся жизнь, и в трудный день и в день радости, связана с этой жемчужиной, величину которой еще не отгадали. В день свадьбы молодожены здесь приглашают друзей, родственников к огню в прямом смысле слова. Они зовут гостей к полыхающему в тайге факелу, вокруг которого даже в лютые сибирские морозы образуется свой микроклимат. Словно в хорошо натопленный дом переступаете через «порог» в микроклимат и – будьте любезны, раздевайтесь. Верхнюю одежду можно повесить на деревья. Заиграет музыка, и пары идут танцевать вокруг факела.

Танец огнедобытчика – я бы так и назвал это. Ведь такое можно увидеть только на тюменской земле. В Нижневартовске в день пятидесятилетия образования СССР сто пар молодоженов зарегистрировали брак. Это был почти единственный день, когда уже не хватило места у ближайших факелов. Многим приходилось ехать теперь за десятки километров через болота в тайгу. Добро, что к каждому факелу теперь ведет не очень широкая, но вполне надежная бетонная дорога, по которой свободно носятся машины.

Огнепоклонничество молодых первопроходцев Сибири понятно. Здесь мало солнца, и люди умеют ценить тепло, которое дарят городам и республикам советской земли.

Нелегким был путь к огню. Поиски нефти и газа, сопровождавшиеся горячими спорами, борьбой мнений, гипотез, казались бесконечными. Но это не был спор, в основе которого лежит антагонизм или конкуренция, стремление «обскакать» соперника, выхватить из его рук долю. Это был спор заинтересованных сторон, когда каждый из тех, кто отстаивает свою точку зрения, руководствуется интересами своего государства и хочет служить созидательному гению советского народа.

На примере изучения недр Сибири еще раз убеждаешься, как тяжел и рискован труд геологов, прощупывающих землю пядь за пядью, как сложно обозначить контуры богатств, лежащих на большой глубине, как много надо знать, чтобы отыскать ключ к подземным складам. Для решения задач со многими неизвестными недостаточно одного энтузиазма, даже помноженного на настойчивость и трудолюбие.

Первопроходцев родина вооружила могучей техникой. На помощь им пришла электроника, лаборатория аэрометодов. Это явилось волшебной палочкой в руках ученых геолого-графи-

ческих наук, дало возможность «просматривать» землю. Сопоставляя видимое в земле с земной поверхностью, характером рельефа, почвой, растительностью, топиями, ученые могли «читать» землю. Эти данные легли в основу геологических карт, обозначили внутреннее строение земли.

Авиация, вторгаясь в изучение недр земли, сократила расстояние, сберегла время. С помощью магнитометра с самолетов стали исследовать дно морей, озер и рек, расширили масштабы разведки.

Мощные фонтаны газа и нефти подвели итог спорам, в дым разнесли доводы скептиков, маловеров и ученых-схоластов, воодушевили тех, кто был на правильных позициях.

Но и после этого перед разведчиками вставала сложная проблема.

Методы добычи нефти и газа, известные до сих пор в мировой практике, не годились для Тюмени. Нужен был принципиально новый вариант, если не открытие, то близкий открытию по новизне. А нефтяная наука давала рекомендации на основе имеющегося опыта. Одни предлагали эстакадный метод. Назовем его бакинским. Он требовал завозки огромного количества труб, возведения над болотами и озерами эстакады, строительной площадки для установки буровых вышек. Но разве на эту огромную территорию напасешься труб? И во сколько обойдется нефть, добываемая столь дорогой ценой?

Канада – первая страна, добывающая нефть в условиях заболоченности. Поехали туда изучать опыт. А там применяется лишь сезонный метод. Зимой, когда замерзают болота, нефтяники продвигаются по льду и работают до потепления. Весной они прекращают добычу и уезжают в жаркие страны до наступления холодов.

Для Тюмени это не годится.

Вспомнили бразильский метод – строительство системы каналов, создание нефтяного флота с разнообразными плавучими средствами. Но зимой, когда мороз сковывает лед, весь этот флот в Сибири на приколе – замирает работа, люди покидают промыслы, остается без присмотра дорогостоящее оборудование, энергосистема на холостом ходу.

Нет, это не в русле деятельности советских нефтяников.

Нашлись и сторонники механического соединения обоих сезонных методов: канадского и бразильского, но и это не обещало большой эффективности в условиях Тюменской области.

Принялись изучать опыт татарских и башкирских нефтяников. Поиски новых методов стали делом чести многих научно-исследовательских институтов. Ученые-нефтяники переволокали всю литературу, техническая мысль напряглась, коопе-

рировались смежные и даже не связанные друг с другом науки в поисках решений. Дорожники предлагали различные экс-перименты, создавались дорогостоящие макеты, тренажеры.

В конце концов решение было найдено. Оно требовало государственного риска, ибо ничего подобного мировая практика нефтедобычи не знала. Позже американские нефтяники заявили: ни одна наша фирма не осмелилась бы идти на такой шаг, на какой вы рискнули. Да и по плечу это было только советской общественной системе.

Тюменский вариант не был односложным. Он подразумевал штурм болот и вширь и вглубь с применением всех средств борьбы за нефть и газ, он напоминал стратегическую операцию, в которой участвуют все рода войск. Существовал уже и своего рода генштаб – средоточение научной мысли, мирового опыта и воли советских людей. В его распоряжении были мощная техника и армия высококвалифицированных специалистов, преисполненных энтузиазма во что бы то ни стало поставить на службу родине несметные богатства Сибири.

Открытие несметных богатств в недрах земли вызвало и новое открытие в области строительных дорог. По воде болот и озер люди проложили невиданные дороги, которые можно назвать плавучими. По ним пошла колонна тяжелых грузовиков и тягачей.

До сих пор люди знали лишь один дорогостоящий способ прокладки дорог через болото: спуск воды, вскрытие верхнего слоя до твердого грунта, насыпь из песка и гравия, затем кладка твердого покрытия.

Тюменские дорожники опрокинули науку и практику. Они опускали на дно болота бревна, промораживали их, насыпали толстым слоем песок, а сверху клали бетонные плиты. И дорога готова. Если внизу растает лед, то дорога окажется как бы на плаву. По бокам ее лежат в воде бревна, чтобы волны не размывали насыпь.

За исключением плит весь материал местный, ничего не надо было завозить. Одно из самых серьезных препятствий на пути к подземным кладовым – болото, считавшееся непроходимым, тюменцы превратили в поставщика строительного материала для дорог – торф. В нем обнаружилось удивительное свойство, о котором не подозревали: плавучесть, способность выдерживать большие грузы.

В короткий срок плавучая бетонка покрыла тайгу, разрешила озера и болота. А с каждым днем ее разветвления уходят все дальше и дальше. Сейчас она составляет более четырехсот километров. По сторонам от бетонки то здесь, то там идут отмычки

и площадки для «свеч» буровых вышек, кустов нефтяных скважин, блочной установки по подготовке нефти к перекачке, газосборочного пункта.

Теперь тюменцам вода не помеха, наоборот, без нее не обойтись. Поэтому не удивительно, что нефтяники, выпуская ее из самотлорской чаши, оставили водяной слой глубиной примерно в восемьдесят сантиметров.

Открытие дорожников позволило работать круглый год, отказаться от дорогостоящих методов строительства эстакад и малоэффективных сезонных вариантов, поставить освоение сибирских богатств на такую промышленную основу, размах которой потрясает зарубежных нефтяников.

Ныне характерная черта тюменцев – обостренное чувство нового, непрерывный творческий поиск. Это тянет за собой целую цепь открытий.

Взять кустовое наклонное бурение, при котором в прямом и переносном смысле надо уметь увидеть сквозь землю и на огромную глубину. Не зная тайн этого метода, можно одну скважину прошить другой, не угадать, куда повернет труба, идущая не по вертикали, а под углом. Такой способ бурения требует тонкого чутья, ювелирного расчета.

Мне было приятно встретить на Самотлоре своего земляка из города Прохладного Козодёрова Василия Викторовича – технолога по наклонному бурению, «кудесника» этого ремесла. Грозненский нефтяник стал жителем далекого Севера. Это он знает, как и куда и под каким углом направить трубу. От одной и той же точки он может пробурить 15 – 16 скважин так, чтобы они веером расходились в глубине земли на расстоянии 600 – 700 метров друг от друга.

Наверху все эти скважины соединяются и образуют своеобразную «кровеносную» систему, по которой ни днем ни ночью не прекращается упругая пульсация нефти. Наполняемость артерии такова, что труба гудит, поет от напряжения, того и гляди – прорвет стальную оболочку артерии.

Открытия тюменцев обернулись для страны бесценными дарами, и родина щедро вознаградила своих славных сынов. Взять Виктора Ивановича Мураленко. Сколько почетных званий надо перечислить, чтобы произнести его имя: Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР, доктор, профессор. Он начальник управления Главтюменнефтегаза, его в шутку и с любовью называют «нефтяным королем».

Виктор Иванович внедрил разработанный им проект буровой вышки новой конструкции, названной трехэтажной. Это целый завод весом в тысячи тонн, поставленный на железнодорожные катки или авиационные резиновые колеса из-под

«Антея». Буровое оборудование может передвигаться целиком, если рельеф местности это позволяет. Были случаи, когда буровая вышка в неразобранном виде «прошла» до одиннадцати километров по рельсам.

Это дает огромную экономию средств, материалов и времени, десятки тысяч тонн сверхпланового черного золота. Бывает, что местность не позволяет двигаться «своим ходом», тогда на помощь приходит авиация. Буровую установку разбирают на несколько узлов, и мощные вертолеты переносят агрегат за сотню километров на новую географическую точку. Что-бы буровая снова заработала, иногда требуется всего четыре дня.

Если на одном участке ускорение, а на другом замедление, то усилия первых будут не эффективны. Все звенья должны быть в одном ритме. На машине автопоезда начертано: «Дорогу самотлорской нефти!». Никто не имеет права задержать мощный поток черного золота, питающий страну энергией.

У тюменцев иногда самый незначительный повод становится ускорителем социалистического соревнования, искоркой, от которой разгорается пламя.

В Нижневартовский горком комсомола пришла посылка – небольшая библиотека книг с письмом, в котором были слова: «Мы, учащиеся саранпакльской сельской школы, много слышали о вашей ударной стройке. Мы знаем, что нефтепровод Самотлор-Альметьевск сейчас самое главное для молодежи дело. Передайте наш подарок лучшей бригаде молодых строителей».

Узнав, что горком комсомола решил передать книги бригаде сварщиков Леонида Чернова, заволновались и другие бригады молодежной колонны. Развернулось соревнование за право обладать библиотекой, ставшей для всех трассовиков своеобразным призом. Началось у молодежи азартное соперничество в труде.

Здесь и раскрывается человеческий характер, представляется возможность увидеть внутренний мир современника, богатство его души и помыслов. И важно, чтобы рядом был писатель, который стал как бы соучастником этого соперничества за право быть первым. Надо, чтобы он дышал тем же сибирским воздухом, боролся против комарья, ел черствый хлеб, спал под колыбельную песню выюги. Писателю необходимо походить в шкуре нефтяника-огнедобытчика, геолога и моториста, тогда его произведение само пойдет из души.

Когда я писал о нефтяниках, мне вспомнились слова молодого тюменского судостроителя Юрия Шушканова, который на встрече с писателями сказал:

– Давайте соревноваться. Вы пишете книги. А мы будем работать так, чтобы вы не могли найти прототипа для отрицательных персонажей.

И в самом деле. Попав в молодежные бригады, оспаривающие друг перед другом пальму первенства, начинаешь думать, а как рядом с такими людьми поставить отрицательный персонаж, как он будет выглядеть в этой обстановке.

У нефтяников Сибири свой «естественный» отбор. Если сформировалась бригада, то в ней нет случайных людей. Сама работа их как бы подбирает, создает бригады вышкомонтаж-ников, эксплуатационников, буровиков. Если какой-нибудь слюнтяй, к примеру, попадет к вышкомонтажникам, его быстро ветер сдует. И среди асов наклонного бурения ему делать нечего. Север покоряется только мужественным, тайга не любит сла-бых.

Но где искать конфликты, необходимые литературе, особенно драматургии? Есть ли здесь они? Да, есть, но они неантагонистические. Один из них можно назвать конфликтом умов. Но это вовсе не значит, что противоборствующие силы легко пасуют друг перед другом. Споры бывают искрометные и острые. Кто стоит на том, что метод закачивания воды в нефтяной пласт когда-нибудь обернется негативной стороной, то есть нефть будет затоплена. Сторонники этой точки зрения ссылаются на тот факт, что в мировой практике нефтедобычи в целях поддержания пластового давления такой метод не применяется, а главное, ученые, придерживающиеся этой точки зрения, уверяют, что они исходят из интересов будущего.

Большинство же не соглашается с этим. По мнению других ученых, нужно закачивать воду в пласт примерно один к шести. Такой метод имеет реальные результаты: если без закачивания воды от запасов отбирается только 28–30 процентов нефти, то с помощью воды до 50 процентов. Это повышает производительность труда, дает значительную прибавку продукции.

Идет принципиальный спор вокруг того, какую сетку нефтяных скважин считать оптимальной и как ее лучше всего сочетать со скважинами для закачивания воды? Наука еще не поставила точку над всеми «i», но она обобщает опыт, заглядывает вперед, ищет наиболее правильное решение. А пока битва умов продолжается.

Она, пожалуй, не прекратится, ибо появляются новые и новые проблемы, рожденные практикой. В Сургуте уже введен один энергоблок гигантской ГРЭС, работающий на попутном газе. Погашены многие факелы, осенью 1973 года их будет еще меньше, а с вводом всей мощности ГРЭС и строительства ряда химических заводов не станет вечного попутчика нефтеразработок – факелов. И здесь мировая практика не знает такого

широкого использования попутных газов. Ученые разрабатывают теорию на основе опыта Сургутской ГРЭС и рассылают свои рекомендации производственникам.

Такую же рекомендацию научно-исследовательский институт прислал и Сургутским энергетикам. Да еще с оговоркой, дескать, поосторожней, практика использования попутного газа мало изучена. Сургутяне смеются: наш опыт вернулся к нам с научным примечанием.

Какие пласты человеческих характеров, судеб, борьбы мнений, гипотез! Чтобы все это перенести на страницы романа-нов, повестей, пьес и поэм, мало кратковременного пребывания, надо здесь пожить годы.

За какую проблему ни возьмись, существует тюменский вариант, который связан с совершенно новым открытием в той или иной области или вносит принципиальную поправку в теорию и практику нефтегазразработки. Естественно, тюменцы не одиноки. На них работают ученые не только нефтяной науки, но и многих других отраслей, ибо, как сказал выдающийся ученый И. М. Губкин: «Тайны природы не угадывают, а раскрывают ценой огромного труда, неутомимой черновой работой...».

В Тюменской области о знатных нефтяниках уважительно, с оттенком юмора говорят: нефтяной король. Конечно, на голове этих королей не золотая корона, а пластмассовая каска золотистого цвета. И одеты короли в промасленную робу. Но держатся они с достоинством и пониманием высокого долга перед родиной. А где есть короли, должны быть и королевы. О них тоже хочется сказать несколько слов.

Галина Афанасьева работала тогда на радио на Урале. Однажды во время очередной вечерней передачи за дверью балка, в котором размещалась радиостудия, послышалась мощная возня, рычание.

Она подумала, что это подгулявший охотник вламывается в балок. Она, забыв выключить микрофон, открыла дверь и бросила в ночную мглу:

– Тише ты. Передача идет!

И вдруг с ужасом видит: перед ней в некотором недоумении стоит медведь.

С тех пор прошло совсем немного лет. А теперь на Тюменщине нет точки, где бы не было телевидения. Здесь через орбиту люди смотрят даже московские передачи.

Балкам, которые волокли тягачом, скоро придется уйти в область предания. Им на смену появились разборные дома со всеми удобствами. Естественно, это меняет условия труда, кладет конец кочевому образу жизни. Глава семьи, который вынужден был отрываться от жены и детей на длительный срок, теперь

будет работать вблизи семейного очага. Увеличился и приток девушек, которых можно встретить всюду. Они работают лаборантками, операторами по добыче и подготовке нефти, медико-сестринскими сестрами, воспитательницами в детских садах.

Галина Лахова – лаборантка. Она знает, что нефть, которая поступает в большую артерию страны, должна быть очищена от газа и воды. Неопытному глазу все факелы кажутся одинаковыми. А Галина «читает» факел. Если он ярко-медовой окраски, без темных подпалин, установка работает на заданном режиме. А если факелы задымят, нефть идет на выброс, надо принять меры. Новейшая автоматика и телемеханика легко покоряются девичьим рукам.

В Тюмени говорят: главное сделано, но главное впереди. Этой игрой слов сказано многое. Открыт нефтяной континент страны и поставлен на службу родине. Но поиск и вдохновенное творчество продолжают, перед историей открываются новые невиданные горизонты, которые зовут людей к новым победам.

УСКОРЕНИЕ

Обращения партии к народу можно выразить одним емким словом – ускорение. Оно нам знакомо со времен первых пятилеток, когда трудящиеся подхватывали призыв партии: «пятилетку в четыре года» и, ускорая и без того стремительные темпы развития, докладывали Родине о выполнении взятых обязательств.

Я невольно вспомнил беседу, на которой случайно присутствовал. После дождей, прошедших в Алтайском крае, секретарь райкома партии выяснял у представителя бюро службы погоды, сколько миллиметров осадков выпало на полях того или иного хозяйства. Зная структуру почвы в каждом из них, он делал расчеты, вычислял, сколько зерна обещает каждый миллиметр только что выпавшего дождя. При этом секретарь райкома отрывался от своей арифметики и восклицал: «А выпадет дождь на неделю раньше, мы бы имели...». Казалось, не летний дождь выпал на полях, а зерно, которое надо свезти в закрома Родины.

И сейчас происходит то же самое. Только не миллиметры осадков переводятся на тонны зерна, а секунды – на тонны стали, нефти, угля, ибо речь идет об ускорении темпов, необходимых для успешного выполнения и перевыполнения взятых высоких обязательств. Ускорение – значит принять смелые решения, опрокинуть старые нормы, дать невиданные скорости, проявить трудовой героизм и завершить пятилетку раньше намеченного срока. Как не вспомнить лозунг, рожденный первой пятилеткой: «Время, вперед!».

Четвертый год пятилетки – определяющий год. Он определяет и отношение каждого труженика к своему делу, и его место в общей борьбе за претворение в жизнь Программы партии, принятой на XXIV съезде КПСС.

В планах каждого предприятия, колхоза, совхоза учтены мощность станка, агрегата, наличие сырья. На основе общего плана определяется и план каждого цеха, бригады, агрегата, станка и отдельного человека. И кажется нереальным, если кто-нибудь заявит о повышенных обязательствах, ибо трудно изыскать дополнительную мощность и сырье, выжать секунды из уплотненного графика, выкроить новую площадь из севооборота. Но это только кажется.

«Но даже самый детальный план, – говорится в Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, – не может учесть полностью всех богатейших резервов социалистической экономики, которые могут быть дополнительно вскрыты и использованы благодаря творческому подходу к работе, широкому развитию инициативы, повышению организованности и ответственности каждого коллектива, каждого работника».

Значит, резервы надо искать в самом себе и не рассматривать план как нечто неизменное, а обогатить его личной инициативой, организованностью.

1973 год был годом хлебным. По зову партии труженики села развернули великую битву за высокий урожай, в которую были брошены огромная «боевая» техника, химические средства обработки почвы, использованы ирригационные системы, а главное – был открыт простор для личной инициативы и творческих способностей каждого труженика села. И это обернулось невиданным урожаем.

Новый год начался словами призыва партии к народу. Это

означало: новый год – новые темпы, сегодня надо работать лучше, чем вчера.

Пример невиданного ускорения темпов показали тюменцы, обогнавшие за короткий срок таких богатырей с сажеными плечами, как Татария, которая обогатила опыт добычи нефти. Заключили между собой договор на социалистическое соревнование два нефтяных гиганта Тюмени и Татарии.

Татарским огнедобытчикам не хотелось уступать первое место. Татария доказывала в прошлом, что она непобедима в социалистическом соревновании, и на этот раз она взяла обязательства, которые только ей по плечу.

Но одни ли гигантские масштабы или, как говорят на Тюменщине, «самотлорский размах» определяют величие планов тюменских нефтяников? Пожалуй, нет. И вот тому доказательство. Общая численность всех работников НГДУ Нижневартовск-нефть составляла немногим более тысячи человек, включая сюда даже непромышленный персонал. Несложная арифметика: на каждого работающего человека тридцать семь тысяч тонн самотлорской нефти. Это и есть показатель высокого уровня технической мысли, совершенства методов добычи нефти, высокой организованности творческого труда.

Благодаря развитию инициативы нефтяников вскрываются новые возможности, которых иногда не удастся учесть при планировании. Более десяти лет напряженного труда потребовалось скважинам Ромашкинского месторождения, чтобы появилась «миллионерка». А вот скважина № 335 работала всего четыре года и за этот срок вышла на этот рубеж. Она дает тысячи тонн нефти в сутки.

Слов нет, цифры астрономические. Вообще, когда мы говорим об астрономии, привычные ассоциации уводят нас в космические пространства. Для огнедобытчиков Тюмени существует подземная астрономия. Они всем своим существом устремлены в глубины земли.

От рубежа открываются новые рубежи, от горизонта – новые горизонты. Это первым увидит прежде всего тот, кто уже достиг намеченного рубежа, вышел на новый «горизонт». И пусть достигнута самая высокая точка, но конечной вершины нет и не будет. Надо идти дальше. Высота не должна вскружить голову, для продолжения восхождения надо превратить этот рубеж в исходную точку и смело прокладывать пути к новой цели.

Смелость – сестра молодости. Если ее соединить с творческой мыслью, опытом, новаторством, то она становится реальной силой. Давно ли люди знали о наклонно направленном бурении скважин? Но вот нашелся такой смелый новатор, как Заки Ахмадишин, заявивший: «Я беру за наклонно направленное бурение». Он мимо ушей пропустил слова скептиков: «Да-вай-давай. В земле не видно, куда идет труба».

За Ахмадишиным пошли и другие. Теперь наклонно направленное бурение стало обычным явлением. Появились мастера этого дела, умеющие «прошивать» землю в любом направлении и под любым углом.

Еще один пример: у ученых и практиков вызывала тревогу возможность газовых проявлений над куполом месторождения в самом центре Самоглора. Это грозило серьезной опасностью. Нужен был человек, преисполненный дерзновенных замыслов, соединяющий в себе смелые решения с опытом, знанием и умением, и таким оказался Виктор Китаев, который со своей бригадой вступил в единоборство со стихией и, не дав ей разгуляться, укротил ее, выиграл единоборство с силой природы.

Высокая организованность должна быть неотъемлемой чертой производственного коллектива. Наблюдая слаженную и ритмичную работу бригады Китаева, хочется сравнить ее с орудийным расчетом в момент ведения огня. Сказать «слаженная работа» мало. Мощные механизмы и отработанные действия людей сливаются воедино, образуют синхронный ритм. Каждая секунда на учете, никто не может замешкать, замедлить. Если кто-то чего-то недосмотрел, другой должен вовремя заметить это, подсказать или подстраховать. Бригада – один коллектив, одна воля и единство действий.

Этими достоинствами отличается и бригада Григория Кузьмича Петрова, о котором мастера бурения говорят: «Не мешкай, Григорий рвется вперед. С ним соревноваться – не шей нахлебаться». Он первый «замахнулся» на десять тысяч месячной проходки. Она была рекордной в стране. Петров назвал цифру негромко. Может быть, у самого не было полной уверенности. Да и в Управлении сомневающихся было больше. Петров точно рассчитал и доказал возможность такой выработки и взялся за дело.

Вернувшись на буровую, Григорий Кузьмич прежде всего занялся совершенствованием организации труда, отрабатывал ускоренные методы бурения, стараясь свести к минимуму непроизводительные потери. Людей расставил по своим местам, как солдат в бою. Это дало возможность более чем в два раза увеличить коммерческую скорость на буровой. Анатолий Николаевич Вахтеров, которого называют «волком в наклонном бу-

рении», помогал бригаде рационализаторскими предложениями. Его новаторским идеям не было конца. Каждый раз на вахту являлся с новыми предложениями. Казалось, и ночью не спит, а все думает.

Бригада должна подтвердить обязательства делом. Еще бы, – за ее работой следят все. Петров все учел, за исключением одного – затаянного дождя. Но и это не сломило воли энтузиастов, не охладило их. Кругом лужи, болота превратились в озера, а полноводные озера соединились между собой. Дул неласковый северный ветер. Но и верховой не сдавался. У него крепкие и ловкие руки, он точно подхватывал трубы, устанавливал их, наращивал «свечу». Внизу стоят люди у рычага лебедки. Разговаривать нельзя, ветер уносит слова. Надо понимать друг друга без команд, угадывать действия людей чутьем.

В такие напряженные часы на буровой площадке не любят посторонних. Они отвлекают людей, вносят перебои в ритме. Во время же перерыва любой уступит вам в домике лучшее место и предложит сытный обед.

Когда пишут о тюменских первопроходцах, об их напряженном трудовом соперничестве – борьбе за право победителя в социалистическом соревновании, то создается впечатление, будто там с самой природой вступили в спор неукротимые богатыри, наделенные недюжинной силой и здоровьем.

Это не так. В суровых сибирских условиях, не терпящих слабых духом, работают плечом к плечу с богатырями и те, о ком не скажешь: «им покорится Север».

Однажды в сильный дождь на буровой Петрову встретилась юная незнакомка. Это была хрупкая девушка, которую ветер мог подхватить и унести. Но Валентина Гаврилова, приехавшая к сестре, которая замужем за нефтяником на Тюменщине, знала, на что отважилась. Начитавшись в газетах о легендарном Самотлоре, выпускница десятого класса решила «попытать счастья» и приехала. Она обратилась к главному технологу Хабибу Суер-гулову.

– Принимаю только незамужних, – полушутя-полусерьезно заявил он, – тут ночь-полночь, а ехать и работать надо. Если приехала выходить замуж – дело твое, но помни: муж может не пустить в ночную вахту.

– А если с мужем в одну смену?

– Смьшленная, – беру! – засмеялся Хабиб Абдрахминович, и Валя стала лаборанткой.

Нефтяник – это профессия, не привилегия богатырей. Если они добывают нефть из-под седьмого слоя земли, то девушки, как Валентина Гаврилова, делят с ними славу первопроходцев, победителей. Жрицы огня, говорят о них, придавая этим словам иной смысл, чтобы этим подчеркнуть силу девичьего духа.

В соревновании слабых нет. Откликнувшись на призыв пар-тии, тюменские огнедобытчики вступили в новую фазу социа-листического соревнования, развернули битву за скорейшее освоение Приобья, за добычу миллионов тонн сверхплановой нефти. Тот, кто знает хватку тюменских нефтяников, их неукротимую волю к победе, достижению цели, тот с уверенностью скажет: «Тюмонец взялся – значит будет!».

Летом большая группа советских и зарубежных писателей снова отправится на обновленную югорскую землю. Литераторы встретятся с героическим трудом, чтобы вобрать в себя пламень социалистического соревнования. Из этой встречи они почерпнут новые струи жизни, в ней запечатлятся образы людей героического труда, для которых, по выражению писателя из Германской Демократической Республики Эгона Рихтера, «даже самая героическая ода – и та была бы недостаточно героична...».

4. ШАГИ ПО КОНТИНЕНТАМ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

Не знаю, откуда у меня страсть к путешествию. Может быть, она вошла в мою душу вместе с легендами, которые рассказывала мать в детстве. А может быть, от сказаний. Особенно я любил слушать о нартах, сказочных богатырях, сильных и справедливых, шедших на смерть легко и просто.

В тихие и теплые вечера мать собирала ребят, присаживалась к нам на циновку и, зашивая наши штаны или разминая кусок сыромятной кожи на чувяки, обращалась ко мне:

– Напомни -ка ты, на чем тот раз остановились.

Я был счастлив показать, какой у нее памятливым сын. Легенды я запоминал быстро и долго находился под их впечатлением.

В мою память врезалась легенда о боге-кузнеце, хранителе оружейных дел мастере Тлепше, который задумал дойти до края земли, где небо крюками скреплено с землей.

Мудрый Тлепш выковал из стали необыкновенно прочные «чувяки с двойной подошвой», сделал из стали посох и отправился в путь. Сколько лет и зим он шел – неизвестно. Двойная подошва его чувяков истерлась, и сами чувяки, как хомуты, оказались напялены на ступни ног. И посох настолько истерся, что только набалдашник от него остался в ладони.

Мудрый Тлепш, так и не найдя края земли, вернулся в свою кузню. Может быть, этот кузнец из легенды и зовет меня в до-

рогу.

Мне посчастливилось повидать свет. Особенно хочется рассказать о трех поездках – в Нигерию, Индию, страну чудес, и Сирию. Единственное, что объединяет эти страны, – это цвет кожи их населения, да и то далеко не всегда. В Индии, в Сирии очень много людей, которых не отличишь от европейцев. Но зато во многих странах Африки даже небо отдает чернотой. Отсюда и название этих путевых заметок – «Черный свет».

Программа нашего пребывания в Нигерии предусматривала широкое знакомство с многоязыкой страной: поездку на автомобилях с остановками в столицах разных народов и экзотических деревнях, участие в мусульманских празднествах, посещение деятелей науки и культуры, а также вождей племен и, конечно, мусульманского владыки – эмира.

– А вот как с охотой? Интересно было бы поохотиться, если не на тигра, то во всяком случае...

Александр Иосифович Романов, советский посол в Нигерии, с которым мы встретились еще в Москве, не дал даже договорить заядлому охотнику Юрию Нагибину, возмечтавшему привезти из Африки шкуру тигра или клык слона.

– На тигра пойдем! Зачем мельчить... за ружьями остановки не будет. У меня есть свое. Возьмем в посольстве еще пару и денга на три прямо в джунгли. Познакомимся с местными охотниками, повезет – попадем и на отстрел слонов, – говорил посол просто, словно речь шла о посещении зверинца Ибаданского университета или о морской прогулке на катере.

Александр Иосифович понравился мне своей непосредственностью, деловитостью и общительностью. Он умеет располагать к себе человека, вызывать доверие, заражать собеседника своим настроением. Несмотря на немолодой возраст, он полон бодрости, кипучей энергии, как говорят на Кавказе – старый конь, которого любят дороги. Кроме того, что-то кавказское есть в его натуре.

Нагибин заговорил об охоте. Все хотелось ему узнать, вправду ли посол обещает охоту на слона. Я молчал, чтобы не выразить своего недружелюбного отношения и к охотничьим рассказам и к самим охотникам, которые выдают себя за друзей природы.

Не знаю, как представлял себе путешествие мой спутник, с которым мне предстояла дорога в загадочную страну на Африканском континенте, но я воображал себя в джунглях среди нигерийских ловких охотников, вооруженных пиками. Дикие слоны в стадах помахивают ушами, похожими на огромные вееры, и безмятежно бредут вдоль рек, озера кишат крокодилами с разинутой пастью. Трепетные антилопы осторожно проби-

раются через заросли на водопой, а ползучие питоны притаи-лись в кустах, ожидая жертвы. От черных пантер спасаются беззащитные и крикливые обезьяны природной акробатикой. Тишину девственных лесов нарушает разноголосое щебетанье птиц. А мы идем, глядим в оба.

Меня больше всего страшила плюющая змея. Ее плевок, который она направляет с точностью снайпера прямо в глаз, неотвратим и равносильен выстрелу картечью или жаканом.

– Надо шорты захватить с собой. Там наверное в шортах ходят. – Нагибин тоже наверняка мысленно перенесся в неведомые земли.

– Это не проблема, – посол был готов на все, лишь бы мы не раздумали поехать в страну, в которой он представлял Советскую державу уже несколько лет. За это время слишком мало советских людей побывало в Нигерии с населением в шестьдесят пять миллионов человек.

Александр Иосифович, придававший столь большое значение поездкам делегаций от общественных организаций, увлеченно и с глубокой любовью рассказывал о Нигерии.

– Интересно было бы увидеть деревню на сваях. От вас недалеко ведь до Дагомеи. Нельзя ли получить визу хотя бы на несколько дней в Порто-Ново или Котону? – интересуется Нагибин.

– Это я беру на себя. Могу даже прикомандировать к вам кого-нибудь из наших. Поедете на машинах.

– А на фронт? – запросам Нагибина нет конца.

– Это сложнее. Надо обратиться в правительство за разрешением. Но попытаюсь. Думаю, разрешат. Дела на фронте не вызывают тревог, если судить по печати, но фронт есть фронт. Соображения безопасности не последнее дело. А вы не боитесь?

– В атаку идти, пожалуй, воздержимся, если Алим, как старый фронтовик, не будет настаивать. – В глазах Нагибина вспыхнул огонек озорства.

– А разделить нельзя? Вам – на фронт, а мне на мусульманский праздник? Это ведь почти одно и то же, – внес я свое предложение.

Все рассмеялись. Посол до этого говорил о мусульманском празднике гиде, на который его пригласил эмир. Александр Иосифович принял это приглашение и выразил готовность вместе с нами поехать на север страны к самому многочисленному племени хауса. Мусульман в Нигерии около тридцати миллионов, и ежегодно праздник гид отмечается широко и торжественно. Он начинается у соборной мечети в городе Кано и растекается по всем дорогам и тропам в города и деревни, постепенно захватывая все штаты и провинции, в которых проживают мусульмане.

Мы стали срочно оформлять документы, чтобы не опоздать на гид. Если до этого кто-то еще сомневался в целесообразности путешествия в воюющую страну, то после беседы с послом наши сомнения рассеялись.

Лагос – столица Нигерии. На территории Нигерии свободно размещаются Англия и Франция. Самолет, плывший в лучах заходящего солнца, нырнув в вечерние сумерки, вырулил у приземистого здания аэропорта. Среди встречающих я увидел Александра Иосифовича. Из Москвы он уехал значительно раньше, чем мы. Вместе с ним одетые в яркий национальный наряд вице-президент Общества Нигерийско-советской дружбы, министр информации, постоянный секретарь министерства, тоже в агаде – широченном балахоне, представители прессы. От них легко было отличить работников советского посольства.

В аэропорту нас приветствовал вице-президент общества, который торжественно и несколько театрально представился: «Комрад Чиф». Ответное слово пришлось держать мне. Я еще не знал, что журналисты в своих отчетах мои слова припишут Юрию Нагибину, иначе я бы отнесся к своей речи с большей ответственностью.

Долго митинговать не пришлось. После семи в городе наступает комендантский час – первое ощущение войны. В гостиницах полно беженцев. По пути в город Александр Иосифович рассказал нам о недавних событиях. Оказывается, недалеко от Лагоса разбился английский пассажирский самолет, погибло около восьмидесяти пассажиров. Один из них – советский гражданин. В Лагосе по вине сержанта, отказавшегося платить за проезд в автобусе, произошла схватка гражданского населения с военными, в результате – значительное число убитых и раненых среди горожан.

Территория города изрезана лагунами (отсюда и название – Лагос). Она состоит из пяти островов, соединенных между собой дамбами, мостами. Лагуны образуют лабиринты, по которым можно пробраться с океана на лодках незамеченными. В городе не видно следов войны, зато следы недавнего колониального гнета кажутся татуировкой на живом теле. Глядя на оборванных и голодных людей, которыми кишат улицы, невольно задумываешься: где же они находят крышу в сырую и холодную ночь, особенно когда наступает сезон дождей?

Вечером следующего дня нас пригласил к себе министр информации Ахмед Джода. Мы вошли в одноэтажный домик, каких много вокруг редких белых высотных зданий, создающих неточное представление о городе, когда на него смотришь с океана. В полумраке на кушетке лежит женщина. Хозяин дома,

проходя мимо нее, обронил: «Жена». Мы задержались возле нее, чтобы пожать руку, которую она протянула не вставая. Министр, как бы извиняясь за жену, сказал:

– На сносях.

Нас провели через полутемные комнаты во внутренний дворик и подали кофе в маленьких чашечках, похожих на фарфоровые изоляторы на телефонных столбах. Прислуживала секретарша министра, молодая девушка с причудливой прической в виде короны из тоненьких косичек, замысловато связанных между собой. У министра мы узнали, что гостиница «Виктория» на острове, в которую нас поместили, принадлежала богатому греку К. Ф. Левентису с острова Крит. Миллионер продал ее правительству за полцены.

Видимо, опасался, что в нее угодит бомба. Для этого у него было основание. В начале войны авиация мятежников совершила налет на столицу. К городу прорвались отдельные самолеты, из которых один развалился в ночном небе. Возможно, был сбит зенитным огнем. Труп летчика с развалившегося бомбардировщика проломил крышу дома дипломатического работника и упал в спальню его жены...

Нелегко местному капиталу бороться с беспощадными иностранными конкурентами. Нигерийский капиталист, вложивший свои накопления в предприятие по производству радиоаппаратуры, быстро оказался на мели. Разорившись, он вынужден был уволить тысячу рабочих и закрыть свой завод. Так капиталист-чужестранец поражает своего конкурента на расстоянии, не дает ему пустить корни на родной земле.

Видимо, не без содействия министра информации на следующий день нас пригласили на телевидение, в сравнительно небольшое одноэтажное здание. Мы оказались в маленькой, плохо освещенной студии. В одном углу зала шла репетиция – рослые парни и девушки в яркой национальной одежде пели и танцевали, доводя до совершенства и без того удивительную гибкость тела. Мелодии песен и удары там-тама были воинственно однообразны. Девушки бедрами «выписывали» такие плавные движения, на которые способны лишь африканки с их грациозностью и пластикой. Недаром с малых лет они учатся носить на голове различный груз, даже пустую бутылку, которую ставят на голову, и она у них не шелохнется и тогда, когда девушка идет рядом с подружкой и беседует с нею, то и дело поворачивая голову, куда захочется. Даже плотная ткань, обернутая вокруг бедер девушки, не может скрыть изящности и пластичности девичьей стати.

Наше выступление по телевидению началось неожиданно и просто, без привычной предварительной подготовки. Мы даже

не успели осмотреться, когда к нам подкатили телекамеру и ведущий пригласил нас сесть. Напрасно я искал режиссера. Его не было. Вместо него редактор, он же и диктор, который представил нас, нисколько не заботясь о том, кто какую фамилию носит и как следует ее произносить. И я подумал: не все ли равно для телезрителя, кто из нас Юрий Нагибин или Алим Кешоков. «Выступают советские писатели» – вот главное.

Едва мы нащупали «золотую жилу» в импровизации, как услышали обращенные к нам слова:

– Благодарим за интересное выступление, – улыбнулся ведущий, и мы прервали беседу на полуслове.

Утром мы уже мчались в столицу многомиллионного племени йоруба. Университетский город Ибадан, распластавшийся на холмах. Город расплывчат. Его окраины, застроенные современными домами, высокомерно возвышаются над старым городским пейзажем с улицами-магазинами, переулками-мастерскими, площадями-рынками и водосточными канавами по обеим сторонам улиц, через которые перекинuty переходные мостики у каждого входа в дом. Всюду народ, толчея. Каждый чем-то торгует. Кустари, гончары, ремесленники, умельцы. Рынок завален изделиями из слоновой кости, железа, цветного металла, бамбука, соломы, ткани, дерева, резины, пластмассы. Кроме того, здесь продаются овощи, фрукты, цитрусы, дары земли и леса, а также мясо и птица, лекарственные травы и приправа. На свалках – кучи огромных рогов. При виде их я невольно вспомнил наших мастеров, которым не хватает именно такого материала для изготовления рогов в серебряном убранстве – атрибута кавказского гостеприимства.

Территория университета настолько велика, что ни одному преподавателю не обойтись без своего автомобиля. Учебные корпуса, зоосад, гостиница, универмаг, столовые образуют несколько разбросанный, но благоустроенный и утопающий в зелени огромный лесопарк современного городка. В стороне от него жилой поселок с приветливыми двухэтажными коттеджами. Посередине – особняк ректора, выделяющийся своим архитектурным убранством и окруженный небольшим парком. Между домами много воздуха и зелени. Ибаданский университет – гордость Нигерии, ее брови, как бы сказали кабардинцы, украшение мужественного лица страны.

Университет знаменит и своими учеными. С одним из них – Волле Шоинкой – мы встретились в его кабинете на кафедре филологии. Это самый известный нигерийский поэт и драматург.

В желтоватых и больших глазах поэта вспыхнул огонек доброжелательства, когда мы представились. Одет он просто –

в полинялую рубашку из плотной ткани, серого цвета узкие брюки. От острой бородки лицо казалось продолговатым. Его известность и относительно молодой возраст как-то не вязались. Воле Шоинка имеет свой собственный мир образов и представлений. Его гнев накаляет воздух, поджигает саванну, обрушивается на пустыни, поднимая песчаные бури. Его стихи наполнены силой, способной вызывать морские отливы и приливы в сердцах людей. Он знает себе цену, понимает свою роль и свою силу таланта отдает борьбе против колониального гнета. Он как бы живет впереди своего времени, торопя страну идти быстрее в завтрашний день. Его любовь к свободе не знает границ. Заточить в тюрьму поэта – значит посадить за решетку ураган. Тюрьма не сломила Шоинку. Там он написал пьесу, всколыхнувшую прогрессивные силы народа.

Поэт был арестован за то, что вместе с товарищем захватил радиостанцию и призывал к свободе.

В течение двух часов звучал в эфире его голос, пока не приехала полиция и не арестовала его. Шоинка понимает свободу как естественное условие существования человека.

Шоинка пригласил нас на театральное представление, которое должно было состояться в университетской столовой после ужина. Он – и автор пьесы и постановщик спектакля. Еще днем на территории университета начал собираться народ. Я подумал, что, наверное, идут приемные экзамены или люди съезжаются на религиозный праздник. Но я ошибся. Оказывается, эти люди приехали на спектакль из соседних городов и деревень. Вечером, когда мы подъехали к университету, то нам уже негде было поставить машину. Километра за полтора до университетской столовой вся территория была заставлена машинами. Пришлось идти пешком, и мы опоздали к началу спектакля.

Пока мы добрались до университетской столовой, представление уже началось. Как ни пытались наши хозяева с помощью полиции втиснуть нас в зал, ничего не вышло. Люди стояли сплошной стеной. Между ними не только пройти, но и просунуть палец было невозможно. Прервали спектакль и нас по одному на руках внесли в окно через сцену и опустили на пол. Я почувствовал под ногами что-то мягкое. Это было кресло, в которое мы втроем должны были усестись. Прерванный спектакль начался. Зрительный зал ожил. Со всех сторон раздаются возгласы. Все, что происходит на сцене, находит среди зрителей горячий отклик. По рядам проносится буря протеста или одобрения, иногда трудно расслышать слова персонажей пьесы. Я спросил:

- О чем пьеса?
- О судьбе вождя племени.

Мне вспомнилась газетная информация. В ней говорилось о вожде племени, нашедшем убежище в тюремной камере своего же полицейского участка, куда он попросился, спасаясь от племенных вершителей правосудия. Дело в том, что у этого племени вождь избирается на семь лет, а по истечении этого срока по обычаю, прежде чем избрать нового вождя, надо обезглавить старого. И вот старый вождь племени в канун трагического конца попросил убежища у полиции, выразив протест против обычая, идущего из глубин веков. Народ, оставшийся без предводителя, шумит, требует выдачи вождя для исполнения приговора, шумит, потому что без этого нельзя избрать нового вождя.

Но в пьесе Шоинки «Урожай Конги» речь шла о другом вожде племени. Коварный и злобный диктатор бросил в тюрьму веселого и доброго вождя племени, пытавшегося защищать свое племя от притеснений и произвола, чинимого этим диктатором, который с помощью своих министров-марионеток гасит пламя свободы, разрушает патриархальные устои, чтобы все подчинить своей неограниченной власти. Происходит острая схватка. Народ выступает на стороне вождя, поборника свободы и независимости племени, его традиций и уклада. Участь вождя разделяют и все десять жен. Они не хотят разлучаться с вождем племени даже в тюрьме. Одна из них с грудным ребенком на руках.

Драматические события на сцене следуют одно за другим непрерывно. На антракты нельзя тратить время. И сыгравшие свою роль участники спектакля не покидают сцены, если они еще нужны в следующих эпизодах. В ожидании массовых сцен многие актеры стоят в зрительном зале. Они ничем не отличаются от обыкновенных зрителей, бурно выражающих свое отношение по поводу происходящего на сцене.

Спектакль кончается эффектно. Старый вождь по обычаю в знак смирения должен преподнести Конги самый большой батат из нового урожая, но коварные министры так подстраивают, что он преподносит голову лидера оппозиции. Это вызвало бурю негодования, охватившего и артистов и зрителей. Возгласы возмущения раздавались и за окнами, где толпились люди, которые не попали в «зрительный» зал. Спектакль воспринимался не как театральное представление, а как действительное событие.

Волле Шоинка поставил перед собой задачу – зажечь пламя свободы в сердцах зрителей, всколыхнуть их против произвола диктатора. Это ему больше чем удалось. После спектакля долго не расходились зрители, не могли успокоиться. Лишь автор не

задержался, он быстро исчез.

Мысленно я сравнивал Шоинку с другим нигерийским писателем Амосом Тутуола, очень известным в Англии. Это совершенно разные люди. Первый – бунтарь, трибун, вожак, вдохновитель и кумир определенных слоев населения. Второй скорее напоминает сказителей, стоявших у колыбели национальных литератур. Его новаторство выразилось в полном пренебрежении английской грамматики. Он приспособил ее к синтаксическому строю родного языка. Это и придало его стилю своеобразие, о котором можно сказать «нарочно не придумаешь».

Амос Тутуола работает на радио. Он долго водил нас по длинным коридорам, заглядывая то в одну, то в другую дверь. Я шел за ним и думал – потерял свой кабинет или ищет ключ от двери. Наконец Тутуола пригласил нас в студию и усадил за стол, на котором стоял микрофон. Я думал, что сейчас нам предложат выступить по радио, и уже собирался с мыслями. Но я опять не угадал. Оказалось, писатель на радио работает всего-навсего сторожем. Теперь я понял, почему Волле Шоинке с товарищем удалось захватить радиостанцию.

– Пишу, чтобы подработать, – говорит Тутуола, – детей много. Одно плохо – легенды, сказки забываются. Раньше приходилось больше работать, чтобы прокормить семью. Теперь имею жалованье, работаю лишь в сезон дождей, когда не так жарко.

Я вспомнил рассказы наших товарищей. От жажды, говорили они, слабеет память, появляется вялость, приглушается жизнедеятельность. Собаки и те перестают лаять, становятся безразличными, сетовал кто-то.

Наш собеседник не был по возрасту стариком, но лицо у него безразличное, в глазах не осталось огня. Узнав, что мне уже за пятьдесят, удивился: как рискнул такой старик пуститься в далекое путешествие. По-своему он был прав. Хотя среди них встречаются очень рослые и атлетически сложенные люди (каждый готовый Отелло), но они не отличаются долголетием. Пятьдесят лет в Нигерии почти предел. Особенности языка произведений Тутуола, которые приводят в восторг англичан, мне понятны. Я знаю кабардинцев, у которых коверканье русского языка звучит забавно. Например: «Я встретил самого-варильщицу», «Зашел в очковый магазин» или вместо «догоним и перегоним», скажет: «догоним и пригоним». В контексте это звучит смешно, придает своеобразный языковой вкус.

Амосу Тутуола мы подарили книгу его произведений, вышедшую на русском языке в Москве. Он долго листал ее молча, держа книгу «вверх ногами». В безжизненных его глазах временами вспыхивал огонек. Видимо, он думал о гонораре,

не решался спросить. Его спокойствие легко уживалось с внутренней собранностью и сосредоточенностью. Казалось, с окружающим миром он сосуществует параллельно, на паритетных началах. Ничто не вызывало в нем восторга.

Среди многочисленного племени йоруба встречались люди совсем другого склада, чем Тутуола. Например, вице-президент Общества нигерийско-советской дружбы, известный в стране общественный деятель Огунтойе, которого называют просто комрад Чиф, юрист по образованию, владеющий ораторским искусством. Он устроил нам банкет, на который были приглашены все члены общества и весь «цвет» города.

Комрад Чиф, одетый в яркую национальную одежду, которую не поскупились украсить драгоценностями, сразу завладел вниманием, говорил смело, цветисто и громко. Фейерверк остроумия вспыхивал всюду, где он появлялся. Чиф, чувствуя себя хозяином положения, как бы сам любовался собственным красноречием. Он несколько театрально бросал в толпу фразы:

– Я богатый человек, самый богатый капиталист в нашем городе. Но я социалист-капиталист. Я читаю Маркса. Я не выгоняю рабочих с предприятия, я их люблю и забочусь о них. Я ничего лишнего не беру себе. От моего богатства и рабочим неплохо, имеют заработок. Я отказался от части доходов в пользу рабочих. Не хочу наживаться на чужой нужде... Я за социализм.

Чиф говорил увлеченно, свободно, он даже выразил готовность отказаться от своего богатства и жить доходами от адвокатской практики, если этого требуют интересы народа. На банкете присутствовали официальные люди, которые, может быть, не разделяли мнения адвоката, но молчали, даже одобрительно улыбались, слушая оратора, воздавшему должное и Советскому Союзу за помощь стране его в тяжелые годы междоусобной войны.

Огунте – вождь племени. Но в отличие от других он к титулу «вождь» приставил слово «товарищ» и требует, чтобы его называли «товарищ вождь», желая подчеркнуть этим свою ориентацию на социализм.

Оригинален ли он? Да. Несколько забегаю вперед, расскажу о вожде вождей, с которым мы встретились. Ему было за семьдесят, и своим возрастом он опровергал мнение о том, что в Нигерии люди не отмечены долголетием. Вместе с нами к вождю вождей приехали сопровождающие нас лица. Среди них и молодые принцы – сыновья вождей племен. Я представлял вождя вождей веселым человеком, не обремененным государственными делами и ради удовольствия предводительствующим среди таких, как он сам. И конечно, если он дожил до такого преклонного возраста, значит, у подвластных ему племен нет

такого страшного обычая, когда вождю, срок полномочия которого истек, отсекали голову перед тем, как избрать нового вождя.

Мы приехали в вечерних сумерках. Заметив старца в причудливой национальной одежде на крыльце, я направился к нему, соблюдая протокол. Я шел впереди, по сторонам, отстав от меня на полшага, важно шли принцы. Переводчик Виктор Рамзес и Юрий Нагибин замыкали торжественное шествие. Принцы волновались. Может быть, они впервые видят лик вершителя судеб, которому подчинены их отцы. Подойдя на расстояние шага, я протянул руку, чтобы поздороваться со стариком, ожидавшим нас спокойно и величаво. Но в это время неожиданно для меня оба молодых принца, шедшие слева и справа, изящно, можно сказать, грациозно, по-спортивному, упали на руки и, касаясь лбами земли, произносили слова приветствия. Моя рука повисла в воздухе. Я на какой-то миг опешил, глядя на вытянутые спины сопровождающих нас людей. Ждал, когда они встанут. Старик, не обращая на них внимания, пожал мне руку и жестом пригласил меня сесть. Слуги вождя вождей засуетились, уловив понятный лишь им жест старика. В один миг появились кресла, столики с напитками и орешками. Вождь вождей был более чем немногословен. Он испытующе взглянул сначала на меня, потом медленно перевел взгляд на других. Я догадался, о чем он думал. Когда мне передали, что вождь вождей, который сегодня занят, хотел бы видеть советскую писательскую делегацию завтра в восемнадцать ноль-ноль, я ответил: «Или сегодня, или никогда, завтра мы уезжаем». Видимо, он не привык к тому, чтобы время встречи с ним назначал не он, а кто-то другой.

Мы сели друг против друга. Так удобней вести беседу. Старик сопел, кряхтел. Принцы сели на пол, отказавшись от стульев, предложенных слугами. Я не знал, о чем вести разговор, а вождь вождей молчал. Мои впечатления от поездки по стране не вызывали интереса у собеседника. Я спросил, не принимали ли его люди участие в междоусобной войне, но вразумительного ответа не получил. Об урожае спрашивать ни к чему – здесь его снимали три раза в год, спрашивать о количестве жен в его гареме нельзя – государственная тайна. У простых людей это не составляет тайны – едешь по деревне и видишь дома не с плоской крышей, а с куполами. Сколько куполов, столько комнат в доме, столько и жен.

Я заговорил о военных событиях в стране, которые войдут в историю народов, их в Нигерии более четырех десятков, и тут же перешел на опыт создания истории у советских народов, получивших письменность лишь в советский период. Здесь старик оживился, тема заинтересовала его, и в свою очередь

вождь вождей задал несколько вопросов относительно того, каким образом бесписьменным народам удалось проследить свою историю на протяжении веков, а то и тысячелетий.

Пока беседа шла, ни один принц не только не раскрыл рта, но и не посмел краем глаза взглянуть в лицо вождя вождей. На посту стояли и слуги, готовые исполнить любое веление вождя вождей раньше, чем он его выразит словами, жестом или движением мускулов на суровом лице, испещренном глубокими морщинами. Старик, видимо, больше говорил жестами, поэтому достаточно было, чтобы руки, покоившиеся на коленях, зашевелились, как приходили слуги в состояние напряженного внимания и трепетали.

Поздно вечером, когда мы покидали небольшой дворец вождя вождей, принцы снова рухнули наземь и, не отрываясь от земли, попятились назад на четвереньках. Старик оставался на своем месте, пока наши машины не скрылись в ночной мгле. Я подумал, что о нем не скажешь: «товарищ вождь», ибо он не напоминал того, который «рвется в социализм» во главе своего племени.

Один из главных пунктов нашей программы – это праздник по случаю окончания рамадана, красочное зрелище, которым заинтриговал нас еще в Москве Александр Иосифович Романов.

Два дня мы ехали на автомобилях и наконец приехали в город Кано, столицу мусульман. На огромной площади перед соборной мечетью с куполами палевого цвета и высоким резным минаретом, похожим на бойницы крепостей, стотысячная толпа. Люди одеты одинаково – белый балахон и белая тубетейка.

Мусульмане, отслужив утренний молебен, заполнили пыльную площадь и прилегающие к ней улицы. Их были десятки и десятки тысяч и – ни одной женщины среди них, даже девочек. Съехались делегации со всего эмирата. Вожди племен приехали в сопровождении свиты, состоящей из нескольких десятков пестроукрашенных всадников, словно сошедших со страниц сказок. Они гарцевали друг перед другом, старались ошеломить присутствующих своеобразной джигитовкой.

Всадники казались смешными, игрушечными. Лошади, хотя упитанные и резвые, но маленькие, а всадники наоборот, рослые и крупные. Некоторые ногой почти касались земли. По ярким цветам пышной национальной одежды различались племена, а по орнаментам на ножках и богатству убранства рукоятей саблеобразных мечей – звание и титул всадника.

Прогрели выстрелы из допотопных ружей, которые в момент выстрела вырывались из рук, и стрелок шархался в

сторону. Сигнал – внимание! На площадь въезжает эмир. Поли-ция еле сдерживает толпу. Им помогают своего рода «дружин-ники» – люди, увешанные связками колючего хвороста. Если толпа нарушает порядок, они бросаются обнимать людей. По-пробуй, нарвись – не сосчитаешь ран на теле. А на эмира посмо-треть хочется всем. В колыхающейся из стороны в сторону толпе немало людей, шедших сюда не один день, чтобы своими глазам узреть владыку, приравненного к лику святых. На глино-битных заборах вдоль улиц по пути следования эмира уселись слепые. Они верят, что, если взглянет мусульманский владыка в их очи, – вернется зрение. Молитвами в честь светозарного, песнями из священных книг, воплями, заклинаниями слепые стараются обратить на себя внимание эмира, которого зовут Альхаджи Байеро.

Владыка едет на белом коне в тесном кольце мюридов. Четверо из них ведут коня под уздцы, следом шествует эмирская кавалерия. Над головой эмира держат огромный, непрерывно вращающийся зонт, украшенный драгоценными камнями. От этого над чалмой эмира словно вспыхивают звезды. Шествие медленно направляется к ковру, разостланному под священным деревом на противоположной от трибуны стороне площади. Там микрофон. Восседавшего на коне эмира мюриды осторожно снимают, ставят на ковер, меняют ему обувь. После чего эмир сделал три шага без посторонней помощи, чтобы по радио обратиться к собравшимся. Над морем белых тубетеек прозвучали его слова:

– Бисмил-ляхи аль-рахмани, аль-рахими...

После приветствия зазвучали карнаи. Мюриды вновь окружили эмира так, чтобы скрыть его от окружающей толпы. Шествие направилось в обратную сторону – во дворец. Заволновались высокопоставленные люди на правительственной трибуне. Когда эмир под завывание труб, барабанный бой и священные песни проезжал мимо нас, члены правительства во главе с генерал-губернатором и премьер-министром штата спустились вниз и пошли к мусульманскому владыке, чтобы принять от него поздравление по поводу праздника.

Вскоре началось торжественное представление. Вожди племен старались не ударить лицом в грязь. Их всадники вихрем проскакали по площади, показали свое искусство джигитовки. На полном скаку они осаживали коней и снова, сорвавшись с места, неслись в сторону священного дерева, демонстрируя ловкость, изящество, грациозность и богатство экипировки.

Всадники уступили арену для циркового представления. Появились виртуозные велосипедисты. Видимо, отец и сын. Они неслись по кругу на одном велосипеде, выделявая акроба-

тические номера. Кто-то смешил людей на ходулях, подражая велосипедистам. Мальчишкам огромную радость доставили козы, вылетевшие неизвестно откуда. Полиция долго гонялась за козами. Наконец выловили их и по одной, передавая жи-вотных над собой из рук в руки, вынесли на улицу. Паузу, образовавшуюся между цирковыми номерами, заполнили укротители змей. Они, обвитые кобрами, вышли на арену демонстрировать свою власть над змеями. Праздник завершился пальбой из пищалей – своеобразным фейерверком.

Народ еще ликовал на улицах и площадях, когда мы поехали во дворец к эмиру. У крепостных ворот охрана нас не остановила, была предупреждена о нашем визите, но нашу машину не очень близко подпустили к порталу, где нас ожидал эмир в белой национальной одежде, усыпанной драгоценными камнями. Это был высокий молодой, лет тридцати шести, мужчина в шелках, парче. На ногах домашняя мягкая обувь с двумя большими брошами из золота. Сквозь почти прозрачную улыбку проглядывала усталость от празднеств, бесконечных визитов, приемов. Молодое, улыбчивое лицо выражало жажду встреч с неофициальными лицами.

Под ласковое шуршанье шелка эмир повел нас через апартаменты старинного дворца в зал приемов. Вдоль стен стояли разодетые мюриды, с любопытством разглядывавшие нас. Это были пожилые люди. Они как бы про себя, но достаточно громко, чтобы слова долетали до слуха владыки, произносили корот-кие фразы, адресованные эмиру: «Да не будет конца твоему владычеству», «Пусть земля не чувствует тяжести твоих ног», «Веди нас путями праведников», «Луна подарила тебе плавную походку».

Владыка сел на трон, устланный медвежьей шкурой, при-гласил и нас сесть в кресла, поставленные в два ряда. Наступила тягостная пауза. Чтобы ее заполнить, Александр Иосифович Романов сказал:

– Наш гость Алим Кешоков тоже из мусульман. – И тут же добавил: – Правда, суры из Корана он забыл...

– Ваше величество, – обратился я к эмиру, – я бы просил вас стать моим высоким свидетелем и подтвердить советскому послу, что Алим Кешоков сур из Корана не забыл: бисмил-ляхи аль-рахмани, аль-рахими. Кулху-аллаху ахадун, аллаху самадун, лям елад уа лям юлад, уа лям екун, лаху, куфуан ахадун... Ваше величество, я не сделал ошибки?

Эмир сделал удивленные глаза. Он опешил... Но не менее был удивлен наш посол, не ожидавший от меня такой прыти.

Эмир сказал:

– Нет, не заметил ошибки.

Альхаджи Байеро не был мусульманским фанатиком, он кончил Кембридж, был послом в Скандинавии, отлично владел английским языком, знал тонкости дипломатической службы. Он мог сделать успехи на этом поприще, если бы не случай. Его отец, который был эмиром, вмешивался в государственные дела, иногда противопоставлял себя представителям власти, призывал мусульман к неповиновению, если находил, что правительство выносит неправильные решения. Старого эмира предупреждали не раз, чтобы он ограничивал свою деятельность сферой религии. Но старик все равно ставил палки в колеса правителям штата. Тогда власти сместили его, а чтобы он не поднял мусульман на защиту своих привилегий, на его место поставили сына. Старика пришлось смириться, передать власть сыну.

Пока я читал суру из Корана, в зал вошел с белой бородкой старый мюрид. От дверей он пополз на четвереньках, не отрывая носа от ковра. На четвереньках не то слово, потому что старик в правой руке держал скипетр – длинную палку из слоновой кости, украшенную драгоценными камнями и золотой инкрустацией. Мюрид положил ее к ногам владыки и, так же не отрывая носа от ковра и не взглянув в очи эмира, подался назад. Может быть, этот символ власти сын принял от отца.

Эмир, узнав, что я пишу стихи, попросил прочитать хотя бы несколько строк. Прозвучала кабардинская речь. Эмир еще больше поразился, когда ему потом объяснили, что народ в несколько сот тысяч в Советском Союзе имеет свою литературу, печатает книги на родном языке, развивает театральное искусство, имеет своих композиторов, художников. Эмир слушал и покачивался на белом троне, выражая свое восхищение.

Наш друг и переводчик Виктор Рамзес превзошел самого себя в переводческом искусстве, когда тут же перевел мои стихи на английский с моих слов и переписал набело. Эмиру хотелось получить эти стихи на память о нашей встрече. Лист бумаги протянул ему я. Он еще раз пробежал по строчкам и, кивнув головой в знак благодарности, спрятал бумагу в складках эмирской одежды.

Прощаясь с мусульманским владыкой, советский посол пригласил его на прием, который посольство устраивало в честь нашей делегации. Эмир принял приглашение, но я считал, что это просто дипломатическая вежливость. От Кано до Лагоса ни много ни мало восемьсот километров, всегда найдется причина, чтобы отказаться от поездки, но эмир прилетел на своем самолете в назначенный день и час.

На приеме нигерийские друзья преподнесли нам подарки – по костюму вождя племени йоруба. Костюмы различались лишь по цвету и отделке. Тут же мы облачились в этот наряд, в

котором особенно смешно выглядел Юрий Нагибин.

Почувствовав себя вождем без племени, он сказал:

– Приеду в Переделкино – буду ходить. Пусть воздадут все почести, что полагаются вождю племени.

– А по истечении семилетнего срока что ты запоешь? – напомнил я ему жестокий закон.

БОРУНДА

Писать об Индии я не собирался, хотя иногда даже достаточно просидеть в аэропорту сутки из-за нелетной погоды, чтобы под путевыми заметками поставить город и дату. Но не все зависит от твоей воли и настроения. Доказательство тому то, что все увиденное и взволновавшее меня в Индии настойчиво требовало писать. И мне ничего не оставалось, как подчиниться воле сердца.

Расскажу об одной деревне на юго-западе Индии, в штате Раджастан. Не потому, что этот штат дружит с Латвией и временами они обмениваются делегациями. Деревня, о которой я хочу рассказать, как бы выражает не только многовековое прошлое, которым индусы по праву гордятся, но и будущее Индии, ее решительное наступление на вековые пережитки, стремление к прогрессу, стремление выйти из состояния застоя и поставить на службу народа природные богатства страны.

Деревня называется Борунда. О ней мы слышал еще в Дели, когда говорили, что региональная писательская конференция в Раджастане будет проходить не в столице штата, а в сельской местности. Сколько от аэропорта до этой деревни – никто не знал.

Нам хотелось, чтобы в деревне, помимо древнейших храмов, дворцов, была приличная гостиница.

Давний «индус», Игорь Серебряков, проработавший в этой стране восемь лет и удивлявший меня тем, что вдруг неожиданно обнимался с каким-нибудь прохожим на улице или залезал в магазин к купцу, который восторженно зазывал его к себе, словно пол-Индии числилось в его кунаках, сделал вывод:

– Писательская конференция в деревне? Хотят подчеркнуть, что литература не отрывается от жизни.

Несколько часов лета. И если бы не одинокий домик, похожий на заброшенный старый полевой стан или сторожку, можно было подумать, что мы приземлились в пустыне. У сторожки на солнцепеке «дожаривалось» несколько блеклых автомашин.

Мы не сомневались, что на них приехали встречающие нас писатели. Но не успели оглянуться, как лимузины один за другим исчезли. Остался «джип», всем своим видом доказывавший свою «деревенскую» прописку.

Мне уступили место рядом с шофером. Остальные разместились на заднем сиденье, ухватившись за металлические стойки, поддерживавшие не покоряющийся ни солнцепеку, ни тропическим ливням тент.

После кратковременного отдыха в гостинице, куда за нами «прилетел» завтрак-континенталь: яичница и корнфлекс, не вызывавший аппетита, мы тронулись в путь по узенькой проселочной дороге.

Нам предстояло проехать, по словам хозяев, миль тридцать. На дороге колдобины, и мы, завидев на горизонте деревню, все время повторяли один и тот же вопрос. «Долго еще?» На что отвечали: «Скоро». И это звучало, как призыв к терпению.

Машина пылила все дальше и дальше. Мы ехали по безводным просторам, изрезанным высохшими руслами рек и усеянным редкими чахлыми деревьями, похожими на ободранные ветрами большие зонты, которые вкопаны путниками в землю и забыты, или черные войлочные шляпы горцев Кавказа, посаженные на колья.

Наконец Борунда. Деревня родилась в «каменной постели». Ее возраст – два десятка лет. Дворов пятьсот. Вокруг все новое – дома, заборы, водопроводные каналы. Деревне повезло. Под ней «земля» из камня, который режется на большие пластины. Из них можно вырезать любой длины и ширины доски, балки для межэтажного перекрытия, кирпичи для кладки стен, даже сиденья для скамеек и штакетник для оград.

Нам представили главу деревни, плотного, среднего роста и, по всему видно, волевого человека лет тридцати пяти – сорока, по имени Чандидан. Это он любезно послал за нами свой «джип». Мы оказались его личными гостями.

«Премьер» деревни, как его с уважением называют, действительно в пределах своего владения единоличный вершитель судеб. Без его воли «с головы не упадет волос». После нелегкой дороги нам разрешили провести часок-другой в доме хозяина деревни, подремать на лежаках, завешанных со всех сторон марлей – защита от москитов.

На короткое мгновение показалась женщина. Не успели ее поприветствовать, как она выпорхнула в одну из комнат небольшого двухэтажного коттеджа с цементными полами. Показалась еще женщина, потом третья. Чандидан не познакомил нас ни с одной из них, и которая из них его жена – осталось неизвестным.

Дома братьев, основателей деревни, похожи друг на друга,

как братья, и стоят они рядом. Их разделяет глухая каменная ограда. У каждого свой двор. Трактор, насосное хозяйство, оро-сительная система являются собственностью деревни, жители которой отважились объявить войну пустыне, бросить, каза-лось, безрассудный вызов голым камням, простирающимся на сотни миль вокруг. Путник, очутившийся в этих местах без запаса воды, погибал от жажды, а о растительности и речи не могло быть. Когда Чандидан от имени своих братьев обратился к властям за разрешением поселиться здесь, на него посмотрели с недоумением как на сумасшедшего и махнули рукой: бери, дескать, сколько хочешь.

Над братьями смеялись, когда они начали рыть колодец. «Рыть», верней долбить, киркой базальт толщиной в сотни метров, вгрызаться в камень с помощью зубила и молотка. Подняли голос служители религиозного культа: «Бросьте кошунствовать, бог не дал этой земле воды за грехи. Не надо ее искать. Этим только навлечешь на себя гнев бога».

Не хватало знаний, техники, людей. Пригласили инженера. Чандидан не пожалел денег, на которые он собирался строить дом. Семь сильных мужчин во главе с инженером день и ночь «клевали» камень. Пятьдесят-шестьдесят сантиметров – их дневная выработка. После первых десятков метров, а то и того меньше, пришлось нанимать рабочих. Между братьями участились споры. Спускавшийся в колодец на глубину в сотню метров требовал поднять его наверх немедленно: страх овладевал человеком в кромешной тьме, от недостатка воздуха он начинал задыхаться.

Снова беда – инженер, боясь ответственности, сбежал, когда один из нанятых парней задохнулся на дне каменного брюха. Погибший парень был из низшей касты – касты неприкасаемых. Самая дешевая рабочая сила. Люди этой касты по старым законам не имели никаких прав. Ныне действуют иные законы, охраняющие неприкосновенность всех людей, но традиции еще тлеет в недрах пережитков прошлого, и сейчас встречаются люди, которые не подадут руку человеку из касты неприкасаемых и не впустят его в свой дом. Были случаи и жестоких расправ над неприкасаемыми за пустяковое нарушение традиционных норм жизни.

Чандидан ухлопал на колодцы не только свои сбережения, но и сбережения братьев. Не стало охотников спускаться на дно ямы. Чем глубже рыли ее, тем дороже приходилось платить. Когда даже из касты неприкасаемых никто не хотел спускаться на большую глубину, братья были вынуждены сами по очереди продолжать долбить скалу. И вот наконец награда.

Вода! Чистая, как роса, и приятная на вкус!

Весть об этом потрясла всю округу.

Служители религии завопили: не смейте пить эту воду. Она станет источником болезней. Воды в колодце оказалось столько, что Чандидан, докопавшийся до водоносного горизонта, чуть не утонул, еле успел выбраться.

Теперь надо достать насос, трубы, качать воду, пустить ее на полив. Скептики снова предостерегали: не взойдут всходы от такой воды. Но вскоре увидели обратное: каменные степи, степи бесплодия, похожие на просторы бессмертия, обрели новую жизнь, появилась бурная растительность. Земля, не рожавшая никогда, оказалась невиданно плодородной.

В пустыню потянулись новые энтузиасты. Бери любой участок, селись и добывай воду. Чандидан взялся за второй колодец, а дальше третий, четвертый... На полях уложили трубы водопровода, появились оросительные каналы. За короткий срок в деревне выросло четыре сотни дворов. Главой, конечно, был избран человек, нашедший в пустыне воду, – Чандидан. Правительство наградило его орденом.

К нашему приезду в деревне было пятьдесят два колодца. Вода уже текла по каменным желобам самотеком: пей, бери сколько хочешь, купайся, никакого ограничения. Десять лет назад доходы жителей деревни составляли 50 тысяч рупий (примерно 4200 рублей), а теперь сумма дохода выросла до 11 миллионов.

И опять нашлись недоброжелатели, готовые охаять подвиг братьев, вступивших в схватку с голодной пустыней. Они говорят, что, дескать, деревня пошла по капиталистическому пути развития. А между тем была попытка распространить кооперацию на всю деревню, ввести коллективные начала в ее жизнь. Но не хватило ни знаний, ни опыта организаторской работы. Да и маленький островок в океане капиталистического окружения не мог бы устоять от грозных волн, обрушивавшихся на его еще зыбкие берега. Кооперация распалась.

Конференция писателей проходила в одной из классных комнат средней школы, построенной на общественные средства деревни. Участники устроились на разостланных на полу кошах, коврах и циновках. Президиум размещался на подмостках, устланных ковром. Не было привычного стола. Обязанности председательствующего заключались в том, чтобы поочередно передавать микрофон выступающим. На конференции и говорили, и слушали сидя, а то и полулежа или совсем лежа. Мальчишки, перешагивая через лежащих, разносили воду. От бесшумных фенов, укрепленных под потолком, веяло прохладой.

Наступил обеденный час.

Нас пригласили в соседнюю комнату, где на столах были

расставлены дымящиеся и распространяющие вкусный аромат яства.

Медлительность здесь была излишней. Этот вывод сделал я не без некоторого опоздания, когда заметил, что образовалась плотная стена людей, хорошо разбирающихся в национальных блюдах. Минута – и в больших мисках не осталось ничего. Но тут же на столах появились новые кастрюли, сковородки, соусники, гусятницы с отварным рисом, тефтелями, сладкими блюдами и соусами из бобов. Теперь и мне удалось наполнить свою тарелку.

Попробовал на вкус – во рту вспыхнуло пламя, почувствовал недостаток воздуха. В каждом блюде оказалось столько обжигающего перца, что, думал, сгорит язык, если не запить чем-нибудь. А чем? Сухой закон. Бутылка вина стоит столько, сколько средней заработной платы рабочего в месяц, а коньяк и того дороже. Среди индусов редко кто пьет. Вспомнился недавний обед у директора крупного предприятия, довольно состоятельного по индусским условиям человека. Даже он оказался таким воинствующим трезвенником, что при нем не посмел принимать спиртное его родной брат, предусмотрительно прихвативший с собой «свой запас».

Я все-таки ел, чтобы не остаться голодным. На жареном куске мяса такая аппетитная хрустящая темно-оранжевая корочка, но она из перца. Посмотришь – не удержишься, а откусишь – спешешь проглотить эти горячие угли.

Обеденный перерыв длился не более тридцати минут. Участники конференции снова заняли свои места в зале заседания. У дверей образовались горы разной обуви, как у входа в мечеть. Пришлось и нам последовать примеру хозяев – разуться, чтобы по коврам не ходить в обуви. В зале оживились, когда я сел. Снисходительный взгляд бросил в мою сторону и председательствующий. Оказалось, что подушку надо было подложить под бок, а я свернул ее вдвое и сел на нее верхом. Ошибку пришлось исправить.

Приветствие от советских писателей было воспринято тепло. После заседания мы уединились сначала в доме, а после захода солнца во дворе Чандидана на подстриженной траве.

Цвели розы. Собаки, сторожившие дом, были на редкость мирными. Они не сводили глаз с двери, в которой то и дело показывалась хозяйская девочка лет девяти со своими подружками, чтобы посмотреть на диковинных людей из неведомой страны. С детьми, как и с женой, хозяин не знакомил нас, но мы постоянно чувствовали присутствие домашних.

Беседа с Чандиданом была трудной из-за многоступенчатости перевода. Игорь Серебряков «выкручивался», используя свой запас знания индийских языков. Желание поговорить было

настолько велико, что каждая сторона выискивала какие-то дополнительные средства выражения в виде отдельных слов и жестов.

Чандидан часто обращался к легендам, пословицам, поговоркам. Это придавало его речи эмоциональную окраску, точность и выразительность. Стоявшие рядом братья Чандидана подливали нам чай и почтительно молчали. Они только кивали головой, когда Чандидан говорил о планах, которые не только вынашивают братья, но и последовательно воплощают их в жизнь.

– Чего не хватает, чтобы ваши дела пошли успешно? – хотелось, чтобы Чандидан рассказал о трудностях, которые им приходится преодолевать.

– Положения члена парламента.

Мы посмотрели на Чандидана. Я думал, он улыбнется. А он сказал это не ради шутки. Угадав наше недоумение, хозяин тем же тоном продолжал:

– Облысели у нас некоторые законы, как автомобильный скат. Надо их менять, чтобы дело не буксовало...

Будь Чандидан членом парламента, он внес бы на утверждение новые законопроекты о равенстве народов, значит, и языковом равенстве, ввел бы новый порядок землепользования, упразднил бы привилегии раджей и помещиков...

А как стать депутатом парламента? Конечно, не теми путями, какими хотел один незадачливый йог, приобретший скандальную репутацию. Йог объявил, что он пройдет по воде, не замочив ног. Желаящим видеть своими глазами чудо предлагалось приобрести билет за баснословную цену на трибуну специально сооруженного бассейна. Нашлись любители сенсации, которые разнесли весть о чуде, будоражили умы, создавали ажиотаж вокруг предстоящего представления йога.

Настал долгожданный день и час. Счастливые обладатели билетов заняли места на трибунах. Вокруг бассейна собралась толпа мечтавших увидеть «чудотворца» хоть краем глаза, йог явился в сопровождении мюридов. Трибуны замерли в ожидании чуда. Йог традиционно вознес сложенные ладони к богу, прочитал внятно молитвы и шагнул... Не поверили глазам присутствующие – йог пошел не как Иисус Христос по поверхности воды, а плюхнулся на дно. Над водой только на миг мелькнула его потрясенная и недоумевающая физиономия.

Чудотворца извлекли из воды. Через минуту по радио объявили: йог извиняется. Оказывается, на днях он упал, и из-за этого был нарушен баланс внутренних сил: не смог набрать столько воздуха в кишечник, сколько необходимо, чтобы... не пойти ко дну.

Устроители зрелища пообещали, что представление пов-

торится через двенадцать дней. Билеты будут действительны.

Газеты, потешаясь над легковерными, писали, что, мол, кое-кто хотел увидеть чудо своими глазами. И увидел. Разве не чудо, что на трибунах бассейна собралось вместе столько чудаков? Разочарованные требовали возврата денег, наказания тех, кто пытается нажиться на темноте людей.

Йог, посмеивавшийся над жаждущими увидеть чудо, испугался и объявил о своей болезни. Но все же он успел собрать солидный куш, приобрел известность. Подошло время выборов в верховный орган власти – выдвинул свою кандидатуру. Верхом на «чуде» хотел пробраться в правящие круги. Но даже в Индии в наши дни чудес не бывает.

Чандидан тоже смеется:

– Йога надо опустить не на дно бассейна, а на дно колодца. Добывать воду из глубины земли – действительно чудо. Йогу поверили, когда он обещал, что пойдет по воде. А нам не все поверили, когда мы обещали людям вовсе не чудо, а только воду, хотя добыть ее среди этих камней действительно чудо...

Вспомнили случай в Индонезии. Оказывается, не только индийские йоги изощряются, чтобы добыть средства к существованию. Одна женщина в Индонезии с помощью электротехники пыталась обмануть доверчивых мусульманок. Она намотала на себя гору ткани и говорит: беременности у меня восемнадцать месяцев, а разродиться не могу. Слышу, во мне ребенок читает суры из Корана, временами даже постится...

Нашлись легковерные, которые попались на удочку, стали трубить: «Вот вам чудо, а говорили, что чудес не бывает». Любопытные женщины подсаживались к «беременной». Действительно, слышно, как младенческий голосок в утробе матери читает священные суры из Корана. Сердобольные и суеверные женщины одаривали свою соплеменницу всем, чем могли.

Возникали уже легенды. В этом видели знамения каких-то возможных потрясений. Люди стали волноваться. Надо было разобраться в «чуде», и полиция занялась этим. Она пригласила женщину в участок и при людях, чтобы было достаточно оче-видцев, разоблачила любительницу легкой наживы. Сначала авантюристку повели на рентген, а потом предложили ей размотать тряпье, которое она намотала на себя. Ларчик открылся просто – из складок тряпья был извлечен крохотный магни-тофончик с записью сур из Корана.

Если бы индус со своей изобретательностью, выдумкой, усидчивостью и долготерпением начал заниматься электро-техникой, сомнения нет – могло бы действительно получиться

чудо. А деревне нужна вода. Нужны тракторы, машины, удо-брения. Да, побольше бы таких чудес на облысевших пустынях с развалинами древних крепостей, храмов, дворцов, тогда и Борунда не была бы единственным зеленым костром, заж-женным среди моря песка. А сколько надо таких костров, таких деревень, как Борунда, чтобы преобразовать лик земли.

Народы Индии мудры и изобретательны. Когда-то они умели громить полчища иноземных захватчиков обученными слонами, которые с диким ревом бросались на врага, топтали войска и обращали в бегство пришельцев. Теперь слоны не защита от агрессоров, а тем более от нищеты. Надежным щитом от вековой нужды может быть только зеленый заслон в виде орошаемых полей, возделываемых на основе агротехники, и, конечно, новых социальных преобразований.

Маленькая Борунда – прообраз будущей индийской деревни, хотя в ней еще далеко не все устроено так, как хотелось бы, но в ее судьбе видишь судьбу страны...

– Наша госпожа, – продолжает Чандидан, сделав ударение на «госпожа», как бы подчеркивая этим свое глубокое уважение к премьеру страны, – тоже добывает воду в пустыне. Только у нее пласты другие. Водоносный горизонт залегает еще глубже. Прорубить напластования тысячелетней истории – нужен особый инструмент, помимо лома и ступы. Индире Ганди не одну деревню надо накормить, а всю страну, свыше пятисот миллионов. Накормить и одеть, чтобы среди других держав Индия не стыдилась своей наготы. Нелегкая эта задача. История взвалила ее на плечи нашего поколения, которое ведет Индира Ганди. Мы верим ей! Она несет в сердце думы всех слоев общества. К сожалению, не все пекутся о благе народа, как она. Около премьера немало таких, которые мешают ей. Раджи, капиталисты, помещики. Люди из прошлого. Когда-то они запаслись законами, которые их устраивают, и зубами держатся за них, не хотят менять... Держат страну на привязи у прошлого, а нам надо смотреть вперед, в будущее...

Чандидан, увлеченный своими планами, сказал, что он задумал построить два завода в деревне: один по производству запчастей для автомобилей, другой – по переработке овощей. Естественно, возник вопрос: будут ли рентабельными эти предприятия? В этом-то он уверен. По его мнению, человеку надо один раз подсказать, как работать, а там дело пойдет. Его соотечественник схватывает быстро. Что увидят глаза, то делают руки.

Так получилось и на металлургическом заводе.

Сначала не все шло гладко. Завод никак не мог взять нужный темп. Но вот пришел новый директор, настоящий организатор,

вожак производства. Он ввел такой метод производства, какой в Индии не видали никогда.

Скажем, рабочий выполнил производственный план. В цех приходит директор и поздравляет передовика производства. На другой день в газете снимок: директор завода обнимает рабочего. Таковую же фотографию шлют жене рабочего. На территории завода доска Почета с портретами рабочих – передовиков. По праздникам директор завода поздравляет рабочих, членов их семьи. Невиданное дело! Это всколыхнуло рабочих. Еще бы! Человек в цене! Человеку почет... И человек менялся, менял и свое представление о работе, стал понимать, что не тот достоин повышения, кто больше проработал, а тот, кто лучше освоил производство, знает свое дело, владеет техникой.

Еще помнят случаи, когда иной немного порабатает и пойдут к соседу болтать, а то и завалится поспать, особенно в жару. А потом, по истечении срока, заявляет: повышай меня, я имею два года стажа. Пришел новый директор, и с этим было покончено. Передовые рабочие вместе с общественностью и администрацией навели дисциплину, индус-рабочий научился работать: что увидели глаза, то и стали делать руки. И вот итог – завод стал давать прибыль.

Некоторые предприниматели, чтобы металлургический завод, построенный с помощью Советского Союза, захирел, покупали металл не отечественного производства, а на международном рынке, на стороне. Кто поверит, если такой предприниматель скажет: и я пекусь о благе народа? Такой индус цепко держится за камни мирового капитала. За объедки со стола капитализма этот «патриот» отдаст и честь и совесть.

Вспомнили недавний случай, вызвавший в стране и за ее пределами немало толков. Дипкорпус провожал на аэродром премьеру, которая вылетала за рубеж. Среди послов не было лишь одного. Его отсутствие не могло быть незамеченным. На другой день на вопрос журналистов у посла не нашлось другого ответа: проспал. После такого ответа кто-то послал ему будильник. Чего доброго, можно проспать и интересы страны.

Чандидан всеми своими помыслами и делами обращен в завтрашний день. Он знает, в стране есть свой металл – недавно опять пустили новую гигантскую домну. Будут и машины, в том числе трактора и сельскохозяйственный инвентарь. Значит, понадобятся запасные части к ним. Вот почему задумали братья построить за счет доходов деревни два завода по производству запчастей. Уже заложены фундаменты корпусов будущих предприятий, рядом – здания большой автобусной станции с гостиницей, магазина, гостиницы, больницы.

Обозначились контуры парка. Все это могло показаться

фантазией, если бы не именно он построил разветвленную оросительную систему, обеспечивающую полив всей посевной площади, великолепную школу, насосные станции, если бы за счет добровольных отчислений от прибылей не содержал раджастанский фольклорный институт с коллективом научных работников и типографией, если бы не было подведено под крышу новое двухэтажное здание для этого института со всеми кабинетами и новейшим оборудованием.

Мало того, деревня Борунда установила ежегодную литературную премию в тысячу рупий за художественное произведение, посвященное деревне.

Теперь понятно, почему писатели штата решили провести свою региональную конференцию именно здесь, а не в столице штата, известной своими храмами и роскошными дворцами. Писатели штата этим выражали свою благодарность жителям деревни за их вклад в развитие раджастанской литературы. Чтобы оценить его значение, следует заметить, что в Индии пока не все языки равноправны. Они делятся на «конституционные», то есть признанные конституцией страны и могущие рассчитывать на помощь со стороны государства для дальнейшего своего развития, и «неконституционные», то есть языки, которые не могут рассчитывать на поддержку со стороны государства.

На конференции одной из острейших проблем была языковая проблема. Писатели в один голос требовали «конституционных» прав для раджастанского языка, на котором говорит пятнадцать миллионов населения и существует огромное поэтическое наследие, уходящее корнями в глубину веков.

Четвертая конференция писателей стран Азии и Африки, на которую избирались делегаты от каждого штата, сыграла положительную роль и в смысле консолидации писательских сил в стране, укрепления уверенности в благоприятной перспективе дальнейшего развития национальных литератур. На региональных конференциях ставились назревшие вопросы национального возрождения. Требование писателей было выражением дум и чаяний народных масс. В этом мы убедились, когда после конференции всех поэтов пригласили на мушаиру – поэтический турнир, во дворе института фольклора.

Двор не смог вместить всех желающих послушать поэтов. Люди устроились на крышах соседних домов, на заборах, деревьях и высоких башнях. Раджастанцы целыми семьями пришли из соседних деревень, прихватив с собой еду и даже постель для детишек. Ведь мушаиры иной раз длится до утра!

В организации мушаиры немалую роль сыграл тот же Чандидан, без участия которого в деревне не проходит ни одно событие.

В торжественной приподнятости, охватившей поэтов и чита-

телей, верней слушателей, потому что среди присутствующих грамотных людей было мало, чувствовались пробудившиеся национальные чувства и самосознание, желание показать творческие возможности, заложенные в народе.

Зал вспыхивал, замирал, волновался. Ни одна поэтическая фраза не проходила мимо ушей. Слушатели жадно ловили каждое слово, движение мускулов лица поэта, выражение глаз, каждый вздох, взлет бровей.

Иногда зал гудел, каждый вслух выражал одобрение, восхищение, а поэт, заражаясь настроением слушателей, читал самозабвенно, а то и пел, обращаясь к звездам ночного неба, к шуршащей листве деревьев, к сверкающим глазам людей.

Нелегко было мне выступить, а пришлось.

С кабардинского я сделал подстрочник на русский язык, Игорь Серебряков перевел их на английский, а раджастанский поэт тут же прочитал их на своем языке. Когда очередь дошла до нас, мы втроем подошли к микрофону. Я прочитал на кабардинском языке, потом эти стихи прозвучали на разных языках. Даже такая многоступенчатость перевода не убила интереса к прочитанному. Конечно, это объяснялось прежде всего тем, что в деревне, куда не ступала нога советского человека, выступали люди из Советского Союза.

На сцене вместе со старейшими поэтами штата сидел и Чандидан. Это было высшим выражением признательности за его общественную деятельность.

Неизгладимое впечатление произвел старейший поэт-сказитель, старик демонического вида, аккумуляровавший в своей удивительной памяти устное поэтическое творчество своего народа. Глядя на него, я видел живого, вдохновенного Гомера, покоряющего слушателей необыкновенной силой поэтического слова.

Его манера читать стихи была бесподобной. Восемь ли строк в строфе или двенадцать, строфа читалась на одном дыхании.

Клокочущие строфы, словно огненные струи, разлетавшиеся фейерверком, выбрасывались из его уст в оцепенелый зал.

Да, только Гомер мог быть таким, как этот старик, перед которым все поэты склоняли головы и обращались к нему со словами «учитель Бишандан». Костистый, сухопарый, рослый, с клоками свинцовых облаков вместо бровей, с глубоко сидящими мудрыми глазами девяностолетний поэт был еще бодр и даже силен не только духом, но и физически. Его сдержанный голос гремел, как рокот водопада, спрятанного в глубине пещеры, звучал естественно, просто, без напряжения, но властно и проникновенно.

В конце мушаиры нам, советской писательской делегации,

преподнесли двенадцать томов раджастанского фольклора, изданных деревенским фольклорным институтом. «Деревенским» лишь потому, что содержится за счет деревни. Книжки, как и ежемесячный литературный журнал, напечатаны в типографии института.

Вспоминая все это, думаешь, как многое могут сделать люди. В недрах народа Индии дремлют еще сотни тысяч таких Чандиданов, способных всколыхнуть огромные массы людей.

В Индии собирались виднейшие экономисты, социологи, политики – около трехсот крупнейших ученых страны. Главная проблема, стоявшая на повестке дня, – какое количество населения может прокормить индийская земля?

Существует мнение, согласно которому в стране может прожить около трехсот миллионов человек. Такая постановка вопроса имеет серьезное основание, ибо трудно сказать, что больше – воды в Индийском океане или бедняков в Индии? Ученые долго спорили, вносили разные предложения. Даже самые оптимистически настроенные люди, возлагавшие большие надежды на агрономическую науку и сельскохозяйственную технику, не могли ответить на вопрос, а как быть с растущим «излишком» населения...

На главных автомагистралях, улицах и площадях городов, в деревнях часто можно видеть красочный щит с изображением красного треугольника и молодой улыбающейся супружеской пары вместе с двумя их счастливыми ребятишками. Это наглядная агитация, призывающая планировать свою семью – ограничиться двумя, максимум тремя, детьми. Агент по семейному планированию – частый гость в домах. Его обязанность – пропаганда сдерживания роста семьи. Деятельность таких агентов сталкивается с религиозным барьером.

Идея семейного планирования мне показалась нежизненной, но, побывав в Бенаресе – священном городе, расположенном у слияния Ганга и Джамны, куда ездят паломники, я решил, что в условиях Индии она не лишена здравого смысла. К священному месту у древнего города стекаются люди со всей страны, в том числе и из-за рубежа, для «очищения» от грехов.

Еще до восхода солнца в гостинице звенит колокол. Подъем. Обитатели спешат к месту слияния рек. Народ валит сплошным потоком. Паломники спешат занять место в реке, на бегу бормоча молитвы. Спешат не только те, кто прибыл сюда из-за тридевяти земель, но и те, кто хочет подработать на этом. Они запечатлевают на пленку необыкновенное зрелище. Ковыляют старики, словно нарядившиеся в одежду персонажей индийских сказок и легенд, привлекающие к себе внимание бесчисленных групп туристов. Снуют между взрослыми детишки, которых

подняли на рассвете родители, – может, удастся выклянчить подавание у богатых людей.

В надежде на исцеление от вод священной реки сюда стекаются больные и калеки. Встречаются и прокаженные, которых следовало бы изолировать от общества. От них шарахаются туристы, увидев обрубки рук, провалившиеся носы, изуродованные ноги. Заметив туриста, гиды-добровольцы кидаются к нему, стараясь перехватить друг у друга клиента. Их так много, что иной турист не знает, как отбиться и от гидов, и от агентов торговых фирм, которые хотят во что бы то ни стало всучить ему какой-нибудь сувенир, и от нищих, окружающих жертву плотным кольцом. А тут еще за приездом неотступно следуют чистильщики-мальчишки. Если добровольно не дашь им заработать, они мигом смажут обувь чем-то белым, и тогда волей-неволей поставишь ногу на ящик.

Огромная масса людей заполняет русло реки.

Молящиеся становятся лицом к востоку. Над рекой слышится монотонный говор – это паломники читают слова молитвы, обращенные к посветлевшему небу, к восходящему солнцу, к покрасневшему от багрового света небосклону. Люди в испуге и отчаянии, полные веры и надежды, с мольбой на устах, стоят в воде. Ждут нового утра в жизни, держат сложенные вместе ладони перед лицом. Как только восходящее солнце выбросит багровую ковровую дорожку на тихую гладь широкой реки, в глазах людей вспыхивает тусклый свет надежды на прощение грехов, часто даже не совершенных ими.

Какие могли быть грехи у одиннадцати-двенадцатилетних вдовушек, стоящих особнячком в реке? Они не успели сделать ни одного самостоятельного шага в жизни. Все, что случилось, случилось помимо их воли...

А могло случиться следующее. Девочки росли в нищете, возможно, попрошайничали. Сквозь лохмотья проглядывала стройная женственная фигурка. Какой-то старец пожалел девочку, объявил ее своей женой, но сам недолго прожил. Душа старца вознеслась в небо, чтобы по воле бога переселиться в другую плоть, а жена овдовела. И теперь на руке ее – стальные кольца, символ одиночества.

В основе идеи семейного планирования заложен гуманистический смысл.

Как не вспомнить строку из народного эпоса: «Боги обитают там, где женщин чтут». Хорошие слова. А как поэтично сказано: «Вначале, когда твашри (бог) взялся за сотворение женщины, он обнаружил, что израсходовал все материалы на создание мужчины и что плотных материалов не осталось. Поразмыслив, он поступил так: взял округлость луны и изгибы ползучих растений, цепкость усиков вьюна и трепет листьев травы, гибкость

тростника и прелесть цветка, легкость листьев и форму слоно-вого хобота, взгляд лани и сплоченность пчелиного роя, веселую радость солнечных лучей, плач облаков и переменчивость ветра, робость зайца и тщеславие павлина, мягкость груди попугая и твердость алмаза, сладость меда и свирепость тигра, жар огня и холод снега, болтовню сойки и воркованье голубя, вероломство журавля и верность дикой утки и, смешав все это, он сотворил женщину и дал ее мужчине».

Так могли сказать только индусы, в сознании которых женщина – божественное создание. Но почему мужчина, которому бог дал такое сокровище, не дорожит божественным «даром»?

Как смотреть на это с вершины современной цивилизации, науки, техники, с вершины фантастических свершений человеческого гения, на то, что происходит на берегах Ганга и Джамны? Здесь, на ровном месте, еще буксует колесо истории. Требуется колоссальный толчок, чтобы вырвать эти массы. Необходим могучий буксир, ибо массы не только должны сдвинуться, но и набрать необходимую скорость, чтобы скорей выбраться на магистральную дорогу современной цивилизации, догнать ушедшие вперед страны и народы.

В Индии это понимают. Есть Чандиданы больших масштабов, думающие о будущем страны, заботящиеся об экономическом прогрессе.

Об одном из них, не называя его имени, я расскажу коротко для того, чтобы показать, каким грузом иной раз оборачивается прошлое Индии, ее «облысевшие» законы, как об этом сказал наш хозяин.

Человек, которого я имею в виду, отдал всего себя делу экономического преобразования страны. Его уже нет сегодня в живых. Занимая видное общественное положение, он целиком посвятил себя воплощению в жизнь своих замыслов, выработал свой стиль работы, отличавшийся деловитостью и точностью. Он был далек от традиционной манеры задавать друг другу сорок восемь обязательных вопросов, если посетитель зашел по какому-нибудь делу, а сразу приступал к обсуждению интересующего обе стороны существа дела. По окончании разговора, он, вместо того чтобы по традиции предложить еще чашку кофе, говорил: «К сожалению, времени у меня в обрез».

Однажды к нему явились сыновья богатого землевладельца и заявили протест против его проекта ирригационной системы.

Проектируемый магистральный канал должен был пройти по землям, принадлежащим им. Под канал уходило значительное количество пахотной земли, водовод делил участок на две неравные части и проходил не там, где им хотелось бы.

С этим они мириться не желали и решили напомнить о своих

привилегиях и правах.

Напрасно было убеждать молодых землевладельцев, что оросительная система строится для всего штата, то есть для всех, и что только вода принесет спасение от нищеты, превратит штат в житницу страны. Братья не хотели поступиться ни одной пядью земли. Перенести водовод в другое место – вот их требование. Они ссылались на свое общественное положение, титулы, силу. Но это не помогло землевладельцам. В ответ на свои призывания услышали:

– К сожалению, времени у меня в обрез...

Это вызвало у братьев-землевладельцев бурю негодования. Как посмел этот энтузиаст выпроваживать их из своего кабинета – их, знатных сынков, молодых раджей?!

– Ну тогда пеняй на себя! – с такими словами молодчики покинули кабинет.

Прошло не так много времени. Человек, задавшийся целью покрыть земли штата разветвленной ирригационной системой, возвращался из столицы ночью. В пути его стала обгонять машина. Когда две машины на короткий миг поравнялись, прогремело несколько выстрелов... На дороге из-под искореженной автомашины извлекли трупы пассажиров, в том числе и труп ревнителя мелиорации. Слова: «времени у меня в обрез» приобрели роковой смысл. Кто стрелял? Неизвестно. Но почерк! Всему миру знаком этот почерк! В стране еще можно нанимать убийцу, если надо «убрать» с пути неугодного человека. Это делается гораздо искусней и проще, чем йоги ходят по воде...

Но все равно на смену старому приходит новое. Теперь многоводные реки Пенджаба питают оросительную систему штата. Земля, голодавшая от века, дает невиданный урожай. На помощь крестьянам пришла наука. Сельскохозяйственный университет в Лудхиане своими опытами, которые быстро переносятся на поля Пенджаба и других штатов страны, открывает огромные перспективы, делает много для того, чтобы Индия стряхнула с себя экономическую отсталость, обрела материальный достаток, дала пищу голодным.

Машины, удобрение, современная агротехника, селекция в сочетании с ирригацией – к этому сводятся рекомендации сельскохозяйственного университета, во главе которого стоит ученый с мировым именем, неутомимый, полный энергии, влюбленный в свое дело и готовый на все ради того, чтобы науку поставить на благо своей страны. Его называют патриархом сельскохозяйственной науки. Университет, возглавляемый им, занимает огромную территорию – целый город со сложным хозяйством, лабораториями, опытными участками, учебными корпусами, общежитием для студентов и коттеджами для преподавателей.

Районированием новых сортов пшеницы, внедрением достижений науки занимаются преподаватели вместе со студентами. Нередко крестьяне сами приезжают, чтобы своими глазами увидеть, как возделывается та или иная культура.

Наш хозяин – Чандидан – знает об этом ученом, руководствуется его рекомендациями, восхищается его опытами. Еще бы!

Сто двадцать центнеров пшеницы с гектара! Это годовой урожай не только с опытных участков университета. Такой урожай снимают в хозяйствах, где обработка земли проходит под наблюдением ученых. В университете обучаются студенты со всей страны. Значит, богатейший опыт, приобретенный ими, они разнесут по всей Индии, помогут крестьянам, которые все еще обрабатывают землю примитивным способом, получать более высокие урожаи.

А полив? Под палящим солнцем две женщины держат за длинные веревки корзину, плотно сплетенную из мелких ивовых прутьев и напоминающую рогатку. Раскачивая эту корзину, они зачерпывают воду внизу и выплескивают ее наверх, на крошечное поле, лежащее выше лужицы, откуда берется вода. Сколько надо труда и времени, чтобы этим способом полить хлебное или рисовое поле? А таких поливов за вегетационный период множество. Люди почти не покидают своего поля в течение целого года. Один урожай снял – засевай снова и снова поливай непрерывно.

Когда видишь все это, начинаешь понимать, с каким трудом здесь люди добывают свой хлеб. Его скорей выжимают из земли мускульной силой. А много ли выжмешь таким способом. Не зря обсуждают эту проблему ученые, размышляют над ней государственные деятели.

Великий индийский поэт-мыслитель Калидаса на полтора тысячелетия раньше, чем европейские ученые, высказал мысль, что мир не создан для человека и человек лишь тогда встанет во весь рост, когда осознает достоинство и ценность жизни.

Индусы все больше и больше осознают теперь достоинство и ценность жизни и хотят встать во весь свой рост, заявить миру, что их великая страна займет свое справедливое место в ряду великих. Для этого у них есть все возможности.

Кавказцы часто сравнивают ночь с черной буркой. Тот, кто видел индийскую ночь, скажет, что для такого сравнения у жителей Индии куда больше оснований. В этом мы убеждались, когда над двориком нашего гостеприимного хозяина наступала ночь.

Электрические лампочки светились слабо. Чандидан уже не просил подогреть чай, которому столько дани уважения

до этого мы ни разу не отдавали. Деревня затихла, чтобы завтра встать с восходом солнца, а в длинной, похожей на ферму, школе, в классных комнатах, прямо на каменном полу спали участники региональной конференции. Писатели тоже долго не засыпали, вели беседу, сидя на краю походной постели. У них было о чем говорить.

Мы ждали, когда хозяин предложит и нам лечь спать. Он все еще говорил о себе, о деревне, об Индии: когда еще представится случай поговорить с русскими. Его волновали все проблемы, какие волнуют страну...

ЗЕРНА НА ДОРОГЕ

Письмо было написано от руки крупными печатными буквами и читалось легко. Конверт и марка с арабскими буквами, почтовый штемпель не оставляли сомнения, что письмо пришло издалека. Автор его, видно, молодой кабардинец, еще не очень освоился с непривычной для него письменностью на родном языке, зато языком владеет свободно. Слова подобраны точные и взволнованные.

Письмо было из Сирии. Его автор сообщал мне, что по моим книгам, которые удалось получить из Нальчика, они воспроизвели алфавит и орфографию кабардинского языка и многие из его друзей теперь могут читать и писать на родном. Доказательство – его письмо, к которому он приложил с десятков фотографий, запечатлевших сцены свадьбы и быта. На групповом снимке помечены имена тех, кого сфотографировали.

Я вспомнил, как мать в годы Гражданской войны грозилась отцу сбежать от бед и нищеты, когда он седлал коня, собираясь уходить в горы вместе с партизанами.

– С врагом сражаться легче, – сердилась она на мужа, чтобы удержать его подле себя. – И враг с оружием, и ты с оружием. Перевес в одном – в мужестве. А против нищеты стоим беззащитные, зато она с оружием. Бегство от нее – вот моя защита.

– Куда ты сбежишь? – спросил отец.

Ему не хотелось уезжать от жены, от двух малолетних детей, не хотелось оставлять их без куска хлеба, но выхода не было.

– В Сирию – вот куда. Найду дорогу. Праведники укажут. Глепш дошел до края земли, где небо с землей скреплено крюками из ольхи. До Сирии идти – не до края земли. Дошли же наши предки...

Отец отвечал на языке той же легенды:

– Да, Глепш дошел до цели, даже просунул голову в небо через дыру, посмотрел по сторонам. Пусто. Хотел вернуться назад – но башмаки оказались изношенными до дыр... Не

ошибись и ты... Без башмаков останешься.

Теперь и мне захотелось посмотреть, как живут наши соплеменники, что они унаследовали от своих далеких предков, покинувших в прошлом родину, чтобы соединить свою судьбу с судьбой единоверцев, живущих вблизи гроба Магомета.

И такая возможность вскоре представилась: меня включили в состав делегации, которой предстояло поехать в Сирию.

Прежде всего, я решил побывать в живописной Гуты, в центре которой расположен Дамаск.

Мать рассказывала мне в детстве, будто пророк Магомет, увидев чарующие сады с сочными плодами, бурю зелени, обилие солнца, прозрачность воздуха, прохладу живописного уголка, создал рай на том свете по образу и подобию Гуты. Как-никак на земле остался оригинал рая, а попадешь или нет в копию – неизвестно.

Я прильнул к иллюминатору, когда наш самолет делал разворот над Дамаском – столицей Сирии, – увидел обширный район зеленых тенистых садов, плантаций, бросавших смелый вызов безмолвной пустыне, которая со всех сторон штурмовала зеленый остров, но при всем великолепии увиденного сказать, что это и есть оригинал рая, было бы преувеличением.

Приземлились. После приветствия и короткого отдыха поехали в город, который, казалось, приседал от нестерпимой жары и духоты. Мы прилетели как раз в полдень.

Первое, на что я обратил внимание на улицах Дамаска – это огромные горы арбузов в тени деревьев. Большие черные плоды напоминали пушечные ядра, отлитые из чугуна. Был май месяц, в Москве арбузами еще не пахло.

Я приглядывался к Дамаску. Кабардинцы называют его Шам. Здесь была напечатана грамматика моего родного языка. Говорят, когда-то выходила и газета. Это были искорки костра национальной культуры, которые не удалось разжечь. Они вспыхнули и погасли. Так вспыхивают и гаснут надежды многих моих соплеменников, которые, живя здесь чуть ли не полтора столетия, все еще мечтают вернуться на землю своих предков.

Нас разместили в гостинице. Я думал, что будет возможность посмотреть город, побывать в музеях, расспросить о людях и, конечно, о кабардинцах. (Здесь их называют черкессами.) Но едва успели переодеться, как нас стали водить из одного правительственного учреждения в другое, от одного государственного деятеля к другому. И ни минуты свободного времени. Я смог лишь навести справку о черкесской колонии в советском посольстве.

Мы отправились в поездку по стране.

Встречи с губернаторами, официальные приемы, знакомство

с историческими памятниками, промышленными предприятиями, научно-техническими сооружениями, торговыми центрами – все проходило точно по расписанию, за которым следил шеф протокола, сопровождавший нас по всем городам.

Как писателю, мне не хватало встреч с людьми, непосредственного общения, из которого я мог что-то почерпнуть: вдруг захочется написать об этом.

Единственный человек, у которого я выуживал кое-какие сведения, был полицейский офицер, ехавший в нашей машине.

В пути произошло следующее.

Обычно наша колонна лимузинов, которую замыкали полицейские машины, шла на больших скоростях. Мотоциклисты впереди расчищали дорогу. Я заметил, какая-то машина пытается обогнать колонну. Полиция не позволила этого, отгеснила назад роскошную машину, в которой рядом с водителем сидела очень милая дама. Попытка вновь повторилась, и опять тщетно, полицейская машина была на страже.

Когда колонна растянулась по широкой магистральной дороге, та же машина неожиданно вырвалась вперед и, преследуемая полицейскими машинами, помчалась на предельной скорости. Началась настоящая гонка. Через несколько минут мы их потеряли из виду, но ненадолго.

На повороте мы настигли водителя, который пытался уйти от полицейских машин. Он был схвачен в «клещи» – впереди одна машина, позади – другая. Деваться некуда. Полицейский устроил мордобой наглому водителю, а дама, сидевшая рядом, даже и не взглянула на это.

Мы помчались дальше.

– Что будет с водителем? – спросил я полицейского офицера.

– Предстанет перед судом за оскорбление советской делегации, – был ответ.

– А такая статья в своде законов есть?

– Нет – так будет, – улыбнулся мой собеседник и повернулся ко мне убедиться, что я понимаю его юмор.

Мы ехали безводной пустыней. Раньше по ней кочевники бродили семьями, пасли небольшое стадо овец и корову. Они не заворачивали стадо, если овцы разбрелись или уходили далеко, а просто брали деревянную кровать, утварь и шли туда, куда шел скот. Ночевали там, где заставал закат.

Бывает, передвигается крупное стадо. За ним тянется ишачий обоз с домашним скарбом. К овцам примыкают газели. Они знают, овец от волков охраняет человек, значит, и они будут под охраной.

Но и волки не лыком шиты. Они на некотором отдалении

крадутся вслед за стадом овец. Все равно какая-нибудь овца за-хромает или зазеваются чабаны. Тогда хищники свое возьмут.

Добычи ждут не только волки. Над ягнятами кружатся соколы. Они видят, куда бредут овцы, и устраивают засады в чахлых кустиках полыни. Хозяева и не заметят, как эти крупные хищные птицы схватят ягненка и унесут.

Недаром богатые арабы любят приучать соколов. Они незаменимы на охоте. Один такой сокол иногда стоит нескольких овец. Есть люди, которые промышляют этим, – дрессируют соколов.

После хоровода пыльных смерчей открылись зеленые поля. У обочины дороги встречаются небольшие кучки арбузов. Остановись – откуда-нибудь вылезет хозяин, готовый продать свой товар. Я в детстве любил арбузы и сейчас с удовольствием бы полакомился. Хочется пить.

Глава делегации словно угадал мое желание. Останавливается колонна. Все направляются к движку, который растархателся на огромную степь. Рядом небольшой насос, который приводится в движение движком. Чистая вода журчит по деревянному желобку, потом уходит в зеленые заросли ячменя и кукурузы.

Мне еще больше захотелось пить. Полицейский офицер заметил это и остановил меня. Он вышел на дорогу, зорко присматриваясь к машинам, поднял руку, и на месте замер длинный «кадиллак». На лакированном боку машины висел брезентовый мешок. Я давно хотел спросить: что это за бурдюк? Оказывается, в них возят питьевую воду. Она от испарения настолько охлаждается, что не сделаешь даже и двух глотков подряд.

Хозяин «кадиллака» оказался шейхом. Он с удовольствием угостил водой всех жаждущих, наполнил брезентовый бурдюк свежей водой и помчался дальше. Теперь для меня легенды, сложенные о воде, о пустыне, становятся еще понятней и наполняются новым содержанием.

В Сирии крестьяне делятся на бесплужников: их преобладающее большинство, то есть батраки, работающие по най-му; одноплужников: люди среднего достатка; и двуплужников: иными словами, кулаки, в руках которых сосредоточены лучшие земли и вода. В Сирии неорошаемая земля ничего не родит, поэтому тот, кто владеет водой, имеет средства орошения, тот и хозяин. В истории известны случаи, когда вода превращалась в оружие.

Противник, которого лишали источника воды, вынужден был сдаваться или очертя голову идти на гибель. Так поступил Халиф Хусейн, когда его войска оказались в осажденном городе.

Противник засыпал канал, питающий город водой, и изнывающие от жажды воины бросились в безнадежное сражение.

Движок с насосной установкой – это новое в жизни арабов. Раньше высшим достижением ирригационной техники было водоподъемное колесо, приводимое в движение живым тяглом, чаще всего ишаком, в лучшем случае буйволом с шорами на глазах, чтобы у животного не закружилась голова от непрерывного движения по замкнутому кругу. Диаметр колеса зависел от высоты берега, на которую поднимали воду, чтобы она из резервуара пошла по множеству канальчиков. В местах, где грунтовая вода не на большой глубине, встречаются колодцы, из которых воду выбирают огромными бурдюками, сшитыми из нескольких шкур буйволицы. Достают воду опять-таки при помощи тягла. Ишак или буйвол в этом случае ходит взад-вперед, подгоняемый погонщиком. Бурдюк то опускается в колодец, то, наполненный водой, вытаскивается на поверхность. Вода сливается в резервуар. От палящего солнца и редкого дождя животное и человек защищены камышовой крышей или тентом из циновок.

Водоподъемное колесо в течение тысячелетий не подвергалось совершенствованию. Лишь теперь допотопная ирригационная техника дождалась революционного преобразования. На Евфрате построена мощная гидроэлектростанция, наполнилось огромное водохранилище, и на сирийские поля хлынула живительная влага. Пустыня услышала шелест колосьев и журчание воды. Маленький движок, нарушающий тишину в пустыне, – прообраз тех изменений, которых ждет сирийская земля. Мы рассматриваем движок с насосной установкой не как новинку. Для нас он интересен тем, что это коллективная собственность недавно созданной кооперации.

Вода в этих местах находится совсем близко – на глубине всего 50–100 метров, но чтобы добыть воду, вдохнуть полям жизнь, необходимо коллективное усилие. Арабы теперь это поняли.

В Тадморе встреча была необычной. Нас ждали не только представители местной власти во главе с губернатором. Встретить советскую делегацию выехал и шейх со своей конницей, насчитывавшей по меньшей мере до двух эскадронов. На обеде шейх, похожий на весельчака-табунщика или завязатого кав-казского тамаду, лет пятидесяти, сидел рядом с губернатором, сыпя шутки и прибаутки.

– Что мне губернатор. У него войска нет, а у меня своя конница. Один налет, и власть в моих руках, – довольный своей шуткой заразительно смеялся шейх, ловко разрывая руками большие куски баранины и уплетая за обе щеки.

В шейхе я заметил самолюбование, желание бравировать своей самостоятельностью, а на самом деле он не играл важной роли в общественной жизни. Я присматривался к его джигитам, будучи уверен, что среди них есть кабардинцы, извечные лошада-ники. Но как ни прислушивался к их разговорам, я не услышал ни одного слова на родном языке.

Кабардинца я встретил в другом месте и неожиданно.

Мы приехали в древнейший Халеб, в Сирии третий город по величине, возникновение которого относится чуть ли не к доисторическим временам. Достаточно сказать, на территории города цела часовня, где, по преданию, библейский Авраам доил корову. Всего в шестидесяти километрах от него произошла битва фараона Рамзеса II с хеттскими войсками. В Халебе родился и правил римский император Элагабала. Сохранился и мавзолей арабского полководца VII века Халеба ибн аль-Валида, с именем которого связаны блистательные победы арабского оружия.

В Халебе каждый камень может рассказать легенду, длиной в столетие. Мы начали с осмотра цитадели, возвышающейся над центром города на сорокаметровой высоте. Она напоминает гигантскую черепаху, несущую на спине целый город-крепость, в которой укрывалось когда-то, помимо воинского гарнизона, семь тысяч гражданского населения.

В цитадели каждый владыка оставил о себе память. Увековечил себя роскошной мечетью с секретными ходами мамлюкский султан Каитбей, выстроил в пятнадцатом столетии тронный зал, турецкий Зиндан – каменную яму – тюрьму. Самая большая гордость Халеба – это университет с тридцатью тысячами студентов. Если цитадель – прошлое Сирии, то университет – настоящее и будущее.

Во время осмотра крепостных сооружений я заметил, что всякий раз, когда мы останавливались около какого-нибудь экспоната, рядом со мной был среднего роста, плечистый, лет пятидесяти мужчина, которому, видимо, нелегко по утрам втискивать себя в форму офицера. Несколько раз мы с ним встречались взглядами, я читал в его карих внимательных глазах желание что-то спросить, но он выжидал удобного случая.

Когда нас пригласили на обед, тот же офицер за столом сел напротив меня так, чтобы смотреть мне в лицо. Дипломатический обед удобен тем, что нет тамады с его бесконечными тостами, которые надо молча слушать и поддерживать. В конце обеда короткий обмен речами, и шеф протокола напомнит главам сторон, что пора вставать. И на этот раз было так же.

Своим ближайшим соседям я роздал по значку с изобра-

жением Эльбруса. Арабы тотчас нацепили их на грудь, а тот, кто сидел напротив меня, не спешил прикалывать. Он рассматривал подарок, поглаживал пальцем белые вершины горы, о чем-то сосредоточенно думал. Потом взглянул на мой депутатский значок и спросил:

– Нет ли такого значка?

– Этот значок – советский флаг, – сказал я, надеясь, что, может быть, узнав об этом, он откажется от такого значка, но его интерес не ослаб и пришлось добавить: – Такой значок могут носить только депутаты Верховного Совета СССР.

– А вы от какой провинции депутат?

И тут все открылось. Узнав, что я – кабардинец, мой собеседник засиял, заговорил со мной на родном языке. Как я до сих пор не догадался, что он кабардинец, хотя бы по одному признаку – мои соплеменники всегда искали работу, связанную с ношением оружия. Они готовы за полжалования нести службу, дай только быть при оружии.

Мой собеседник рассказал о кабардинцах, работающих в Халевском университете, о жизни черкесских поселений вблизи от турецкой границы, о своей службе. Мне хотелось больше узнать от него, такое же желание испытывал и он, поэтому об обеде мы забыли.

Приносили ароматные блюда из бобов, овощей, орехов, солений. Их вкусный запах никого не оставлял равнодушным. Я уже знал, это – знаменитая мацца, еда, которая состоит из десятков разновидностей. Затем знаменитое сирийское блюдо из мяса – шаурма. Блюдо приготавливается искусно. Мясо барашка насаживают на толстый вертел, на конце которого кусок курдюка. Вертела ставятся вертикально к жаровне и медленно вращаются до тех пор, пока мясо со всех сторон не покроется тонкой коричневой корочкой. Повар аккуратно срезает изжарившийся слой и кладет на блюдо. К мясу дают лепешку-самум, соленую репу, мосульский чеснок, огурцы, лук, стручковый перец-турши.

– Это национальное арабское?

Мы перешли на кулинарную тему. Мне хотелось узнать, сохранились ли у соплеменников кабардино-черкесские национальные блюда. Я уже не говорил о напитках – сирийцы ничего хмельного в рот не берут. Даже мой собеседник не притрагивался к вину или коньяку. Оказалось, сохранились, но подверглись серьезной арабской «редакции». У кабардинцев деликатес – индейка в соусе или курица в сметане. В Сирии это можно отведать лишь в «двухплужных» домах. И жареный перец с луком, свежий сыр, койжапха – блюдо из сметаны, сыра и муки или жамуко – из сметаны, пшеничной муки и других компонентов тоже являются редкостью.

Не сохранилась и национальная одежда. Мужчины вместо элегантной шапки из каракуля, которой гордились предки, носят куфию – большой белый платок, на него сверху надевают укаль – двойной жгут из темной шерсти, иногда шитый золотом. Молодые женщины ходят в европейской одежде, но нередко закрывают лицо черной вуалью – хиджабом. Пожилые горожане предпочитают ходить в дишдашах или абаях, длинной до пят рубахе, которую носят и мужчины и женщины. Поверх такой одежды мужчины надевают европейского покроя пиджак.

Но что сохранилось в перевозданной форме?

Калым, плата за невесту. Этот пережиток превратился в настоящее бедствие. Чтобы пожелать долголетия отцу трех-четырёх сыновей, ему говорят: «Да живешь ты, пока не женишь всех сыновей». Эти слова воспринимаются с благодарностью.

Далеко не все одноплучники доживают до того дня, потому что калым высок. Парню приходится годами копить динары из скудного заработка, чтобы жениться. Бывает и так: на много лет он идет в батраки к будущему тестю. Калым – бич и для девушек, из-за высокой платы они очень часто остаются старыми девами и тогда могут рассчитывать только на вдовцов, у которых умерли жены, или седовласых стариков, не сумевших жениться в молодости.

Сохранились и свадебные обряды, хотя и видоизмененные, применительно к арабским условиям.

На помолвку приглашается кады (на Кавказе мулла). Невеста находится вместе с подружками в смежной комнате. От имени невесты переговоры о браке ведет кады, который разговаривает с ней через дверь. На Кавказе представителем невесты выступал брат или кто-нибудь из ее близких родственников. Непокорную девушку приводили к повиновению истязанием. Этот способ не подвергся изменениям в арабских странах.

На свадьбах мужчины и женщины находятся в разных комнатах. У жениха дружок, который следит за обеспечением его интересов. Сохранился обряд, который у кабардинцев назывался шаоишыж – вывод жениха. У сирийцев – лейлатуль дахля, ночное вхождение. До этого жених и невеста не могут увидеться.

Чтобы родственникам, друзьям жениха увидеть невесту, представиться ей, надо преподнести подарок – техапша. В Сирии девочка десяти-двенадцати лет уже считается невестой, но замуж выходят обычно пятнадцатилетние. Лицо невесты закрыто белой шалью – шхатепхо. Раньше у кабардинцев от дома невесты до дома жениха свадебный кортеж двигался кружным путем, если это было слишком близко. Совместная жизнь молодоженов

должна начинаться с дороги. В пути часто останавливались, чтобы где-то в степи подкрепиться. Для этого брали с собой все необходимое. У сирийцев этот обряд преобразился в катанье на легковых автомашинах с песней и музыкой. Кабардинцы в первую брачную ночь, когда молодожены уединялись, в комнату жениха и невесты парни-балагуры бросали через окно живую курицу или кошку, чтобы причинить беспокойство молодоженам. Сирийцы и сейчас сыпят курузные зерна на постель.

О многих свадебных обрядах народы Кавказа знают лишь по рассказам или книгам. Но все это сохранилось у сирийских кабардинцев, как сохранился родной язык, впитавший лишь небольшое количество арабских слов.

– Расскажите что-нибудь из вашей биографии. Вы воевали на фронте? – спросил я своего собеседника.

– Против куроедов? – улыбнулся офицер и добавил: – Арабы называют израильтян куроедами. Они любят даждаж, кур в любом виде.

Оказалось, мой соплеменник служил в танковой бригаде, танкист. Личный состав части состоял в основном из сирийских кабардинцев. Бригада сражалась в районе Кунейтры, на юге страны, где она прикрывала черкесские поселения – около двенадцати небольших сел. Бои были упорные. Танки перебрасывали с одного боевого участка на другой. Противник наседал, атаки следовали непрерывно. Танковая часть стойко оборонялась.

– Куроедов много, но снарядов у нас еще больше! – говорили танкисты, отбрасывая назад наседавших израильтян. Они знали, что за их спиной родные села, и бригада выдерживала любой натиск и не отступала, пока ее не обошли по флангам и не нависла угроза окружения. Лишь по приказу танкисты отошли назад.

Теперь кабардино-черкесские поселения на оккупированной Израилем территории. Эвакуировавшиеся кабардино-черкесы обосновались в Дамаске. Их приняли под свою крышу соплеменники – жители столицы, которые с беженцами делятся до сих пор всем, что есть у них. Беда еще больше сблизила людей и соединила их.

Возвращаясь в Дамаск, я еще не знал, какие встречи ждут меня. Времени оставалось мало. Мне предложили выступить в Дамасском университете с лекцией на тему «Многонациональная советская литература». Хотя в этом качестве мне выступать не приходилось, но пришлось согласиться.

На подготовку времени не было. Выходи на кафедру в акто-

вом зале и говори то, что ты знаешь. Пока переводчик переводит фразу, ты обдумываешь следующую.

При этом у меня был небольшой опыт. Важно не сробеть перед профессорами, которые заняли первые ряды в переполненном актовом зале. Интерес к советской литературе воодушевлял меня.

Но все шло довольно гладко, в основном я опирался на факты зарождения и развития молодых литератур, для которых историческая дата образования Союза ССР стала днем рождения национальной письменности. Получилось так, что я, рассказывая о своей биографии, о кабардинской литературе, речь вел о всех других народах, чье национальное возрождение связано с идеями Ленина, Советской властью.

Затем рассказал о становлении многоязыкой советской литературы, которое проходило не без острой борьбы против того, чтобы замутить чистые воды национализмом и шовинизмом. Известно, что к Октябрьской революции народы пришли не с одинаковым уровнем культуры. У одних была многовековая литература с высокими художественными образцами, у других литература хоть и была, но еще не успела выйти на самостоятельный путь, у третьих письменность только возникла.

Советским литераторам предстояло слить все ручьи и реки, берущие начало из озер, родников или на вершинах гор в единое русло, создать общие предпосылки для эстетического уровня всех национальных культур. Теперь мир видит, каким неопценимым национальным богатством является опыт развития советских литератор.

Лекция вроде получилась. За два часа никто не ушел, и даже после лекции слушатели еще оставались на своих местах. Вопросов было немало. Вдруг кто-то встает и на чистейшем кабардинском языке просит:

– Адыгабзеча уса къеджат! Прочитайте стихи на родном языке. Очень просим! – Голос слушателя тонет в аплодисментах. Значит, кабардинцев много. Пришлось удовлетворить их просьбу.

После лекции я оказался в окружении своих восторженных соплеменников. От них я узнал, что из Иордании приезжали кабардинцы, чтобы встретиться со мной. Они сняли в ресторане зал и два дня ждали моего возвращения из поездки. Не дождались. Уехали.

Мои соплеменники слезно умоляют поехать на встречу с жителями Дамаска в их клуб, который называется хаса – совет. Но как это сделать, если вечером заключительная встреча с государственными деятелями, а утром рано я должен уезжать? Но огорчать соплеменников не хотелось.

– В двенадцать часов ночи, – сказал я, не веря, что в полночь люди соберутся в клубе. Кто-нибудь, может быть, и придет. Но выбора нет.

Я приехал туда около часа ночи. Людей собралось столько, что и половины желающих не вместил небольшой черкесский клуб. Было много молодежи. Даже девушкам, которым следует по строгим сирийским обычаям после вечерних сумерек быть дома, матери разрешили присутствовать на встрече.

Председатель хасы – пожилой человек, но подвижный и энергичный, повел сначала по залам выставки. Экспонировались произведения членов клуба: художников, резчиков по дереву, чеканщиков, кружевниц, вышивальщиц, швейниц. Все, что экспонируется, продается. Вырученные деньги идут на содержание клуба, на оказание материальной помощи беженцам с оккупированной Израилем территории. Цены произвольные. Плати сколько можешь. У клуба есть свой магазин. Его прибыль также поступает в распоряжение совета клуба на те же цели. Правительство, оценив благотворительную деятельность черкесской хасы, в последние годы стало выделять небольшие ассигнования для пополнения кассы клуба.

Для авторов, чьи произведения экспонируются на выставке, одно вознаграждение – благодарность соплеменников, сознание того, что они чем-то помогают своим сородичам, оказавшимся в беде. И те, кто работает в клубе, делают это бесплатно. Они даже не освобождаются от членских взносов.

Меня попросили рассказать о Советской стране, о кабардинцах, черкесах, адыгейцах, об их жизни. Для меня это не составляло труда, тем более это был случай, когда перевод не требовался.

Зал был переполнен, у раскрытого настежь окна теснились те, кому не досталось места в зале. Собранных больше всего интересовала республика, в которой, как два зерна в одном гнезде, живут и набираются сил два народа – кабардинцы и балкарцы, получившие свою автономию, одинаковые права со всеми народами великой страны.

Я рассказал о столице республики – Нальчике, главная магистраль которого названа именем Ленина. К ней примыкает Театральная площадь. На ней монумент – женщина в национальной одежде, горянка, держащая в поднятой над головой руке свернутую в трубку грамоту. На монументе слова: «Навеки с Россией».

В эпоху, когда народ принимал это решение, все адыгские племена были едины, составляли одну этническую группу. Исторические события потом так развернулись, что многие адыги, черкесы, в меньшей степени кабардинцы, поддавшись провокации реакционных сил, покинули

родину и рассеялись в странах Азии.

Те, кто прибыл в Сирию, напрасно надеялись, что им отведут плодородные земли. Арабам самим не хватает ее. Переселенцам указали на голые склоны горы Касиун, у которой раскинулся Дамаск. Выбора не было. Пришлось лепить жилища на горе. И место, куда селили беженцев, с тех пор называется хожратли – переселенцы. Я видел их дома. И мне стало еще более понятно, почему большинство черкесов рвется на землю предков. Заглядывая в далекое прошлое, думаешь: не только пути господни, но и пути народов неисповедимы.

Мне хотелось быть кратким. Но меня не хотели отпускать. Когда еще представится такой случай. Вопросам не было конца. Моих слушателей интересовало все, и каждый высказывал мечту вернуться на родину предков и просил помочь ему в этом.

Меня глубоко тронули слова белобородого старика. Весь вечер он сидел в переднем ряду, подперев под подбородок палку, и не сводил с меня глаз. Старик жестом призвал к тишине и заговорил:

– Как мы не похожи на тех, кого питает земля отцов. Всадник и пешеход. Они начинают дорогу вместе. За околицей всадник умчится, а пешеходу достается лишь пыль из-под копыт. Винить предков, чьи кости давно истлели в земле, грех. Не тревожьте их память. Вы, молодежь, берите свою судьбу в руки. Поверните арбу истории на новую стезю. Мы – зерна, которые высыпались на дорогу из прохудившегося мешка. Зерна, которые колеса могут вдавить в землю или птицы склевать. Такие зерна – добыча случайности. Собрать бы их в горсть, перенести на почву. И эти зерна дадут ростки, новые семена и щедро вознаградят благодетеля.

Откуда придет такой благодетель? Трудно сказать.

На улице уже занималась заря, когда мы, радостные, взволнованные и немного грустные, уходили из клуба. В то утро мне предстояло уезжать на родину. Надо было собрать вещи. С трудом удалось оторваться от соплеменников и вернуться в гостиницу. Со многими я встретился, когда к назначенному часу вышел из гостиницы. У входа стояла толпа. Сначала я подумал, что это те, кто пришел провожать делегацию. Оказалось, провожают не делегацию, а меня мои соплеменники, перед которыми я выступал всего час назад.

Год спустя я возвращался вместе с делегацией из Ливана. Самолет приземлился в Никозии. Мои спутники не торопились выйти под палящее солнце. Вдруг я услышал кабардинскую речь в самолете. Оглянулся. Действительно, какие-то пассажиры разговаривали на моем родном языке. Видимо, муж и жена. Вместе с ними две взрослые дочери. Я заговорил с ними. Это

была такая неожиданность для них и для меня. Но что еще более поразительно, кабардинцы, живущие в Сирии, рассказали о встрече, состоявшейся год назад в Дамаске, соплеменникам из Иордании.

Кабардинец, которого я встретил, накопив деньги, ушел на пенсию, решил совершить паломничество на землю предков – поехать всей семьей в Советский Союз и посмотреть, так ли живут кабардинцы, как об этом рассказывал поэт Алим Кешоков. В Дамаске ему посоветовали найти меня в Москве и попросить от имени всех кабардинцев Сирии и Иордании помочь им включить в туристскую программу посещение Нальчика. И вдруг я оказался в том же самолете, в котором они летели.

В Советском Союзе они увидели своими глазами куда больше, чем я мог им рассказать в ту памятную ночь в черкесском клубе.

Да, мир тесен.

ФЛАГИ НАД ХОЛМАМИ

Встречи и проводы

Когда мы прилетели в Ханой, в аэропорту вот-вот должна была начаться необычная церемония: представителям американских военных властей передавали останки летчиков, погибших во вьетнамском небе. Мы решили задержаться, посмотреть.

Гробики были аккуратно уложены в палатке, неподалеку от которой стоял готовый к погрузке самолет. У палатки расхаживали вьетнамские военные, ожидая тех, кто должен был подписать акт приемки, суетились фото- и кинокорреспонденты. Вместе с гробиками отправлялась за океан вьетнамская земля с могилы, где американские парни лежали под вымышленными вьетнамскими именами: это было все, что они завоевали...

В гробики были положены лоскутки несгораемой ткани со словами обращения американского командования к гражданам Вьетнама – оказывать всемерную помощь сбитым летчикам: предоставить убежище, дать пищу, а при надобности и срочно оказать медицинскую помощь. За все это было обещано «крупное вознаграждение». Писались строки скорее для поднятия духа самих воздушных пиратов, чем для тех, на чьи головы они беспощадно сбрасывали бомбы.

Останки непрошенных гостей провожали руины Ханоя, взметнувшиеся к небу каркасы разрушенных заводских корпусов, развалины больниц, обгоревшие паровозы, огромный, залатанный деревом и металлом мост... Таковую память оставили

они о себе на многострадальной вьетнамской земле.

Едва отъехав от аэропорта, мы увидели встающую на ноги, отряхивающуюся от пепла и пыли столицу ДРВ. В те дни в Ханое проходил конгресс Союза вьетнамских женщин, и, хотя наше присутствие на нем было не предусмотрено программой, мы не могли пропустить столь примечательное событие.

И вот мы в Большом театре Ханоя. Меня поразило красочное многообразие национальной одежды собравшихся здесь. А еще больше – то единодушие, деловитость и озабоченность, с которыми выступали женщины с трибуны конгресса. В своих взволнованных выступлениях они как бы воспроизводили эпическую картину только что закончившейся войны. Иногда слезы бисером вспыхивали в затуманенных глазах, срывался голос, но ораторы быстро овладевали собой, горячо говорили о верности долгу, выражали готовность взять на себя решение задач, связанных с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства.

Боевые ордена, медали и значки, сверкавшие на шелках и армейских гимнастерках, подтверждали: плечи этих женщин выдержали неслыханную тяжесть долгой войны, их слова не расходятся с делом.

Глава женской делегации из ГДР преподнесла конгрессу платок, который она вывезла из сайгонских застенков, где оказавшиеся в плену вьетнамки – бойцы Сопrotивления до сих пор подвергаются неслыханным пыткам. Мне представился во всей полноте героизм вьетнамских женщин в боях за независимость родины, за свои права, за счастливую женскую долю.

Флаги над холмами

Магнитофонная лента, воспроизводившая налет летающих крепостей «В-52» на столицу Вьетнама, вызвала в моей памяти бомбежки, пережитые в годы Великой Отечественной войны...

В ту ночь, когда над Ханоем повисли американские бомбардировщики, казалось, что изрыгают огонь и разящий металл невидимые вулканы, обращенные рокоочущими кратерами к земле. Столбы, деревья взлетали в небо от разрывов бомб. Каменные дома рушились, превращались в дымящиеся груды кирпича, разлетались каркасы построек из бамбука, мельтешили в воздухе клочья циновок.

Но налетчики не остались безнаказанными. Обломки сбитых воздушных крепостей свидетельствуют о мужестве защитников ханойского неба. Близ озера Возвращенного меча выставлены для обозрения экспонаты, рассказывающие о беспримерных воздушных схватках над столицей. Вьетнамские воины

накопили огромный опыт борьбы с вражеской авиацией, приумножили его своим мужеством и стойкостью. Этот опыт тем более ценен, что за каждый урок они платили жизнями многих своих товарищей.

Попробуй попади в самолет, который внезапно появляется из-за горизонта, за считанные секунды обрушивает на землю смертоносный груз и, оглушая своим чудовищным ревом, исчезает. Прежде чем выстрелить в него, надо хотя бы на миг раньше узнать направление полета. Женщины – бойцы отрядов самообороны рыли на холмах окопы, из которых днем и ночью следили за небом, изучали «повадки» вражеских летчиков. Едва заметив зловещие темные точки над рисовыми полями, наблюдатели, если дело было днем, махали красным полотнищем, обозначая направление полета бомбардировщиков, а ночью сигналили ракетой. Те, кому посылались эти сигналы, не отрывали глаз от горизонта. И если отходили ненадолго – сажать рассаду или пустить воду на поле, – они все равно готовы были одним броском занять свое место у зенитного орудия: воевали в прямом и наилучшем смысле слова без отрыва от производства.

Во Вьетнаме видишь, узнаешь немало такого, что не укладывается в рамки наших представлений о войне. Ее здесь определяли не окопы, а дороги. За дороги велись упорные бои. Агрессоры держали их под непрерывным воздушным контролем. Около шестидесяти процентов совершенных на ДРВ налетов приходится на дороги. Полностью прервать, парализовать транспортные артерии – вот цель, которую преследовали агрессоры.

Транспортные магистрали очень часто проходят по насыпям через залитые водой рисовые поля, пересекают множество рек шириной от нескольких десятков метров до двух и более километров. Отсюда – большое число мостов, водосбросов. Кое-где дороги пролегают ниже уровня реки и защищены от нее дамбой.

Враг расчетливо и систематически наносил бомбовые удары по коммуникациям. Например, на мост Хамжонг через реку Ма авиация противника совершила двести восемьдесят шесть налетов. Тогдашний министр обороны США Макнамара самолично пытался покончить с этим мостом. Обосновавшись на флагманском корабле Седьмого военно-морского флота, он руководил воздушными атаками. Но мост Хамжонг долго оставался неуязвимым. Зато над ним было сбито более сотни американских самолетов.

Дороги стали своего рода показателями невиданного мужества и трудолюбия вьетнамского народа. Ночью в реку рухнет мост – днем по понтону двигаются вереницы машин, повозок,

носильщиков. А если магистраль подверглась сильному разрушению и ее не удавалось быстро восстановить – тотчас вводилась в действие резервная дорога, которая до этого была замаскирована.

Большинство из тех, кто охранял дороги, – девушки. Я встречался с ними, они угощали меня кофе. И многое могли бы рассказать, если бы не их чрезмерная застенчивость. В спокойной обстановке, едва поняв вопрос, они вымученно опускают глаза, но ты знаешь, что в бою эти глаза с вызовом смотрели в лицо смерти.

Сейчас одна из этих девушек – студентка сельхозинститута. Ее зовут Ван, что в переводе значит облачко.

В дни войны Ван охраняла свой участок дороги на Хайфон, а в свободные от дежурства часы обсаживала дорогу бамбуковыми деревьями или помогала тем, кто выращивает рис. Если она забрасывала за плечи винтовку, то сразу же брала в руки мотыгу. А в ее судьбе труд и бой соединились воедино. В любой день и час она была готова и сражаться за свою родину, и трудиться на благо ее. Однажды Ван ранило осколком, но она продолжала вести огонь по врагу.

Чем-то похожа на Ван и До Тхи Хоа. Правда, она не такая застенчивая и по возрасту старше. До Тхи Хоа работала полноруком производственной бригады сельскохозяйственного кооператива, а ее военная профессия – зенитчица. По первому же сигналу воздушной тревоги она вместе с подругами занимала место у орудия. И производственное звено уже называлось расчетом, готовым умереть, но не пропустить врага.

До Тхи Хоа рассказывала, как однажды ногу девушки – первого номера – обвила змея в тот момент, когда та поймала в прицел вражеский самолет. Девушка осознала опасность лишь после того, как расстреляла весь боезапас.

До Тхи Хоа достигла поразительного мастерства в артиллерийском деле. Чтобы показать нам свою сноровку, она одним взмахом сбросила чехол с орудия, заняла свое место и, подавая сама себе команду, навела орудие на воображаемую цель. По прищуре глаз, сосредоточенности, четкости движений рук, строгости лица было видно – бывалый воин.

– А как стреляете из винтовки? – спросил я, когда мне шепнули, что До Тхи Хоа владеет всеми видами стрелкового оружия.

– Я никогда не закрываю оба глаза, – лукаво улыбнулась До Тхи Хоа в ответ на шутку секретаря парторганизации о девушках, которые целый месяц учатся правилам ведения огня, сдают экзамены на «отлично», а в бою, нажимая на спусковой крючок, закрывают глаза.

До Тхи Хоа с той же милой улыбкой признается, что

вин-товка при выстреле так ударяет в плечо, что от боли глаза набу-хают слезами, но все равно они никогда не выпускали самолет из виду.

Во время налета авиации молодежные бригады слопатами, корзинами, кирками выжидали в укрытии момента, чтобы, едва прекратится бомбежка, успеть выскочить на дорогу, засыпать воронки – и снова в укрытие. Специальные команды обезвреживали неразорвавшиеся бомбы.

Даже женщины, занятые домашними делами, имели определенную задачу. Каждая из них знала свое место на берегу реки, где были вырыты «лисьи норы». Женщины бежали туда и вели «бухгалтерию» – подсчитывали, сколько бомб сброшено в реку и сколько из них взорвалось. Потом специальные команды извлекали со дна реки и обезвреживали неразорвавшиеся бомбы. Если одной-двух недосчитывались, вся деревня вела поиск, пока не сходилась баланс упавших и взорвавшихся бомб.

А вот шариковые бомбы подсчитывать было невозможно. Их разбрасывали по рисовым полям, залитым водой. Чтобы собрать такие бомбы, требовалось спустить воду. Но тут выручали мальчишки-ныряльщики. Они опускались на дно, ощущали его руками.

Несмотря на страшные разрушения и постоянную опасность, не прекращали свою работу школы. Ученики собирались в тени деревьев. Чтобы уберечь ребят, вьетнамцы мастерили специальную одежду из соломы или камыша, похожую на плащ-накидку с капюшоном. В такой своеобразной «школьной форме» было не очень удобно, зато безопасно и к тому же не жарко.

В дни непрерывных воздушных атак бригады стряпух готовили пищу на всю деревню и разносили ее по укрытиям, чтобы вовремя накормить детей и взрослых...

Рассказам До Тхи Хоа нет конца. Когда в сердце застрянет боль, язык не знает устали, говорит народная мудрость. В мужественном сердце девушки – боль всего народа и своя собственная боль. До Тхи Хоа добровольно записалась в отряд самообороны, когда ей было всего семнадцать лет. Надрезав палец, она расписалась под присягой кровью, как это обычно делали парни, добровольно уходившие на фронт.

И родители До Тхи Хоа воевали. По их словам, дочь хорошо знает о зверствах колонизаторов, пытавшихся превратить народ в безропотных рабов.

В доме соседа хранился большой медный лист, который берегли в память о погибших. Когда До Тхи Хоа подросла, она услышала глубоко потрясший ее рассказ.

Медный лист этот когда-то использовался как плита, под ним разводили огонь, накаляли добела красный металл. Так вот, на эту жаровню колонизаторы сажали тех, кто призывал к

борьбе за свободу. Да только ли сжигали? Бывало, закапывали человека по шею в землю и пускали буйвола с плугом...

Чем больше зверствовали колонизаторы, тем больше воспламенялся гнев народа, закипала ненависть к извергам и жажда мести за гибель мучеников.

Мой товарищ по поездке, ленинградский писатель Илья Штемлер, спросил До Тхи Хоа:

– Скажите, пожалуйста, а замуж не собираетесь?

Вопрос смутил девушку, она притихла, как бы собираясь с мыслями. На ее смуглом гладком лице уже обозначились морщинки. У нее хлопотливая работа, некогда думать о себе. Да и как думать о замужестве, если парней в деревне раз-два – и обчелся. Ее поколение не знало тишины. Война началась задолго до рождения До Тхи Хоа. Первыми ее игрушками были стреляные гильзы. Чтобы помочь ей преодолеть смущение, я пошутил:

– Гость из Ленинграда, видимо, выбирает себе невесту.

Перешли к разговору о свадебных обрядах. По обычаю, например, на севере Вьетнама девушка на выданье ткет впрок три покрывала, расшитые национальным орнаментом. Одно – мужу в подарок, остальные – его братьям. Обычай этот стал входить в быт после революции, когда люди обрели достаток. Раньше восьмилетних девочек нередко выдавали замуж за четырнадцатилетних женихов. Новые законы о семье и браке определили иной возраст для вступления в брак: девушке – восемнадцать, парню – двадцать лет.

У некоторых народов Вьетнама девушка и после замужества, пока не станет матерью, остается в доме родителей. Только убедившись, что их род будет продолжен, родители мужа принимают невестку в свой дом. В знак своего расположения они дарят молодоженам две бамбуковые палочки для еды – символ супружеской пары. Две палочки соединяют ароматы всех яств, говорит народная мудрость, а каждая из них в отдельности ничего не значит.

В сдержанности, в манере говорить короткими, похожими на команды, фразами, в несуетливых движениях До Тхи Хоа угадывается «военная струнка». Многолетняя служба в отрядах самообороны закалила ее характер.

Девичья пора До Тхи Хоа совпала с годами, когда народ боролся под лозунгом «В одной руке автомат, в другой – мотыга».

У вьетнамских женщин удивительно счастливо сочетаются два ярко выраженных достоинства: нежность в оправе мужества и мужество, окрашенное нежностью. Подумав об этом, я спро-

сил о женщине-полководце, чье имя стало легендарным.

– Нгуен Тхи Динь еще не сняла с себя военное обмундирование, – лаконично ответила До Тхи Хоа. Но по интонации, с какой она произнесла имя заместителя главнокомандующего Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама, я понял, что Нгуен Тхи Динь пользуется всенародной любовью и всенародным уважением.

Мы видели ее на конгрессе женщин в президиуме. На военной гимнастерке цвета хаки, рядом с боевыми орденами, ярко пламенела красная роза. Уже не молодая – нелегкая военная служба наложила свой отпечаток на ее лицо, – Нгуен Тхи Динь внимательно всматривалась в лица сидевших в зале женщин и время от времени, встретившись взглядом с боевыми подругами, еле заметно улыбалась и кивала им.

Вполне закономерно, что освободительная война во Вьетнаме выдвинула на историческую арену женщину-полководца. Именно эта многострадальная земля должна была родить и вскормить такую дочь.

Когда в дни конгресса Союзу женщин Вьетнама вручался орден Хо Ши Мина второй степени, в числе принимавших этот знак признания заслуг вьетнамских женщин в национально-освободительной войне, среди тех, кто стоял у знамени, была и Нгуен Тхи Динь.

Скажешь: под сенью этого знамени женщины Вьетнама обретают права человека – звучит вроде бы высокопарно, веле-речиво, но здесь невозможно сказать иначе.

Перевернем лишь одну страницу истории.

Не так много времени прошло с той поры, когда по деревням Вьетнама шастали, как их называли, «девицы из Гонконга», занимавшиеся кражей детей.

Мрачные «девицы из Гонконга» проникали в города и деревни, лакомствами заманивали девочек в закоулки и уводили их. Где-то на берегу была спрятана лодка, которая доставляла украденных детей на остров в океане. Там с ними не церемонились.

– Зубы девочкам покрывали черным лаком, им сурьмили брови, одевали в новый наряд с вышитым на груди алым цветком и продавали богатым китайцам в публичные дома. А тех, кого бог не наградил красотой, везли на рынок. Чтобы родители не могли узнать своих детей, если бы те случайно попались им на глаза, маленьких невольниц держали в мешках из рогами, из которых высывалась лишь кисть правой руки. По ней покупатель определял возраст девочки и назначалась цена.

Накапливавшиеся на протяжении столетий страдания, оскорбления и унижения женщин Вьетнама канули в Лету. Вдохновленные человеколюбивыми помыслами Хо Ши Мина,

они взяли свою судьбу в собственные руки и вместе со всем народом борются за торжество революционных идей коммунистической партии.

В этом – истоки мужества и стойкости вьетнамских женщин. И нет силы в мире, которая бы остановила их на полпути. Только победа – альтернативы нет.

За долгие годы национально-освободительной войны во Вьетнаме погибло огромное количество людей. Сколько? Таких данных нет, по крайней мере, они не опубликованы. Мерилом самоотверженности народа считается не число погибших, а количество пройденных шагов к заветной цели – к полной победе над врагом.

Идя на смертный бой, солдат прощался с друзьями, близкими и родными: кто знает, уцелеет он или нет, но все твердо верили в то, что только победа сведет их вновь. Боевые друзья на севере страны скрепляли свою клятву на верность родине кровью – выпивали до дна стакан вина, смешанного с кровью убитого петуха, – это означает братство до скончания дней. Такая клятва может показаться наивной, но она нерушима.

Гора поэзии

Шахтерский поселок на севере страны окружен цепью гор. Одна из них называется Горой Поэзии. Почему? Потому, что судьба назначила ей быть запевалой удивительной, идущей из сердца народа, нескончаемой песни – песни революции и возрождения. Когда грозные ураганы налегают на скалистые выступы, гора как бы оживает, обретает громовой голос и воскрешает память о героях. Она словно бы не дает людям забыть о революционном долге, поет, постоянно напоминая всем, кто взялся за оружие, что борьба еще не окончена и революцию надо довести до полной победы. Запевала заводит песню, а народ подхватывает ее...

Об этом поведал нам шахтер Тинь Ван Тинь, вот уже четырнадцать лет возглавляющий бригаду. Из далекой глухой деревни нужда привела Тинь Ван Тиня на шахту. Здесь он окончил курсы и быстро освоил советскую бурильную машину.

Для того чтобы ходили поезда, нужен антрацит. Без него не будут доставлены на фронт боевая техника, боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Враг знал это и не раз обрушивал бомбовые удары по шахтерскому городку, стремясь стереть его с лица земли.

Но Гора Поэзии как стояла, так и стоит. Из ее недр добывают уголь. Здесь, на побережье залива Халонг, – одно из самых крупных в мире месторождений антрацита. Толщина пласта

антрацита достигает восьмидесяти метров. Разработка ведется открытым способом. Агрессор не раз вывел из строя технику, прервать же добычу угля ему не удалось.

Случалось, прекращалась подача электроэнергии, оставались механизмы. Тогда шахтеры пускали в ход кирки, лопаты. Но трудней всего было, когда не хватало людей. Каждый агрегат обслуживали девять человек, по три в смену, а тут приходилось работать за троих. Шахтеров, которым выпадала удача сбить вражеский самолет, приносили в забой на руках. И сбивали не так уж редко, ибо шахтеры овладели не только горной, но и боевой техникой, в частности зенитным оружием, которое было установлено на вершине горы. Едва раздавался сигнал воздушной тревоги, как каждый мчался на свое место. Враг ни разу не застал шахтеров врасплох.

Если воздушный налет прерывал завтрак или ужин, для зенитчиков оставляли из того, что было самое вкусное: мясные продукты, привезенные из Советского Союза.

Доставка продуктов горнякам тоже была небезопасным делом. Однажды Тинь Бинь с товарищами вез на лодке рис. В пути их настигли самолеты. Неподалеку разорвалась бомба, и сидевших в лодке поранило. С трудом удалось пристать к одному из скалистых, необитаемых островов в заливе Халонг.

Не имея возможности связаться со своими, раненые вынуждены были остаться на острове, починить лодку. Горняки уже считали их погибшими, а они вернулись, доставив в целости почти весь груз.

Шахтерский городок подвергался бомбардировкам около ста семидесяти раз в год. Из шестнадцати школ не уцелела ни одна, тридцать тысяч домов были превращены в груды развалин, и казалось, бомбить больше нечего. Тем более что лавины с гор – последствия взрывов – довершали бомбовые удары, сметая все на своем пути.

– А где же вы живете? – спросил я Тинь Ван Тиня.

– В пещере. Жилплощадь в три квадратных метра.

– С семьей?

– Конечно. У меня жена и четверо детей. Как говорят у вас в России: в тесноте, да не в обиде.

Обида, конечно, есть. Кровная и общая: обида на агрессора. Тинь Ван Тинь говорит об этом с болью в сердце. Его небольшая семья редко бывает в сборе. Он если не на работе, то в отряде самообороны. Возвращается домой не часто и не надолго. Жена работает на электростанции и тоже занимается в отряде самообороны, на ее же плечах – забота о детях.

– А как же с учебой детей?

– Учатся. Школ нет, а дети учатся. Им были отданы под классы наиболее подходящие для этого пещеры. А вот с

пита-нием худо было. Особенно в дни налетов авиации. Жена на батарее – подносчик снарядов, а если и стряпала – только для бойцов. Поскольку я владею всеми видами оружия, мне прихо-дилось заменять раненых, так что позаботиться о еде не мог. Дети сами готовили пищу как могли, а чаще всего голодали...

Ныне шахтерский городок встает из руин и скоро будет походить на современный город. Таким его сделают зодчие, приехавшие в ДРВ из социалистической Венгрии. Горняки хотят, чтобы их город по красоте не уступал Горе Поэзии. Потому и трудятся без устали. Недавно из СССР поступила новая горная техника. Это и радость и забота – снова приходится учиться. Занятиями по новой технике руководят советские специалисты, им помогают вьетнамцы, обучавшиеся в советских учебных заведениях.

Надпись на автомате

Мы встретились с героем, чье имя достойно того, чтобы его высекли на Горе Поэзии в Северном Вьетнаме, хотя живет он в Южном Вьетнаме. Это Фан Тхань Шон. На его груди Золотая Звезда Героя, пять орденов и двенадцать боевых медалей.

Ему было всего семнадцать, когда он взялся за оружие. Не по приказу. Нет. Добровольно. Страну всколыхнуло тогда патриотическое движение, получившее название: «Найди агрессора и убей его». Этот призыв взволновал молодежь – тысячи хлынули в отряды народных мстителей.

В группе, которой командовал Фан Тхань Шон, помимо него было всего три человека, такие же деревенские парни, как и он сам. Они были горды, что им доверили боевое оружие, и горели желанием скорее найти врага, встретиться с ним с глазу на глаз.

Добровольцы прошли военную подготовку по ускоренной программе. Изучили боевое оружие, а в остальном – проявляй инициативу, ищи врага, добывай себе пищу, не теряй связи со своими. Группа действует самостоятельно, сумей показать, на что ты способен.

Получив важные сведения о противнике, группа приготовилась к бою: юные мстители устроили засаду. В деревню вошли вооруженные до зубов американцы. Их было шестнадцать против четырех.

Фан Тхань Шон, командир группы, решил дожидаться ночи, хотя ему трудом удалось заставить своих товарищей сидеть спокойно, когда американцы на их глазах убили двух стариков, которые не пускали пришельцев в единственный в деревне кирпичный дом.

Американцы установили на подоконнике пулемет, поужи-нали, выставили часового и с наступлением темноты легли спать.

Настал решительный час. План операции был предельно прост. Один из бойцов ползком подкрадывается к часовому и ударом ножа бесшумно снимает его. В этот миг командир бросает в окно, откуда выглядывает ствол пулемета, противотанковую гранату. А двое остальных из-за угла ведут огонь по дверным и оконным проемам на случай, если уцелевшие от взрыва гранаты враги попытаются открыть огонь или спастись бегством.

План был реализован с молниеносной быстротой. Правда, часового не удалось прикончить ножом – пришлось выстрелить, но в этот миг командир группы бросил в окно противотанковую гранату. За ней – вторую... Дал очередь из автомата. В ответ – тишина. Фан Тхань Шон, ведя огонь из автомата, врывается в дом. Ни один из шестнадцати не уцелел. Так юные бойцы открыли свой боевой счет.

Вскоре Фан Тхань Шон уже командовал отрядом. Среди его бойцов было немало мальчишек: он охотно принимал их в отряд. Не знаящие страха, в боевой обстановке они были незаменимы. Пошлешь в разведку – все разузнают и доложат, и кто более ловко, чем они, мог раздобыть продукты питания?

Первый бой с противником, которого поддерживали танки, показал, что и танк не так уж страшен, если тебя ведет на врага страстное желание победить. Батальон американских солдат, под прикрытием двух танков, атаковал деревню, которую занимал отряд Фан Тхань Шона. Его бойцы с противотанковыми ружьями окопались на дорогах, пересекавших заболоченные рисовые поля.

Танки, не встречая огня, ворвавшись в деревню, стали крушить опустевшие дома. Тут-то на них и обрушили огонь бойцы Фан Тхань Шона. Оба вражеских танка были подбиты, а следовавшая за ними пехота, напорвшись на кинжальный огонь, повернула вспять, неся потери. Американцы вызвали себе на подмогу авиацию. Маленькую деревню заволокло дымом, то тут, то там полыхали бамбуковые дома. Около ста убитых оставил враг на подступах к деревне. Мальчики оказались бесстрашными бойцами.

Слова призыва «Чтобы жила Родина» наполняли сердца юных отвагой, решимостью, а боевые успехи окрыляли их. Народные мстители вселяли страх в противника. Солдаты, а в особенности офицеры сайгонских войск, избегали встреч с ними, а если бойцы Сопротивления настигали их, то они предпочитали сдаваться в плен. Их боевой дух ослаб. В этом

Фан Тхань Шон убедился при штурме американской базы в Дананге.

Американские десантники и подразделения сайгонских войск, обосновавшись на базе – ее территория достигала пяти тысяч квадратных метров, – угрожали вновь захватить важный в тактическом отношении населенный пункт, из которого их выбили накануне.

База, опоясанная со стороны суши несколькими рядами укреплений, упиралась в море и была разделена на четыре зоны, каждая из которых имела свою тактическую автономию и располагала вертолетными площадками с четырьмя вертолетами и огромным количеством огневых средств. Словом, враг чувствовал себя в безопасности.

Прежде чем решиться на штурм, патриоты тщательно изучили огневую систему противника, расположение штабов, складов, казарм. Внутри базы возвышались наблюдательные вышки, с которых просматривались прилегающие территории. Поэтому было принято решение атаковать базу ночью: от прожекторов можно укрыться в складках местности или в воде на рисовых полях.

Сначала отряд отретировал атаку, а к двадцати двум ноль-ноль вышел к району сосредоточения. Саперам предстояло проделать в проволочных заграждениях проход шириной в двести метров. Ровно в полночь всем отрядом вышли на рубеж атаки в пятидесяти метрах от базы. Прожектора кромсали ночную мглу. Пришлось залечь.

Лежать в бездействии означало нести бессмысленные потери. Фан Тхань Шон взял с собой трех бойцов, и они поползли вперед. Бесшумно проделали новый проход в проволочном заграждении, и командир отряда подкрался к наблюдательной вышке. Оставив своих товарищей внизу для прикрывтия, Фан Тхань Шон забрался наверх: там стоял американец, довольно рослый, тягаться с ним силой – значило обнаружить себя. Фан Тхань Шон, используя прием народной борьбы, нанес американцу удар в живот, и они оба полетели с вышки. Падая, Фан Тхань Шон изловчился ухватить противника, не дал ему уйти.

Из мглы неожиданно выступил офицер марионеточной армии.

– Кто ты? – по-вьетнамски спросил он.

– Не узнаешь? – Фан Тхань Шон в упор выстрелил в него из пистолета и направился к двум орудиям, из которых открыли огонь сайгонские солдаты. Несколько автоматных очередей, гранат – и оба орудия замолкли. Захваченные пулеметы тут же были обращены против врага.

Теперь путь на базу открыт. Это донесение Фан Тхань Шон

передал через своего связного командиру батальона. Бойцы ворвались в логово врага, завязался ночной бой. Вражеская оборона была дезорганизована. Противник метался из стороны в сторону, попал под ружейно-пулеметный огонь.

Вскоре бойцы ворвались в штаб одной из четырех зон. В бою кто-то из бронейщиков заметил, что в командира отряда целится офицер марионеточных войск, и опередил его, выстрелив из противотанкового ружья.

Над зданием, в котором до этого размещался штаб противника, взвилось красное полотнище.

На рассвете в небе появились американские вертолеты с подкреплением. Зенитчики отряда подбили одну из машин, и когда она с двенадцатью десантниками на борту рухнула на землю, остальные набрали высоту и ретировались.

Рано утром бойцы покинули базу, захватив богатые трофеи, в том числе и автомашины. На одной из них ехал командир отряда Фан Тхань Шон, а за рулем сидел офицер марионеточной армии, безропотно выполнявший все его приказания...

Мое убежище – вода

Южновьетнамского поэта Хай Ле мы застали на отдыхе, где он набирал вес в прямом смысле этого слова; к моменту, когда его отправляли лечиться, весил всего тридцать восемь килограммов. Для заместителя председателя писательской организации одной из освобожденных зон, пошутили мы, слишком мало. Он в тон ответил:

– Боялся ветра. Вдруг подхватит и занесет на оккупированную территорию.

– Зато легко плавать. Можно неделю продержаться, – настраивается на «шуточную» волну и писатель Нгуен Шанг, хотя им обоим не до шуток. Совсем недавно их привезли в тяжелом состоянии – дистрофия. Голодная смерть держала их в своих когтях, казалось, нет от нее спасения.

В Южном Вьетнаме раздобыть пищу не так-то просто. Американские самолеты все облили, отравили химикатами. Всюду голо. В результате грабительских мер сайгонской администрации цены на продукты взвинчены. Это повсеместно привело к голоду. Голодная смерть не щадит даже тех, кто верно служит сайгонским властям. Так, одна из газет сообщила, что старший сержант сайгонской полиции застрелился из-за того, что его зарплаты не хватало, чтобы прокормить семью. По той же причине его сослуживец отравил жену, пятерых детей, покончил с собой. Нищета вынудила поступить так же и многодетную мать: она напоила гербицидом детей, а потом отравилась

сама.

В Южном Вьетнаме насчитывается до ста тысяч наркоманов, ищущих в наркотиках средства избавления от кошмаров, которые преподносит им жизнь.

Бойцы национально-освободительной армии, сражавшиеся в Южном Вьетнаме, в недоступных для врага местах обрабатывали землю, сеяли рис и другие культуры, хранили в надежных укрытиях собранный урожай, чтобы поделиться продовольствием с теми, кто попал в беду. Нашел полянку в тесном ущелье или лесу – засевай. Не тебе, так другому достанется урожай картофеля, батата, репы, лука, капусты. А если обнаружил в потаенных местах засеянный участок земли, обработай, ибо его засеял твой боевой товарищ, который не дожид до урожая.

Немалую угрозу жизни бойцов представляет вечная спутница заболоченных мест – лихорадка. Единственное опасение от нее – хинин. Поэтому, если случай сводит кого-либо из бойцов с людьми, отправляющимися в Советский Союз, первая просьба: привези хинин. Легко понять, как необходим этим людям препарат, который у нас уже давным-давно не пользуется спросом.

– Наверное, в Москве смотрели на них и думали: чего это вьетнамцы по аптекам бегают? – Поэт рассмеялся. – А знаете витамин В-двенадцать? У вас его почти не берут, а у нас он на вес золота.

Хай Ле не только воевал и возделывал огороды, на нем лежала ответственность за журнал, который он редактировал. Журнал требует добротного литературного материала: повестей, рассказов, поэм, стихов и песен. Если материала собрано недостаточно, садись и пиши сам.

– Гонорар бататами? – не унимался Нгуен Шанг.

– Был бы батат, разве бы я так отощал?

Нгуен Шанг подшучивал над товарищами, а когда сам стал рассказывать, посерьезнел. Вспомнил школу в Сайгоне, своих одноклассников. Один из них, Ле Винь Хоа, стал писателем. Его брат, Воф Ен, тоже избрал стезю литературы, но придерживался реакционных взглядов. Между братьями возник конфликт. Воф Ен потребовал:

– Мы, два брата, должны быть вместе.

Винь Хоа отрезал:

– Если будешь служить реакционным силам, ты мне не брат. Мы можем быть вместе только под флагом Сопротивления.

Воф Ен предал своего брата: полиция арестовала его. Но боец Сопротивления недолго томился в застенках. Партизаны освободили его, дали возможность писать. Его произведения, проникнутые великой любовью к родной земле, к свободе, вдохновляли армию бойцов-патриотов.

Винь Хоа мечтал встретиться с братом на поле боя, но не дожил до этого – погиб при попытке взять Сайгон. Погиб не только он. В одной пятой зоны, где сейчас насчитывается пятьдесят членов писательской организации, смертью храбрых погибли десять его товарищей по перу, среди них – две поэтессы. Одну из них звали Тим Чанг.

Нгуен Шанг воевал в долине реки Меконг. Ему есть что вспомнить.

– Мое убежище – вода, а вода не горит. Ее и разбомбить невозможно, – пошутил поэт.

Однажды он просидел в воде с утра до позднего вечера, от прилива до отлива. Сидел в воде и еще умудрялся писать стихи. Рукопись осторожно прятал в лодке, сверху клал гранату, чтобы ветер не унес листки. Осторожно, потому что стоило пойти кругом по воде, как с вертолета открывали огонь. Застрекочет вертолет, опускайся с головой в воду, дыши через шланг. Сайгонские солдаты носились на вертолетах над оголенными берегами.

Более или менее нормальная жизнь начиналась с наступлением сумерек. Иногда даже приезжала театральная труппа или ансамбль песни и танца.

– Какой боевой эпизод был для вас последним? – поинтересовался я.

– С участием «катуши», – живо отозвался Нгуен Шанг.

Узнав, что противник готовит наступление, бойцы Сопротивления решили оказать ему «жаркую» встречу. По приказу командира отряда они разобрали на узлы реактивную установку и автомашину, за ночь все перенесли на танкоопасное направление, собрали «катушу» и утром уже поджидали противника.

– «Катюша» поставила точку над «i», как говорят русские. – Наш собеседник улыбнулся: – Умное оружие.

Бойцы предлагали Нгуен Шангу назвать его издательство «Катюша». Дескать, есть сходство: «катуша» дает залпы и ты тоже выпускаешь не единичные экземпляры книг, а «залпами» – большими тиражами.

Поэт помрачнел. Оказывается, во время налета американской авиации издательство сгорело, сгорели и все запасы бумаги. Под бомбами погиб приезжавший на фронт коллектив ансамбля песни и танца. Не для всех вода – убежище.

Белая птица тишины

Прошло больше года с тех пор, как трепетная мирная тишина легла на рисовые поля и холмы Вьетнама. Трепетная потому, что она сродни залетной белой птице, давно отвыкшей от мест, где более трех десятков лет не умолкала война. Того и гляди

выстрел или взрыв мины замедленного действия спугнет ее. За эти годы выросло целое поколение людей, не знавших, что такое мир и как рождается утро, как тихо гаснет день...

И сейчас обманчива эта тишина. Известно, что в Южном Вьетнаме по заявкам сайгонских властей за истекший год в страну завезено сотни тысяч тонн военных грузов, четыре сотни самолетов. Сможет ли белая птица тишины свить себе уютное гнездо в лесах, где скрыто столько бомб, снарядов и мин?..

Партия трудящихся Вьетнама призывает народ довести до победного конца национально-демократическую революцию, залечить раны войны и усилить темпы строительства базы социализма, воспитывать нового социалистического человека.

Пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама, посвященный этим проблемам, длился три недели. Партия вынесла на обсуждение не только назревшие проблемы жизни страны, но и широкую перспективу, рассчитанную на десятилетия. Закончен только первый этап национально-освободительной войны – изгнаны американские агрессоры. На пути мирного воссоединения Вьетнама по-прежнему стоит империализм, звериный облик которого не изменился. Империализм не утратил главной своей черты – агрессивности, поэтому он является источником постоянной угрозы новой войны, которая может разорить гнездо белой птицы тишины.

Война несет разрушение, мир – созидание. Созидание и разрушение до сих пор составляли как бы непрерывный процесс. На севере из каждых пяти домов уцелел только один. В Ханое в результате жесточайших воздушных налетов американской авиации остались без крова тысячи семей. Полностью был уничтожен больничный городок. За 1973 год здесь построено шестьдесят тысяч квадратных метров жилья.

Темпы строительно-восстановительных работ сдерживаются из-за отсутствия строительных материалов, прежде всего – металла, строительных механизмов. Не хватает квалифицированных рабочих. В таких сложных условиях приходится залечивать раны войны и закладывать базу социализма.

В Ханое нередко можно увидеть, как возводятся дома-временянки из бамбукового каркаса, обтянутого циновками. Есть даже производственные корпуса, построенные таким способом. Вместо окон и дверей – проемы, тоже завешиваемые циновками.

На севере можно встретить деревни, в которых ни в одном доме в окнах нет стекол. Дома сработаны без единого гвоздя, бамбук подогнан к бамбуку. На этот счет вьетнамцы – большие мастера.

Но, пожалуй, самая неотложная задача – увеличение производства продуктов питания. Поля изуродованы миллионами

воронок. Если учесть, что воронки достигают большой глубины да к тому же еще заполнены водой, легко себе представить, какой колоссальный труд нужно затратить, чтобы привести в порядок поля. Но вы не увидите уныния на лицах вьетнамцев. Боевая доблесть уступила место трудовой.

Благодаря интенсивному использованию посевных площадей в ДРВ побежден голод. Улучшается жизнь населения, меняется быт. В каждом уезде открыта средняя школа, а в деревне – начальная. В стране сейчас обучается семь миллионов детей.

«Лечение» больных молитвами уже стало вчерашним днем, ибо в республике создана сеть учреждений здравоохранения. К чести работников здравоохранения уже в семьдесят третьем году в ДРВ не было случаев эпидемических вспышек, хотя еще не хватает медикаментов и часть больниц восстановлена не полностью.

Трехлетний план восстановительных работ рассчитан на 1973 – 1975 годы. Выполнить его – значит достигнуть довоенного уровня.

Трехлетним планом предусмотрено укрепление и расширение системы дамб и каналов, изыскание высокоурожайных сортов семян, увеличение поголовья скота, введение новой агротехники, строительство больших и малых больниц, десятков тысяч километров дорог, пяти тысяч мостов и многое другое. Партия наметила линию преимущественного развития тяжелой промышленности в тесном сочетании с развитием сельского хозяйства и легкой промышленности. Для этого необходимо решить задачи обеспечения народного хозяйства горючим, углем, электроэнергией, стройматериалами, средствами связи.

Переход на мирные рельсы дается нелегко. Куда ни глянь – везде нехватки, экономическая отсталость. Производственные предприятия мелкие, оборудование примитивное. Необходимо произвести их реконструкцию, но без должной энергетической базы сделать это невозможно.

Строительство нового общества – это прежде всего воспитание нового человека, в котором сочетались бы лучшие черты, свойственные нации, и идейная убежденность марксиста-ленинца. Без таких людей даже самое передовое по технической оснащенности производство не даст того, чего ожидает от него общество.

В ходе создания материальной базы нового общества надо решать задачи, связанные не только с непрерывным улучшением условий труда, жизненного уровня, но преодолением старых привычек, мешающих жить по-новому. И пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама уделил внимание даже таким вопросам,

которыми раньше заниматься не приходилось.

Вьетнамцы едят в сутки только два раза. До недавнего времени большинство из них не знало, что такое хлеб. В годы войны в ДРВ не хватало риса, и из социалистических стран стали завозить муку. Вьетнамцы недоумевали: зачем нам эта мука, что с ней делать? Пришлось строить хлебозаводы, приглашать специалистов по выпечке хлебных изделий. Ныне повсюду можно увидеть велосипедистов, у которых к багажнику пристегнуты ремнями длинные булочки из белой муки. Хлеб занял прочное место в рационе вьетнамцев. Встал вопрос и о том, чтобы создать сеть общественного питания, которая не только развяжет руки женщинам, но и позволит разнообразить пищу, балансировать рацион.

В стране возникли дискуссии – не пора ли осовременить национальную одежду? Не только повседневную, в которой легко и удобно ходить и ездить на велосипеде, но и выходную? Не так давно в ДРВ создан институт, который создает новые модели, сочетая достоинства национальной одежды с современными общеевропейскими тенденциями моды. Модельеры уже дают свои рекомендации, и, хотя говорят, что о вкусах не спорят, как не спорить женщинам, когда речь идет о том, как надлежит им одеваться? Пожилые люди не хотят отказываться от национальной традиции, они – за привычную старую одежду. У молодых другие настроения: не отставать от моды, одеться посовременнее и поярче.

Люди нового общества не захотят жить в старых, неудобных, мрачных домах без удобств. Для них надо строить современные дома. А какими они должны быть? С каким минимумом коммунальных удобств? О максимуме пока еще речи нет. Построишь слишком высокие – понадобятся лифты, а это потребует лишней электроэнергии. Создавать ли крупные города? Нет. Только для столицы не должно быть ограничений, а остальные города не должны разрастаться в слишком большие: тогда воздух в них будет чистым, а сами города – уютными и просторными.

Обсуждаются в ДРВ и этические нормы поведения человека нового общества: какими должны быть взаимоотношения отцов и детей, мужа и жены, учителя и ученика; вопросы воспитания патриотизма и интернационализма, уважения к национальным традициям; бережливости и умения экономить.

Новый человек должен любить родину и быть преданным делу социализма – без этого он не принесет пользы обществу.

Каждый, кому дороги завоевания народа, должен бороться с субъективизмом и национализмом, сплачивать революционные силы, вносить свой вклад в укрепление единства, отно-

шений братства между народами социалистических стран, поддерживать революционное движение во всем мире, классовую борьбу рабочего класса в капиталистических странах. Выполнять стратегические задачи коммунистической партии – значит укреплять и сплачивать общественные организации: молодежные, профсоюзные, женские. Молодежь динамична, эмоциональна, оперативна – ее кипучую энергию надо направлять в правильное русло, создавать необходимые условия для ее роста.

Формирование духовного облика социалистического человека невозможно без активного участия в этом процессе всей творческой интеллигенции. Это выдвигает на передний рубеж идеологической борьбы литературу, которая должна развивать свободолобивые традиции вьетнамского искусства.

Писатели с оружием в руках доказали свою верность социализму, готовность отдать жизнь делу победы народа. В своем творчестве они следуют примеру выдающегося мастера художественного слова XIX века Нгуен Динь Тиеу, которого по праву называют поэтом-патриотом, чьи произведения – бесмертный гимн героической борьбы против захватчиков.

Недаром государственная премия Ююнг Вьетнама носит его имя. Начиная с 1965 года она присуждается наиболее выдающимся деятелям литературы, театрального искусства, музыки, живописи, кинематографии и художественной фотографии.

Многие произведения вьетнамской литературы и искусства создавались в окопах и во время походов, вынашивались в сайгонских тюрьмах. Тем большую ценность они представляют для сокровищницы культуры вьетнамского народа. В мирных условиях деятели культуры приобретают возможность сосредоточить все свое внимание на создании высокохудожественных и высокоидейных произведений на актуальные темы современности.

Вьетнамские писатели мечтают построить Дом творчества. Правительство выделило им земельный участок у живописного залива Халонг. На большее писатели рассчитывать пока не могут: слишком много у правительства других нужд. Помочь друзьям решили писательские организации социалистических стран. Болгария, например, уже выделила на строительство Дома творчества сорок тысяч левов. Если учесть, что в Ханое на каждого жителя приходится чуть больше метра жилой площади, то становится понятным, какие большие надежды возлагают на будущий Дом творчества вьетнамские писатели. Правда, в беседе с нами никогда не унывающий, жизнерадостный Хюи Кан, один из секретарей Союза писателей и заместитель министра культуры Вьетнама, не упустил случая пошутить:

– Стихи, которые писались в воде, в огне не сгорят и в воде не утонут.

– Но кто заверит нас в том, что больше не придется ставить на ноги отошавших писателей? – не удержался от шутки и генеральный секретарь Союза писателей Вьетнама Нгуен Динь Тхи.

Мы побывали в окрестностях залива Халонг, полюбовались красотой водной глади. Трудно поверить, что перед нами две тысячи островов. Такое впечатление, что это сумрачный город с голубыми проспектами, площадями и переулками. Вглядишься в нагромождение скал – и кажется, вот-вот к тебе двинутся и заманят в лабиринт каменные чудовища...

Да, конечно, лучшего места для Дома творчества и не придумать – он гармонично впишется в этот удивительный пейзаж. К тому же неподалеку от берега возвышается Гора Поэзии.

Нгуен Динь Тхи с гордостью рассказывал нам о поэтической поросли, готовящейся принять боевую эстафету старших братьев по перу. Многие из молодых поэтов заявили о себе еще со школьной скамьи. О численности поэтического отряда можно судить хотя бы по такому факту: когда журнал «Литература и искусство» объявил литературный конкурс, в нем приняло участие около четырех тысяч человек, приславших двадцать восемь тысяч поэтических произведений разных жанров.

В провинции Хайхынг еще только создается отделение Союза писателей, а читатели уже знают, что в их уездном городке растет, мужает свой поэт Чан Данг Хоа, который с одиннадцати лет пристрастился к творчеству. Местные учителя литературы прочат ему большое будущее.

В Ханое заканчивает среднюю школу девушка, о которой подружки с гордостью говорят – поэтесса. На городском литературном конкурсе ей единодушно присудили первую премию за сочинение. Но путь ее в литературу не прост. Она хочет прежде поработать в гуще народа, узнать мысли и чаяния людей...

Размышления юной поэтессы о месте писателя в жизни вызвали в моей памяти оперу «Бать Виен», которая идет в Ханое с таким успехом, что, даже имея билет, прежде чем попасть на спектакль, приходится пробиваться через плотную стену людей, осаждающих театр.

Тяга людей к искусству, чья жажда духовной пищи не утолена, понятна. Но в данном случае есть свои, особые причины: спектакль обращен к молодежи. В образе Бать Виен (в переводе «Белая птица») зрители видят небожительницу, спускающуюся на землю. В сказочных садах на земле она встречает юношу, который изучает свойства целебных трав, чтобы избавить людей от недугов. Бать Виен открывает тайны природы человеку и

выходит за него замуж, презрев запрет небесных сил. Ей грозят: «Ты лишишься бессмертия, будешь тленна, как и все на земле, если не вернешься на небо».

«Лучше быть смертной на земле и вкусить сладость жизни, чем стать бессмертной в холодном небе», – отвечает она и остается с любимым на земле, чтобы служить людям.

Служить своему народу, отдавая ему всю силу душевного горения, любить родину и бороться за социализм не на словах, а на деле, являть собой пример патриота-интернационалиста в большом и малом, в обществе и в личной жизни – таков призыв партии, обращенный к деятелям литературы и искусства. Этот призыв определяет главное русло развития вьетнамской литературы.

Ручей имени Ленина

Это скорее река, по крайней мере – по моим представлениям, но здесь, где ширину рек измеряют километрами, она названа ручьем и носит имя Ленина. Имя это дал ей «дедушка Хо», как называют здесь Хо Ши Мина, во времена своего пребывания здесь, в горах. Ручей берет начало у высокой, поросшей редкими деревьями скалистой горы, которую Хо Ши Мин нарек именем Карла Маркса. Вершина, стоящая на плечах горных кряжей, в представлении Хо Ши Мина – выражение несокрушимости, высоты революционной мысли.

В пещере, куда ведет еле заметная тропа, в глубине узкого ущелья и скрывался от преследования полиции выдающийся вьетнамский политический и государственный деятель, основатель Коммунистической партии Индокитая, руководитель Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мин.

Экскурсовод просит обратить внимание, какая чистая вода в ручье: она не мутнеет ни зимой, ни летом...

Складки скал Хо Ши Мин использовал как хранилище для своих рукописей и книг классиков марксизма-ленинизма. Он высек в пещере бюст Маркса.

Здесь, у водопада, на виду у высоких гор, под председательством Хо Ши Мина проходил восьмой пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама, принявший важнейшие решения. Пленум разработал программу действия революционных сил страны, открыл им новые перспективы, наметил точную цель, стал новой вехой в истории страны, в судьбе народа.

Пленум календарно совпал с Новым годом – самым красочным и торжественным праздником, который во Вьетнаме отмечается по лунному календарю, весной, как пора обновления природы. И стар и млад готовится к этому празднику. Хозяйки соревнуются в искусстве приготовления древнейшего блюда – новогоднего пирога бань-тинг, имеющего историю длиной в три тысячи лет. Бань-тинг готовится из клейкого риса с начинкой из свинины и перца, снаружи обкладывается зеленой

ПСАЛЪАЦХЪЭХЭР

I. Рассказ. Повесть. Пьесэхэр

КIапсэ кIапэ (<i>рассказ</i>)	5
Нэгъуху (<i>повесть</i>)	19
Альхьо (<i>пьесэ</i>)	52
Гъузгуанэ (<i>пьесэ</i>)	98
Тепщэч къэзылтэгыхь (<i>пьесэ</i>)	145

II. Вид с белой горы

1. Вид с белой горы (<i>повесть</i>)	193
2. Созвездие литератур	409
3. По родной стране	457
4. Шаги по континентам	473

Литературно-художественное издание

Кешоков Алим Пшемахович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ

Том 6

РАССКАЗ. ПОВЕСТЬ. ПЬЕСЫ
ВИД С БЕЛОЙ ГОРЫ

На кабардинском и русском языках

Составитель тома **Хашукаева Фрося Михайловна**

Редакторы *А. Х. Мукожев, Дж. П. Кошубаев*

Художник-редактор *Ю. М. Алиев*

Технический редактор *Л. А. Глунова*

Корректоры *С. Х. Ворокова, Л. Л. Молова, А. Х. Алагирова*

Компьютерная верстка *А. З. Тхаитловой*

Подписано к печати 28.09.07. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная №1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ.л. 28,56.
Уч.-изд.л. 33,33. Тираж 1000 экз. Заказ №186

ГП КБР «Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года»
Министерства культуры
и информационных коммуникаций КБР
Нальчик, пр. Ленина, 33